М. М. ПРИШВИН

Дневники

1938

1939

Санкт-Петербург
2010

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

*Издано при финансовой поддержке
Президентского центра Б. Н. Ельцина*

Пришвин М. М.

П77 Дневники. 1938–1939 / Подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой; Статья, коммент. Я. З. Гришиной. – СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2010. – 608 с.

Книга дневников 1938–1939 годов продолжает издание литературного наследия писателя.

Первая книга дневников (1914–1917) вышла в 1991 г., вторая (1918–1919) – в 1994 г., третья (1920–1922) – в 1995 г., четвертая (1923–1925) – в 1999 г., пятая (1926–1927) – в 2003 г., шестая (1928–1929) – в 2004 г., седьмая (1930–1931) – в 2006 г., восьмая книга (1932–1935) – в 2009 г., девятая книга (1936–1937) – в 2010 г.

Публикуется впервые.

*При оформлении форзаца и нахзаца
использованы фотографии М. М. Пришвина
1938–1939 гг.*

УДК 882
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-94668-077-6

9 785946 680776

М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1938

1939

1 Января. Летит редкая пороша. Петя учит Леву на мотоцикле. С Петей высказывали друг другу свое горе о разрушении таких сложных и редких организаций, как Мантейфель и Мейерхольд. Вместе с тем подумали о всем повороте на «нового» человека и, как все, ничего в этом не понимали по существу. Единственно, чему порадовались, это назначению Смирнова комиссаром военным и рядом с ним заместителем наркома обороны Мехлиса: собственно Мехлису обрадовались: Лев Захарыч что-нибудь выхитрит и под войну нас не подведет. Вот...

Решил выбросить из числа верных людей всех, кроме единичных столпов, совершенно неколебимых. И для себя, своего спокойствия, и из-за них самих. А то ведь каждый раз, как сказал кому-нибудь лишнее, через некоторое время одумаешься и раскаешься: «Зачем я сказал!» Понятно, что при этой одумке допускаешь возможность доноса. И, значит, каждый раз, когда с кем-нибудь заводишь сомнительный разговор, — тем самым оскорбляешь его. И, значит, разговаривать о некоторых вещах теперь вообще неприлично. Быть может, Куприяныч неглупо советовал повесить у себя какой-нибудь портрет и тем определить границы разговоров.

Закрепляю решение перейти от охотничьего положения на инвалидское.

Вальбе сетует, что нет меня в газетах и журналах, называет это «отставанием». А мне это и хорошо: пусть что угодно думают. Я замру, исчезну и вдруг воскресну.

Титов сказал: «писатель отсиживается». Это плохо, значит, я не один такой, и в «инвалиды» попасть не так-то уж просто.

2 Января. После обеда выехал в Москву. Попал в Архангельский поезд, в курящее, смрад! Но тут же в этом смраде где-то чудесный хор поет старинную русскую песню. И многих простых людей песня схватила за сердце: кто подтягивал, кто мычал, кто хрипел, и так про себя, так потихоньку, что не только не мешал, а усиливал силу песни: выходило, что народ пел. Во время перерыва песни перед заходом новой один человечек, чуть-чуть навеселе, сказал:

— Хорошо поете, только старое все: кто старое помянет, тому глаз вон.

Из хора ему ответили:

— А кто старое забудет, — тому два глаза вон.

— Нехорошо говорите, — сказал человечек, — нужно бодрость вносить в новую жизнь, а вы вон что: старое воскрешаете, старое надо вон.

— А Пушкин? — раздался неведомый голос.

Сторонник нового на мгновенье смутился, но скоро оправился:

— Пушкин — единичное явление, Пушкин мог тогда предвидеть наше время и тогда стоял за него. Он единственный.

— А Ломоносов?

— Тоже единственный.

— Нет, уже два, а вот Петра Первого тоже нельзя забывать, — три.

И пошел, и пошел считать, чистая логика! В вагоне стало неловко: всем было ясно, что и Пушкин не один, и народную песню нельзя забывать. Но один человечек, и то выпивший, поднял вопрос, и раз уж он поднял, то надо как-нибудь выходить из положения: не в логике же дело. Тогда хор запел: «Страна наша родная». И все охотно стали подтягивать, песня всем была знакома. Однако виновник не мог слышать, он уже спал. После того опять запели новую песню о Сталине, потом военный марш, и все это было всем знакомо, и все охотно пели до самой Москвы.

Так вот единственный человечек, и то выпивший, нашелся во всем вагоне, один, кто посмотрел на пение принципиально и весь наш вагон поставил на новый путь. <*Зачеркнуто:* Мы приехали в Москву с новыми песнями.>

В маленьком, в капле воды можно видеть вселенную, и в том маленьком человечке я видел Ленина.

И вот на таких-то человечках, посыпанных в народе, как мак мелкий, и незаметных, и стоит весь Союз.

Заметить себе этот тип и анализировать его, начиная с Алексинского рабочкома: тут и есть родник власти. В этом и Ленин, тут все «против», и тут пораженец.

Смотрел фотовыставку. Есть удивительные вещи. Эффект фотографии от печатания, ретуши и т. п. И сколько Сталина! и везде он «снимается», а не «выходит». Сталина снимать надо в действии, но его действие от нас скрыто...

Принес домой гипсовую голову Вольтера и в ужас привел Аксюту: «Какой это неблагодатный человек!»

Пришлось завернуть в газету. Завтра унесу.

В доме где-то печка хорошая, и оттого везде тут тепло, приходят люди, наслаждаются теплом, уютом, беседуют, читают, поют, сочиняют. Тепло! а нет никому никакого дела до печки. Но человек, женщина ведь тоже как дом, тоже топится и тоже уют. Почему же тут так часто приходят и, недолго думая, прямо и лезут в самую печку?

Вспомнилось, как в лесу мы заблудились и потом, учуяв запах табака, пошли по запаху и поняли, что лесник курил и метил деревья. Одно время запах оборвался, мы шли по меткам. А когда метки кончились, лесник закурил, и мы опять шли по запаху.

Я могу с большой пользой для себя и для всех жить, как Гамлет, как Фауст, как всякий центростремительный тип, пока хранится во мне достаточный запас Дон Кихота. Печорин, нигилист и всякий такого рода пораженец в своем отечестве возникают, когда иссяк родник Дон Кихота.

Во мне еще такой огромный запас устремленности в далекое лучшее, что...

4 Января. Разговоры с Андреевым в «Детгизе» и организация детских писателей.

Вечером А. М. Коноплянцев и беседа с ним о «призраках» (т. е. о том, как самое незначительное существо (несу-

ществующее или в пьяном виде) может терроризировать целый вагон, целое собрание). Еще говорили о том, что вся надежда на Льва Захарыча и что Розанов не дожил до того, чтобы описать «[весеннюю] пору» русской революции. Появление Антиноя.

5 Января. Утром бродил по улицам. Купил энцикл[опедический] словарь Брокгауза, чтобы вспомнить об Антиное.

Вспомнился «Профессор» (Александров). Он отупел оттого, что хотел сделаться профессором и не мог: остановился на приват-доценте. Только страдания на смертной постели освободили его от «профессора», и лицо его стало прекрасным (это сделал «дух», который веет, но не работает, не достигает). Между тем Тарасиха на вопросы: «В чем вы его положите?» отвечала с гордостью всем: «Конечно, в профессорском». Народ собрался, многие только с тем, чтобы посмотреть, что это значит: «в профессорском». И это оказалось в обыкновенном синем вицмундире, какой носили в наше время все учителя. К этому рассказу параллельный рассказ о смерти Ильи Николаевича Игнатова.

Читаю «Асю» Тургенева, которую совершенно забыл и вспомнил только одну строчку о запахе конопли, столь редком в Германии. Почему осталась в памяти конопля, и почему Тургенев вообще скоро забывается? В чем тут дело?

Вчера в разговоре с Коноплянцевым сказал, что Гамсун чувствует природу и пишет не лучше меня, но он свободнее. А. М. понял это в смысле «объективных» причин, сжимавших мое писание. Но сам я так не думал. И так оно и быть должно: пусть со стороны потом найдут причины, повлиявшие на сужение моего таланта. Сам же до смерти должен биться с условиями и причины неудач относить только к себе самому. И потом, что значит «свободнее»? Я думаю исключительно о свойстве самого таланта: вот у Тургенева более свободный талант, чем у Достоевского, но удельный вес письма Дост[оевского] больше тургеневского. И я думаю, что удельный вес «Корня жизни» больше, чем «Пана».

Хожу кругом около своей «Были» и чувствую, что могу загореться и написать вещь одним духом, но не решаюсь как-то взяться.

Перед тем как хорошо написать, рушатся «леса» трудных придумок и открывается совершенно простой путь, и все дается на этом пути так легко, что кажется, будто вовсе напрасно перед этим трудился.

Так и сейчас вот мне хочется писать без всякого дальнейшего раздумья о строительстве канала, прямо о мальчике...

Довольно, правда, помучился, приступай и пиши одним духом.

Просто беда с политиками, имеющими претензию судить о художестве.

Появился Пяст, от которого я спрятался и притворился больным. Лет уже вот так 25 он появляется, и я прячусь, и попадаюсь, и вечно мучусь, и он вечно думает, будто я желаю его видеть и с ним говорить. Что это?

Мне кажется, что он вообще все понимает, что ему говоришь, психологически самое сложное, самое трудное. И в то же время все это им воспринимается чуждо для твоей личности: как будто не ты ему говоришь, а ветер доносит или чудится в шелесте листьев или рокоте ручья или толпы. Вдруг почему-то улыбнется, вовсе не считаясь со смыслом твоей речи: кажется, должен бы заплакать, а улыбается, ты вообще тут ни при чем, и от этого-то и тяжело до крайности. И тут его безумие, а воспринимает он все правильно. Скорее всего, пожалуй, он скрытый безумный эгоцентрик, такой же, как и А. Белый, но, поставленный в условия необходимого общения с людьми, вечно он трется около людей всякого рода...

6 Января. Сочельник Старого Рождества.

Разобрать — что музеи глушат восприятие красоты = та же вещь дома у себя бывает другою. На этом и основано украшение своего жилища предметами искусства. Так что красота на вокзале должна быть особенная (Каганович).

Исток этой красоты: я — хозяин (строитель) = такая красота из полезности (напр., красота прочности).

Из рассказов Аксюты: сватался к молодой жене, а та не хотела идти за него из-за дочки: убери и пойду. Вот он стал делать гробик и говорит девочке: «Это я домик тебе делаю, ты скоро к маме пойдешь». Девочка пришла к бабушке (матери своей мамы) и говорит ей: «Бабушка, мне папа домик делает и говорит, я скоро к маме пойду». (Преступление было раскрыто.)

Вспомнились «Панки» — как сюжет для приключенческой сказки. И еще сюжет о глухом и слепом.

Какой это ужас, представить себя в положении мужа красавицы. Тем оно ужасно, что раз она красавица, то тем самым она свободна и требовать от нее ничего нельзя, напр., верности: никак нельзя, и единств[енный] путь сохранить ее возле себя — это заслужить. Ее связать можно только своей любовью, верностью и тем высоким смирением, которым преодолевает человек свою неудачу. — Да, пожалуй, это и есть средство единственное.

Не была она красавицей, но такой я себе ее вообразил и предъявил к себе такие требования, каких не мог вынести. После того пришлось мне переживать себя, как будто у меня была жена-красавица, имеющая право принадлежать всем. И тут очень легко могла произойти замена «музой», потому что «красавицы»-то ведь не было, а был только предлог возбудить во мне дремлющий «процесс», или движение, или самоанализ, посредством которого я стал всех понимать. Тут дело в каком-то коренном чувстве собственности: самоутверждении, так что лишенный этого человек стреляется или... так или иначе, а тут чему-то смерть, и чему-то существенному, после чего остается лишь «сверх», скажем, легенда.

Из обмена мысле-чувств с А. М. Коноплянцевым. 1) Что вся вера в «прогресс» основана, конечно, на том, что когда человек находится в недоумении или пуст лично, то ему надо бывает схватиться за что-то вне себя: и вот эта иллюзия о мире внеличном, движущемся к лучшему, и есть «прогресс». На самом деле мир всегда одинаков и стоит, отвер-

нувшись от нас. Есть, однако, у человека возможность иногда заглянуть миру в лицо: и вот в этом и есть все наше счастье, заглянуть миру в лицо.

2) Я был образцовый неряха и плохо мылся. Но у меня теперь ванна с краном-смесителем, личная домашняя работница, умеющая хорошо стирать белье, — и я стал образцово-порядочным и чистым — значит, можно же, изменяя среду, влиять на личность? — На внешний вид личности в смысле «прогресса».

Большевизм остается неизменным, меняется область его нападения: то это были землевладельцы, то купцы, то интеллигенция, то самая партия как враг... Что дальше? Дальше нужно бы с кем-нибудь воевать.

Разговор с Пермитиным: 1) Детиздат 2) Зуев, Огнев и пр., литерат[оры]-[охотники].

История моего музея: как был куплен Антиной: Вас. Ив. знал, что фигурка взята из имения, имевшего отношение к убийце Пушкина Дантесу. И когда я стал приставать к нему, скажи, что да кто, он, наконец, краснея, сказал: «Не Дантес ли?» — «Нет, — отв[етил] я, — это из эпохи Рима». Постоял — все лучше и лучше. Надо покупать. Сколько? Ошарашил. И мне пришлось: а если Дантес?

Кто был Антиной? Купил из-за него словарь Брокгауза 86 томов. Покупка Вольтера. Неблагодатная фигура. Променял Вольтера на [Антиноя] (опыт с гипсом: гипс — мертвечина; искорка мрамора).

Так вот и началась моя охота за живыми созданиями, которых не надо кормить, поить, водить на прогулки, чистить их место. Кто-то когда-то много мучился, их создавая: он, конечно, перенес все, что переносит человек, ухаживая за живыми созданиями, и еще больше! он перенес смерть любимого существа и в конце концов, как бы прощенный, совершенно свободным движением создал живое существо, за которым человеку не нужно ухаживать; напротив, чудесное произведение искусства само следит и ухаживает за чистотой души человека.

Вот я так и начинаю свою охоту в Москве — так вот и начинаю.

7 Января. Рождество.

Нашел в музее Антиноя: да, у меня Антиной.

Слух о Кольцове – председателе Союза писателей. И это возможно, и это будет концом, и это надо будет перенесть: еврей-журналист, хроникер станет на место писателя. Впрочем, о чем я тоскую? Все же это халифы на час. — Надо благодарить, что дали народу Пушкина, усвоят Пушкина, а председатель тогда настоящий сам явится.

Слетел Накоряков! А дня два тому назад (быть может, в тот час, когда он слетал) мне про себя захотелось, чтобы он ушел: чем[-то] надоел, а чем — сказать не могу: курносый какой-то — и все. Мне стало казаться, что так нельзя, все меняется, а Накоряков сидит. Так что долго мозолить глаза, сидя на одном месте, нельзя. Настроение самое паршивое, так что даже неприятно бурчит в животе.

Когда на душе становится тошно, то целительно действует приведение чего-либо в порядок, а также хорошо заняться исправлением чего-нибудь, часов, автоматической ручки — когда исправишь, то становится хорошо.

8 Января. Немного потеплело. Подписал договор на «Журка» и «Еж» и обещался к Маю приготовить четыре рассказа для маленьких. Обещался к 1 Февраля приготовить том для юношества и наметил вопрос о Лесной энциклопедии.

Будущее как принцип есть обман: для нас в этом смысле будущего нет, будущее смерть. Но оно существует в виде младенца — дети наше будущее, и все наше лучшее в детях.

По выходе из музея античной скульптуры всякая человеческая голова на улице была значительна и скульптурна: как будто вынес с собой луч худож[ественного] прожектора. Вот если бы это всегда иметь внутри себя и с этим ходить по улицам. Похоже на лесные снежные фигурки: там и тут мир показывается в красоте своей бесполезности. Так что есть и <u>красота бесполезности</u>, тоже вот дым, облака. Есть ли, можно ли так сказать: <u>красота полезности</u>?

чем, кому полезен был юноша Антиной, утонувший в 130 году на 20-м году своей жизни? А вот его статуя стоит теперь у меня, освобожденная от всякой полезной службы.

Когда я вышел из музея и головы людей на улице предстали мне скульптурно, в то же самое время у меня поднялось сочувствие к человеку, музей оказался полезен тем, что «чувство доброе он...»

— Революция — это организованный политически самосуд с его обязательными жертвами, в революции «боги жаждут». И мы, христиански жалостливые или просто гуманные, сочувствуя жертвам, неправильно судим революцию.

— Позвольте! — возразил N. — Вы хотите освободиться от жалости, это я понимаю очень хорошо, но вот в том-то и дело, что не видно сейчас, из-за чего же все эти жертвы людьми: дело это, взять производство, при устранении вредителей не улучшается, остается без перемен. Вот взяли из Гослита Накорякова, от этого лучше не будет, почему?

— Потому что не в Накорякове дело, что писательство смешали с журналистикой, не Союз писателей, а Союз журналистов: пройдохи-журналисты взяли верх...

— Так и везде: система виновата, а не исполнители: если, напр., завтра война, а мы занимаемся поэзией, — это же глупо. Но и поэзию выгнать нельзя, и потому берет верх поэзия военной пользы.

— Пусть, но почему же и там, именно в самом главном, обороне страны, то же самое вредительство: устранение людей без улучшения в деле?

— Быть может, Верх[овный] Совет, когда соберется, прольет нам свет в эту сторону.

Тема — это вера. С одной темой не напишешь. Нужен еще талант и мастерство. А бездарные любят именно навязывать тему, как и верующие думают — он верит, и все должны верить.

Ссылка писателя на «объективные причины» — все равно что ссылка борца на противника: противник, мол, сломил меня. Так у писателя его среда всегда является против-

ником, и вот уж нельзя-то ссылаться на среду: надо ее победить.

9 Января. Романтизм — это значит душевное признание. Прогресс — регресс — все равно: немцы с романт[измом] назад, французы вперед.

Романтизм — душевность. Говорят, крокодил, поедая жертву, роняет слезу — это романтик.

Вот почему в адресе: здоровый, советский.

Ремизов — романтик.

Параллель: коммуна — страна непуганых птиц.

Жизнь романтична, а литературный романтизм тогда здоровый, когда жизненный.

9 Января. День прошлялся по Кузнецкому и, с тысячью р[ублей] в кармане, все покупал и ничего не купил. Полезное занятие...

10 Января. Продолжаю ничего не делать. Только читаю немецкую «Серую Сову» и вижу, что книга будет замечательная.

11 Января. С утра выехал в Загорск. По пути понял, почему, когда выходишь из музея скульптуры, то вглядываешься в каждую отдельную голову человеческую с интересом, и понимаешь как некую значительность, и думаешь вообще, — как интересен, как значителен человек на земле, и чувствуешь охоту к родственному вниманию. Наоборот, когда идешь на улицу «по делам», то видишь какую-то серую, жадную массу, жестокую, ужасную, и думаешь о будущих гибельных последствиях размножения и т. п.

Все это вот почему. В музее скульптуры показан человек как личность, тут художник проникает внутрь человека и открывает смысл его и заражает другого смотреть тем же глазом родственного внимания на другого человека. Напротив, на улице без этого мы видим массового человека без души, участвуем в его жадности, мы видим человека извне и чувствуем, до чего же он плохо и даже прямо ужасно

живет. Мы видим там, выйдя из музея, как мог бы жить человек, и без этого видим, как он живет...

В поисках Павловны бродил по Загорску и чувствовал, как будто от кого-то ужасного ушел: кого-то на улице нет ужасного с его «темпом», идут, едут люди как люди, а не гонят их, и мальчики катаются с гор на салазках, и девушки так мило несут воду на коромыслах.

За живым существом надо ухаживать, а предметы искусства собирать.

12 Января. Написал рассказ для маленьких детей «Утенок-стахановец». Необычайная трудность этих рассказов состоит в том, чтобы добиться той глупинки, или наивности среды, единственно в которой только и может плавать шлак мысли. Трудность рассказа состоит в непременном усложнении его, когда вынашиваешь. И вдруг все выношенное, мыслимое расслаивается, и с таким трудом придуманный сюжет распадается на куски, и один маленький кусочек его только и делается нужным, — это плюс та вышеназванная наивность тона.

Вызвал Петю. (Оттепель, пороша: охота прекрасная.)

Вечером был Яловецкий, и Петя приехал. В связи с началом деятельности Верх[овного] Совета говорили о пережитом крайнем разложении народа. Логический вывод из пережитого, казалось, был желанием стать под начало народа более высокой культуры. А не логически хотелось самого обыкновенного счастья народу, и, главное, к этому и вера была. «Умом не измеришь».

Необычайна жизнь этого человека, замечательного писателя и зверолюба, индейское имя которого Вэша-Куоннезин по-русски значит Серая Сова. И так на всех языках теперь принято переводить его имя и его рассказы и повести называть «Рассказы Серой Совы», потому что кличку «Серая Сова» он получил за ночную свою жизнь, необходимую ему для лова пушных зверей. У нас совсем ничего не знали об этом замечательном писателе и человеке. Я познакомил-

ся с ним благодаря счастливому случаю. В Англии перевели мою книгу «Корень жизни» и прислали мне много рецензий, в которых некоторые называли меня <*зачеркнуто:* второй Серой Совой> родным братом Серой Совы. Я, ничего не понимая, запросил издательство «Melrose» в Лондоне о Серой Сове, и мне выслали [его книгу] сразу.

Странно, как свела судьба меня с родным моим братом. В Англии укрепился прекрасный обычай находить корни писателя в интернацион[альном].

«Бобры». Я решил пересказать эту книгу по-русски...

Это книга не выдуманная, а рассказ о собственной жизни, совершенно необычайный. Серая Сова был сыном одного английского скаута, который приехал в Канаду и там женился на коренной индианке. Сын его...

13 Января. –2°. Охотились с Петей и Яловецким. Убит беляк. Но гонять нельзя, собаке снег по уши, идет шагом. Болела голова до смерти.

Читал у Серой Совы, как он шел в метель из города, послав рукопись, и думал, что непременно вещь его напечатают, и он пробьет свою тропу в мире, и что тропа эта будет его личным делом вопреки всему на свете, как все равно вопреки всей этой метели он идет [к себе] домой. И в то время как он себя считал чуть ли не хозяином вселенной, он не принимал во внимание того, что ни одной снежинке не мог он приказать не падать или вернуться опять туда, откуда пришла. Это замечательное изложение личной веры я проверил на Яловецком, народнике: 20 лет видеть разложение народа, попрание всего святого в народе и в то же время верить в него, радоваться распространению Пушкина и т. д. С одной стороны — непреодолимая сила падающих снежинок, с другой — личная тропа с ее всемогуществом.

Тепло, тихо, идет крупный снег. Пытал Петю, не хочет ли он перейти на службу ко мне. И когда он сказал, что там, на службе в Пушкине, он днем спит — решил, что ко мне ему идти нельзя: никакие мои усилия не могли остановить его от послеобеденного сна.

Разговаривал с Павловной о счастье в старости не зависеть от детей: это счастье! И вообще, какой я счастливый! Надо это самому понимать и тем питать самоуважение.

15 Января. Разделывал рассказ «Утенок-стахановец». Отправляюсь в Загорск за адресом «Melrose» (выписываю книги) и Серой Совой (принимаюсь за книгу Серой Совы).

Melrose (Associated Publishers Ltd) London.

16 Января. Приехал в Москву. Доделывал рассказ «Стахановец».

17 Января. Начал писать «Индейцы». Ходил к Бабушкиной в «Детскую литературу». Читал «Стахановца» с успехом. Решил у них напечатать. Подписал договор на сборник «Календарь природы».

Живу возле Третьяковки, и мне это приятно, хотя туда не хочу и ничем не пользуюсь: просто живу возле — и то хорошо.

18 Января. В раздевальной «Детгиза» старик со спины совершенно Фаворский — я хотел уже позвать: «Владимир Андреич!» — как вдруг он громко сморкнулся и побежал, так живо побежал, так по-мышиному, так несвойственно своему возрасту, сединам, высокой фигуре, что я понял: это не Фаворский. И тут же почему-то вспомнился О. Ю. Шмидт: тоже как-то слишком живчик для своего возраста и бороды.

Галина и Лева напросились на обед: суп, плов, компот или кисель. А Левин поехал с Шурой в Загорск, потому что Т. Бор. уезжает к мужу на Дальний Восток.

Когда человек, погруженный в дело, на мгновенье вырвется из влекущего его влияния и захочет посмотреть вам в глаза как человек, а не машина, то лицо его бывает хорошо. Особенно это заметно у деловых женщин: работает как механизм и вдруг глядит как женщина (Подольская, Бабушкина).

Берут одного за другим, и не знаешь, и никто не может узнать, куда его девают. Как будто на тот свет уходит. И чем больше уходят, чем неуверенней жизнь остающихся, тем больше хочется жить, да, жить несмотря ни на что! Так вот бывает пир во время чумы.

Приезжал охотник Тупицын. Пожалуй, весною к нему.

19 Января. Сон привиделся такой, будто я с какими-то книгами и тетрадями (вероятно, мои сочинения) пробрался в ее дом и ночевал, лихорадочно работая над штепселем от лампочки. Я все еще возился, собирая штепсель, когда настало утро и где-то близко послышался голос ее отца. Потом раздались шаги ее брата (какого не было, или я не знал) по лестнице, и он вошел с товарищем в мою комнату. Оказалось, что брат ее М. П. Малишевский. Я чрезвычайно смущен, я призываю себя ко всему мужеству, на какое только я способен. Никакой сладости, обычной в таких сновидениях, одна тревога и кошмар. Все-таки замечательно, что снится через 36 лет.

Решено идти в 4 веч. на демонстрацию.

«Постановление» (историческое), второе «головокружение»... Как и тогда, тоже некоторые глупо рады, некоторые погибнут за «перегиб».

На демонстрации: пробка и замерзание, побег.

Встреча с больным, в котором вижу сотрудника по «лесу».

Подвесной мотор.

Разговор о верующих рационалистах и о том, что, может быть, Ленин является завершением всего этого этического миропонимания, включая сюда и народников (Г. Успенского, Дуни́чку *, Илью Ник. и др., вся интеллигенция). Найти его философский том «Эмпириокритицизм и диалектич[еский] материализм».

20 Января. Купил подвесной мотор за 1600 руб. К 1 Марта надо и лодку из Загорска и мотор отправить на место. А сейчас, в Январе, взять лодку из Нового.

* *Дуни́чка* — орфография автографа.

Приходил директор Союз-фото и просил меня дать мою карточку для воспроизведения в газетах 4-го Февраля: день моего 65-летнего юбилея. Разговорились. Я сказал, что не очень-то слежу за своими юбилеями и не очень люблю:

— На что это?

— А как же, — история! без этого не может быть истории.

— Пустое! надо написать хорошие книги: вот история, а какая это история — высчитывать, когда родился, когда женился...

— Нет, без этого тоже нельзя. Никак не может быть без этого истории: не дадите дат, будут искать, и много для этого будет потрачено труда, средств.

Он привел несколько примеров, и я убедился, что это надо для истории, и то надо, и это надо, и что история одна, а мы разные.

— Вы, — сказал я, — энтомолог, а я жук; мне для истории хочется от вас улететь, а вам для истории хочется меня пришпилить булавкой.

<*Зачеркнуто:* Жук и энтомолог.> История (к серии рассказов как «Портрет»).

Возникла мысль 4-го Февраля отпраздновать.

21 Января. В Доме Союза писателей вечер Ленина. Думаю пойти из-за мысли о «верующем рационалисте».

В 3 ч. придет Анна Дмитр. и фотограф.

Та резкая «правда», которую бросали в лицо верующие «рационалисты», из каких же именно элементов она состояла и как она эволюционировала в современную «Правду» и в то, что называется «по-большевистски» (решительность, прямота до грубости, совлечение с себя всего лишнего во имя «пролетария»). Для этого надо анализировать самого «пролетария» как предмет революционной веры, как идола-бога.

Я лично и сейчас робею перед тем, что может предъявить ко мне «верующий рационалист», нечто прокурорское. Мне только думается, что слишком уж много играно

на этой ноте, и, наверно, сама струна ослабела. Или это есть и собралось все в одном Сталине? Как можно это сохранить и соединить с чудовищным коварством политики?

Но пусть даже ни в народе, ни у самого Сталина не осталось этой правды «верующего», остался культ ее, тот бог. Да, все, что было когда-то в людях, в нашей интеллигенции, собралось теперь в бога (в руководящий принцип), а люди соединились в церковь этого бога с ее святыми, иконами, канонами и т. п., и если бог этот Правда, то Ленин был первосвященником Правды.

Давно ли? ведь всего какую-нибудь неделю-две тому назад Керженцев уничтожил Мейерхольда, а теперь Керженцев сам уничтожен.

Разговор с Аксютой. — Кушай, кушай, Аксюта, беречь нам некуда, сегодня деньги лежат в Сберкассе, а завтра это будет бумага, сегодня я накуплю дорогих вещей, а завтра их отберут и отдадут другому. Это все для того делается, чтобы жили мы настоящим днем здесь, на земле, и освободили священное будущее от личной мечты обладания в будущем тем, чего у нас нет в настоящем. Вот ты ходишь на службу, работаешь там — это ты служишь будущему человека, а пришел домой, — живи, пользуйся настоящим: пропустишь — на будущее не рассчитывай.

Возможно, что из этой «правды» жить в настоящем и оседает самовластие, т. к. трудно, невозможно разграничить будущее (на службе) и настоящее (дома).

Кустари власти. Вспоминаются большевики, у которых нет дома (спят на диване): эти честные люди стали мешать своей правдой, штурмами, авралами, потребовались устойчивые люди, стал необходим для госуд[арст]ва их дом, семья, начались хорошие квартиры, автомобили, колхозная частная собственность. Люди «без дома» стали опасны, потому что это люди власти, это кустари власти.

У Л. Толстого тоже, как у Ленина, есть эта правда обязательно верующего рационалиста, и он тоже за отсутствием Бога выдумывает его и вколачивает свою веру в других.

Люди, которые, потеряв веру в Бога, занимаются выдумкой его.

«Правда» абсолютно обязательна всем.

22 Января. Начал Серую Сову.

Нельзя судить историю и нельзя даже понять ее, имея перед собой только жертвы.

По правде, сказать «Я» можно лишь на родном языке...

Не очень-то надо соваться с своей философией детства. Остерегаться рискованных положений на юбилее, потому что теперь время другое: теперь строже, и, наверно, нельзя играть на подразумеваемом.

Вечер у Павловны. Петя появился.

23 Января. Петя видел фильм «Ленин в Октябре» и говорит, что Ленин похож в нем на Иванова-Разумника. Это замечательное наблюдение, и конечно, Разумник — это Ленин в образе нищего: та же прямота священная, та же «правда».

24 Января. Леву тянет к моему слабому месту. И ведь каждый родитель обладает таким слабым местом: он чувствует себя виноватым (помню, и мать моя мучилась мною, тоже чувствовала себя виноватой...).

А почему Разумник не отбрыкался просто от сына: тоже себя чувствует виноватым за сына.

25 Января. По жертве чувствуете вы жизнь или по деятелю? — Мы, старые люди, привыкли складывать мысли по состраданию к жертве. Теперь нас просят сочувствовать деятелям и оттого непременно быть оптимистами.

Совещание в комсомоле. (Конкретные предложения.)

Моря.	Угнаться за жизнью.
Границы.	Фантазия — вне
	— внутри

Период очерка.

Писатели слишком горячо приняли внешний мир: ездили, а не писали.

Фантазия и действительность.

Я против «фантастического», т. е. нарочито фантастического.

«Мало владеет материалом» (Шкловский).

Суетился перед читателями.

26 Января. Решён юбилей. Статья против Союза писателей.

Юбилей — это когда человек, называемый юбиляром, без всякого стыда по своему полному праву может говорить о себе и своем личном пути. Он может так говорить, [потому] что в этот день общество действительно признает его.

«Колхозные ребята».

27 Января. Продолжается оттепель. Врабатываюсь в немецкий текст Серой Совы. Вечером в Загорске встреча с Петей.

28 Января. –2°. Утро солнечное. Гоняли русака в Двориках, ранили, а потом маялись, и кончил Трубач, замял. Вечером вернулся в Москву.

28 Января. Выясняется, что в детскую литературу выдвинут (кем?) Паустовский, и, следовательно, вся моя затея с общественностью лопнула. Это было бы точь-в-точь как после «Головокружения», если бы где-то в душе (в другом, тайном сознании) не было во мне некоего загада: посуечусь, покажу себя, а когда заварится, удеру.

Детиздат устраивает вечер Паустовскому 4-го Февраля. Мне об этом из Союза прямо не сказали, а назвали «мероприятие». А как я потребовал вечер именно 4-го, то «мероприятие» отодвинули на 5-е. Вышло, что я Паустовскому наступил на ногу. Никитин, узнав о юбилее, бросился к Андрееву и потом сообщил мне, что решено о юбилее сказать в «Колхозных ребятах». — Почему же и не в «Пионере»? — спросил Смирнов. Одно к одному, вечером Зуев наболтал, что ведь не Союз устраивает юбилей, а Дом писателя, и что... и т. д. Из всего видно, что в детской литературе ничего не

сделаешь, кроме того, что напишешь. Что тут, как и везде: выгоняют старых и назначают новых, получше, и кто умней, тот не должен лезть в кашу, а показаться и пользоваться для себя «лучшим» (писать, издавать).

Ставлю под вопрос юбилей. Нужно ли высовывать нос в такое переходное время?

Буду сегодня решать.

За юбилей:

1) надо показаться

2) надо подогнать печатание Собрания соч[инений].

Против:

1) Это не юбилей, а личная демонстрация, и нехорошо, что она через 5 лет повторяется.

2) При той демонстрации было наличие оппозиции, теперь ее нет, и слова мои будут ложиться в пустое место.

3) Хорошо бы выждать, а то намозолишь собой глаза, вовсе уважать перестанут.

Решение: 1) телеф[онные] переговоры с Паустовским, 2) беседа с Кожевниковым и Чувиляевым.

Помнится, как переломился у меня характер на Кавказе в юности: чтобы не сцепляться вечно в спорах с марксистами и не получать от них неприятных затрещин в спорах, мне стало вдруг понятно, как нужно себя вести: нужно, лично не оскорбляясь слышанным, прималчивать: пусть, мол, говорят что хотят, не буду ввязываться. Это меня будто пристукнуло. Так вот и теперь надо: не цепляться бы...

Тогда был РАПП, и была тогда среда, в которой возможен был личный протест. В наше время бюрократизм не меньше рапповского, но сочувствия личному протесту не найдется. Протест возможен лишь в организованном порядке, так наз[ываемый] стахановский протест.

29 Января. Кожевников по телефону разговорил меня... Да и в «Литературке» анонс. Юбилей идет! Вечером у Арамилева.

30 Января. Идея романтизма: творческий романтизм. Если юноша не сумел удержать возле себя невесту и вместо

невесты ему явилась Марья Моревна и он поклялся, что в отношении этой поэтической Марьи Моревны он не сделает тех ошибок...

1 Февраля. Вечер с Залесским, Никитиным, Смирновым.

Узнали происхождение слухов: даже это использовали: «слух», — чудовищно.

Приходил Калик от Литвинова, началась киношная кампания.

Карьера Ставского: довериться никому не может, все сам, а сам один работу выполнить не может, и вот очередь в приемной, и вот бюрократ.

Так решалось где-то, что одних брать, а о других пускать слух, что взяли, и так создавать в обществе страх. Когда же паника примет размеры предельные и надо сделать отдушину, люди, распускающие слух, объявляются вредителями, а берущие — перегибщиками.

Парень огромного роста, косая сажень в плечах, один принес на 6-й этаж 86 томов Энциклопедического словаря.

— Завидую твоей силе, — сказал я, принимая словарь. — Завидую, вот бы мне.

Он посмотрел на меня сверху вниз в недоумении и, может быть, даже думая, что я хочу посмеяться над ним.

— Нет, правда, — повторил я, — не смеюсь, завидую, вот бы мне.

Он поверил мне: я не смеюсь. Но оглянулся вокруг, оглядел обстановку моей превосходной комнаты: бронзовые часы, мраморную статуэтку, пишущую машинку — и с глубоким изумлением спросил:

— На что вам сила?

Я же сам хорошо не знал, на что мне такая сила.

— На что мне сила... — замялся я.

— Да, на что она Вам?

Обтирая липкой глицериновой тряпочкой пыль с книг, я вставлял том за томом словарь в книжный шкаф.

— Вот книга, — сказал я, — желал бы ты иметь такую силу, чтобы ее написать?

— Очень бы желал, — отв[етил] он, — писал бы книгу, а меня бы и грели, и освещали, и... ну, вот как вы бы жил хорошо. А на что вам моя сила?

3 Февраля. Вставить в доклад: природа — на даче меньше природы, чем в Москве: сверчок в Третьяковке, коты на крыше, ворона у Каменного моста на черной воде, а в глубине чернеется крыша утонувшей машины с людьми: как ей не холодно, как не жутко!

Съезд всех.

4 Февраля. Ручей в океан: переход к английскому.

Юбилей. Ура!

5 Февраля. Если бы отнять у Ленина дело и вскрыть душу, то там оказался бы тоже романтик. (Музей Гельсингфорса.)

Если бы Ленина лишили возможности быть политиком, то он стал бы романтиком и поехал искать страну непуганых птиц.

Это переходит в комсомол, и если теперь разрешается, то это значит счастливую жизнь.

<*На полях:* 23 Апр. 1932 г. [чистый день]>

Юбилей.

Вырождение.

Право без стыда говорить о себе.

6 Февраля. Праздновал юбилей у себя: Чувиляевы (2), Т. Розанова, А. М. Коноплянцев, Кожевниковы (2), Алпатовы (2), Павловна и я = 10 человек.

Так вышло хорошо, что рождался вопрос, где легче устроить юбилей, в обществе или у себя в доме? Выходил из этого тоже вопрос, где лучше было, в Союзе или у нас?

Это подлинное счастье.

7 Февраля. Павловна покупает меховое пальто (на весну) и упрекает меня, что я покупаю фарфор.

Из пяти рекомендованных мною «честных» писателей двое взяты (Пермитин и Касаткин) и один пьяненький «наломал» (Каманин). Надо быстро отступить и на вечер Паустовского не ходить. В Доме печати 16-го в последний раз выступить с темой о романтизме, вскрыть романтическую природу коммунизма (исходя из анализа стиля моего до писательства и после...).

8 Февраля. Думаю о романтизме:
если романтику дать способность учета действительности — назовем это счетной способностью — то он сделается марксистом.

Романтик — это душевный человек, это человек личный.

Он может своей душой быть представителем общественной или даже мировой души, но все равно: он конкретно исходит из опыта своей личности, от своей души, и к другой душе подходит с родственным вниманием и говорит не рассчитывая, не учитывая, а «по душам».

Перемена стиля: боевой, действенный, как у Белинского, у Ленина, принципиальный стиль верующего рационалиста.

Журнализм — как преодоление действен[ности], превращение в душевность.

9 Февраля. Отцы и дети. Колобок. Черный араб. Календарь природы. Башмаки.

Получил собачку ирландский гордон и назвал ее Травка.

Вечером в собрании дошкольников выступал и продолжал юбилей.

10 Февраля. Собирал сборник для юношества из своих старых рассказов, сборник в ответ на запрос о советском романтизме. Я хотел весь сборник назвать по рассказу «Марья Моревна». После стал думать, не лучше ли назвать по рассказу «Черный араб». Углубился в размышление: чего больше не хватает нашему романтизму: Прекрасной Дамы или же рыцаря? И нет, — пришлось отказаться от «Марьи

Моревны»: женщин хороших у нас еще довольно, а рыцарей очень уже мало. Нет! — пусть сборник посвящается рыцарю и называется мужским именем «Черный араб».

Комод, сундук, буфет, приданое и юбилей.
Стиль писем.

11 Февраля. Чем больше скопляется на одном месте людей, тем труднее находить среди них врага общества, тем отвлеченней делается закон и тем больше получается жертв при его применении.

Если человек заявляет всюду, что он при всяких обстоятельствах желает оставаться самим собой, то правительство не может положиться на него и считать его своим человеком: как положиться, если в решительный момент борьбы он откажется выступить, желая оставаться самим собой. (Эти вопросы поднять все перед тем, как писать канал.)

12 Февраля. Утром гулял в Корбушинском парке: подышал воздухом. После обеда с Петей и Павловной поехали: Петя сошел в Пушкине, Павловну привез в Москву.
Вечер у Ценского. Рассказ о Горьком, о войне.

Надо готовиться к смертному часу, чтобы не свиньей умереть — это раз.
Второе: надо помнить, что воевать никому не хочется. А впрочем... Это нам не хочется, а «прочим» (мальчишкам) всегда хочется.

С писателями-«корифеями» нельзя никакого дела иметь: корифеи думают только о себе.

13 Февраля. Мысль о войне: что «не переживем».
Почти решил — не выступать, скажу: ангина.

14 Февраля. Скверно. Переделал для «Огонька» «Звездная пороша». И решил на 16-е выступить.
Больная Павловна стала в очередь за ситцами и стоит весь день. Увела Аксюшу, надела мои калоши. Все мои дела

расстроились. Вот и думаю теперь о своей жизни и писательстве: как можно это ставить в пример!

Гулял по набережной Москвы. Радость является, когда надо с чем-то дорогим расстаться... Если бы не было у нас конца, то нечему бы и радоваться...

Так вот приближается конец, и оттого жить особенно хочется, и так надо: быть самим собой со своей радостью жизни до конца.

Если в расчете на оскорбление в тюрьме как на выход из положения я думал о голодовке и не очень боялся, то почему же горевать, если скоро предстоит сесть на карточку и даже умереть от голода. Всегда же это имеешь в виду.

Ситцы бабам в Москве как в лесу ягоды и грибы: по жадности наберут их столько, что и нести не могут, а за ситцами умирают в очередях. Так вот и Павловна: то больна, больна, а то весь день в очереди, и ничего. А я весь день без дела из-за нее, и ей это нипочем! так вот и жили, и не тужили.

15 Февраля. Весна света: солнечный день. Гулял по набережной. Мелькала большая мысль о невозможности фашистам уничтожить коммунизм и СССР.

Весь день звонили, уговаривали выступить на вечере Паустовского, и я все-таки не согласился. Да и нельзя было согласиться: я его лично приглашал на свой юбилей, и он не пришел, а теперь на его вечер вызывает начальство.

Так окончился мой роман с «Детгизом».

16 Февраля. Вечер в Доме печати, вечер очень удачный. Узнал, что вечер Паустовского провалился.

17 Февраля. Читаю Кожевникова для рецензии. Эль Регистан вчера сказал о силе нетерпения, с которой он ждал возможности сказать что-нибудь во время торжеств в Гори... Такова же и сила Павла Николаевича Щекина-Кротова, и Бокова сила нетерпения, чтобы прославиться. Щекин даже плохо и знает меня...

Слава тем берет человека, что делает его более чувствительным к оскорблениям: чем больше слава растет, тем больше растет и та чувствительность и наконец до того доходит, что отравляет всю славу, как ложка дегтя отравляет бочку меду. И рад бы вернуться назад — нельзя: кажется, если больше и больше слава, то можно уйти от обид. Но нет! обиды с такой резвостью бегут, что вся сладость славы исчезает, прославленный бежит от резвых обид, как заяц от гончих.

Кожевников так пишет, что видишь всегда вперед, что будет.

18 Февраля. Болела голова. Был Дмитр. Иван. Свешников, явился проект выстроить дачу на Истре.

Говорили, конечно, и о войне, не исключая возможности провала фашистов: и что правды, идеи какой-нибудь универсальной у них нет. И что цивилизация со своими газами и машинами, быть может, спасует перед силой сопротивления примитивного человека (японцы — Китай, немцы — мы).

Вот у меня прекрасная квартира, но я в ней как в гостинице...

А Берсенев будто бы сказал: «Возьмите пальто: $2^1/_2$ тысячи, и шляпу, оставьте душу».

После всего нам ничего не страшно, а им-то ведь страшно: и нет у них того, что бесспорно можно противопоставить, скажем, монголу (если бы у них это было, то мы бы не испытывали то, что испытали).

19 Февраля. Вчера во сне пришла Марья Моревна в виде маленькой старой длинноногой еврейки. И я ей открылся, что все десятки лет нашей разлуки я любил только ее одну. — Тем лучше! — ответила Марья Моревна в том смысле, что я не разбрасывался и, благодаря сосредоточенности на единственной, не разбросался по мелочам.

Всемирная катастрофа, как ее воспринимали мы в 1893 году через Бебеля, и та самая катастрофа, как мы все ожидаем ее нынешней весной (через 45 лет!).

Мирюсь с мыслью, что придется отложить «бобров». Ничего не поделаешь!

Перехожу на Канал (сегодня пересмотр, завтра — Свешников).

Книжечка «Храбрый заяц» = «Синий Лапоть» + «Храбрый заяц» — рассказ о зайце, который погнал собаку.

Собрать: «Гость», «Лимон», «Мужество»: Кавказские рассказы.

В юбилейном процессе возникла мысль о мужестве и Марье Моревне, и это мужество как явление аскетизма: Марья Моревна откладывается на будущее (личная жизнь, искусство).

Я существую не для себя, а для мировой катастрофы; Марья Моревна — это я, это для себя.

У Ленина личной жизни нет.

Разговоры с Залесским о рассказе, о новом и повторном рассказе по принципу рассказа: жене, потом сыну, потом прислуге — то же, и каждый раз как будто новое. Отсюда открывается горизонт и в области писания... Я же пишу все натурой... т. е. открывается секрет моего писания: по первому глазу. Читатель — это как большая родня: пришел отец — ему рассказал, мать пришла — и ей, а там братья, сестры, тетки, и всем-всем, кто ни придет из родных, хочется повторить, и не будь родных, будь чужие — зачем бы повторять раз сказанное, но приходят родные, и хочется.

Так фантастично, эфемерно существо личности (Я), и так удивительно, что со стороны и оно живет как все.

Эта мечта о Марье Моревне есть чистейшее сладострастие = эрос. Эта мечта лелеет соитие, и когда оно происходит, то оно безгрешно (и так было).

Нет греха в том, чему отдается человек целиком, и даже самое дурное в таком состоянии простят и назовут болезнью.

Сегодня вернулся к «Падуну».

20 Февраля. Болела голова.

21 Февраля. На моем горизонте Крупская.
Письмо Сталину. Поездка на завод «Серп и Молот».

22 Февраля. Одумался. Не стоит того «Стахановец», чтобы из-за него так беспокоить людей. И правда, возможно, что Крупская права, и вовсе это не стахановец.

Вечер китайского поэта Лу Синь (ихний Максим Горький). Близость китайского народа к нашему.

23 Февраля. Опять болит голова. Надо кончать «сезон».
Был вечером Ивантер. Говорили, почему писатели не ходят в Дом писателя, куда угодно пойдут, только не в этот Дом: место такое.

24 Февраля. День отдыха.
Читал Серую Сову: книга будет. На завтра президиум. Повестка: так и знал, оживление Союза (по письму в «Правде») будет принудительное: заставят ходить. А виновнику бузы, Толстому — вечер о его творчестве.

Почему Смирнов отступился от моих календарных начинаний? (Позвонить, а то и сходить.)

25 Февраля. Так он и сказал, Ивантер, что каждый писатель сочтет за великую честь прийти ко мне на юбилей, только на дом, а не в Союз: в Союзе — место официальное и неприятное.
Каким же образом возможно увеличить посещаемость Союза? Исключительно принуждением, исключительно тем, что писателю будет неудобно не ходить.

26 Февраля. В Союзе писателей создалось «безвыходное положение». Они пищат, как котята в мешке, и так нужно: им нужен мешок. Но не говорить же о том, что котятам нужен мешок. И потому я говорить отказался и сделал очень хорошо.

27 Февраля. Утром уехал в Загорск и считаю, что с Москвой кончаю: все устроено и можно жить самому. 4-го буду выступать у туристов. Тезисы: 1) Здоровое тело. 2) Расширение души. 3) Родственное внимание.

Натурализм допустим, когда человек и природа сошлись в одно целое и говорить о природе значит говорить о человеке (льдина Папанина, путешествие в совершенно неизвестную, никому не ведомую страну): единство субъекта и объекта.

Реализм – это соотношение субъекта и объекта: напр., человек в отношении к природе.

И как назвать то соотношение человека к природе, когда душа человека расширяется, как природа, и человек смотрит на все вокруг себя с родственным вниманием (предрассветный час мой).

Слышал от женщин, бывших на моем юбилее, что от моих слов у них на время создавалась уверенность, что люди в чем-то имеют родство, что на время моей речи было такое чувство, будто все тут в родстве. И то же самое получается и от чтения моих книг, и значит, в этой силе родственного внимания и заключается моя сила.

Есть множество сил, еще не открытых, но которыми мы бессознательно пользуемся. Так вот есть сила излучения добра, когда самому хорошо, когда сам человек счастлив.

Сила родственного внимания как результат борьбы: это сила победителя (так, если восходишь на гору, то гора может тебя победить, ты взойдешь, но сказать потом другим, где ты был и что видел, не можешь: можешь сказать лишь, что ты на 3 метра выше...)

Победа иногда приходит спустя: когда здоровое тело отдохнет.

Не обязательно в литературе.

Художник родственного внимания: прочные вещи.

Мильтон сказал: «Ничто так не полезно человеку, как высокая самооценка, если она оправданна и справедлива». (Из книги О. Хаксли «Контрапункт».)

Эта самооценка возможна лишь как высший момент борьбы, как победа, после чего начинается борьба на новом этапе, когда высокая самооценка снова виднеется вдали как возможность.

Ошанин Павел Михайлович.

28 Февраля. Страшные вести об отравлении Горького и др. Так продолжается разложение и отъединение всех нас от всех и каждого друг от друга.

Внутренние события движутся скорее, чем внешние, и надо сюда смотреть, а не туда.

«Женщина с козюлькой» (гримаса) говорит из затылка и может говорить сколько угодно.

<*Приписка:* Расплывается перо.>

Посмотрел на все и понял, почему из порядочных людей никто не берется за редакторство и т. п. (По Ивантеру понял из «Пионера».)

Юбилей открыл мне глаза на себя с хорошей стороны.

Почти решил переселиться к воде, в Завидово, на Шошу к Московскому морю.

Алпатов — Саша — Я юбиляр = душа, именно душа сама, в которой и все узнают свою душу и сочувствуют. (Написать рассказ: тоже по вороне узнали смерть и душу.)

Открытия в открытых краях.
Липовый цветок.

1 Марта. Думал на улице о всем: что вот ввяжемся мы в дело Китая или так и будем отсиживаться и что из этого выйдет, и думал о Н. И. Бухарине и других «псах», которые завтра должны погибнуть, и о том, что вот 20 лет такой ужасно тревожной, пещерной жизни, — неужели все это даром прошло для нас, и разве только как подготовка для европейской колонизации... В этих тяжких мыслях я вдруг увидел, что стою возле низкого забора, и за ним, за этим заборчиком, полно снега в садике и наверху по снегу лежат во

множестве липовые крылатки, точно такие же, только чуть пожелтей тех, которые показываются, когда липы цветут. Смотрю теперь на них, и мне они пахнут, и слышу жужжание пчел...

И вот откуда «микроскоп» и «телескоп»: словно дымовая завеса прорвалась в одной точке, и увидел я эти липовые летучки в «микроскоп», и они, попав в меня, расширяются в целый мир («телескоп»). Да им тут и неминуемо до́лжно расшириться, потому что они ведь в душу попали, где все как мысль, как газ расширяется беспредельно... (Расширение «души», а не земли ли?)

Туристам сказать: вам гора, на которую вы собираетесь взойти, подняться над землей, а мне была такой литература.

Вечером приехал в Москву.

<*Приписка:* Литература как гора.>

2 Марта (в Москве). Из романа «Контрапункт» О. Хаксли: «Путь всякого человека, живущего интеллектом, если он следует по этому пути достаточно долго и неуклонно, приводит его к непосредственной очевидности, от которой человек неинтеллектуальный никуда не уходил». Моя обратная мысль, что простой человек, выполняя, как вол, предначертанный путь, мало-помалу встречается с планом, заложенным в дело. И под самый конец каждый видит план в его осуществлении. Тогда «канал» готов, и стихия умиряется.

В свете высказанного Хаксли ясно вижу, почему я клялся не выходить за пределы своей специальности и быть только художником. Разобрать, какие силы охраняли меня...

То, что я в себе называл «оправданием обывателя» и «смирением», это было (по Huxly) признанием непосредственной очевидности, т. е. жизнью, противопоставленной интеллекту.

Если со льдины дрейфующей все написанное нам интересно, то чем же Союз не дрейфующая льдина и как пи-

сать, чтобы тоже было все интересно. Надо прийти к очевидности.

Бергельсон — У Днепра.
Ардов — ассирийская борода.
Арго { блондин
Бродский { брюнет
Богданов
Инбер
Афиногенов
Соболев

«Безвыходное положение» у Ставского разрешилось в сторону устройства самого размещанского клуба. Присутствовали на учредительном собрании настоящие дьяволы Бродский (черный) и Арго (белый): белый дьявол и черный дьявол. Но противно мне стало до тошноты, лишь когда меня не упомянули в числе кандидатов в Совет клуба. И не нужен мне никакой клуб, и не стану я в нем бывать, а вот все-таки — не выбрали, и стало неприятно и стыдно, что пришел на это собрание.

В дальнейшем кумиться с дьяволами и ставить себя от них в малейшую зависимость не надо, и ходить туда пореже, однако иногда бывать? или же послать к чертям...

Что-то там нечистое...

3 Марта. Бывает, приходишь в хорошо убранную комнату и не обращаешь внимания на обстановку. А когда к тем же самым интересным людям придешь в ту же комнату, и нет у них прежней обстановки, то сразу эту перемену заметишь. — Тут что-то было? — спросишь. — Тут была, — скажут, — фарфоровая чашечка... Вынут, покажут, — никогда не видал, но она присутствовала при прошлой беседе и как-то влияла.

(У Чувиляевых.) <*Приписка:* И люди есть такие — не замечаешь, а они тоже влияют, да еще как.>

На дрейфующей льдине всякая запись значительна: «Встал рано, вышел, трещина в том же положении» и т. п. Я раз вообразил себя летящим пассажиром на земном шаре

и стал отмечать ежедневные перемены в природе: так получились «Родники Берендея» («бинокль»).

...Сегодня вечером у туристов дать этим пример натурализма (внешнее описание событий на льдине) и реализма в случае с «Родниками Берендея»: т. е. что писал о переменах в природе в соответствии с тем, что происходило со мной, пассажиром земли. (Захватить рассказ «Весна света», им иллюстрировать.)

<*Приписка:* Но общее тому и другому, натурализму, романтизму, реализму, что надо интересно жить, и тогда все написанное будет интересно.>

И дальше наметить возможность изобразить общественные перемены, войну, революцию в связи с собственной личной жизнью (напр., кресло Авксентьева).

Дневник — вот литературная форма туриста, и разговор с туристом может быть лишь о форме записи.

Начало туристам: общее в том, что — запись, вся моя литература вышла из туристической записи: газета, этнография.

4 Марта. Разгром квартиры Макаровым. Вечер у туристов.

5 Марта. Поездка в Загорск.

–3°. Везде лужи, грязь, вонь. Сотни, а может, тысячи рабочих брошены на доделку мостов. Краны, машины, гул, свист, гуд, а на самой готовой арке вверху видно, как работают метлами...

Там возносят новый дом, там старый разрушают, там рельсы прокладывают, там трещат перфораторы и неустанно работают, а дума о «кровавых собаках», «псах» и т. п., сидящих теперь в зале суда.

И как приятно было потом войти в свою комнатку в Загорске и смотреть на березу, на засыпанный до окошка дом Тарасовны...

После обеда отдохнул, и снилось мне, что вот у Фаворских сын Максим делается большим художником. И ни

с того ни с сего он взялся... [но] он культурный продукт длительной жизни культурного рода. И как, бывало, один такой дом встречается с другим, соединяется, родится и складывается быт, общество. И это было! Я помню еще то время.

Старухи идут и присматриваются к раковым шейкам у торговца: вот хотят же и они жить. Скрипят, а живут, живут. И все так: завтра, быть может, всем конец, а сегодня поживем, и нет, кажется, на свете ничего сильней этого: хоть день, да мой. И те политики, сидящие на скамьях подсудимых, этим самым чувством живут...

Все отбрасываю к чертям. Пусть весна, одна весна, да моя она.

Как интересно разрешилась «безвыходность» у Ставского: у него остается «учеба», а Толстой делается иконой в Клубе, тут будет его дух, графско-еврейский.

Новый дневник. Пусть наш Союз будет как дрейфующая льдина, а весь остальной мир в его настоящем и прошлом — это будет мой читатель, которому я, быть может, скоро погибнув, даю весть о жизни моей. Писать как Папанин.

Вся моя жизнь с марксизмом, непугаными птицами и Павловной и всем-всем исчезает как бессмыслица, когда думаешь о Клубе писателей. Это два взаимно уничтожающие себя начала.

По легкому утреннику донесло до меня запах лисиц. И я подумал, что это возможно: ветер ведь со стороны лисьего питомника. Но там был не лисий, а куриный питомник: «птицеград». Очевидно, я, почуяв запах лисиц, вспомнил мгновенно, что лисицы постоянно таскают кур в птицеграде, и курятник превратился в лисятник.

6 Марта. Весна у меня в душе ложится из года в год на весну, как в дереве годовые круги, кольцо на кольцо...

Вот опять лес просвечивает на голубое небо, и в самой чаще лесной в гуще больших елок опять, как всегда, от минувших метелей кое-где остались фигуры белые, иногда будто

статуи. И опять синичка стала пухленькая и поет новым, брачным голосом. Везде следы гона белок, зайцев, лисиц.

Кончил роман Хаксли «Контрапункт», прочитал и будто побывал в Англии и нашел, что и там, как у нас, и так везде на всем свете: та же самая жизнь. А то ведь и так могло бы выходить из книги: это не о нас с вами пишут, это не мы, это — Англия.

Процесс раскрывает картину полного разложения партии и полное одиночество Сталина и зыбкость нашего государственного бытия: случись что-нибудь плохое со Сталиным, и все развалится начисто. А может быть, напротив, все распавшиеся ныне и только внешне связанные элементы общества соединятся внутренно?

Мы сейчас как на дрейфующей льдине, и вот надо бы так вести записи, как будто попал к Папанину на льдину. Попробую.

Надо на дрейфующей льдине писать о жизни, о подлинной жизни заключенных на ней людей, постоянно имея в виду возможность спасения.

А подлинная жизнь — это жизнь каждого человека в связи с его близкими: в одиночку человек — это преступник или в сторону интеллекта, или же в сторону бестиального инстинкта.

Мой человек — это самое то, что наша интеллигенция называла презрительно «обывателем». На деле же это именно «сам-человек».

А что индивидуальность? Каждый «сам-человек» содержит свою собственную индивидуальность, и надо обладать родственным вниманием, чтобы уметь отличать в каждом свойственную ему индивидуальность, т. е. именно самого человека.

Мой успех в выступлениях («спасибо, хоть раз вздохнули свободно») основан именно на том, что я выступаю как «сам-человек», открывая этим всем возможность чувствовать родственно своего соседа. Я этим даром обладаю, и он полярно противоположен дару сверхчеловека.

— Да! — говорит один, и кто-то из зала сказал: — Нет!

В большевизме содержится этот сверхчеловек, и оттого все эти процессы. Из самого большевизма выходит этот «враг» и говорит Сталину свое «нет».

Сталин — это смерть сверхчеловека: пока все эти претенденты на трон не вымрут, до тех пор не освободится сам-человек с его органическим творчеством жизни.

Будущее должно рождаться из настоящего и чтить в настоящем отца и мать свою. И это есть творчество жизни, а революция всегда отцеубийство, всегда отрицание.

И Сталин пришел к отрицанию отрицания, к тому, чтобы сказать «да». Но как только он сказал свое «да» («Счастливая страна, Конституция»), вся партия в лице всех своих наркомов, секретарей и командарма сказала ему «нет». Он уничтожил партию, сказав на их «нет» свое «нет» — и так стал смертью сверхчеловека.

Сталин похож на романтического Демона: от его «да», от его поцелуя умирает Тамара, его «да» вызывает новых врагов.

И все-таки, если выбирать, — он или они? — ясно, что надо с ним, с отрицанием отрицания.

Будет или не будет война? По всему думается, что должна быть. Вот-вот капитулирует Китай, и тогда наш Дальний Восток в воле Японии. Это раз, и второе: наша война с Японией зажжет мировую войну, а с ней и возможность великих перемен в нашу пользу. В-третьих, что мы готовимся отчаянно: и кутерьма с высылкой пораженцев, и кутерьма с экстренными заготовками. И особенно убедительно, что люди живут, как будто войны вовсе не будет, люди в эту сторону даже совсем и глядеть не хотят: поживем сейчас, а там будет, что будет.

И да, все-таки возможно, что и не будет войны.

Что я вынес для себя с юбилейных вечеров:

1) Увидел себя в хорошем свете и узнал наличие «родственного внимания» в самой натуре моей.

2) Уверился в наличии особых приемов своего говорения.

3) Приобрел убеждение в своем представительстве «сам-человека» против сверхчеловека.

4) Романтизм.

Записать об исчезновении границы между здесь и там (где-то в Сибири): «Сегодня здесь, а завтра там». И от этого тоже стирается грань между живыми и мертвыми: Замятин, вот хватился: да Евгений Иванович уже года два как умер. — Умер! — И человек растерялся и побледнел. А эти подсудимые, вроде Бухарина, перед смертью своей рассуждающие спокойно в суде, как в Академии.

У некоторых, многих есть такое же чувство в отношении к Сталину, как было при царе: убрать царя, и будет хорошо. Какие дураки были тогда мы, обыватели!

8 Марта. Мое остроумие в заднем уме, и оттого я вне общества, и оттого я писатель. Могу только среди своих: юбилей.

Процесс: мы были отброшены в сторону, а в партии (целое) продолжалась борьба, та самая, как мы ее видели на улице. И теперь раскрывается.

Так вот отчего меня отчуждают: они все были в политике, я же вне.

Ничего не решилось с переселением. Жить: луч с центром Москва — роман: луч Костромской — бобры.

На дрейфующей льдине — с точки зрения тюленя, или моржа, или белого медведя.

9 Марта. Барометр медленно поднимается, а пороша все сыплется. Поутру можно думать, что сегодня будет солнечный день.

Еду в Москву. А роман буду сочинять на ходу, — разве нельзя сочинять на ходу?

Водосточная труба легла на завалинку, и от завалинки до низу сосулька. Одно разбитое окно заделано мешком. На покосившемся заборе прорезана щель, под щелью пришита фанерка, и на ней выведено от руки: для писем и газет.

Женский день (вчера): истерический крик, в котором безусловное, повелительное «надо» с исступлением призывает уничтожить Бухарина и всех гадов.

Тема: народ на канале: Бухарин + селянский министр Чернов + Разумник = опоздавший интеллигент.

Показать равенство железной необходимости в природе и у людей.

«Кровавый пес Ягода» (статья Кольцова).

Смотрю вместе с медведями, тюленями, моржами на человеческую льдину: колется, гибнет, еще колется... Цена власти: не удалось Ягоде, а если бы удалось? Вот почему каждого властелина надо спросить: а где твой «сам-человек»?

В этом государственном коммунизме нет и зерна человеческого. Если спекуляция торговая осуждена, то политическая? Там: не обманешь — не продашь. Здесь: не отравишь, не убьешь — и не возьмешь.

10 Марта. –10. Солнце. Едем в Завидово. Процесс как убедительное доказательство необходимости «сам-человека» и как исполнение пророчества: «Все растечется в грязь».

11 Марта. На постройке моста: всякое строительство, — здание ли это, в котором будут жить, мост ли, по которому будут ходить, — есть поглощение настоящего будущим. И если всё в государстве одно только строительство, то в государстве этом всё в будущем и нет ничего в настоящем.

Вчера мы ездили в Завидово, в дер. Шошу и Елдино. Не захотелось жить на юру, и далековато.

Рассказывали: некий Осип потерял 4 гусей, а они были меченые, с лиловыми шеями. Тогда Осип поймал 4-х гусей у Анны, выкрасил им шеи, продержал у себя три дня и выпустил. Гуси с лиловыми шеями пошли к Анне. И люди это заметили и то заметили, что Осип гусей загнал к себе. Так случилось и на другой день, а когда на третий вышли, — люди вступились: если гуси к Анне ходят, значит, это ее гуси: у Анны пропали четыре гуся. — Но ведь у них же шеи

лиловые, — сказал Осип, — а у Анны гуси белые. — Разве вот только что шеи-то лиловые, — согласились граждане. И Осип начал их загонять к себе. Но в это время, откуда ни возьмись, на реке еще четыре гуся с лиловыми шеями. При всем народе эти гуси вышли из воды и пошли в дом Осипа.

— Нашлись! — воскликнул он радостно, увидав своих гусей.

И отпустил гусей Анны.

И у Анны в это лето жили гуси, так, как и у Осипа, с лиловыми шеями, и дети все лето, издали следуя за Осипом, спрашивали: отчего это у Анны гуси? И Осип отвечал...

Да не будет у меня места моего ни в городе, ни в деревне, а место мое будет там, где я создаю свою сказку.

12 Марта. Утром порошит. Еду в Загорск, заказав Аксюше окончить ремонт квартиры к 18—19-му. Какой-то обман непременно предшествует сдаче женщины: правдой же является требовательность. Сила соблазняет, но она должна быть направлена в другую сторону — здесь же всегда обман (легенда, поэзия: в основе всякой поэзии обман).

Ягода — Смердяков, но Бухарин никак не Иван Карамазов.

Подале от Фени — греха мене. (Поближе к лесам, подальше от редакций.)

13 Марта. Начало сборов в Кострому.

1) Кожаный чемодан: Лейка, машинка, часть книг и рукописей.

Испытать пленку: «агфа» и советскую завтра. Сколько взять пленки?

Бритва, машинка, бритв. мыло, ножницы, карандаши, чернила.

Большой чемодан. <*Приписка:* Подушки, плед.>

Одежда: свой теплый охотничий костюм и купить в «Туристе». И все на себя. Резиновые сапоги. Теплые чулки (две пары). Гетры. Башмаки. Туфли.

Белье. Маленькие карты. Машинка для стрижки. Термос, иголки-нитки, пирамидон.

Рюкзак. Чай, кружку, масло $^1/_2$ к.

Охотничья сумка: бинокль малый, лейка.

14 Марта. Погода ни два, ни полтора: ветер, но не буря, снег летит нехотя, ни тепло — ни холодно: градусов 7 и серо...

Охрана своего достоинства: когда удалось осознать сделанное, то надо эту самооценку поддерживать.

И тема и название моей сказки пусть будет Падун.

А Бухарин-то ведь академиком был, и этого академика бандит Ягода называл своим Геббельсом. Да, сила-то необходимости серьезна, а человечек, ее представляющий, большей частью несерьезен...

К обеду снег повалил. Павловна сказала, что весна будет дружная. — Еще бы, — ответил я, — нынче 1-е старое Марта, 5-го грачи прилетают, а мороз и снег.

К обеду снег перестал. Лес весной света стряхнул с себя зимний снег. А сейчас что идет, то ложится как пудра на деревья.

Черный ручей на [снежном] пруду, и такие высокие на нем снежные берега, подумаешь, правда берега, а это все шутки воды, шуточные берега.

Укрепляюсь на Костроме. Пишу письма Алекс. Петр. Розанову.

Перед великими событиями истории: госуд[арственным] переворотом, войной, революцией логика оставляет людей, и логически вывести войну из фактов никто не может. Так и перед концом своим человек бросает логику. А Бухарин даже в смертный час не оставляет потяжки на логику.

Нашел — наконец-то — письма Бухарина, прочел их, и оказалось, он тогда был прав и написал их как исключи-

тельно хороший человек. Надо было уничтожить письма, но мне стало неудобно делать это в то время, когда самого автора уничтожают. Да и нет ничего дурного в этих письмах! Эти письма приблизили ко мне «самого-человека», и стало жаль его: не знал, что творил... И если он не знал, то что же знают другие?

Они все хотели остаться в живых хотя бы только для того, чтобы всю жизнь смотреть из-за оконной решетки... Вот что надо человеку и чем он может удовлетворяться, и вот как мила жизнь...

Рыков-то какой конец запустил! (как Радек).

Присоединил Процесс к «Падуну» как силу скрытой жизни.

Мост в Москве зачищают, подметают, и вчера еще я видел тысячи людей, а сегодня метут немногие, заметая остатки индивидуальности после расплавленных и заключенных в бетон и металл. Будущее, скрывшее в себя столько жизней, стало настоящим, и вот уже, обманывая охрану, врываются на мост первые потребители.

16 Марта. Грачи. Папанинцы. Радио: переход на большую землю. Нам от Папанина ничего не остается.

Враги-вредители. Никогда я не верил в то, что они есть: всегда считал за ссылку на врага тех, кто не хочет и не может что-нибудь делать, или просто если не выходит в силу всей политики, принципиально уничтожающей личность. И сейчас, после процессов, я все еще думаю, что если вредили изменяли, то очень робко, и ничтожно, и бездарно: какие-то шалуны, что настоящим врагом была сама природа человека. Напр., Авербах: он искренно хотел пролетарской литературы, во имя ее, несуществующей, он искренно давил на существующую как на буржуазную и вредил. Неверен был принцип: к делу, требующему свободного личного отношения, был приставлен чиновник: в принципе неверно, а если не выходит, можно свести к вредителю Авербаху.

Крыши на домах люди от снега очистили, в лесу с деревьев все дочиста ветер стряхнул — деревья в лесу и крыши

в городе стоят как летом, а снег самый глубокий вовсе не тронут.

Вечером в 9 вызов «с паспортом». Гибель писем. Позорный страх, — о, какой он знакомый! какая «обида» знакомая, а «жить хочется». И вот из этого «хочется» два пути: путь «надо» (вплоть до «смертию смерть») и путь унижения, вплоть до конвульсий. И так скрытая сила жизни таит в себе «смертию смерть» (надо), и та же сила жизни «хочется жить»... позору. Так что, принимая «смертию» — надо, любя, деревенеешь, любя, превращаешься в труп.

Жил хорошо, весело, слыл хорошим человеком, но «попался» — и тут...

17 Марта. Все серое, дорога рыжая, на окнах первые слезы весны.

Выход на волю.

Одна душа — ничто: одна душа для всех, — вот душа, откуда все творчество.

Образы изживаются.

Шум строительства, а в лесу своя тишина.

Санки.

Оттаявшие фигуры на пнях.

Ручей в сугробах.

Розовые березы.

Дождь.

И капли серые, как верба.

Корешок эгоизма — и вот она, правда: корешок в правде ищет свою пищу...: т. е. согласие с жизнью целого дерева.

Судебная инсценировка.

Как мальчик Миша написал рассказ о четырех гусях с лиловыми шеями.

Миша начитался из книги «Зверь Бурундук» рассказов Пришвина, и особенно ему понравился рассказ об утенке. — О гусях у него нет, я напишу о гусях, — сказал он.

Обратимость.

18 Марта. Хватил мороз –10°. Окна в цветах.

— Все еще будет! — сказала Павловна.

Именно вот теперь-то и будет интересная борьба. <*Зачеркнуто:* Написать бы автобиографию «Моя борьба».>

«Медный всадник» и «Анчар»: у раба должны быть другие идеалы, чем у царя, — в чем они, что сказал Евгений Медному всаднику?

Есть такое чувство, что у себя дома не так хорошо, как у всех, даже прямо у сéбя скверно, и это нужно прятать от всех. Это у русских. И когда свое приходится сравнивать, то, кажется, нечего и сравнивать и что не только европеец, но какая-нибудь нация своего же Союза, татарин какой-нибудь и то кажется благородней русского. И это глубоко проникает в русский народ, в особенности вот теперь, когда повидали немцев через войну, их жизнь, их порядки. Не стоит о них и говорить, просто рукой махнет. <*Зачеркнуто:* Это, мне кажется, должно быть подобное этому у евреев> Вот теперь фашизм — скверно, что фашизм, а возьми коренного русского, и он скажет: пусть фашизм, а поступают все-таки как-то поблагороднее.

(Вспомнил Володина Н. Н.)

19 Марта. С утра мороз –10 и метель сильнейшая. Вчера вечером, приехав в Москву, увидел, что мост готов и по нем движется вся Москва.

В вагоне думал об одном маленьком человеке, распространив его посредством связей до всего мира. (Не Евгений ли это, не раб ли из «Анчара»?) Не то ли делает всякий поэт?

До крайности смутил спор Польши с Литвой: ясно, что тоже немцы орудуют. Главное, что все как по-писаному разыгрывается. И если война и ее у нас предвидели, то все понятно, что делается у нас внутри и что будет. Не остáнется несвязанным ни один человек, и тогда, подняв все из прошлого, я должен буду стать за оборону. Я и сейчас за нее стою, но сейчас я писатель, мне это мешает. Это неминуемо выйдет...

Мост.
Победа Сталина.

Почему Сталин, а не идея: напр., Сталина.

Почему (по Огневу) нельзя сомкнуться с временным — личностью на дрейфующей льдине — только без флага.

Огневу нельзя: только царю (только в Боге: помазанник). Папанин в Бога не верит. Или верит в социализм.

Человеку не хочется связывать судьбу свою с вождем, потому что вожди сменяются: верных убивают. А вождю нужна власть и подданные. Необходимо временное сделать вечным: помазанник (царь).

Образная мысль: человек поседел в труде сделать обыкновенную мысль образной.

Так нужен был царь.

20 Марта. Серо. Тепло. Грязь.

Свидание с кумом.

21 Марта. Теплая ночь, красное утро.

Тысячи примеров соблазняют ребенка, мальчика, и отрока, юношу, показывая наглядно, что можно жить не работая. И старец седой, полстолетия работавший с утра до ночи, слушая Моцарта, вспоминает Пушкина и его Сальери, вздохнет и подумает, что счастливо рожденный может жить не работая. Можно жить не работая, но нельзя на это рассчитывать.

Что за чернила такие!

Написал рассказ о гусях.

Женщины: Анна Дмитриевна, Перовская, тетка Ксюша. Раньше недоступность женщины была от ее телесного богатства, теперь [смотри] в душу.

22 Марта. Сóроки.

Автомат[ически]й нищий.

23 Марта. Отъезд назначается на 26 (13) в субботу.

Мысль о том, что дух не работает, открыто сказать нельзя (углубить Моцарт и Сальери), но через мальчика

можно: Сутулый бегает, а инженер не работает. Так и разделить всех: работают, заботятся (погоняют) — и совсем не работают, а придумывают. Отсюда вывести протест шпаны.

Козлов Борис Павлович, учитель, охотник. Кострома, Пролетарская ул., д. 73, кв. 19. Остановиться.

Прохоров Алекс. Платоныч — чучельник.
Заказать чучело.

Начинаю видеть необходимость, вытекающую из признания большинства, и их некий иск вольному человеку (личности).

24 Марта. Еще солнечный день. Ночью 2—3 градуса мороза. Думал ночью еще раз о сходстве силы жизни с силой воды.

Весна и у нас, и в Кабарде, и везде (цветы на окне и луч солнца в Нальчике).

26-го вечером поездка в Кострому: 25-го достать деньги.

В природе душа раскрыта: это ветер, свет и вода — вот и все! У человека душу не видно, всякая бывает у человека душа, но каждый зовет ее одним именем: «я».

Авербах, Крючков, Ягода — вот кто...

25 Марта. Случайная связь, т. е. связь случаев, как в науке есть связь причинами, так что есть причинная и есть случайная связь, случайная не в смысле теории вероятностей, а в смысле связи образов в художественном произведении.

Коты на крыше.
Кот белый шел по крыше высокого дома, а черный шел пониже по крыше другого соседнего — и оба кота друг друга не видели. Черный кот поднялся по хребту к стене, прыгнул вверх — и оба кота внезапно увидели друг друга.
Кот подходит к другому, трясет хвост[ом], как собака машет, но с нервными перерывами: не ласка, а угроза.

Моя новая мысль о том, что огромное большинство людей находится в безвыходном положении, и собственно выход – это есть удел немногих, гениев (личностей) или шпаны. <*Приписка:* И что мораль этих последних (сверхчеловеков) относится к самому творчеству, т. е. к себе творящему: все, что у Ницше. А мораль «самого человека» – это к другому человеку в его положении (безвыходном): сообща решают, как тут быть.>

Разговор с вором.

Шоколад. Деньги, билет.
Конверты-открытки, чернила, вечное перо, пирамидон.
Список дел Аксюше: Огнев.

Была так называемая «случайная связь», а между тем мы с моей старухой живем вместе уже 35 лет, и у наших «случайных» детей начались теперь вполне законные дети, наши внуки. Так, может быть, и весь мир начался в своем развитии от какого-то случая и до того теперь во всем узаконился, что мы теперь истинную любовь, полную искренность в человеке, могучий талант и все самое прекрасное, из-за чего только и стоит жить на земле, называем случайностью.

При почти полном недоверии к реальности похвал, какое складывается к старости, все-таки бывает немного приятно, когда похвалят. И как бы ни была глупа неприязнь, – и это тоже чуть-чуть всегда неприятно.

<*На полях:* Пасха: 24-го Апреля.>

26 Марта. Ночь без мороза. Ровно серое небо. Дым и туман: от нашего дыма туман почернел. Крыши давно летние, сухие. По крышам коты ходят, и на какой высоте!
Все бывает. Случается, и коты с крыш падают.

Собираюсь сегодня в Кострому.

Петя по телефону из Пушкина сказал, что все кончено, весна шумит, везде вода, скворцы прилетели. Я опоздал. Все решил тот туман, который в Москве непонятен: не то дым, не то туман.

— Значит, дружная весна?
— Ужасно! Волга пошла.

И вот удивительно, нельзя было понять весны, а когда Петя сказал о всем, ясно услышал крик петуха на дворе Третьяковской галереи и все понял, и в Москве стало как в деревне.

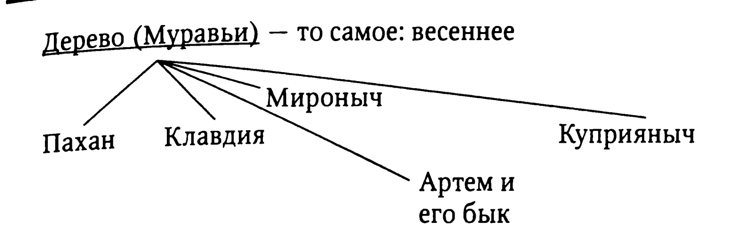
— Как все переменилось! — сказал я. И на мои слова Васька, подумаешь кто, — плут из плутов Васька ответил: — Все меняется, и Вы сами-то как переменились. — Я даже вздрогнул и огрызнулся: — Чем же я изменился?

Но подлец прав: я переменился. Так, начав менять свои взгляды на интеллигенцию еще в 1905 году, теперь окончательно пришел к перемене (чего стоит Иванов-Разумник!) и в отношении тоже большевиков. Как в христианстве вопрос был поставлен рабами, так и тут теперь пролетариями, современными рабами, и по-нужному, как теперь это надо.

Неважно прошло у меня и детство, и отрочество, и юность, и вся молодость, — все суета. Но старости начало (65 лет) меня радует, — первое: спешить стало некуда, второе, — на всяком месте приблизительно одинаково, в том смысле, что не место человека красит, а человек место, за исключением места с клопами: этого я еще не преодолел.

Принудительный труд, без которого не обойдешься, и болезнь, неминучий спутник старости, — это одно и то же, даже и самое слово-то ведь туга = труд, значит, болезнь. А если, говорят, бывает «творческий труд», то на него рассчитывать никак нельзя: это дается счастливцам, и счастье тут вроде актерского: как ни тяжело в труде жить, но есть что-то очень хорошее в сочувствии тружеников друг другу в общей борьбе, — чего вовсе нет у счастливцев и отчего актерского счастья не каждому-то и хочется.

К теме о встрече котов на крыше: можно на этом сделать московский пейзаж: как ампирный дом со всех сторон обставлялся домами: жалели ломать, и вот он задвинулся в глубину: разные службы, разные типы домов, дворы, слуховые окна.



Аврал.

Все от солнца. И, конечно, это солнце так сделало, что вода мельчайшими пузырьками поднялась над землей. Какой великий момент в жизни воды: вода разбивается на пузырьки и улетает. Это как у нас, людей, любовь, когда каждый из нас отдельно, по-своему как бы поднимается и летит над землей, сохраняя связь как любовь: все хорошее. Но и у воды, как у людей, скоро соединяются капелька с капелькой и падают на землю и начинают общее дело воды, где нет уже свободы каплям и каждая капля подчинена общему делу.

И вот еще у людей: себе самому, т. е. себе как капле кажется, будто я могу на весь мир распространиться и я — это самое главное. А со стороны каждая в совершенно безвыходном положении, одинокая ничтожная капля. У воды же этого нет: у воды и со стороны видишь, что капля соединяется и распространяется на весь мир в деле воды. И у них много совершеннее выходит, чем у людей: тут каждая капля прежняя теперь входит в единство всей воды и, совершенно забыв о себе, совершает общее дело воды на земле.

Итак, пошел дождь. Сутулый проснулся с мыслью об аврале: в крайнем случае будет аврал, и тогда все как один.

Мало-помалу из пепельно-серого день превратился в сверкающий солнечный. По газетам, на Волхове началось пароходство. Как-то завтра я попаду к Тупицыну?

Так вот я ковырялся ни в чем и весну пропустил.

Итак, будем в 5 ч. вызывать такси, вещей, как водится, набралось уйма.

Соколов — секретарь охотничьего общества в Костроме (спросить у Тупицына).

Кострома, Пролетарская у., д. 73, кв. 11. Борис Павлович Козлов.

Три ружья.

Заездна шумит (ветер южный).
Вороны купаются в снежной воде.
Ветер с полоя на гриву.
Дружная рыба партийная (лещ).

У Калашникова дрожжей покупать.
Дуги делают.
Волга 3 дня прошла выше Калинина.
Лоси заревели.

Не задолится. По прибылой. По убылой (две эры) — весны.

Палочки строгают: дуги гнут: Павел Иван. Хренов. (Вся душа в Пушкине.) Корнюха? Семенов (из Кронштадта: он усмирял, или его?).

В Москве день горел. Без калош. Звонок Пети: опоздал. Вечер 7.10 в Костромском поезде. Сказали: в Калинине ледоход. Ниже Самары ледоход. В Костроме должен быть снег, и Волга пойдет нескоро. В лесах почти нет снега.

27 Марта. В лесах снега. На полях снег сел, но поля не открыты. Тупицын. Козлов Борис Павлович (тип). Дача на Городище. Выехал в 2 ч., приехал в 7 вечера. Костя из Ведерков. Просевы. Куда делся снег? Земля сухая с осени, снег без осадки — земля не застыла: вода ушла в землю. Какое событие: в Калинине ледоход! Чибисы: теплая птица: Видел ли теплую птицу? — Гляди! 22-го прилетели все: грачи, синица — скворец. Спас. Бораньское (первобытный человек). Озеро Великое. Тур — дорога. На каждой гривке ток дупелей. Заездна шумит (ветер южный). Вороны купались в лужах снежных — застал дождь. И опять Калинин прошел. Вода прибывает.

28 Марта. Снег мокрый, снежинки в яйцо. После обеда серо, тепло. — Прибывает? — Показал палец (на палец).

Лещ – рыба партийная. Руками линя. Переезд к Семенову Николаю и к Сергеевне. (Жена Тупицына Настасья Сергеевна и сын Сергей Семенович.) Матрос, а скинь форму, и такой же. Любого коммуниста поставить в рядовые колхозники. Козлов – пыжик.

Праздник, [быт] – все, все то же самое внутри России, и все, что совершается, то снаружи, с поверхности.

Тупицын осмелился Козлову сказать: суеверие.

Первая рыба язь прибылая, потом щука и так все по прибылой, по убылой.

Чувство природы (души) как чувство жизни, за которой всё.

29 Марта. Трудовое, бухаринское и вообще безвыходное положение, – это уж так что не отказывайся и ты, Михаил, и ты, царь всякий, помни, как было с царем Николаем II.

Хорошо спалось, как дома. Туман.

Куча навоза и на ней деревья: теснота оттого, что некуда от воды.

Зайцев жалеют, а самим хуже зайцев.

– А зачем же ухо разрезал? – А затем разрезал, что мой, что был в руках у меня и что опять может попасть и чтобы все зайцы, глядя на него, помнили, как и мы: от сумы и тюрьмы не отказывайся.

Поговорили, как бы лосей спасти, а сделать ничего не сделали (выгнать ведь нельзя: они назад в Бабий бор).

Есть в каждой семье довольно чего-то такого, что со стороны покажется полной глупостью: нечто существующее исключительно в черте этой семьи. Так точно и в каждом народе очень много всего, не имеющего никакого смысла в условиях интернационала. Ужасно, что за это никакой разумный человек не может стоять, а без этого жизнь совершенно бездушная.

То, что в Козлове, есть у каждого коммуниста, даже Фадеева, Герасимова и пр. — что это? И неловкость моя с ними от тех же причин (напр., Ставский).

Зальет Большая Волга. (Столбы стоят с надписью Б. В. — все измерено.) — Все зальет, все кончится, а и так сказать, может быть, и не зальет? — Конечно, может, и не зальет, как пойдет история.

Как ловят судаков (кочка в лесу в нерест).

Человек черный, как <*зачеркнуто:* грач> ворон: волосы на голове, брови, усы, всё, а прозвище Рыжий.

28 в Костроме + 80 см.

Моховая грива.

Думается верно, а чередом не знаю.

Моховатая грива.

30 Марта. С вечера сильный мороз и утро ярко-солнечное, морозное.

Идоломка, Соть, Чуткин горб (с высокой гривы), чистополье. Как заревели лоси.

Трудно себе представить более обиженного человека, чем я, и так же редки те героические усилия, какие извлек я из жизни, чтобы примирить себя с этим и стать выше этой обиды: геройство в борьбе с собой и свидетельство моей победы есть книга «Жень-шень».

Может ли быть назван героем, кто всю свою жизнь отдал на борьбу с самим собой и таким образом удержался от зла?

Мороз — удобней.

Черновики на ледянке.

(лес)

Почему у Некрасова нет лосей?

Узокса.

А телята не поспевают: так, пудишка по два. Вышли, отряхнулись, играют.

Одно то: хороший был студень.

Не надо мешать (студень). — На Великом.

Ноги стали хватать. Руби веревку. С веревкой угол. Ошиблись. Веревка вожжненая. Пыль подколесная! Хоть сам-то жив остался. Чаю в жизни не пивал с сахаром, зубом сроду не бился и матер[ным] словом не ругался, а когда не в мочь делалось, говорил: «Пыль подколесная!»

Узокса. Бухалов.

Манерка, спальный мешок, сапоги.

Дераблин Иван Васильевич.

Марать, марать — хвать! не пропущает.

31 Марта. Наш писатель [кабинетный] марать-марать, хвать! не пропущают.

День красный, его раскемарило, едят и мухи (судаков колоть ехал), и топором строгай зарубки.

Рабом называется тот, кто, не любя своего дела, работает только ради средств существования. Свободным — кто действует за свой страх и совесть.

Все протаяло на береговом взлобке, где вчера в истлевающих снегах узнавал кружево морского прибоя — все закрыто, как зимой. А после обеда набежали новые снежные тучи и опять с новой силой повалил снег.

Табак я бросил курить, но никогда никого не уговариваю, чтобы бросать, напротив, в компании, чтобы не выделяться, возьму иногда и сам покурю. Точно так же я давно уже перестал убивать на охоте, как бывало раньше, и заменил свою охоту простым наблюдением жизни животных в лесах. Но ружье беру с собой и убью иногда для еды птицу или зайца. Я думаю вообще, что из своей личной борьбы со злом разного рода, табаком, охотой и т. п., не надо делать принципов, обращающих жизнь в систему принуждения. Вот когда мальчик маленький обожжет себе пальчик, тогда неплохо посоветовать ему беречься огня.

В кабинете Ягоды, наверно, не раз поднимался вопрос о Пришвине, не прибрать ли его к рукам. Но стеснялись Горького, ждали случая, за который можно бы ухватиться. И, возможно, даже был он, и решено было покончить со

мной на вечернем заседании. Но в промежуток утренних и вечерних заседаний случилось нечто очень важное, и о Пришвине забыли в тот вечер, а на другой день сами боги полетели к чертям. Случай, наверно случай, и так у всех и всюду случаи, и нет в живой жизни никаких законов, никаких причин, действующих вне связи случайной... По существу мой «случай» есть Судьба или Промысел, но однако и не складывается с этим понятием, потому что когда создавались эти понятия, меня не было, я в создании их не участвовал...

Съели с Тупицыным язей и выпили в его доме с пожеланием рыбы ему на весь год.

К вечеру снег перестал, заморозило. Но за несколько часов с утра мост перегнулся дугой, и вода из Соти пошла на луга в озера и заиграла в снегах.

Скорчился мост (утром: арка).

<*На полях:* (Вся жизнь – одна ли, две ли ночи... Пушкин.)>

Большаков давно умер, но помню дорогу с ним, ехали в тоске, он в своей, я в своей, и друг другу кроме пустых слов сказать было нечего. Впрочем, обмолвились и о любви.

– Да были ли ночки-то? – спросил он.

– Были, конечно, – ответил я поспешно, – конечно, были.

– То-то, – сказал он.

И мы опять замолкли. И мне стало [много] хуже: ночек-то ведь не было. И сколько лет прошло с тех пор, и всё их не было, и так я и остался без ночек.

Теперь просят жизнь описать: «интересная ваша жизнь!» Да, конечно, интересная: столько событий видел я между кончиной царя Александра 2-го и правлением Сталина.

И все это пустяки, раз ночек не было, не стоит описывать.

1 Апреля. Мы были вовсе незнакомые люди, два агронома, и ехали в тележке куда-то на травосеяние. Показалось целое поле медоносной травы синего цвета. Я попросил его остановить лошадь. Прислушались: пчелы гудели.

Агроном, грузный человек и неловкий, некрасивый, с широким грубым лицом, удивленно посмотрел на меня и что-то по-своему понял во мне и сказал:

— Была ли она-то?

— Была.

— И приходила?

— Да, приходила.

Он помолчал, а потом сказал:

— И больше не придет.

Вгляделся в меня и убежденно:

— Нет, больше не придет.

Мне было тяжело, нож в сердце. Я внутренно скорчился и растерялся. А он, этот грубый толстый человек, вдруг зарыдал и некоторое время дышал тяжело. Но вдруг справился с собой, вытер глаза и, как будто вовсе ничего не было, улыбнулся приветливо, выразив вроде как бы: — Ну, такие мы — все правильно, так и быть должно. — И стал спокойно говорить о делах.

2 Апреля. Мост разбирают.

Мороз. Лешка! садись на картошку.

Оживились? — Нет вандыша.

Тихая вода: великое болото.

То снег, то солнце, и все мороз, и все те же ослепительно белые просторы заливных лугов, а на горизонте кругом косяки пойменного леса.

Эта задержка весны с возвращением зимы похожа на те перерывы в своем бытии, похожие на временную смерть.

Икра: лещ — рыба партийная: лапы еловые.

Не могу с большевиками, потому что у них столько было насилия, что едва ли им уже простит история за него. И с фашистами не могу, и с эсерами, я по природе своей человек непартийный, и это необязательно — быть непременно партийным. Я верю, но веру свою никому не навязываю.

Рыба здесь вся волжская, свою выловили. Запирают: грузят косяки.

Неведомое (невеста) начинает переходить к привычному через ограничения: рыбы здесь мало, воля ограничена, а не безмерна. И рост населения — необходимость изобретения, механизация.

«Масса» большевистская и масса творческая (народ).

Чтобы удержать власть, надо «ближе к массам», и эта близость власти на пользу, но массе не на радость.

Путевые записи к книге «Неодетая весна».

Как сом двухпудовый запихнул себя в вентиль.

Лещевка — ложка икры.

Судак молочный 12 дней. Лещ — красный или белый.

У Колоды — борьба с лещом.

Головастики шевелятся, а он все ходит.

Окунь — разводная рыба (распутная: икра как мочало, везде на кустах).

Язь на стрежне: на ударе бьет икру.

Лещ, сорога, простая рыба наверху мечет, язь в глубине. Щука где попало...

Когда ворот в рубашке расстегнет — лещ и карась.

Язь греется на быстрой воде.

Подновье, Литвинское, Халява, Хотилово, Калита, Лапотково.

За Кастью — Баранское, Попово.

Пошли воду посмотреть (как вода?).

Все водоемы запираются.

Ввести рыбу на Выгозеро. Списать с края Мазая затопление зверей. (Звери в беде не грызутся.) Река текла и останавливалась, а вода кружилась.

Перемена ветра с N на SW.

Сежа — сидят, без труда — не вынешь рыбки из пруда.

Три вентиля на Волге: в каждом рыба.

<*На полях:* Мыши. Зоя и общий ум.>

2-го Апреля в Костроме передвижка льда 50 метров.

Не то кот, не то баран, не то ребенок, или все вместе, и во всем этом кто-то, будто колом, рубит матерным словом, и женщина очень стесняется этим, робким голосом уговаривает, и оправдывается, и всхлипывает, и плачет, и так слезы и мат.

С мышей — зайцы: они всё бегают от воды, меняя лежки. Всем нужна грива: и норка.

4 Апреля. Переливает [вода] дорогу — обозы кончились, и на лодках поехали.

Не сразу, когда переменился ветер, было заметно, что ветер южный...

Рыбаки:
— Чует ли рыба подо льдом эту погоду?
— Чует!

Птицы все прилетели, но куда они подевались?

Зоя ведь вовсе недалекая, а каким-то общим умом живет и будет жить как все... В «Падуне» состояние этого заднего ума (как озеро тихое) нарушается: передний ум должен создать новую родину. И этот обязательный для всех передний ум с планом — заставляет мышь бегать без памяти. (Тетеревам хотелось подраться, а нельзя.) Эта встреча переднего ума (плана), как тон повествования, вступает с приездом гостей, и события происходят на его фоне вплоть до «умиротворения».

Недаром сегодня было — тяга какая-то, никак не встанешь: к такой-то погоде!
Мой дом ходуном ходит. Стог перед окном как огромная голова, на которой от ужаса шевелятся и дыбом встают волосы.

Между прочим, описывая Надвоицкий узел, надо как-нибудь дать и весь канал в его значении переброса воды через хребет и внутреннем контрасте реки и канала (река с той и другой стороны рано или поздно, через тысячи лет, разрезала бы и сровняла хребет, но канал, челове[ческий] план, ускорил на тысячи лет эту работу, и все сделал план).

В бурю-метель коты забираются на чердак и орут. Кошки все забеременели, делать нечего: драки. И они там уверены: на чердаках. Но дошло и до котов.

Кошки уже забеременели, но сила осталась, и вот драки. Но дошло и до котов.

Я люблю борьбу весной, когда знаешь, из-за чего она, — из-за рождения жизни, знаешь, что все кончится хорошо. Но осенью борьба кончается смертью...

Линь — икра последняя.

Щука, язь, окунь, судак, лещ, карась, линь.

Одна девочка что-то рассказывала другой девочке, и ей стало мало слов, она заплясала, и другая, глядя на нее, заплясала.

А Тамара зайца по моей просьбе рисует и, всхлипывая, соп[ит]: трудно ей.

Работа Тамары Тупицыной.

Жизнь — борьба, но только разная бывает борьба и разные люди. Бывает борьба весны с зимой, когда знаешь, что, какая бы ни была страшная битва, все кончится к хорошему и начнется новая прекрасная жизнь. Такие бывают и весенние победные ручьи, и бывают весенние люди. А то борется лето с зимой, и бывают осенние хмурые люди, борются за жизнь, но знают вперед, что им...

Волчий стан.

Это в час десять перемен. Только рыбаки ушли на сежу, и вот началось. При солнце ветер дул сильный, небо раскинулось в оранжевых пятнах, и через оранжевое где-то в дальней глубине сияло голубое пятно, а с запада нарастала темно-синяя полоса.

<*Приписка:* Впервые небо с водой перекликнулось. Перекличка неба с водой.> Я смотрел на темно-синюю полосу и не пошел сидеть к рыбакам. Какой красотой сиял при оранжевом небе лед нежно-зеленого цвета, и по нём наливалась синяя вода: ни лед, ни вода, ни небо. Но когда темно-синяя, почти черная полоса разрослась в полнеба, то оказалось там внизу все бесцветным: все очарование было от

неба. Все небо закрылось, сделалось серым и с бурей начало хлестать дождем и снегом.

Какой еще может быть вопрос, что все мы вышли из этой борьбы и в нас постоянно происходит то же самое, и только нам не видно, потому что все происходит в себе.

И опять все прояснело, и просияло на небе голубое оконце. А рыбаки не струсили и пересидели. Как могли они выдержать, — удивительно! Вот уж действительно без труда не вынешь рыбку из пруда.

Я, конечно, в конце концов, верю в себя, который не унизится и выйдет невредимым из всякого унижения. В конце концов, да! но я страх имею постоянный перед унижением, и это ослабляет мою силу и подавляет возможности: мне всегда кажется, что сделанное мною ничтожно, а при счастливых условиях я бы мог сделать в тысячу раз больше. А вот Пушкин был счастлив.

5 Апреля. Всю ночь шумела буря, но дождя не было, и против вчерашнего вечера мало переменилось. Опять мороз — стужа. Нет вандыша. Ход рыбы.

Глава «Падун»: На дню десять перемен.

Опыт организации вопросов.

Ветер гонит тучи, и ветер сушит землю, и он же рушит скалы и ветер сеет — сколько он делает! и в то же время какой же это игрун. Нужно же найти себе такую забаву, что, когда капают капли с крыши и мороз их схватывает, в то время как хочет схватить мороз каплю, дунуть на нее, и на вторую, и на третью так, чтобы сосулька вышла кривая. И не одна какая-нибудь, а все многие десять сосулек кривые.

Так ветер-игрун посмеялся над морозом, и когда люди вышли из бараков, то все увидели и стали смеяться. Даже люди, даже заключенные смеялись над морозом:

— Кривые сосульки!

— Что ветер наиграл!

— Что нашутил!

Читая о любви Пушкина, думал о том высоком духовном подъеме любви, завершением которого бывает сово-

купление: и что это за совокупление! А то совокупление как таковое как у животных: короткое. Моя высокая незавершенная любовь нашла свое завершение в «Корне жизни».

Язь на глине. Лещ молочный — икряно-красный, синеватый с шипом по 13 ф. (самое большее).

Лещ-беляк до 6 ф. Калиновец, когда калина цветет, до 3-х ф.

Когда я Тупицыну намекнул на то обстоятельство, что сейчас нельзя прямо ничего сказать, потому что может статься, что каждый ваш собеседник состоит <u>там</u>, — Т. умолк. Почему же он умолк? Или... Или, может быть, думал: — Как ты глуп еще, старый мальчик, все теперь <u>там</u> состоят, и никто с этим давно не считается: пусть он состоит <u>там</u>, но ты умей привлечь его на свою сторону, чтобы он, будучи там, работал в пользу тебя.

Дураков, настоящих, доказавших себя дураками, партия не трогает, и они живут на удивление всем только за то, что дураки.

Со вчерашнего дня с запада показывается туча, быстро растет, налетает снегом, потом появляется солнце, и ветер уносит поземок, после чего сверкает наст в ожидании нового набега.

6 Апреля. На зуб, воды чуть, вода чуть лучше, сегодня остановилась, в Ярославле начала убывать.

Работа рыбака и шалости удильщиков.

<u>Последний бугорок</u> (лоси замерли, зайцы бегом, лоси, большие звери, молча ждали и передвигались на последний бугорок, и когда стало [заливать], они поплыли и заревели...)

...Последняя мысль у него была о вине, что злые недобрые люди, большевики, потом Сталин, а оказалось, не большевики, не Сталин, а «<u>так надо</u>» (поворот истории).

Так бывает, что, когда мы смотрим на людей, то различаем их, вот другой, вот третий. А когда посмотрел в зерка-

ло, в природу, – там нет отдельных людей, а делается все как надо.

Разбор сражения.

4-го теплая сила взяла верх, подул ветер с юга, и стало хорошо. В ночь с 4-го на 5-е контратака зимы, и ветер стал завертывать с юга на запад и с запада к северо-западу. 5-е и 6-е – дни ужасающих битв. 6-го ветер дошел до севера и ослабел: к вечеру стихло, и обозначился легкий ветер с юго-запада. Небо на юге стало акварельно-прекрасным. На западе оставались дымчатые [полосы], в которые садилось солнце.

Завтра днем ожидаем перемену к хорошему.

Конец борьбы – солнце на столбы влезло, как широкая душа самого хорошего человека, а там, напротив, где люди живут, у моего окна стог как голова с поднятыми волосами от ужаса: так он и остался таким в тишине.

7 Апреля. Благовещенье.

Писатель пишет, даже величайший Пушкин – и то мало читателю, что он пишет: ему до страсти хочется самого Пушкина в лицо посмотреть. Кажется, ведь это же именно сам Пушкин в лучшем его составе, как автор «Медного всадника», а нет! – Пусть в лучшем-разлучшем, а хочется именно на того Пушкина поглядеть, какой он есть. И почему-то дипломатам мало переписки, а надо лично поговорить, посмотреть друг на друга, и то же на войне: при таких совершенных орудиях уничтожения надо лично встретить и бить друг друга в рукопашную, и тончайшее романтическое чувство к женщине должно завершиться чувством общим со всей природой, чисто животным, как петух и курица. И труд – это борьба, завершаемая вещью.

Пьяный председатель и спаивание: а откуда же деньги взять?

И мои деньги, на которые [опирается] мое благополучие и обслуживание Клуба писателей, тоже ведь происходят из того же источника... Нет!

История с пешней и острогой.

Мог любить и доходить до полного безумия только при условии невозможности достигнуть удовлетворения. Так и читатель. Эта болезнь определила всю мою личность, болезнь + самолечение.

Левина болезнь.
С утра мокрый снег, до вечера дождь.
Кольцо сжимается.
Пешня и острога...

8 Апреля. Южный ветер, чайка, голова (жаворонка). Хищник в мирном настроении.
Кольцо сжимается. Вода стоит.

<*Зачеркнуто:* В каждой местности есть ее патриоты, и они думают, что лучше их места нет.> И каждый местный человек привязывается к месту и бессознательно любит свой край и здесь уравновешивается, и это спокойствие равновесия, в сущности, и питает чувство родины. Получается на родине нечто вроде того, что делается в стойле: скопляется удобрительная сила предков, слеживание пластов, тяготение родных элементов друг к другу такое сильное, что этой силой стремления человека на родину можно пользоваться как силой падающей воды: десять и больше лет с усердием будет работать земляк, лишь бы попасть обратно к своим землякам.

Сегодня к вечеру весь почти взлобок берега до моста освободился от снега, и можно было от дома до моста пройти по земле.

Вооруженное восстание офицеров и Николай I: 5 человек повесили, и Пушкин чуть с ума не сошел от гнева («Пророк»): что же было делать Николаю? Все было бы понятно, если бы Пушкину нынешнее наше состояние могло бы представиться достижением, но... из-за чего же?

Рыба шла вверх по рекам для икрометания не прямо без отрыва вперед и вперед, а как некоторые птицы летят: покормятся где-нибудь, и дальше, а там впереди опять на привал, все вперед и [выше]...

Говорят: обмануться, но, может быть, на самом деле это значит как раз очнуться от сна, который называется правдой.

Иначе не объяснить иллюзии и сны о свободе Пушкина в отношении их к «правде» царя Николая I-го: разве как глава государства Николай был неправ, что он казнил 5 человек из офицеров, выступивших с оружием в руках против государственного строя, который он обязан был защищать? И тем не менее мы сочувствуем до сих пор Пушкину, потрясенному той казнью, назвавшему того достойного царя убийцей. И особенно странно это сочувствие поэту в наши дни, когда врагов государства убивают непрерывно и сотнями тысяч отдают в рабы. Где же правда, где же сон?

И на обломках самовластья...

Именно вот теперь как будто наконец-то и выступает правда и необходимость власти, правда Николая I, казнившего 5 декабристов, и эфемерность «свобод» Чернова («селянского министра»), Бухарина, Разумника. Но Пушкин?

Все теперь против своe-волия: напр., в колхозе: не рыбку ловить для себя, а... $^1/_2$ литровка — это я, колхоз — это они (но никак не «мы»). А надо сделать из «они» — «мы». «Они» — большевики, и «мы» — $^1/_2$ литровка и песенка: мы пьем и поем. Пушкин и есть эта $^1/_2$ литровка и песенка: это есть жизнь в лицо: правда газообразного состояния тела рядом с правдой твердого тела.

Быть самим собой и в этом образовать «мы» и, наконец, не подменять этого «мы» тем «они». Пушкин — это «мы», Николай, Сталин — «они».

$^1/_2$ литра Тупицына = сочинения Пушкина.

Пушкин относительно Рылеева, — мы относительно лейтенанта Шмидта — одно и то же негодование и на другой стороне одна и та же необходимость.

Свобода — это я-мы, необходимость — «они» или «он» (власть).

Медный всадник — «он» — государство, Евгений — «я» — душа — мы, — и, конечно, в перспективе будущего: «ужо!» Евгений прав: он пророк: так что «всадник» — это

настоящее, это необходимость, власть, «он», «они», это берега, а Евгений — вода текущая.

Хорош огорошенный женщинами Бетал-строитель: они посадили деревья — он их должен снести. Как он бормотал «крестьяне», и как он говорил: здесь будет курорт.

Барань — рядом с Вежами: тут первобытный человек ловил, и сейчас ловят в Вежах: родина! И они за деньги готовы бросить родину без протеста.

Вот вопрос: 1) о переносе родины
2) о личном рабе и колхозном

Тупицын и Пушкин: Пушкин не лично за себя, а Тупицын? Так вопрос: чем отличается Тупицын, выступающий против колхоза, от Пушкина против царя Николая I и Бухарина против Сталина? И отчего это ты сам, протестующий поэтически, становишься в тупик перед Бухариным-Тупицыным, призывающими к действию? И почему Пушкину нельзя было с Пестелем?

Рационалистическое безумие Бухарина-Пестеля, Разумника и поэтический план Пушкина.

«Железный прут» революционера и «свобода языка» поэта: одной свободой обладает поэт — свободой языка, а революционер — заговорщик, и этим нет: он должен молчать. Но зато у него есть железный прут, который при случае — прут власти.

Вот откуда у меня ненависть к общественной работе: там «они», а тут я и мы: мой личный труд, я есть в творчестве своем «мы», и это опережение процесса превращения насильственного «они» в «мы» и есть трагедия писателя.

Правительству мало налога, ему хочется души (не «они», а «мы»), и вот готова инсценировка души (душа истинная спряталась в бутылку).

Ныне душа русского человека в бутылке: вино — реализация скрытой души, а для государства питейный доход. И если бы перелить удалось поэтические творения, чтобы их пить, это бы стало питейным доходом.

Колют рыбу на Великом [озере] днем, и глядишь везде кругом, как вор на ярмарке, и она тоже, плутовка, глядит на

тебя из-за травинки или листика: большая плутовка. Но только чуть шевельнулась и зарябилась вода, я мечу туда острогу.

В лесу лошади по брюхо.

Утки. Крик чаек.

Вот это самое неопределенное чувство, в котором зреет воля определиться, стать, опереться на что-то незыблемо-крепкое и упереться и отсюда начать все по-своему и навсегда без колебания, — из этого чувства родился у Пушкина «Пророк», из этого самого родилась у Гоголя «переписка», у Толстого его «толстовство».

Кряквы.

Ветер к вечеру наконец-то затих, и вода перестала шелестеть [закрайком] льдов. Течение реки затихло, откуда-то взялись утки и парами расселись на воде, как на льду.

Бездарный твой подражатель действует вреднее, чем дурной и злой критик: от критика отмахнешься, как от слепня, а подражатель внутрь тебя самого забирается, и ты думаешь: плох же я, если подал повод для такого писания. Одним словом, осадок на душе остается тот же самый, когда смотришь на обезьяну.

Небо — самая серая скука, и тут внутреннее преображение: в этом сером небе птицы летят, и в душе навстречу им большая птица.

10 Апреля. А. А. Шахову: 1) диалог — для того чтобы выявить резче личность, а не для изложения мыслей. 2) Обида Ник. Вас.: «ничего подобного». 3) Пустые слова. 4) Иванов-Разумник = Евгений. 5) Претензия, манерность. 6) Пушкин с Дарвином <*2 нрзб.*>: научный нигилизм.

На рыжей голове ни одна соломинка не шевелится: как встали волосы в бурю, так и стоят.

Стая зябликов — каждый зяблик как истребитель.

Баня и лодка.

Время воды проходит.

Анатолий подкачал: гусь зашворкал.

Скука — серое небо весной к добру: и скука — и серое небо.

Кочки видны — не быть большой воде.

Голубая вода в белых берегах.

Я не могу себе представить, что человек взрослый, имеющий семью и положение научного работника, мог написать такой невозможный сумбур. Или это Ваш юный Шура укрылся под псевдонимом отца, или, может быть, занятие биологией способно консервировать юношу в зрелом человеке? Не понимаю...

11 Апреля. Ветер успел обернуться на запад, а стужа самая северная: ветер сам по себе, мороз сам по себе. Но и ветер и вода как будто сговорились против мороза: ветер играет водой и не дает морозу студить ее, а вода, прибывая, выливается на луг, и не успеет мороз наморозить, она еще приливает и подвигает вперед ту воду, которую мороз уже почти остановил. Все утки спрятались, чаек не слышно, единственный раз свистнул кроншнеп.

Мороз кует, вода моет, а ветер не работает: пусть сеет, пусть сушит, но это ему так дано, сам же по себе он не работает.

Весь день валит снег, но за весь день черная, только что просмоленная лодка от этого снегу не побелела.

Вороны забираются в провалы человеческого наста на снегу.

Метель за Бабьим бором.

Маркушиха.

12 Апреля. Есть люди до того только добрые, что этим и аргументируют, вполне убежденные, что и все должны быть добрыми, если же при этом они недалекие, то с ними всегда боишься за себя, как бы не выкинуть что-то им «назло». При вынужденном и длительном общении сделать что-нибудь назло до того хочется, что я начинаю от них прятаться: на улице перехожу на другую сторону, дома сказываюсь больным.

Мой ампир. Прошло всего две недели, и вот окружающие меня предметы все расставились на свои места и начали играть роль в моей жизни.

Но как бы ни был ужасен день весной, как бы ни было безнадежно мутно небо, [никогда] не останется на весь день и никогда не схватит безнадежие.

Весною как бы ни было плохо в природе, какой бы ни был тусклый день – все равно весь день так не простоит и переменится к хорошему: тебе тут делать нечего, садись в седло, сложи поводья и знай, что приедешь к хорошему. Осенью – другое дело, тут все зависит от тебя самого, какой ты сам в себе запас наготовил для борьбы <*зачеркнуто:* и зимовки>.

В труде каждый стремится одолеть темную сторону – и вот кто-то одолел: щелк! и замочек открылся: вовсе не надо работать, умные люди не работают. Достал отмычку, изучил это дело, как что понадобится – щелк, и замок открывается: что за чудесное дело! Каждый придумывает свое, инженер, учитель, музыкант, а я свое. И вы хотите, чтобы, зная секрет, я вернулся к работе – нет! <*Приписка:* Развить, что для всех он хорош и готов отдать последнее, но только для одного...>

<*На полях:* Назовите хоть одного человека, кто бы перед одним кем-нибудь не был виноват; я виноват, как все, но ум имею отдельный и им освобождаюсь от труда.>

Никто не ждет весны, как рыбак ждет, и еще бы: земледельцу мало ли чем можно заняться перед тем, как пахать и сеять, а рыбак без воды, как и рыба.

Данилыч, увидав чистый восход, презрительно сказал о снеге: вот только взойдет солнце, оно покажет. Против солнца сейчас никакой силы нет. И только он это сказал, как подует с северо-востока! Этого ветра еще всю весну не было. Мороз против солнца выпустил самую злую свою силу: стужа, как зимой. Но прав был Данилыч, вскоре лодка его засыпанная опять засияла блестящей черной смолой, потекло с крыш, зачернели проталинки, стали одна за од-

ной кочки показываться, оттаял и стог и опять стал рыжей головой, поднял волосы и зашевелил...

У меня есть злые враги из специалистов, работающих близко к природе, лесников, агрономов, конечно, тех, кто и сам немного пописывает: сказал я где-то о луговом мотыльке — и он готов тебя на куски разорвать за то, что неверно сказал о луговом мотыльке, и злоба тут не за то, что я неверно сказал, а за то, что он мог бы верно сказать и я его опередил. В особенности за это ненавидит меня писатель «Лесник», который, кажется, может писать исключительно о собаках и охоте, и, кажется, неплохо даже может писать, но в глазах читателей много хуже меня. В одну мелкую охотничью газетку он даже и донос на меня написал и уничтожил бы меня совсем охотно, если бы мог. Но один известный критик в «Известиях» написал, что его книга «Зеленый шум» неплохо написана, только, читая, вспоминаешь, насколько о том же самом лучше написал Пришвин в своей книге «Родники Берендея». После этой рецензии я уже ничего о Леснике не слыхал, как будто умер. Но их много, таких ревнивцев, и я сам тоже ревнив и завистлив, но преодолеваю это и до того преодолел, что, кажется, напиши кто лучше меня, — обрадуюсь.

Бывает, кто-нибудь делает что-то: конопатит лодку рыбак, опиливает болты шофер, и мало ли что! а другие, ему подобные, его же цеха люди, присаживаются и отдыхают. Вот тут любимое времяпрепровождение рабочих — сидеть, глазами внимательно следить за работой одного и друг другу о чем-нибудь рассказывать. Вот тут если писателю удастся пристроиться и затеряться, то больше ему ничего и не надо: остается только потом суметь написать.

Дурные полосы... россеки.

Куриная слепота: полой — стал утку жать, чтобы селезень зашворкал — и спасся.

Снег как лопатой сгребают.

После заката ветер стих совершенно. Заря оранжевая на полнеба кругом, холодно, месяц взошел, и стал укрепляться мороз.

Охотсоюз прислал директиву Тупицыну, чтобы он организовал спасение лосей и зайцев и немедленно бы явился сам. Но как явиться, если никакого проезда и прохода нет. И почему он должен, не имея никаких средств, спасать зайцев и лосей? Тупицын написал: — Директив ваш получил, но сам явиться не могу: нет самолета.

Если бы 13—14—15 было тепло, можно бы Петю было еще вывезти, но...

13 Апреля. Диктатура погоды.

Весь полой замерз. Месяц спустился на солнце. Ветер [начал и] мороз, и так они встретились.

В полдень оказалось, что северный ветер потихоньку помогает морозу, дует очень тихо, но холод от него страшный, такой, что солнце до полудня не могло справиться даже с оледенением полоя.

Лева прислал письмо о том, что ехать ко мне раздумал: денег нет, и что Левин отказался от бобров, и что фоторепортер не [знал] о моем пребывании в Вежах, и что собираются ехать Новиков и Ставский. Не знаю, почему Левины письма здесь меня расстраивают: передает ли он свою вечную тревогу о себе, свою суету... То же самое получаю от Зуева, как и от повторения избитых имен Левина, Ставского, напоминающих мне о чем-то невыносимо будничном, сером.

Хотел предложить Тупицыну взяться за колхоз, стать во главе его обновления, а с налогами как-нибудь устроить через нас с Новиковым. Но, подумав, вспомнил нечто о себе и представил, что Тупицын в ответ предложил бы мне заняться обновлением Союза писателей. Не могу же я: есть в этом отврат чего-то до конца изведанного, затертого. Как безнадежны те же самые лица.

Мое спасение одно: подальше, подальше от них, поусерднее писать свою вещь, сосредоточиться совершенно на ней одной и потом дать сразу большую книгу: самую вещь листов в 10 + «Этажи леса» (в записках) + «Вода» (в записках), «Мазай и зайцы».

Всё хорошо, и всё можно победить, и в литературе покорить [даже] всякого врага и супостата, единственно, что нельзя преодолеть, — это войну. Ужасно, что до меня война касается вот именно этой пошлой своей стороной, которая так пугает меня везде и всюду, и чем дальше, тем больше.

После обеда к вечеру слабый северный ветер постепенно стал стихать, и закат был как стеклянный. Как играли цвета на заре! Вот из-за чего живут у воды, у большой воды. Удивительно, что при полном солнце, при безоблачном небе в течение целого дня не мог вовсе освободиться полой от льда прошлой ночи.

Узнал, что Волга в Костроме пошла 11-го в 5 ч. вечера, третий уже день идет! а у нас ничего. Есть опасения у некоторых, что так изморно и пройдет вся весна и не будет воды, а раз воды не будет, то и рыбы «ни хуя».

Ранил гуся в крыло и не мог угнаться за ним по воде, вышел на берег, бежал, терял патроны и не мог догнать. И когда бежал, то воды не было, а когда опомнился, то оказался весь в воде. — Откуда же вода? — спросили его. — Сам не знаю. — А Иван Сергеевич ответил за него: — Говорится пословица, что ему как с гуся вода: так вот это ему с гуся.

Раненая куница ушла под стог в прутья. Пришлось весь стог в 100 пудов свернуть на сторону.

Колхоз имени Некрасова. Если бы налоги снять, то всю бы рыбу забросили и дружно принялись за хозяйство. Отсюда выходит, что не в колхозной организации беда, а в налогах, не колхоз, а налоги, которые пришли с колхозом. <*Приписка:* Так что, значит, надо бросить разговор о единоличном хозяйстве. После такой-то беды, да вот дали бы тот же колхоз без налогов, вот зажили бы!>

14 Апреля. Петя выезжает, несчастный, и не знает, что ему предстоит.

Вчерашний жук-водолюб сегодня особенно ярко вспоминается: вокруг лед и солнце, талая пустыня, пришел первый человек или, может быть, бог, ткнул ногой в лед, отку-

да кинулась вода, и водой на лед вынесло первое живое существо: это был жук-водолюб.

Месяц второй раз, и не удивился. Ветер (только по дыму) смешался, один клонил дым с севера, другой с юга. Ветер переходит на сторону солнца.

Лед $^1/_2$ вершка. Утка... села на лед и дожидается.

Пустыня и жук-водолюб. Кто́ его не видел, и я не видел, и хорошо, что не видел, — что значит видеть? Разве можно увидеть что-нибудь партузнику, которого заслали описать пустыню, и я увидел...

Экспедиция по [льду] (нас облило).

...путь реализма и каждого поэта: реализм в потребности сделать свое видение жизнью.

Слои мороза: слой воды замерзал на лугу, из-под него потом выбивалась вода, и тот, как и первый слой, замерзал. И так становилось два слоя, разделенные между собой далеко заметной змеистой синевой, и на второй пришел третий слой, и четвертый. Но потом на пятом ветер покинул мороз, перешел на сторону солнца и давай ему помогать с южной, знойной стороны. Так и не вышло у мороза пятого слоя. Со всех оврагов, из лесов из темных бросилась вода еще днем. А ночью в помощь солнцу явились тучи и закрыли месяц от мороза, легли как тяжелое теплое одеяло на землю. Тогда поднялось снизу вверх паром тепло, и вскоре упала сверху первая капля.

Утки как сели на лед с утра, так и сидели весь день, хотя недалеко от них уже рябилась синяя вода.

Пой — мелкие озера на пойме, подозерки (и пой).

Дурачок не дурачок, а не в своем полном уме, сам с собой говорит, больше ругается. И он, весь в отрепьях, скупой, как Плюшкин, показывается передо мной как в зеркале, когда я мечтаю о возможности для себя безмятежного пустынножительства на свою пенсию, тогда в ужасе я в нем узнаю свое отражение.

...а что он бормочет? быть может, он бормочет, что шестикрылый Серафим ему явился. Кто же поймет его? И вот

в этом-то и есть подвиг пустынников, что каждый из них преодолевает безумие полного одиночества, в этом и есть подвиг, чтобы преодолеть неминуемое безумие.

Надо остерегаться таких разговоров о людях, как был у меня с Сейфулиной: к чему-то, болтая о том о сем, я пристегнул к слову М. Шагинян и тоже бы косточки помыл, но Сейфулина остановила: «Но Мариэтта же превосходный человек!» И я осекся, потому что это правда, а я болтаю.

Есть особая порода людей, сосредоточенных, молчаливых, вызывающих на болтовню: хочется болтовней перескочить через ров молчания. И есть тут люди, молчащие неприязненно (Ставский) и дружественно (Сейфулина, Серг.-Ценский). Горький вроде меня был болтун, но у него хорошо выходило, у него не выскакивало «лишнее», и он потом не мучился сам с собой.

Подлость моя в том, что я провоцирую искренностью, и в большинстве человек раскрывается, а если молчит, я выхожу из себя и говорю лишнее.

Одна трудность — переносить пустыню, другая — оставаться самим собой при встрече с другим человеком. В первом я что-то достиг (мои сочинения), во втором я хорош среди своих (юбилей) и никуда не годен среди чужих и врагов, т. е. тех, кто не понимает меня (дураки), не признают и не любят.

Бывают гордые люди, которые борются со своими подхалимскими чувствами и побеждают их тайный шепот и уговоры, но оно есть и у гордых независимых людей, это подхалимское чувство.

Преодоление пустыни: т. е. не надо брать абсолютно (с вырыванием корней — тут и есть дьявол и сверхчеловек), надо выращивать свой загад (план), желание, оставаясь на своих корнях, и вообще так делать, как делают растения, давая новые отпрыски.

Часто приходит в голову затея что-то предпринять, куда-то отправиться, в чем-то перемениться, а одумаешься и скажешь: это можно сделать и тут у себя, и переменится и всё.

6 веч. Сидят ли утки? Сидят (припев).

Что это за утка «луток»?

Сидят ли утки? Сидят.

И когда ты остаешься на своем корню и его чувствуешь, то, [если появится] новая ветвь... даже и вот то, чтобы периодически являться к своим врагам, сохранять свое достоинство и даже меряться силами, зная, когда необходимо уйти. Умей войти и умей выйти...

В пустыне кажется трудно и пусто, а после окажется, что как раз тут-то и было богатство (когда «пустое» время пройдет).

Утки так насидели место, что возвращались (мальчишки орали — мышей били).

Вежи оплывают.

За день весь полой освободило солнце, и миг — открылись проталины.

Некоторые облака подозрительно...

Месяц красный с вуалью, скоро вуаль слетела, и показалась обыкновенная рожа.

Бой мышей: сети грызут.

Взвозились девки <*1 нрзб.*>: всем вам по хую.

Закат с пересекающим вверх столбом оранжевым.

Неприютно. Морозит.

Солнце, скрывшись, выслало меч... оранжевый...

15 Апреля. То солнце, то в облаках надежда на дождь — и нет дождя.

Почему мыши бегут, а чайки плывут.

Звук птичек (южный ветер, остатки полоя).

Политический деятель был целиком схвачен временем, тем самым скоро остается в прошлом. (Схваченные временем переменным — бились в расчете победить время. А время пошло на них, и вот человек в лице: появился человек в лице...)

— Идеи, идеи! вот увидите, идеи коммунизма пожрут самый коммунизм. (Идеи имеют основание, на котором они возникают, почву, землю, которая питает их. И падают.)

Единственное дерево — вяз: на нем присаживаются перелетные птицы.

Гусь валит. Встреча Пети. Водяная крыса... Горностай.

16 Апреля. То надежда на дождь, то солнце, теплее других дней, но еще тепло не настоящее. Вода прибывает, но [еще] мало. Охотники заманивают уток.

Труд одиночества: Ныне праздное одиночество позорно, но есть одиночество трудящихся людей, и, вернее, даже труд одиночества, борьба за свою личность в интересах самого же коллектива.

Мой вид столь соблазнительный, что каждый, издали видя меня, хватается за карман и вертит папиросу.

Одиночество есть форма труда, значит, борьбы, в этом случае борьбы за себя самого, за самую свою личность. И победа над одиночеством значит завоевание своего положения в обществе.

А идеи сами по себе в глупой голове обратились в свою противоположность.

17 Апреля. Как и вчера: полусвет солнца, но, кажется, мороза не было. Теплеет постепенно. Вечером (под разрешение 18) выезжаем на уток.

18 Апреля. Не понимал никогда людей вроде Троцкого, сознательно заботящихся о положении своего имени в истории. Их надо понимать через свое писание для будущего: пишешь, будто сеешь, зная наверно, что жать будут другие. И есть люди вроде меня, которые в таком писании, очевидно, для будущего находят удовлетворение и даже наслаждение. А история разве тоже не «творимая легенда»?

«Инженер душ», как и «Пророк». Пушкин говорит о необходимости [для] писателя реализации в обществе. И все бы хорошо — то пророк, а то инженер душ — почему не инженер? Но когда говорят «пророк», то и все в один голос: пророк и пророк. А вот когда скажут «инженер душ», то вместе с тем как будто говорят еще и так: ты-то сам будь

лишь словесно инженером, а какие души строить надо, — ты приходи к нам, и мы тебе скажем. И конечно, тех предпочитают, кто идет не со своей душой, а со своими словами.

Сведения из газет, что 16-го полный ледоход Волги.

18-го у нас воды убыло.

19 Апреля. Петя. Тепло началось. Убыль воды.

Телеграмма о пяти повешенных.

Кость пришла. Прибыло. Сторожа вороны. Затопило воронье гнездо. Зажгли воронье гнездо. Землеройка плыла, хоботок вверх.

Рыбачья база Ожога: Корнилий.

Вечер на пойме. Вода — Солнце (землеройка плывет): вода — и лес (дрозды на солнце) заливает, и из леса льет (Касть пришла). Что значит: прекрасно я начал расти и шириться, и мои обиды, злость, неудача, старость — я не прощал это, а все это само исчезало, как исчезает мелочь, когда поднимаешься на гору... и так вплоть до песни человека; бекас, вальдшнеп, галка, утка. Журавли (два). Гуси и журавли. Песня человека, ширина разлива — и все птицы...

Ночь, костер, рыбаки; Касть пришла, шумит (до Перервы).

Появление Мазая (утки на корзине и всем Мазай, только зайцев не ловит, а ест).

Наслаждение в смоле, сене и спальном мешке.

Туман (поиски Ожоги — шалашей — первобытный лес).

Мысль о Падуне: напр., землеройка, ее судьба в поисках родины, и следующая глава: человек в том же положении.

Мышь лезет на куст и все выше и выше, она думает, наверху опять то же начнется, и лезет (авось!). Она лезет в новый этаж.

Гаечка свое гнездо искала, но его не было.

Служба такой же путь в природу, как и личность (Сутулый и Пахан).

Самосознание Аксюши.

20 Апреля. Спали.

21 Апреля. Снаряжалися в Кострому за вещами.

Снежная тропинка на лугу растаяла и совершенно исчезла, зимняя дорога вместе с укрывающим ее навозом ушла под воду.

Выяснилось, что воды больше не будет, — все стало понятно: вода ушла в Волгу...

После обеда выехали на охоту. Ветер восточный, не очень тепло, погода — черный хлеб.

22 Апреля. Жук. Телега. — Разве я не поверю каждому слову Пети, если он расскажет мне, как он убил селезня. Я верю ему, как себе, но если на просьбу мою: «Покажи» Петя вдруг смутится и скажет: «Селезень потерялся», — я при всем своем желании идти навстречу Пете в его утверждении факта не могу победить себя в сопротивлении признанию его; напротив, в тайниках души я говорю: нет, он не убил.

Мысли, когда уплывает селезень.

Кусты + отражения = первобытный лес.

Родина: и эти дикие звери, которые пришли сюда, пили воду нашу, и через эту воду они были наши.

Суд, но судьи увлеклись и все сами начали кричать (и тут человек): и вся пойма — кто кого перекричит.

Утро: я убил 2-х селезней (накануне вечером вальдшнепа); вечер: лоси; зуб лося.

Ночью с 21-го на 22-е — Костромка пришла (растопила) и начало теплеть, и 22-го вечером стало вовсе тепло на тяге.

Появление князей.

Движение березового сока 22-го вечером.

В 1-й теплый Апрельский вечер проходит березовый сок, и раньше теплый дождь или сок, — это по весне.

В эту весну сок и теплый дождь сошлись.

И зашевелились лягушки еще в холодной воде.

Легче кажется каплями сока березы человеку напиться, чем лосю зубом нагрызть себе питание.

В начале убывания второй половины месяц бывает иногда похож на пол-ломтя лимона. Лягушки везде.

22–23 Апреля. Ночевка, чуть брызнул дождь, теплый как молоко. Ночевка на Липовой: костер Данилыча. Зайцы: не верит в Мазая (Некрасов выдумал). Костромка бушует. В шалаше затопление (катастрофа). Последняя водяная крыса покидает и плывет на восток. У Пети лоси переправляются: шум воды, пузыри от каждой ноги, зверь — перед: жираф-кран — кран-кабан, жираф-кран — кран-кабан. Водяная крыса = бобр — ива — сучок руками — почка и верба.

Будто лень охватила всех птиц от тепла. Солнце за широкой повязкой, из-за повязки вверх лучи. Петин огонек прорвал повязку, будто костер загорелся. И дальше то теплый дождь, то солнце. Лягушки начинают кричать.

Аксюта — все качества и нет одного какого-то, из-за чего она как добрый зверь (Лада).

Над тем же самым стогом соломинки и комарики мак толкут.

Водяная крыса до последнего момента сидела на кусте и почки от прутиков ела — и поплыла, захватив с собой сколько могла.

Стремление быть как все, (мое) это — что? (Гуси — закон, правда, общество) = быть как все = быть лучше всех.

24 Апреля. Пасха.

Всю ночь лил дождь и утро все окладной дождь. Почти залило нас. Несколько газет из Москвы после перерыва, и все ясно. Мы окружены врагами, как в деревне Вежи водой, и это, вероятно, есть такой закон, что появляется при этом внутренний враг. Враги вызывают наше военное строительство, а такое строительство действует, как и война, разоряет, опустошает страну материально и духовно. И так надо, и нет выхода. <*Приписка:* Письмо из «Правды» —>

Видел во сне, будто иду с кем-то по большой улице, и на балконе какого-то дома, видно, стоит Максим Горький. – Жив, воскрес! – раздались голоса. Мы бросились туда, начали обнимать его радостно. А он нам отвечает: – Жив-то жив, только вы ведь поэты, может быть, вы сами меня и создали?

Что есть Волга?

Тукин – человек талантливый, честный, хороший работник, вдруг запил, и так, что [по]решил все нажитое и стал почти нищим. И говорят, умно сделал, что запил, иначе быть бы ему на канале.

Оказалось, что за П. И. Халатова я принял другого человека и сказал о нем, что скверный он человечишко. Через некоторое время мне сообщили, что тот человек, принятый мной за Халатова, есть Сергей Балев, отъявленный негодяй. А дознались об этом так, что кто-то видел меня, как я с ним разговаривал.

Весь день до вечера дождь и сильный северный ветер, и вода прибывает.

На ночь все стихло.

25 Апреля. Мороз. Ясно. Тихо. Хрустальная, как будто неживая вода. И только человек сказал, что вода лишь притаилась от холода и весь этот хрусталь ее жидкий. Такая тишина!

И вода все прибывает, подошла почти что к самым домам. Это, наверно, последняя вода от лесных снегов, окончательно растопленных суточным дождем.

27 Апреля. Утро. Мороз. Солнце. Вопрос: ехать к 1-му или остаться?

Обслуживание егерей развращает.

Спор о корове.

К огоньку чужой человек.

Государственная инсценировка есть зло из всех зол (организованная ложь).

Весна была изморная, но все-таки весна, на короткие дни и часы показывалась она во всей прелести, и мы ими пользовались, и так все было, будто сидели мы взаперти, а время от времени нас выпускали на волю, и эта наша воля на короткие дни и часы была милей, чем если бы вовсе нас отпустили...

Никто не таится так, как вода, и только сердце человека иногда затаивается в глубине и оттуда вдруг осветит, как заря на большой тихой воде.

Затаивается сердце человека, и оттого свет (найти такую зарю).

Так что можно сознательно искать в природе явления, вполне соответствующие явлениям в душе человека, и это будет путь не только здорового искусства, а и знания (здорового знания, потому что в природе содержится только здоровье).

Рождение – любовь – смерть.

Любовь – рождение – смерть.

Роман может начаться или любовью: он и она родили третьего и умерли; или же рождением: он родился, полюбил и умер; началом романа может быть и любовь и рождение, начало разное, но конец один: смерть...

Да, мы разделяемся на тех, кто производит что-нибудь, и на тех, кто этим пользуется, одни создают музыкальные композиции, другие едят под музыку. И это вечное разделение, возможно, перешло в нас из разделения на растения и животных. Маркс всю эту борьбу увидел в человеческом обществе, и Сталин постарался, чтобы все сделать точно по Марксу, общество социалистическое, единое в борьбе своей с природой за единое счастье. И как только создалась такая среда, человек сейчас же пришел в ней в свое обычное состояние борьбы, мир распался на друзей социализма и на врагов, и «друзья» так прижали своих неприятелей, что получилось в 100 тысяч раз горше прежнего.

Ясно, только холодно, и мне ехать не захотелось, послал Петю, и, видимо, ему было приятно ехать одному, и мне

было приятно остаться одному, и вскоре вода, точно от моего удовольствия, стала успокаиваться, и, начиная от нашего берега, ее как будто утюгом стало выглаживать.

Стало выглаживать полоски на воде, похожие на Млечный Путь, отчего это бывает, такими полосками, не знаю, и у кого ни спрашивал, никто не ответил.

Город показался, и берега Волги стали видны вдали, такие красивые (Волга с парохода).

Может быть, одни только мыши грызут сети рыбаков, но водяная крыса по виду похожа, и на нее вина мышей легла еще больше, чем на них самих: она больше их.

Описать стог сена в бурю, и потом комарики мак толкут.

Я хорошо знаю, что в дурные минуты никакой вид из окна не спасет: в такие минуты на разлив Волги в окно и не глянешь. Но зато когда хорошо на душе и глянешь на эту цветистую ширь, то обыкновенное хорошо станет восторгом, и воспоминание о нем поможет борьбе со злом в дурные минуты.

Холоднее к вечеру, и ночью, наверно, будет небольшой мороз. Оранжевая заря на западе и на востоке фиолетовая, и вся вода сглажена и светится по небу, только небольшая середина огромного круга еще не проглажена и остается в синих легких морщинках, и дрожь (водная).

28 Апреля. Та же погода. Хозяйка увидала на воде белые полосы пены, и это у них признак, что вода скоро пойдет на убыль. Так что с 26-го [мая] — месяц, и через месяц, к июню уйдет.

(Май, Июнь, Июль, Август = 4 месяца — через 4 будем опять здесь.)

«Мы потому не любим евреев, что они паразиты и у них паразитская душа: они на все глядят с целью использования, и русская народность для них только предмет эксплуатации, и они иногда даже любят русских людей, как любит крокодил овцу, попавшую ему в пасть. Вот отчего мы готовы терпеть лучше своих паршивых и ленивых людей, чем

способных евреев. А их много, их черт знает сколько» (Антипов сказал).

После обеда все небо облеглось тучами сплошь и север сильно ветрил. Ехать оказалось ни к чему, и решили ехать домой 30-го в 4 утра. Следовательно, 1-го Мая можно рассчитывать на Загорск.

Один остаешься — и сразу вырастаешь в своих глазах, и это порождает охоту писать.

А сколько раз в обществе, бывало, чувствуешь себя глупее всех, но если случай толкнет говорить, скажешь так, что выйдет лучше всех, и ты мгновенно вырастаешь опять в своих глазах (т. е. преодолел сопротивление среды и опять остался сам с собой).

Собирался дождь с обеда, хмурилось, хмурилось, и к вечеру собрался, пошел.

29 Апреля. Утро хваткое.

Тема: был ли Мазай? И может ли быть? Как человек бегал по гриве и высунул язык — заяц в воду: одна голова. (Как все стремятся быть.)

Утонул человек: на четвертинку выпить, а больше батюшка не дает.

Так, сказал бедняк: хороша колхозная жизнь; заплакал и пошел в колхоз.

От Костромы до Буханова... по р. Костромка, Касть, Соть, [Ухта].

Озера Каменник, Великое, Ситное.

30 Апреля. В 4 у. выехали на лодке с рыбаком в Кострому и прибыли на Молочную гору в $^1/_2$ 8-го. Остановились у Артамоновых, навестили Козлиху, Рязановскую и вечером уехали в Загорск.

1 Мая. На заре такой чистой на березе токовал тетерев, и я показал на него Пете из окна поезда.

В Загорске все говорят опять, что меня «взяли». Кого возьмут — не горюйте: чем больше печали, тем легче смерть.

Обратная поездка (как по маслу) навела на правило: никогда не вступать в брань, не задирать в пути людей, — именно потому, что это расстраивает и стоит дороже себе.

Вечером тяга.

Родина: Анна и Василий Артамоновы. Очертив Вежи и удивление свое, что Анну тянет на родину, очертить мужа ее и показать, что его не тянет, и кончить их спором между собой (его голод выгнал, и все умерли, а почему же не тянет меня, и что есть родина?).

Рассказ о приставе с соловьями и той тишине, которая наступила, когда он сказал: я был приставом.

Объяснение: почему нет героев на процессе (род).

Тишина на тяге.

Вода (в лесу появилась) коварная, бесчеловечная.

Рождение месяца. (Сон о плачущем ребенке: богатство.)

2 Мая. В состав моей свободы входит способность служить: я служу своей свободе, а не потребляю ее, и моя служба есть накопление моей свободы. И так точно жил скупой рыцарь <*приписка:* только у него золото, а у меня золотые слова>.

Мораль читать доставляет удовольствие очень большое, потому что, вычитывая, человек, в сущности, говорит о себе, и это очень приятно, и это есть своего рода творчество с обратным действием, т. е. не освобождающим, а угнетающим. Слушать мораль тяжело, мораль есть творчество бездарных людей.

В 8 в. выехал в Москву и приехал в 1 ч. ночи: поезд стоял возле Софрина без объяснения причин. И пассажиры не спрашивали. А когда, простояв на месте более 2-х часов, двинулся, то все очень обрадовались и даже запели. Вот какие мы...

В Москве народ, и вот именно, что простой деревенский народ, потерявший свою простоту, и сколько народа! Из всех щелей повылезли, и всем хочется в город.

— Так, — сказал бедняк, — хороша жизнь в колхозе, — горько заплакал и пошел в колхоз.

Возле Библиотеки Ленина я стоял в ожидании трамвая, и он подошел, весь обвешанный людьми. Вдруг выскочила из вагона молодая женщина: она что-то увидела и закричала так страшно, что у меня мелькнуло: «Не отравлены ли мы газами?» А почему так явилась эта мысль, думаю, что [мостовая] каменная пыль начала уже точить мои глаза, и как она закричала, — я за глаза хватился. Но тут же и понял, что не газы, а трамвай задавил человека, и эта женщина первая увидела.

3 Мая. Москва.

Дождь. Возле Третьяковки распустилась черемуха (зелень).

Крот выкопал себе нору в земле и стал там жить под землей без солнца и света. Казалось, будто сама земля и породила своего жителя, и воплотила в нем свою душу: и лапки у него для земли, и слепой-то он, и цвет его подходящий, темный, всё. Казалось, будто какая-то цель была в устройстве крота, и по каким-то законам он явился, и жил, и рос, и множество кротов с испокон веков, и у них сложилась законная жизнь. Но при чем тут вода? Какая цель, какой смысл в приходе воды, если считать, что цель и смысл был в устройстве крота под землей? Да и по какому, наконец, праву такому в природе вода могла залить кротовую нору, было устроено, и вот она пришла сама, очевидно, сама: никто же не мог ее пригнать и разрушить бессмысленно созданное...

Ученые долго спорили о том, как спасается крот, заделывает ли от воды свои норы или выходит на свет. Спор, как часто бывает, разрешился миром: и те и другие правы одинаково, и те и другие неправы. Крот, конечно, на первых порах стремится не дать хода воде, а потом, конечно же, вылезает и спасается от воды, как все живые существа

спасаются: плывет и находит себе гриву и с гривы лезет на дерево.

Крот, полевка лесная, полевка полевая и большая полевка водяная (водяная крыса), горностай, хорь.

Бывала большая вода — но такой воды не было, чтобы дошла до барсучьих нор, в которых жили также и лисицы, дошла... грива была облита.

Как обливает гриву, и как создается остров безвыходный, и как звери постепенно подходили по перемычке, и, наконец, весной вся грива всплыла.

Вечером очень тепло стало после дождя и повторилась гроза (1-я была 2-го Мая).

Разговор с Арамилевым и Пельсон об «оттепели» и как ее сделать.

Две большие Волги.

Есть одна «большая Волга», которая делается сейчас в Рыбинске и пойдет ниже по узлам: большой узел Самарский. И есть другая «большая Волга», которая сама по весне разливается, подпирает и опрокидывает текущие в нее мелкие реки, и те в свою очередь опрокидывают текущие в них ручейки. Так ручейки, речки и реки бегут обратно, и целые края с лугами, лесами и всякими угодьями на целый месяц скрываются под воду.

Под свободой часто понимают свободу личного потребления.

Помер, ну и слава Богу — умно сделал. — А потому что эсер и 63 года. (— Какой же эсер? — А такой, что, извините за выражение, сказать может «дядя Ваня» — и ничего больше.)

4 Мая. Холодно. Левитан. Статья Пельсон. Новая история с Левой (боль). «Юный Пионер» и Шахов.

5 Мая. Холодно. Утро — в Загорске. Вечером — тяга в Териброве и ночь у Вас. Алексеев. Глухарь.

6 Мая. Туман, как осенью, с обеда солнце. Утро года.

На тягу. Среди иголок зеленых черемухи вспомнил людей, которые на радости жрут и пьют, и тех птиц на пойме, которые от радости просто орут.

Растения чувствуют, но не скажут, и больно им — выберешь бутон черемухи, сорвешь понюхать, и жалко, а им ничего: они до того покорны и преданны, что вот смерть — и как будто это так надо.

Евхаристия.

7 Мая. Все натуралисты бездомны, не любят своих вещей, окружают себя не вещами, а инструментами, микроскопами, сапогами и т. п. (Петя, Бутурлин).

Треплется где-то мотор, а какой, сразу не вспомнишь: самолет на небе, форд на земле, или где-то на мельнице или на фабрике в открытом окне — знаешь, а не сразу поймешь. Так и человек бывает: знаешь — вот оно, знакомое лицо, а кто? не вспомнишь и только видишь: треплется какой-то знакомый человек.

Последние озерки снеговой воды на лугах прорастают, и тысячи зеленых иголок из-под воды сомкнуты строем.

Солнце и Мороз — тепло приходит от Солнца, и огонь от Солнца на земле, но отчего же Мороз? — От холода, нет Солнца — и тогда появляется Мороз. — Но отчего же? Если Солнце делает тепло и вода кипит от огня, то отчего вода делается льдом? — От Мороза. — Но что же Мороз? <*зачеркнуто:* и отчего он, разве от северного ветра> От «нет Солнца».

8 Мая. Был человек, и его от нас «взяли», как тигры в джунглях, бывает, возьмут человека: взяли без объяснения причины, и мы не знаем, где он. Завтра, быть может, и меня возьмут, если не эти, так те, кто всех живущих рано или поздно возьмет.

Отсюда выходит...

<*Зачеркнуто:* Все натуралисты не обладают приязнью к домашним красивым вещам и вообще к домашнему строительству. Почему?>

Натуралист и бездомье.

Очень тепло.

9 Мая. Дождь с утра.

Мысли о бездомье (откуда пошло? — Бутурлин). Советский домострой.

Волшебная коза и говнюшка.

Дождь, на липе большие зеленые почки, и на почках капли светлые, такие же большие, как почки. Иногда от почки к почке вниз по сучку скатывает капля, сливается с другой, возле другой почки, и падает на землю. А там по коре большой ветки, как по руслу реки, бежит постоянно вода, и оттого там, где капля упала, сейчас же нарастает другая. И все дерево в каплях, и все дерево капает.

Мысль, созданная теснотой человеческой и направленная к его пользе.

Итак, я прихожу к тому, чтобы вместо объяснения явлений природы причинами объяснять образами, как было в сказках: Мороз — это не низкая температура, а существо Мороз — красный нос.

Дождь и весь день, и в ночь.

10 Мая. Солнце.

То, что мне хочется отдаться (как Коле Дедкову) — это общее русское народное чувство, и надо его анализировать.

Корни ели — рождение пузырей, борьба за жизнь пузырей и развилок: создание пены; а на стволе дрожь и по траве вечная перебежка теней.

Рождение теней: мелко-широкого песчаного света в узкую приглубь, и бесшумная рябь струится на солнце и на стволах.

и плеск на завале (рождение пены)

и ропот

и рябь — как дымок переходящий.

Под этот говор и дымок теней поднимаются травы. Зяблик присел.

Тихий омут с поваленными деревьями, начало подводных цветов, наездники.

Вертун весь омут зарябил.

Сдержанно ропот (катит и не может не радоваться: на ходу перекинулся — далеко и свободно).

Дрожь воды у новорожденных цветов.

Так жизнь проходит (пузыри, пена, а то свобода и радость).

Некоторые травы уже вышли из воды и теперь на струе постоянно качаются и отвечают вместе с тенями ходу ручья.

Быстрик у поваленных деревьев, замшелых, зеленых.

Плотно легшее дерево, и вода под ним проходит: препятствия делают жизнь, не будь их — вода бы вышла из леса в море, как душа в небеса.

Явилась низина, приглуби место, и реке не жалко воды, наполнила, и дальше, а наполненный омут остался и зажил.

Подмытый куст опустил ветки свои, и вода шевелит их, и как будто паук сел.

Семена плывут.

Вода борется и создает время; не будь этой борьбы, и не было бы времени, потому что вода бы сразу ушла, да и теперь она уйдет, и это «рано ли, поздно ли» есть время.

Лагуна и в ней щука.

И вдруг такая тишина, будто оглох, и только слышно, снегирь баском урчит.

Струи косо сошлись, весь ручей в две струи под углом и со всей силой в круг.

Водопад Плес. Осинки в ряби частые завились и побежали в глубину.

Привязал к себе ручей — не могу отойти, уйду — скучно без ропота, и возвращаюсь.

Маленькая, но такая зеленая, почти ядовитая трава, а по бокам этой яркой дорожки две колеи, да с водой, как два ручья. Какая прелесть!

На маленькой березке раскрываются почки, зеленеют, и слюна их на солнце ярко блестит, но лес еще не одет, и в нынешнем году кукушка прилетела на голый лес.

Так уединенно было и глухо, что я стал сам с собой вслух разговаривать и вдруг... вижу, стоит за кустом человек с корзиной сморчков и слушает меня. Как это страшно!

Когда цветет ранняя ива, вот уже 12 лет я прохожу по одной дорожке и на дикой вырубке узнаю знакомые кусты, деревья, сосенки, елки, даже пни, и так растет и [развивается] давно под моим наблюдением лес, что стал мне как сад.

И когда обласканный глаз, и ухо, и запах слюны березовой — все сойдется, и нечего бывает сказать, и не надо бывает ничего делать, то это значит, та минута пришла, когда времени нет — все остановилось, потому что лучше не может быть, и надо не стремиться, а взять и покончить и отдаться бездумью и безделью.

Событие: ель упала.

Вода не белая, желтая вода, но прозрачная и яркая, будто глядишь на нее через светофильтр.

Ручей в лесу такой, что я его по своему желанию в любой момент в своих сапогах перехожу на ту или другую сторону. Но у него тоже есть и своя пойма, и свои мысы, и плес, и омуты.

Первые желтые цветы ручьевые на сильном угреве. На том же угреве распухла икра лягушачья до того, что через губку просвечивают черной точкой головастики.

Множество лягушек, [попав в балку,] метают и падают и плывут, и видимо, тут им и все, метнули и камнем падают в воду.

(На припеке.) Бабочки, березки.

Волга и Кама.

Остров: два друга, Петя и Миша.

Все лужи снеговой воды травой проросли, и вся вербочка процвела и стала похожа на желтых маленьких пуховых цыплят.

Кто последний — будет первым?

11 Мая. Что стоит воде наполнить низинку и эту воду, если самой надо скорее бежать, бросить на жизнь озерком. Но каково щуке, которая вверилась воде, остаться на лугу в прозрачном зеркальце и ждать тут...

Тем самым, что я существую в родной стране как художник-писатель, признаваемый за талант и врагами, я защищаю страну в тысячу раз больше, [чем] если бы стал плохо, как все, писать прямо об обороне страны.

Если бы взяли меня, как других, это было бы свидетельством для меня несомненным, что берут нас враги и что спасения от немцев нам нет.

Будем ли мы жить, если нас займут немцы, ни один политик сейчас не может сказать, решение скрывается в вере, и если я пишу и у меня есть читатели, то, значит, я еще верую, что наша страна будет свободной. И потому не надо раздумывать много, а побольше и получше писать.

Вблизи по канавке ручей переплескивался, а дальше Бубнило, и мне вспомнился Кавказ.

Ветер шумит по вершинам, а внизу у ручья тишина с переплеском.

12 Мая. Кармен и любовь. А в природе вода как такая любовь: вся видимость души, а нет ее. В такой любви все светит, и весь мир прелестен становится <*зачеркнуто:* и все хорошо>, но пройдет — и нет ничего, будто сошел весенний паводок. В человеческом же чувстве любви есть настоящая вечность и долг.

Мы воспитаны в ненависти к войне, мы — интеллигенция русская. А фашисты ставят это перед вопросом: а быть может, война необходима как воздух, и возможно ее сделать дурной, как бывает дурной воздух и прекрасный.

Пельсон и камер-юнкерский мундир: она посмотрела на меня.

Геополитика.

Из эпохи германской войны.

Мне иногда кажется, любовь так же связывает между собой людей, как растения связывает между собой вода, распределенная в земле и в воздухе...

14 Мая. Маленький человек завидует большому, а большой бездомный скрывает, но втайне завидует маленькому и домовитому. Быть может, в этом именно и заключается душа большого человека, интеллигентная его сторона, что он завидует маленькому. Давно ли пахал Лев Толстой...

Сон о Накорякове (проволоки) — и отношения с Павловной.

Листики березы.
За 12 лет (Тарасиха).

Илиада.
Происхождение сказки.

Женщины — дрова — березовые почки.
Сеют овес.

Круче берега, и река глубже: тут борьба.
Берега подымаются, и река собирается вглубь, в силу.
Отчего поймы? Тесно реке, и она раздвигает берега и между берегами заливает весной, а летом после этой борьбы реки с берегами: заливные луга.
Но река пожадничала: раз-два, а потом не хватило и зарылась в землю, и опять теснит, и опять взбунтовалась, и так до трех раз, и так стала терраса.

Как остров образовался, как переело перешеек.

Береза и черемуха распускается — аромат.
Зарастающий муравейник.
Аромат зелени и теплый дождь, как любовь.

Путаница. Кулик на пойме; взять с Кубри: осинка, черная ольха и черемуха.

Мое писание редко и ценно, а если будут так [все] писать, то это будет во вред.

Прячется и обманывает — гляди: обратно течет.

Распускаются только молодые березы, а старые стоят в почках, зато как же белы стволы.

29 Мая. Грач пришел. Зацвела яблонка.

Галина сидела и Павловна: минута совершенного спокойствия, когда видишь, что «лучшего» вовсе нет и не качество людей и предметов нужно для жизни, а отношение к ним.

Как спокойно бывает Выгозеро, и самый Выг из него вытекает, как будто он не река, а залив. И вдруг вся вода Выга падает в бездну. Не реку в этом надо винить, а скалу: оборвалась скала, и вода разбивается. Так и автора не надо винить, если спокойный рассказ его о хорошей старинной семье в Надвоицах приходится бросить: не он виноват в этом, а сама жизнь с приездом гостей оборвалась, все вдруг стремительно полетело вперед.

30 Мая. Ездил к старой караулке. Пасмурно и комаров много. Потерял записную книжку.

Галина рассказала о старике: «дедушка Мишка» повез девочку 4-х лет Раю в Ленинград. Усадил, а сам не успел. Девочку доставили. А он поискал немного и к матери в Ленинград, извиняется, что не захватил Раю. А Рая вдруг: «Я здесь, дедушка Мишка». Он же во время войны симулировал сухорукость, а когда освободился, перекрестился сухой рукой. (Психологическая тема: бывают люди очень хитрые, а вовсе глупые. Вот дедушка Мишка на что уж глуп, а сумел обмануть докторов на войне, и они поверили, что он сухорукий. Но дурак до того обрадовался, когда освободили его от войны, что сухой своей рукой перекрестился...)

В лесу везде дрозды-порхуны. Малый грач, весь в пере, грач как грач, из гнезда выпал.

Очень хмурилось, но дождь не собрался. Приступил к Падуну, чтобы последовательно клочки материалов изложить до конца.

31 Мая. Хорошие люди не стремятся к «лучшему»: они берут то, что есть, и живут в нем. И если такая жизнь, что и взять-то нечего, они...

Посмотрел на фотографию депутатов в Верх[овный] Совет и подумал, что эти все-таки будут лучше, чем те, самовольники, что всех надо к единству привести. И чаша Сталина опять начала подниматься. Но как она дрожит, как она колышется.

1 Июня. Вот уже тоненькие ветви березы согнулись под тяжестью листьев, и везде слышится зеленый шум. Явственно обозначились белые розетки рябины, зацвела желтая акация, заливается в ней подкрапивник. «Граф» на липе исчез, и не знаешь, тут он или нет его.

Падун.

Покой. Приезд — падун. Едут: все герои. Зуек ныряет: как загорелись первые костры и План. Ехала старуха, и с отъездом изобразить новый раскол: новое должно быть бесчеловечным, старое человечно и неподвижно: и двинуться — грех, и остаться без движения — грех. Враги. [Сильное] движение: взрывы. Наступление холодов, зима: ужасы строительства. Наступление весны: для Зуйка «как хочется» (побег), а до этого в «строительстве» мотив распознания людей: что им хочется и что надо. (Волков: «Ша! деточка, ты делай как надо, а выйдет как хочется».)

Весна — вода: в весне через воду по горе, ход весны показывает то Зуек, то Падун.

Щетинин — «чучело», а слушаться надо.
Аксюта: Наташа ведьма, а слушаться надо.

→ Это из православия: сухой кол, вокруг — зеленый хмель.

И тут Аксюта спасается возле сухого кола.

Нельзя ли сделать, чтобы Надо — отдать старому миру, а новый мир: как Хочется, и тут будет Зигфрид.

К Клавдии дочка приехала 10-ти лет, и все спрашивали: — Дочка! а где же твой муж? — И Клавдия всем отвечала, что скоро будет письмо и, может быть, приедет и муж.

Зуек у костров узнает, постепенно, что всем хочется совсем другое, чем надо, и он спрашивал: — А если до смерти захочется? — До смерти редко бывает. — Ну, а если... — Если

так захочется, то и сбудется все: такого не судят. — Это значит, ему вышло, как ему захотелось. — А если бы не вышло? — То умер бы. — И это было, так надо.

Свобода и необходимость. Свести к проблеме Алпатова.

Аврал — это Чан.

Но какое же мне дело до их грехов и преступлений. — Нет грехов, тогда живи, как хочется. Если бы не первородный грех, то не было бы и «Надо».

То, на что люди не глядят, и если увидят, то забывают.

Шел я однажды под музыку в честь меня и чувствовал крайнюю неловкость, стыд и неправду: потому неправду и обман, что никто из встречающих не понимал, за что мне такая честь. И такая же слава была за книгу, которую я не любил и считал своей ошибкой.

Надо — это в обществе, — Хочу: личность.

Анализ Надо и Хочется = Общество и Личность.

Общество может и не знать свое Надо, а личность это знает (напр., обвинения ученых в колдовстве: «А все-таки вертится»). Наоборот: «самозван».

Между личностью и обществом есть люфт, когда и личность может наделать беду обществу, и общество может погубить личность: и тут вся игра, стоящая целой жизни. Правда, стоит заниматься этой игрой, и оттого занимаются и существуют политики, и дипломаты, цари.

Люфт между обществом и личностью — это Бог правду видит, да нескоро скажет: и это «нескоро» равняется целой жизни.

Надо ввести план и в план — план Зуйка, для осуществления которого он и отправляется в лес.

Есть свое «Надо», — думал Зуек, — и есть «Надо» чужое... за свое «Надо» легко умереть, а то чужое «Надо» — как его сделать своим? (Пирожками, пирожками!)

«Надо», в котором соединяется общество и личность, есть Бог.

Зуек во время строительства должен понимать по-своему, но все...

Некоторые боятся, что придет Сильный и подавит их, более слабых. Есть и такие, самые бедные, жалкие, утратившие свою путеводную звезду и всякий смысл движения мира к лучшему: в этом же и есть этот смысл, что всякий настоящий сильный по-своему силен и ничем не мешает другому, и места, чтобы стоять на своем, хватает для всех. Страшно не сильного, а хитрого, — вот тот, не понимая ничего над собой великого, может принуждать и гасить души.

Вечером грязь и дождь — ливень. Петя приехал.

2 Июня. Природа, насыщенная влагой... На Торбеевом пробуем мотор.

Величайшая роскошь, обеспечиваемая культурой, — это доверие к людям: среди вполне культурных людей жить можно и взрослому как ребенку.

В Мае смешанный лес из берез и елей даже в пасмурный день как будто при солнце: светлые пятна берез — как будто пятна от солнца...

После [болезни] психика Зуйка... странные были у него наблюдения: 1) Дружба [бабушки] с Клавдией. 2) Огнев и его друг. 3) Артем и бык. 4) Ша! — деточка. 5) Сутулый и план — и все боятся, а Зуек жалеет. 6) Пахан.

II. Строительная часть: одновременно: 1) география — ход строительства — природы ход как умирание, и осень, и зима. 2) Психика героя. 3) Люди.

III. Авральная часть, или Весенняя. Зуек осуществляет свой план.

Гнездо трясогузки.

3 Июня. Начались одуванчики.

Капиталист (в широком смысле слова) + интеллигент («Разумник») = Организатор (Булкин).

«Так надо» — это и Крест, и Необходимость, и Смерть, и «Чучело» (Щетинин), и «Я-раб», и Ночь: память об этом

(«от сумы и тюрьмы») = «Надо» внешнее, а из этого рождается «Надо» свое, т. е. настоящее «Надо»: до смерти захочется, значит, борьба, значит, Надо — есть «Хочется» в борьбе с Необходимостью = трагедия = творчество. «Она» (смерть) придет неизбежно, но пока не пришла, Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus.

С полден из лесу, подоив там своих коров, шли женщины, и говорили они о пустяках, но знали всё, потому что все они рожали детей, а некоторые имели уже и внуков. Знали они всю подноготную жизни, и в то же время Земля, наша планета, конечно, для них была плоскостью, полом дома, солнце для них двигалось по небу как огненный шар.

«Надо» высшее — это Отец, и «Надо» мое личное — это Сын.

Обедал и Петя у меня в Москве.

Нина Портнова — беспризорница и крайняя индивидуалистка.

4 Июня. Москва. Требования коммунизма, предъявляемые к личностям, что-то похожее на сбор урожая с последующим вышелушиванием зерна из естественной кожуры. Посмотрите только на молотьбу: из каких гор соломы, холуя и мякины выбивается какая маленькая горка зерна.

Каждому находящему свое «Хочу» в «Надо» (необходимость) остается своим способом преодолеть необходимость, и тут весь человек, вся эта батарея, переделывающая необходимость в свободу: необходимость натуральна, а свобода реальна (как дело творческое, личное).

«Легавых» — к леопардам.

(Готов по первому моему требованию появиться.) — Вот так так, — сказал Рудзутак — и повторил через короткую секунду еще: — вот так так! — В чем дело? — Убил кабана.

5 Июня. (23 ст. Мая. Именины.)

Никто никогда бы и не подумал, что «Стахановец» тем вредный рассказ, что снижает стахановца, низводя его до

утят. Но одна высокопоставленная дура высказала это, и теперь поди, доказывай, что ты не верблюд. Что же это? Это сила сцепления подвижных элементов общества человеческого: так бывает и на воде: бросят камень, и не только под камнем, но вся вода заволнуется.

Полный и всюдный, в Москве и в деревне, расцвет сирени, — самое роскошное время весны. Есть одно только «но», когда расцветает сирень: при самом первом даже зацветании сирени намечаются первые белые розетки рябины, а когда расцветет сирень, то и везде тоже виднеется белая кашица рябины. А когда смотришь на эту кашицу белую, то вспоминается, что скоро она будет желтеть, а когда покраснеет, то и лету конец, и осень придет, а она все будет красная. Да так вот и незаметно все пройдет: придут морозы, и ляжет зима.

И такая птичка запела (летнее утро), что никак не скажешь, кузнечик это или она... И если... то чему же, какому волшебному живущему в ней миру соответствует лес этим утром?

С серебряными вспышками, пересекающими солнечные лучи, птичка...

Когда я пришел к мысли описать лес, в котором заблудился мальчик, то, проглядывая из своего волшебного леса в обыкновенный, я в этом обыкновенном лесу стал видеть такое, чего раньше не видел. Но вот сегодня утром я вижу без помощи моего волшебного леса обыкновенный лес как волшебный, и не я один, а каждый, кто бы ни пришел сюда. Какому же тоже волшебному дремлющему во мне лесу соответствует этот лес, или же он существует сам по себе? Я думаю, что он существует сам по себе и как бы прорастает в душе человека, как бы рождается, отчего является мысль, и эта новорожденная мысль находит себе соответствие в обыкновенном лесе: возрожденная идея как бы узнает себя. Так что душа наша как бы вечно бродит по местам своей родины, вспоминает и узнает их... (Так вот я сам до Плотины дошел.)

— Антиресно! — сказала Аксюша, неграмотная женщина, а хозяйка ее, грамотная, знающая, что interessant фран-

цузское списывается по-русски начиная со слога «ин», поправляет ее и говорит: интересно. Точно так же простой народ ближе к звуку, произношению, говорит «антеллигент», мы по-писаному говорим: интеллигент.

Летняя птичка в лесу запела так слабенько, будто это кузнечик или сверчок.

Вчера шел по Каменному мосту, смотрел на Кремль и думал о «Великой Тайне», что ею окружена каждая человеческая личность и каждое существо в природе, и мы через быт, науку, искусство только знакомимся с этими существами, но Тайны не постигаем. Мы до того привыкли к Тайне, что не обращаем даже никакого внимания на нее и только в исключительных случаях, чтобы усилить безгранично силу царя, запираем его в Кремль и говорим о Великой Тайне: «Мы, милостью Божией и проч. и проч.». И теперь тоже Сталин, как царь, на месте царском в Кремле окружается Тайной.

Сборничек составлен для детей младшего возраста: 1) Чемпион мира. 2) Синий лапоть (?). 3) Лимон.

Итак, работа на ближайшее время: 1) Падун. 2) Детские рассказы для сборника (два). 3) Серая Сова.

6 Июня. Празднование Михаила и Ефросиньи.

Бывает, снится что-нибудь, и страдаешь от видений своих ужасно, и кажется, — нет никакого выхода. Потом мелькнет внутри самого сна, что это ведь сон... И ты еще не проснулся, а знаешь, что есть выход из ужасного положения, и выход этот в том, чтобы проснуться. И ты наконец делаешь усилие, просыпаешься, приходишь в себя и радуешься, радуешься, что все было сон.

Так я чувствовал себя, писатель в «Детгизе», когда там было запрещено писать сказки и о природе, и после, когда самым главным (всеми писателями) учреждением в Союзе управляли плуты.

Я так обрадовался пробуждению от скверного сна, что, конечно, мне в «Детгизе» теперь все хорошо. Да и в самом деле, я же не профессиональный детский писатель, мое по-

ложение, моя литературная среда находится в общей литературе, и «Детгиза» я вовсе не знал. Я даже склонен в недостатках упрекать не администраторов, а самих писателей, которые не могут создать между собой среды дружественного сорадования в творчестве, совершенно необходимой [в] творчестве для детей.

Однако вопрос этот выходит за пределы детского издательства.

См. выше где-то описание хода женщин с полден, которые «всё знают»: так вот у них же и Египет, о котором писал Розанов, т. е. от этих молочниц взял Розанов свой Египет и узнал его в образах древнего Египта.

Ославить человека: всякий человек тем самым, что он человек, живет как бы в этой даровой славе бытия, и вдруг кто-то сказал, «ославил», хотя ничего и не было. Но дело сделано, и восстановить репутацию очень трудно...

Или: человек сбрехнул и что из этого получилось.

Или кому-нибудь вздумалось, или пришло в голову, или сорвалось с языка, — и все это оказывает действие, и все было вздор, кукушка — из ничего взялось и забылось, а человек очень пострадал, и общество лишилось его ценных трудов.

Наметили: 11-го заедут за Петей и привезут сюда, а 12-го мы с Петей едем в Переславль или в Константиново.

7 Июня. Так что остаются только свои семейные, да еще два-три старичка, с которыми можно говорить о всем без опасности, чтобы слова твои не превратились в легенду или чтобы собеседник не подумал о тебе как [о] провокаторе. Что-то вроде школы самого отъявленного индивидуализма. Так в условиях высших форм коммунизма люди русские воспитываются такими индивидуалистами, каких на Руси никогда не бывало.

Из беспризорников выходят после «исправления» самые отчаянные индивидуалисты.

Вдали пушки на полигоне палят, а в лесу кажется, будто птицы взлетают в кустах выводками.

Описывая крестьян в Падуне, надо представлять себе их как детей природы, обреченных на самую жестокую необходимость с малых лет трудиться в поте лица. И они считали себя в этом обреченными, социалисты восставали против общественных форм этого труда, а урки прямо против труда, они бессознательно были за творческий дух, который совсем не работает.

8 Июня. Чтобы сделать что-нибудь, нужно время подумать. И люди, расчленяя операции дела, разделяли их по способностям, разделили и это: одни стали думать, другие по их указанию делать.

Смутно нечто подобное пронеслось в голове мальчика, потому что он же это ежедневно видел своими глазами: одни стоят и думают, а другие по их указанию делают.

Больше всех, конечно, думает Сутулый, он часами стоит и приглядывается, прежде чем что-нибудь прикажет, и все бросятся делать. Но откуда же берется мысль у Сутулого?

Что делается в самой природе, внутри, мы узнаем по себе, потому что мы сами вышли из той же природы.

Решаю окончательно, что Зуек в борьбе пониманий жизни Сутулого «как надо» и Чекуна «как хочется» решает идти в страну, где не работают и живут как хочется.

Смотришь на цветущий луг, — это одно, и смотришь дома на единственный цветочек, взятый с того же луга, — это совсем другое. То же самое лес и маленькое деревце из того же леса, пересаженное в свой огород. Миры одинаково прекрасные, но разные, и есть люди, которые любят плавать по морям, и есть любители комнатного аквариума, своего рода большевики и меньшевики: одни смотрят на массы, другие на личность.

И так на лугу, как у людей, жизнь всего луга движется по какой-то большой правде и жизнь цветка отдельного — по своей маленькой. Личные счеты тоже и у них там, на лугу, в огромной силе, и, может быть, победа отдельных цветов является согласием своей маленькой правды отдельного цветка с жизнью всего великого луга, и там у них тоже

заморыши оттого и хиреют, что способны думать лишь о себе.

Внутренняя жизнь природы — это я, или душа человека, и если надо что-нибудь в природе понять, то надо просто углубиться в себя, в то же время не выпуская из вида внешнего облика того, что захотелось <*приписка:* в природе> понять.

Как скоро все растет, в какие большие шишки [превратились] те красные пальчики.

Заслонив вечернее солнце густой кроной какого-то дерева, смотрел на танцующий в золотых лучах мир насекомых.

Зашел посмотреть то местечко на Крючикове, где было так много ландышей и где у меня рождались поэтические замыслы и по мере сил моих осуществлялись Ничего особенно не произошло тут, те же две сосны сплели свои корни, как руки, так, что на сплетение удобно было сесть. Только людей заметно прибавилось, всюду лежали клочья газетной бумаги и скорлупа яиц. Та же самая звучала приятная мне флейта иволги, и кусты орешника по-прежнему были густые, и я сам как будто мало изменился. Но ландышей в тех ореховых зарослях вовсе не было, ни одного. Их ведь тысячи были, а теперь ни одного! За десять лет сколько прибавилось [всего]. И я книг много написал и получил много похвал, все хорошо! и только ландышей нет.

9 Июня. Ветрено, в пух разносит ветер везде одуванчики...

Луг цветет, каждый цветок непременно же поет свою песенку, хотя виден и слышен весь луг. Отдельного цветка не приметишь и не узнаешь, кто из этих цветов больше всех сделал для цветущего луга. Вглядишься, выберешь цветок отдельный, и он прекрасен, но это совсем другое, чем луг.

Вот так в моем Падуне нужно передать чувство от массы людей само по себе, а не сложенное из отдельных людей. Одно чувство массы, другое чувство личности, не в этом ли чувстве массы у большевиков коренится их вера?

Крестьянин русский, индеец, рабочий — все они проходят суровую школу природы, и вот этот закон, вероятно, и является стимулом особенного уважения к «труду» в Советском Союзе и явной ненависти к книжной интеллигенции и бюрократии. На этом и должно бы вырасти уважение к стахановцу, романтика, подобная романтике индейца, но почему-то нет этого...

Сегодня в гараже один старый шофер сказал: — Какому настоящему мастеру охота работать за такие деньги по-настоящему, вот отчего и нет мастеров, а одни только стахановцы.

Мастер каким-то образом прямо противопоставляется стахановцу.

Прочитаешь иногда статью, не глядя на подпись, — и как будто покажется ничего, но увидел, кто написал, и станет все понятно и серо. Так с возрастом жизнь кажется как статья: увидел подпись, и стало неинтересно, и все чары прошли.

10 Июня. Стахановец — это лучший рабочий в массе их. Мастер (по-старому) — это личность.

Луг мы видим — это общество цветов, но человеческое общество видеть нельзя: нет такой высоты, на которую бы можно было подняться и видеть, т. е. уйти от себя как человека (попытка уйти и судить общество людей — Сверхчеловек, Христос).

Читаешь газеты каждый день, и там бомбардировка такого-то города, там другого, там убитых тысячу человек (напечатано: «убитых 1 тысяча, а не написано «одна», отчего получается легкая цифровая возможность: 1 или 2 или 3 тысячи). Попробуй-ка с этим помириться, не упуская из виду луга — общества. Господи, бандиты и больше ничего.

Ошибки при механизации и нарастание зла.

Тропинка и скамейка — добро как аромат от людей (взять с севера — скамейка, а тропинка в Загорске под посе-

лок Рыбинка соединяется через пойму речки с городом тропинками дружбы (тропочки дружбы).

Как разносчик девочке конфетку подал, и как девочка вся смялась, покраснела, потупилась, и как он в это время смотрел на нее, — как именно? (Изобразить.)

Павел Радимов и веселый разговор о Репине: кто-то спросил его: — Как Вы, Илья Ефимович, после всех этих событий чувствуете себя? — Ничего чувствую, — ответил он, — только уже стоя [работать], как животные, не могу: не в со-стоянии: понимаете? я в со-стоянии, как животные, быть больше в свои годы после всего не могу.

Так вот приходит возраст, когда человек добродушно смеется над своим прошлым со-стоянием, ничуть не грустно, а только смешно.

У Андреева в «Детгизе»: 1) Предисловие Горького и художник Кузнецов. 2) Вопрос о передаче договора о «Серой Сове» «Детгизу».

Вечером Коноплянцев и Цветков. В Москве есть слух, что вместе со Стецким взяли Пришвина: гадость какая!

Письмо дамы. Ответ: Письмо Ваше очень хорошее и тем более убедительное, что не первое <*приписка:* не от одной Вас я получил отзыв о своей книге>: я время от времени получаю подобные дружеские письма от читателей и начинаю подшучивать над собой: уж и в самом деле, не удалось ли тебе, Михаил, сделать то, что загадывал: найти секрет вечной молодости и красоты? Еще раз очень и очень Вас благодарю и желаю Вам здоровья и постоянной силы того родственного внимания, которое Вы мне оказали своим письмом.

Цветков проговорился два раза, что сила действия «Корня жизни» объясняется тягостным состоянием общества, вроде как бы на безрыбье и рак рыба. Но это значит только одно: что я современный писатель и тем действую. Он же думает, что я не-современный. Чепуха!

11 Июня. С утра жарко. Встретился по пути к метро простой пожилой бородатый человек. — Вы не Пришвин? —

Да, это я сам. — О, как я вас люблю! очень, очень! — Сияющий пожал мне руку и удалился и обернулся, удаляясь: — Я ведь тоже охотник, очень, очень люблю!

Так вот со вчерашнего дня я собрал себе цветов на лугу: 1) Скамейка и тропочка. 2) Конфетка (не забыть его лицо). 3) Письмо о «Корне жизни». 4) Встреча с читателем.

Я высказал Цветкову свое удивление и восхищение его огромной бескорыстной работой над рукописями В. В. Розанова. — Вы спасли его труд! — сказал я. — Но и он спас меня, — ответил Цветков. И рассказал мне, как он умирал от туберкулеза, терял сознание даже, и когда приходил в себя, то по лицам своих видел, что он умирает. В эти дни он схватился за архив Розанова и вот уже четыре года с тех пор работает, спасаясь от смерти.

Странно, что после этого объяснения я перестал удивляться бескорыстию этой работы в той степени, как было раньше. — И в самом деле, — думал я, — тут обмен услуг: Цветков спас архив Розанова, а Розанов спас Цветкова.

Цветок. Никогда не забуду, как этот разносчик смотрел на девочку. Что-то из короба своего он продал матери и потом девочке протянул конфетку (даром). Девочка взяла и ужасно застыдилась, покраснела, опустила глаза. А торговец, подарив конфетку, глядел на девочку, на ее румянец, на ее смущение и с таким глубоким наслаждением, [как она] ела эту свою конфетку, что я по гроб жизни не забуду этого чудного цветка, выросшего на человеческой [жалости].

Определилось состояние засухи.

Вспомнилась встреча с Репиным (его отношение к личности, как ко всем, хорошее и хорош, что ли, был ему вообще человек,— как это понять?).

Есть и да будет (и вся близость к природе — это вера: есть!)
Старички.
И когда подумаешь — это мое! то опять как природа.

12 Июня. Троица.

Жарко. На [Красюковке] береза, и под ней осыпается песок в овраг, корни из года в год обнажаются. На песке

возле корней трясогузка, птичка, с которой еще в Египте художники брали образ души человеческой. Прилетел к этой птичке самец и начал, распустив крылья, надуваться и петушком медленно делать на песке круги: сделал один кружок и потоптал самку, сделал другой и потоптал, раза так три-четыре потоптал — и кончил.

Так вот, раздумывая о том, есть ли в природе и вообще в жизни начало искусству или же оно зачинается в самом человеке, я сейчас понимаю, что все начинается в этой вере человека, что это есть <*приписка:* в этот период кажется, что мир есть сам по себе, и все дальнейшее созидание — последствие веры в то, что это есть>. И, уверившись, он говорит: «И да будет!» Так в этих берегах и движется все искусство: на одном берегу художник отдается жизни, восклицая: «Есть!» Другой берег — это искусство: «Да будет!»

И от берега к берегу белеются бесчисленные белые тропинки, проложенные людьми с их верой в то, что прекрасное есть на земле, и с их действием в сторону прекрасного: Да будет!

Сходятся старички в полном доверии друг к другу, могут о всем между собой говорить. Кажется, вот наконец-то нашлась среда единства, — а нет! Один сказал слишком резко о Сталине, и другой подумал: — Совсем отстал, не следит за жизнью, — и высказался в том смысле, что «надо же как-нибудь работать и строить жизнь». Тут уж первый подумал: — Ну, брат, далеко же ты ушел! <*Приписка:* И так много ступеней: «дальше—ближе», и такие они маленькие: на каждой ступеньке по одному — оттого и нет согласия.>

Б. сказал, что без вины никого не берут и что, может быть, все это надо. Так что можно установить: за это время, после процесса, стихия «умирилась»...

Этот большой пруд в лесных берегах совсем как большая река, по виду никакой разницы. — «Река, пусть будто это большая река!» — заговоришь себя, а в глубине себя знаешь, что нет, не река, а воображение мое, искусство. И хочется настоящей реки, настоящей природы. Но стоит представить себе, что этот пруд с его лесными берегами

есть моя личная собственность, как сделается почему-то хорошо, и воображаемое принимаешь как настоящую природу. На этом и основано у многих желание купить себе дачку, завести собственный дом. В этом чувстве «мой собственный» заключается удовлетворение стремления многих куда-то в девственную природу. Не скрывается ли вообще в этом движении в страну обетованную, в край непуганых птиц и зверей — простое желание быть самим собой или найти путь к себе самому? <*Приписка:* (в желании двигаться скрывается желание: как будто в бурях есть покой)>

Свобода — это прежде всего есть освобождение от необходимости быть полезным. Вот почему, как только почувствует себя кто-нибудь полегче, он заводит себе игрушку, бесполезную вещь <*приписка:* или ищет себе бесполезное занятие: собирает марки, морские камешки>.

Есть миры открытые (Америка [и другие]) и есть миры где-нибудь за пределами стратосферы, неоткрытые, которые, впрочем, рано или поздно будут открыты. И на других планетах — все со временем будет изучено даже в этих еще совсем неизвестных мирах. Но есть еще миры закрытые, которые никогда не будут человеку доступны. Этот мир в Библии называется небесами, и лицо небес — Бог.

Религии дают нам отношение к закрытым мирам. И все преступления людей в этой области, сектантские, теософские и т. п., сводятся к дерзновению открыть закрытые человеку миры.

«Есть закрытые миры?» Отвечает: «Есть!» — и это есть религиозный человек. Отвечает: «Человеку во времени нет закрытых миров». И это есть нигилист и непременно механист, потому что тот, кто откроет последнюю дверь закрытого мира, тем самым весь мир превратится в механизм и он сам — в бога <*приписка:* управляющего этим механизмом бога, подобного шоферу>.

Этот ум жизненный, который у неграмотного человека работает ничуть не хуже, чем у профессора: ведь этим же умом какой-нибудь профессор Павлов делает свои открытия, не из книг же берет он свой ум! Между тем простым

людям, приступающим к ученью, кажется так, будто ученые думают особым книжным умом. Мне кажется, отчасти и Горький был таким простым наивным человеком.

Есть трудный для многих вопрос, как это Горький в столь сложной политической обстановке мог влюбиться в Пришвина и, вопреки всему течению, отстаивать его открыто. Такая позиция Горького смущала его недоброжелателей, между других Разумника.

Гараж писателей. (Заведующий Дмитриев.)

13 Июня. Духов день.

Утром солнечно, после гроза и дождь до вечера.

Мучились с моторами. А в дымчатой синеве утренней лесной влаги сидели рыболовы. Мы раскачали все их поплавки.

«Фрукт» — рабочий, который все знает, все может сказать и ничего не может сделать, и когда ему это сказать, отвечает: — Правильно! нашего брата надо учить и бить... — и опять мотор пыхтит, а лодка ни с места.

Кристи привез Боя, вечером второй раз ездили на Торбеево.

«Никакое “положение” не гарантирует...» (что это за «положение»?)

В поминанье Розанова и Горького: продумать их парно и ввести в лагерную шпану.

Курица кормит утенка, соболь кроленка и т. д. вплоть до проститутки по призванию (т. е. не за деньги): молоко соболя, коровы принадлежит всем, и надо кормить.

Фаворский и поле ржи: видел рожь давно, понял ее, и что же теперь еще взять от нее: рожь и рожь, как и вся природа. Другое дело икона Рублева, тут есть на что посмотреть и Фаворскому.

В конце Сретенки Комиссионный охотничий магазин.

Когда взвесишь все шансы за и против «быть» (быть или не быть), как старая дева взвешивает за и против замуже-

ства, то окажется, что жить человеку на свете невыгодно во всех отношениях. Не потому ли получается, что чем больше люди живут, тем больше стремятся к выгоде. Так вот и ходит курица за утенком, потому что она мать и ей надо ходить за кем-нибудь: важно, что мать она, а не то, за кем она ходит. И так же это и у растений, и так жил Авраам по Завету с Богом: какие бы ни рождались [дети], за всеми надо ходить, надо, а не то что нравится, хочется или выгодно.

И раз уже села курица на яйца, не доглядев, что это утиные, то ей надо сидеть, надо высидеть и надо потом выхаживать утят. Так вот она и водит их теперь и не позволяет себе разглядывать их с сомнением и вопросом: да цыплята ли это? для [этаких] сомнений и вывертов с «хочется—не хочется» существует на земле человек, а она просто курица и должна делать как надо.

— Критика допускается лишь при условии не критиковать государственное «Надо» с точки зрения личного «мне так хочется». Критик должен исходить из такого своего личного, которое касается всех и может быть равным противником в споре с государственным «Надо».

14 Июня. Ненастье, холод. Уехали Петя и Кристи.

15 Июня. Вернулось солнце. Гусь, запуская длинную шею в ведро, доставал себе воду и обрызгивал себя, и почесывал везде под каждым пером, и шевелил подвижным как на пружине хвостом. А когда кончил весь свой сложный туалет, поднял высоко вверх, как бы к солнцу, свой серебряный, мокро-сверкающий клюв и прогоготал.

Розановское «хочу» и старческий долг. К Горькому, анархисту по природе, социал-демократический долг пристал, как в сказке пристала колбаса к чьему-то носу... Он натянул на себя долг, как натягивают старый заплатанный чехол на дорогую мебель, и стал Горький в чехле. Настоящий долг — это за что, например, умер Каляев (и я сам очень был связан до тех пор, пока не почувствовал свое личное «Хочу»). — Так [нереализованный] долг революционный в художнике жил в Горьком.

Солнечно-росистое утро, это как новая неизвестная земля, как неизведанный слой в небесах, утро такое единственное, и никто еще не вставал и не видал его. Допевают соловьи: <*зачеркнуто:* начнет и не кончит>... Но зато вместо соловья взялась петь бойкая летняя птичка — подкрапивник, и особенно хороша флейта иволги. Всюду беспокойная трескотня дроздов о своих порхунах, и дятел устал: много ему надо для своих прожорливых детей. Вставай же, друг мой, собирай в пучок лучи твоего счастья, будь смел, побеждай тьму, борись, помогай солнцу. Ну же! Вот и кукушка взялась тебе помогать...

Лунь выплыл, но это не простой лунь, как все, этот лунь в это утро первый, единственный, и сороки, сверкающие росой, вышли на дорожку, — завтра так сверкать они не будут, и если даже сверкнут, то иначе. Это утро единственное, ни один человек не видел на всем земном шаре, и все люди, прожившие тысячи тысячелетий, того не видели, что видишь ты — не для тебя ли было все? Смелей же, смелей, открывай мир.

Враг! ты не знаешь вовсе, и если узнаешь, не поймешь того лучшего, из чего я сплел радость людям на пользу их... И если ты этого не знаешь, то как же ты смеешь хвататься за мои ошибки и строить на них свои обвинения против меня!

Нет, я ошибся. Соловьи поют еще хорошо. Светло-зеленые свечи на солнце и красные шишки на елях.

Из всеобъемлющей страсти рождается стиль, а вы хотите этому учиться как мастерству.

В лесных закрытых местах у опушек полян долго сохраняются одуванчики, а еще лучше в густой тени ореховых кустарников — ландыши.

Все шло так хорошо: погода, и место занял в электричке у окна, и поехали вовремя. Но рядом со мной сел человек и стал клевать носом, как клюнет — и начинает медленно склоняться ко мне и приваливаться. Я напускаю его до плотности, до тепла, потом поддаю плечом, и он, сонный, валит-

ся к другому соседу. Через некоторое время тот поддает, и он валится ко мне. И так отравил все путешествие.

В Москве попал в толпу и вспомнил о той курице, которая у нас высидела и теперь водит утенка: вспомнил, что не в том тут дело, утенок или цыпленок, а что надо кого-то высиживать весной курице и, высидев, надо кормить, что курице некогда разбираться, утенок попал к ней или цыпленок, или даже гусенок, а может быть, даже и галка. Так вот, тем же самым чувством живет улица, тут тоже не «Хочется», а «Надо», и будь ты утенок, или гусенок, или цыпленок, – все равно. И вот милиционер стоит, обыкновенный деревенский парень, отшлифованный в милиционера, и он тоже родился крестьянином, а вот теперь попал в Москву, как утенок под курицу, и ходит и делает все, как Надо.

Да так-то почти и вся жизнь в этой неведомой для каждого дороге, и определенно-личное Хочу и последовательное проведение этого своего Хочу в жизнь чрезвычайно редко. Но как ни редко, а жизнь вперед если только движется, то движется только этими Хочу, переходящими в Надо.

Начинают чаще и чаще встречаться женщины в форме, до того похожие на мужчин, что с ужасом вспомнишь то время, когда они должны были жить как женщины.

16 Июня. Ночь колобродил и проснулся очумелый. С этими моими женщинами раз уж попал на них, то до греха не опустишься, и действительно, грех – это вообще, а в частности его нет, значит, и нет его совсем и находится он, скорей всего, в самом этом «вообще». Было, наверно, так, что какому-то влиятельному монаху, попу, папе вышел из этого грех, и он это обобщил, распространил. И мы, приняв это на веру, на страх, изумляемся, когда в опыте своем ничего дурного не находим.

Шперк (из «Уединенного» Розанова) говорит, что родители должны уважать детей, а дети, почуяв уважение к своей пылкой, готовой каждую минуту оскорбиться натуре, будут любить родителей.

Шперк еще говорит, что дети реалисты, — это да, но реалисты такие глубокие, что из этой реальности рождается сказка (вроде того поезда, т. е. что не поезд реальность, а что мы едем в поезде: вот это реально, и что я Хочу — я Могу). И это детское Хочу реальнее Надо взрослых, в том самом смысле реальнее, как реальней Вода реки Берегов той же самой реки.

<*На полях:* Дачная жизнь.
Павловна и мое одиночество.>

Это вот когда я (нынче летом) почувствовал, что незачем переезжать к реке и надо оставаться при своих вещах, людях, обломках — это было начало старости.

Прочитал Розанова «Уединенное» и сравнивал с собой, он — не герой, а во мне есть немного и даже порядочно герой, рыцарь. Широта мысли Розанова за счет этого «рыцарства» (и узость Горького из-за его идеализма, правды и всего такого юношеского). Озарение розановское происходит без расширения души, простирающегося до жажды благородного поступка, как у юношей
...а мысль его часто завершает мое пережитое: я все то же сам пережил, обладаю наличием всех соответствующих чувств, остается дождаться объединения всех этих материалов мыслью, и я бы дождался, но вот Розанов приходит и говорит то самое, что я скоро бы должен сказать. И в этом роль писателя общественная и его успех. «Корень жизни» назвал чувство, свойственное многим.

Полное одиночество и женщина, единственный «друг» — это мне близко с Розановым.

Друг мой неведомый, но близкий, я знаю, что ты существуешь и ждешь такого события, чтобы все твое пережитое в пучок собралось к единству и тебе бы стало легко на душе и прояснился путь впереди. Я тебе это пишу, чтобы мой бóльший опыт помог тебе во всем своем разобраться. И тот другой, кто выше меня стоит и о многом таком догадался, к чему я еще не дошел: ты, мой старый друг, оценишь это, что я по-своему шел, и тебе очень радостно будет о моих догадках, подтверждающих верность избранного тобою пути.

И тоже вот это наше темное чувство недовольства устройством мира, что ли, когда весной скорбишь, что пройдет она, и будет осень, и опять зима, и опять весна — что-то скучное, надоедливое, утомительное и ненужное в своем повторении, — это все исходит от того же, почему курица ходит за утенком.

17 Июня. Вчера и сегодня сплошной дождь. Травка в Загорске и переночевала со мной в спальне. Везде, во всем чувствую всеохватывающий поток Надо и готовность каждого Хочу открыть ему дорогу (от встречи с Пушковым).

Необходимость политики основана на том, что нельзя во всех случаях действовать немедленно вслед за тем, как явилась мысль (сознание), приходится, нечто зная вперед, подождать — и эта вынужденная отсрочка действия есть политика. И тоже нельзя какую-нибудь мысль сказать сразу всем, надо подготовить массы к признанию данной мысли, — и это постепенное введение масс в круг нового сознания требует политики.

Пиковая Дама.

Курица непобедима, когда она, столь маленькая в сравнении с огромной собакой, явно обрекая себя на смерть, бросается защищать своего птенца: моему Трубачу бы стоило только раз давнуть челюстью, чтобы уничтожить ее, но громадный пес, умеющий бороться с волками, поджав хвост, бежит от ужасной курицы в свою конуру.

Я смотрю сегодня на эту свою курицу и думаю <*зачеркнуто:* о Чехословакии> об одной молодой стране, на которую собирается напасть большое воинственное государство, потому что я одним глазом смотрю в окно <*зачеркнуто:* другим в «Правду»>. Я думаю о маленьком государстве, что будь оно готово идти на смерть, как курица — да, будь все маленькие государства [готовы] идти на смерть в обороне страны в полном единстве, то мир бы...

Эта курица у нас на дворе называется Пиковой Дамой за свою необычайную злобу и за ужасную пику, которой вооружена ее голова. Каждый год мы сажаем ее на яйца диких уток, и так она высиживает и потом воспитывает диких

охотничьих уток. В нынешнем году случилось, мы недосмотрели, выведенные утята преждевременно вышли на росу, подмочили себе пупки и все померли, кроме одного. Пиковая Дама до того обозлилась на всех, что к ее единственному оставшемуся в живых утенку нельзя никому подойти: она заклевала насмерть <Грашку — *испр. на:*> Графа (ручного грача) и вскочила на спину пойнтеру Ладе, ездила, носилась по двору до тех пор, пока мы не отбили из-под нее всю покрытую кровью добрейшую старушку, и она же, страшная Пиковая Дама, загнала в конуру волкодава. <*Приписка*: забила [пойнтера Ладу] до того, что та с опаской из дома выходит и долго стоит на ступеньках, выглядывая, как автолюбитель, выезжающий из переулка на большую улицу: нет ли где-нибудь Пиковой Дамы.> Но главное, что сам я вывел на цепочке погулять <*зачеркнуто:* по двору> к овину новую собачку, шестимесячного щенка Травку, внезапно увидел <*зачеркнуто:* возле ледника> у овина перед носом Травки того утенка и, понимая, что тут где-то должна быть и Пиковая Дама, бросился сломя голову сам бежать, увлекая за собой и Травку. Да, я — сам хозяин — бежал, вот что значит курица, если она решится идти на смерть, защищая своего птенца.

<*Зачеркнуто:* Как же не думать о Чехословакии и вместе с тем о том простейшем законе всякой борьбы, что побеждает не численность, а смелость.>

Вот было тоже раз со мной <*зачеркнуто:* на охоте> в лесу во время покоса. Время самое неохотничье, но вздумалось мне промять засидевшегося на цепи Трубача. Светлой сумеречной ночью, когда, пользуясь прохладой, выходили на покос люди, вывел я в лес своего Трубача. И только спустил я его в ельник на перекрестке двух зеленых дорожек, он прыгнул в куст, из куста выскочил заяц, помчался по зеленой дорожке, и вслед за ним с ужасным ревом погнался Трубач.

Сердце мое запрыгало: до чего хорош голос у Трубача, до чего стремителен и строен гон его англо-русской породы: как бы ни было, как срезало, гон вдруг прекратился, и вскоре по той же самой зеленой дорожке в пяту себе возвращается Трубач, очень смущенный, с опущенным, теперь уже не трубачным прави́лом, а жалким собачьим хвостом.

На спине у него по белым пятнам (масть англо-русская: желто-пегая в румянах) явно виднелись кровавые пятна. Что же такое было?

Смешная нелепая мысль мне пришла в голову: я представил себе, что наконец-то нашелся в породе зайцев [бесстрашный] и единственный: ему стало стыдно до смерти бежать и бежать. — Лучше умереть! — подумал заяц и повернул назад, прямо на Трубача. В ужасе повернул назад Трубач, увидав храброго зайца. А русак вскочил ему на спину и зубами грыз и грыз...

Нет! я знал одного человека такого, я вспомнил его: да, был такой человек, но у зайца так не бывает...

По зеленой дорожке из леса я спустился на луг и увидел, что никто не косил, все оживленно беседовали, а как завидели меня, то все бросили разговор и стали жадно меня ожидать, и когда дождались, то все зараз стали рассказывать, и долго ничего я не мог разобрать.

И вот что, оказалось, случилось у всех на глазах. Тот заяц, которого мы подняли, был русак и, как все русаки, бросился бежать из леса на дорогу у всех на глазах и прямо к деревенским овинам. Трубач молодого зайца стал настигать, и вот только бы схватить, вдруг из овина курица с утенком и на Трубача, и на спину ему, он назад, а она ехала на спине, и долбила, и долбила.

<*Зачеркнуто:* Читатель! вы, конечно, узнали в этой курице> Конечно, я сразу же узнал в этой курице с утенком свою Пиковую Даму. Жалко только, что это было в прошлом году, будь это теперь, я непременно бы воспользовался случаем и напомнил косцам о положении Чехословакии в виде притчи о Пиковой Даме, что вот была большая политическая игра с известными картами: тройка взяла, семерка взяла и <*зачеркнуто:* должен бы> туз... но в самый решительный миг всего расчета, конечно, вместо туза появилась Пиковая Дама, и весь расчет был разрушен.

<u>Чистка</u>.

Раз уж поставили человека в такое положение, то этим самым указали, что человек этот сам по себе ничего не зна-

чит и может быть даже во всякий момент физически уничтожен и выброшен в помойную яму. Не он важен, а рассказ его о себе, что он о себе сочинит.

И сочиняет о себе человек на чистке, что отец его был бедняк, и доходит до того, что он ходил по людям и собирал очистки картофеля.

Если бы я мог написать о N., в честь ему, в славу ему так, чтобы мой рассказ остался бы прекрасным, если бы даже N. пал и в бесславии сошел с политической сцены, я [бы] счастлив был написать тот рассказ, хотя бы в такой промежуток за него мне угрожала бы смерть.

Боюсь, что я это и думаю в моем «Падуне».

Писать, рассказывать можно как хочется: бумага все терпит. Но жить приходится непременно как надо. Рассказываешь — и видишь конец, а живешь — и не знаешь, что будет завтра. Но если забрать в голову план и с ним войти в жизнь, то в сочинении плана может быть свое личное Хочу, а в проведении этого в жизнь <*зачеркнуто:* будет> Надо. И план выходит чем-то вроде моста между личной волей человека и его жизненным Надо.

Как-то по-своему, но близко к этому думал инженер Дехтерев, заканчивая в чертеже свой проект деревянных шлюзов. Он был очень доволен собой, и ему в это время казалось, будто этим путем планирования и созидания нового можно заменить необходимость личного счастья и создать себе новую Родину.

18 Июня. Продолжается сплошной дождь.

Шевелятся все листики на липе от капель и даже иногда бледные ленточки с бутонами липового цвета. Сам в такую капель становишься вроде мокрой птички или зверушки и думаешь о себе, становишься близко так к себе самому и понимаешь себя как близкий предмет. Недавно, почти на днях я почувствовал этот поворот в себе, — не тянет больше никуда, и дорого мне только то, на чем я стою, что возле меня. А вышло это 1) из болезни Павловны, 2) хорошего устройства в Москве, 3) неужели тоже от старости?

Вчера умер сосед Стрелков, драч по профессии, алкоголик, а умер настоящей христианской кончиной, и оказалось, что Дуню свою любил до последней минуты.

Так оказалось...

И это есть красота смерти: смерть оказывает красоту души.

Вчера написал рассказик для «Комсомольской правды», сегодня переписываю:

Пиковая Дама — 12.

Рассказ Михаила Пришвина — 24.

«Хозяйственная смерть» (распорядился даже, чтобы цветов не было: что можно полевые цветы набрать — в голову не пришло, а покупать цветы при такой-то жизни, да украшать еще его, драча...)

Собаки бывают двух типов, одни собаки всех любят, и всякий, кто подержит ее у себя, становится ее хозяином, и она будет служить ему верой и правдой, как всякому. Другие собаки разбираются в лицах чрезвычайно, запоминая всех с одного разу, по одному взгляду различают хороших людей и дурных и служат одному хозяину неизменно. (Лада и собака сторожа Никифора. Чрезвычайно богатая параллель. Найти рассказ.)

19 Июня. Погода весь день сквозь слезы смех, — дождь при солнце, к вечеру стало прохладно.

«Боже мой!» и «Отче наш!» — это два разных Бога.

Еще раз: Лада («наш») и Травка (мой!). Так вот и у собак к человеку, для Лады человек как «Отче наш!», для Травки человек — «Боже мой!»

Восхищение Розанова перед человеком, боящимся жены — порочно. «Жена да боится мужа» — это условие здоровья. И во времена матриархата, наверно, хозяин приказывал: «Ну, я пришел, стели стол!»

Обе собаки меня понимали как своего великого, всемогущего бога, но Травка понимала как единственного своего:

я Травкин бог. Но Лада меня понимала как бога для всех собак, и каждый человек был для нее лишь лицом человека и каждый мог ей приказать как бог. Так что если бы обе собаки молились, как люди, то Травка бы молилась «Боже мой!», а Лада бы: «Отче наш!»

Собрать детские рассказы и напечатать.

21 Июня. Дождь.

Бывали и ошибки: человек попадал и пропадал ни за что, становился жертвой ненависти. Глубоко залегала обида. Но проходило время, и обидчик сам понял: перегиб. Обиженный встречался с обидчиком. Становилось еще хуже: обижаться больше уже было не на кого.

Ввести Тарасиху рядом [с] Гепеусихой.

22 Июня. Что по воде плывет, того не переловишь, а что народ говорит, всего не переслушаешь.

Незнайка лежит, а Знайка по дорожке бежит.

Вчера был конец Ставского, единственным пороком которого было, что он в литературе ни бе, ни ме.

Такие женщины, как Караваева или Герасимова, могут за правду постоять, и я всегда в их общении со своей литературной индивидуальностью сплющиваюсь, как будто сознаю, что в основе индивидуальности заключен порок. А Крупская!

Возможно ли непорочное зачатие индивидуальности (от Девы)?

— Самое главное в наше время — это что от нас требуется сознание Правды (Караваева).

— Да, — говорю я, — это служение Правде вовсе забывает индивидуальность (положение Ставского).

— Легко служить Правде, когда нет в себе индивидуальности (такой Ставский).

— Отче Наш! — это молится Правда.

— Боже мой! — молится тонущая в сознании своей порочности индивидуальность.

— Да, конечно, возможно и непорочное зачатие индивидуальности, но рядовые служители Правде (Отче наш) — это враги искусства.

И Горький вот отчего двоился...

О Павловне (крестьянке)... она, как крестьянка, при малейшей возможности схватиться за что-нибудь материальное схватывается за него и служит ему, забывая, что это материальное же является по существу своему средством, а не целью. Довольно завести десяток гусей, чтобы она забыла настоящее (т. е. самого человека) и служила в лице гусей будущему (детям?). Она хороша бывает, когда нет ничего в доме беречь для будущего, а что есть, то надо съесть, и тут, на минимальных дозах, она героиня.

Начало журнальной статьи: — Когда я сказал в «Детгизе»: — Напечатаем в общем журнале, и пусть там выскажутся о моих рассказах, — мне ответили: — Какая цель, это для нас будет необязательно.

Я доложил в Правлении Союза, что всех деятельных охотников Охото-рыболовного кружка посадили, совсем нет охотников: остались одни рыбаки. — Остались рыбаки! — подхватили Иванов, Федин. И все очень смеялись, что остались одни рыбаки. А кто-то еще заметил, что у рыбы холодная кровь. — Так стоит ли огород городить? <*зачеркнуто:* спросил я>

По телефону я сказал Перовской, что у Травки замечается некоторая щипцовость, т. е. нижняя челюсть несколько короче верхней и чутье от этого торчит, как у щуки. — Велик ли этот порок? — спросил я. — Конечно, порок, — ответила она, — но для охотничьих целей такой порок даже на пользу: без порока же и не может быть индивидуальности.

— Как нет! — воскликнул я, — так значит, вы не верите в непорочное зачатие?

Что-то мучит, а что? — забыл. И долго не можешь даже и припомнить, только чувствуешь себя отчего-то нехорошо. А когда наконец-то припомнил — необходимость ремонта

машины — то неприятное чувство почти уничтожилось от готовности действовать. Так вот сколько на свете людей, постоянно волнуясь, всё ждут какого-то несчастья и сами не в силах опомниться и собраться в себе для борьбы.

И. А. Новиков посредством своих книг «Пушкин в Михайловском» и «Сло́во о Полку Игореве» стал современным писателем и таким влиятельным, как никогда. В соответствии с этим он сбрил свою бородку интеллигента, отчего лицо его стало много хуже, неприятным даже, но современным.

Слепой дождь. Молодой, еще тоненький грач кричит из березовой кущи, сам в полдерева сидит, скрытый, на тонком сучке.

За пасьянсом можно думать о чем-нибудь совсем другом, а если не думается, то и так без думы часами незаметно проводится время. И так один старик отдался, что раскладывает весь день, с утра и до ночи.

Охотник, старея, ушел в лес и бил белок очень много, потом стал меньше, меньше и бить совсем перестал. А когда пришли к нему в избушку, то застали его на дереве, и он оттуда сказал, что он теперь сам — белка. И зацокал оттуда по-беличьему.

Настоящее — это сам-человек, какой он есть, отцы, матери и дети тоже ни в коем случае не будущее: дети-то, может быть, и есть самое наше близкое настоящее. И так у нас все повелось, что это живое настоящее служит будущему, которого нет, все целиком находится в нашем представлении. Так вот нельзя ли заставить это «будущее» служить настоящему?

Источником «греха» я до сих пор считал обобщение (с последующим уничтожением индивидуальности). Это показывает, что я индивидуалист, личник и молюсь: «Боже мой».

Между тем тот, кто молится «Отче наш» и служит Правде, тот, наоборот, должен источником греха непременно считать все личное. И ценность личного он считает, лишь

поскольку оно полезно общему делу и за него умирает, вот именно, что все личное должно умереть и сделаться общим (Реомюр — физик и термометр).

Так вот откуда у нас гордость большевиков: он весь насыщен служением Правде и на художников, ученых смотрит как на «спецов», чтобы выжать лимон для общего дела (Правды) и бросить.

Итак, все это насилие происходит от Правды, которой служили наши деды «нигилисты», Чернышевский и др.

«Единым человеком грех в мир вниде» — и есть порочное явление индивидуальности: размножаясь, человек стал размножать свою индивидуальность, которая есть порок.

Правда (общее дело) и Личность в отношении общества людей похожи на два способа соединения электрических элементов: «Личность» есть соединение элементов анод с катодом так, что во всей батарее каждый элемент остается самостоятельной единицей; напротив, соединение всех анодов в Анод и всех катодов в Катод (последовательное соединение) дает Социализм, Общее Дело, Правду и т. д., т. е. такое соединение, в котором элемент является простым слагаемым...

Так был спор иностранца со Сталиным: иностранец говорил, что в социализме не будет личности, Сталин — что личность в социализме и будет настоящей личностью. Иностранец говорил о соединении, в котором сохраняется элемент как таковой, т. е. в человеческом обществе личность, а Сталин о другом соединении, в котором элемент исчезает, но остается число [батареек], и эти отдельные [батарейки] (стахановцы) Сталин и понимал как усиление личности.

Если «Правда» есть «Отче наш», то и я лишь постольку Я, поскольку могу своим способом свидетельствовать о Правде.

23 Июня. Эль Регистан сказал, что на место Ставского в Союзе, наверно, станет теперь Кольцов. — Вы что на это скажете? — спросил он меня. — Что я скажу? — ответил я. — Вот было со мной, подарили знаменитого пойнтера Черно-

го, а как от двух собак жена отказалась, я Ладу свою подарил Новикову-Прибою (Силычу). Пришло время охоты, Черный оказался никуда, я соскучился по Ладе и послал Леву к Силычу со всеми аттестатами Черного, а Ладу, если он может, просил вернуть мне. Силыч, услыхав Леву о Черном, нахмурился и сказал: «Ну, что же, Черный, так Черный». Вот и я на это, что Ставский уходит и Кольцов приходит, отвечаю: «Черный, так Черный».

Видал я лес на севере, прошел сотни верст лесами, и все больше это были болота, и весь труд был в том, как бы лучше обойти непроходимые болота. Редким счастьем, как милое видение, были высокие боровые места, точно такие, на которых под Москвой живут обыкновенные дачники... И я думал: — Сколько надо в лесах пройти, потрудиться, чтобы отдохнуть на боровом местечке, за что же дачникам даром, и дачники еще ворчат и ссылаются на девственную природу.

Известно, что Правда не может быть моя — твоя Правда, и не может быть Правда Московская или Ленинградская, как именуют себя газеты, не может быть буржуазной Правды, и если существует пролетарская Правда, то лишь потому, что пролетарий идет по ее пути: правдив пролетариат, но Правда не может быть пролетарской, как не может быть Ленинградской.

Набродокурил (внук).

24 Июня. Дождь все не унимается, не помешал бы опылению ржи.

Прочитал вчера, что 22-го умер писатель Огнев. Так быстро осыпается интеллигенция, будто лес в октябре.

Но я все стою и совсем не унываю: по всей вероятности, мне предстоит еще что-нибудь хорошее сказать.

Ночью вернулся к мысли о служении настоящему, т. е. чтобы, напр., в детях видеть детей, а не будущих граждан, и чтобы взрослым бы служить детям, а не будущим гражданам. И это у меня не «идея», а практика всякой хорошей, счастливой семьи.

Своего читателя я узнаю раньше, чем он рот раскрыл, поэтому тех, кто чтит во мне лишь «марку», а притворяется, что он меня читал и любит, я тоже сразу узнаю.

Время такое, что любви и внимания спрашивать нельзя ни с какого человека: время как быстрый поток, и каждый переходит поток по своему камешку, на котором может стать только одна его нога, по жердочке, по бревну. Идет, держится, качается, прыгает, и кто свалится, о том не помнят и не хотят помнить, все подошло так, чтобы хоть как-нибудь самому перейти.

И на войне так, и на массовых всяких парадах пусть все рядами или в ногу идут, но каждый только о себе самом думает, и чем больше масса, чем плотнее она, чем теснее людям, тем дальше они друг от друга и тем у каждого меньше становится простодушия.

Но атака, аврал?
Это сваривает людей, и они создают пирамиду, плотину.

Человек необратим: это значит, что горбатого могила исправит, что нельзя обратить одну индивидуальность к другой: каждый хочет быть сам по себе и сходится не по любви друг к другу, а как сходятся капли дождя, сплываются в общем движении своем в океан. Так и люди сходятся между собой в деле, а по пути некоторые спознаются и вместе текут по любви, и им Хочется вместе плыть, а другие, огромные массы, вместе плывут, потому что так Надо. Вот некоторые так сделать хотят, чтобы все плыли по жизни как Хочется, но это сделать невозможно: человек необратим и должен делать как Надо.

Прислали альманах памяти Горького, и там статья Маршака «Горький и его маленькие наследники». Несомненно, что Маршак пускает стрелу в меня, но я спрятал альманах, не читая, подальше и так от стрелы уклонился. Знаю, что есть порядочно таких, как Маршак, и они, разрешая вопрос моих отношений к Горькому, все сводят к тому, что Горький великий, а Пришвин маленький, и у великих всегда была слабость к какому-нибудь маленькому. Но в том воздухе,

которым я дышу, нет ни великих, ни маленьких. Этим воздухом никогда не дышали Маршаки, и потому читать его не стоит, тем более что и вред от статьи его будет ничтожный.

А может быть, Горькому было самому совестно перед теми, кто понимает искусство слова, — на какую высоту его вознесли. И оттого-то он и тяготел к тем, кто работал в безвестности и бесславности.

Так вот один взлетит в славе, а другой глядит на него откуда-то из щелки, все понимая. Ну, вот тот в славе летящий и заметил: из щелки глядят и глядят на него глаза какие-то непонятные.

Маршаки-то ведь завидуют «положению», находящемуся в евклидовом измерении, они вовсе не подозревают, что «положение» ровно ничего не значит тому, кто находится за пределами геометрии «здравого смысла». Все такие люди, как Маршак, мои враги.

25 Июня. «Несть бо власти, аще не от Бога» и «Взявший меч от меча и погибнет» — хочу сказать, что власть находится вне воли человека; что власть меньше всего находится в воле человека. Вот почему, совершая Божье дело, они тотчас же погибали, когда ставили волю свою: погибали во власти как своевольники.

Так что анархизм, пожалуй, и есть самовластие и атеизм — своеволие.

— Власть — это нужное, а учреждения власти — нужники. Невозможно человеку без нужника жить, а вы еще говорите: анархизм. Это значит, просто вы хотите свой нужник иметь и не считаться с другими: своеволие.

Вещи, о которых не говорят, но явились такие люди, что приходится говорить и о таком, что раньше считалось моралью для маленьких, например, «не плюй»... До того раньше нельзя было сказать «не плюй в колодец», что некоторые извращали, говоря: «Не пей». Теперь же стало надо...

И так никуда от себя не уйдешь и никого из своих не вспомнишь, с кем бы можно уйти: вот это правильно —

иду! а то... то остается позади, то совершенно свое, то остается в неправде. Вспомнишь индивидуалистов, русского Байрона Лермонтова, вспомнишь святых вроде Серафима Саровского и знаешь вперед, что стоит покопаться хорошенько в их жизни, и там у них, у демонов и у святых, все равно найдешь корни своего родного большевизма.

Шестимесячным щенком Травка до того чувствовала страх к одиночеству в лесу, до того [была] позывиста к свисту, что, бывало, летела стремглав на свист соловья, принимая его трель за мой свист <*приписка:* и мчится до тех пор, пока не спугнет, и за ним. Я спрячусь — свистну — ко мне. А пока бежит ко мне, соловей опять запел>.

Служебная собака — это одно, а охотничья — совсем другое: то собака для службы, а то для забавы. По людям эти собаки — два полюса жизни, а по собакам то и другое одно: собака одинаково служит и для того, что люди называют «службой своей», и [для] того, что называют игрой. Собака служит всегда и во всем человеку, потому что верит в него и связывает свою судьбу с человеком так же, как связаны у человека в организме его сердце и ум.

Без глупости не обходится и у самых [умных] людей.

Странно было бы искать ума в глупости, но без глупости не обходится самый умне́йший-разу́мнейший. Спрашивают: почему не пишете в газеты. Отвечаю, что без риска между прочим и глупость сказать не могу сесть за письменный стол, а в нынешней газете рисковать глупостью нельзя: требуются только совершенно умные и правильные вещи, по возможности с политическим направлением.

Сила жизни — в музыке, так я понимаю, но вся музыка Солнца до нас не доходит и остается в цветах. Стоит только на лугу выбрать себе цветочек, вглядеться в него.

Так вся музыка Солнца до нас не доходит и частью остается в цветах.

Вспомнил, что когда, бывало, я звал Ладу и она сразу ленилась идти ко мне, то лежащая недалеко от нее Бия оглядывалась на нее.

— Лада! — кричал я.

А Бия смотрела на нее.

— Лежит? — говорю я Бие.

И она, бывало, от нее переведет глаза на меня и так выразительно, что только не ответит:

— Дура какая! лежит.

— Ну, ты сама хоть иди: ты придешь, и она за тобой.

Бия приходила. Лада не выдерживала, [бросалась].

И начиналась возня.

За чтением газет: С нашей точки зрения (если поверить) открывается перспектива историческая и можно разбираться в событиях. Можно ли стать на фашистскую точку зрения, с тем чтобы открылось какое-то будущее (поведение Англии в отношении бомбардировки городов).

Мне начинает показываться возможность писания для большинства (масс) без утраты себя как художника слова: детство, народный юмор, простота и т. д. (Обдумать.)

26 Июня. Выборы.

Свихнул голову, болит 4-й день, работать не могу.

Рассказывал Яловецкий о процессе об изнасиловании. Девушка была дурочка и не девственница, напротив, оскопленная (чтобы дураков не рожала). Но в теле. Напали на нее два красноармейца (будто бы, на самом деле она «полковая блядь»). Народу битком и все женщины. Овация юрисконсульту, когда оправдали. Овация вышла, как будто они по крайней мере полюс открыли: папанинцы. Юрисконсульт бежал.

Если бы возможно было каждому, получая свободу, как было в 17 году, забыть свою собственную личную в ней заинтересованность и отдавать, хотя бы на то время, себя для свободы, то не вернулось бы назад опять принуждение. Но каждый, получая свободу, сейчас же ей пользовался лично для себя и за то должен был с течением времени за это ответить.

Поехали за грибами. Засадил машину в канаву, пришел Саня помогать. — Голосовал? — Голосовал. — Видел, какой

порядок, какое единство? — Видел, но так и надо: со свободой все познакомились, у всех она на шее сидит.

На ред[акционном] совещании зав. отделом предлагает послать корреспондента, чтобы написал очерк о том, как «проводится ликование».

Цветы — это видимая музыка.

Интеллигенция русская революционная в существе своем была с Богом, но ей пришлось поднять меч, и должна была умереть по закону: взявший меч от меча и погибнет. Тех, кто вовремя успел умереть, того прославили, а кто опоздал умереть — того умертвили с позором.

Голосование походило на какие-то торжественные похороны: молча люди подходили к избирательным урнам и уходили. И это были действительно похороны русской интеллигенции. В этот удивительный день совершилось в огромном народе то самое, что совершалось в глубине моего личного сердца тридцать три года тому назад: я похоронил своего личного интеллигента и сделался тем, кто я теперь есть.

Я бы охотно морально оправдал и прославил N., но боюсь попасть в положение юрисконсульта, оправдавшего двух красноармейцев, обвиненных в изнасиловании оскопированной девушки.

Молчать о своем замысле — это не предрассудок. (Разобрать.) Я же говорю только потому, что знаю: себе это никто не в состоянии взять, а высказанное мной возвращается ко мне, и когда оно находится на обратном пути ко мне, то в пути я его могу объективно разглядывать.

Лада до того удовлетворена в себе и счастлива жизнью и поглощена ею, что вокруг для нее всё рáвно хорошо, и особенно люди.

27 Июня. Излишняя брезгливость есть признак сексуальной порочности.

Странно, что женщины вообще гораздо менее брезгливы, чем мужчины, но ведут себя и кажутся ужасно брезгли-

выми. Эта кажущаяся брезгливость пугает мужчин, и они, чтобы не стыдно было, прибираются.

Так вообще чистота является результатом взаимодействия пола.

Вчера был Цветков. Он является тем счастливым русским интеллигентом, который образовался помимо революционной интеллигенции (в собственном смысле слова).

На разведку за грибами. Не осенний мелкий...

Говорят: вечно зеленые, как будто в зеленом у елей нет перемен, поди-ка ты погляди, сколько за год бывает перемен в этом вечно зеленом.

Выхожу в разведку за грибами с таким решением, чтобы не думать о том: вот я туда-то приду, и там будет хорошо. Нет, везде хорошо, надо быть только внимательным и оценивать счастье дней твоего возраста: мне 65.

Что можно сказать молодому человеку, который с упреком и презрением тебе говорит: ты — старик. Что можно сказать о нищем, который требует, чтобы ему подали «милостыню»... <*Приписка:* И в особенности страшно, когда тебе прямо в глаза: — Ты сумасшедший.>

На бугре на ветру ели стоят, и корни у них у всех на виду; каждый, проходя тропинкой, дивится, видя, какая сила в этих корнях, как они цепляются за землю, чтобы держать высоко в небе шумящее дерево. Люблю тут присесть на любом корне... <*Приписка:* (Однажды я сел — выходит землеройка.)>

Ели в солнечный день: сумрак, пронизанный лучами: сколько насекомых в лучах! Какие золотые пики, какие светлые зеленые пятна внизу и гул сибирской тайги наверху и звонкая на весь лес песня зяблика.

Передний план Ельника: пятна хвощей.

Цветы «не всё» — а что? музыка.
Как бабочка Травку обманула.
Поляна Раковой Шейки. Поляна Лесных колокольчиков.

Сколько веток засохло на ели, пока в борьбе за свет победили зеленые вершины и под ярким солнцем сошлись с другими победными зелеными вершинами (войти внутрь: какою ценою досталось).

Спеет лесная земляника, над ней расцветает дикая [малина].

Мрачен еловый лес, но сколько в его [полном] мраке таится жизни: срубят его — и поляна. — Зайти через три года на поляну, и сколько жизни, поляна Ромашек, поляна Клевера, поляна цветов Иван-да-Марьи, рябина, береза. Береза могучая в борьбе с елью. Не бывает, чтобы ель [выросла] под березой — тенелюбивая выбивается и душит березу. Но раз я видел березовую поляну — в почве было [всего] довольно, и они взялись, и ель... И, никем не побежденная, под старость отдалась ветру и пала от грома и молнии.

Маленький рассказ должен исходить от большого художника, и хорошо, если художник этот происходит от большого человека, потому что маленькое лишь тогда прекрасно, когда в нем отражается все большое.

28 Июня. В Ясникове натаска Боя. Мелькнул сюжетик для рассказа детям о лесе. Тиль-тиль и Митиль. В лесу. Тропинка расходится вилочкой. Поссорились в споре, по какой идти домой. Начало: Давний спор на скамейке: одни идут по одной тропе, другие считают ближе по другой. Рассказ начинается описанием этих тропинок. Вечный спор, и дети заспорили. И пошли. Одна глава: переживания Тиля, другая — Митили. Конец: обе тропы сливаются в одну.

Вузовец натаскивает собаку: тетеревенок, привязанный в кусту можжевельника. Бой возле на стойке весь в цветах. — Ну, стой же! помни, тут всё у тебя, весь твой университет: тут тебе и Шекспир, и Байрон, и Пушкин.

29 Июня. Уговорились: завтра к вечеру еду в Москву, 1-го устрою Пете докторов, а 2-го утром он позвонится.

Идея охраны животных с целью получения бóльшего количества шкурок не есть вовсе гуманная идея. Мысль цен-

ная, но нельзя возносить ее до мыслей нравственного порядка. Напротив, есть даже в этом что-то лицемерное. И даже в том случае, когда, как у Толстого, о шкурах и речи нет, а все сводится к охране жизни на земле, то и тут в основе своей заложено что-то гнилое. Правда, самому-то человеку так несладко живется на земле, столько страданий, что «отвести душу» общением с животными вполне понятно и допустимо. Но придавать этому какое-то принципиальное значение решения моральных вопросов человеческого мира и самоспасения, — это уже нет: это есть просто замаскированный лицемерный уход от своего человеческого.

И ту «пустыню», страну непуганых птиц и зверей, о которой пишет Серая Сова, невозможно сохранить путем разведения животных в заповедниках. Нет, мы понимаем «пустыню» Серой Совы как его готовность к творчеству, к созданию лучших возможных условий жизни. Разведение бобров, которым завершается страна непуганых птиц и зверей, есть замечательный пример частичного творчества человека. А какая цельность! Серая Сова по существу нашел себе «творческую пустыню» в своем писательстве, но его литература подкреплена жизненным делом: он не ушел от бобров, которым обязан во многом своей свободой, он остается благодарен своим материалам и не возвеличивает себя как творца. Мало того! Его оптимизм в отношении к жизни, зовущий к деланию ее, так заражает читателя, что хочется самому заняться теми же бобрами. Так вот было со мной. — Почему же у нас не может быть воспроизведен замечательный опыт Серой Совы, мало ли у нас лесов, мало ли энтузиастов из молодежи! Я стал знакомиться с нашими условиями, и вот оказалось, что и у нас, как в Канаде, раньше везде были бобры.

Это не бум-творчество (бумажное), а действительное, жизне-творчество.

Молодежь, которая не видела сама жизни до революции и только слышала в школах проклятия той жизни как «правду», от родителей устно получала понятие о правде иной. Что же получается в итоге. Необходимость сближения с молодежью (Боков, Моня и другие «инакомыслящие», кото-

рые и определят новую жизнь, т. е. не «масса» в ходовом смысле, не комсомолец как таковой, не пионер).

Самое нехорошее в литературе, что писатель откуда-то берет себе право смотреть на жизнь как на свои материалы и пользоваться ими, т. е. он делает то же самое, что и охотник за шкурами бобров: сдирает шкурку, а самое животное бросает.

Смотрим на цветы у соседей через щелку забора, и от них в душе моей начинается музыка, я весь наполнен ею, и далеко где-то звуки моторов, на фабриках, на шоссе, в воздухе, и звуки радио (учат гимнастике), и переклички паровозов, и много чего-то всего такого мне сливается в один образ Медного всадника, что это он там где-то скачет. А я — это душа всего, это Евгений, который пережил свой страх и свой гнев на Медного всадника, и ему довольно смотреть на цветок через щелку забора, чтобы участвовать в том великом Существенном, перед чем Медный всадник кажется чем-то вовсе даже и не мешающим: медь и медь там у него, а тут у нас душа. Несколько смешна только с душевной точки зрения фигурная чопорность Медного всадника: сущности нет, одна форма, а между тем сколько гонора вздыбилось!

Чуждое искусство! в существе нашей жизни ничего нет такого. Сталин у нас — не бог, не царь, не президент, не министр, и в то же время, — пожалуйста! бери все, сдаем тебе все, делай что хочешь, и пусть! если это надо, будь, если надо, царем и президентом, бери все, если это надо. А я остаюсь при себе, и этого никто у меня взять не может.

Медного всадника и Евгения можно понимать как спор между горделивой формой и смиренной материей, за счет которой эта форма создается.

Беременная женщина с мальчиком.

30 Июня. Москва.

Ладу иногда нужно бывает выдрать по необходимости, а бывает, ошибешься и выдерешь зря, по горячности, — все

равно, справедливо или зря, она принимает эту порку с такою готовностью, так входит в себя после порки, делается внимательна, вежлива и благодарна, и так это странно кажется, что благодарна, даже когда вздул по ошибке, что невольно и, может быть, кощунственно вспоминаешь заповедь о любви к врагу.

В таких случаях я всегда вспоминаю и через Ладу, мне кажется, немного и понимаю. В то же самое время я тоже думаю, что ведь я-то для Лады есть бог, и со всеми его атрибутами, и ощутимый, и осязаемый прямо как тело, как вещь. Сколько надо человеку придумывать и мучиться, чтобы поверить в Невидимое и к только Мыслимому относиться как к телесному. Тут же ná, пожалуйста: вот тут рядом Всемогущий с плеткой стоит. Да покажись мне такой явственный бог, так ведь и я бы, мне кажется, с большим даже удовольствием лег к нему под плетку, с большой благодарностью бы и просил: — Ну еще, ну еще, Господи, попори меня, заслужил.

К рассказу «Анонс» («Кента»). Я угадывал по смущению, что она растурила, и проверял себя, если на вопрос «Что ты сделала?» — она ляжет виноватая, то значит, растурила, после чего я ее наказывал, и она... см. все записанное выше о Ладе. Но раз после порки Кента прыгнула мне на грудь, потом пошла, оглядываясь, как будто звала... Она сделала то, о чем я не мечтал, и я вздул ее... Как я завидовал ей, что она имеет бога. Некому было бить меня, как я завидовал ей... если бы я сейчас увидел бы тоже своего бога с плеткой в руке, с каким бы наслаждением лег я на живот, протянул бы вперед руки, между рук вниз лицом положил голову и говорил бы: бей меня, бей меня, Господи, хлещи, хвощи как ни можно сильней <*приписка:* да получше — прибавь!>

Не стыжусь восхищаться собачьей преданностью, быть может, и потому, что сам тоже кое-чему предан с собачьим смирением. (Начало рассказа «Анонс».)

8 Июля. 1.83.75 Редакция «Молодой Гвардии».
Клюева Вера Ник. 2—6 каждый день.

1 Июля в Москве. Заключение договора с «Молодой Гвардией».

В Москве, на улице, в жаре, в толпе людей я думал о том удивительно прекрасном Боге, которого создало себе человечество: вот это самое бегущее в суете, в жаре, вечно рождаясь и умирая, человечество создало Христа! Как...

Ксюша, храня свое девство (это смысл ее жизни), скручивается, как стальная пружина в барометре, поднимая стрелку показаний все выше и выше.

...Человек должен себя рассматривать не как самостоятельную единицу, а как нераздельную часть целого <*приписка:* т. е. «броситься в чан»> (Руссо).

Есть еще довольно шоферов, застарелых в предрассудке, будто Газик лучше пригоден для наших дорог, чем М. Я, любитель-шофер, принадлежу к числу их.

Рассказ: Парикмахерша — по мотиву: кто она? такая волшебная на нашей русской дороге. <*Приписка:* Рассказ «Сирин» кончается: После, почти через год стараний я узнал, что это гостила у своих в Переславле московская парикмахерша.>

Я был так ослеплен, так изумлен и очарован, что чуть-чуть только не выпустил баранку из рук. Слюды для газика теперь нигде не достать, я завесил заднее окошечко во время ненастья плотной картонкой и после забыл и так вот езжу. Хватился, остановил машину, хотел поглядеть, в чем же тут суть, что за диво, и не мог ничего увидеть: окошко заделано. «Не Сирин ли?»

И очень просто: яркое сияние осталось у меня в глазах.

Но это невозможно.

2 Июля. Жаркие дни. Вечером вернулся в Загорск.

3 Июля. Вселенские разговоры.

Жаркие дни. Взялся крепко за «Серую Сову». Разговоры с Цветковым о непогрешимости папы и всетерпимости католической церкви (Лютер преступник, но лютеране спасутся). И о том говорили с тревогой, как будет жить моло-

дежь после нас: мост, соединяющий поколения, как будто разрушен же...

А не будь этих вселенских разговоров (с Бостремом), я не написал бы «Жень-шень».

4 Июля. Жара продолжается. Гость из Сталинабада. Работа над «Серой Совой». В «Комсомольской правде» мой рассказ «Пиковая Дама». Дух молчит: забит работой. Дух не любит работу за то, что она для него «легка», скучно без привычного риска...

Одному замечательному мыслителю пришла великая мысль в то самое время, когда он был на Воробьевых горах. Узнав об этом, другой, очень подвижный гражданин пошел на Воробьевы горы, на то самое место, и ему в голову никакая особенная мысль не пришла. Желание видеть писателя лично, ехать к нему, — в огромном большинстве случаев стремиться на Воробьевы горы, где одному кому-то пришла в голову счастливая мысль.

В редакции журнала «Молодая Гвардия» говорили о славе, и я сказал: слава портит человека, если к славе идешь — бери плеть.

Я это обернул на Ницше: «идешь к женщине», но там о Ницше не знали, и все подумали, какой я умный.

Вся разница наша от животного и растительного мира — в особенностях нашего личного самосознания: пусть животные обладают такими же индивидуальностями, как и люди, — это вполне возможно; но животные, защищая, конечно, свою индивидуальность, чувствуют и тем сознают себя как слагаемые целого; напротив, люди из своей индивидуальности делают личность самостоятельную: личность как нечто целое в большом целом, которое называется природой.

Эти люди, охотничьи писатели, не знают, куда девать свои силы, и похожи на человека, который блудит в лесу. Существует между тем путь вширь: это ландшафт необычайной страны, никем еще пока не затронутой. И существует путь в глубину: это путь искусства, путь формы.

Пухловатая лирика, отвечающая в поэзии «розы-морозы». У Толстого черемуха ходит, здесь разговор деревьев — не всерьез. Почему осина и пихта?

Лада не идет на зов, ей жарко, разнежилась, не хочется встать. Но стоит мне позвать не «Лада!», а «Травка!» — она сейчас же встанет и придет: это она боится, что откуда-нибудь Травка возьмется, и тогда ей уже ко мне не попасть. Это ревность собачья.

А Травка ложится так, чтобы передние ноги ее хватили до стены, а хвост до буфета, при таком ее положении я оставался в треугольнике и Лада могла бы ко мне перешагнуть только через ее труп. Лада, однако, перешла через хвост...

Это одна из лучших книг для детского потребления, но мы думаем, что для нашего времени и для [способного] автора этого мало. В наше время мы ждем.

При разборе этой книги думаешь похоже, как приходится думать ранней весной, когда на захламленной вырубке начинает пробиваться трава и цветы: нет никакого порядка, бесформенность, но само чувство хорошее.

Из разговора с Цветковым узнал, что умер Шаляпин. — Когда же? — Не очень давно.

При таком легком и приятном разговоре и вдруг осечка: — Умер! — Так, значит, умер? Давно ли? — Не очень давно. — А откуда узнали, в газетах было? — Нет, в газетах не было: кто-то сказал.

Молчание.

— Но позвольте, о чем же мы говорили?

И не можем вспомнить, о чем.

5 Июля. Жара. Вечером ездил в лес: всё гудит, везде ото всего пахнет медом. Цветет спирея.

Есть слух, что в тюрьме умер наш доктор Кочерыгин. Иногда вспыхивает то же негодование, как в 18 году, но тогда были виновники «большевики». А теперь? И такой скрежет войны. Приходила Таня вся в слезах, ходит и плачет, и плачет. — Ненормальная? — Нет, именно она-то нормальная, такими все бы мы должны быть, если бы не жирели. Но я при виде таких беспомощен, мне стыдно за себя.

Всякий рассказик или пухнет, делаясь не строгим, а хорошеньким, если же движется к строгости, то худеет и превращается в познавательный очерк.

Озорник-автор разделывается с целыми породами деревьев... <*Приписка:* Куда идет автор? Никуда: он тут весь, и тут его все.>

46 рассказов: в них нельзя угадать, куда движется автор: не блины же рассказы.

6—7 Июля. Жара, но замолаживает, иногда гром и вообще полегче. Купанье на Воре. Культура ощущения... голубые стрекозы. Сенокос.

Собачья ревность, или Как можно собаку научить есть ягоды.

1. Звать Ладу Ладой — не идет, а позовешь Травку — Лада подымется и т. д.: игра их. Лада ест ягоды, и я дал Травке — не хочет. Тогда я взял у нее ягоду и на глазах отдал Ладе, и та на глазах у нее съела. Вторую ягоду Травка опять не хотела есть, но я протянул руку к ее ягоде и сказал «Лада!» Услыхав, что я зову Ладу, Травка съела ягоду. Я и еще дал ей одну, так что она поняла, что ягоды вкусные. Теперь в лесу у куста малины: с одной стороны Травка сидит, с другой Лада и я.

Выходной день — все равно что в прежнее время в деревне годовой праздник: теперь же это из деревни ушло и разлилось всюду, как хулиганство. Причина же всему пьянство.

Русский язык как международный язык социалистических государств (в «Правде»: и вывод: принуждение в изучении).

Рабочий: «Мне чужая копейка не нужна, но, еб твою мать, уж за свою-то копейку, еб. т. мать, горло перегрызу» (из эпохи займа пятилетки).

8 Июня. Опять солнечный день, но жара уже не та. Надо бы в Москву ехать, — Петя приехал... Вечером, вероятно, поеду.

Так написать для детей дошкольного возраста, с такой строгостью, чтобы на весу было каждое слово и в то же время взрослые читали эту книгу с таким же высоким эстетическим удовлетворением, как читают фольклор. Удастся ли это автору, — я не знаю: сколько-нибудь удастся, в литературе сознательные попытки никогда не пропадают даром. Удастся немного ему, удастся немного мне, и, наконец, кто[-то] гениальный увидит и скажет: да это же путь! Тогда исчезнут все эти имена, все эти dii minores * в одном большом имени, как исчезло много значительных поэтов в имени Пушкина. И тогда, может быть, придет обновление литературы с неожиданной стороны, появится нечто вроде современного фольклора, имеющее значение сказок, некогда соединявших между собой все поколения, старого и малого.

9 Июля. Со вчерашнего дня лечусь: живот болит, боюсь: эпидемия дизентерии.

Каждый чувствует презрение и каждый беспрекословно подчиняется: очень похоже на общину Щетинина. («Как я в это Чучело поверил?» — тут мудрость.)

В глазах католической церкви Лютер был еретиком и, может быть, антихристом. Но лютеране вовсе не виноваты в его грехе, и, будучи лютеранами, тоже могут спастись.

Так понимает это католическая церковь (слышал от Цветкова). Это замечательно, и через это легко понять, что народ и при большевистских вождях может спастись во Христе.

10 Июля. Солнце. Сушь. Но больше не жарко.

Получил во сне письмо от нее, помечено «Белые ночи» (7), т. е. ответ на мое, названное «Белые ночи», и ее седьмое. Получил вроде как бы из Казани со студентом Добычиным, между тем как она приехала и живет со мной чуть ли не в одном доме. И я думаю сейчас, что, может быть, я и не написал или, вернее, обманут своим писанием: не так оно хорошо и значительно, как говорят. Но переживание такое

* *dii minores* (*лат.*) — младшие боги.

гениально, может быть, единственно: видеть женщину несколько дней в 28 лет и считать праздником своей жизни, что получил от нее письмо (во сне!) в 65 лет! Отсюда и писание мое замечательно: я им доказал нечто, и, самое главное, благодаря этому надо мной никто не посмеялся (как над Бутурлиным). Истоки комического (человек, заполняя пустоту, занимался измерением черепов хищных птиц); а другой ничем не заменял, а этим чувством прямо и жил.

«Малая правда» (жизнь Генрихсона, через Мопассана) при встрече с правдой Большой стала ложью, или, наоборот, ложью стала Большая правда. Большая правда уничтожает Малую и... вот тут вопрос: какой же это путь, если ложь орудие? Или...

Гараж Куликова: резина соломой набивается, а в газетах: величие резины; борьба рабочих с займом, а в газетах... что это?

За свою собственную жизнь я стою, за молодость свою борюсь, а они думают, я это за молодежь, и являются ко мне молодые люди хуже всяких худых стариков.

«Маки цветут»... Я первый раз в жизни своей на это обратил внимание, что, кажется, мак цветет один день, утром цветы, вечером нет цветов, но головки, а наутро новые цветы и вечером новые головки; вот почему, может быть, и говорят, что не мак, а маки цветут. Меня это удивило, и я был счастлив, но рядом где-то живет человек, он все знает, ничему не может удивиться, обрадоваться: он все знает и не может знать только счастья.

Какой же вывод? Такой вывод, что надо пользоваться знанием, а не быть его рабом.

Итак, числитель — это Я (субъект). Путешествие нужно людям (перемена мест), чтобы сбросить узы лишнего со своего Я и тем самым душу свою расширить.

Но этого мало, нужно еще во время расширения души уметь всей силой своего родственного внимания облюбовать какую-нибудь подробность бытия, отчего это малое жизни при огромности расширенной души получило значе-

ние Великого Действительного, и все творчество можно выразить дробью, числителем которой будет расширение души (субъект), а знаменателем — часть бытия: так что сила реальности созданной вещи (частное) бывает тем больше, чем больше числитель — субъект и чем меньше знаменатель — объект. Что же касается третьего фактора, т. е. родственного внимания, то оно есть свойство таланта, нечто от нас не зависимое, такое же данное, как и природа.

Кажется, чего же это ужасней, как беспомощно глядеть на действительность, видеть, как ежедневно чья-то рука хватает твоих друзей, хватает людей, которых ты уважал, и они исчезают так, что не знаешь потом, живые ли они где-то в Сибири работают или умерли. Но еще ужасней этого чувствовать, что очень скоро ты их забываешь и ставишь себе даже вопрос: — А правда ли, что они были твоими друзьями, правда ли, что эти уважаемые, достойные люди были тебе так нужны? И если не друзья, не авторитеты, то как же это ты ухитрился прожить до старости без друзей, без людей, за которых тебе надо стоять?

И самое последнее, с чем очень трудно освоиться, — это моя секретная мысль: — А ведь, конечно, можно жить и без друзей, и без близких людей, можно жить неплохо самому, одному.

И еще самое-самое последнее, что, может быть, так и всегда было, что под старость в полной своей спелости человек сам собой наполняется, наливается и так держится, вообще не нуждаясь ни в ком.

11 Июля. В постели (желудок).

Журавлиный суд.

Начало: Данилыч поет так хорошо, что не раз ему предлагали учиться и потом в оперу. По-староверски за это в ад, и отец не пустил. — Дурак! — говорили ему потом все, когда стало уже поздно учиться. Так вот постоянно, на воде, на дороге запоет. Прослушает встречный человек, подивится, станет потом выспрашивать, как, почему он с таким голосом живет здесь, в глуши, и, узнав почему, всякий неизменно говорит: — Дурак.

Другое начало: Волга в разлив не то, что видно с парохода только, и кто с парохода видел разлив — мало еще тот видел. Во время разлива Волга все реки свои обертывает, и каждая такая река тоже все свои, и там моря затопляют леса...

12 Июля. Петров день. Липа цветет.

Цветков как читатель — творец культуры (Розанов и Цветков — две половины человека-созидателя).

Мое влечение к таким, как Евгений из «Медного всадника», или как Серая Сова, или как Петя, брат Николай и т. д., — что это, и кто они вместе, и что они значат. Похоже, что тут ненависть к господам-цивилизаторам.

«Масса» в отношении творчества, создания нового, лучшего разлагается на личность-производителя и личность-охранителя на фоне множества потребителей, которые представляют собственно массу в смысле черни.

Утром при восходе солнца маки начали раскрываться, и полетели пчелы со всех сторон и жужжат: липы цветут, маки раскрываются.

Пчелы целый день брали пыльцу с этих маков, а к вечеру цветы кончили свою жизнь, и пчелы, садясь на них, роняли их листики. И когда солнце село, листики маков лежали внизу, а на стеблях сидели зеленые головки, полные семян. На следующее утро маки опять зацвели, но это были уже другие, и они тоже цвели один день, к вечеру пчелы и ветер обронили венчики, и остались зеленые головки. Так день за днем цвели липы — как пахло хорошо медом! — липы цвели, маки цвели и совсем все процвели, — осталась большая грядка с зелеными маковыми головками. Стали расти — расти головки, и спеть, и желтеть. Когда они стали сухие и желтые, мы стали их ломать и продавливать пальцами. Из дырок высыпали в множестве семена и с ладони в рот. И так жевали их, что рот уморился жевать.

14 Июля. А, пожалуй, Медный всадник + Евгений и индеец и все прочее входят сюда: человек Медного всадни-

ка — это машина, переделывающая землю, «я»; то существо и есть Хозяин Земли.

И когда я понял себя, что я могу быть сам с собой, тогда тоже все вокруг меня стало как целое и без науки. Раньше при науке было мне, что всё в отдельности и бесконечном пути, и оттого утомительно, потому что вперед знаешь, что до конца никогда никто не дойдет. Теперь каждое явление, будь то появление воробья или блеск росы на траве... или... все это были черты целого, и во всякой черте оно было видно все, и было оно кругло и понятно, а не лестницей.

Разве я против знания? — нет! Я только говорю, что каждому надо иметь срок возраста жизни и права на знание.

Зацвели мальвы.

Конечно, люди, только люди одни виноваты в без-образии мира. Иначе откуда же чудесные мгновения постижения прекрасного и откуда такая цепкость людей: одна мерзость, и все так цепляются.

15 Июля. Жара в Москве. Разбираю старые бумаги и чувствую постоянный стыд за те доклады, письма и т. п., в которых я хотел быть умным. Чуть-чуть похоже на стыд мой за Леву и страх мой за него постоянный, что вот скажет где-нибудь что-нибудь, и он-то сам не заметит, а все поймут, что он невежда.

16 Июля. Вечером вернулся в Загорск. Засуха.

Человек с виду прост: две руки, две ноги, голова... из этой фигуры не выйдешь — и вот кто понимает это, тот и строит свое поведение согласно природе, и такой человек называется человеком с хорошими манерами, а кто это не понимает и стремится представить что-то и выйти из себя, — тот человек с дурными манерами. Вот почему первое впечатление от хорошо воспитанного человека такое, что он прост, а думал, как Дон Жуан, и Дон Жуан, значит, прост.

Купанье и ловля пескарей на месте соединения Вори с Пажей (вблизи Воздвиженского, где находится могила казненного Петром князя Хованского). Восторг от купанья:

у человека нет ничего: он гол; и другой человек рядом тоже гол. И сверху солнце. И вот оно, крещение в радости жизни. Святая плоть. Мелкая рыбка ноги щекочет. Купавы. Стрекозы синие. Песок. Осоед спланировал. Египет. Трясогузка. Кулик на бревне. Естественный стадион (Воря возле Воздвиженского: высокий берег кругом). Овес и рожь в засуху: мелок колос.

«Бумажница» (к Пете приехала женщина из папье-маше).

Павловна мучится, что упускает надо мной власть. Совершенно меня изводит... Моя углубленная работа действует благотворно: ей, наверно, становится совестно меня изводить.

17 Июля. Жара. Засуха. Травка потерялась. Написал $^1/_2$ листа «Совы» и рассчитал так на 10 дней по 10 страниц.

18 Июля. На заре Травка пришла, и Павловна сказала: — Богачова дочка на зорьке пришла.

Хамство лежит в природе человека, и возбудителем его бывает власть. В феодальные времена против хамства была культура чести, в буржуазные эта честь перешла к интеллигенции. Что же теперь, когда интеллигенция так же истреблена, как в былое время феодалы, может предохранить государственную власть от хамства?

Между прочим, вот этот «душок», который оставил себе Разумник как единственное свое достоинство, и есть эта самая «честь».

Моя «независимость» (мое слово в работе и что денег не беру взаймы) есть прямое указание на интеллигентское происхождение. А может быть, это вообще свойство индивидуальности. (Дядя Иван Иванович.)

Мои выводы — образы, и самый большой вывод, самый большой образ — это мир как целое и смысл всех вещей в отношении к этому целому.

Рабочее движение остается как было, и оно без всякой моей помощи придет к тому, за что я стоял. Все так и будет

и так само собой сделается. Но я сам, как же мне теперь определиться.

Так субъект разделился с объектом, и каждый, не споря друг с другом, пошли своей дорогой.

Хорошее семейное празднование — именины, Лева и Петя в цветах на «купеческих местах».

Воспоминание (прошлое), план (будущее), и то, что у человека план, у животных «инстинкт».

Дрессировка породистых собак тем хороша, что, выучивая свою собаку, чувствуешь весь собачий род, прибавляя к инстинктивному запасу культурных приемов, чувствуешь всю предшествующую работу людей над собакой.

19 Июля. Жара продолжается, но по вечерам стало довольно прохладно. Обработано $6^1/_2$ листов «Серой Совы». Намечаю 28-го закончить и до начала охоты поправить и сдать в журнал. В тот же день и в «Детгиз».

Чего я никогда не приму из нашего времени — это государственное самохвальство и гражданское «держи выше нос» («на что вы освободили осла!»).

Философия английского письма (культура чужого ума).

20 Июля. Жара.

Старик тем страшен, что под ним вороха черепов: родные, друзья, товарищи — все давно померли! Другой молодой от этого груза давно бы жить сам не захотел и под землю ушел, а он живет, как ни в чем не бывало, о чем-то хлопочет и тянет день за днем, как будто ему и веку нет.

Одна собака, умная и великодушная, с большими человеческими глазами привязывалась на тонкой веревочке и целыми месяцами дожидалась, когда хозяину захочется взять ее с собой на прогулку. Другая собачка так себе, ни ума себе еще не нажила, ни опыта, а вот сразу догадалась, в чем дело, и веревочку перекусила. Но хитрая не пересилила умную и великодушную. Та и до сих пор сидит чуть ли не на ниточке, уважая волю хозяина. Если только ей вздумается занять-

ся своеволием, во всякое время может она перекусить свою нитку, это в ее воле. А хитрую посадили на железную цепь, и никогда — никогда! — больше уже ей не сорваться.

Утром, когда в парке нет никого, еду по тропинке между соснами к Вифанскому пруду. Там на берегу большого пруда есть горка, с которой видны выходящие из темных лесов холмы. И здание Академии Платона с перекрытой бывшей церковью (теперь Академия превращена в птичник) из-за деревьев похоже на древний замок. Всё вместе с пейзажем — Германия. И мне стало больно: сколько там в Германии всего, за что рядовой немец может уцепиться мечтой: ведь как густо живут, немец на немце, и в прошлом рыцари, поэты, философы, рыцарь на рыцаре, ученый на ученом. И так у них Германия — это реальность, кругом, везде и всюду, в прошлом, настоящем и будущем всё Германия. И пусть сам с ноготок, от земли не видно, а каждый захочет и раздуется в Гитлера.

Но вот давно ли была тут, в Вифании, духовная академия: монахи были черные; а теперь сто тысяч белых петушков живет с красными гребешками и сто тысяч кур белых, и все называется «Птицеград». Чепуха! нет ничего. Нет? надо выдумать...

И вот додумались: есть «Слово о полку Игореве».

— Не веришь в «Слово»?

— Не верю.

— Взять его, негодяя: это враг народа!

Другие все напугались и твердят, как первоклассники, о своей великой родине. Но дунет что-нибудь, и опять нет ничего, и опять nihil-изм, но уже подземный, всенародный, без мужицкого фона. И все-таки чем-то это сильней, страшнее в тысячу раз, чем раздувшийся Гитлер. А там Китай, Индия — как это все Гитлеру к рукам прибрать!

Но если арабский закон весь на фу-фу, если в Азии nihil, то из чего же будет жизнь складываться?

И где я живу? Ведь я живу так, будто жизнь уже складывается...

Сын тысяцкого. Найти выше сделанную заметку о бородке И. А. Новикова и прибавить, что он, сбрив бородку, осме-

лился сказать об авторе «Слова», что он был сын тысяцкого (т. е. пролетарий). Над этим в Москве все посмеиваются, и когда кто-нибудь услышит «Новиков» и спросит: — Это какой Новиков? — Сын тысяцкого, — отвечает другой.

Последние ягоды клубники в жаре пахнут на весь огород и сладкие стали, как варенье.

О запахе.

Президиум Верховного Совета: ни одного интеллигентно-осмысленного лица, всё как результат нигилизма: т. е. что не в этих мечтах-«надстройках» суть дела: все это ничто, а жизнь идет своим ходом.

— Вот еще лицо! интеллигенция! да нам с лица не воду пить, жизнь идет своим ходом.

— Не дождь, а гвоздики в пыль.

Лада моя начинает стареть для охоты, и я вырастил ей в помощь молодую Травку. Лада — пойнтер, Травка — ирландка, рыжая с большими человеческими глазами.

Лада сейчас лежала на солнце и разленилась.

— Лада!

Она не хочет идти.

— Лада! — второй раз.

Больше двух раз нельзя: собака возьмет силу над человеком. Но угрожать, бить я не могу, тогда [пропало]. Надо что-то придумать. И вот я спрашиваю:

— Лада, кто меня больше любит?

Оглядывается, — нет ли где-нибудь тут Травки.

Нет. Лежит. Она поднимает высоко голову, она знает, в чем дело там, и все-таки не встает.

А дело вот какое: Лада думает, что она больше любит меня, чем Травка, и всячески стремится это доказать. Такое чувство у людей называется ревность, она понимает, что я вызываю: «кто меня любит», но Травки нет вокруг, вот если бы Травка была...

— Травка! — кричу я в сторону...

2) Кто больше? Начинают оттирать друг друга. Описание игры.

3) Ягоды.

2-е начало.

Однажды я нашел в лесу много малины. Лада глядела, как я ем, и себе начала...

22 Июля – 26 Июля. Заболел в 6 веч. t – 39,5 аспирин. 7 утра – 12 дня – 37,5. 2 дня – 38,5. Принял аспирин и в 4 ч. t упала до 37,6, и горчичники. Ночью 39,5, хинин. 8 утра – 39,5. Банки. 6 веч. 38,2. 10 веч. 38,4. 3 ч. у. – 38,2. 6 ч. в. – 37. 11 у. – 35,6.

26 Июля. Преодолеть какое-нибудь зло в себе еще не значит преодолеть его целиком: оно продолжает жить в другом. И вот эта борьба со злом, живущим в другом, выходит за пределы личной этики... (вернуться к этому и связать с последующим).

Из разговора с Х.: – Я точно так же мыслил, как вы: это индивидуализм, анархизм. – Пожалуйста, без «измов», – поправил я. – Но потом я понял нечто высшее и заставил себя его признать.

И вот «высшее»: раньше считалось, что один невинный оправдывает существование 99 негодяев, теперь – 99 невинных должны погибнуть за одного шпиона.

Все быстрые коммунисты (чекисты) очень любят вечное перо и другие маленькие технические удобства. У меня есть чудесный перочинный ножик. Я показал его Х. Он полюбовался и спросил: – Наш?

Начало рассказа.

Горох поспел.

– Лада! Пойдем горох есть.

Лежит на солнышке. <*Зачеркнуто:* Сыта.>

– Лада!

Подняла голову.

– Горох поспел.

Опустила голову: не хочет гороху.

Она старовата. <*Приписка:* Но у меня есть молодая собака – Травка!> Вся как белый кубарь, раскрашенный желтыми пятнами. В помощь ей я завел Травку: ей только год,

но она вся золотая и шерсть вьется как Золотое Руно до земли, не хвост, а перо: перо золотой цапли.

— Травка, — кричу я, — горох поспел.

Лада подняла голову.

— Где Травка?

Нигде нет Травки, это я выдумал, чтобы Ладу возбудить.

— Травка, иди скорей, горох поспел!

Лада поднимается, глядит кругом:

— Где Травка?

Копается далеко внизу на самом краю огорода.

— Травка-Муравка, Травка-Муравка! — кричу много раз подряд. И вижу, как схватилась там внизу и мчится, забрасывая ноги, и стелется, вся вытянулась до самой травы.

Лада заметила и себе тож, бежит, летит-пыхтит.

— Кто меня больше любит?

27 Июля. То вставал, то ложился. Читал «Одноэтажную Америку», раскладывал пасьянс.

Встал и возвратился к работе.

28 Июля. 1) Памяти И. С. Тургенева «Гусями отдам». (Соединить Алексея Денисова с тем, в кого мы палили, а он нас по-матерному.)

2) Памяти Горького «Журавлиный суд». (Вода расширяется, Волга разливается, а душа? Не тем ли интересен большой русский человек, что душа его как Волга?)

3) Памяти Некрасова «Мазай и зайцы».

Три рассказа.

<*На полях:* Пошел на принцип.>

Написал детский рассказ «Любовь». Обдумываю о «господстве» как об основном зле современного человечества: «господство» над людьми доходит до человека — господина всего живущего: Человек — господин Вселенной. В то же время сам он постепенно делается рабом им же сотворенных вещей, и они вовлекают господина Вселенной в мясорубку современной войны.

Сохранится только человек, считающий себя частью целого... (Серая Сова ... и другие.)

— Я не знаю никакого решения, кроме того, которое определит мой поступок в ближайшее время. —

Мы сидим и говорим попусту. Но скоро я поднимусь и начну нечто делать, и первое звено этого дела, мой поступок, — он и решит все. Я не могу сейчас его предвидеть и сказать вам о нем что-нибудь, потому что я лишь ничтожная часть великого целого, определяющего в огромной степени и мой поступок. Я отсюда получаю сигнал, согласно поступаю и после узнаю смысл своего поступка в его согласованности с целым.

Не то ли самое Гёте сказал, что простой человек в своем простейшем поступке всегда имеет верную цель.

29 Июля. Когда по утрам вижу, как Павловна хворостиной выгоняет из ворот на прудик трех своих жалких линялых гусей, я изумляюсь выражению величия и могущества, которым дышит вся ее фигура. В этот момент я понимаю, откуда взялись большевики и все эти Ставские, насыщенные властью и жаждой господства, как электричеством. <*Приписка:* (Ставский: в моих руках дело, я — хозяин.)>

А то есть другая сила и другой человек: почуяв это в себе, он с отвращением отступает и оттуда, из глубины себя, действует, прокладывая незримые воздушные пути...

Завояка (название детского рассказа).

Горе, скопляясь в одной душе все больше и больше, может в один прекрасный день загореться, вспыхнуть сразу, как сено, и все сгореть в огромном пожаре радости. Даже кажется тогда, что вовсе и не заслужил...

Бывает, жизнь до того доведет в своей тяготе, что все на свете станет серьезным, пусть в это время встретится сказка, и она, та же самая, обыкновенная сказка, которой пользуются все для отдыха, выглянет так же серьезно, как вся жизнь в ее целом. И тот, кто в это время сказку серьезно на сердце принял и стал ей заниматься, — тот вот и есть подлинный поэт. Так что поэт тем отличается от всех людей, что сказку он сам создает, в то время как все ее лишь потребляют для отдыха, для развлечения. <*Приписка:* Потребитель вообще живет не всерьез.>

Человек, животное, растение в чем-то соприкасаются друг с другом: это «что-то» есть равенство всех и всего на свете в его представительстве, потому что все они, как части большие и малые, представляют собой единое целое. Вот обладая этим чувством целого, можно всем разнородным существам на земле понимать друг друга.

В американском журнале видел отдел «Детский сад» не в смысле школы, а настоящий сад, который дети сами себе и устраивают. Есть же вот где-то такое прекрасное детство!

30 Июля. Времена года любят капризничать, но по существу вернее их ничего нет на свете: весна, лето, осень, зима.

Закончил вчерне «Серую Сову» и доволен работой. Остается выправить и переписать.

31 Июля. Жара продолжается.

Дивился липе, ее морщинистой коре и что она молча, без всякого ухода за собой проводила старого хозяина дома столяра Тарасова и так же молча начала служить другому. Скорей же всего, она ни малейшим образом не думала о службе людям, потому что правдой своего молчания, своего послушания заслужила право быть совершенно самой по себе.

И еще я думал, что их согласованности с целым в человеке отвечает только религия, что и весь смысл возникновения Бога у человека и религии состоит в необходимости согласия с миром, которым обладает непосредственно каждая тварь.

И Шекспир тоже, конечно, писал о человеке, глядя в ту сторону, где все человеческие характеры сходятся в единстве.

Вот к этому бы и жизнь свою привести и, оставив это (жизнь) за собой, перейти к единству. И если умереть с сознанием единства, преодолевающего жизнь, то это и будет достижением бессмертия. Вот бы начать этот опыт, когда еще в силах собраться, вот бы успеть заправить себя... (Так?

а между тем опыты эти уже сделаны, и на таких мощах была построена система спасения мира.)

Так вот где корни моей «экологии»!

Из разговора с чекистом: что все прекрасно-личное (образование, талант, культура и т. п.) — все это может быть одинаково и среди красных и среди белых, и не это определяет принадлежность к белым или красным. — А что? — Я вам скажу. — Вера? — Нет. — А что же? — Знание, наука, материализм, марксизм.

1 Августа. На докладе о Чехословакии Фадеева.

Из Рыбникова:
— Синему морю мои слова на тишину.
— А вам, деточкам, на послушание.

Серая Сова о чувстве целого и вытекающего из него самоограничения (а я это называл «смирением»). В этом самоограничении в свете чувства целого зарождается страстная любовь жизни и чувство родственного внимания.

Рассказывал Чулков: какой-то простак, рассказывая что-то с успехом в обществе большевиков, вдруг остановился и сказал: «Ну, дальше выходит неприлично». И когда его упросили не стесняться и говорить о неприличном (женщин не было), то оказалось неприличным слово Бог. Причем сам-то рассказчик именно и веровал в Бога.

Живая связь (мой чекист): когда живое чувство сострадания к человеку питает лозунг («Смерть чехам!»); так вот трагедия: это живое чувство неминуемо должно погибнуть, а скорлупа (лозунг, плакат и проч.) остаться и действовать механически, как мост, построенный живыми людьми, потом сто лет пропускает пешеходов.

2 Августа. Ильин день.

Ввиду жары запрещение охоты.

Грех. Можно до того дожить, когда «грех» разрешается и в некотором смысле даже за доблесть сойдет, потому что силы греха, от которой надо удерживаться, уже и нет: ничего не стоит себе удерживаться; зато если окажется, что все-

таки можешь, то не упускай, а моги: и это можно. Но тайна сия столь велика, что только и может таиться в тенях.

Сдал всю «Серую Сову» в переписку и очень доволен: вот будет какая отличная книга!

— Но позвольте, — сказал я, — откуда они взяли себе право смотреть на другие страны как на колонии, вот Абиссиния: жили себе эфиопы...

А он ответил на это:

— А откуда большевики взяли себе право смотреть на нас как на колонию?

Лев Толстой для нашей революции был как Руссо, и со временем так и будет считаться: Толстой, Горький... и так выстроится очередь предшественников (идеологов) революции.

«Смерть» Тургенева, где автор дивится, что простой человек, умирая, спешит распорядиться своим имуществом и проститься со своими близкими, — чрезвычайно для нас теперь непонятно, странно кажется, зачем об этом автор писал, когда мы все такие, и почему это приписывается именно простому человеку и русскому. Или в то время эти либеральные господа, имея все, мечтали о простом, будучи безродными странниками, в своей стране не могли себя чувствовать как хозяева, как просто-русские?

Рассказ памяти Андерсена (найти весеннюю запись): здания менялись, ампирчик на фабрику, а деревья оставались: как спокойно они при легком ветре перебирали своими листиками.

Иногда вдруг мелькнет что-то, и словно очнешься от сна или опомнишься: и тут увидишь, как ты унижен, как ты несчастлив, как жалок, если посмотреть на тебя со стороны. Это бывает у меня не от встреч с людьми, живущими где-нибудь за границей, а именно с теми своими, которые не чувствуют, насколько их жизнь ниже их самих...

Чулков (еще жив!) сказал, что будто бы Демьян арестован. От этого известия с моей души слетели последние клочки демократической злости на существо Демьяна.

3 Августа. Детский рассказ трудно написать, потому что не смеешь решиться и кажется мелькнувшая возможность... глупой... На самом же деле это не глупость мешает, а умность не дает быть самому как дети. Вот именно надо быть самому как дети, чтобы написать детский рассказ.

Елена Аветовна — красиво убранная женщина. Но это и всё. Вернувшись со службы, она готовится к следующему дню, к следующему выходу, и так она всегда выходная — и это всё.

4 Августа. Поправлял машинопись.

5 Августа. В Москве стрижей в воздухе не меньше, чем людей в домах, и как будто пыль стройки, копоть фабрик им на пользу.

6 Августа. Интересно, когда мастер, хорошо владеющий всякой формой, взбунтуется против всякой внешней формы, ему навязываемой, и потребует от своего таланта, чтобы он действовал и проявлялся совершенно свободно и форма являлась как результат его самодеятельности. Так вот именно и создается новая форма: мастер бунтует против старых форм. Но если автор бунтует против форм, сам еще не владея никакой формой, тогда...

Федор Харитонович Власов.

Сегодня окончил «Серую Сову» и сдал Власову. Часа два он у меня просидел, и сейчас же после его ухода началась лихорадка.

$9^{1}/_{2}$ вечера — 37,5. Трясло. Аспирин.

7 Августа. $2^{1}/_{2}$ утра — пульс 96, t — 38,6. 6 утра то же. Температура держалась постоянная на 38,6. В 6 в. падение температуры до 37,1.

8 Августа. 5 утра — 36,3. После 3-х дня t заметно возрастает и вечером 10—11 достигает 39,7. В $^{1}/_{2}$ 12-го — t 39, и так постепенно к утру нормальная. Взяли кровь.

9 Августа. Сегодня нет приступа. Данилов диагноз: Малярия.

Мысль о могучем и уважаемом враче.

Данилов Алексей Николаевич. Санаторное управление Кремля. Кремлевская аптека.

Хинные дни.

12 Августа. Ответил молодому человеку, чтобы он вооружил себя знанием, как государство вооружается пушками.

Миллионы маляриков и нет хинина (только в Кремлевской аптеке, к которой не приписывают, а отписывают). И вопрос об этом нельзя поднять, потому что это «мелочь». В таком случае, как же мы живем?

— И тогда в деревне начнется «Всемирная», т. е. всеобщее восстание.

Царедворец Алеша.

Есть слух, что Сталин вынул трубку изо рта и подарил Алексею Толстому.

Вспомнилось, как Толстой мгновенно замечает: он заметил меня в огромном собрании и сразу сказал: — Еще бы в шубу оделся.

«Самая выгодная выгода» (Записки из подполья): мужик, покуривающий на завалинке. «Какое блаженство!» — вспоминает он то время. А тогда жил и не знал. Так вот и здоровье проходит.

Разобрать психологию советского «подхода» как политики овладения своеволием (своим собственным хотением), а по Достоевскому «самостоятельным хотением».

Сумасшедший эсер во Владивостоке: Госплан знает некоторые числа победы и блаженства будущего человечества, но жизнь пока сопротивляется и появляется враг (так что «враг» есть некая иррациональность, просчет).

Трудность написать детский рассказ состоит в том, чтобы перешагнуть через ум свой или то, что тебе кажется ум-

ным «Слишком уж глупо!» – покажется, когда мелькает сюжет. И вот тут нужна решимость, чтобы скакнуть через ум, как на скачке через барьер. И когда перескакнешь, то окажется, что вот тут-то и есть настоящий ум, и что казалось тогда умом, то это было заумное, и вот это заумное и мешает писать хорошие детские рассказы.

Никто еще не мог конкретно представить то, что ненавистно ему в Советской власти. Всякое представление Зла расплывается, и часто сама власть признает это же самое Злом. Иногда я думаю, что сущность Советской власти – именно то, что она вызывает, – это сильная личность*: Павлову и Станиславскому можно было и Богу молиться.

«Задира» – исходный тип Достоевского, и как и почему я его обхожу. (Записки из подполья.)

Вечером был Огнев и Петя приехал.

13 Августа. Единственное и «священное» стремление для человека – это «хочется», но «быть самим собой» – это включает реализацию этого хотения в отношении общества.

Движение машины вперед все рассчитано и выражено в числе, и спидометр указывает приближение к цели – числу. Все неразумное, не относящееся к плану, летит назад, в прошлое, в бездну хаоса: деревья, камни, люди, церкви, села, – все улетает, мелькая в глазах.

14 Августа. Начал принимать Acrichin.

Читал «Записки из подполья» с точки зрения человека, который долгом своим считает жить «Как хочется», не уступая ни в чём «Надо». (Анархизм.)

Если «Надо» взять из Конвейера, то в любви это соответствует половому акту без любви.

«Подполье» – и все воры, бандиты, весь «Канал».

* На полях пометка рукой В. Д. Пришвиной: «Хотя власть этого сама и не сознает. – *В. П.*».

Хочу террасу делать (стоит 3 тысячи), и руки опускаются: «А если завтра война?»

Над всей страной, над каждым существом в стране легла тень смерти. Хорошо одним пьяницам да тем, кто вовсе устал и жить больше не хочет.

Там и тут читаешь рассуждения начальника какого-нибудь учреждения о подходе к тем или другим писателям, артистам всякого рода, таком подходе, чтобы, с одной стороны, сохранить индивидуальность артиста, как она есть, с другой, — отстранить всякого рода своеволие (тип Левина).

Артист думает, что если сделают все так, как ему хочется, то это и будет как «Надо». Он и борется за это свое «Хочется». И вот крадется к нему паук на своих высоких ногах (Левин) и опутывает его паутиной: это называется «Подход». Паук после этого использует артиста в целях общества, а тот, как муха, жужжит...

Есть у всех людей немотивированный стихийный оптимизм... Так вот есть у каждого поэта опасность провала в этот оптимизм и в интеллигентский пессимизм (оба вида провалов были у Некрасова: жить ведь хочется, и жизнь мерещится прекрасной, и без этого чувства не стоит и жить, а поди вот, скажи!).

Коробочка хинина с этикеткой «Кремлевская аптека». Говорят, что только в этой аптеке можно достать хинин. И вот ведь знаешь, что это скверно: я могу достать из Кремля, а миллионы маляриков, не имея доступа в Кремль, должны трястись в лихорадке. Не будь у меня хинина, я проклинал бы счастливцев, я бы требовал, чтобы они вместе со всеми тряслись. Но у меня есть коробочка с этикеткой Кремля, и так, теоретически я, конечно, с маляриками, но посмотреть на коробочку все-таки приятно, и самое скверное, что, может быть, даже приятно будет, когда кто-нибудь увидит эту коробочку и, прочитав «Кремлевская аптека», с уважением подумает: «Ему дают из Кремля». Вот Достоевский ведь такую гадость собрал, сделал такую вытяжку из поря-

дочного человека и написал Подполье. Да так и Гоголь работал.

К «Подходу»: нашел в дневнике 15 г. (Апрель, Исайка) понимание социализма как что социализм берет на себя бремя секретарства. В этом освещении «подход» к «хозяину» (творческий индивидуум по существу всегда будет хозяином).

Я спросил Аксюшу: «У тебя Всенощная, а что если я свезу тебя в Зоопарк?» — «Поеду. Я должна Вас слушаться». — «А если по своей воле?» — «Пойду ко Всенощной». — «А как тебе лучше будет, в Зоопарке или во Всенощной?» — «Для души, конечно, лучше во Всенощной, а так, для удовольствия, в Зоопарке».

15 Августа. Работал над дневником. Прогулка 1-я в [Крюково]. Готовил патроны.

Вести с границы. Чувство тревоги и неуверенности.

Чтение «Одноэтажной Америки»: очень вредная книга — заставляет видеть свое в скверном виде.

16 Августа. Прогулка подальше.

Чем больше будет войны, горя, тем яснее будет показываться мир желанный и крепче будет вера в то, что он таким сотворен и существует возле нас. Мой путь яснеет...

Когда говорят об индейцах, то я, к удивлению своему, нахожу в себе эти индейские черты. Неужели же это влияние чтения в детстве американских романов, или же в крови моей живет раскольничье рыцарство?

Язык — это явление народности, и на этом надо стоять так же твердо, как стоят индейцы, до конца...

— Вы меняетесь, а я все тот же. Все начальники действовали на меня (напр., Авербах), как будто они вмещают политику Советской власти. И все они подозревали во мне врага Сов[етской] власти. Теперь все они погибли и признаны врагами народа. Остаются на местах только те, кто вовремя умер.

Душевная смута в связи с событиями на Дальнем Востоке: ничего не разберешь!

17 Августа. Записки из подполья: Анализ так называемого антисоциального человека, анархиста, желающего жить, как Хочется. Мой План.

Мелькнула мысль через индейца о военном воспитании молодежи (чрезвычайно интересно). И в тоже время мелькает обратное, что все на фу-фу.

18 Августа. Последний день акрихин. Следующие 9 таб. (3 в день) через 14 дней — 2-го сент., и еще три дня через 10, т. е. 13-го сент. 16-го сент. — конец лечению.

Кривоногов Алексей Никол[аевич]. Плотнич[ий] техник, может дать смету веранды.

19 Августа. В 7 в. выехали и часов в 11 прибыли в Щербинино к Петру Молчанову (жена Матрена держит его в крепких руках: сама баба — хищница и попрошайка). Вид понравился. Дача. Бабья гора. Петух замучил ночью, утром куры. А сено прекрасное и пахнет смородиной.

20 Августа. Плохая охота. Убил черныша. Поиски бензина (выручили черноголовки: для писателя Пришвина 10 фунтов бензина, что это значит для писателя!) Отчего я голый остался в сене.

Сын помещика Лялина и насмарку вся революция. Егерь Николай Филиппович Кучин. Под К[орошиным] вспомнили покойника Андрея Ивановича Рыжова. На машине с выводка на выводок. Убили чисто двух. Ладочка. Появление Тараканова, вести о Бое. Решение жить в Щербинино. Возвращение.

Лада и автомобиль. Полюбила [машину]. И когда поехали, бросила хозяина и умчалась за машиной. Она думала: раз [машут] люди хорошие, то и машина хорошая. И сделалась жертвой машины. Этот сюжет на основе психологии женственности Лады и факта побега за машиной.

22 Августа. Решено: Петя приедет 29-го утром и 1-го утром уедет в Щербинино.

Обсуждение «мелочей», составляющих обхождение нас с простыми людьми. Эти мелочи не должны быть системой обмана простого человека (Люб. Ал. Ростовцева), а согласованными с целым, вытекающим из родственного внимания к людям.

Сюда же относятся и те мелочи, которые «выскакивают» из невнимания к среде и которые вводят в искушение. Вообще, никогда о себе, о своем, а хотя бы и с напряжением, но внимая к ним, к среде.

Дождика не было. А. П. Чехову.

Матрена спросила Кристи:

— Ну, как же у Вас за эти четыре года, родилось ли что?

— Нет, все та же девочка наша.

— Чай, большая стала?

— Восемь лет!

— Восемь! И больше не было?

— Нет, не было.

— Да отчего же так?

— Не знаю.

— А кому же знать?

— Глупая, — проворчал с печи дедушка, — не родилось, да отчего не родилось. Вот нынче картошка не родилась, отчего не родилась картошка, ты знаешь?

— Чай, дождика не было, — сказала Матрена.

— Вот ведь, — усмехнулся он, — картошку знает, отчего не рождается, а про людей не знает.

И, осмотрев моего приятеля Кристи всего с головы до ног, сказал:

— А то же самое: дождика не было.

Начало этого рассказа. Мы ехали в К[орошино] огромными картофельными полями; здешние колхозы работают на силе женщин [и организации проведения стрижки] большой шерсти овец... Тяжело было смотреть вокруг: жара безмерная, месяц целый дождя не было, вся ботва погорела. Остановились передохнуть в знакомой деревне. Мой знакомый встретил тут одну старую знакомую, и эта Матрена

повела нас к себе. Когда мы пришли в избу, она захлопотала и на ходу стала расспрашивать моего приятеля:

— Ну, как у вас... (и пр. см. раньше).

Еще к этому:

День: чувство северной жары. На юге много песку и мало воды: там природа привыкла к этой суши, и все растет там подходящее на своем месте, и оттого для человека, и сушь и жара там для человека легкая. Но у нас на севере мало песку, много глины и дождей. У нас, когда выйдет сухое лето — все умирает от жары, наша северная жара в 40° трудней переносится, чем в Туркестане жара в 70°.

В такую жару мы ехали с приятелем в К[орошино] на охоту по тетеревам. Вокруг был необозримый картофельник: место колхозной работы и большой государственный [план] в местечке К[орошино]. Жутко было смотреть на картофель: ботва вовсе погорела и не успела расцвести. Хлопок бы по такой жаре, с арыками! Жара эта ужасна на Севере.

— Пропал картофель! — сказал мой приятель, сам умирающий от жары.

— Не мудрено, — ответил я, — больше месяца дождя не было.

Приехав в К[орошино], мой приятель вспомнил свою знакомую, и мы вошли к этой Матрене. Увидев моего приятеля, Матрена узнав, всплеснула руками.

— Батюшки мои, да отчего же вы так засохли?

— Дождика не было! — отшутился приятель.

Чей народ дольше вытерпит свое правительство, у того и будет победа. Наш народ много терпеливей германского, и потому победа наша возможна.

28 Августа. Написал рассказ «Дождик», в котором соблюдена величайшая экономия в литературе и чрезвычайная скорость создания.

При общении с народом надо окончательно выкинуть из головы всякую мысль и из сердца всякое чувство, относящиеся к политике, и надо смотреть совсем в другую сторону и помнить о «мелочах».

Все хорошее — в том числе и хороший рассказ — происходит не от личного усилия, а само выспевает, как яблоко, на стволе человеческой личности.

30 Августа. В его крови была война разных народов, в его душе — ненависть к этой войне как личный творческий гений.

31 Августа. Искренно рад победе возле Посьета и вместе с тем ловлю себя на неприязни к Разумнику. Это и ново в отношении ясности и старо, потому что в глубине себя я всегда это чувствовал. Но я не знаю, мне еще кажется, что в этих чувствах многое необходимо очистить и закрепить мыслью.

Побеждая внешнего врага, правительство покоряет и своевольный ум своего гражданина, но такого гражданина, как N., никакая победа родной страны не могла бы соблазнить. Он, как человек из подполья, не мог бы никогда примкнуть к радостям «обывателя» и расстаться хоть на мгновенье с самим собой. Его общественность сопрягается [со] стремлением к недостижимому, к невозможному. И вот я, несущий в себе злобу личную к этому подполью. Потому злобу, что я сам стоял у грани подполья и оборонялся сокровеннейшим чувством, похожим на то самое чувство, которое сдерживает в трудную минуту покончить с собой.

В свое время я похож был на человека, который, расширив круг своих дел, счел для себя необходимым взять секретаря и поручить ему все практические дела. И такой надежный секретарь нашелся и повел дела, а хозяин, освобожденный от забот о готовом имуществе, о всем материальном, стал бы прокладывать новые пути в неизвестное. Деятели социализма в моем понимании были таким Секретарем. Недаром и теперь человек, лично на себя взявший обязанности выполнения программы всего мирового социализма, занимает официальное положение секретаря партии.

А помните В. И. Филипьева, действительного статского советника, вечного секретаря-труженика, и его блестящего

и пустого председателя Стебута: секретарь вечно работает, создает, а председатель представляет его труд, говорит, получает славу, чины, ордена.

А что же такое и Разумник, как не воинствующий секретарь?

И помните эту героическую готовность заступиться за каждого труженика (читай секретаря), обняться с каждым себе подобным «секретарем».

И совершилось на земле чудо из чудес, которому удивлялся бы и сам Экклезиаст: секретарь, незаметный, вечный труженик, победил и занял место председателя. Он прав, он должен был рано или поздно победить и обратить внимание всего человечества на необходимость устройства своих материальных дел. Пора уже взяться за это, пора вступить в борьбу с микробами предвечной нищеты человечества.

Вот почему и герой нашего времени не летчик, не изобретатель, не всякий чистый герой, а экономист, хозяйственник, плановик.

Секретарь, однако, имеет тенденции превращаться в чиновника («бюрократизм»).

Секретарь, наверно, не может сделаться никогда председателем, поскольку таит в себе зависть к его положению. Но если он совсем освободится от зависти, то из человеческой сложности, в которую он заключен, может выйти и дремлющий в ней председатель.

Претензии секретаря на председателя выявляются в бюрократе.

Истинный председатель — это Дух, который веет, где хочет.

Социализм допустим и прав во всем своем материализме, если только этот материализм не направлен против Духа (творческого).

Искусство как явление свободного Духа невозможно при контроле секретаря.

Так вот где переносится моя злоба на Левина!

И вот отчего так хочется развернуться, помочь, и не можешь развернуться, вздохнуть глубоко: секретарь стоит над душой.

Вот почему молчание: оно священно.
Священное молчание.

Вечером я познакомил Петю с книгой Экклезиаста и сам сказал в заключение: «Суета сует!» — «Но что же остается?» — спросил Петя. «Конечно же, Бог, — ответил я. — Именно у Экклезиаста и отдается вся жизнь суете ради подтверждения реальности Бога: только Бог не суета». — «А что же?» — «То “настоящее”, что ты сам чувствуешь во всякой суете». И он понял.

1 Сентября. Утром не рано собираемся к отъезду в Щербинино. Километраж 17 516.

2 Сентября. Кристи. Москва, Петровский парк. Петровско-Разумовская аллея, д. 24-а.

3 Сентября. Охота на тетеревов (убили витютня). Ужение. Василий Иванович Юдин. [Знакомый] охотник.

4 Сентября. Утром туман. Петя снимал. Я снимал. Грач, перелетая Нерль, капнул, и белое это увидели маленькие рыбки, забыли опасность, бросились, и сразу несколько штук из них хапнул окунь. Остальные разбежались. Найти «Омут».

Упала стрекоза или бабочка, и рыбки бросились к ней, но ни одна из них не могла ее проглотить, и они плыли всей кучей вниз, пуская по тихой воде круги.

Выпил квасу, и живот заболел. Провалялся. Вечером народ.

Как через детей старики признали советскую власть: она вросла в народ.

Как Морозов Федор Игнатьевич, ночной сторож, боится своей бабушки (пришел нас попросить ее побыть сторожем).

— Правительство занято другим, о нас правительство не думает: мерзость у нас на местах.

Как отравили рыбу, и все осталось без последствий.

В глухоночье: глухоночье.

Сому руку всю засунул и никакого желудка не нашел. Принес: 2 пуда (руку засунул), что это за человек, понять нельзя.

Японец — охотник — неволен — в это столетие [правил] 60 лет и всё японцы. Америка и война, а они кормятся войной.

Заборские луга. = Солоти = Солотская гора. На заре лещи кувыркаются. Пузыри пускают; см. у Сабанеева.

Вон где гоняется: поверх можно и из ружья голову смазать.

Рыбак рыбака кузьмит.

Лещ — как конец половой доски, уголки обрубили.

Корова в воде, уж по ночи корову доил и раздоил, ужас какой...

Куминово.

6 Сентября. Переночевал на Солотской горе. На Заборских лугах: сила России, что жить люди не жили и оттого очень хочется жить. И это видно по людям: как они сгибаются, как они подхалимствуют! Страшно становится за человека: стоит ли жизнь того? Но, очевидно, она стоит. Ведь стал бы сгибаться человек, если бы жизнь не любил? Жизнь заставляет.

Идут дети в школу, и вот убеждаешься в силе страны и удивляешься тем, кто привел к этому, и особенно тем, кто начал.

Страшная история: человек из-за своей собственности очутился вне общества, вне истории.

Не рыба мне нужна, а сама мысль и чувство, которые сопровождают лов рыбы, из-за чего, сами того не зная, сидят днями любители-рыбаки. Я до того это понял, что часами могу сидеть, не забрасывая удочки. Но бывает что-то вроде

вины от этого, и тогда спохватился и за удочку. И когда выхватишь рыбу, то опять можно думать. Так что, в конце концов, чтобы думать о рыбе, нужно ее и поймать.

Солотская гора: как море, леса и полукругом в лесах Нерль. Реку не видно с горы в лесах, но видно, как река разделяет леса: по эту сторону они зеленые, а по ту — голубые.

8 Сентября. Сила огня и сила воды: огонь сильнее. А человек сильнее всего: огонь и вода дурашливы.

Юрьев-Польский, Сима, Симский лесхоз. Леснику Сорокину (Федору Федоровичу).

9 Сентября. Огонь и рыбак: и первобытный человек философствовал. Василий Иванович (Резаный), его политика: Америка — карман и проч. Война — на кулачки: потихоньку поднести по стакану. Человек как сила природы. И от силы к войне. Петя. Арабские сказки...

11 Сентября. Подгорицы — Подключины — [Сухораменская коса].

12 Сентября. Ходили за Куминово: на сухораменье молодой тетерев лежал, разогрелся на горячем песке среди вереска, крылышками покрылся, ножку протянул. Лада подкралась, он встал: я снял.

Шли подгорицей. На подключниках дупеля.

Куминово. Рожновский с. с. Ильинский район. Голышин Егор Андреевич.

Первый дождь. (Ветер переменился.)

Живем, как в курной избе. Пожары меньше стали угрожать деревьям.

Они поступали омерзительно гадко, но они делали то, что надо. Ничто не могло остановить их, никакая сила человеческая. Бог не вступился, допустил. Чувствовать в этом «Надо» волю Божью и оставаться самим собой, вот была задача в то время, когда всё приказывало быть как все.

Барсук (Николай Васильевич) и Мазай (Василий Иванович Морозов).

13 Сентября. Мои прогулки в Куминово и вечером в Песчаное. Накрапывает дождь, холод сменил жару.

14 Сентября. В глухом лесу.

– Понимаю, что рано или поздно эту глупую работу будут делать машины, но пока машины нет, кому ее делать? Дуракам. Некоторые понимали это вперед и брались за легкое дело, а я лес валил – ни одной [пилы] не поломалось. Вот! И думаю теперь: зачем я ломал, какое оправдание мне? Разгадал и стал рыбу ловить, и моя хорошая жизнь пришла, и стал я каждому друг.

Трудно правительству, и ему сейчас не до нас, а все-таки 1-го сентября видели? Все дети в школу идут. Вы-то, Михаил Михайлович, как в люди вышли?

– Обыкновенно: учился.

– Знаю, обыкновенно: а как же все-таки вышло, что учиться могли?

– Был случай...

– Ну вот, случай, а тут все.

Если сбоку посмотреть на реку, то сколько всего она имеет на своей поверхности и как чиста внизу.

15 Сентября. Дождь весь день (наконец-то!). Ходил на вальдшнепов, вечером в Абрамово. Заметил доску через Пижму, кинул ее в Ольху, и с Ольхи доску птицы покрыли белыми пятнами.

– Уходит, – сказал Василий Иванович, – капля воды по реке, и не знает она своей судьбы: пришла и ушла. Но мы знаем, что капля бессмертна: она поднимается в небеса и возвращается опять на землю. Так, может быть, и мы, люди, как капли, не знаем ничего о себе... О капле знает человек, а о себе? Вы как думаете?

16 Сентября. Ополица (леса) = деревья иные, чем в лесу, а одинокое дерево всегда крученое.

Чудо: из дерева (сосны) выросла рябина. (Спор: дятел пробил.)

Дерево, засыхая, уменьшается в толщину (ссыхается, это видно по пням). Да ведь и человек тоже так: под старость ссыхается. (Снимок.)

Серия снимков деревьев.

В ночь на семнадцатое ночной сторож Морозов постучал в окно и на всю деревню прокричал:

— Михаил Михайлович! Что Бог ни делает, все к лучшему: дождь пошел, да какой теплый, да какой частый.

А он был когда-то (лет 20 тому назад) председателем исполкома.

Выводки тетеревов живут ближе к полям, к человеку или к болотным ягодникам. И часто, чтобы найти их, приходится идти зря по огромным пустым местам.

Болота сами колхозники выжигают, чтобы собирать дрова, а с болот пожар перекидывается и в строевой лес.

Черная пустыня сожженного болота, там и тут лежат черные обугленные головешки самых причудливых форм, и так, что куда только хватит глаз, везде черное море. В тех местах, где раньше сгорело, благодаря последнему дождю мох зелеными стрелками пробил черный покров, и, хоть верхушки стрелок от верхнего огня были желтые, все-таки зеленое на черном было похоже на всходы озими. (У Лады лапы черные.)

В течение всего полумесяца вся умственная жизнь была истрачена на хождение. Не ясно ли, что для умственной жизни необходимо освободиться от физического труда или соблюдать в нем посильную меру и что труд физический консервирует духовного человека, и об этом освобождении духовно-творческого человека и думают освободители как о счастье. И оттого радуешься, когда 1-го сентября по всей стране густой сетью идут школьники, и надеешься, что из этой массы учащихся со временем выйдут не одни только бухгалтера и техники. Но Боже! Какой ценой это досталось, и как похожа эта выжженная черная пустыня с чуть зеленеющими стрелками моха на нашу современную жизнь.

Создаются социалистические берега, но сама река, самое творческое дело воды направлено против этого берега, и тем более против, чем выше и крепче становятся берега.

А не все ли равно? В конце-то концов бессмертная влага прибежит в океан и поднимется в небеса.

И каждая капля сознает себя в единстве с другой и всей рекой, и всеми морями и океанами.

Так и человек может сознать себя победителем единства со всем миром.

И я это сознаю в себе и достигаю. Но в этом достижении мне стоит на пути какой-то старый общественный долг. Тут во мне противоречие и борьба с долгом за свою творческую личность. Как мог примирить это в себе Горький? Меня это всегда отталкивало от него, что и очень понятно. Тем более непонятно во мне нечто вроде зависти и к силе (почти физической) Горького, его широте, расширенности его души. И бывает, я, думая о такой широте, сопоставляю свое «смирение» (самоограничение), обеспечившее мне выход из подполья, и чувствую себя маленьким, нераскрытым в делах, незавершенным.

Горький, узнав о моем исходном состоянии, презирал бы меня, и мой выход из подполья был бы ему непонятен, и в свете его широкой волюшки непонятна была бы ему моя свобода.

Федор Игнатьевич Морозов, знаток леса, рассказывал, что две сосны росли на три метра друг от друга и сошлись сначала кронами, а потом и стволами сошлись и на высоте 8 метров пошли одним стволом вверх.

Есть в колхозе колбаса. Колхозный коньячок (денатурат): кузнец от него большую пользу для здоровья получал.

Лешего в лесу нет, Михаил Михайлович, и быть не может. Если бы леший был, то была бы и лешиха и лешинята, и их бы, как нас, развелось бы великое множество, и настала бы теснота у них в лесу, и началась бы война. А где это?

Глухоночь.

В поводь щука не стоит, не бей — это чёрт. Ударишь, и он лодку перевернет, и какая рыба в лодке есть, уплывет по реке.

Нет. Вот я когда... да выпьешь баночку и в жару вдвое съем.

17 Сентября. Дождь с ночи да и день. Вечер солнце. Оранжевая заря на Нерли.

18 Сентября. Мороз (первый).

Спас-Нерль. Ильинское — Хованское п/о. Рожновский с[ельский] [совет]. Мария Никитична Шувалова.

Первый мороз. Последний туман. Куда пал луч, в лесу все дымится: упавшие деревья будут гореть. Загораются лампочки на листьях.

После дождя листья мокрые, замерзли, тяжелые. Солнце разогрело — капли полились и стали сгибать тяжелые листья, и они падали прямо, как камни... Лист потек.

19 Сентября. Второй мороз. Выезжаем домой. Километраж 696. $^3/_4$ бака. Доехали на нуле километр.

Вчера слышали улетающих журавлей. Сегодня на дороге табуны скворцов и табуны грачей.

Продолжаю пребывать безмысленно, хотя и не бессмысленно.

20 Сентября. Третий мороз и яркий день, так что сушь продолжается теперь уж при холоде.

Весь день проявлял.

21 Сентября. Дети: «ну пошел же»: это мы все, живые и мертвые. И как я неправ был, что я думал, а вот идут!

Рыбки в Нерли: Головель.

22 Сентября. Кошмарный сон: Самолюбивая крыса.

Моя Абиссиния.

Разумник: жизнь одного красноармейца дороже Венеры Милосской.

Рыло раба, делающего мину свободного человека.

«Парочку» Васюк достал.

Охота с камерой.

Предисловие: горят леса, охота запрещена, но рыба — река, фотографии.

Охота мне дорогá из-за того, что я работаю ногами и не думаю, но все, что пропущено в голове, потом является сразу с такой силой, какой не добьешься в правильной жизни.

1-й Снимок.
Машка
(Снимок 1-й)

Газик — корова; личное отношение, привык: жалко менять, но это ведь государственная — не беру паспорта. Лично-бережливое отношение к государственной вещи. И я не меняю: дай-ка другому, что с ней будет!

Рано до свету мы в гараже смазывали, надували, заводили. Дышит, меха вздуваются. На снимке у меня момент отъезда: Аксюта и Петя укладываются. Лада лезет. Все вышло неплохо, и особенно номер Машки: М 60342.

Аксюша. Я много раз в жизни снимал ее и никак не могу передать любовь к животным... «Ничего чужого не возьму. Положите хоть мелочь — не возьму». Каждый раз меня возмущает это самосознание, что она хуже всех — ты лучше всех, Аксюша... она удивляется...

Петю я тоже много снимал, потому что он сын мой, с девяти лет неизменно со мной путешествует и охотится. Он зоолог, и у него есть Миша, мой внук.

Лада — Бой. Великий день.

Купить калий-бром, потом Лада, пленки проявлял.

Кошмарный сон, —
будто бы среди множества людей я как в лесу, заваленном сучьями в три яруса: люди вплотную везде вокруг и даже подо мной. Я плюнул туда вниз и, взглянув туда, в направлении плевка, увидел, что два доктора режут кому-то толстую ногу. Я вздрогнул и ахнул от ужаса. «Вот барчонок какой, — раздался голос снизу, — неужели еще не привык?» И я, сконфуженный, поправился очень ловко: «Я не тому

ужаснулся, что человека режут, а что я, недоглядев, плюнул туда». И тут я заметил, что всюду по серым, лежащим на земле людям перебегают большие крысы. Одна и по мне поперек прошла по животу, другая ближе, и я даже отпихнул рукой. И вдруг она остановилась и глянула на меня страшно, готовая броситься, и я понял, что она сейчас находится в своих крысиных правах, имеющих силу перед правами человека, и я смертельно обидел ее, и обиженная крыса может сделать со мной, что только ей захочется...

В Москве прочитал о капитуляции Чехословакии и вспомнил, что, сидя в лесу целый месяц без газет, узнал от старика дяди Васи, что Франция от нас отказалась и мы остались одни. Но он не злорадствовал, как раньше было, а тревожился: только начали жить, только детишек в школы наладили, и вот опять. «Не дай Бог, — сказал он, — опять революция, тогда уж камня на камне не останется». Так вот человек привык жить на вулкане, мало-мальски обжился, корову завел, сына женил, яблони посадил для внуков и начал радоваться даже образованности в детях... Как явно, что простое, естественное желание человека жить хорошо и радоваться жизни действует против революции, и революционер такого гражданина называет обывателем. (Вспоминаю сцену на войне. Керенский зовет наступать, а такой обыватель возражает: «Вы зовете, как в могилу».) И Бранд вел людей к невозможному... (Ибсен) И все насильники непременно идейные (и Гитлер, и Ленин), и в их идеях счастье в будущем, а в настоящем смерть.

Не все ли равно, Муссолини, Петр, Гитлер: Муссолини идет через абиссинца, Гитлер через чеха, Петр через несчастного Евгения. И все мы, обыватели, сочувствуем абиссинцу — чеху — Евгению против строителей будущего. И замечательно, когда это чувство личное, живое и непосредственное: жалко такого-то человека, этого Евгения, этого абиссинца, — мы правы, и протест наш священный. Но как только мы возводим абиссинца, чеха, Евгения в принцип и хотим согласно принципам демократии и социализма действовать, мы сами обращаемся в насильников и сами создаем своих Евгениев.

Так вся природа и все лучшее в человеке (левая рука не знает, что делает правая) действует без принципа и просто живет до смерти, которая является единственным принципом жизни, к чему она неизбежно приходит, понимая себя как суету сует. Но пока она не пришла к этому, она будет бороться со смертью, она контрреволюционная, если Принцип и Смерть считать революционными.

В Москве за всем почти километровые очереди: обыватель лезет, давит друг друга в борьбе за право жизни. Кто-то глянул и покачал головой, а из очереди ему кто-то ответил: «Чего качаешь головой, видно, нужды нет, а пришла бы нужда, стал бы с нами, как миленький».

И это правда, пока сыт и устроен, все такое кажется ужасом, а когда придет нужда, будешь стоять безропотно и, достигая куски хлеба или метр ситца, будешь радоваться и такому как счастью. И все это мы испытали, все знаем.

Обедняясь для защиты родины все больше и больше изо дня в день, мы все больше и больше будем видеть принципы революции висящими в воздухе, и... останется лишь бросить народ на войну, или идти на компромисс.

Конечно, Сталин — все.

К рассказам: Река Нерль. Дядя Василий и Петя: кто сильней — вода или огонь. Петя за воду, Вася за огонь. (Когда разводят костер, то начинают говорить: рыбак всегда машет, а когда огонь — не остановишь, будто от огня вскипает душа его, как вода — в пар, а душа — в слово.) Вася: огонь сильнее, а сильнее всего человек. И переход к решению войны: богатыри бьют, а люди живут. Петя же рассказал из арабских сказок так: как сошлись два войска и решили выставить богатырей. И когда начали биться, то оказались дядя с племянником, и все кончилось миром.

— Видишь, дядя Вася, что ты говоришь, испробовал, когда люди жили большими семьями, а теперь на войне нет ни дядей, нет и племянников.

Дядя Вася задумался, но чайник поспел, и сказал:

— А все-таки, П. М., огонь сильней воды: вскипела.

— Ну, что ж, а я возьму чайник, опрокину и залью.

Дядя Вася усмехнулся:

— Надо дровец подложить.

Описание спального мешка.

Описание деревенского спиннинга.

24 Сентября. Терпи горе́, пей мед, не тужи: есть в колхозе колбаса.

Милиционер и старуха.

Старуха:

— Царь Николай был глупенький, какой дурачок: считать не умел.

Милиционер:

— Ты, старуха, смотри, а то уведу.

Старуха:

—Родненький мой, а я что же сказала? Что Николай был дурачок, считать не умел, не знал, сколько у кого курочек и овечек.

К 4 Сентября два рассказа о Соме:

1) Отец вверху у омута — лещи в утро $1\,^1/_2$ пуда, сын внизу глухонемой. Через шум колес курлыкали журавли, а это немой. Отец глянул: а он машет рукой. Курлычит, не может вытянуть. — Бросай! Кончик, по канаву лодку. Стал тянуть, а сом хвать хвостом и в лодку. Рукой желудка не достал. — Дуракам счастье, и глухой и немой. А свесили — два пуда.

2) Как сом в Сежу закинулся.

25 Сентября. Туман в лесу осел на деревья, на траву, и с листьев капало, лилось, как после проливного дождя. Ездили в Александровку. Птицы выдерживали стойку собаки.

Вечером взяли щенка и назвали Соловьем.

Был Б[острем]. Говорили о Чехословакии и о том, что война в Европе может окончиться бубонной чумой.

О вчерашнем утре: еще бы только чуть-чуть (похолодней), и все бы и листья застыли.

26 Сентября. Убитая птица. Снимок: убитая птица. В моей охоте с фотокамерой самый снимок является почти как в обыкновенной охоте с ружьем — убитая птица.

Любитель-охотник тратит неимоверные усилия, чтобы убить зверька или птицу, а самой добычи потом хоть не будь. Точно так бывает и у меня с фотоснимками: в большинстве случаев я не знал, что с ними делать.

Б. вчера говорил, что наше время характерно стремлением каждого устроиться, поместить деньги в вещи (деньги падают). Растут неимоверно в цене маленькие домики, и чем меньше, тем относительно они дороже. Дома продаются частями.

Все советы Б. бесполезны, потому что он отдал свою волю и живет как послушник. «А так легче, — сказал Петя, — слушаться, чем самоопределяться».

Истоки господства: индивидуализм и рационализм (капитализм). И то же господство из коммунизма и рационализма, следовательно, если рацио есть определяющая сила господства, то все равно, капитализм или коммунизм одинаково приводят к насилию, господству и чванству, враждебным пониманию мира как органического целого.

Мое «смирение» (самоограничение) приводит к доверию. Значит, доверие покупается ценою самоограничения. Напротив, господство создает самомнение и недоверие.

Абиссинец = кустарь = индеец = «личность» = «я сам» = я, абиссинец, органическая и необходимая часть мира целого = душа = «я». Евгений из «Медного всадника» и «творческая бесполезность» и все такое. (Сделать список и дать ему единый образ, например, Вода в борьбе с Горой.) И второй образ: Гора, господство части (pars pro toto *) = ratio = цивилизатор = коммунист = капиталист, власть, «сила», действие, ускорение.

Не перед Горой смирение, а перед Целым, но есть смирение и перед Горой: это дурное смирение, вид добровольного рабства.

Гора = Ratio.

«Человека» понимают как Ratio.

* pars pro toto (*лат.*) — часть вместо целого.

И этот «человек» должен пониматься как сила природы, как огонь, как вода, как ветер, тепло и т. п.

А истинный «человек» должен управлять этой силой.

Сам-человек («абиссинец») управляет силой разума и так создает господство иное, подобное господству Воды над горой: ручей, побеждающий Эльбрус.

Нынешнее время: надо меньше выступать ярко, лично. Все личное скрывается, затаивается в мельчайших, недоступных пóрах жизни. Всякое искреннее выступление – это во вред себе. И неискреннее для меня тоже во вред.

Нынешнее время похоже на мое личное переживание, когда, устраивая себе дом (жена, дети), я покупал столы, стулья, диван и прочую самую скудную обстановку жизни, осуществляя примитивную материализацию себя. В этом состоянии молчания накопляется богатство и личная сила (сюда входит и стремление к ученью, созданию положения (пусть бухгалтера): это как бы предвечное обывательство, мещанство, действующее против Господства Горы (с Планом)). (Тут в этой силе Воды и «натуральное хозяйство, и кустарничество».)

Действительно, все теперь, кажется, совершается в оправдание обывателя. Вспомнилось, как в 19 году я пожаловался Семашке на безобразие расстрела в Ельце, а он меня упрекнул в обывательстве и сказал: «Поймите же, что совершается большое дело». Гитлер тоже оправдывается большим: «большая война». И какая-то мораль, общая фашистам и большевикам: «При большом малое теряет смысл и право на бытие». Так вот и рождается «абиссинец». Но вот теперь, когда «большое» изжилось и от него остались пустые слова, абиссинец появляется как единственная реальность без всякого смысла, но никак уже не бессмысленная.

27 Сентября. И так только туманами и росами освежается по утрам земля: все гаже сушь, только теперь прохладно с легкими морозцами. Единственно только дачникам хорошо, и они, единственные, говорят: «Хорошая погода».

Ультиматум Гитлера Чехословакии к 1-му октября.

И вот вопрос: когда Большое дело встречает на пути своем Малое дело, то «Большое» говорит таким свое «поди прочь», как будто бы тем самым, что оно Большое, создается и нравственная норма, обязательная для «Малого» дела. Так вот если бы один художник писал Христа, другой не менее талантливо резал брошку из кости, так вот Иванов почему-то... нет! в искусстве художника, — все художники равные, независимо от темы, и различаются лишь величиной таланта: великий может заниматься брошками, малые — Христом.

Не в этом дело, не в морали, а в стихии: большое накатывает на себя много, к нему все пристает, и оно, так наращиваясь, все малое поджимает под себя, и так создается безоговорочная сила большого дела.

Некто, возражая «абиссинцу», сказал: «"Я" — это не аргумент». Или: «Совершается большое дело, и ваше "Я" не аргумент».

— Душевно прошу вас.

— «Душевно» — не аргумент в большом.

(Из прошлого: Я хотел послать Яше детскую книжку заказной бандеролью и написал на шмуцтитульной странице: «Милому Яше». Строго придерживаясь запрета вкладывать личные письма в заказные бандероли, нельзя было на книжке ничего писать. Но я подумал, что такая мелочь, как «Милому Яше», не дойдет до сознания чиновника. Старик, однако, 40 лет выслужил на почте и был великим законником. Он не принял бандероли и сказал: «Почтовый закон — это большое дело, закон строгий, а вы пишете: "милому"».)

28 Сентября. Почему это, если милиционер спрашивает, не встречался ли где-нибудь тот, кого он ловит, хочется помочь ему и навести на след беглеца. Если же беглец встретится и спросит, не видели ли где-нибудь по пути милиционера, который за ним гонится, то хочется ему тоже помочь. На этих чувствах нейтрального человека, скажем, читателя, и основаны романы: это во власти автора направить сам талант читателя к своему герою, все равно, будет героем милиционер или преступник.

Наметил написать книгу для юношества «Этажи леса» и Мазай.

29 Сентября. Вклинился вопрос, как заноза в тело, и ничего другого не впускает в душу: быть войне из-за Чехии, или помирятся все, чехи с утратой, демократы с Гитлером. То или другое, но мы опять помчались к нищете, и скоро опять единственной работой души у обывателя будут поиски средств существования. Это чувствуют все, и все чем-нибудь запасаются. А я, когда делается плохо, начинаю заниматься фотографией.

Тот не страшен, кто живет своими чувствами и согласным с ними умом: это и есть человек, каким все мы должны быть. А страшен, кто обошел свои природные страсти холодным умом и огонь души своей запер в стены рассудка.

Александров, Ярославская железная дорога, ул. Революции, 63, Аптека № 35. Чуванов Михаил Иванович (встретил по пути в Москву), (букинист: заказать ему достать издания русских классиков).

30 Сентября, Москва. «Большое» дело — это мужское дело (охота как средство добывания пищи, общественность, политика, трактор, ярмарка и вообще вся широкая, «большая» жизнь вне семьи). «Малое дело» — это все женское, drei. К + иногда понимание, помощь душевная мужу в его чисто мужском «большом» деле. Гитлер сейчас — это как бы мировой penis, направленный в сторону мировой старой девы, демократии.

Движение рода человеческого совершается при содействии разума (машины, техники) почти так же, как расселение растений при содействии ветра. (Крылатое семя дожидается ветра, чтобы ему подняться и улететь в далекую сторону и там начать собой новый лес.) Так в человеческом роде женщина дожидается какой-то силы, которая перенесет ее в страну чудес, где она никогда не бывала. И эта желанная сила является, и так семя человеческое разносится по земле, широко и далеко уходит в неведомые века. Но есть у всего живого, и особенно у человека, другая жизнь, не

в ширину, а в глубину, и это совершается личным путем, не Мужчина и Женщина, а душа человека...

Знаменка, дом 13, кв. 38. Во дворе, левое парадное, 3-й этаж, О. В. Перовская.

Лошадь боится автомобиля, а хозяину очень трудно ее приучить не бояться, но это считается малым делом — приучить отдельную лошадь отдельному хозяину. Большим же делом считается приучить лошадь вообще, районную, областную, всесоюзную, к автомобилю. В малом деле хозяин имеет дело непосредственно с лошадью, в большом — сам он лошадь может вовсе не видеть, а распоряжаться, сидя на месте, людьми, приучающими лошадь к автомобилю. Некоторые говорят, что малое дело труднее большого, другие наоборот. Все зависит от того, кто к чему способен: один любит делать, другой повелевать.

1 Октября. Появление Зеркалки и роль фото в истории. Беседа с Перовской.

2 Октября. Получение пая. Появление Цветкова и заказ ему работы (и заплатил 1500 руб.).

Президиум: «охватчики», нападать, а не только «пауперизм».

Кружки (не все в кружках, можно и почитать одному).

Опыт и теория: опыт дал, а идеи, конечно, важны идеи: необыкновенная роль идей.

3 Октября. Так что вчера в президиуме Юдин докладывал о книге по истории партии, сказал о «великой полезности идеи» — «хотя, конечно, бытие определяет сознание».

4 Октября. В Москве утром, собираюсь в Загорск. Продолжаю думать о «большом» и «малом». «Большое дело» — это способность действовать как машина, но как в машине сидит некто, по слову которого машина движется, так и «большое дело», по секрету говоря, повинуется «малому делу».

Возможно, и Ницше в Сверхчеловеке (тоже «большое дело») впал в эту ошибку и кончил Христом («малое дело»).

Управляет жизнью не тот, кто ей пользуется, а тот, для кого она сама по себе бесполезна.

Время революции, когда «на глазок» угадывали внутреннего человека, «физиогномия», и как страшно то время, когда узнавать это будут по радио: тогда будут соединены власть и равенство: и человек будет один, и всё будет как один человек.

Величайшее, единственное и последнее средство борьбы с насилием и господством — это молчание. И если будет открыто средство видеть мысли, то этим будет вырвано последнее средство борьбы с господством, хотя тем самым и господство прекратится: все личное будет побеждено.

5 Октября. По плану (наше время), по случаю (капиталисты).

Жизнь по случаю: жить и наживать, нажива. По плану.

Никогда не были противоречия города и деревни так велики: домики — жиры и капуста.

Как скоро время прошло, моей Ладе исполнилось десять лет. И перечисляя быстро собачьи годы на людские свои: мы с ней ровесники, стары. И оба годами состарились: Ладе, по-моему, не более 7 лет. Оба мы старички, но и она не сдается, и я в ус не дую.

Ужас войны выносимее, чем та мерзость, посредством которой избегают войны.

Воинствующая демократия:

— Избегая войны, миролюбцы передают меч в руки воинствующей демократии.

В солнечный день сейчас на опушке елового леса собрались молодые осинки, как будто им стало холодно среди снега и они вышли на минутку погреться на солнце.

Осенью, в то время когда раздевается лес, открываются многие секреты лесной жизни. Грибы и ягоды, эта единственная связь между потребителем природы, дачником,

и производителем хлеба, мяса и жира, в нынешнем году [рушилась]: ни грибов, ни ягод, ни орехов в лесу не было.

Речка пересохла, но мостики из поваленных когда-то водой через речку деревьев остались. И тропинка была на берегу. И на песке у сухой реки были свежие следы птиц и зверей, в которые пошла вода.

Ель хороша только при сильном солнце, а березка мила и под дождиком.

Какая тишина! Куда мы заехали?

6 Октября. Из учебника фотографии: «Белое рядом с черным становится на глаз еще белее, чем оно есть». Так, вероятно, по тому же закону контраста и добро становится сильнее рядом со злом, и красота, и мое писание рядом с бездарными...

Возможно, я взялся за эту работу «Дом», чтобы уклониться от Падуна, но если это правда и по-настоящему мне надо Падун писать, то «Дом» не выйдет, и само дело вернет меня к Падуну.

В этом-то и есть талант: в чувстве и уверенности, что все делается не как тебе только Хочется, а как Надо. И что если ты и уклонишься со своим Хочется в сторону, то рано или поздно Надо вернет тебя на верный путь.

Друзья, так почему же вы живете как заключенные и обреченные, разве победа не в ваших руках? Только захотите, и все будет по-вашему. Если же вы не можете хотеть, то не перекидывайте вашу слабость на всех.

Нельзя ли вместо фабулы или, вернее, фабулой же сделать приключения в поисках материала для рассказа о Зуйке.

Итак, фашист — это «враг», занятый культурой случая (провидение посылает случай: вера, надежда, любовь). И большевик, у которого все по плану.

Случай не вышел — это судьба, план не выполнен — враг.

Так что «враг» выходит от Плана.

И вся новая мораль должна именно строиться как следствие «Плана».

Писаное слово рождается непременно в молчании: приходится человеку молчать, и ему тяжело и не может он удовлетвориться «устной словесностью» (болтовня!).

— Люди умирают не от старости, а от спелости.

7 Октября. Мы все вовлекаемся поневоле в Большое дело. Совершается переделка всего мира. Вот отчего так все кругом спешит лично устраиваться: «Большое дело» с лицами не считается, а ведь из лиц же состоит человеческий мир, и если кто собрался плыть, то надо же сколотить и корыто, в чем плыть. И пусть весь мир загорится, сейчас-то он ведь еще не горит, и хоть день остается, да, вот один день, да мой.

Есть люди смерти, а может быть, и каждого (не всякого) можно так настроить, что за Большое дело он готов умереть. И всегда говорят: «умереть за...», а не «жить за...». Так что раз Большое дело, то надо готовиться умирать, а раз «Малое дело», то в других словах это: «Хочется жить!» И как хочется! И Большое дело рождается из этого «Хочется», ради этого «Хочется» и берутся за «Надо» (Большое дело).

«План» — это тесный мост на ту сторону желанного мира...

Не вписать ли в мою работу «Дом» — и строительство квартиры в Москве. (Не есть ли в Москве перестройка — «Большое дело», и старуха с самоваром на жаре — борьба за «Малое дело», за жизнь: она герой жизни, сама по себе.) Вся Москва — «Большое дело»; вся старая Москва, «старуха» — «Малое дело». Так что в свой «Дом» ввести Москву как «Большое дело». В затейной части сказать, что «Домик в Загорске» — Малое дело, и показать необходимость принять участие в Большом: и показать в борьбе за квартиру.

Начало главы: У меня была в Москве комната, в которой я жил со старшим сыном. Но сын женился, у него родился ребенок, мой внук. Я попал в безвыходное положение. Я не живу, но мне Москва необходима, как речке нужен выход к большой воде. Все свои материалы я беру не из книг, а из

природы, но мне нужно быть уверенным, что если захочу, то могу и книгу достать. Трудно убедить, никто не захочет понимать, но попробую.

У меня есть костыль с железным наконечником, когда мне нужно, я втыкаю костыль в землю, привинчиваю струбцинку и снимаю с выдержкой. Прошло три дня с тех пор, как делал последний снимок, воткнул костыль в землю. Снимки я делать раздумал и ушел, а костыль остался на месте. Странно, что я о костыле забыл и только в метро сегодня увидел похожий костыль у кого-то и вспомнил, что костыль свой забыл в лесу и до точности ясно: возле Бубнила...

Скорей же туда!.. Новая глава: Сколько событий протекло в Москве за три дня, а костыль мой так и стоял, склонившись слегка над Бубнилой...

В Москве: «Вы всё молодеете!» — сказал мне Ставский в Президиуме. «Вечно юный!»— сказал Демьян Бедный. Это они по моему цвету лица. Не понимают, что старики [гораздо] за жизнь [сильнее] цепляются: хоть день, да мой! Юный — это Большое дело: они хотят умереть за Большое. Но мы жить хотим, мы устали: хоть день, да мой. И тут Старуха с самоваром.

Московские тополя: связь города с лесом.
Из Московского: К Демьяну: «вечно юный».
— Что вы пишете?
— Лес.
— Как лес, а что?
— Мальчик потерялся в лесу.
— Давно заключили договор?
— Нет, нет, я только изучил материал: лес.
— Все равно, на сколько, срок.
И сам:
— Год.
Но я, может быть, никогда и не напишу об этом мальчике, быть может, раньше, чем я соберусь писать, окажется, что тот мальчик — я сам, и мне самому это хочется выйти из леса, и тогда выйдет повесть не о мальчике, а о себе...

Поэзия — это кладовая чудес для неверующих.

8 Октября. Ездили с Огневым в Дворики на зайцев, убили лисицу. Узнал, что «князь» и Варя (Трубецкие) исчезли, а Гриша и Татя в концлагере. И что Борис Михайлович Новиков умер. «На своей кровати умер» — с удовлетворением сказали (т. е. не в ссылке). Траурная жизнь и радужные перспективы.

— А как низко Англия пала!

— Никуда не падала, это <u>большая</u> политика.

Опять «большая»... И так всегда: если хотят оправдать какую-нибудь мерзость, говорят: «Большое дело», и тогда «мерзость» объясняется как неизбежный этап к отдаленной цели.

Г[орский] пытался Горького представить как ученика Федорова, как борца с природой (со смертью) и тем объяснить его оптимизм («Чаю воскресения мертвых»).

Так или иначе, а такие «попы» рано или поздно пристегнут революцию к какому-нибудь циклу религиозно-философских идей.

Неужели великое наше <u>молчание</u> кончится такой болтовней!

Очень подозрительна личность с большими идеями.

Наш народ, как и все народы, не хочет войны, все правительства это знают, и боятся все войны. Это учли фашисты и на этом построили свою агрессию, и на этом основали явление гибели демократии. А <u>молчание</u> современное — это значит нежелание воевать.

9 Октября. И что он говорит о господстве над смертью и воскрешении отцов, то все равно неизбежно приведет к господству человека над человеком, «бессмертного» над смертным, как в классах господствует один класс над другим. И что этот тип пролазы наиболее опасный из всех претендентов на трон.

У Федорова в учении «Общего дела» ничего нет больше, чем в Евангелии. Во всяком случае, эта тема в природе «оптимизма» Горького очень интересна, и притянуть его и всех большевиков к церкви (пусть новой) — это задача сверхчеловеческая. Г[орский] может быть героем современного

романа с охватом всех возможностей «выхода» из современного мирового положения.

Возражение всем «господам»: бессмертие и вечность суть не идеи, а чувства, такие же, как зрение, обоняние, осязание и другие средства восприятия мира личностью человека. Может быть, в отличие от обычных пяти чувств, свойственных всем людям, это чувство бессмертия и стремления к воскрешению мертвых есть специфическое чувство личности человека, т. е. человека, собравшего в единство безначальное и бесконечное.

И если большевики так упорно предпочитают бытие (опыт) сознанию, то по моральной линии они требуют от личности ее практического эквивалента (отсюда и «чистка»).

Та капля росы, с которой на один момент я соединил всего себя и вместе с собой весь мир как целое, и есть вечность и бессмертие. Пусть роса высохнет, и я «поспею» — это не смерть, потому что и роса, и я с ней уже тем самым, что видели бессмертный мир, просто — поспели и кончились в целом. И есть действие в эту сторону, эту вечность можно достигать творчеством. Положить свои силы на достижение этого прекрасного мира и есть путь к бессмертию, и всякий другой путь есть путь к господству.

Творчество Дома есть творчество бессмертия.

10 Октября. По Сергею Ивановичу Огневу вспоминаю все либеральное дворянство: и Стаховичей, и всех, включая Герцена. И все они теперь встают в моей памяти как шалуны, а народ возле них как швейцары, няньки и дядьки. И как дети часто боятся и должны бояться своих нянек, так и они боялись своего народа, и этот народ их все более и более наглел. Старик Голицын, несколько лет тому назад умерший, до смерти сам не умел себе завязать галстука. А Мережковский, который спрашивал меня, где и как можно им с Зиночкой (Гиппиус) записаться в партию социалистов-революционеров? И так все было, что я чувствовал всегда как смешное и для меня, скажем, демократа, досадное. Именно

досадно было, что все эти «шалуны» легкомысленные заключались привилегиями в круг и могли оскаливаться, рычать, когда кто-нибудь мешал им глодать брошенную им сверху кость. Но они у себя в кругу жили весело, непринужденно, как следует жить, и что у нас, демократов, возбуждало зависть.

Я это записал, наблюдая органическое сопротивление Павловны к душевному общению с «дворянами»: при всех их достоинствах они ей, мужичке, враждебны, она чувствует их неискренность какую-то.

Мое художество в революции имеет корни такого рода: что теперь стало «все можно», и тоже заниматься красотой и художеством. Ведь один раз живем, и время такое, что нынче жив, завтра нет тебя, так вот хоть день один, да мой, да буду в нем сам, и от этого день мой за вечность сойдет.

Вчера были «жуки» от газеты «Охотничий промысел», Арский(?) редактор и издатель Александр Павлович Иоанидис (обещались достать грузовик).

Письма от Лесника, от «Пионера» и от «Козла», к этому воскресение Козьмы Крючкова.

Ответить о Тургеневе «Шалуны» в Орел, Октябрьская, 11, в Музей товарищу Ермак(у).

Заявить в Президиум о Тургеневе...

Напишу, и хорошо, а когда придут и скажут: «Напишите!» — что-то полоснет по душе, и рад бы уважить, а не могу. Постараюсь, отвечаю смущенно, напишу. И он рад и, прощаясь, говорит: «Так я передам, вы обещали, мы ждем: непременно же напишите».

И опять я не могу. Во всякой механизации есть повелительно-принудительный момент, и он-то является губителем кустарного искусства (так и гибнет «Малое» дело при наступлении «Большого»).

— Что значит мир как целое? Что значит Пан? И этот Авраам, старец, в образе которого дан Бог-отец. — А какой же истинный образ Божий? — Истинный образ Божий есть Троица.

И будто бы, когда долго станешь смотреть, все три лица сливаются в одно. (Хочется слить, и, конечно, сольется.)

Нет, и пусть Авраам, и Пан, и мир как целое, и Троица, — все это путь к господству, и если уже необходимо выбрать, то лучше выберу господство большевиков.

А он все и думал, как бы ему пересилить большевиков, и он думал их присоединить к делу воскрешения отцов, начал с Горького.

Большие дела становятся маленькими, и малые перерастают в большие.

Большой человек, имеющий власть над всем районом и распоряжаться всеми лошадьми, не должен считаться с внутренним состоянием лошади: что одной бежать не хочется, другой, напротив, хочется разбить экипаж, а самой вырваться. Он просто готовит для чересчур рьяных узду, для ленивых — кнут. Но маленький человек, сам хозяин такой-то лошади, думает о ней, как о себе, и если она лениво идет, то не сразу кнутом ее, а подумает: почему она ленива сегодня? Или, в другой раз: почему так рвется? Маленький человек о душе думает даже и лошадиной. И душевная жизнь, по-видимому, есть изобретение времен кустарничества и натурального хозяйства, когда было все маленькое.

Если для постройки большого небоскреба разрешается снести маленькие домики и расстраивается несколько сот живущих в них семей, то небоскреб является в отношении этих разоренных существ агрессором точно таким же, как Германия к Чехословакии, или как Наркомтяжпром в отношении А. М. Коноплянцева, или Медный всадник в отношении Евгения.

Где же решение? Или надо вовсе покончить с этой психологией мелкой буржуазии, т. е. вообще с душевностью, или же, напротив, выступить в защиту Евгения против Медного всадника. Это самый жгучий вопрос нашего времени на всем свете.

Начало романа о богоискателе Горенине: до революции вся Россия была переполнена разными сектами.

Ирина Федоровна Бузанова.

Легенды о Кришне, из Академии Наук.

11 Октября. Этажи связать жизнью зверей.

А в лесу вовсе нет того, как у нас, чтобы одно дерево думало: будет мир леса, или начался, или кончился. У деревьев их жизнь — общее дело. И идеи нет у деревьев, ни ног, ни крыльев, благодаря общему делу они без ног сядут на землю и без крыльев перелетят пространства. Они идут и летят семенами своими. И если одно растение [засохнет], то другое будет на его месте. Передать отсутствие личности и плана: кажется, живут все по случаю.

Искусство общественного организатора в том, чтобы привлечь к своему делу дураков и заставить их работать на общее дело по возможности с удовольствием. Так организовалась наука, где дурак совершенно доволен собой. Так и церковь собирала верующих. Из этого понятно и следует, что в науке нет истинных ученых людей и в церкви — искренно верующих. (Храм науки.)

Прекраснейшая мысль о Моцарте, что не нужно работать: это для себя, как великая тайна.

Этика

В отношении себя: быть самим собой. В отношении же к людям это невозможно и вред для этики: для большинства людей быть самим собой означает свободу самого вреда [этики]. Нет, тут этика одна — быть человеком, т. е. приучать себя [к] средним нормам общежития: не убий, не укради и т. д.

После стольких смертей и друзей, и врагов нельзя уже, наконец, к современникам относиться, будто они вечные.

На 12-е — о Тургеневе, «Сова», Детям, Завидово. Доверенность Яковецкому.

12 Октября. Вчера Федин позвонил мне и с удивлением сказал: «Я сейчас только узнал, что вы живете со мной

в одном доме». — «И целый год!» — сказал я. — «Целый год!» — повторил он.

И я ему уже нарочно: «Тоже вот и я не знал, что Вы переехали из Ленинграда сюда».

А раньше, бывая в Ленинграде, я заезжал к нему, и он, бывая в Москве, заезжал.

И так все писатели живут, скрывая друг от друга свою личную жизнь, как будто вместе сообща делают какое-то скверное дело и в частной жизни им противно друг на друга глядеть.

Рябой и Хромой.

Сюжет для рассказа: «Месть».

Однажды я переходил улицу, и рядом со мной перебегал рябой, плечистый и довольно хорошо одетый средних лет человек. Перебежав под самым носом шофера, мы внезапно увидели перед собой трамвай. Мгновенье было одно, и спастись в это мгновенье мог только один. Я не посмел толкнуть человека и уступил, а рябой толкнул меня, и мне отрезало ногу.

Бывают стечения обстоятельств такие, что ему никто не верит, если рассказывает. Но верят, не верят, а рассказывать надо, если это вправду случилось...

Я остался без ноги, но мне сделали искусственную, и я научился ею хорошо владеть при помощи палки с резиновым наконечником. Не в ноге дело, а в душе: у меня осталось духовное, неутолимое чувство ненависти к Рябому. И главное, что за отсутствием этого Рябого я переносил свою злость на многих, мне казалось, что все норовят задеть меня, чтобы я упал и растянулся. Это чувство отняло радость жизни, для которой я родился и которой я жил.

И вот совпадение, вот стечение обстоятельства, которому трудно поверить. Но так было... Хотя это было и в другом большом городе и не на улице, а на большой залитой асфальтом площадке. Точно так же, как и в тот раз, я теперь при помощи своей палки с резиновым наконечником перепрыгнул путь [перед] автомобилем, и опять явилось мгновенье, одно-единственное: двое в нем не помещалось, или

я, или ты. В это мгновенье я успел взглянуть и увидел: это был Рябой, тот самый мой Рябой!

Есть вечность в каждом мгновении, и в эту вечность можно много успеть.

Рябой точно так же, как и тогда, хотел толкнуть меня и сделал движение, но вечность была такая большая! И [я] успел толкнуть его резиновым концом своего костыля, и Рябой полетел под трамвай.

13 Октября. Охота с Кристи. Убили зайца, гоняли лисицу (хлоп-хлоп!).

Все народы всего мира органически не хотят войны и боятся ее ужасно (помнят 1914 год). Люди готовы отдавать последний кусок на вооружение, чтобы охранить себя от войны. И правительства этим пользуются и держат посредством этого страха свои народы в руках. А там, где правительства ослабляют демократические принципы (наши), там летят и принципы эти как пережиток. Так что все народы, все правительства боятся войны, и этим страхом пользуется Гитлер, чтобы держать все правительства в своих руках, побеждать и забирать без пролития крови целые государства.

Жестокость («без права переписки») власти безмерная, невозможная — это темное пятно в нашем Союзе: для народа — всё, для личности — смерть.

В чаянии, что из народа же выходят личности, значит, если народу хорошо, то народится и новая интеллигенция.

Ужасные провалы в культуре!

Вопрос об индивидуальности чисто биологический: индивидуальность у человека все равно как и у растений их корешки; посредством индивидуальности осуществляется передвижение и рост народа.

14 Октября. Народы, как и деревья в лесу, стоят. И как деревья лесные движутся и расселяются по земле своими крылатыми семенами, так и народы движутся тоже семенами, называемыми индивидуальностями.

Когда после долгого опыта жизни поймешь наконец, сколько труда ложится на всякое настоящее художественное произведение, сколько труда, сколько жизни людей расстроено, то начинаешь понимать, почему так мало настоящих хороших художников.

Почему за это дело так мало берется людей и так мало у них выходит: потому что поумнели, и как старая дева поняла, что трудно рождать детей и возиться с ними всю жизнь, гораздо лучше и легче оставаться старой девой.

15 Октября. Мучила Перовская, придираясь к каждому слову моего детского рассказа. Ошибка педагогов вечная... им надо, чтобы для детей было все правильно, а детям нужно неправильное. И еще плохо, что каждый редактор, сам по себе не имея художественной индивидуальности, пытается выявить ее на чужом материале.

Дети смотрят на взрослых в ракурсе «лягушечьей перспективы», а взрослые на детей — с высоты всадника. И оттого у детей, когда они вырастут, всегда бывает так, что их прежние взрослые гораздо выше, чем нынешние: нынешний народ в сравнении с прежним мелкота. А перспектива всадника со стороны взрослых порождает особую расу педагогов, которые не могут иначе смотреть на детей, как на маленьких.

16 Октября. Сегодня отправляю «Свой червячок» в «Комсомольскую правду» и в «Дружные ребята».

17 Октября. Журналы наши потому скучны, что несовременны, хотя пишутся исключительно только на современные темы.

Итак, «Этажи» будет московский край и с Москвой. И надо смотреть на Москву как на свою (к анализу «современный» надо прибавить «свой»).

К общему делу стремятся все, но еще мало стремятся к тому, чтобы это общее дело сделать своим: чтобы «Москва» на лес работала.

Раз все на общее дело, то оно лично выгодно, и каждый стал чиновником, в лучшем случае, в худшем — превращая общее дело в своекорыстное (а надо работать для всех, как для себя).

В Москве — разрешены вопросы о деревне и городе.

Моя квартира в Москве есть личная крепость.

Надо быть в родстве, или свойстве, или хотя бы вместе переночевать где-нибудь и водочки выпить — и тогда всё (Душин). Но всякий чужой прежде всего враг. (Русский человек.)

18 Октября. В 6.40 из Москвы в Загорск. От дома до метро 30 мин. и 10 на метро.

NB. Два зайца: в Москве большое дело: меня пропустили. Не дают: он в Загорске, и ему Москва не нужна.

Увлекаемые ветром нашей машины, поднимаются желтые листья с дороги, поднимаются в воздухе, летят, одни падают обратно, другие вновь поднимаются.

Сегодня солнечный день (мороз). Вчера 1-й снег (зазимок) в Москве.

NB. «Москва» (квартира, строительство и т. п.) — как большое дело.

Но Берендей для того и существует, чтобы сделать большое дело своим, т. е. себя расширить до большого дела. Мне кажется... Свое дело я понимаю как дело связи между всем, что существует на свете. Вот стоит телеграфный столб, от ветра гудит: он служит делу связи. Но я не столб, а я как то электричество, которому служит столб. И еще больше, гораздо больше, чем электричество и всякая другая сила. Самая большая сила на земле — это сила связи, которая получается через слово художника. И я эту силу держу, как телеграфный столб держит железную проволоку и пробегающее по ней электричество.

Они говорят, что у Пришвина есть дом в Загорске, и ему Москва не нужна: квартиру надо давать тем, у кого нет вовсе жилплощади.

Я это так понимаю, что они не уважают моего дела; если бы они признавали, что я делаю большое дело, то и разговора бы не было: вопрос о жилплощади для неимущих тогда не разрешался бы за счет моего большого дела. Нет, они думают, что я делаю маленькое дело.

Как мне доказать им, что без моего маленького дела...

Приходил ко мне художник, разглядывал мои фотографии, очень расхваливал, повторяя слово «разрешено».

— И в композиционном отношении, — говорил он.

— Что же?

— Разрешено.

Самое сильное, самое лучшее оружие в борьбе, лучшее средство привлечь к себе людей и заставить их даже помогать себе, — это если их рассмешишь. Так вот я стоял первый в очереди перед окошком мастерской, где ремонтируют ФЭДы. Когда окошко открылось, я сказал мастеру, что спешу уехать из Москвы и прошу исправить сейчас. Он принялся за работу по установке дальномера, очень долго возился, очередь волновалась. А когда он кончил, я указал, что головка скорости сбита, и мастер принялся выверять страстно. Очередь безумствовала, некоторые вслух открывали недостатки мои. Когда же мастер кончил, я спросил его, сколько стóит установка дальномера.

— Ничего не стóит, — ответил он.

— Ничего не стóит, — ответил сосед, — уходите.

— А часовая стрелка? — сказал я.

— Тоже ничего, — ответил он, — ремонт ФЭДа делают даром.

Очередь грубо меня отстранила, но мне было унизительно уступать грубости.

Я стоял. Ближайший в бешенстве спросил меня:

— Вам сделали, что же вы не убираетесь?

— Даром сделали ФЭД, — ответил я. — Если это даром, так, может быть, тут и пироги дают.

— Так вы пирогов дожидаетесь? — сказал кто-то, захлебываясь от смеха.

Я уступил место.

И все глядели на меня радостно, все смеялись, всем стало так хорошо, и все как будто благодарили меня, что рассмешил.

(Начало: рассказ ФЭД. Заключение: вспомнил Горького).

Вот стоит телеграфный столб и от ветра гудит, я люблю этот гул, и в гуле этом, мне кажется, я понимаю великое дело столба: он служит делу связи между людьми. Но я в деле связи больше, я не столб, а самое электричество, пробегающее по проволоке. Нет! еще больше, гораздо больше, чем электричество. Самая большая сила на земле — это сила связи от слова художника. И я эту силу держу, как держит телеграфный столб железные провода с перебегающим по ним электричеством. Оттого, верно, я и люблю этот гул.

Мне Москва и московское большое дело помогает как огромный каркас, на который я должен растянуть свое маленькое дело: через это мое дело станет большим.

Идешь и только в первый час думаешь, а когда устанешь, то думать перестаешь, а идти еще, не думая, может быть, долго, весь день. Так многие, начав мыслью свое дело, погружаются в дело и живут в нем, потом все время не думая.

Бывает, на охоте целый день проходишь, но думается хорошо и свободно лишь в первый час. Как только тело начинает разогреваться, свободная мысль прекращается, и думаешь только о том, что надо. Так и всякий деловой человек начинает свой путь свободной мыслью.

Свояк — символ родственной связи в русском народе: тут и милиционер, тут и предрика *, везде свояк (хлеборез). Просто даже страшно: это ведь именно то, что противопоставляет конкретная жизнь отвлеченному понятию «гражданина, пролетария» и проч. И тот «враг», которого везде ищут, — это же и есть свояк.

Свояк заполнил Москву.

* *Предрика* — председатель революционного исполнительного комитета.

Свояк бескорыстен, самоотвержен в отношении свояка, но он безжалостен, дик, страшен в отношении к чужаку. Интеллигент ему всегда был чужаком. Ненависть Горького к свояку.

19 Октября. Начались серьезные дожди. Вчера было разрешение на зайцев, полки гончатников двинулись из Москвы. Петя говорит, что на каждой станции видел гончую, потерявшую хозяина, мокрую, растерянную.

Большое и Малое дела разрешаются также и в Служащем и Любителе (Надо и Хочется). На помощь моей фотографии «любитель-фотограф» = я и как писатель-любитель, и вся моя проблема есть проблема «любителя». Медный всадник и Евгений. Всадник есть проблема «службы», Евгений — проблема любителя жизни. В «службе» заключается идея универсальности («Большое дело» = Москва), в любительстве — идея личности.

У каждого ручья есть свой долг: ему Надо донести свою воду до большой воды, его цель — большая вода океана. И у той большой воды есть свое большое Надо — подняться на высоту и вернуть воду обратно маленьким ручьям. Солнце, Океан и Ветер в их вечном споре и дружбе решают свое большое дело о насыщении всех речек, всех ручьев. Но дальше каждый, даже самый маленький, ручеек должен о себе все сам решать и быть самим собой со своей географией и биографией и собственным именем. А есть и безымянные, вовсе маленькие и самые нарядные.

Мысль об этой книге зародилась у меня...

В 1926 году мой старший сын Лев, путешествуя где-то на Сахалине, променял свое ружье на Кодак размером $6^1/_2 \times 9$ с превосходным объективом Кука. На обратном пути, в городе Хабаровске, он зазевался на улице, разглядывая вывеску комического театра, и в этот момент у него отрезали сумку с Кодаком и унесли. В безутешном горе явился ко мне путешественник и умолял достать ему «Лейку». В то время этот, теперь общеизвестный, аппарат возможно было достать только за границей. Мне это удалось, а кстати я достал

и себе такой же аппарат и заинтересовался сам фотографией. Меня увлекло в этом аппарате то, что его можно было носить с собой в кармане и, между прочим, снимать все. Лет десять проработав довольно беспорядочно, я завалил свои сундуки отпечатками и негативами. Некоторое время я, однако, свои фото наклеивал в тетрадки, стремясь изобразить ими свою личную повседневную жизнь. Теперь, разглядывая на досуге эти альбомы, я понял, что не даром работал.

20 Октября. Сколько раз, обманутый видением лесного клена, я принимал чудо золотого цвета листа его за свет, снимал его, и на пленках ничего не получалось.

Так тихо, так понятно, так выразительны разговоры на тополе листиков с опавшими листьями, что пробуешь присоединиться к ним со своим словом и уговорить трепещущий лист не бояться передать современное чувство и смысл жизни, что смерть — это есть передача своих жизненных дел кому-то другому: жизнь продолжается. И тем, что болтовня: не страшно, хорошо им.

— Что же, листики, трепещите, сколько можете. Желаю вам слететь вниз покойно, в ясном кленовом сознании, что через несколько [месяцев] — будут на вашем месте зеленые, и дерево будет расти.

Не гнушаюсь никаким трудом, но чай люблю, чтобы наливал мне кто-нибудь.

Есть в природе большие миры: мы их видим в темноте. И есть миры, на которые мы смотрим в микроскоп. Так что и дела наши бывают большие и малые.

С тех пор как я начал серьезно учиться, не перестаю дивиться, почему иной ученый всю жизнь смотрит в большие стекла телескопа на большие миры. А другой выбирает другие стекла, отдавая свою жизнь на изучение мельчайших существ. И так же во всем другом — есть Большое, великое дело, а есть Малое, личное, без которого невозможно великое. Вот хотя бы я сам: как писатель, может быть, большой человек, а вот во всем остальном во мне все чисто личное. Все признают, что как писатель я делаю Большое дело,

смотрю на все в телескоп. А лично, как я живу и кто я сам, и то же каждый человек, если взять его под микроскоп, чем занимается он дома, у себя. И тогда ведь каждая букашка имеет свой дом.

Детские рассказы.

Всякая мысль, с которой я вхожу в лес, является планом моим.

И всякий мой план, вся моя мысль, по мере того как иду, разогреваюсь, устаю, исчезают из головы, и я иду свободно и бесстрастно. Не до мысли, лишь бы дойти. Через несколько времени начинаются случайные встречи, совершенно неожиданные. И встречный [гриб], или белка, или дупло на своем языке своеобразном спрашивают: «А где же твой план?» И сами собой, одна на одну нарастая, образуют нечто целое. В этом организме нет плана, и его не могло бы создаться, если бы я вошел в лес просто без плана.

Не боюсь труда, не гнушаюсь никакой работы, но чай люблю, чтобы мне кто-нибудь наливал. И часто за чаем своим я раздумываю о себе самом не как деятеле, писателе, а лично о себе, когда я, ничего не делая, ем, пью чай, играю во что-нибудь со своими сыновьями и внуками.

— Почему, — думаю я, — один человек выбирает себе огромные стекла телескопа и всю свою жизнь определяет на то, чтобы открыть и описать какую-нибудь маленькую звезду, впрочем, равную величиной своей нескольким сотням нашего Солнца.

— Почему, — думаю я, — другой человек, как раз наоборот, выбирает себе такие стекла, чтобы видеть через них мельчайший мир существ, окружающих нашу повседневную жизнь, определяющих нашу родовую жизнь и наши болезни.

— Почему тоже иной возьмется за Большое дело, прославится через него так, что все о нем говорят. А другой делает необходимое для всех нас дело, но о нем ничего не говорят, и дело его считается маленьким.

— И пусть я сам, как писатель Михаил Пришвин, считаюсь большим человеком. Но почему вот я сам, не писатель, а лично я, пьющий чай в Загорске в собственном домике на

Комсомольской, 85, никому не интересен, и вообще почему я тут в своем домашнем мире маленький человек.

— Налей мне, пожалуйста, — говорю я своей жене, — еще одну чашечку и, если можно, дай мне варенья вишневого, без косточек. И вот послушай, что сейчас мне пришло в голову. Вот я сейчас кончу пить чай и пойду в кабинет выводить на бумаге своих героев — это Большое дело. Так что, когда я для других работаю и неплохо за то получаю, — я делаю Большое дело и я большой человек. А когда я сам живу, то я тут маленький человек. Странно, что я работаю утром 2 часа после чаю и вечером 1 час после чаю — всего три часа, и за эти три часа я считаюсь большим, а за все остальное время, 21 час, я [такая] ничтожная величина. Вот это, я считаю, в основном неправильно, и я хочу теперь взять самую свою жизнь как главное и представить ее как именно Большое дело.

20-го мы охотились в Терияброве с Яловецким, убили 5 зайцев.

Очень тепло, потом дождь и после дождя солнце.

По моим наблюдениям, в первые годы революции те, кто брался за Большое дело и становился большим человеком, в своем личном, маленьком деле, в своем домашнем быту тоже переменился с уходом от спутницы своей трудной жизни, незаметного человека, и брал себе балерину [актрису, машинистку], сам Керенский, к примеру сказать, переменился в своем домашнем быту...

При описании жизни на дворе с самоваром вспоминаешь, что в моей квартире с газовой плитой нет дырки, куда бы можно было вставить самоварную трубу. И не только негде самовар поставить, а даже негде сжечь ненужную бумажку: печек нет при паровом отоплении. И когда мне тут взять и сидеть с самоваром, я же человек современный.

Большое и Малое дело, большая и коротенькая правда представлена еще в Иване-Осляничке: князь — Большое дело, женщина — Малое.

Аксюшин дом — это церковь. И это я хочу сказать о большом доме для всей твари, это же и есть идея церкви.

Анатолий Павлович Кочетков обманул меня, и зеркалку мне он не доставил, негодяй.

Парикмахер Маргулис Моисей Михайлович — К.4.72.50.

22 Октября. Из-за чего писателю не стоит хорошо устраиваться: дорогие вещи всегда наводят на мысль о том, что раз вещи хорошие, то и ты хорош, и с тебя спрос велик. А вот часто бывает у всякого настоящего писателя, что и не пишется, и плохо пишут о нем, и спроса на него нет никакого. Тут-то вот и кажется, что дорогие вещи начинают дразнить тебя: «Ну-ка, ну-ка, писатель, подтягивайся». Вещи издеваются. «Провалитесь вы пропадом, вещи!» — воскликнет несчастный писатель, хватаясь за голову, и бросится бежать из Москвы. А хорошо как есть куда бежать и хватит духу жить без водопровода, электричества и парового отопления.

«Пролетарий» — это есть план человека, в действительности же это свояк.

План — это один из элементов творчества, как лесá при строительстве. Так и план, как лесá, играет лишь временную, служебную роль. Кончится постройка, и лесá убирают, так точно и план.

И если план есть именно то, чем отличается человек от животного и чем он побеждает все в мире бессловесных, то все это не дает человеку право взять в план всю вселенную, потому что часть не может отвечать за целое. В таких случаях план не сходится с жизнью, и появляется враг (так что план исходит из разума, а враг — существо иррациональное).

Всякая мысль, с которой ты входишь в лес, даже грибы собирать, есть твой план, и в этом узком проходе и заключается весь твой лес: ты находишь гриб. А чтобы весь лес понять, ты должен забыть свой план. И ты не бойся расставаться с планом. Вместо «идеи» (плана) будут появляться случайные образы, и между собой эти образы будут связываться, так вполне будут отвечать твоему плану. Если же ты будешь о плане думать и тем насиловать лес, то образы тебе не покажутся. Образы не выносят прямого насилия и по су-

ществу своему автономны, как золотая рыбка автономна, хотя и состоит на службе у старухи.

И еще бывает, что, начиная свое строительство, ты не очень веришь, будто у тебя «все в порядке». Но в то же время ты твердо знаешь, что все неправильное выправится само собой в процессе работы, как будто ты должен быть простаком, который в глубине души своей знает правильный путь.

Шел по Каменному Мосту, глядел на Кремлевские башни и думал, что Большое дело соответствует центробежной силе, а Малое — центростремительной.

И наши переживания в разные моменты борьбы этих сил за движение по кругу представляются нам как Большое дело и Малое дело. Большое дело — это движение из дома вдаль, это вылет птенца из гнезда. Малое дело — это потребность в устройстве дома.

(Петр Великий — вон из Москвы и т. д., расширение на Восток. И опять возвращение в Москву и устройство нового гнезда.)

Я в своем писательстве есть человек, вернувшийся в свой дом (родственное внимание).

И я писатель потому современный, что это мое стремление соответствует бессознательному стремлению всего народа.

И это мое личное одухотворение машин и т. п. — есть результат стремления к центру, к Дому.

Начало главы: У каждого зверя, у каждой птицы и у паука, и у растения, и у кошки, и всюду и у всех есть место своего рождения, свой дом. Однако птицы улетают из своих гнезд, и маленькие звери покидают свои логовища, и пауки улетают на своей паутине...

И в этом их Большое дело: расширить места обитания своего рода. Во время своих перемещений многочисленные существа погибают. Да, покидая свою родину, они обрекают себя на смерть. Вот почему такое передвижение и называется Большим делом: много мужества, много героизма требуется от каждого паучка и пчелы, чтобы расширить

ареал своего рода. Готовность умереть за других ценнее даже, чем самое рождение новых существ.

И оттого и у животных, и у растений, и всех живых существ на земле, и у самого человека готовность умереть за общее дело считают Большим делом, а рождение даже таких существ, как человек, считается Малым делом. За Большое дело награждают героев орденами, за Малое дело в виде поощрения выдают пособие. И так у нас, у людей и у всех живых существ, с точки зрения нашей человеческой, Смерть, пусть и героическая, но все же Смерть значительней (Большое дело), чем Рождение (Малое дело).

Героическая смерть есть высшее выражение Большого дела, а Рождение человека — Малого дела.

23 Октября. «Пейзажем» называется совокупность животных, растений, камней и всяких других составных частей природы, отнесенных к личности человека.

И все это расширение души, любовь, брачные полеты, ветровые перегоны летучих семян является началом посева. И у людей колонии?

Смерть — это самое широкое определение самых разнообразных способов... Смерть — это момент перехода жизненного дела от личности к обществу. Это последний момент жизни человека как собственника.

Многим и кажется коммунизм как смерть...

И был период героической революции, когда простой человек так и шел на это, как на смерть. А в дальнейшем, вплоть до сегодняшнего дня, происходит попытка материализовать этот духовный порыв, создать дом и вообще создать компромисс жизни и смерти (подобно как церковь материализовала Смерть Христа).

Ксюша начала обнаруживать психические эксцессы, подобные как и у Павловны, и в дальнейшем этот хороший человек соберет в себе собственнический склад, и к ней попасть в руки, точно как и к Павловне. Держи ушки на макушке.

Второй Адам: т. е. что без удовлетворения в Малом деле невозможно Большое. (Или тоже: пока не совершится большое, невозможна личная жизнь.)

25 Октября. Дивился я всегда, что русский, как всякий русский, имеющий неприязнь к евреям, когда достигал власти и вообще большого положения (вспоминаю Шаляпина, Семашко), то непременно брал себе в секретари не русского, а еврея. Теперь начинаю понимать, что всякое большое положение есть непременно и деловое отношение, и тут еврей умеет, а русскому чего-то не хватает. Так что русский человек, достигающий власти, не сам по себе, не по желанию, а по необходимости в деловом порядке приходит к еврею.

И к революции у русских и евреев разное отношение: русские идут в революцию, а евреи ее делают.

Дело человека бодрит.

Не так много деревьев в Москве, как у нас в Загорске, а все-таки поздней осенью листики над Москвой, как летом стрижи; кажется даже, что этих стрижей и листиков больше, чем граждан в Москве. Впрочем, понятно, никакой небоскреб не может вместить в себя столько граждан, сколько вмещает одно дерево листьев.

Если пойдешь за грибами, то и будешь только смотреть на грибы да корни. И если будешь искать дупло, то будешь видеть стволы деревьев. И совсем нехорошо будет, если станешь искать что-нибудь в кроне дерева, бродить глазами по верхам, так можно даже споткнуться и свернуть нос набок. Но как же ходить в лесу, чтобы сразу видеть все этажи? Надо не забивать себе голову чем-нибудь одним: грибами, корнями, дятлами, землеройками, глухарями.

Надо отвечать и лучу солнца, проникающему вглубь, и аромату ночной красавицы, и шороху белки, надо быть готовым ко всякой малости в лесу. Надо быть всякое мгновенье свободным, живым, готовым на все вокруг обращать внимание.

Я не всегда готов — напротив, очень редко бываю таким, но бываю; и сила моя в том, что все-таки я знаю твер-

до: такие мгновения бывают, и я к ним готовлюсь по-своему. Я стараюсь в лесу как можно тише идти, чтобы все слышать и ничего не спугнуть. Стараюсь бродить глазами и слухом по всем этажам леса. Особенно мне помогает, что я всегда думаю о своем мальчике на лесной поляне и соединяю все мелкие разные находки в отношении к нему, на пользу ему или на вред.

26 Октября. Утром в 9 Петя отправляется в Военкомат на проверку своего положения в отношении воинской повинности. Перед этим за чаем мы обсуждали восхитительный план на весну 1939 г., что мы 1-го января закажем лодку с каютой, приспособим к ней наш мотор, и весной по воде мы поедем в фотоэкспедицию для иллюстрации моей книги. «Какие перспективы!» – сказал я ему в передней. «Да, – ответил он, – перспективы, а через полчаса вернусь из Военкомата с другими перспективами: через три дня с узелком...»

И в таком вот чувстве, что жизнь прекрасна, что тебе так хочется жить, а может быть, завтра же тебя убьют или обратят в раба, в этом особом чувстве человека не только нашего советского, но и на всей земле и заключается вкус изюминки XX-го века. (Цилиндр в Париже закрыт, для вскрытия через 5000 лет, и в нем Эйнштейн пишет об этой самой изюминке.)

Евреи, конечно, деловой народ, но дело их легкое, они литераторы, фотографы, спекулянты. Из-за того и Троцкий всплыл при тяжелом испытании нашей страны на поверхность: тоже литератор.

Чтобы властвовать и управлять человеком, то на подчиненного в глубине своей души надо смотреть спокойно, как на животное, которое для тебя должно работать, и ты его должен кормить. Я не могу ни властвовать, ни насиловать жизни исключительно потому, что смотрю на них на всех из себя и сужу о них по себе.

Так что, если хочешь завести себе секретаря, приучи себя смотреть на него как на собаку (я к собакам отношусь хорошо). Приучи себя, чтобы когда звать секретаря, вспоми-

нать Ладу, и будет хорошо. И по правде сказать, такое собачье отношение к человеку и есть сущность холодно-деловых отношений в «цивилизованном обществе».

Чувиляевы рассказывали о дачных дамах (М. П. Лапина и др.), что они сохранили свои женские навыки от царского времени так, будто в революцию ничего не пережито. Правда, они лишены имущества, положения мужей, но это ничего: при первой возможности они живут, как и раньше. Такое же и у церковников: Аксюшин «бес». И в этой женской природе получить прививку и нести ее и коренится весь застой и вообще все, что удерживает мысль на земле и приспособляет ее к делу жизни, сила центробежная. А Дунúчка в своем «протесте» — разве не тоже центростремительная сила?

Так вот букашки, козявки, паучки в своем стремлении к дому лезут на подсадную утку Клеопатру, представляя себе утку как остров.

С другой стороны, бывает, что смотреть на другого человека не из себя самого, не судить по себе, не быть «гуманным», а смотреть как на животное — бывает, что так и лучше для самого человека: тогда, по крайней мере, хотя бы заботятся о его пище.

Наш «враг» у Аксюши называется «бесом», и когда я, читая газету, начинаю кряхтеть и отвечать ей на вопрос ее о причине моего беспокойства, что враги, со всех сторон враги наседают на Советский Союз, она успокаивает меня: «Эх, Михаил Михайлович, немало вам лет, скажите, а когда же их не было?» — «Кого?» — спросил я. «Бесов», — сказала она. Чем-нибудь она всегда старается утешить.

Так бывает, конечно, и не от врагов закряхтишь, какие-нибудь [причины], и скажешь на вопрос Аксюши, что вот там колет, там ломит, она охотно успокоит: «Эх, Михаил Михайлович, [не] один вы, что колет и ломит. Другой молодой... а вам теперь уж и недолго осталось потерпеть». Так вот она утешает.

27 Октября. Вокруг смерть косит людей, но живые в этих смертях себе примера не видят и живут, как будто

они бессмертные; и каждому в отдельности больше хочется жить, чем если бы не было ежедневного примера смерти прямо же на глазах.

Сорвался в Загорск, хотя и больной.

Стоит любому уроду своей собственной рожей смеяться над всеми уродами, как он уже делается не уродом, а комиком, артистом, и всякий прощает ему личное уродство, потому что личное уродство — случайность, а настоящее его лицо прекрасное.

Есть (был!) автор идей, культурный человек, и нет его. Вернее, это личный образец (вот человек и сохраняется...)

Есть прекрасные деревья, которые до самых морозов сохраняют листву и после морозов до снежных метелей стоят зеленые. Они чудесны. Так и люди есть, перенесли все на свете, а сами становятся до самой смерти все лучше. Есть такие люди, но только мало.

28 Октября. Если бы все женщины были одинаковые, полногрудые, с голубыми глазами и с ангельским характером, и дети от них рождались тоже все одинаково прекрасные ангелы, то, изведав жизнь, люди не захотели бы ее продолжить. Мы живем теперь при неравенстве у людей красоты и характера в надежде, что, авось, в моем личном опыте выпадет небывалое счастье. И эти энергичные, сильные люди, кто в своем опыте пытается дать пример небывалого и ранее невозможного, и являются истинными вождями людей и действительно ведут их вперед.

Вчера итоги подводили о том, как деньги падают и как рушатся на глазах все экономические «планы», каких средств и жизней стоит все хорошее в промышленности... Ничего не сказав, как раньше, о перемене, стали думать о личном выходе из трудного положения.

Собственно говоря, с первых дней революции Кащей был изловлен и заключен в сундуке. Но почему же враги действуют, и зло все растет? Некоторые мистики объясняют это тем, что Кащеево зло действует и через сундук.

Камушек (был каменный дом, и его за это прозвали Камушек): один из героев Загорска.

Г[орский] — маньяк воскрешения мертвых. Ввести в 1-ю же главу (о Загорске), что мое дело — создавать сказку, как в Загорске тысячи людей делают игрушку.

29 Октября. Работаю над собранием негативов за 10 лет, и мало-помалу все пережитое в лесах собирается в «домик в Загорске». Работа — одно удовольствие, будто яблоки поспели и сами от своей тяжести падают. Входят рассказы: Мишка (идея игрушки и сказки), Стахановец, Терентий, Пиковая Дама, Еж, Росстань.

Дело с этой книгой настолько верное, что думаю заключить договор с «Пионером» на 10 листов с фото.

1-ые встречи в Загорском: дети, игрушки, голубятники, щеглятники и пр.

Мишку сделать из Загорских игрушек: что ему хочется в лес убежать.

— Позвольте, — спросили меня в Музее. — Но как же он будет двигаться, вы сделаете механизм?

— Он двигаться будет сам, — отвечаю я, — ведь я же его снимать буду, есть несколько приемов в фотографии придавать снимаемому движение: сто́ит, например, предмет расположить по диагонали, и как будто двигается.

— Но ведь это будет на картинке, на бумаге.

— А я все для книги и делаю, это будет...

Пока Ал. Степ. ходил на ток, мне удались такие приключения, какие редко можно бывает испытать путешественнику. Я пошел в Музей, имея с собой, как всегда, Лейку и пр.

Весь рассказ о Мишке в один день.

Ввести, как Петя открыл новый вид землероек, и наш разговор при этом: что, например, череп млекопитающего, даже величиной в наперсток, по существу своему, как сосуд, вмещающий ЦК нервной системы, мало чем отличается от такого же ЦК и у человека...

30 Октября. Несколько дней уже погода стоит на нуле, и чуть шевелятся в сырой мгле последние желтые листья. У меня не то грипп, не то последствие малярии, дряблость, насморк, и я не могу выйти из дома и привожу в порядок свои негативы за 10 лет.

Моя жена считает мое дело великим и дает мне полный простор им жить. Но в своем деле, в маленьком...

Моя жена, как и я сам, считает мое дело великим, но она и меня тоже в глубине души считает великим, тогда как я в глубине души считаю себя только маленьким, неуверенным работником на верном пути создания сказки, необходимой для жизни людей.

Зато в своем маленьком домашнем деле моя жена считает меня глупым человеком, и мне кажется, не уважала бы меня, если бы я всерьез стал доить корову, кормить кур и подтирать пыль. Так что я при своем Большом деле считаю себя маленьким, она же в своем Маленьком деле считает себя великим человеком и единственным, не допускающим никого другого, кроме себя. Так мы давно поделили между собой Берендеево царство: Большое дело — это мое, Малое — ее. Все мои попытки прямого сотрудничества были отбиты, мне пришлось в Малом деле ей целиком подчиниться, а ей подчиняться мне целиком в деле Большом.

(Большое дело — это легенда, Малое дело — жизнь как органический рост. Передать эту мысль в простом рассказе о том, кто моя жена: например, мы сошлись с моей женой Павловной давно, когда я начал заниматься сказками. Она, простой человек, поняла своей здоровой душой, что я взялся за Большое дело, что есть-пить — это Малое дело, а людям этого мало: есть-пить-спать могут и животные. И Малое дело [все] могут делать, а на Большое дело способны немногие.)

Покойный Кайзер, конечно, неумно сказал, о том, что дело женщины — кухня и дети. Нет, напротив, мы признаем, что женщины способны, как Жанна д'Арк или Софья Перовская, на всякое большое общественное дело. Однако если какая-нибудь женщина стала женой и матерью, то плохая это женщина, если не может взять на себя заботу о доме

и о ребенке, это «Малое дело», без которого сама жизнь людей на земле невозможна.

За переборкой негативов: и так все хорошее собирается, как и рождение человека из любви, тут из любительства. А дело общественное и другое подобное из «так надо».

И все правильно, только неправильно «Надо» ставить туда, где все само, т. е. из любви рождается и делается из любви.

Надо = План – Плановое хозяйство.

Иной душу свою положит за правду в борьбе своей с противником, но тот в свое время учтет опыт, присоединяя его к своему опыту, и двинется вперед, оставив того думать, что он жил за правду. Род победы: [бескровная].

Весной в тепле апрельской ночи распускаются почки разом все — и это весной всех радует, всем хорошо. Но осенью каждый листик слетает по-своему, иного капля сшибает. И одна тревога жизни и на мокрой земле, и на деревьях.

Так у нас старики разные.

Осенью листик покружится и привольно улетает.

Как свет белый распадается на цвета радуги, так и эрос (свет жизни) тоже разделяется на разные виды любви: языческую, платоническую, христианскую; и то, что в свете черный цвет, то в эросе — пол.

Убийство человека и зверька в лесу, или птицы, конкретно общего между собой ничего не имеет, но в абстракции — то и другое убийство. Есть люди сентиментальные, которые, взяв убийство в абстракцию, подменяют там, на высоте, одно убийство на другое и возвращаются к действительности с возражением против охоты (пишу это из-за <u>подмены</u>).

Если у нас есть килограмм масла, то у жены есть стремление растянуть пользование этим кило масла по возможности на всю жизнь.

И это центростремительная сила нашей общей жизни с этой женщиной.

Мне же, хозяину и добытчику, так предоставляется, что раз добыт килограмм, то он уж и кончен. И все мои помыслы устремлены не на то, чтобы сохранить его, а чтобы добыть другой килограмм.

И так все, кончая собственным домом, в котором мы живем. Для моей жены этот дом на всю нашу жизнь и вообще навсегда, для наших детей и внуков — пока не развалится или не сгорит.

Будь же моя одна воля, я бы давно этот домик продал и купил другой получше, а главное, возле реки.

Так что всегда и во всем мое стремление — двигаться, распространяться, менять свое положение на другое, уезжать в далекие страны, видеть там другую жизнь. У жены, напротив, есть стремление сидеть на месте и хранить то, что у нас есть.

При такой разности наших стремлений мы должны бы давно разойтись, вернее, она бы осталась на месте, я бы ушел. Нас удерживает то, что в душе мы уважаем друг друга и даже больше — мы иногда завидуем друг другу: ей втайне хочется изменить своей природе наседки и уйти в иную неведомую страну и в ней найти прекрасных дам. Мне кажется даже, что в самой глубине души своей она чувствует некоторую вину в отношении меня, что ей приходится держать мою душу в своем теле, вернее, прямо быть моим телохранителем, чем-то вроде лейб-ангела.

И мне в свою очередь бывает подчас грустно думать, что я, имея возможность заниматься сказками о далеких странах, должен душу человеку поручить для охраны, скучное дело! — душу человеку. Но мало того! По правде говоря, я очень недолго могу быть в больших неведомых странах: схватив там первое, лучшее впечатление, я стремлюсь домой, т. е. к чему-то прочному, основательному, неизменному, почти вечному. И то же в занятиях: как же я могу...

Вот из-за этого-то второго рода чувств: ей — желать далекой страны и сказок, мне — вернуться в свой дом — и происходит то, что мы вместе живем всю жизнь. И, вероятно, культура вот этого второго чувства и называется любовью, и не будь этой любви, мы бы все разбежались, и жизни бы не было.

Вчера на охоте. Теплый день. Мокрая мгла. Не узнаешь, земля вверх поднимается — холм или лес. На почках деревьев собираются капли. Сырость мелкими каплями осаждается на деревьях, эти мелкие собираются в огромные, стекаются на низ ветвей, на почки и, огромные, висят весь день.

Прежние осиновые кроваво-красные листья, похожие на румяные плоды на земле, теперь поблекли, но частью красные остались и в мокроте похожи на свежую кровь. Лисицу убили, она много потеряла крови, и это было на листьях как раз так.

Время года, которое никто не описывал, и художнику оно недоступно. Только охотник может понять их особенную прелесть и глубину сокровенную. Сколько неожиданностей: папоротник ярко-зеленый. Поляна освещалась несколькими березками с тонкими светло-зелеными листьями, что будто фонарики: светло, радостно, легко.

Как крепко [залег] вчерашний заяц. Ворон в елке обмок, с трудом сорвался. И так по-своему хорош, что смешиваешь с галкой. Белка. Комарики мак толкут: живучи!

Только одно к этому еще запомните, деточки, что жить для игры и сказки трудней и больней.

1 Ноября. Совсем тепло: +10°. Начал по-новому писать «Этажи». В $5^1/_2$ выехал в Москву, в $7^1/_2$ был у себя на квартире. По пути обдумал главу «Весна света» и хочу 3-ю главу с 4-й соединить посредством захода цыгана к Екатерине Михайловне.

Своими глазами наблюдая тени на снегу, я видел такое, чего еще, очень возможно, мало кто видел, но как это снять — я не умел и снимал неверно, хотя один из ста снимков выходил прекрасным.

Известно, что в Москве слово «дом», в смысле личного человеческого обитания, заменилось словом жилплощадь, т. е. как будто слово стало по существу бездомным и живет на площади.

2 Ноября. С утра до ночи звонки и все дела пустячные.

3 Ноября. Утром купил пальто и шапку камчатского бобра, пальто 4.285, шапку 1.200. Знай наших!

Вечером встречали героинь. В 9 вечера сошлись в Клубе, ждали до 11 вечера. Ничего нельзя было получить, даже чаю из буфета. Торговлю в буфете запретили из опасения, что встретят героинь пьяные. Приехала в 11 одна Осипенко. Ее стали разглядывать: она сидела, а мы стояли и сверху на нее, как на обезьяну, и с галереи тоже сверху. Не выдержала и скрылась в женскую комнату с Караваевой.

«Трудно им!» — сказал Замошкин. «А так и надо, — ответил я. — Слава дается дуром, а сохранить славу надо с умом: и это всегда трудно».

Так, не выпив, не поевши, стали дожидаться приезда второй героини. Я ушел. На улице теплый сильный дождь.

4 Ноября. Приехал в Загорск. Тепло. После обеда солнце, и как оно прекрасно в это время!

В Москве думал о «точке схода» перспективных линий, в которой и находится согласие сердца с умом (Ритм = Дом), человек говорит: «Я дома».

6 Ноября. Чем труднее достается детишкам, чем старше становишься сам и ближе могила, тем слаще кажется возможность жить. «Не будь войны, — вычисляем мы, — на эти средства можно бы каждую страну превратить в цветущий сад». И даже когда нужда, горе, смерть начинают травить и швырять людей, как швыряют ненужных щенят и котят в помойную яму, то вот тут-то и собирается вся сладость жизни в последнее чаяние: не здесь она, эта возможность чудесно пожить в цветущем саду, а там, в будущем, после нас, или даже там, по ту сторону земной мучительной жизни.

Сказать всем — это значит сказать никому.

Жизнь желанная — это игра, все, кто может, играет, а кто не может, трудится в надежде когда-нибудь поиграть. Иные даже, вовсе потеряв надежду когда-нибудь поиграть, переносят мечту свою в будущее на «после нас» или даже совсем далеко, на тот свет.

Письмо: Удачный ответ.

Этот маленький поэт выправлял мою рукопись. «Если бы так Пушкина или Лермонтова выправляли, — сказал я, — то не было бы их. Помните, когда Лермонтову в редакции указали на стих его: "из пламя и света рожденное слово", и он взялся выправлять стих, чтобы вышло не "из пламя", а из "пламени", и не мог ничего придумать и оставил так, и так его напечатали, при Лермонтове поэзия была грамотнее». — «Но вы же не Лермонтов», — сказал мне поэт. «Да, — ответил я, — но и вы, дорогой, увы! тоже не Пришвин».

Проявляется изображение на пленке, и часто это происходит, будто глаза открываешь все шире, шире. Диво! вышло совсем не то и не так, как снимал. Откуда же это взялось? Раз уж сам не заметил, когда снимал, значит, оно так само по себе и существует «в природе вещей».

Вот отчего радостно заниматься фотографией и отчего расширяется глаз: хорошо, очень хорошо, когда сам что-нибудь сделаешь новое и прекрасное, но лучше бывает, когда убеждаешься, что оно есть в самой природе вещей, и кажется тогда, что если бы удалось открыть какую-то завесу, то и всем это будет видно, что есть красота на земле, и в ней заключается смысл.

Красота на добро и не смотрит, но люди от нее становятся добрее.

6-го лил дождь теплый до ночи. К полуночи стало холодней. Трухануло снежком и остановилось до утра на нуле и рассвело — на земле вода не замерзла, а капли на деревьях все замерзли, прозрачные и живые...

8 Ноября. Первая пороша.

6-го ноября сутки лил дождь теплый, но облака возвещали похолодание. Было похоже на то, о чем говорят крестьяне: «Снег выпал на талую землю, значит, прочно». Вот как раз если бы сейчас выпал снег, то это и было бы прочное наступление зимы. Но не выпало снега, а только [нападало] настолько, что на земле вода оставалась незамерзшей, а кап-

ли на деревьях замерзали, прозрачные и как будто живые, — и не узнаешь, пока не дотронешься.

Мы охотились в Двориках. Снимать было нечего — до того все подготовилось к снегу: все было серенькое, последняя краска-кровь сошла с осиновых листьев, внизу — прелые, серые, слежалые; от кленовых золотых скатертей под деревьями остались красные нити листовых черенков, сам лист посерел и съежился. (Какие-то еще признаки вполне умершего леса: все мертво, засыпаны листвой муравейники, в копках тетеревов — листики, самый лист посерел; и весь лес сверкает ледяными каплями: не капли это, а лед.)

С 7-го на 8-е ночью выпал глубокий довольно снег, и мы весь день охотились: брусника из-под снега, подбеленные бороды (лишайники).

9 Ноября. После угара охоты по первой пороше (как человек, что орал в лесу!) теперь похмелье: оставшиеся клоки снега промерзли, окрепли и, по-моему, остались так до зимы, как и у людей иные воспоминания остаются до гроба.

Не забыть, что 8-го вечером было полнолуние и стало морозить, но вода от растаявшей пороши еще журчала и была совсем как после ранней тяги.

Ромашка.

Бывало, в ранней юности трепал я ромашку, гадая, любит меня барышня или не любит. Далекие милые времена! Теперь сама ромашка глядит на меня и гадает: любит он меня или не любит.

— Если он не любит, — думает-гадает ромашка, — то мимо пройдет, если заметит, сорвет.

И правда, у людей так всегда: если нравится цветок, то его почему-то непременно надо сорвать.

— Непременно сорвет! — думает-гадает ромашка.

И все-таки ей очень хочется, чтобы он ее заметил и пусть даже сорвал.

Ведь она-то его любит, а если любишь, то и не жалко, если любимый сорвет, возьмет к себе и будет трепать, как я когда-то трепал свою ромашку в ранней юности, <*зачеркнуто*: угадывая, любит она меня или не любит>.

10 Ноября. –9°! Вот почти и зима! В лесу на деревьях одни только скрученные темные листики. В свое время, когда все вокруг было зелено, их подранило какое-то насекомое и уложило туда, в ранки, свои яички и закрыло все паутинками. Листик стал подсыхать и закручиваться. И так всегда на деревьях, лист, ягода, плод всякий, если не вовремя зажух, то и присохнет, и ни ветер, ни дождь им нипочем. Так и теперь, когда весь лес опал, так и тут видишь, как треплются эти серые скрученные листики. Если очень тихо, то далеко слышишь шелест в лесу, это гаечки раскручивают сухие листики и выбирают себе на пользу то самое, для чего когда-то был ранен и загублен лист.

(Так записано Петино наблюдение. Вот и надо именно так наблюдать, как бы читать жизнь природы.)

11 Ноября. Ночью легкая пороша. Мороз потеплел: –3°.

Если уцелеет наше государство, то дело (анархическое) нашей старой интеллигенции войдет в него как посев («сейте разумное»). И вера и оптимизм таких, как Яловецкий, Перовская и др., в том и состоит: они верят, что те семена взойдут.

Директора производств, имея власть уволить плохих рабочих, не увольняют их, а уговаривают, на эти уговоры и тратится основное время директора. Вот этого не покажешь, а это и есть наше лучшее. (Кажется, только в лагерях и в военном деле нет уговоров, зато только там и делают хорошо. Боюсь, что система уговоров именно и приводит к необходимости лагерной работы.)

В С. И. Огневе я угадываю сопротивление и недоброжелательство к проявлению личности в какой-нибудь личной и новой форме. Его личный пафос в том, чтобы в чистом виде удержать форму прошлого. Впрочем, такие люди настолько культурны, что не только не станут препятствовать проявлению новой формы, но постараются даже и виду не показать какого-либо неудовольствия. Этими людьми, вероятно, Англия держится, но у нас это такая редкость! Думаю даже, что теперь и нет у нас другого Сергея Ивановича.

Противоречия такие, что одно исключает другое, встречаются постоянно и в человеческом обществе, и в природе: они указывают яснее ясного на то, что ни у людей, ни в природе нет истины, правды, а что она делается всем существом в мире с надеждой на будущий какой-то конец всему, когда все будет сотворено, истина, правда и красота.

Лейку я ношу постоянно с собой на тот случай, что если встретится такое, чему никто не поверит, то я сниму и покажу. Так вот, не будь со мной теперь фотоснимков, никто бы не поверил, каким образом я нашел себе домик в Загорске. Да я бы и не пытался тогда рассказывать, все равно бы сказали, что конечно, это все я сам снимал. Правда, есть в жизни такое, о чем нельзя рассказать, а требуется все показать. Вот я для чего и ношу с собой маленький чудесный аппарат. Да, сказки, которые я создаю, были и у тех людей, которые боролись с пещерным медведем и рисовать умели тогда. Но чтобы снять моментально с одной тысячной доли секунды — это древним людям было бы чудесней, чем нам — их перо Жар-птицы. И мне хочется теперь такую современную сказку создать, чтобы в рассказе схваченные жизненные случаи действовали, как в старой сказке — перо Жар-птицы.

Вот было со мной в Сергиеве, когда я проснулся на другой день после приезда моего, на квартире у писателя Яковлева. Был заутренний час.

12 Ноября. Ранним утром, в предрассветный час, когда я в полной тишине ставлю сам самовар, пью чай и потом прямо от чая сажусь за пишущую машинку, я чувствую полное слияние бытия моего с сознанием, и о чем бы я ни писал, все равно написанное выходит из бытия моего, да, о чем бы я ни писал, все написанное мной современно. Нет более раннего утра, чем предрассветный час, и я думаю, что я самый современный писатель, никто-никто раньше меня не встанет, и в этот ранний час никто, как я, — разве только певчая птичка! — так не чувствуют святость бытия в момент перехода его в сознание.

Чувствую, что радость жизни моя аскетического происхождения: я не растрачиваю, я сохраняю жизнь в себе и так заставляю ее выражаться в сознании.

С. И. Огнев, русский барин, консерватор из палаты лордов, — как мог такой англичанин сохраниться и дожить до 21-ой годовщины Октябрьской революции? Как это случилось, что сам консерватор себя самого консервировал?

Вчера мастер Иван Иванович, разбирая вместе со мной вопрос, почему директор так терпеливо уговаривает рабочих работать и они все та́к плохо работают, сказал: «Не хотят работать, а каждый о чем-нибудь думает: или домик ему купить, или куда-нибудь попасть в очередь, или чем-нибудь спекульнуть. У каждого что-то есть такое, и будто и не [дело], а где-нибудь в стороне».

Никто бы не поверил, что на 21 году Октябрьской революции может сохраниться...

Не красна изба углами — какие тут углы в моей избе! Не красна и пирогами — неважные у нас пироги. Моя изба красна согласием: я нахожусь под башмаком.

День просверкал алмазом, и весь день на нежно-голубом зимнем небе провисел бледный обрывок старого месяца.

13 Ноября. Пороша ночью мелкая, похожая на сахарную пудру. С –5° упало до –1°.

Вчера весь день солнце и мороз –5° при солнце греющем напоминали или весенний утренник, или в снегах на горах. Снимал замерзание воды и репейники.

Продвигаю «Этажи леса» и фотографии.

«Елецкому» написал о его сочинениях, что: 1) несвободен в языке (мучит литературностью природный язык), 2) не по времени его «дневник»: весь скептический яд старой интеллигенции, разлагающий церковь, армию, быт «мещанский», взяло на себя теперь наше новое государство и тем избавило нас от хлопот. То, чего мы раньше добивались анархически, т. е. лично, всякий на свой лад, теперь того же самого добиваемся мы организованно и при поддержке больших разрушительных механизмов.

Нужны ценности положительные, чувства небывалые, мысли, подчиненные великому целому, — вот что должен теперь давать писатель.

Вчера день просверкал алмазом, и весь день на голубом небе провисел бледный обрывок старого месяца.

Глава N-я: Сказку делать — это не математика. Тут идешь наугад, и если не выйдет, запутаешься, то это, значит, от того же самого, от чего запутался в лесу: взял неверный путь. Но зато если выйдешь, и сказка получится, то ценится это много больше, чем вычисления в математике: тут ведь знаешь, что выйдет, а в сказке на счастье выбираешь путь.

Есть люди, которые раз в жизни устроились и начинают работать, создавать новые ценности, — это люди-производители. И есть, кто всю жизнь устраиваются, — это потребители, ни то ни се, мещане.

Одна из глав, описывающих мой дом, начинается так:

— Не красна моя изба углами — какие тут углы! окошки, двери слеповатые. И пирогами тоже не похвалюсь — не в пирогах дело. Моя изба красна согласием — вот это да!

Нет — изба хороша и пирогами.

Грачи, галки, вороны приспособились к «Сталинцу» и берут червей, не обращая [внимания] на гром и свист. Зайцы поняли пользу для себя резиновых шин и по следу автомобилей удирают от гончих, а мы?

14 Ноября. С ночи в день перешел нуль, и к вечеру дошло до +2°. Мы гоняли по белой тропе в Бужанинове, и к вечеру стало черно. Петя убил 4-х зайцев.

Дать сказку в игрушке — одна из задач Института игрушки (Сходить в Институт познакомиться через Яловецкого с соседом Олешкиным).

Мое старинное чувство, что как я (марксист) пришел к необходимости семьи, чтобы стать самим собой, и так создал себе и семью, и дом, и родину, — будет когда-нибудь общим для всех переживанием, ныне осуществляемым. Советский праздник 7 ноября становится семейным праздником. Добрый молодец возвращается в отчий дом. Но рано или поздно в такой же семье родится новый молодец, для которого пути будут расходиться (потому что семья дви-

жется двумя силами: 1) Малого дела — внутрь рода, 2) Большого дела — из рода (из государства)).

15 Ноября. В круге Малого дела все живет не только без перемен, но и стремится навязать это всем и каждому, быть как было и быть как все. Заяц хочет быть, как были зайцы, каждый заяц хочет быть как все зайцы, и грач — как грачи, и вороны — как вороны. Вот была соха, была телега, грачи ходили за сохой, заяц удирал от охотника по дороге, пробитой телегой, и в колее скрывал свой след от гончей. Ныне, несмотря на весь рев, свист и гул, грачи, галки, вороны идут так же вплотную за Сталинцем, как шли за сохой и плугом, а заяц в широком следу автомобиля скрывает свой след. И зайцу от широкой резиновой шины, и грачам от Сталинца достается больше, но если бы их спросить, они все бы были против и Сталинца, и автомобиля.

Так что глава моей моторизации и индустриализации Загорска должна изобразить это как новые условия этой же самой жизни (грачи остаются грачами).

Есть люди, которые один раз в своей жизни устраиваются и потом работают в этих лично для себя созданных условиях. И есть люди, которые вечно устраиваются.

Есть производители по своей природе и есть потребители.

Ест люди, направляющие свои силы к перемене условий жизни людей, и есть, которые просто живут и с неудовольствием приспособляются к переменным условиям.

Лева, как тип партийца, сам лично ничего не умеет делать, но вмешивается в работу других, набирает власть и организует. (Такой же был Гронский и др.)

Если вдуматься в его натуру, то можно все понять в наших партийцах (народных). Петя, напротив, тип работника «спеца». Петя непременно консерватор (накопляет в себе и сохраняет знания, культурные навыки). Лева знать ничего не хочет, он господин, парт-человек. Моя тяга в Москву поражает Петю. Тяга Павловны сохранить дом — поражает Леву.

Конец какой-то главы:

Какие ни есть дети, а все-таки это свои дети, и было хорошо нам вместе охотиться и вернуться к столу, уставленному скромной, но вкусной едой. Мне хотелось сказать что-нибудь хорошее Павловне.

— Лада! — сказал я. — Ты за то Лада, что дочь согласия. Изба наша не красна углами, не красна и пирогами, но зато красна согласием.

Павловна повеселела, глубоко проникла в нее сокровенная ее мечта удержать нас всех возле себя (потому и с невестками ссорится). И она ответила мне, гордая и довольная:

— Нет, все-таки изба красна и пирогами.

В удавшихся своих сказках я люблю себя самого, они поднимают в хорошую сторону мое самомнение. Но в детях своих мне доставляет неудовольствие, когда я узнаю себя. Я не люблю в Леве ту энергию, которая движет меня из глуши в Москву.

Жень-шень начинается словами: «Новой лучшей жизни на земле» — А. М. Коноплянцев против: «Новой лучшей жизни на земле быть не может». Это яркий пример центростремительной силы грачей, галок.

Лева у нас может все достать для семьи, достанет и себя не забудет.

Религия — это воинствующая центростремительная сила. Большевизм — воинствующая центробежная.

Грибы сушат так, что шляпками вниз воткнут на лучинку, и конец лучинки втыкают в песок — и в печку. Тепло в печке вверху, и чем лучинка выше, тем гриб сохнет лучше. Иногда хозяин берет лучинки подлиннее и пересаживает гриб <u>повыше</u>: грибу же лучше, скорей высохнет, но сам гриб по своей доброй воле ни за что бы не согласился переместиться повыше. Так вот и люди: их надо было пересадить повыше. И вот пришли большевики, пересадили. «Прощайте! — сказали им пересевшие грибы. — Теперь больше вам делать нечего, теперь мы сами высохнем». И те прежние большевики исчезли вместе со всей интеллигенцией старой России.

Все, чему учила хорошему трагически погибшая на наших глазах интеллигенция, должно воскреснуть в новых поколениях и материализоваться. Некоторые и живут теперь этой верой (Перовская, Яловецкий и др.). Нечто вроде веры простого человека в загробную жизнь.

Мы с женой друг другу ни в чем не обещались и жили на счастье до тех пор, пока дети сдали последние экзамены в средней школе. Тогда настала необходимость для детей или благодаря детям узаконить нашу связь, и мы пошли в Загс и потом торжественное справили свидетельство. С этим торжественным днем совпало, что жена моя стала меня считать тоже своим сыном и всем нам вместе постоянно [говорить] «вы». Это было очень досадно для меня в иных случаях: Петя набьет голубей в деревне и за это... А мне говорила: «Вот я вам всегда говорила». Словом, она всем трем нам стала матерью, и мы все трое стали называть ее мама Павловна.

На 15-е. Купить (Аксюше) детскую клеенку для обивки футляра камеры.

Сюжет охотничьего рассказа «Враг»: зайцев гоняли, а он сейчас неграмотный и газету читает. «Хорошо!» — говорит.

16 Ноября. Вчера к вечеру переехал в Москву. По пути «ячейка» пела: девушки так нажимали, что голова в прическе и берете клонилась в сторону кока, а на шее с другой стороны наливались до черноты и выпирали жилы. «Стахановец» каким-то чудом, быть может, по Тургеневу или [кому-то еще], приобрел манеры светского льва и пользовался ими среди девочек. Губернская дама важная появилась и села и ошеломила всех: долго смеялись.

Вчера вечером в Москве был у меня Вальбе, критик из тех, кто по существу-то ни в сон, ни в чох, но принюхался к литературной среде, кое в чем разбирается и этим кормится. Он говорил о Горьком, о его упрямстве и торжественности.

И как только мы с ней сошлись, так и начали заживать наши раны. И мне было как доброму молодцу в сказке: были ему три дороги, и по всем путям — смерть, но добрый мо-

лодец не побоялся и поехал... Так вот и стало мне, будто добрый молодец домой вернулся и погибельной дороги не перепугался, а вел сам детей к дому. И когда шел домой — был лес...

Когда пишешь от своего лица, надо иметь постоянно в виду общее, т. е. то, что всем свойственно, и это общее передавать как личное переживание. В таком случае «Я» будет иметь смысл как бы личной своей заявки в каких-нибудь там золотых или других россыпях. Так что «Я» условно должно быть личное, но не индивидуальное, как, например, у [Слепушкина] постоянное: «Мне грустно» и проч.

С первых дней революции из деревни в город начали выходить грудастые девки с широкими спинами. Эти девки народят скоро других таких же грудастых в красных и белых беретах с прической «Перманент» и...

17 Ноября. Моросит. Делал фотографии. Появление Кристи: просит волков бить. Щекин просит в музей Тургенева и прочая суета. На завтра в $^1/_2$ 11 с Яковлевым к художнику Кузнецову, в 4 вечера Кристи.

Жестокость Сталина (чтобы слушались) точно так же находится и в составе религиозного дела (церкви) и в самом процессе жизни (смерть). Ведь только в виду смерти спешит набрать силу любовь. Точно так же и свобода гражданская возможна лишь при наличии деспотизма (если объявить свободу всем, то каждый сосед делается деспотом своего соседа). Вот почему и «египетское» житье.

Лось — она.
Захава, Евгений Вахтангов и его театр.

На Моршанск (Казанский вокзал), ст. Кустаревка, за ней «14-й километр» (д. Салтыковка — деревня новая, 3 км). Гринева Прасковья Андреевна.

20 Ноября. Родина (новый враг и старый враг другом).

Родина, как я ее понимаю, не есть что-то этнографическое, ландшафтное, неподвижное, к чему я теперь прислоняюсь. Для меня родина — всё, что я сейчас люблю и за что

борюсь, родина — это я сам, как творческий момент настоящего, создающего из прошлого наше будущее.

Натуралистами называют ученых людей, которые узнают законы природы: они меряют, вешают, анатомируют и ломают, как дети, чтобы узнать, из чего сделана игрушка. Но те, кто игрушкой [природой] пользуется для игры, кто любит природу страстно, всякого рода любители, спортсмены, художники, — почему-то не называются материалистами.

Солдат спит — его [дело] растет.

21 Ноября. Сегодня по термометру нуль и падает снег. На земле снег ложится на снег и не тает. А на липе снег тает, на каждой веточке капля — это значит, что липа живая и теплая, и оттого теперь вся липа в слезах.

22 Ноября. Солнце.

Запрос был на такую сказку, чтобы она могла быть людям как хлеб.

И уравновесить себя можно было лишь тем убежденьем, что моя сказка будет как хлеб.

(Вот почему радость о «Звере Бурундуке».)

Купить винного спирту, бочек и др., ремонт стоит подключения.

Завтра: взять 1000 руб. и справку в бухгалтерию Детгиза.

Ночью все капли на деревьях замерзли, с виду и не узнаешь, только догадываешься по воздуху и блеску, что это не капли, а лед. Утром ни облачка. Снег на елках в сосульках, и эти сосульки закапали. Казалось, после обеда, к вечеру будет мороз. Но вдруг повернуло: солнце скрылось, небо нависло серое, и все потекло.

Глава о Звере Бурундуке. Никто не понимает, чему я радуюсь: успеху детской книги своей, выпуск в 200 тыс. А я сделал с детьми: это Ярик?.. Я достиг, мое дело теперь как хлеб. (Все хотят учиться.)

Глава о борьбе: Все, кто был в то время моими врагами, теперь стали врагами народа. Но тогда они диктовали, вы-

давали себя за представителей революции. Некоторые называли себя урбанистами и повели борьбу с теми, кто писал о природе. Мои рассказы в детских журналах перестали печатать. Я же принял вызов и не стал писать о машине, я глубже в лес: ближе к истине.

23 Ноября. В Москве +4°.

Дела: 1) в 10 утра сберкасса 2) Динамо, Кочетков, 12 дня Детгиз.

Доренский Леонид Михайлович — К.0.31.58 (фотограф).

Наш союз был совсем свободный, и я про себя думал так, что если она задумает к другому идти, я уступлю ее другому без боя. И о себе думал, что если придет другая, настоящая, то я уйду к настоящей. Но никуда мы не ушли от себя, и моя настоящая не пришла: под конец жизни оказалось, что моя настоящая и была та самая женщина, с которой я жил.

Страшной, неразрешимой загадкой мне было всю жизнь, почему меня всегда пленяли женщины с мужским выражением. Меня к ним всегда тянуло, как магнитом, хотя я сам человек с ярко мужским выражением, люблю быть везде «сам» и опоры себе не ищу ни в женщинах, ни в начальниках. Такие загадки разрешаются <*зачеркнуто*: не> только временем, и не старость разрешает, а спелость. Придет время, встретится случай, и вдруг все разрешится и станет понятным. Вот этот случай встретился мне на одном большом строительстве... Я увидел там в большом начальнике за столом с двумя телефонами женщину в кожаной куртке, ее звали товарищ Клавдия. Клавдия, одеколон.

Так вот и разрешился вопрос, почему меня тянет к женщинам с мужским выражением. Потому что скрытая женщина там еще больше женщина, чем обыкновенная, и победить ее еще труднее: приходится побеждать вооруженную женщину.

Я подошел к ней... И вскоре она пришла ко мне со своей огромной собакой, предупредив меня, чтобы я не делал в ее сторону случайных движений рукой.

Мы сели пить чай.

24 Ноября. Когда я покупал этот домик в три окошка на улицу, я покупал его по недостатку квартир. Мог ли я тогда думать, что мне такой домишко достанется в удел, что это и будет мой настоящий дом. Но проходил год за годом, и теперь, за двадцать-то лет больших советских, наполненных борьбой неустанной за все, что любил, во что верил, в маленьком домике не осталось квадратного вершка, на который бы не ступила много раз моя нога. И домик оказался моим настоящим домом, стал необходимым основанием того большого дома, о котором я думал всю свою жизнь.

Однажды весной, самой ранней, меня так потянуло в леса далекие, далекие — в леса так в леса. И я поехал с Петей на север по железной дороге, когда вскрылись реки, мы ехали по рекам на пароходе, потом по маленьким речкам на лодке, и дальше настоящим лесом мы шли пешком к Зырянской границе на реке Мезень.

Что мы видели? — я об этом рассказывал, а сейчас я хочу рассказать о том, какими глазами мы смотрели после того леса на лес наш подмосковный.

Завести тетрадь «Тургенев».

— Многие, с кем я говорил о Тургеневе, при общей несомненной симпатии, обязательной для культурного человека, держат про себя секретное чувство как к писателю более легкому, чем Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков. И я сам часто замечал за собой, что Тургенева как-то легко забываю, тогда как Гоголя, Толстого, Достоевского все, что раз прочитал, не забыл, и когда вновь читал, то все прежнее помнил и прибавлял новое! Вследствие этого я тоже про себя относился к Тургеневу так себе, в глубине души считал его легким писателем. Мне и в голову тогда не приходило, что, может быть, не он, Тургенев, легкий, а я как читатель, отравленный этическими сгустками нашей русской литературы, почти что религии, а я — читатель тугой и не воспринимаю красоту?

Клавдия. Долго непонятно, прямо странно мне было, — рассказывает некто с актерскими данными, — скажу прямо, даже загадочно...

25 Ноября. Рапп: разобрать, из каких элементов состоит это явление, свойственное русской общественности (литературной) во все времена (и до Раппа, и теперь). В нем и поповское начало (религия), и еврейско-эгалитарное (семинарист Воронский, женатый на еврейке).

Отношения мои к N (еврей) были такие же приблизительно, как к телефону: нет ничего более несносного, наглого, назойливого, чем телефон, вспомнишь одно, как отрывают от мысли, и на ваш ответ: «Слушаю!», спрашивают: «Университет?» или «Гараж?». Что-то подобное было у нас в отношениях с N, как с телефоном. Но в то же время и нужен же телефон и... в современной жизни, кажется, нельзя без него обойтись.

Падая в непостижимую, безмолвную вечность, уже созерцая в себе ее величие и непостижимость, человек хватается за минутки жизни. И мы не понимаем в это время, что при встречах с нами такой человек за нашу встречу хватается как за соломинку жизни и... (Воронский погибал...)

Надо глубже проникнуть в этот союз еврейства с семинаристом: какая-то обезбоженная церковь.

27 Ноября. Нам, ребятам, когда-то казалось, что они что-то знают и тем знанием или верой они живы и бессмертны вроде Кащея. Но теперь оказалось, что их вера и вечность были в рубле, что рубль — вечен, в это одно они и верили. До того ведь дошло, что когда у Сундукова дом отобрали, он рядом выстроил другой, простой, не каменный и хуже, и когда этот отобрали и он выстроил еще, похуже, то стало понятно для всех, что Сундуков глуп и дальше веры своей в вечность рубля не идет.

История Сергеева — есть индустриализация, я тоже завожу машину, чтобы стать поближе к лесам.

Однажды было, я вышел на путь, пересекающий лес, и увидел из леса вагоны, в каждом окне вагона сидели люди разные и смотрели сюда, в лес, все одинаково, с одним и тем же прекрасным выражением лица. Только на Бетховене в больших концертных залах я замечал таких людей — рав-

нялись тоже между собою, лица прекрасные и уродливые существовали в чем-то общем. И тут я вспомнил эти же самые прекрасные тогда лица из окон вагона, задушевные, глядели в лес. Мне казалось, будто каждый из них глядел в лес из вагона, поняв свою сказку.

И когда я теперь сел в вагон, и старый Берендей прислонил горячий лоб к неприкрытому окну вагона и стал глядеть на запасы Берендеевых болот с торфоразработками, то вспомнился мне тот поезд с прекрасными лицами, и мне пришло в голову, что сказка, конечно, находится непременно в самой жизни, что она есть составная часть жизни.

Какой-то вполне деловой человек [с ушанкой] и в валенках с тяжелыми резиновыми калошами не глядел в лес.

Всем на улице у нас по вкусу пришлась кличка «Сват», придуманная мной для гончего щенка — чуть задумаешься, а он забрался к жильцам. «Сват!» — кричит одна, и другие оглядываются, потом люди оглянувшиеся думают, что их зовут, а поняв, хохочут и сами кличут: «Сват, Сват!»

В молодости трудно помириться с тем, чтобы жить без темы жизни, без плана. А потом часто оказывается, что не только без плана жить можно, без идеи, а даже и за кусок хлеба, просто, как животное четвероногое, как птица, ящерица, стрекоза и муравей, можно жить и человеку. Но трудится муравей, и кажется нам, что он не один. А Ив. И. работал как муравей и чувствовал себя одиноким и, как птица, подбирал корм, оглядывался в постоянном страхе, не схватили бы его...

На рассвете был такой легкий морозец, что нигде на земле его не заметили, только в воздухе на сережках ольхи, на почках тонких веточек замерзли большие, светлые капли. И не узнал бы даже, что это не капли, а лед, да уж очень-то они велики...

Изобразить Рапп как Кащея.

Рапп моей юности: мы верно думали, что мы — конец и начало; неверно было представление, что это движение от конца к началу вмещает движение всего мира. После оказа-

лось, что мир движется сам по себе и по кругу, а наш поток прямой – это поток внутрь круга мира.

28 Ноября. На сказку и на всякого рода искусство огромное большинство людей смотрит, как дачники на природу: сказка и всякое искусство, как дачная природа, существует для отдыха. И наш труд сказочников они считают тоже полезным трудом, потому что благодаря нам они отдыхают. Сказка – пустяк! а поди вот: отдохнет человек и больше сработает, значит, сказочник тоже пользу приносит.

А для кого же эта «польза»? Конечно, для рода; в чистом виде это у Петра Михайловича: он живет для семьи, вся Сизифова работа – устроить семью. Сам же он знает, что пойдет в лагеря, именно за то пойдет, что хороший работник. (Конец Сундукова.) Это религия жизни, это вечность: так он продолжает себя. И к этому приходят все простые люди, рабочие – к семье. Они приведены к этому.

Корнеев Петр Михайлович – последний в роду (смысл труда).

Налетов Касьян – счастливый человек: из фельдшера-ветеринара сделался сейчас зубным врачом, а потом и доктором, ездит на коне, пчелы и все множество способов извлечения средств жизни: язва его – сын.

Григорьев – белая мышь.

29 Ноября. Петя вчера не приехал, и охота сегодня не состоялась. Лева заключил в Орле договор на издание рассказов охотника.

Были, конечно, были у меня друзья, которые тайно мне помогали, иначе как же мог бы я один победить своих врагов. Я их не знаю, этих друзей, но узнаю их в каждом хорошем человеке, которых нередко встречаю и радуюсь им. Да, теперь, под старость, я очень мало могу назвать таких людей, которых бы мог определить как друзей. Но зато я знаю, что нет на всей земле уголка, где бы я не встретил хороших людей, готовых делать для меня то же самое, что и друзья.

Моя книга «Большое гнездо» будет в скобках называться еще и «книга о хороших людях».

Большое гнездо
(Книга о хороших людях).

30 Ноября. Только бессилие гончей догнать зайца вызывает у нее лай, она неустанно кричит, зовет на помощь охотника.

На небесах, конечно же, нет ничего, но до чего же хочется подняться и поглядеть — и надо подняться.

Попали в Редриковы горы, и оказалось — это не «горы», а деревья на холме. Как-никак, а подняться на машине не могли. Выходной день, заяц понял, что в лесу ему не найти покоя, и сел на шоссе: всюду видно, машина идет — прыгнет в куст, и опять сядет на вид. Как Петя без ружья отбил зайца у 6 охотников: когда сказал: Пришвин, охотники ему и говорят: «Почему же вы это сразу не сказали?»

Весь день, как все эти дни — все серое: и земля, и лес, и вода, и небо, все безразлично. И весь день через час по столовой ложке слетали крупинки пороши. Так вот даже эти крупинки вносили разнообразие. Трубач ушел за лисой, и мы зря простояли три часа.

...Только бессилием гончей объясняется, что она, когда бросается бежать за лисой или зайцем, начинает лаять: невозможность догнать вызывает из нее звук, призывающий себе на помощь. Люди этой слабостью воспользовались и стали подбирать и воспитывать именно такую собаку, чтобы догнать не могла и звала на помощь. По звуку собаки охотники понимают круг бегущего зайца, становятся на лазах и убивают. Когда собака по следу прибегает к убитому зайцу, ей всегда за труды дают лапки (позанки).

Сказочник (или поэт) в человеческой жизни тоже как гончая: самую жизнь он чует и желает больше других и бежит за жизнью, и не может догнать ее и зовет на помощь к себе. Его стихами, его сказками все пользуются и догоняют жизнь, и убивают и ловят своего зайца, а сказочника и поэта тоже не забывают и дают ему лапки (позанки).

Жить как-нибудь надо, поэт и лапки берет, поест и опять сочиняет стихи и сказки.

Но среди гончих попадут умные с быстрыми ногами, поняв, что хозяевам достали зайца, а им только лапки, они в решительный момент смелеют, схватывают сами зайца и съедают. Коротка бывает расправа с такими «молчунами»: раз! из ружья и готово. В человеческом обществе такой расправе с молчунами-поэтами мешают гуманисты. И потому множество умных и бездарных «молчунов» прямо сами же живут своей поэзией и хорошо устраиваются, и долго их терпят, и многие успевают так всю жизнь прожить, и только после их смерти, впервые поймут своих молчунов...

1 Декабря. Заседание Тургком. Возвращение в Загорск. Пороша.

Психология «отрыж»! Звук происходит от слабости, но силу получает бо́льшую, чем от которой он и начинается.

Разве можно видеть, когда хотят показать. Рост городов.

2 Декабря. Пороша ничтожная, хуже, чем чернотроп. Погода безликая: все серое, как и все это время.

Отрыж!

Сила в звуке. Мы боролись с Трубачом за обладание убитым зайцем: он считал его своим, потому что он целый день его гонял. Я же считал своим, потому что я его застрелил. Он тянул к себе, я — к себе, пока, наконец, Трубач понял, в чем дело и, бросив зайца, кинулся на меня. «Отрыж!» — закричал я ему и хватил его попавшимся под руку колом. Он отошел от меня угрюмый и пасмурный. С тех пор в это слово «Отрыж» собралась моя сила, и эта сила стала больше, чем прямая сила моего «могу» в борьбе с огромной собакой. И так постоянно бывает, когда я убиваю зайца: Трубач бросается и хватает его, и если я тоже брошусь к зайцу и схвачу его, то Трубач одолеет меня, вырвет зайца и с ним убежит. Но стоит мне крикнуть «Отрыж», как он бросает его. И вид его бывает, когда я забудусь и пробую вырвать у него зайца, какой-то презрительный ко мне. Когда же я крикну «Отрыж», он гнется, ежится, приземляется, как Мефистофель, когда ему в «Фаусте» показывают крест.

Моя сила в слове и будет пребывать в нем всегда: даже если когда-нибудь в глубокой старости я не буду в состоянии поднять зайца, а крикну «Отрыж», и он послушается меня, потому что я для него высшая сила, я — бог!

Молодая лисица, играя, таскала во рту сучок с развилиной, может быть, думала, что другая молодая лисица ввяжется в борьбу с ней за сучок. Сорока же думала, что это она кость носит, и скакала за ней и подбиралась. И раз лисичка оставила сучок и прилегла возле. С хитростью делала она это или нет — трудно понять. А сорока поняла, что лисица уснула, подскочила, хвать за сучок, а лисица хвать за сороку. Хорошо еще обошлось, у лисицы в зубах остался только длинный радужный сорочий хвост. Тогда собрались сороки возле бесхвостой и принялись стрекотать. И в самом деле, у сорок хвост весь упружистый, длинный, переливчатый — радужный, прекрасный. И вот она без хвоста. И как же опростоволосилась умная сорока: хоть бы из-за кости, а то из-за простого сучка лишилась всей своей красоты. Это бывает и у нас тоже, у людей: выкопаешь яму кому-нибудь, а и сам в нее же и попадешь.

Коля Дедков.

или например, Борис Алексеевич Ермак и всякий самоотверженный коммунист в борьбе своей за (что?) забывший себя самого, свою личную жизнь. Сказать такому, как я говорю, «будь самим собой» — это значит вернуть его на какую-то низшую для него ступень. Напротив, если он художник, то ему высшая заповедь в том, чтобы самим собой быть. То дело — Большое (экспансия), это — Малое (возвращение в дом, родина). Так что в то время, когда все боролись за расширение круга жизни («поближе к редакциям»), я звал на родину.

Коле приходилось бороться на два фронта: с настоящими, природными врагами коммунизма и с теми, кто именовал себя коммунистами, а жил для себя.

Есть люди такие деловые, что им невозможно по самому ходу дела (каждое мгновенье в деле) читать серьезную литературу или философию: от этого бы дело пострадало.

А чтение второго сорта, текущая литература, — все это, вся эта вертлявая мысль невозможна и прямо порочна для них.

Перемены за 12 лет в Загорске: рост городов. Конкретный материал: семья Карповых (спросить у Павловны о других). Это связано с учением, с техникой.

Разве можно что-нибудь видеть, когда показывают?

Пришел человек, художник (Бострем), и начал меня сбивать: совсем не обязательно «вперед». (Его семья победила: победа одностороннего лозунга «к лесам».)

Неизбежна каждому смерть, но пока далеко, никто о ней не думает и живет как бессмертный. Так жил прежний русский человек и в отношении закона: неизбежен закон, а пока меня не коснулось, поживу без закона.

— Всем закон придет! — сказал Петя.

4 Декабря. К начальникам я отношусь, как к телефону: мешает он мне работать до крайности, а без телефона нельзя.

Могу вспомнить свое детство, когда еще Тургенев был жив — и то время теперь сравнить, например, с тем сравнительно очень недавним временем, когда у власти был еще Луначарский. Так вот, мне кажется теперь, что от Луначарского до сейчас — больше во много раз души моей было в деле, чем от Тургенева до Луначарского. А подсчитать — там будет лет пятьдесят, а тут всего десять. Можно ли, значит, жизнь годами считать? Не годами я считаю, а книгами, сколько, как и когда написал — в этом и счет.

А то вот еще часы — какая это ужасная вещь, если вглядываться в них, вглядываться, вдумываться. И самое страшное в часах, что они построены на счете всей жизни планеты, что не только это мои часы проходят, а и всей планеты, что и она тоже умрет. Можно жить, имея в кармане часы, только не обращая на смысл их никакого внимания, не замечая, а пользуясь ими, как счастливый юноша для свиданий... и старики, чтобы вовремя хорошо пообедать, вовремя отдохнуть, вовремя пойти на прогулку или что-нибудь сделать по мере сил.

Если бы знала девушка, что непременно будет рожать и что их у ней будет шестеро, а муж будет пить, а она будет 8 часов на службе, а потом забирать чужое белье и ночами стирать на чужих, шить на своих — то не пошла бы замуж. Нет, она рассчитывала, конечно, на счастливую личную жизнь, когда выходила. А которая все это поняла и учла и не пошла, то, оказывается, и она тоже не выгадала: с виду живет, конечно, легко, но в тайне души грызет вечно тоска о том «счастье», которое мелькнуло ей, и она не посмела его взять.

В поисках темы вот что бывает ужасно: что, кажется, вот нашел себе тему, наконец, и пришел желанный человек, и ты его изобразил, и думаешь, что вот теперь найден секрет, больше не надо искать, а только сидеть и работать. И случилось как-то между делами — взгляд упал на яблоко, и захотелось его написать, и когда написалось яблоко в совершенстве, то оказалось оно лучше того лица человека, которое столько лет ждал. Может быть, и не яблоко, а даже муха попалась, и оказывается тут ужас какой: что все равно в совершенстве написанная муха может значить больше, чем желанное лицо человека. Утешение жестокого искусства лишь в том, что если бы ты не тратил себя на поиски желанного лица, то и муху тебе в совершенстве написать не удалось бы. Так что труд поисков не напрасен, надо непременно искать, надо даже прямо тему ставить и план, только надо помириться с тем, что найдешь, может быть, совсем не то, что искал.

5 Декабря. Внутри СССР скрытое устремление к роду, такое же, как у фашистов, только песня другая.

Идет человек и поет — нет в песне того, куда и зачем он идет, он идет по делу, а песня поется сама по себе. И так многие делают одно и то же, а песни у всех разные. Мне же надо, чтобы и дело и песня сошлись, как в книге Бюхера «Работа и Ритм»: к этому счастью, мне кажется, когда-нибудь и добежит Род человека.

Охота 5-го. Дятел дорогу в елке проделал, думая — найдет червяков. Но ничего не нашлось, и дереву пришлось ле-

чить эту рану. Долго лечило оно у себя болезнь, ароматную смолу, весь ствол донизу залило белым. Но болезнь не проходила.

История групп... лесник.

Ходили в лесу — было пасмурно — и ничего не видели, но солнце пробилось сквозь дымку, и все показалось.

Солнечный день — весь день. Убили 3-х зайцев, 4-го ранили, и съел Трубач. Всего поднято 8 зайцев. Убил глухаря и рябчика.

Надо в солнечный день пойти в лес и, переходя от дерева к дереву, записать множество историй, например: Дятел пробил дорогу в сосне в надежде найти червячка, но не нашел ничего: ошибся. Тогда дерево стало лечить свою рану, выделяя, как лекарство, ароматную смолу. И вся нижняя часть молодой сосны была залита до земли смолой, но рана не зажила. И рост дерева остановился. За это время, пока сосна лечилась, под ее покровом успела вырасти елка и обогнала ее, и когда оставалось еще немного, чтобы сосне выправиться, на нее пала тень елки, и сосна умерла, и к ней, уже мертвой, прислонился муравейник.

N. говорил, что «никого не осталось, только Сталин и с ним несколько автоматических фигур». — «А при Петре! — ответил я, — при Грозном разве кто-нибудь оставался, кроме автоматов?» В такие эпохи, — да, бывают, повторяются такие эпохи, — каждый человек, таясь в себе, делается своего рода самодержцем (в своем кругу).

— И потом, нам-то, народу, быть может, и лучше, если «никого не останется, кроме Сталина», т. е. поменьше будет претендентов на трон: они же нам денег стоят. И пусть будет «жить начальство в страхе, а не мы», и прочее.

Когда я купил домик свой, он был под номером 75 на Комсомольской. После номера переменили, предупредив нас за месяц, и у меня стал номер не семьдесят, а восемьдесят пять. К этому второму номеру я некоторое время себя приучал, и, наконец, эта цифра 85 стала такой же моей личной цифрой, как раньше была 75. Недавно же новое на-

чальство наше городское поступило проще, чем старое: однажды утром без всякого предупреждения я написал номер 85 в своем почтовом ящике, а у меня на моем доме был прибит новый номер 81. После этого я понял, что напрасно я привыкал к номеру 85 и что вовсе не стоило тратить себя на привычку к номерам. Мне стало легче, и теперь я пишу 81, и все выходит совершенно так же, как и когда был номер родным.

Смешно было смотреть на соседей, когда в первый раз менялись нумера (и пр.).

Давно ли — года нет! как все кругом возмущались, что закрыт театр Мейерхольда. А теперь уж, когда видишь в чем-нибудь ошибочное, неверное, то говорят: «Вот как раз в этом была и у Мейерхольда ошибка». Так что изгнание кого-нибудь тут же производит тем самым переоценку, соответствующую изгнанию, и, что хорошо, часто и забвение. Мейерхольд, говорят, уже получил назначение директора оперного театра им. Станиславского.

6 Декабря. В далекое досоветское время мой дружеский и семейный союз с Павловной был вроде чего-то незаконного, и в «обществе» нам с ней было неловко. В то время для семейного счастья и положения в обществе требовалось некоторое равенство в образовании и происхождении. Теперь же, в советское время, все фальшивые цепи рухнули, конечно, хорошо считается, если муж и жена имеют высшее образование и в обществе могут одинаково хорошо разговаривать; но теперь хорошо стали понимать, что образование идет только в помощь, служит женщине средством борьбы за свою свободу, но Мать — это выше всего. Теперь и у тех старых людей, кто бывало, скрепя сердце, давно бывали у меня и смотрели на мой союз как на чудачество, словно повязка спала с глаз, и они же теперь дивятся на мою жизнь и считают умным за то, что я выбрал себе такую жену. Я теперь лавры пожинаю за то, что тогда на них не глядел... и только с ними в одном не согласен и сейчас, что я себе жену «выбрал», как выбирают себе лошадь или костюм. Нет, я сходился с женой, а не выбирал. А когда я сошелся

и от этого почувствовал счастье, то стал с этим счастьем круто обходиться и крепко держать его за узду и поступать так, чтобы я им управлял, а не оно бы мною. Даже и так я думал, что если оно и уйдет от меня, то ничего, а может быть, и так обойдусь, и, во всяком случае, никто меня никуда не уведет.

7 Декабря. Ницше сказал о женщине слова, возмущающие всех в нашем Союзе, что «идешь к женщине, бери плеть». Я же эти слова обращаю к славе, и получается хорошо и верно: «Идешь к славе — захвати плеть».

Заключен договор с воен[ными] — Вас. Арским и Александром Павловичем Иоанидисом о машине «Мазай».

8 Декабря. А. Островский — Тургеневские записки современников.

Эйхен 1909. Заседание Тургеневской комиссии. Решил писать Падун.

Падение Ежова (и стало всем ясно и все стали после того говорить: «беспризорник!»).

Визит Григорьева: к Федину и Фадееву-Молотову.

9 Декабря. Поездка в Загорск за: 1) Падуном, 2) <*зачеркнуто*: за> «Пиковой Дамой» и пр. 3) «Мазай и Зайцы».

Черт такой маленький, что залез в телефонную трубку и стал подслушивать.

Кто ездил по Волге и смотрел на нее из парохода, тот не видел ее целиком. Только весной во время разлива, где-нибудь в большой низине с речками, впадающими в Волгу, можно понять, какая [настоящая] Волга. Надо пожить в такой местности, где реки весной под напором Волги текут обратно и все затопляют. Люди тут приспособились, они оплели свои деревушки плетнями, окружили лодками, и вода смотрит на них, как лисица на виноград. Но леса затопляет, и только самые верхушки деревьев торчат, как кусты над водой. На эти кусты [всякие разные животные]... острова.

Такую местность описал Некрасов в «Мазай и зайцы».

В августе около Малых Вежей с старым Мазаем я бил дупелей.

Нам сказали, что теперь Вежи – зимовка, и живы потомки Мазая и спасают зайцев и лосей. [Так] о Некрасове вспомнили. И мы решили с сыном поехать посмотреть на Волгу настоящую...

В нашем охотничьем кружке Союза писателей создалась легенда, что будто Новиков-Прибой давным-давно знал Вежи и лет десять возил оттуда уток в таком количестве, что все изумлялись, все спрашивали, а он (хитрый мужик) улыбался и не говорил... легенда... и еще Алексей Силыч мне сам говорил, что [он лично принес] в жертву...

Вечером в $5^1/_2$ выезжаю обратно в Москву и в ожидании поездки думал: есть культура в смысле ее усвоения (потребления) массами, и в этом смысле «культурный» имеет одно значение, определенное, в смысле обязательства каждого достигнуть нормального образования и [понимания] времени. Другое – это культура в ее творчестве отдельной личностью, т. е. культурный человек – это личность.

И есть – для всего: забота о [насущном] всем... чтобы уборная правильно действовала...

А то надо создать условия для творческой личности, чтобы человек не пропал, тут сам человек и человечество, то и другое сходится с двух сторон в потоке размножения: государство поощряет, но человек един, и сам человек хочет быть самим собой.

10 Декабря. Насморк. Поправлял «Падуна». Вечером t 38°.

11 Декабря. Провалялся. Вечером поправлял переписанный «Падун».

12 Декабря. «Уничтожаясь, перестаю быть лишним» (Тургенев «Записки лишнего человека»).

Писательство есть самоуничтожение в том смысле, что как лишний человек у Тургенева: уничтожаясь, перестает быть лишним.

Ни в «Записках из подполья» у Достоевского, ни у Тургенева «Дневник лишнего человека», при всем желании авторов, у читателя не возбуждается симпатии к этим героям, читатель не находит им оправдания.

Только в «Жень-шене» оправдание лишнего человека сделано, и вот именно на том основании, что, уничтожаясь, человек перестает быть лишним — уничтожаясь, или предчувствуя свое близкое уничтожение, или раз навсегда остановившись на необходимости самоуничтожения. В таком состоянии, кратком в жизни и, может быть, длительном в поэзии («раз на всю жизнь»), человек чувствует необычайно резко радость и любовь к оставляемым предметам жизни. Этим чувством радости жизни и переполнен «Жень-шень» и все мои сочинения («помирать собирайся — рожь сей»).

«Лишний человек» по существу своему и должен быть конденсатором жизни, т. к. сам ею не пользовался, а только желал. Никто не догадался таким способом оправдать своего желанного лишнего человека — ни Чехов, ни Достоевский, ни Тургенев! Разве только этот намек Тургенева «уничтожить, перестать быть лишним», да вот Алеша Карамазов, да «клейкие листики» Ивана Карамазова.

Мне же удалось оправдать лишнего человека своей биографией: это я нашел себе такой выход сам и сам его описал. Мое писательство и есть выход и оправдание лишнего человека, т. е. превращение лишнего в личность.

Каждый человек должен в той или другой степени в жизни почувствовать себя лишним, и каждый этого лишнего должен в себе уничтожать и, уничтожая лишнего, сделаться личностью.

13 Декабря. «Три встречи» Тургенева есть вариант «лишнего человека», и, по-видимому, «лишний человек» распространяется на всего Тургенева, на всю его личность, в его семейном и общественном быту. И в России он лишний. «Пустая минута пустынника», о которой я пишу и так ее знаю — и есть родина «лишнего». У Тургенева — это отображение Гамлета. Моя же тема есть борьба с «лишним»

и его преодоление и победа: «Второй Адам» и есть «Лишний». В «Жень-шене» — путь победы: творчество.

А может быть, не уничтожаясь, надо сказать: а в творчестве я перестал быть лишним.

Лишний человек есть то, что каждый должен сам лично в себе преодолеть своим творчеством.

14 Декабря. Отправил иллюстрации своей книги в Орел. Кузнецов Константин Васильевич назначил свидание у него 21-го в 11 утра.

Тургеневская Комиссия у Тюркина (нарком просвещения). Простота: без чинов и орденов. «Ты» (согласование).

В ночь на 15-е стало холодать очень быстро (после снегопада). Телеграмма от Пети: приедет 16-го.

15 Декабря. −24°! (после −1—2°). По-видимому, кончилась безразличная погода.

Добыть машину.

Машины — это вместо рабов, и люди при машинах — тоже рабы.

Утром написал телеграмму о своем приезде в Загорск и о Петином приезде 16-го из Архангельска. За обедом в 1 час дня я вдруг почему-то вспомнил, что не написал в телеграмме, кому. «Задали вы мне хлопот с телеграммой», — сказала Аксюша. Она знает, верно, я не написал кому, и Аксюша приписала сама. Так со мной бывает, и даже не часами, а днями, неделями ношу в себе ошибку, сознавая внутри про себя, но не обнаруживая.

Решил пока что обработать начало «Большого гнезда» как самостоятельную «Сказку о покупке дома в Загорске».

16 Декабря. Утром приехали в Загорск: мороз −24°, ветер. В деревянном домике чувство зимы. Снимок с зайца в черном лесу: «Зимы ждала, ждала природа». А снега и сейчас — чуть припорошило. Вечером Петя приехал.

17 Декабря. Тот же мороз. Передача дома Павловне (ей это хочется). Удивление во всем городе. Мечты с Петей

о «Мазае». Новые лица в «Большом гнезде»: Камушек, Фролов (по собаке о жене), Егоров-старик. NB. Разработать хронологию с 26-го года по дневникам.

Чкалов погиб, и ему отдаются все почести, как герою. Но люди прекрасные частенько погибают сейчас у нас на глазах без всяких почестей, просто, как будто на твоих глазах люди проходят куда-то совсем «без права переписки» с оставшимися. Есть что-то великое, библейски беспощадное в этой непрерывной смене людей: уходят без благодарности, проходят, не оглядываясь на предшественников. Мало-помалу должна же прошибить всех мысль о том, что не в нас тут дело...

Мы ехали в поезде, на душе было так хорошо, что казалось всюду хорошо, но в нашем поезде случайно подобрались самые милые люди. Говорили доверчиво о самом лучшем, острили, смеялись. Между нами, никем не замечаемый, сидел тот самый, кто этой ночью разрыл могилу только что умершего от тифа человека, снял его новый костюм, надел на себя и ехал в Москву его продавать. Еще кто-то подсмотрел, что я небрежно обращаюсь с деньгами, и вытащил у меня 400 рублей. Может быть, и наверно тут были и другие, кто не участвовал в общем нашем веселье, но виду не показывал, и мы сами на них не хотели смотреть. Мы были в хорошем расположении духа, и оттого они были незаметны, если бы мы были в дурном расположении, то показались бы дурные. Вот так в течение революции [люди] и показываются разными ликами.

18 Декабря. По пути в Москву разговаривал с Бостремом. «Вегетарианский стол, — сказал я, — обходится раза в четыре дороже говядин». — «Раз в пять! — сказал он и словно чему-то обрадовался и продолжал. — А дороже всего... нищенствовать, один хотел, считая это за высшее благо, но тоже так говорил: а сколько оно стоит! Прекрасно, только невыгодно!»

19 Декабря. Власть происходит в Комиссиях, тут скопляются ценности, нечто вроде ренты, даются без усилий,

без труда, умный человек этим пользуется в смысле: «И человека человек послал к Анчару властным взглядом».

20 Декабря. Комиссия: сумбур о Тургеневе.

21 Декабря. У Кузнецова. Яковлев в панике: узнал, что в колхозах нет вожжей (съездил на волчью облаву и узнал, и с ним Леонов тоже узнал, что узлы на вожжах «в кулак»).

22 Декабря. Нашел в ящике рассказ «Кайзер» и подвел его к Новому году в «Известия» — вышло очень остро на немцев.

Погода вчера переменилась, мороз упал до −12°, и к вечеру пошел мелкий снег. И сегодня утром все идет. В 3,57 вечера выехал в Загорск.

23 Декабря. В 4 утра проснулся и вдруг вспомнил...
...кто-то в Клубе писателей шепнул мне, что будто бы арестован... Он назвал имя. Я изумился, я сказал, помню, с удовольствием: «Неужели и до него дошло?» А потом, когда вернулся домой, стал вспоминать, кто же это, и не мог вспомнить. Это было 20-го. И 21-го, и 22-го в Москве я все вспоминал, как в Лорелее, и не мог вспомнить эту «какую-то сказку древних времен». Только уже когда место переменил, переехал в Загорск, ночью вспомнил, наконец, что это Кольцов.

Собрались, будто тучи небесные, предчувствия, и после разговора с Петей не прояснилось, как бывает, а капнуло в сознание. Пусть в небесах по-прежнему неясно, но раз дождь, то все понимают: капнуло! Так и тут вдруг стало все понятно: эта причина, что мы всё в Китай отдаем, есть не причина, а последнее усилие порядочного человека объяснить разумно такое, чего нельзя уже разумно объяснить. Мы сами по себе развинчиваемся, мы погибаем.

Узнали 22-го вечером, что Василий Иванович Тишин умер от сердечного припадка под окнами своей квартиры.

23 Декабря. Вернулись морозы, было ясно, солнце и –22°. Но мы с Петей гоняли зайцев и лисиц возле Дерюзино.

Неотступно преследует тревога о нашем положении. Быть может, еще сколько-то протянем, сбрасывая балласт вроде Ежова и проч., но больше ничего не видно: упадок небывалый. Упрекаешь себя за попытки понять непонятное.

24 Декабря. Прочитал «Историю одной вражды» (Достоевского с Тургеневым): это упрек больного, бедного, несчастного человека здоровому, богатому, счастливому.

Кустики.

Некоторые люди при рассказе о страшном улыбаются. И эта женщина рассказывала о том, как молодой человек, перебегая путь, не рассчитал усилия и попал. Ему раздробило голову, а мать и сестра бросились на труп. «Я побежала домой, – улыбаясь, говорила женщина, – и мне было страшно, спешила и все не могла добежать». И улыбнулась. «А ведь близко же, – заметил кто-то, – вы совсем близко живете». – «Близко, – говорила женщина, – но по пути... кустики...»

И когда сказала «кустики», улыбнулась опять.

Запевка ко 2-й гл. «Большое гнездо».

Бывает, далекое прекрасное почувствуешь как возможное, и станет на душе светло и спокойно, будто домой пришел. Так, зимой замечтаешь о весне, что ведь придет непременно, и река любимая Нерль вскроется непременно, а там, у бабушки в Спасе, наверно, можно хорошо устроиться и жить у самой реки. А это же и есть самое блаженство: жить весной у реки.

И так зимой начинаешь приближать к себе далекое и переживать его, как будто оно уже здесь, возле тебя.

Хорошо! но это ведь только мечта, а самой весны нет, на дворе зима, и тебе надо брать это счастье зимы: лыжи, каток.

А то бывает еще лучше: далекое прекрасное здесь, где-то возле тебя, и ты свою близкую желанную минуту узнал, ты подвинулся к своему столу, взял перо и остановил мгнове-

нье, и оно стало так же близко тебе, как птице свитое гнездо — ты остановил мгновенье. Тогда долго перечитываешь свою сказку и не хочешь выйти из нее, как человек, создавший себе горячий огонь в собственном доме во время морозной метели, никуда не хочет идти от [родного] огня.

Да, есть что-то очень близкое к дому в этой сказке, но она колышется: кто-то сказал, кому-то не понравилось, явилось сомнение. И тогда оказывается, эта сказка была не дом, не жизнь, а лишь огромным желанием жить, таким большим, что заспорило с самой жизнью и стало вместо нее.

И все-таки это не жизнь, и сказка все-таки тоже не дом.

А вот я купил дом за свои сказки, он вышел, этот деревянный домик, отлично обшитый, из сказок моих, и это не призрак, не сгущенное желание, а настоящий дом, как у всех настоящих хозяев, и как у всех настоящих, у меня есть соседи, и я через это тоже как все. И какое же это великое наслаждение, наконец-то, наконец-то чувствовать себя не призрачным существом, сочиняющим сказки, а как все живые, настоящие люди!

Гронский и Цыпин.

Анализировать скандал мой в «Новом Мире»: ненависть к Гронскому и ненависть к Цыпину.

То, что есть прекрасного в «Записках охотника»... Достоевский...

Жизнь в своей прекрасной сущности, как она выразилась у Тургенева в «Записках охотника», преломляется в душе Достоевского как «клейкие листики» Ивана Карамазова. Счастливый человек, кто может обнимать жизнь, как обнял ее Тургенев в «Записках охотника». И бесконечно несчастлив, кому жизнь остается лишь в клейких листочках грядущей весны.

И так начинается расхождение людей, история их вражды.

Всю жизнь я писал, как тоже писали Тургенев, Толстой, Достоевский. «Но вы не Тургенев и не Толстой». — «И не хочу быть ни Тургеневым, ни Толстым, — ответил я, — хо-

чу быть, какой есть я сам». — «Не в том смысле я говорю, — поморщился П. — Я хочу сказать, что у Толстого было имение, и у Тургенева». — «А у Достоевского не было». — «Вы мне подаете мысль, — сказал П., — что одно и то же поэтическое стремление к природе при поддержке имения воплощается в "Записки охотника" и без поддержки — в "клейкие листики" Достоевского».

В сильные морозы маленькие птички, которых в другое время нигде не видно, обитают у корней стволов деревьев, одно дерево обскочет, перекинется к другому и к третьему — ищут они так умно себе семечки: ведь, конечно же, большинство семян деревья должны обронить под себя. А может быть, тут, внизу, и чуть-чуть потеплей, чем там, наверху?

Пьяному, конечно, никогда не совестно перед трезвыми, но бывает время, когда трезвым совестно перед пьяными, с тех-то и спросу нет: пьян! а ты вот трезвый, и если ты в уме, то укажи...

Когда намеренно хвалят, то мне всегда кажется, что это вышло по ошибке, и трудность возникает особенная: никак нельзя отказаться от похвал, все это примут за скромность; остается слушать, понимать, что обманываешь, и в таком трижды глупейшем положении прилично держаться.

Из-за чего старики, больные, разбитые, часто в креслах недвижимые или даже в гипсовых корсетах, работают до последнего вздоха? Это им жить хочется, несмотря на все болезни: это значит — жизнь хороша.

Тема: <u>человек един</u>. (И тот, кто ехал со мной в вагоне с узелком: в узелке был костюм, снятый им с человека, умершего от тифа — разрыл для этого могилу. Узелок вез в Москву, продавать.) «Человек един» — хорошая вера: молодость. Рационально взяться — чудовищно-разрушительная сила, отчего весь <u>человек</u> рассыпается на личности...

Пенсия по службе 50 р. (год), по прежней службе в Загорске (с Фединым): (открытку Проспект Красной Армии, д. 139, кв. 12, Загорск). Курьер Толстовского музея — 135.

26 Декабря. Прислать: 2 кг масла, дрожжи, мандарины, шампанское — московское.

Улица:

Какая-то страшная скорость жизни вне нас, и вот наивный узбек подхватил халат и пустился очертя голову в гущу, уверенный, что своей личной скоростью он обгонит общую скорость и перешагнет сразу улицу.

Но человек опытный, улыбаясь на узбека, шел, покуривая, совершенно спокойно, он даже иногда останавливался и вообще как будто стоял, а вокруг него все мчалось. Так вот и я стоял и улыбался, описывая зверушек, когда все мчались по стране в погоне схватить революцию: самому надо было стоять.

— Дела! И вот потеха: целый день не является, два не является, на третий приходит с побитой мордой.

— Ты, — говорю, — почему не приходил?

И он отвечает:

— Дела!

Все засмеялись. А оба пожилых человека, начавшие о «делах», продолжали:

— Чего торопиться-то: месяц больше проживешь, месяц меньше,

— Ну, не говори: сейчас самое интересное подходит. Хоть день проживу, да мой.

— Нет, жить хочется, всем хоть денек да мой. Вот намедни случай был в поезде: садились в электричку. Два толстых и молочница застряли в дверях, толстые заслонили дверь, подрались, сзади напирали и тоже дрались, кто-то в свалке упал, его давили, он орал. Толпа собралась большая, нажимали, а вагон был пустой! Вот...

— Да, так бывает, но к чему же это, ведь вы сейчас говорили, что всем хоть денек да мой и что всем жить хочется.

— Вспомнили! — сказал он. — Да, всем жить хочется: а вагон пустой, да всем хочется, а никто не живет.

— Да! — поняли. Всем ехать хочется.

27 Декабря. Происхождение власти: Аксюша, и ее тетка (и тоже Павловна), и Лева — родятся властными.

Есть люди — прямо родятся властными. И есть, которые делаются властными по своим заслугам (власть мертвецов, например, Пушкина — культура), а кто властвует по рождению — тот варвар (Петр I).

Власть и преступление.

Тургенев о себе говорил Достоевскому, что он реалист. На это отвечал ему Достоевский так: «Это вам только кажется» (в этом и есть философская сущность вражды этих людей).

Созревает серия памяти мертвым: 1) Тургеневу — «Цапля», 2) Чехову — «Гриша» (из тетради 26-го года), 3) Некрасову — «Сказочный охотник» из Мазая, 4) Горькому — «Песня на Волге» или «Спор журавлей», 5) Толстому: выстрел — крик — гриб: не умирает; и «гусями отдам» (Алексей Денисов), 6) Пушкину — «Гость».

Из темы выходит План, и в процессе делания является Красота, после чего исчезают и тема, и план. Тогда, если действительно вышло красиво, никто не упрекает художника в том, что вещь его вышла из плана, и говорит совсем о другом, чем задано в теме, потому что красота выше всего, и наши нравственные усилия, наши темы и планы становятся мусором.

Но мы не имеем права на прямой доступ к красоте и должны непременно мучиться в поте лица для добывания темы и для постройки и осуществления плана; мы должны непременно мучиться, трудиться, в то же самое время убежденные в том, что дух веет, где хочет, что красота приходит сама.

28 Декабря. История вражды Тургенева и Достоевского. Философски это от смешения понятий: Тургенев под цивилизацией разумел «культуру», и «Европа» (немцы) — это у него значило культура, и в России ненавистно ему было то, что против культуры. А Достоевский ненавидел «цивилизацию» и противопоставлял ей русскую совесть народа, подобно как Серая Сова отстаивает от цивилизации индейцев.

Психологически же Тургенев — счастливец, Достоевский — несчастливец, значит, та же самая жизнь, но у одного в ширину (счастье), у другого в глубину (несчастье).

«Вражда» очень напоминает отношение Ремизова к Горькому.

Приехал Т. М. Борисов, писатель и рыбный инспектор, изумляющий своим сходством с какой-то рыбой.

Возился в поисках 3-х малых рассказов для Орловского сборника и нашел их массу. «Пиковая Дама» появилась в «Юном Натуралисте»: замечательно, что идея «Надо» в отношении к курице — принимается с удовольствием в отношении человека: рассказ очевидно имеет успех.

Единство человека. Из книг. «В краю непуганых птиц»: «Падун»: человек един. «Сыр» — и другие:

Сир на земле человек, обижен беспредельно своей смертностью, и как пыжится!

Смысл в единстве существа человека: и это есть в чувстве рода («свояк»). Это очень сильно в нашем русском человеке.

— Как писатель, я от-личный, но как человек я считаю себя обязанным, и эта обязанность есть мое желание, чтобы быть как все (все мы страдаем и радуемся, любим: любовь выходит из этого родового чувства). Писатель может восторгаться произведением другого писателя, но лично любить его он не может: любовь является из обратного.

Чаще, чем раньше, стало случаться со мною, что взгляну на что-нибудь и пройду и как будто ничего не заметил, ничего не понял, а потом через неделю-две вдруг вспомню и пойму и начну согласно действовать.

Красота есть победное окончание борьбы — победа!

Когда Тургенев назвал себя реалистом, то Достоевский ответил: «Это вам только кажется», и посоветовал купить телескоп.

Эти мгновенья гармонии, когда является ко всему вокруг чувство родственного внимания, — сколько раз я пытался найти секрет (или метод) к постоянству этого чув-

ства: чтобы когда захотелось, так чтобы и показывалось все в этой перспективе родственного внимания. И вот оказывается теперь, что эти моменты гармонии есть вершины длительных процессов борьбы, происходящих в душе моей...

Рядом с этим «открытием» является мысль о чудовищной медленности во мне процесса самосознания: решение поставленных вопросов, у меня, бывает, растягивается лет на 30.

31 Декабря. Иной человек длительностью жизни своей разрешает какую-нибудь коренную мысль, иному (например, Лермонтову) дано выпить всю сладость сознания в короткие дни. Я беру долготой своих дней.

Из дневника 29-го года: европейское индустриальное безверие, поддержанное и обращенное в веру русской революцией: в будущее счастье всех.

Встречать Н. Г. приехали Лева с Галиной, Надежда Петровна, Яловецкий пришел. Было получено письмо от «Сибирячки» (вот пришлось к Новому-то году).

Петя рассказал гадости, и пусть они останутся в старом году: Нина Портнова: суд состоялся над мужем, она пришла в комсомол, ее спросили: «Как могла она жить с вредителем». — «Он не вредил», — ответила Нина. Все на нее. Она продолжала: «Пусть хоть кто-нибудь скажет, чем он вредил...» и т. д. Ей дали строгий выговор. Другая жена, толстушка, ей сказала женщина из НКВД, производившая обыск, что вот как она хорошо сохранилась: «Очень хорошенькая, вы еще можете выйти замуж за порядочного человека». И подготовив так, добавила: «Искренно жалею, что вы, такая миленькая, и столько лет жили с негодяем».

Говорят, комнаты в Москве подешевели, можно за 5000 р. купить. Это оттого, что высылают мужчин, а женщины, отправляясь к мужьям, ликвидируют квартиры в Москве.

Желание, загаданное мною, было одно: дожить до Нового года и всем опять встретиться. При сложившихся внеш-

них и внутренних обстоятельствах это простое желание — пережить год — значит очень много!

4-го февраля мне будет 66 лет. Вот получается теперь так, что грусти о коротком остатке жизни не может быть: год один, и то кажется так долго! В старости жизнь упрощается до формулы: «Хоть денек, да мой!»

М. М. ПРИШВИН
ДНЕВНИКИ

1938

1939

1 Января. Вчера потеплело, и полетела пороша. Новый год вышел с обновкой. В душе праздник от вчерашнего письма «Сибирячки». Никогда еще от читателей я ничего такого не получал: недаром, кажется, старый год прошел — получено это письмо; недаром писал почти 40 лет — кое-что сделал.

Страх смерти создан жизнью: каждому так хочется жить, что умереть он боится больше всего. И этот страх именно и обеспечивает жизнь на земле. Преодолеть этот страх значит преодолеть самую жизнь, и это бывает надо в двух случаях: 1) когда требуется пожертвовать собой для жизни рода или общества, 2) когда хочется дольше жить, чем живут в природе: тогда надо бывает отдать эту жизнь за ту, после себя, а значит, это то же самое: «после себя» означает жертву для рода или общества.

2 Января. Опять мороз. Еду в Москву.

— Из вашего письма, дорогая Сибирячка, вижу я, что мы с Вами птицы одной породы: и давайте галку выберем, и пусть это будет, что мы с Вами галки. А Вы пишете «Учитель»! Не будет этого! мне у Вас как читателя, как женщины есть чему поучиться не меньше, чем Вам у меня. В том-то вот и дело, что в настоящем творчестве жизни, где мы, как Вы пишете, сами себя рождаем, нет больших и малых: там все мы птицы одной породы, все галки.

<*Приписка:* Две осени — две зимы.>

Фото (убитый глухарь) представить для иллюстрации «Орловского сборника».

Умер Г. И. Чулков.

3 Января. Вас. Павл. Ильенков и договор с «Октябрем»: 1-е Звено: «Сказка о покупке дома в Загорске» — вышло очень хорошо.

Разговор о Кольцове, — что это большое событие, что ведь с ним и Зозуля, и вся литературная нечисть и моральная мразь.

4 Января. Похороны Чу́лкова.

Сюжет «Записок охотника»: ходить и смотреть на свою же родную землю удивленным взглядом: это происходит от народных путешествий по святым местам (сказал по телефону П. Н. Щекин).

Троица: Уход Троицы — Колокола.

Мысль: я пережил, и все переживут: я — мертвец: и я жду, когда все переживут и можно будет дальше жить.

6 Января. −7° после метели. Жировка на пятачках. Ничего не убили (слишком хорошо).

Свойство власти: он думает, почуяв силу, что это он такой умный, и <u>общее</u> принимает за <u>свое</u> и в этом погибает (см. <u>планеты</u>).

Девушки наши, в связи... <*Приписка:* Девушки и фабрика.>

Изобразить спор девушек о своей трудовой копейке (горло перегрызу) и через Павловну как-то перевести это на власть: наш народ, получая власть, смотрит на нее как на собственность. Философское заключение Павловны при расширении географического горизонта «красавицы» (колхозы вращаются вокруг городов — планеты вокруг солнца — а власть, что все вокруг нее).

7 Января. Рождество.

Теперь определилось, что Старое Рождество остается праздником народным, а Новое (Солнцеворот) предается астрономии. А Новый год удержится как новый.

1) Купить термометр и воронки.
2) Кристи о книге охотника.

3) Светофильтры для теле.

4) Лаборатория.

5) О фильтрах для теле, о пластинках $^{9}/_{12}$, о ремне, учебник зоологии.

6) Крупа собакам.

7) Чернила вечные.

8) Книги истории ВКП*.

9) Термометр и воронку, посмотреть бачок.

Читаю историю ВКП и ставлю себе задачу стать через эту работу на ступеньку выше, т. е. понять эту «историю» по-своему.

Рабочий ведь поднят у нас за то, что он работает. Но если рабочий не хочет работать...

Мысли о Большом деле и Малом.

Большое дело	Малое дело
Мужское	Женское
Разум	Чувство
Война	Любовь
Герой	Прекрасная Дама
	Я-сам
Редакция	Лес
Обещающие	Чающие
Герой	Счастье: быть как все
Бюрократизм есть общественный	Эгоизм
План	Случай
Закон	Игра
Центробежная	Центростремительная
Наука	Религия
Человек	Свояк
Человечество	Народ
Земля	Родина

— Из-за чего поднят рабочий класс? Чтобы создать счастье (Большое-то дело, оказывается, работает для Малого: оно Большое, потому что труднее делать не для себя, чем, как в Малом, для себя: «А за свою трудовую копеечку я горло перегрызу»).

И все-таки Большое дело существует на пользу Малого, а Малое состоит из себя и для себя, само в себе, вещь в себе, счастье: исток человеческого рода.

Малое дело бессловесно: дело не в словах! оно сигнализирует Большому делу своим состоянием, хорошим или плохим, и весь разговор тут: «Ну, как дела?» Тут вместо слов быт (показывает): «Здравствуйте!»

У большевиков их ошибка (и эта ошибка повторяется везде) состоит в том, что цель и зависимость от цели забываются и их центробежная сила объявляется как самоцель. Вследствие этого бесконтрольный План превращается в бюрократизм. Сталин у большевиков первый был вынужден заговорить о счастье, о родине, о семье, поднимать Игоря Святославича и Александра Невского на благо народа. Переход от класса к народу не назван в «Истории ВКП».

Появились борцы за Малое дело и явились как враги Большому. Уничтожение врагов внутренних после известного предела стало на пользу врагу внешнему: мы начинаем отступать.

Чающие (Малое Дело) и Обещающие (Большое).

Я думаю о всем, но позволяю действовать только образам. Мне всегда кажется, что если мысль моя переходит в образ, а ряд образов в сказки, то, значит, я «додумался» и могу действовать. И так я думаю о всем, но действую, лишь когда мне становится ясно. А ясность дают мне только образы.

В образе я нахожу оправдание.

Образ есть выход из борьбы Большого и Малого — это моя «сказочка» личная («душа»). И то же самое «творчество».

Зачем рисковать собой и творить, если можно делать полезное без всякого риска... и оставаться в пределах «долга».

Педагоги именно по чувству «долга» остаются при классиках и не понимают новое искусство.

Ученые не любят литературу по существу и ограничиваются в лучшем случае знанием классиков.

8 Января. РАПП: 1) Исчезла высота: нет выше меня! 2) Разделяй и властвуй. Происхождение РАППа; было это и в «Круге», напр., Воронский о «Русской мысли»: что наше время великое и, значит, я — велик: нечто вроде ренты: там я, владелец земли, без труда и заслуг получаю себе в карман разницу между лучшей и худшей землей — так и тут я, представитель РАППа, получаю себе разницу во времени [между] нашим великим и прошлым.

А я-то! — и возраст мой меня упрекает, и мой талант — обращает на меня внимание, — и мое образование как сумма предрассудков. Бывало, — над собой сколько видишь людей выше и вот читаешь, учишься, чтобы догнать: теперь надо мной нет, и нечего мне и некогда сидеть над книгами: сама жизнь велика (тоже ведь: не я ее сделал, а ее сделали: «чужой ум»).

Два часа на платформе в Загорске в ожидании поезда. И все-таки это настоящий и единственный путь к коммунизму, к сознанию того, что человек един, что не нами свет кончается — это первое, — сознание человека в своем потоке. Второе, что путь к коммуне все-таки через личное сознание. К этому мы все и подходим: все же, кто не обрел личного сознания, являются жертвами. <*Приписка:* Личное же сознание является при беде, когда хороший человек не думает.>

— Интеллигенция! — сказал кондуктор, увидев, что я локтями пробиваю себе путь в вагон.

Кисловский... («СССР на стройке»).

Федину... Бокову — в Переделкине жить.

Петрозаводск, Каргосиздат, директору.

9 Января. В Москве. Подписал договор о грузовике и только после ночью вспомнил и осознал, что в моем договоре было сказано, что машина будет новая, а в этом слова «новая» — нет.

Разговор с Рудневым и Боковым о том, что коммунизм и должен непременно являться под давлением: надо, чтобы

эгоизм индивидуальный расплющился и явилось личное сознание единства человека.

Слышал, что будто бы в Группком «Советский Писатель» явился Демьян Бедный и заявил, что Демьяна Бедного не существует и потому чтобы выдали ему документы на Ефима Придворова.

Буду строить передвижной дом (на грузовике), а тянет к писанию в Загорске.

10 Января. Стоят холода.

11 Января. Актер Комиссаржевский приезжал просить помогать строить жизнь в Арденских лесах (Шекспир: «Как вам угодно»), как в Даурии. Оказывается, что мое писательство и есть строительство Даурии, люди (читатели мои) собираются...

12 Января. Заявление Управдому.

Фото: 1) Адапторы. 2) Лабораторное оборудование. 3) Проявитель и фиксаж.

Позвонить Трусову. Пете доктора.

13 Января. Сейчас только понял слезы Горького в Дмитрове, когда одна воровка благодарила советскую власть за свое исправление: Горький не то чтобы не знал, что она не исправилась, а может быть, и еще больше испортилась, — он это знал. Но он не мог удержаться от слез, просто слушая сюжет исправления, чувствительно переживая самую возможность его.

В детской литературе после разгрома ЦК комсомола, видимо, страшный упадок: говорят, что снова на 1-й план выдвигается Маршак. Я уклонился от предложения борьбы.

14 Января. Вчера перед вечером вдруг стало теплеть, и сегодня −5.

Лева вчера весь вечер сидел и не решился попросить денег, — рад бы ему дать, а нельзя.

Можно всегда делать бесстрастно, и «дела» выходят как бы сами собой. С автомобилем так у меня: мне все равно, будет он у меня или не будет, я не трачу сил никаких, а он будет. И тоже это же чувство спокойного и делового бесстрастия можно перенести на врагов своих и даже спросить себя, — ну, чем они хуже множества других? Что же касается их вреда, то стоит только быть спокойным и учитывать их возможные действия и выжидать, как они станут обезвреживаться.

Письмо Цветкову, звонок Трусову, Аксюше «Женьшень», в «Молодую гвардию». Кнопки.

Друг мой, чистый невинный человек погиб, но и злой недруг полетел к чертям, и самый заскорузлый себялюбец, нашедший в бюрократизме себе защиту, теперь трепещет как осиновый лист.

Друг мой погиб, но я готов завтра же разделить его участь: у меня все к этому приготовлено. Так зачем же унывать: день-то ведь, кажется, еще мой...

Чмут на старуху напал.
Запанел и замодился.

Обойдут критики, — промолчат о твоих несомненных заслугах, вместо тебя возведут в гении врагов твоих, совершенные ничтожества, — как неприятно бывает. И было бы хоть в утешение, что вот не сейчас, придет пора, и о тебе заговорят. Но вот в том-то и беда, когда о тебе заговорят, да еще с похвалой, то еще хуже бывает: тогда уж вовсе и надежды не останется услышать голос друга, который поднимет тебя, и ты узнаешь, что недаром искал...

И так без друзей, без внимания гаснешь к вечеру и ложишься в постель как в могилу. Но утром забудешь о том, что было вчера, садишься за работу с радостным чувством жизни: «Хоть день, да мой!» и пишешь, будто не день, а сто лет тебе жить.

И вот приходит заказное письмо, адресованное на Союз писателей, и я знаю, что это письмо от читателя.

Вот счастье бывает какое, дожить до преклонного возраста и не склоняться, даже когда согнется спина, ни перед

кем, ни перед чем не склоняться, а стремиться вверх, наращивая годовые круги в своей древесине.

Вечером приехал в Загорск, по пути думал: «Когда пишу, то верю, что так надо, что все по чистой правде пишу. Если бы, однако, приставили ко мне человека, точно измерившего и взвесившего всю Правду, и он бы меня поправлял, когда я пишу, то я бы ничего по правде не мог написать».

15 Января. Русский простой человек не может стать выше крови, чтобы не свояк был ему человеком близким, а всякий согласный с ним человек. В прежнее время, когда огромное большинство крестьян так и держалось возле земли родовыми союзами, — вреда от этого не было. Но когда свояк полез в производство, в милицию и стал тянуть за собой свояка...

Может быть, это и непонятно кому-нибудь покажется, что такой способный человек обрадовался домику в три окошка на улицу. Но, положа руку на сердце, скажу, что не променяю его на особняк под Парижем.

16 Января. Все теплеет, дошло до –2 ночью, а снега все нет, земля чуть прикрытая.

Все народные богатства, <*зачеркнуто:* леса и хлеб> все силы ума, искусства отданы рабочему классу, и на вот! сам рабочий до того стал бездельничать, пьянствовать, что приходится создавать для него каторжный режим.

Эгоизм (окостенение).

Сколько ни обманывай себя, играй в независимость от общественного мнения, — устанешь, и тогда окажется, что приятное чувство от признания тебя есть такая же реальная сладость, как мед. Отрава же через признание приходит после, когда ты разберешь, что ты не один в числе признанных, а и еще кто-то, по твоему мнению, совершенное ничтожество в сравнении с тобой. Вот отсюда-то и возникает презрение к общественному мнению и начинается игра в независимость. На самом же деле тебе просто хочется та-

кого признания, чтобы признан был ты больше всех и как единственный.

Рядом же с этим тайным желанием всякого писателя быть единственным живет в той же самой душе готовность к встрече, способность такой радости от прекрасного в такой степени, что чувство «я — единственный» отрывается и падает, как ледяная сосулька от солнечных лучей.

Гуманность, красота, искусство, возрождение, — все это связано с человеческой личностью как с реальностью. Наше время (и у фашистов) направлено к обратному (реакция), и мы никак не можем свыкнуться с этой верой (хотя она уже была в прошлом). (Рабочий сказал: — Человек — это... хуй ли в этом?..)

Пожилому человеку во многом свободней жить и писать, чем молодому: мне, например, о возлюбленной моей теперь можно до последней ниточки говорить искренно и вслух, а когда-то себе самому правду шепнуть о ней я не мог.

Встреча наша была давным-давно, и мы разошлись навсегда. Но, как великий однолюбец, я все-таки про себя ее ждал, и она постоянно ко мне приходила во сне. Очень долго спустя, когда я уверился, что хотя писатель я очень медленный и неуспешный, но настоящий, и поэтическое свойство определилось как природная моя способность, как талант, я понял, что моя «Она» у настоящих поэтов называется Музой и что эта Муза, не существующая в действительности конкретной, существует и необходима в поэзии точно так же, как в математике бесконечность чисел. Только мало-помалу, с наступлением седины, я овладел своей Музой до того, что перестал бояться ее посещений, напротив, стал радоваться.

<*На полях:* Ты ждешь? И вот она появилась.>

Когда с некоторого времени я стал получать от женщин письма, иногда очень трогательные, то чувство пробегало во мне близкое к тому, которое возникало при посещении Музы во сне. Изредка в письмах чувства излагались более определенные, и замечательно, что тогда в ответ им не пробегало во мне как от Музы. Об этом я не раз беседовал с Пав-

ловной, и она долго верила мне и в Музе моей видела мое отличие, то самое, за которое она меня высоко ставила.

Но однажды вот получилось письмо, и я его жене своей не показал, а вместо ответа в письме послал на счастье клочок шерсти из шкуры убитого мной медведя и небольшое перо глухаря. Каким-то особым своим женским чутьем Павловна учуяла что-то и с улыбкой сказала мне:

— А ты все еще ждешь?

Я был изумлен: я не допускал мысли, чтобы моя верная Павловна ревновала меня к существу, в котором я с таким трудом наконец разглядел свою Музу и ей же об этом сказал.

А всего через несколько дней после ее пророческих слов: «А ты все еще ждешь?» вдруг и появляется та самая с глухариным пером и медвежьей шерстью.

С тех пор я больше уже не могу ни слова своего рассказать о Музе своей Павловне, ни прочитать ей волнующие меня письма: тайна разгадана.

...что как в математике не существующая конкретно бесконечно малая величина способна бросать в воздух и превращать в пыль и прах целые пласты конкретных масс, так и Музу не возьмешь, а она сильнее всех... и я овладел ею, когда понял все это.

И после того кончилось у Павловны благоговение к Музе, как будто она поняла, что нет той особенной «духовной» любви, совершилось <*зачеркнуто:* что-то вроде грехопадения, и я больше не мог уже, как прежде... вслух читать ей свои письма.> Как будто она поняла, что един человек и любовь одна. В свою очередь, и я стал остерегаться, а то как только я начну про духовную любовь, она мне грозит пальцем и спрашивает, помню ли я медвежью шерсть.

19 Января. (Крещенье)

Грубо говоря, сейчас происходит борьба двух народов, евреев и немцев (капитал и род).

Вчера был весь день дождь. Мы ходили на княжеские места. На козырьке вырастали сосульки, образовалась на снегу корка и стала греметь.

Впереди на снегу мы увидели – след выходил на дорогу, и решили, что, значит, Трубач это вышел из леса и пошел по дороге. Решив это, мы прошли пересечение следа с дорогой, не обращая как будто внимания на самый след. И так мы прошли довольно далеко вперед, как вдруг Петя обернулся ко мне и сказал:

– Мне сейчас кажется, что то был след человека, а не Трубача.

Я ответил:

– И мне тоже.

Мы вернулись назад и убедились, что точно: то был след человека.

– Эту способность заметить, – сказал Петя, – или, вернее, эту неспособность из замеченного сразу же сделать вывод и действовать ты мне передал от себя.

– В моем опыте, – ответил я, – эта неспособность стала полезнейшей способностью и прямо талантом. Процесс осмысливания замеченного у меня иногда растягивается на десятки лет. И оттого из прошлого к старости накопился огромный запас замеченного, подлежащего пересмотру и выводу: смысл же является посредством догадок и облекается в форму сказок. Все похоже на образование торфа из растений, не до конца разложившихся. Мои сказки – это и есть торф.

Трагическая действительность, которую мы переживаем, не сама собой умудряет, а тем, что вспоминаешь людей из прошлого, которые догадывались о будущем и нас предупреждали о нем.

В роду Бадыкиных было два типа людей: широкой кости и несколько рыхлые – и узкие, сухие, но жилистые и высокие и очень красивые. Первые были плодовитые и дельные, вторые с духовными способностями... (Лева и Петя)

Со всех сторон поступают сведения, что с законом об опаздывании служащие попали в положение, подобное колхозникам в старое время, и рёв подняли о «последних временах». Они говорят, что никогда не испытывали столь унизительного положения. И правда, рассказывают, что

в Загорске в поликлинике во время приема больных сняли старейшего и лучшего врача Орлова, который опоздал на 20 минут.

<*Зачеркнуто:* Страшно подумать, что 20 лет напряженнейшей работы многомиллионной страны, неисчислимые кровавые жертвы, <*зачеркнуто:* которые могли привести к такому... Нет! быть этого не может...>>

19 Января. Всю ночь дождь. Под утро крупа закрыла черную землю. В природе этой зимой (и лето, и осень) было так же мало радости, как и в обществе.

Ждут перемен.

— Не от стихийного движения возникает соц[иалистическая] идеология, — сказал Ленин, — а от науки.

В народе сейчас, пожалуй, скорее можно найти человека, который предскажет о завтрашнем дне, чем среди ученых.

(Как мы узнали за $^1/_2$ года, что Ежова уберут: они жили в Кремле, а квартиру старую они... отдали тетке, и та вызвала из-за границы родственников. Наша прислуга, однако, узнала от их прислуги, что Ежова Евгения Соломоновна тетке своей велела: «Не зови родственников, может быть, нам самим еще придется жить».)

Не дожил, не пережил, не прожил еще сколько ему надо, и вот хочется жить, вот какая чудесная показывается ему недожитая жизнь! как вода, чем больше жаждешь, тем больше готов «все отдать за один глоток», так и жизнь: так и жажда жизни приводит к тому, чтобы хоть одну бы еще минутку... и вот тут-то, при последнем напряжении, все перевертывается: там, на том свете, будет истинная жизнь. Я разрешил старухе Наталье Прохоровне прожить у меня в Москве несколько дней и помолиться (за тем ведь и в Москву приехала). Обрадованная, заплетающимся языком она бормотала о будущей жизни на том свете, что мне там за это что-нибудь да будет. — Если, конечно, верите... — сказала она. — Верю, верю, — успокоил я ее, — а то из-за чего же я хлопочу.

Вид у меня (все говорят) был хороший, но сам внутри себя я всегда чувствовал себя горбатым: <*приписка:* так, что

мой горб никто не видел, он был внутри.> Горбатым чувствую себя, хотя никто не видит: мой горб внутри. И таких, как я, внутренне горбатых довольно на свете. Когда же я вошел в свой дом и начал устраиваться, то мне стало так, будто я преодолел свой внутренний горб и радуюсь, вот как радуюсь, что теперь такой же, как все!

20 Января. В Москве. После дождя хватил мороз −10, и голые поля оледенели.

Пьяный монтер о новом указе: полная кутерьма. Страстное чтение книги «История ВКП»: рядом же и моя жизнь бежала, — это первое, и второе, что время подходит к тому, чтобы разобраться и дать новую оценку всему.

Положение литератора похоже на положение горбатого человека: все кажется, я не такой, как все, все что-то мешает, и оттого постоянно завидуешь жизни самых обыкновенных людей и страстно хочется быть как все. И оттого, когда я вошел в собственный домик на окраине города, взял в руки метелку, чтобы размести улицу, стал воду носить из колодца, встретился с соседями, мне было в первое время, как будто вечный горб мой выпрямился и я стал таким же чудесно-обыкновенным человеком, как все.

Не о хлебе едином жив человек, ему еще нужны сказки, и так было всегда, от самых первых людей на земле: в шелесте листьев или в столкновении волн с каменистым берегом, в мерцании звезд... люди сливаются, и в ту минуту, когда сливаются с этим, сами начинают шептать.

Слияние — к горбу: я этим только и живу, чтобы забыть свой горб, и от момента к моменту провожу линию и это считаю за реальность и в этом понимаю «прогресс» как продвижение жизни своей к наибольшему слиянию и разливу.

С. И. Огнев, известный зоолог, сын известного гистолога И. Ф. Огнева, под выходной день всегда неизменно приезжает в Загорск провести вечер со своей матушкой, утром же пойти на охоту с ружьем или с огромной камерой. Он страстный фотограф, и у него уже есть книга фотографий

живой природы. В своих книгах научных он задается целью отнять у науки ее сказку: книги его может прочесть только зоолог-специалист. Все же сказочное он, как хороший человек, бережет для друзей, для студентов. Ему, наверно, неприятно, что я занимаюсь сказками как профессией, и, по-моему, современной литературы он не читает: в прошлом великим людям это простительно, Шекспиру, Пушкину, но чтобы самый обыкновенный и хороший человек... Мы с ним обходим этот вопрос. В последнее время, однако, ему предложили написать популярно о лесе, и, мне кажется, он, краснея, эту книгу писал, и все по порядку: природа вступила в свои права, и прилетели птички.

Горбуны бывают двух родов, — злые, как обыкновенно о них думают, и те, которые свою злость до того преодолели, что люди смотрят в их глубокие, любящие глаза, и горб забывается, и когда кто о горбе этом напомнит, говорят: Дай Бог, чтобы все были такие горбатые.

Появился Кристи (Волчий Стан). Отозвался Руднев: машина будто бы будет.

Вспомнилось о Фрумкиной, — какой уважаемый человек! Когда случается с таким всеми уважаемым честным человеком беда (ее отстранили от редакторства «Юного натуралиста»), то все возмущаются, а потихоньку, иногда сами того не сознавая, отстраняются от него, отходят, как бывает с покойником или с тяжелобольным: уважаемый человек, но выполнил свой долг, поклониться и поскорей бы уйти.

Показывал Ксюше процесс проявления, и она видела и повторяла: «Это чудо!» И правда, это было действительно чудо, закрытое для большинства людей <*зачеркнуто:* школьным, неверным> вредным объяснением действия света на бромистое серебро. Конечно, полезно и хорошо всем бы знать действие света, но вредно было и прямо убийственно для жизни, что при объяснении бессознательно по какой-то нигилистической традиции техницизма внушалось: раз оно так просто объясняется, то и нет никакого чуда и вообще нет ничего тут удивительного.

Через это объяснение человек лишился удивления, как будто все чудесное достижение человеческого разума было именно в том, что внутри всего чудесного нет ничего и смысл всего только в том, что все это новое, открытое — дай сюда, все это — человеку на пользу. <*Приписка:* ...я вступаю в борьбу с таким объяснением и вместо этого, чтобы вернуть удивление людям, даю свою сказку.>

Зрелище тяжело ступающей с тяжестью лошади на улице среди автомобилей тягостно — Слава Богу! — вспоминаешь прежнюю улицу — лошадки <u>освободились</u>.

Да! их уже больше нет: они и от жизни совсем освободились...

Удивление лежит в природе человека, и оно соединяет природу человека и природу мира в единство: там, в мире, что-то происходит, а человек удивляется, думает и создает свое. Другой же человек, увидавший созданное таким же существом, как он сам, тоже удивляется и тоже сам создает, порождая, в свою очередь, в своей среде удивление. И так каждый человек, кто что-нибудь создал свое, непременно начал с удивления. А человек, сам ничему не удивлявшийся и неспособный ничего сам создавать, посвятил себя объяснению созданных чудес для детей: нет ничего удивительного, все на свете <u>объясняется</u>.

Вот отчего нас и тянет в природу: там под действием света и воздуха человек приходит в себя и, оглядевшись вокруг себя и убедившись, что кругом далеко нет никого, начинает о всем думать по-своему, и тогда нет пределов, нет конца его удивлению. Он приходит с прогулки домой восторженный, с увлечением рассказывая о том, как белка спустила с высоты ели на его голову шишку. И потом вот еще что <u>пришло ему в голову</u>...

Рабочий класс (как и крестьяне) мне казался заповедником удивления, и я думал всегда, что научные открытия, изложенные в книгах ученых, — этот огромный драгоценный склад знания лежит в запасе человеческой природы, как торф лежит в природе первой... А вот придет человек,

всему удивится и начнет создавать силой удивления, с помощью знания хорошую настоящую жизнь на земле.

Если считать себя личностью, а не как все (обывателем), то это значит взять на себя обязанность начать от себя такое, чего раньше не было. И эти слова известные «быть или не быть» я читаю: быть как все или не быть как все, а начать нечто свое, быть может, путем даже и жертвы того, чему предназначено от рождения быть.

Если быть личностью, а не следовать за другими, то, по-моему, это значит взять на себя обязанность начать от себя такое, чего раньше не было.

21 Января. Ленинские дни. Читаю историю ВКП. Понимаю, что РАПП целиком вышел из Ленина и сейчас он продолжается и перейдет в войну, которая и закончит все. Ленин центрировал в себе ход русской истории, в нем и народничество и раскол и всё... только нет Аполлона.

Красота — хорошо! но только мы ее обыкновенно не замечаем, и нужно что-то еще, чтобы мы ее увидели. Вот я каждый день проходил мимо библиотеки Ленина и не обращал внимания на верхние фигуры. Но сегодня в морозном ярком свете черные галки прилетели и сели на голову белой статуи. Вот тут я заметил: и с тех пор каждый день любуюсь. А сколько дней прошло, и я не видел, пока галки не сели на голову Красавца...

22 Января. Поездка в Загорск. Встретил Огнева: патриций-жизнелюбец и чувствует катастрофу как зло. Типы жизнелюбцев: Трубецкой, Пендрие.

— А если плохо рабочему, то почему же у него руки в карманы и локтями он пыряет в животы граждан?

Русская интеллигенция взялась, конечно же, от самого народа, и только простые народные хождения к святым местам, сектантские искания заменили хождением в народ и «в люди», исканием идейным в области культуры, хождением к местам культурных достижений человечества. Ленин всю эту творческую тревогу интеллигенции и народа

вмещал в себя, в нем собрались все начала и все концы, искания и хождения, но он единственный из всех сказал: «Довольно исканий и хождений, давайте делом займемся!» И всю скопленную тревогу превратил в дело.

23 Января. Иногда самый маленький воришка догадается ходить воровать по самым большим кораблям, и тогда в успехе своем он обеспечен так же прочно, как если бы занялся самым честным, но медленным делом. Правда, отправляясь в далекие страны, кому придет в голову обращать внимание на мелочи: так вот и мыши путешествуют только из-за того, чтобы вдоволь наесться за дорогу муки, — и наедаются! Так и люди есть, как мыши, во всяком большом деле непременно притираются сначала из-за муки, а потом, когда навыкнут...

Можно проводить время, раскладывая пасьянс: интерес этот в том, что дело не делаешь — просто сидишь, а время проходит. Но тоже приятно можно провожать время, если копаться в технике какого-нибудь любительства, что-нибудь свинчивать, подгонять, подпиливать, прилаживать, пристругивать, наклеивать этикетки, расставлять в ящики... Даже не надо фотографировать, охотиться, бегать на лыжах, ездить на мотоциклах, — довольно чистить мотоцикл, довольно... Так можно и страшное время проводить...

То, что сейчас деется на свете, было всегда, но только было для отдельных людей: они это видели, другие же ни о чем страшном не думали: жили-были. Теперь же это страшное, о чем отдельные люди предупреждали всегда, увидели все, и рядовой человек стал в положение героя, рядовой человек стал перед необходимостью взять на себя то, что добровольно берет на себя герой. А как же иначе, если знаешь, что жить для себя нельзя, а стать на место для работы на людей, — тоже скоро прогонят. Значит, надо выдумать такое, чего не было, надо всех перегнать и стать впереди всех, — а это же и есть путь героя.

Весна света зимой, — какая весна, какая зима! Был бы день — и слава Богу.

25 Января. Вчера вечером приехал в Москву. Надо начать соединять интеллигенцию, разделенную РАППом. (Начать с того, чтобы срезать углы отношений.)

Ленин состоит из: 1) Лев Толстой, 2) Чернышевский, 3) Добролюбов, 4) РАПП — весь целиком (злость и разделение во имя добра), 5) Черный бог.

26 Января. Лицо ученого с высоким лбом или даже иконописное, вроде Николы угодника, и вообще, по признанию всех, красивое внутреннему человеку выносить почти так же трудно, как горб свой горбуну. Современное лицо человека должно выражать ту силу, с которой ты жил и находил свое выражение (Кирпичников).

А Тургенев-то ведь ненавидел Чернышевского и Добролюбова, для него они были наш РАПП.

Чернышевский, Писарев, Добролюбов, Лев Толстой как моралист и Ленин, — все вместе породили Сталина (с его РАППами и колхозами). (А Илья Валуйский?) Другая сторона — гуманизм, либерализм («барин»), бессилие.

На первый взгляд кажется, что Пушкина миновал РАПП. Я спросил Щекина: — Почему это Пушкина РАПП обошел? — Я думаю, М. М., Пушкин — это такая, такая высота, ну, больше Гёте, это такая свобода...

Пока он выдумывал и говорил, я сам догадался: нет, он тоже не миновал РАППа, ему тогда РАППом был непосредственно сам царь (а декабристы в то время, как РАПП, еще не набрали силы).

Почему в языке Ленина, как у семинариста, много церковно-славянских слов, постоянное «ибо», «архи-»?

Церковь через семинаристов влилась в литературу...

27 Января. — Ах, нет? (напр., бумаги фотографической). Ну, так и я не стану работать. (Как будто лично кто-то виноват, и он лично за это мстит и даже губы надул).

28 Января. Женщины пришли к колодцу, поставили ведра и забыли о них: одна рассказывала, будто за ней бе-

лый камень бежал, что остановится — и он лежит, а она пошла — и он за нею гремит, оглянулась — и он стал, пошла — бежит.

— Сон это? — Какой сон: было!

Женское движение: Так кондуктор-женщина в электричке: улыбаясь, сама не своя, крикнула «Гоп!» — и поезд, взревев, двинулся.

И тут терпение, настойчивость, Рапп'ство бесконечное.

Загадка: в какой семье это было, чтобы между мужем и женой не борьба была, а совет и дружба?

Сват.
Ты же, батюшка,
Не сват мне и не брат
И не тесть и не кум
И не деверь и не зять
Не свояк
Стой, дорогой!
Мне ты, батюшка, не брат
И не сват!
И не деверь
И не зять
И не кум
И не свояк
Ты не батюшка
И не матушка
Не сестрица
Не кума
Не невестка
Не золовка
Ты мне, дорогой,
Стой!
Ты просто мне доводишься
<*зачеркнуто:* девятая> седьмая вода на киселе.

29 Января. Сергей Владим. Вейнберг и Лева и Петя и я на последней охоте на зайцев в Териброве: два беляка. Шел снег, выглядывало солнце-не солнце, а волнистые, снегом покрытые холмики серебрились.

Шел тяжелый троллейбус и делал полезное дело, перевозил москвичей из Центра по Каменному Мосту в Замоскворечье. Были последние сумерки, едва видно было, что черная вода Москвы-реки дымилась на середине, а по сторонам на обрезах льда сидели вороны. Смотреть из троллейбуса на ворон было жутко: неодетые, только в перьях, на голых ногах сидят на обрезах льда у черной страшной воды и дожидаются, когда принесет зимняя вода издохнувшую, тухлую рыбку. А ведь тоже живые существа, и давно ли во время голода мы тоже почти как вороны были, а когда-то, чего не вспомнишь, но угадываешь, в далеком прошлом... исчезает в тьме...

Вдруг яркий голубой свет с треском вспыхнул, и наступающая темнота осветилась: это провода на мгновенье разъединились, и электричество, совершающее полезную работу перевозки граждан, утекло и сделалось светом.

Все оживились, я же подумал, что наши страстные стихи и роман, которым я сейчас занят, тоже утечка тока любви, приводящей человеческий род в движение: это не больше как тоже вспышка голубого света.

Я понял тогда, почему читатели так упорно добиваются личной встречи с автором: казалось бы, чего же в авторе может быть привлекательней вспышки голубого света? а нет, читателя тянет поближе, ему хочется...

А вот тоже дипломатам тоже ведь мало писания бумаг, чего-то не хватает им в словах и нужно видеть друг друга в лицо.

Скорее всего, да: слова наши — только вспышки разных цветов, а самой силы жизни не хватает в словах, и как ни пиши, как ни трать свою жизнь на слова, никогда не добьешься чего-то в них, чтобы слова даже Шекспира, даже Христа стали действительно плотью, как хочется.

Так залейся, автор, слезами, но мужайся, пиши и не теряй своей веры, что когда-нибудь скажешь — «Остановись!» — и твое чудесное мгновенье остановится и воплотится...

Странно, что, раздумывая так в глубине себя о Слове, я каким-то образом пришел к необходимости войны... Ах, да, вспомнил. Раз, значит, в Слове-то людям окончательно

нельзя встретиться и решить отношения словами, то надо признать, что иногда приходится лично встречаться и решать не словом, а личным прикосновением, так что двум дипломатам надо видеть друг друга, двум любовникам обниматься, двум врагам драться.

...Когда же уймется война и начнет действовать сила любви, то движение рода человеческого силой любви сопровождается таким же свечением, как при перевозке пассажиров в электрическом вагоне скольжение проволок тоже сопровождается явлением вспышек голубого света.

Думал о женщинах, и ни одной не вспомнилось такой, даже возможной, чтобы меня бы, писателя, не сделала своей собственностью. Сила писателя в его писании, но «как человек» он слабее даже всякого самого маленького лейтенанта. Вот почему всякая женщина непременно делает писателя своей собственностью и в лучшем случае относится к нему как к своему ребенку и защищает его, как курица.

У философа жена должна быть курицей. (Так же сложились и отношения Толстого с женой: ему все хотелось быть лейтенантом...)

Безвыходность труда находит выход 1) в разумном действии, порождающем веру в то, что посредством науки (Ленин) можно изменить жизнь к лучшему. На самом деле эта вера приводит не к лучшему, а удовлетворяет новые потребности, возникающие с размножением; 2) в сердечном стоне, разрешаемом песней и сказкой (личность), искусством и верой, что «слово плоть бысть», хотя слово никогда не сделается плотью.

Из всего этого получается, что, делая, человек становится бессердечным, а создавая личность (слово = сказку), человек теряет интерес и веру к действию.

30 Января. Телеграмма от Новикова: завтра 31-го в 6 ч. в. Тургеневская комиссия.

Потихоньку про себя я уже который год разрабатываю одну и ту же тему «Медного всадника»:

«дело из разума» есть Медный всадник;

дело из сердца, «личность» есть Евгений.

31 Января. Именно же ведь и называется тот человеком хорошим, кто не посвящает себя какой-нибудь «идее», напр., общего дела, а в каждом отдельном случае знает, как надо действовать. Еще должна быть у хорошего человека внутренняя свобода (а не служба и «долг»).

Большая Волга, Большое дело, Медный всадник — в понятие «большое» входит и жестокое, как будто большим делом оправдывается жестокость. (Курорт и крестьяне: Бетал.)

«Большое дело» есть и отвлеченное дело, т. к. оно складывается из малых дел путем уничтожения их особенностей.

Умирающий Горький и Сталин. (Горький оглянулся: всё ложь у писателей, всё его дело ложь. А Сталин стоит...)

Не мир an sich *, а «воронка», — по скольку кто вложил себя в нее — она тем и жива.

— Платонический, поскольку нет денег.

— Не проявили достаточной инициативы.

1 Февраля. Тальников сообщает о получении Знака Почета и последующая кутерьма.

Расширение души, похожее на разлив рек, или обрадованность я считаю чудесным проявлением человека в художнике. Такой был Горький, и недаром и самая улица имени Горького получила свойство расширяться.

Расширение Знака почета <*приписка:* ордена>: ворошиловский значок перестал — научились стрелять.

Знак почета. Художество — сказка как электричество. Мои читатели — Будущее: все.

Заключение: улица Горького — главная улица Москвы, но каждый писатель потихоньку, про себя главной улицей считает тот переулок, в котором у него жилплощадь.

Советский деятель до того пронизан готовностью услужения коллективу, что не допускает возможности отношения индивидуального, и если это даже писатель или худож-

* an sich (*нем.*) — в себе.

ник, то говорят о нем не «писатель такой-то» или «художник», а «такие писатели и такие художники, как (имя рек)», имея в виду, что если таких сейчас нет, а раз-два — и обчелся, то все равно в таком роде при поощрении государства народится сколько угодно. Одним словом, имеется в виду род, а не личность: в этом и ужас весь современности.

— Мы навоз! — сказал N.

2 Февраля. Митинг орденоносцев. Ни слова не дали, не выбрали и в президиум, и глупо вел себя я с репортерами, глупо говорил, — ничего моего не напечатали. Сижу в перекрестном огне прожекторов, щелкают лейки, слепну в жаре. А Толстой пришел, прямо сел в Президиум, и после [того], как сел, Фадеев объявил: «Предлагаю дополнительно выбрать Толстого». Все засмеялись, — до того отлично он сел. И даже мне, обиженному, понравилось. Маршак, смертельный враг, получил Орден Ленина и поздравляет меня «с почетом».

Положение лишнего человека? презираю их и в то же время обижен, что не сижу на их месте. Так Пушкин и Лермонтов презирали «свет» и в то же время умирали за положение в свете, и вот это-то и есть «чертовщина» (т. е. что все хлопают, и ты должен хлопать). Спасение только в читателе.

3 Февраля. Собрание деятелей «Детиздата». Маршак счастлив. Чуковский, как получивший «ордер» степенью ниже Маршака, заболел. Торжествующий Михалков.

<*Зачеркнуто:* Страус> — Кто лучше?

4 Февраля. Метель снежная. Праздную рождение 66 лет. Все литераторы выражают мне свое смущение по поводу моего «ордера». Шолохов будто бы где-то сказал, что он желал бы иметь такой... орден, какой у Пришвина получается благодаря его таланту и читателям. Только искренно ли это? Если бы искренно, то почему бы тогда и не сделать, т. е. не сказать об этом хозяину.

Говорили потихоньку вчера на собрании о враге, что ведь и в этом вот деле награждения писателей действовал

враг. И вот пришло мне в голову поискать черты этого «врага» непосредственно возле нас. Итак, начинаем искать врага (творчества).

5 Февраля. Здешние, московские, все, встречая меня, как бы сомневаются, поздравлять или нет: поздравлять, может быть, обижать. Напротив, читатели отдаленные шлют от всего сердца искренние приветствия, поздравления «с высокой наградой».

В журнал «Охотничий промысел» рассказ о художнике Мищенко: 1) Воро́ны. 2) Селезень и утята. 3) Глухарь с лирой. 4) Бекас и дятел. 5) Дом рушится — 5 тыс., дачу куплю, и тогда все в порядке. Так ошеломило, что я ничего не мог сказать, и когда очнулся — адреса не знаю.

Даже дипломаты должны посмотреть в лицо друг другу, и всякое дело нужно в лицо посмотреть («освоить»). Примеры из зверосовхоза.

6 Февраля. Валят снега. Вчера показались доктору. При рассказе о митинге, — что страшно было: а вдруг просветят, доктор сказал: «Это у вас было близко к действительности, возможно, что и теперь уже можно до некоторой степени просвечивать».

Бывает, Я — и весь мир в согласии (пан), и бывает, Я (душа) — и мир как бы весь вовне восстает на тебя. Бездушный мир — без вдохновенья — а все-таки в восторге.

Тут к чему-то тебя вызывают, чего ты не можешь, — к восторгу без вдохновенья, и в то же время и угроза какая-то, и тебе страшно становится, мелькает мысль, что тебя юпитеры просветят насквозь и все увидят, какой ты — и разорвут. (Вспомнилось радение возле головы Маркса на Сенной площади в Ельце.)

Тамара рассказывала, что чем выше поднимался Коля на своей козе, тем [более] суживался светлый круг впереди: как будто не на «козе» уже ехал, а в автомобиле ночью и видел только, что видно в освещенном кругу впереди.

До того дошло, что все отношение к людям сводилось к отношениям пяти лиц. И так на этих-то пять лиц пришлось

донести (оказались врагами народа), после чего его посадили, и лиц этих посадили, и свет закрылся (вот так карьера!).

Наш «враг» в наших маленьких делах является лишь отблеском борьбы наверху, где «враг» не жертва необходимости найти личную форму расстройства созидательной деятельности, для того чтобы ее покарать как врага.

Это совсем новое явление, точно так же, как новое явление прямое участие всего тыла в войне. Раньше борьба министров при царе за власть не так скоро сказывалась на состоянии общества, напр., от Аракчеева до Столыпина сменилось четыре царя, а банные шайки оставались в достаточном количестве. Теперь же через несколько дней после перемены в составе правительства вдруг исчезают банные шайки, носовые платки.

Положение писателя похоже на положение человека, прижатого подушкой, на которой сидят: изволь освободиться!

7 Февраля. С. И. Огнев, как натуралист, далеко ездил и снимал орлов и думал, что в этом красота: снять орла. Но через меня он понял, что красота не [в] отдаленных и трудных предметах, а везде, и если снимешь хорошо, то все и будет хорошо. Поняв это, он, почти старик, снимает возле дома в Загорске веточки деревьев после метели.

Получение ордена.

8 Февраля. Опять вода!

Сохранялся стыд в душе, и жил свидетель моего стыда. Но вот теперь больше нет того человека, и, может быть, я бы и не вспомнил его. Но стыд в душе сохранился, и каждый раз, когда мне при воспоминании становится стыдно, я вспомню того человека и говорю себе: «Да ведь нет же больше на свете свидетеля твоего стыда, чего же ты?»

9 Февраля. «Клара Милич» — не упадочная вещь, в ней человек жизни вступает в борьбу со смертью и побеждает: любовь сильнее смерти.

Прочитав эту вещь, я и «Жень-шень» свой понял как такую же борьбу, и свою собственную жизнь, и последнюю тему мою о сказке, что сказка есть такая же сила, как электричество.

Происхождение врага? В море чужой кит показался, и наш Кит его встретил как врага. Сильное волнение было в море, и большие волны катились далеко и вдали дробились на малые, и малые потом дробились на маленькие, и всякая мелкая тварь чувствовала по дробным волнам борьбу китов и что один из них «враг». Понаслышке знали...

Так, наверно, и до нас доходит «враг», — в этом же смысле, т. е. по дробной волне доходят какие-то толчки? тук-тук! (Я это понял, выслушав историю Коли.)

По всей улице, где я живу (Загорск, Комсомольская, 81), люди называют друг друга <*зачеркнуто:* то сват, то свояк, то кум, то зять> то брат, то сват.

— Нет, брат, ты мне этого не говори, — сказал один.

И другой ему сердито:

— Уходи!

— Брат! — зовет первый.

<*Приписка:* А когда рассердятся, то говорят: не сват, не брат, а седьмая вода на киселе.>

А второй:

— Уходи, ты мне, батюшка, не сват, не брат.

Так и скажет: «батюшка», хотя и вправду вовсе не батюшка, и не брат и не сват.

А то еще называют друг друга то кум, то зять, то свояк, то тесть.

Раздобыл я недавно себе гончего щенка <*зачеркнуто:* стал думать, как назвать его, и мне пришло в голову> и назвал его «Сват». А у нас на улице все между собой родня, кто кум, кто сват, кто тесть, кто зять, кто свояк. И так все между собой и говорят и называют друг друга кто кого сват, а кто кого брат, кто — кум, кто зять, кто свояк.

Всем у нас на улице понравилось, когда я своего щенка назвал Сватом.

— Сваток! — кричит один.

— Сваток! — зазывает своего другой...

Зазываю своего друга.

А он стоит и смотрит, прислушивается, туда голову скривит, туда глаза покосит. И такой умница, только не скажет:

— Ну я же вам не сват, не брат!

Страсть как понравилась эта кличка на улице, нельзя показаться со щенком, только из ворот выйдешь за водой, и все провожают:

— Сват!

А он, как назовут, [стоит] в недоумении и все не может узнать, не всем же он сват.

Однажды мне захотелось его снять, и нужно было, чтобы он чуть-чуть постоял, а он никак не стоит. Но мне пришло в голову, и я сказал:

— Сват.

Он стал. Я снял аппарат. Надо было приготовиться. Я опять сказал:

— Сват!

А потом, чтоб занять его, говорю:

— Но ты же, батюшка, мне вовсе не сват, не брат.

Навожу аппарат и приговариваю:

— Не кум, не зять.

Стоит.

— Не тесть, не деверь.

Стоит.

— И не свояк.

Все стоит. А я нажал пуговицу, — щелк!

Сват сорвался с места, прыгает и как будто спрашивает:

— Ну если я тебе не сват, не брат, не кум, не зять, не тесть, не дверь, не свояк, — кто же я?

И я отвечаю ему:

— Ты, братец, мне седьмая вода на киселе.

Как я научил собак своих есть горох.

10 Февраля. Привезти фото Осень и Зима.

Барто определилась в Союзе четко, как пуговица.

Женщина в секретар[ской] ССП, причисляя меня к глухим старикам Вересаеву и Шишкову с Шагинян, кричит, когда хочет мне что-то сказать.

Захватить Тургенева.

Бачок у Давида.

Нас, ребят, в свое время до того строго учили не делать чего-нибудь дурного, что, когда надо было делать хорошее, мы тоже боялись и думали: а кто его знает, нам кажется хорошо, а потом окажется плохо.

Так что нас учили «не делать», но мало учили делать. И когда нам приходил случай делать, мы боялись и случай пропускали.

Больше всего эта запуганность сказывается на поэзии: мы все чувствуем сказку в душе и все боимся о ней сказать. И когда она вот-вот готова сорваться с языка, мы пугаемся и сказку поэтическую рассказываем прозой. Такая проза у Перовской.

Заячья шкура и кот.

Рассказы Перовской о животных хороши, когда, читая, думаешь о детях, но если выпрямиться и, не склоняясь к детям, читать для себя, то чего-то в них для полного удовольствия не хватает, кажется, что рассказы эти как-то пересушены. Но ведь и у Льва Толстого детские рассказы тоже суховаты и до того строги, что почти что как наука — может быть, так и надо писать детские рассказы? А что рассказы Перовской прямо вытекают из рассказов толстовских, в этом нет никакого сомнения: рассказы подчинены и этическому сознанию автора, и познавательной силе.

Я лично высоко ценю рассказы Толстого и удивляюсь, почему писатели, ученые, педагоги, занятые вопросами популяризации знаний, не обратят большего внимания на образцы Толстого, так дивно сливающие знание, нравственный долг и красоту. Всегда, когда я пишу свои рассказы для детей, я думаю о толстовских образцах, что «вот бы и мне так». Но это влечение к Толстому у меня бывает в самом начале, когда я чувствую еще себя взрослым. Для того, однако, чтобы написать хороший рассказ для детей, мне надо сделаться самому маленьким и не склоняться к детям, а действительно стать точно таким. И вот когда, покидая толстовский образец, становишься на увлекающий тебя собствен-

ный как бы мальчишески-озорной путь, то и кажется тогда, будто удрал из классной комнаты...

Так невольно и разделяешься в себе: как взрослый дивлюсь и не понимаю, почему так мало дивятся писатели, ученые, педагоги толстовским рассказам для детей, а как сам маленький стремлюсь выхватить заключенную в них сказку и с ней убежать. Да, вот я сейчас это нашел: толстовские рассказы именно тем и влекут к себе, что в них закована сказка.

Таится ли в рассказах Перовской о животных эта самая пленяющая нас сказка? Ответить на этот вопрос трудно, повторяю, чаще всего, читая рассказы этого автора, я принуждаю себя стать на сторону маленького читателя и тогда вижу ясно, что рассказы эти очень хорошие, очень нужные, очень полезные. Но тоже чаще всего эти рассказы не обращают меня самого в маленького и не совращают на озорной путь, необходимый мне для создания сказки. В трех рассказах новой маленькой книжечки под длинным названием «Необыкновенные рассказы про обыкновенных животных» можно видеть все достоинства и недостатки поэтического дела Перовской. В самих названиях этих трех рассказов по одному только «который» чувствуется влияние Толстого со стороны этической претенциозности: 1) родина...

Из этих трех рассказов самый талантливый средний «Про собаку, которая», самый умный и дельный «про кошку, которая», и рассказ неудачный — это последний рассказ «про поросенка, который»... В этом последнем рассказе очень хорошее начало, превосходно исчерпывающее сюжет, очень милый: двойка...

Перовская имела счастье в детстве своем находиться в обществе диких животных. Теперь, взрослая, она пишет о животных, но, к сожалению, не всегда умеет вернуться к своему детству и писать так, будто она и теперь маленькая. Рассказы Перовской иногда хороши, только когда сам, читая, думаешь о детях и пр.; см. выше.

Были, конечно, и в этих глухих местах коммунисты и говорили от имени настоящих большевиков. Но тут же вслед за настоящими коммунистами приходили враги их и тоже

действовали от имени правительства. Вот ведь с незапамятных времен здесь занимались хмелем, как описано и у Некрасова. Но пришли враги и от имени правительства потребовали прекратить занятие хмелем и назначили в здешнюю культуру табак. Плохо пошло с табаком, еле-еле... А потом вдруг открылось, что хмель необходим. Бросились искать черенков и нигде не могли найти...

Так и разделились, «мы» — это те, кто хмелем занимались, и «они», кто назначил бросить хмель и заняться табаком.

Тогда я еще не понимал, но только знал: это «они», теперь вместо этого говорят просто «враги». Я понял теперь их как претендентов на власть, не ради народа они действовали, а ради себя, и каждый по-своему хотел [использовать] народ.

13 Февраля. Дождь всю ночь (это после 20-то градусов). Грозит худолетье.

Так исстари на этой навозной [кочке] жил русский человек и привыкал переносить все худое. Но для настоящего, [полного] человека надо привыкнуть к тому, что называют хорошим: к счастливой жизни.

После худого лета хорошо и это.

14 Февраля. Провел в постели: грипп. Доктор Влад. Петр. Успенский.

15 Февраля. Грипп продолжается. Появляются со всех сторон признаки уважения за правдивость, честность, прямоту.

12-го почувствовал неловко, на охоту в Загорске не пошел, а приехал в Москву. 13-го позвал врача, доктор определил грипп. 14-го — темп. 38. 15-го нормальная. 16-го — 38.

19 Февраля. Вчера вечером температура нормальная, и я начал ходить по комнате. В эту же ночь одновременно с потоком жизни и началась литературная «мечта». Ясно было, что эта мечта содержится в самой жизни.

Ход болезни? 10-го при поездке в Загорск легко оделся (погода мечется, не угадаешь). На вокзале продуло. 12-го не захотелось в лес и понял, что заболеваю. К вечеру температура. 15-го вечером стал оправляться, температура была нормальная, но привели машину, много в коридоре говорил, и ночью опять 38. Только 18-го к вечеру t стала нормальной. Доктор Влад. Петрович Успенский предполагает, что грипп провоцировал малярию.

Какой это ужас, какая боль была, — подумать только, что когда-нибудь это пройдет!

И вот оно прошло. И нет боли и сожаления, — прошло, и нет его, и мало того: прошло, и слава Богу!

И так точно самая жизнь и мысль о смерти, — что умру, и какой это ужас, что жизнь пройдет и я умру. На самом же деле будет то же самое: жизнь прошла, и слава Богу.

Страх смерти создается силою жизни.

20 Февраля. Молиться надо, только никому не надо о том говорить.

Социализм как условность в борьбе с обманом церкви.

Социализм выпрямляет и очищает религию, он есть средство борьбы, но не религия.

Жизнь под социалистическим контролем.

24 Февраля. Доктор Успенский не вылечил меня и бросил с таким же самым кашлем, каким и начался мой грипп. По-видимому, в медицине можно принять за правило, что успех лечения обратно пропорционален числу применяемых доктором медикаментов.

Вычитал в письмах Флобера признание, что художнику не обязательны сношения с женщинами. Это у него, наверно, было так вместе с Тургеневым, и это есть именно то, что я знаю по себе и что было тоже и в Гамсуне.

Смотрел фото Спас-Лутовинова и когда увидал деревню нашего (орловского) типа во всей ее серости, вдруг прошлое, хрущевское, встало передо мной как отрицание всяко-

го романтизма, всякой тургеневщины. Показался Н. Н. Володин с безнадежной усмешкой и все то родное в том смысле, что из Назарета и не могло выйти ничего особенного. И сам ведь Юдин, архитектор нашего тургеневского строительства, вероятно, орловский же.

Так что о встрече с моей настоящей родиной надо еще много подумать. Тут эта встреча есть последнее испытание на силу моей сказки? если и это выдержит моя сказка, то, конечно, она и есть самая реальность ens realissimus *.

Тургенев и его деревня Спас-Лутовиново: отбросив либерализм, в истоке — отношения рабства, с одной стороны, и раппства — с другой. В наше время даже «тургеневское» начало и, напр., Илюшкино (Валуйского)...

Как объяснить, что доярка Морозова надоила в год от средней коровы 5500 литров молока и получила орден Ленина, а доярка Меркулова взяла 6600 литров и получила только Знак почета?

Так что РАПП коренится в рабстве и является как воля, выводящая из рабства, тогда как тургеневщина является как бы выражением воли художника в том смысле, что «пусть кругом рабы, я и в этих гнусных условиях утверждаю право художника на красоту». И еще: Я художник и хочу служить красоте сейчас, в этих условиях, вы же требуете того, чтобы я отложил свое дело и работал бы над улучшением общественных условий, в которых люди могут заниматься искусством.

Так, бывает, лелеешь в будущем цель, а когда достигнешь и надо с этим достигнутым жить бок о бок, стирать пыль, трепать, чистить, раскладывать и укладывать, то оказывается все достигнутое ненужным и скучным. Оказывается тогда, что сладость обладания растерялась в процессе достижения, что интересно достигать, но не обладать.

Я помню, ... она мне на ходу передала письмо к матери незапечатанное.

---

* ens realissimus (*лат.*) — очевидная реальность, высшая реальность.

— Коротенькое письмо, — сказала она, — позволь мне, я прочту.

И прочла мне о том, что она случайно со мной познакомилась и думает, что человек он хороший и за него можно выйти замуж.

Все похолодело во мне после чтения, все вдруг прошло, я искоса поглядел на нее и увидел, что она самая обыкновенная и не очень даже красивая барышня, что все ошибка у меня ужасная, но что теперь уже деться некуда и [надо] поступать, как оно выходит.

— Что же, хорошо! — сказал я, принимая письмо.

Наверно, она все поняла и через несколько минут где-то на лавочке попросила обратно письмо и сказала:

— Нет, мне кажется, я тебя не люблю.

— Как же так! — воскликнул я.

И тогда опять началось сумасшествие.

Невозможность достижения была условием моей любви. И она это поняла и, отказав навсегда, взяла меня в плен на всю жизнь.

Так рождается на свет поэзия.

И я думаю, что именно так было и у Тургенева.

Антипод Тургенева — это Никишка. На этой земле, в этой природе есть что-то навсегда отравленное, опошленное, униженное в самом человеке, т. е. в самом источнике прекрасного. Так что хочешь полюбоваться, а тут Никишка осклабится.

В этом тургеневском чувстве красоты есть дно из эгоизма, и ты чувствуешь его: вот они, эти камни; и знаешь, что все отражения, столь прекрасные, остаются лишь здесь и не проникают за камни; ты еще знаешь, что и ты сам со своим отражением ограничен и что эта ограниченность есть твой удел; но те, кто глубже тебя и достойней, тот тоже не прав тем, что не хочет и не может понять красоту отражений.

Есть барственное основание в тургеневском чувстве прекрасного.

Я как увидел на фото эту нашу родную деревеньку, так сразу и не захотелось мне ехать на Бежин луг.

Огромное большинство ошибочных суждений о писателях (педагоги больше всего ошибаются) зависит от того, что о поэзии судят с точки зрения ее потребителя, а не созидателя.

Двигаться за недоступным, — вот сущность поэта; напротив, потребитель поэзии никуда не движется, а берет готовое, читает, учится и потребляет, как хлеб, разбирая, как он выпечен, достаточно ли посолен и т. п.

Тургенева из Спас-Лутовинова, пожалуй бы, не выгнали совсем, но дали бы ему во флигеле одну комнатку, как было у Дунички в школе, у Вергунина, т. е. эта милость горше, чем просто выдворительная.

Важно то, что никакой праведник в этих условиях не мог оставаться самим собой. И вот в этом-то и есть страшная тайна Никишки и его избы и его деревни.

В орловской природе, в самом ландшафте орловском есть отрицание всего тургеневского (и в человеке орловском, в деревне).

Когда в орловском пейзаже появляется поэзия, то всё вокруг спешит доказать, что это неправда, и раз неправда, то она и не должна существовать.

25 Февраля. Люди мало-помалу поверили, что это настоящая весна пришла.

Доктор вчера измерил давление крови и нашел от 80 — до 150... для моего возраста, говорит, хорошо, и ничего не нужно предпринимать, а охотиться. До еды гиперсол, после еды дивертин. В 10 дней 1 — молочный или фруктовый.

После доктора ночью 1-й раз в жизни заболела печенка, и всю ночь я ее парил, — вот напасть!

Никишка. Думаю о Тургеневе и РАППе, что есть в тургеневском романтизме что-то вроде дезертирства. И в раппстве (Добролюбов и др.) сила требующего жертвы Бога... Так что Тургенева нельзя просто взять как знамя Аполлона: выскочит Никишка.

В лесной России между барином и мужиком был кустарь: бондарь, горшечник, пушник, скорняк: это смягчало

жизнь. В тургеневском краю мужик и барин — единство в двух лицах.

Все живые отношения должны быть непременно и личными, даже дипломаты и те встречаются, чтобы посмотреть друг на друга. Только бюрократы личных отношений избегают и заменяют их бумажными: в этом и есть вред бюрократии...

Но если не бумага, а Бог, то можно и не спрашивать о лице, потому что само собой разумеется, что если в Боге, то и с лицами.

Безликие отношения, в бумаге или через шестерню, — всегда безбожные.

Мы вопим о Боге, значит, вопим о лице человека.

<u>Детские рассказы</u>.

1) Муравьиный большак.
2) Пчела.
3) Воробьи.
4) Лисичкин хлеб (см. расстрелянную тетрадку).

Великий пост. В Москву совершаются из деревни тайные паломничества: церкви на местах закрыты, и поговеть можно только в Москве. Приехала Аксюшина мать, сестра Дуня, и детей привезли.

По телефону через секретаря Кассиль приглашает писать в «Мурзилке». Он обнаглел, потому что ему удалось собрать коллегию из Барто—Кассиля—Михалкова и Толстого, — одни орденоносцы.

В свое время было же известно, что Клюев читал стихи в салоне старой императрицы. Так почему бы и Барто, и Михалкову тоже не прочесть в подобном салоне?

Тяготение Пушкина и Лермонтова к «свету» так же неизбежно, как и всемирное тяготение: тянет, как, напр., Лермонтова, хотя бы только для того, чтобы кому-нибудь там в морду дать.

2 Марта. <u>Лисичкин хлеб</u>.

5 Марта. Кончил составлять и отдал в переписку «Лисичкин хлеб». Сегодня придут киношники разговаривать о Мазае.

Хинин. Узнал от Павловны, зачем Лева взял у меня хинин: сказал он мне, что для тещи от малярии, а оказалось, для Галины. Как в свое время в борьбе с законом о вине рекой лилась самогонка по всей стране, так теперь льется женская кровь. Так что Галина приняла хинин и села в ванну. И так второй раз, и надо бы третий, но тут заболела ее мать, она прервала операцию и уехала к матери. Вот теперь и собрались, Павловна, теща и Галина. — Вот из-за тебя всё! — сказала Галина. И теща горько заплакала. Павловна подумала, что теща плачет от «греха», — что дочь хотела вытравить плод. И начала уговаривать вроде того, что «время такое, все женщины легкой жизни хотят»... — А вы как думаете, — очувствовалась теща, — вы хотите, чтобы она по доброй воле в хомут лезла? — Оказалось, теща плакала из-за того, что ее дочери не удалось сделать аборт.

Женщина-зоотехник N. в Зверосовхозе долго и всеми средствами добивалась кровей. И как обрадовались она и муж (политрук, оба коммунисты), когда хлынула кровь. А когда подали карету скорой помощи, вышла Нина и сказала: — Это что же, из-за гриппа карету? — А муж шаловливо взял ее под руку и шепнул: «Все в порядочке».

6 Марта. Визит Аллы Макаровой. Окончание «Лисичкина хлеба». Договор с Елагиным.

7 Марта. Вязаться с киношниками или нет? Решит сегодня вечер.

Узнать «Новый Мир», Альманах.

8 Марта. Предпринимая пересказ книги Серой Совы, я имел в виду нашего юного гражданина, которому предстоит решить труднейшую моральную задачу: как сохранить свое нежное сердце, необходимое при строительстве коммунизма, в то время как для обороны идеи коммунизма при-

ходится ежедневно ожесточать это сердце в борьбе с врагом внешним и внутренним.

<*Приписка:* Мне хотелось посредством книги Серой Совы подвести юного гражданина к этой моральной проблеме, разрешаемой особенной творческой близостью к природе, к животным. В исключительно мужественной личности Серой Совы живет такое нежное сердце. Он вызвал в моей памяти из далекого прошлого русскую революцию. От такого человека, закаленного вечной борьбой с нуждой, без опасения впасть в поэтическую сентиментальность или в бездушный натурализм и биологизм... можно поручить устраивать детскую душу.

Книгу еще более близкую к детям, чем рассказанная мной, представляет собой повесть Серой Совы, предпринятая Аллой Макаровой, переводчицей одной из самых волшебных юношеских книг Майн Рида «Всадник без головы».>

Жизнь Серой Совы, описанная им в книге «Странники леса» и пересказанная мною на русском, решает названный вопрос в отношении охотника к убиваемым им животным. Необходимость заставляет убивать этих чудесных животных, бобров, а хочется их любить, охранять, размножать. Этот самый вопрос несколько в иной форме представила жизнь и мне самому, страстному охотнику-любителю. Я утверждаю, что и в каждом любителе-охотнике таится в той или другой степени этот вопрос. Хорошо тем, кто охоту считает атавистическим инстинктом, подлежащим искоренению, — тем нет вопроса никакого: он ест животное в жареном виде и не хочет с ним дела иметь, когда оно живет. А я вот лично, поняв, что охота дает возможность соприкасаться с природой глубоко, стал [осуществлять] свое решение жить охотой как источником моих рассказов. Проблема двойного отношения к животным стала из жизненной необходимости передо мной точно так же, как и перед Серой Совой. И вот уже лет двадцать я пришел к тому же выводу, что выходом является творческое вмешательство в жизнь животных: близостью к животным, достигнутой благодаря охоте, [можно] воспользоваться, чтобы их размножать. Серая Сова...

8 Марта. В редакции «Детской Литературы» я стал ругать Михалкова за «Три товарища». Чуковский просвистел какую-то ритмику стихотворения и сказал: — А по-моему, хорошо. — И после того мне: — Вы подходите изнутри — и это одно, а можно подходить извне, — и так тоже можно подходить. — Эти простые слова так поразили меня, что я растерялся. Ведь и Маршак, если подходить «извне», может быть замечательным поэтом, да, наверное, оно так и есть...

9 Марта. Ночь, 3 ч. Снилось Хрущево, мать и кто-то из братьев. Я прочитал в газете декрет об удалении из усадеб всех помещиков. При этом во всей красоте, прелести встало Хрущево. А чувство было точно такое, как снится время от времени, что тебя выгоняют из гимназии или что тебе надо экзамен какой-то сдавать. Может быть, это есть влияние письма о. Афанасия.

Я часто везде рассказываю о том, как гнусно, по-змеиному шепчется интеллигенция об орденах, что тому-то следовало [дать] такой орден, а дали вот такой. В частности, мне самому в Москве приходится ежедневно выслушивать от «друзей»: «Такой ли вам орден следовало дать, М. М.!»

С другой стороны, тоже ежедневно от читателей, от народа получаю письма, в которых поздравляют с «высокой наградой» от чистого сердца. Это я обыкновенно «выкладываю», притворяясь чистосердечным. Единственный раз получил в ответ: — А я все-таки, несмотря на все ваши телеграммы, весь «народ», хочу оставаться с суждением литератора-интеллигента и буду, если понадобится, говорить и против всего народа. — Ну, вы тогда, — сказал я, — есть человек из подполья...

Не забыть эту чувство-мысль о необходимости прощания со вчерашним днем, о боли, сопровождающей у иных это расставание, и о равнодушии других (нигилистов).

Прощай, снежок, ты растаял, и больше мы с тобой никогда не увидимся. Придет зима, и придет с ней, конечно, снег, но это будет другой снег, а ты больше никогда не вернешься. Прощай навсегда!

И дым из трубы, и это облако, и все, — все пройдет, и перед собственной смертью ты будешь один, — вот это и страшно, что все-все связанное с тобой пройдет, и будет даже такой момент, когда совсем ничего для тебя не останется, а ты все еще будешь повторять: я, я, я!

«Враг» у N. перемещается: раньше это были «большевики», а когда пришлось с ними помириться, то враг оказался сначала у иностранцев, потом у троцкистов, потом в невежестве своего народа — «свой враг», и кончится тем же, чем кончилось у сектантов: сначала антихрист, а потом враг с тобой за одним столом сидит, одной ложкой ест.

Новый день получает копилку от старого и сам, проходя, бросит что-нибудь от себя. Некоторые видят в содержимом этой копилки и вечность, и цель.

10 Марта. Утром переехал в Загорск. Валит снег. Внутренняя поэзия и формальная. (А получается: душевная поэзия и «деланая».) Проза честнее поэзии, в прозе невозможно поэтический ритм подменить метрическим, в поэзии? да вся поэзия и стоит на этой подмене. (Маршак, Чуковский и Шкловский.) А в общем, я писал, как чувствовал, как жил, не обращая внимания ни на Чуковского, ни на Маршака, ни на Шкловского. Я исходил от русской речи устной, и это оказалось совершенно достаточным.

<*На полях:* Таган, печка керосиновая.>

11 Марта. После метели ясно и мороз около −20.

Когда я живу где-нибудь на лесной поляне, закрываю глаза, когда солнце садится, и открываю при первом свете, — мне все хорошо. Но пожив некоторое время в городе, потолкавшись досыта в литературной среде, я становлюсь пессимистом и начинаю думать, что в человеческом мире всегда Маршак побеждает Чуковского.

Какой-то серый человечек вгляделся в меня, и я понял: он меня узнал. Но я не помнил его и сделал вид, что не узнал. А когда вышел из метро, он меня настиг. Ему надо было мне что-то сказать, но внизу в толпе ему было неудобно. Я вгля-

делся в него и вдруг узнал: это был один букинист. Когда же мы поднялись из метро и остались одни, я вдруг понял, что он мне хочет сказать, что мне все говорят в Москве вместо поздравления: говорят, что я заслужил большего. И в этот раз, как всегда, я отгадал: букинист, оглянувшись во все стороны, склонился к моему уху и прошептал:

— Тот ли орденок заслужили вы, Михаил Михайлович?

После ордена телеграмма шла за телеграммой, письмо за письмом от читателей, и так долго: неделю, другую. Я наконец убедился, что в народе у меня есть настоящий читатель, которому действительно приятно увидеть меня орденоносцем. Какое дело этому читателю судить Маршака и Чуковского, что один больше, а заслужил меньше. И Маршак и Чуковский люди чужие, возможно, они заслужили чем-то больше Пришвина, но Пришвин свой человек; потом, читателю кажется, что это его самого наградили. В этом большом признании я почувствовал и радость тоже и от ордена. Я вспомнил, как мало я нес общественных обязанностей, и мне стало казаться даже, что Орден почета — награда для меня слишком высокая, что если бы наряду с народным признанием правительство дало бы мне самую маленькую медаль, то и этой медали от правительства следовало бы радоваться.

Так мало-помалу я пришел в себя, стал любить свой орден, носить его, пользоваться им на трамваях, в очередях, даже немного гордиться, и никогда, клянусь, никак не приходило мне в голову, что Маршак по ордену выше Чуковского и Чуковский выше меня.

Мы думали — это собака бежала по дороге за подводой и, как бывает, сделала по снегу полукруг на обочине.

Скоро, однако, мы заметили, что след с дороги пошел ровной цепочкой прямо в кусты.

— Это лисица, — сказал Петя.

— Но почему же, — спросил я, — след не так резок, а немного пухловат, как у собак?

Мы прошли по следу в лесу еловыми кустами, все время приглядываясь, все время думая: «Почему же этот лисий след как будто <*зачеркнуто:* грубоват> чуть-чуть пухловат?»

— Вот почему, — сказал Петя.

И указал мне в густые кусты.

Взглянув на указанное место, я тоже понял сразу, почему след лисицы чуть-чуть пухловат: их было две лисицы, впереди шла самка, позади самец ступал след в след, и так верно, что неопытный глаз никогда бы не мог заметить (см. фото). А в еловой густоте обе лисицы позволили себе на мгновенье разойтись, и оказались рядом восемь отдельных следов, по четыре от каждой лисицы.

Начинаю понимать своего «врага», и всё от замечания Чуковского: — Вы подходите внутренне, а они подходят внешне, можно ведь и так подходить. — Вот в этом внешнем подходе и есть мой враг. И если от литературы пересмотреть всю жизнь, то как раз же в этом и есть мое расхождение, моя борьба: материализм в жизни, формализм в литературе. В то же время понятно, почему не хотят и меня совсем заклевать: им хочется от внутреннего метода взять его духовность, идеализм, героизм.

12 Марта. Сегодня у меня был 1-й молочный день. Тяжелая экзекуция.

Утром снимал (солнце-мороз: весна света), но мысли никакие в голову не приходили. Вечером было как после тяжелой болезни.

Из разговора с Кочетковым: я со своей «внутренней» (бостремовской) точки говорю, что напрасно губили ценности кустарного быта. Он же мне отвечает: — А если бы на кустарей ориентироваться, то ведь тогда невозможно бы было создать избытки продуктов, значит, невозможно осуществить «каждому по потребностям», т. е. коммунизм.

Значит, вот и тут, в этом маленьком разговоре видно столкновение, скажем, спиритуализма и материализма, т. е. в конечном счете личности и среды.

На практике вопрос разрешается войной личности со средой и военной тайной, потому что личность есть нечто непроизносимое.

Алеша (Алексей) Вихляев, совсем молодой человек, работает шофером, ночью пишет и раз в неделю ездит в Моск-

ву в «Литобъединение» «Рабочей Москвы» читать свои вещи. — У меня, — сказал он, — скопилась маленькая библиотека, есть весь Пушкин, один том Лермонтова, 8 томиков Чехова. — Толстого бы надо! — Где же взять его: Толстой стоит 500 руб. Тургенева и то не могу достать. — Погодите, я вам подарю «Записки охотника». — Спасибо, большое спасибо, вы мне Тургенева «Записки охотника», а я вам рессору подарю... Что это, скажите, езжу в Москву, и нет мне пользы от этой литературы ни малейшей и, по всей вероятности, и не будет никогда, стремлюсь и больше ничего. — Вот это самое «бесполезное» стремление и есть самое главное, и когда-нибудь оно обернется вам и «пользой».

13 Марта. В 5 у. разговелся, как на Пасхе. Захотелось вернуться к «Падуну». В связи с этим завтра, 14-го, определиться с «Молодой гвардией».

Лисий <*зачеркнуто:* след> гон. Уменье написать не дается не потому, что нечего написать: сколько пишет людей, у кого нет ничего за душой! Нет, дело не в том, что не о чем писать, а в том, что хочется сразу о всем написать. Самое главное в уменье записывать за собой — это экономия материала: надо научиться записывать <*приписка:* не «всё»> «мелочи». Второе же главное — это уметь словить тот момент, когда «мелочь» показывается, проще сказать, надо научиться пользоваться случаем. Привожу для примера свою фотозапись в природе 11 Марта этого года.

Бывает в жизни, когда надо сказать: «Да будет воля моя!» — и бывает, человеку необходимо смириться и прошептать на Восток: — Да будет, Солнышко, воля Твоя!

Сказать Ксении: супы варишь долго.

Записки юнната. Можно искать в природе причины явлений, — это дело науки. Но можно искать образы, — это дело искусства. С незапамятных времен с этой целью исследуют природу живописцы, преследуя события в природе с кистью и карандашом. В литературе художественное исследование природы только начинается, и я не могу назвать

никого из больших писателей в прошлом, кто бы занимался изучением природы, как это делал даже маленький живописец. В этом деле художественного изучения природы с литературными целями я считаю себя пионером и, само собою, как дело это вовсе новое, и юннатом.

Кое-что все-таки на этом пути мне удалось сделать и даже убедить в этом других. Фенологическая книга «Родники Берендея», превращенная потом в «Календарь природы», множество охотничьих рассказов, целый ряд больших ландшафтов севера, юга, Дальнего Востока составляют довольно увесистый сундучок. Но все это в прошлом, и все это начало, главное же все впереди, и потому я держу себя как юннат и очень хотел бы других юннатов, имеющих страсть к искусству слова, позвать за собой на путь литературно-художественного изучения природы, подобно тому как делают это живописцы.

Орудия моего производства — карандаш, записная книжка и лейка.

Но ведь мы вышли на рассвете, на самом рассвете, они же, скорее всего, шли ночью в темноте: шли в темноте и все-таки след в след <*приписка:* лапка в лапку>. Как же это возможно?

Тут я вспомнил свою весну света, когда тоже за своей лисичкой шел по чутью, лапка в лапку, и нам не нужно было примериваться, мы верно шли...

Я не думаю, конечно, что с пером, записной книжкой и «Лейкой» больше увидишь и сделаешь для литературы, чем если без этих орудий и даже без намерения в голове бродить, а после из этого делать. Но я уверен, что если овладеть пером так, чтобы о нем и не думать, то можно, как живописцы, смотреть в упор и писать.

Инженер Огнев думал, что враг — большевики, и видел их во всяком проявлении. Но когда эти проявления стали делом врагов, то Огнев задумался, и у него борьба с такими врагами стала общей с правительством.

<*На полях:* Письмо Трусову — на Ленинград.>

15 Марта. Москва. Валит снег. Вчера А. М. Коноплянцев рассказал, что живет на диване (все та же одна комната) и сыновья — комсомольцы, и зарастает его диван комсомолом: Миша женился, привел комсомолку. Так и зарастает старый богоискатель на диване комсомолом и октябрятами.

·

16 Марта. Валом валит снег: снег выпал только в Марте.

В «ГИЗе» говорил Лукину, и от его согласия со мной самому становилось ясно: это что стихотворчество, закрепляясь в метре, при большом мастерстве перебивает естественный, органический ритм народной речи; что борьба с этим должна быть не личной, с Маршаком или Багрицким, а вообще с формализмом. И ясна становилась задача современного русского писателя: писателю классическому «внутреннему» русскому нужно овладеть внешней формой и не потерять силы своего внутреннего творчества и не впасть в пошлость.

В такой борьбе за национальную литературу исчезает борьба с «одесситом», потому что одессит со своим формализмом является достойным тружеником в творчестве. Так что нам, коренным русским, надо не сетовать на засорение русского языка одесситами, а учиться у них формальному подходу к вещам, с тем чтобы в эти мехи влить свое вино.

Купил Rolleiflex и так радовался ему, что ночь плохо спал. И когда об этом рассказал Аксюше, она сказала: — Это у вас ребячье, и в этом нет ничего удивительного: все люди чем-нибудь играют. — Так что, может быть, — продолжал я ей развивать эту издавна любимую мною мысль, — может быть, и людей так можно узнавать: узнал, какой игрушкой играет, — и сам человек этим откроется. — И откроется! — сказала Аксюша. — Вот ты, например, можешь про себя открыть? — А как же! прошлый год икону Казанской Божьей Матери мне подарили, так я, вроде как вы с аппаратом, спать не могла всю ночь, все глядела на нее и радовалась.

В Литфонд Заведующему, Тверская, д. 25: плохой подбор, случайность, нет новых книг: при огромном «Советском писателе» не достать книг.

17 Марта. До получения ордена я был персональным пенсионером и, значит, имел право входить в трамваи с передней площадки. Но я не знал своего права и, когда дали орден, обрадовался этому удобству чрезвычайно. И теперь думаю о своем праве еще 5 лет тому назад входить с передней площадки — сколько такого заложено в человеке, что он, может, и не знает, что может. С другой стороны, ведь если бы я знал свое право 5 лет тому назад — я теперь бы не радовался, и, во всяком случае, так радоваться, как теперь, я тогда не мог: тогда я был моложе и мне ровно ничего не значило толкаться в лезущей толпе...

18 Марта. Переехал в Загорск. 23-го утром — художник, вечером выступление.

Снег валит. Мазай засыпан. Террасу кончают. Опыт с Роллейфлексом.

19 Марта. Валит снег. Видел во сне Ленина с горящими глазами в мирной домашней обстановке. Все сидят в тревоге: «Мы окружены в Азии».

Германия заняла Чехословакию, ультиматум Румынии, а тут своя весна... И так вот всё: те, кто сейчас «наверху», должны так и жить и думать, — что война и всё для войны; а кто-то должен думать, жить, устраивать всё, как будто вовсе не будет войны. И так она, «египетская» (по Розанову) жизнь (священная), совершается, осуществляется пусть даже в последней секунде своей как священная и, самое главное, названная презренно «сверху» обывательством, мещанством. «Гражданство» лишь при условии внутреннего истока.

Читаю «Всадник без головы» и думаю воспользоваться его динамикой и тем начать свою большую борьбу с формализмом.

Форма питается одновременно и силой необходимости, и силой свободы. Гений может создавать форму одной свободой, исходящей из внутреннего порыва. Все другие «работают над формой», исходя из чувства необходимости.

«Гений»: хорошо, если гений имеет в виду необходимость формы... Гений, конечно, имеет в виду необходимость формы, но эта необходимость сама собой вытекает из порыва его внутреннего.

Мои лица: герой как душа борющаяся и побеждающая: одухотворяющая; Клавдия — женщина в мужском виде.

18 Марта. Валит снег.

19 Марта. Валит снег. Саня Старшинов сказал, что прошлый год, как раз через месяц от этого числа — 19-го Апреля — он выставил пчел: цвела ранняя ива.

Рассказ «Раки». Наташа (тетка) и Аксюша — племянница пошли на речку за раками. Наловили много, целый мешок. Понесли, а мешок дырявый. Пришли домой, а раков нет: все по дороге, рак за раком, удрали. Бросили мешок с остатками раков, взяли ведра и пошли собирать. Да где тут! Раки ведь только в воде плавают задом. На суше рак идет головой вперед, и на голове у него глаза и усы: идет как следует...

А пока ходили, остатки раков расползлись по избе и спрятались в укромные места. Долго их находили. Последний рак выполз из-под ларя и весь в паутине.

Кончил «Всадник без головы». Такая динамика в романе, что умный пожилой человек с величайшим волнением следит за судьбой дураков. И таким механизмом романа не пользуются!

20 Марта. Не обошлось без снега и сегодня. Вот и навалило снегу без осадки под самое половодье. Поглядеть бы теперь, какие следы у зверей. Да, вот так беда зверям: март самая беготня, гон, а тут не только белка, заяц, лисица, а и волк с ушами уйдет в пухлый снег. И сам лазишь без лыж по грудь, и ничего, — до того рыхл этот снег.

Социалисты (марксисты) ищут между людьми отношений вещественных, они считают, что только вещь реальна в человеческих отношениях.

Это, наверно, правда, что только вещь может свидетельствовать о тех или других массовых отношениях людей между собой. Так что все...

Все происходящее между людьми...

Вещь является свидетельством каких-то отношений между людьми, и всякая вещь, созданная людьми, является свидетельством их отношений...

Всякая вещь является свидетельством отношений между людьми, и даже самое человеческое Слово в душе сказителя чудесным образом становится вещью.

— Все существующее в соприкосновении с человеком становится вещью.

— А звезды?

— Как только взглянул человек и заметил звезду — кончено! Она стала вещью, и все равно, планетой Венерой или ангельской душкой.

— А озеро?

— Вот и озеро: запрем падун, и озеро будет нашим, нашей вещью.

— И всё?

— И всё без конца, пока жив человек, будет посредством него делаться вещью.

На Падуне: — Мы стремимся всё на свете, даже человеческое слово, сделать вещью, полезной для людей: да, пусть в руках художника самое слово делается вещью. Они же, напротив, все вещи на свете превращают в бесполезное слово. Послушайте, что они сейчас говорят.

1) Прием подмены героя, как у Майн Рида «Всадник без головы» и как в «Жень-шене»: «Это была не та женщина»... 2) И еще какой-то прием такого увлечения читателя, при котором можно свободно распоряжаться «естественным» порядком и невероятные вещи делать вероятными. 3) Разбрасывать события: не закончив одно — переходить к новой главе, к другому месту, другому лицу. 4) Призрак: Черный араб. (Силы природы: Мороз, Вода.)

Правила для управления, а я не управляю.

Вчерашний день вяжет человека.

Весь XVIII съезд посвящен выработке правил управления страной. Есть, однако, люди, и они всегда будут, которые ни малейшей претензии на управление не имеют и даже интереса к этому никакого не чувствуют. И они должны быть, такие люди, а то кому же...

Вчерашний день привязывает к себе, и так надо: а то что бы это было, если бы мы жили без вчерашнего дня! Но, бывает, тяга вчерашнего дня бывает столь сильна, что человек отстает и не может, обремененный прошлым, двигаться вперед. Вот тут-то приходит человек без вчерашнего дня и отстраняет с пути усталого. Но это еще вовсе не новый человек: его дело только в том, чтобы новому человеку расчистить путь. И когда новый человек приходит, то непременно он обращается опять к вчерашнему дню...

Техника так занимательна, что человек, глядя со стороны, кажется, будто играет (Зуек — увидел инженера). И так можно закоренелого «врага» сделать другом.

21 Марта. Беседа с Герасимовой, — одна сладость, а когда после одумаешься и ее испытываешь на пробный камень <*зачеркнуто:* жены> близкой жизни, то... какой это груз!

22 Марта. Бывает, в обход создания образа берет соблазн решить это просто умозаключением, — вот этот соблазн надо отбросить.

24 Марта. После обеда — Загорск. «Запирался».

25 Марта. Загорск.

Вчера ринулась весна воды, и наш дом окружился водой. Сегодня готовится красный день с легким утренником.

Штучка. У всякой любимой вещицы ее существование делится на три части: сначала любишь вещь как невесту, глядишь и не наглядишься и носишься с ней всюду и кричишь: лучше моей штучки ничего нет на земле. После того «штучка» мало-помалу становится вещью обыкновенной,

она служит тебе, и ты перестаешь ее замечать. Случится когда-нибудь с тобой горе, или, может быть, придет нежданное счастье, выбивающее тебя из колеи, и ты оглянулся на своего старого, морщинистого друга, вдруг все вспомнил, глубоко понял и опять полюбил свою милую штучку. Тогда жизнь вещи вступает в свою третью, последнюю часть. И так живет всякая любимая вещь.

А самая жизнь наша разве тоже не «штучка»? Разве не бывает, что под самый конец соберутся ее самые сладкие светящиеся капли?

Бывает, но редко: в этом виноват сам человек.

Один из героев: Продувной.

Бумажка — ветер вырвал из рук Дехтерева, а потом бумажка мчалась за автомобилем: ветер от автомобиля поднял бумажку.

Талант и собственность.

29 Марта. В Президиуме выбор Борисова: «дух общественности».

Решить вопрос: выписывать материалы, слегка придерживаясь сюжета, или прямо писать по сюжету, а потом пополнять.

30 Марта. Холодно, ветрено, ясно. Фруктовый день. Посещение Житкова, Лаврова. Безобразие в «Октябре» с «Большим гнездом». «Советские гусары».

31 Марта. Ясно, ветрено, холодно, потом снег. Вернулся в Загорск. В природе без перемен.

1 Апреля. Мороз –15. И ветер легкий. Очень ясно и ярко, к 12 д. развезет. Принимаюсь за «Весну» (хочу так назвать «Падун»).

Ночью вспомнил письмо комсомолки к доктору с вопросом, — можно ли оперативным путем вернуть девственность. А доктор будто бы (это уже снилось) ответил: — Едва ли это возможно, и если возможно, то на что это вам? Но

вам без всякой операции и по-настоящему самой можно вернуть себе девственность. Я научу вас, для этого вам стоит только полюбить по-настоящему. Ведь это для состояния девственности вовсе и не важно, — все ли как следует обстоит в отношении физических органов. Важно душевное состояние, если женщина способна самозабвенно полюбить, то девственность к ней возвращается, без девственности души нельзя полюбить. Полюбите, и к вам вернется девственность.

После ухода старухи (с проклятием) — разговор Зуйка с Клавдией о том, что здесь на земле... надо.

Апрель — стужа.

3 Апреля. –18°. В полдень, однако, на мельнице была вода: как пена дышала. Сюжеты снежные с летними облаками.

В лесу на склоне от всего зимнего снега остался лед, и на льду осели все хвоинки, падавшие всю зиму на снег.

Пудра вчерашней пороши по насту и на ней звезды. Каждая былинка смотрится и видит себя голубой. В овраге нет еще воды, но след зверушек двойной: бегают друг за другом. Это у них весна света.

Дерево. Щавель дал форму дерева на лугу со всеми его сучками. Так люди иногда берут черты своего вождя и в парке по чертам дают удобрение, сажают цветы и так из цветов на парковой лужайке получают портрет своего вождя.

Это годится к описанию поляны и смены поколений деревьев, намекая на причину дуплистости и гибели деревьев, что корни доходили до воды.

Чтобы новая мысль родилась, самому надо отстраниться и заблудиться: задуматься. И после тогда рождается мысль, и эта молодая мысль рождается планом: прямо же хочется в этот план свою мысль провести. Так вот и тут — план, и в плане этом рождается новая география как ландшафт и новая неведомая жизнь.

День (Клавдия) для себя — смерть для ста ожидателей.

Снег осел — как песком посыпано под елями-соснами: это их старая рыжая хвоя.

Если народ отвечает за свое правительство, то всякое правительство отвечает за своего чиновника.

Русский человек, — это типично для него: не умеет пользоваться своими способностями. Однажды пришел к нам один актер <*зачеркнуто:* Худож. театра> и удивил нас, как актер, своей интеллигентностью. Потом, когда оказалось, что это был еврей, мы были разочарованы, потому что, как еврей, он умел пользоваться своими способностями казаться, быть вовсе не талантливым, а если бы русский так вел себя в этот вечер, как он, то это был бы только талантливый русский.

— Клавдия! бабушка говорила: будет у нас светопреставление, что оно, будет?

— Будет! — ответила Клавдия, — только это у нас называется всемирная катастрофа.

— И будут судить живых и мертвых?

— Будут.

— Как же мертвых-то, разве они встанут?

— Не прямо, но [душой встанут].

Провести аналогию до конца: до грешников.

Акт насилия после минувшей необходимости в нем должен скрыться — и скрывается. Только церковь с поломанным шпилем и крестом свидетельствует.

Жил слепой, все на свой костылик надеялся, но пришло время, и костылик сломался. На что теперь слепому надеяться?

Река пугает: выстрелы холостые. (Жаркий час.)

Лисица зайца поймала и съела: у них это можно.

Надпись. Первые проталинки. Млеет на солнце ранняя ива, распуская почки. — Смотри, ивушка, не рано ли, хватит мороз? — Знаю — а у меня почки в шубках... (к фото моему — снята верба).

Время создавать фольклор.

Жил Мороз с нашей маленькой речкой, и когда пришло время, уговорил ее, успокоил и покрыл на зиму белым одеялом. Но, видно, где-то была земля теплая, пришла большая вода.

Талант не собственность, это похоже на квартиру в Москве: ты можешь ей пользоваться, и без особых причин у тебя ее не возьмут никогда, но продать свою квартиру ты не можешь. Точно так же и талант: настоящий талант не продается.

И сама жизнь человека тоже, как и талант: вся в твоем распоряжении, но проданная жизнь — это не жизнь, и покончить с ней тоже не в твоей воле, не собственность она, и ты если покончишь [с] собой, будет считаться за преступление.

Не только помириться, но даже войти в какое-либо сотрудничество с этой жизнью возможно лишь или при полном незнании прошлого, или если считать, что жизнь эта <u>вышла</u> сама собою, а не делалась сознательно, как нас уверяют.

Сутулый — это план-исполнитель, его дополняющий Дехтерев — инженер считает судьбу свою связанной с собственниками, потому что талант свой принимает за собственность.

В Москве завтра: 1) 6 веч. Президиум. 2) «Детиздат» (Медведкова: сборник, Елагину позвонить) = о конце «Старухина рая». 3) Кочеткову — кружки. 4) Звонок в «Смену» и «Пионер». Захватить «В Хибинских горах». 5) Патроны. 6) Все для контакта (бумага, рамки). 7) Житков. 8) Пчелы.

6 Апреля. Если ты хочешь больше травы накосить, то, само собой, будешь и косу больше и лучше точить. И надо с того начинать, чтобы приохотить людей к труду, а не с того, чтобы на лугах косы точить. И если ты точно так же поймешь сладость творчества, то о себе в смысле «как все» забудешь, и если поймешь радость общего дела, само собой исчезнет в тебе чувство собственности.

Волков: из обиды вырастает собственность: чувствуешь, нет тебе в лютом мире защиты, кроме как взяться за собственность: это спасет тебя, и отсюда начинается охота к накоплению.

6 Апреля. Первая ночь без мороза и днем первый весенний теплый дождь.

Началась весна воды.

Тревога о пропаже книги и рукописи. (Бог даст, найдется.) В Толмачевском пер. старая женщина подвязала к телу яйцо и выносила цыпленка, и он за ней ходит.

8 Апреля. После суточного дождя снимал восход и капли, забор, блеск дороги водой.

Почему нет злодеев (Передонов).

Пропажа рукописей: и какая пустая жизнь без них!

Освобожденная вода (от Мороза) — пение.

Тема: песня освобожденной реки.

Первая песня зяблика [сходится] с первой песней воды.

Никакими полезностями не интересуюсь, но ценности собираю, и они становятся полезными для других только через меня. В этом и заключается удовлетворение, что только через меня.

Оледенелая дорога уходила прямо в море воды, и оттуда, из-под чистой воды, показывались [намеки] вместе с весенними облаками небес.

Оледенелый лес, ручьи сносят всю хвою.

10 Апреля. Снежная буря.

Начинается собственность из хаоса, близкого к моему Я — это самое близкое к Я, это личный хаос, из которого сила (талант) кует вещь, представляющую собой мою собственность.

Собственность как продукт личного творчества и собственность как традиция родовая, групповая. Человек в силу традиции, «по праву наследства» получает [право] распо-

ряжаться трудом других. Вот эта собственность есть воровство.

След выпуклостями.

11 Апреля. Следы бывают выпуклые, как весенняя дорога: вокруг всюду снег оседает, и прибитый копытом на дороге снег или примятый зверем на дороге одиноко выпуклит, и следы зайчика торчат как рачьи глаза. А то, бывает, след оседает вместе со снегом и разъезжается, расплывается до того широко, что след зайца от одной лапки бывает как банная шайка.

Со Ставским о власти, что всё из-за власти и что сам Ставский теперь физическая жертва стремления к власти.

Но если бы Ставский мог, как я, сидеть и писать, он не стремился бы к власти. И не один он.

Значит, власть иной природы. Она рождается в стремлении каждого насиловать и через это получать нечто себе, усиливать себя.

Стремиться к власти значит насиловать других и через это усиливаться.

Настал в лесу жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и самый страшный для птиц и зверей. Бывает, в лесной тишине вдруг шевельнется сама от себя веточка и закачается. Нет никого, мы проверим, обойдем — нет следа. И вдруг рядом, и дальше, и — революция деревьев.

[Белкино] наследство падает вниз.

14 Апреля. Красота всегда лежит в таланте, но сила их в правде.

16 Апреля. Бывает, услышишь фамилию и ахнешь и будто с трудом в гору идешь, стараясь представить себе жизнь людей, без стыда, по привычке днем и ночью называющих себя постыднейшим именем вроде Подхалимова. Так точно на высоте своего положения, как бы оно ни было незначительно, но в отношении какого-то положения — всегда высоко! так вот, очень трудно с высоты своего положения...

Девушки, человек 15, загородили дорогу и пошли, и когда им заметили, подняли глаза, и все эти глаза были как у антилоп.

Продала кровь и сделала себе прическу «Перманент».

Иногда говорят, что было бы дело: вот хотя бы спасение человека, спас — и кончено, а чем спаситель руководствовался, не все ли нам равно? Вот спасена жизнь роженицы путем переливания крови — факт! Между тем мотивом спасения у девушки Тони было достать себе путем продажи крови прическу. Тоня продала свою кровь за прическу «Перманент» и, вовсе не думая об этом, — спасла жизнь женщины... <*Приписка:* Кого же благодарить за спасение жизни? Я думаю, что докторов, а Тоня была их жертвой жизни: это они перелили кровь из одной жизни в другую.>

Слабость сниматься у простого человека основана только на том, чтобы выйти из себя и сделаться на карточке лучше, чем есть. Потому фотограф должен делать портрет.

18 Апреля. Мой ручей. Дрозды. Мы-то пробовали резать березы, казалось, должен был быть березовый сок, но березы знали и сок не давали: той ночью хватил мороз –18! А теперь после суточного дождя березы сразу дали сок, и муравьи выползли сушиться.

Если мастер работает, стараясь сделать «лучше всех», то он, если у него будет лучше всех, сделает нечто новое, и это для других будет как открытие.

Самому хочется сделать лучше всех, а для людей, если так выйдет, будет открытие.

...все делали и не видели и не знали, что сделали. Но когда приехал мальчик и стал удивляться, то всем стало, будто раньше они делали, а теперь [открытие].

— А как же стахановцы?
— Это пройдет.

Архангел.
Жизнь и творчество.
Договор с Правдой.

Мой договор: Ты, Правда, делай со мной что хочешь, — я готов, но я останусь самим собой, и больше: если ты меня тронешь — тебе будет хуже.

Выходи в природу с той мыслью, которая закружит тебе голову, и природа выпрямит мысль и покажет ее тебе самому в своих образах.

Дрожь в ручьях начала́ переходить на стволы.

Договор у декадентов: сесть самим на трон правды: я — бог! И начинали богоискатели с того, чтобы самим сесть на место бога (в белом венчике из роз).

Можно быть художником в союзе с Правдой, как Пушкин. А Гоголь и Толстой дали пример: сами хотели сесть на трон Правды.

Я нахожусь в том счастливом возрасте, когда уже нет ни малейшей охоты [наживать] себе богатство, но... И оно состоит в ежедневном обогащении сознания обдумыванием прошлого.

Я не очеловечиваю природу, а нахожу в ней общие черты с человеком, понятные в силу родства человека с природой.

Два чудовищных момента русской культуры: когда декадент объявил: я — бог! И потом рапповцы тоже: «мы — правда» и диктовали свои условия художнику от лица правительства.

Для художника Страшный суд есть правда.

Поездка в Москву. Теплый дождь .

Трон правды: «се буде!» («Константинополь будет наш») и переделка Евангелия (гражданская литература).

Легенда и правда.

Форма договоров. Пушкин: да будет воля Твоя! Не меня, не художника и проч. Счастливый договор, не повторенный потом.

Претенденты на трон Правды: Гоголь, Толстой, Достоевский.

Претенденты на место в колеснице Аполлона.

Мой договор: Правда ловит художника славой, — эту иллюзию надо преодолевать в себе коренным образом, и еще надо преодолеть вообще все «полезное», что приносит этот [трон...]

Кончить Вихляевым и хождением Тургенева и языком.

Заключение о Вихляеве: Я часто думаю о себе, как мог я уцелеть как писатель в тяжелых условиях революции, как не стыдно так сохраниться. И так разрешил, что... торф... и так весь народ загорается, и так загорелся Китай, потому что это жизнь заключенная просится на волю.

Сострадание ко всему человеку.

— Какое значение имеет отдельная пчела? Глядите, как она умирает, и приучайте себя думать, заботиться о всех пчелах улья, об улье, и так через пчел поймете человека: надо сострадать всему человеку, а не человеку-пчеле, — говорит Пролетарий...

А Хозяйственник: по копеечке складывается капитал: одна копеечка [появилась], другая за ней, — так и люди: начинает [один]... а не все сразу.

1) Весна света: летние облака при снеге. 2) Весна воды: ручьи на снегу. 3) Весна растений: почки.

23 Апреля. 1) Скворцы. 2) Мосты и треск льда. 3) Забереги — дрозды, один из-за кочки вытянулся, но я не успел: высыпка дроздов на берегу. 4) Замерзшими колеями дорога уходит в воду, и на солнце возле осин дрозды.

Ольха — сережки у воды.

Воркованье лесного голубя.

Остатки бледного льда на лугу перекликались с обрывками бледного месяца.

Вытянутые шеи птиц впереди, слушающих шорох льда под ногами.

Белизна неодетых берез на солнце точно как у нас цвет лица.

Хищник летел на меня и повернул обратно.

Религия страдания и религия радости.

Опушка березовая светлая, но хороша и осиновая: там птиц много поет, и осины перекликаются с березами: мы ведь тоже по-своему рады.

Видел ли кто-нибудь весной после утренника в солнечный день, как умирает лед на лугу: какие чистые капли золота сливаются и уходят в землю: это был самый маленький ручеек, уносивший последнюю воду, и утренник весь его заморозил, а днем лед не в силах был [выдержать] и изнывал.

Ранней весной так прекрасно в природе и так непостоянно: тут мгновенья и перемены так необычайны, потому что приспособиться к погоде, как приспособляется чиновник к службе, невозможно, и это прекрасно.

Истлевающая дорога.

Повислые над кручей частые корни обернулись в сосульки и, удлиняясь, достали воды, и ручеек шевелил их, и они звенели, и капли пели.

Пан:

Когда-то люди будут счастливы, и хорошо работать для будущего счастья всех.

Но если я сейчас это чувствую — солнце, птицы, счастливые девушки со всех сторон.

Ольха и верба и осина цветут над снегом и льдом.

Ставят в героический пример Галилея, что он — вертится земля.

— А что от этого [сознания] нам, вертится она или стоит.

Но почему не поставят в пример героического писателя, который, несмотря ни на что, отстаивает человека от смерти и говорит, что жизнь человека должна быть прекрасна.

Чудо последних белых дорожек в лесу, и то белая дорожка, а то дорожка оборвалась и вместо нее две наполненные чистой водой колеи с отражением леса. А дальше опять «черепок» и сюрприз: вся дорога уходит под воду и оттуда виднеется [желтая].

К лесу через полой я не мог подойти, но к отражению леса в полое вплотную.

Витютень.
Психология «бах!».
Рождение богатыря.

Надо самому в настоящем чувствовать счастье, чтобы предлагать его всем.

К рассказу: истлевающий лед: вечером был такой богатый ручей, но за ночь весь сбежал, и утром последнее схватил Мороз. Он сделал из последней воды кружево...

Свобода – это победа Хочу над необходимостью, над тем, что Надо, свобода есть победа.

Когда ударит орудие на полянке или в лесу, кажется, глухарь взлетел, а машина хлопает, будто рябчик пырхает в ельнике. Но когда по-настоящему глухарь – это не орудие, не машина. И сами птицы так привыкают к звукам моторов, что не слышат их.

Струйки в ручье весенней воды неровные, сойдутся – всплеск, и замолкают.

Сегодня пахло землей.

26 Апреля. Речь на два голоса.

Пузыри на ручьях такие стремительные и скопляются в пену, как снег.

Снимки: <u>ольха цветет</u>.
Все дрозды.
Пар от земли и дух.

Люди-комары и их роль в обществе.

Знаю, что все звезды со временем будут открыты, приблизятся к нам и станут ночными солнцами, но верю, что никогда не откроется для всех ночной час человека спящего.

Гром тетеревов.

1) Чего мне стоит этот день – заплачут.

Но делать нечего: моя легенда о лесе – <u>легенда</u>, а комиссия <u>правда</u>.

2) Моя жизнь в правде и легенде (личная). (Правда не даст нам бумаги.)

3) История комиссии: а) моя легенда — Аполлон; б) Вересаева правда; в) Изба и Парк.

4) Жив ли Тургенев. Он жив в доказательство, что без легенды не может быть и правды. Иллюстрировать нынешнее состояние литературы и науки: Вихляев. Хождение.

NB вставить историю борьбы Надо и Хочется: «Надо» Толстого, Гоголя и «Хочется» декадентов: «я — бог» и падение в богоискательство.

Вчера был первый гром... гром, выходя из оцепенения...

Заключение: дайте бумаги (на табак ведь больше дают).

Легенды бывают разные: у нас были пасха, кулич и красные яйца, теперь едят рабочие в вагонах мороженое!

Равновесие Легенды и Правды. Сила равновесия народа в пользу правды. Защита отечества — нужна бумага.

Закат: рассказ о том, как нижняя золотая туча и верхняя синяя сошлись и солнышко скрылось. (Сосна — Верхняя — Солнце.)

Сила писателя в правде.

27 Апреля. Райский день: Вчера ударил 1-й гром, сегодня, я думаю, лягушки выйдут.

1-е Тургеневское чтение. Говорят, хорошо, но самому было нерадостно.

Рассказ «Братья по духу» (Первый выезд Мазая).

Мысль о Канале-игрушке.

28 Апреля. Возвратился в Загорск с мукой в душе за свое счастье. Все молчалины.

К вечеру похолоднело. Поднялся ветер. Но вальдшнепы тянули (возле Спорт. завода), и я убил первого.

Мучился с машиной.

Страдал за счастье.

29 Апреля. –1°. Солнце полное. Тихо. Пока люди спят, с деревьев слетают грачи и важно разгуливают по улицам города. В этом и есть счастье мое, чувствовать себя как грач, знать время, когда можно быть самому собой.

При первой возможности написать «Братья по духу»: Родион Серг. * до того живой человек, что глядеть не может на вялого и начинает ему помогать, вокруг него хлопотать. Другой, может быть, подумает, что он это из-за любезности <*приписка:* чтобы угодить> или подхалимства. Ничуть не бывало! исключительно из-за живости своей необычайной. Видом до того невзрачен, что никто не обратит на него внимания, и маленький, и щупленький, и просто нет ничего в нем заметного. А на деле оказывается сила в нем такая, что далеко в краю нет ему соперника. Гончих он держит и подбирает стаи, — все умеет. Но душа его не в гончих, душа его в том, чтобы самому делать как гончая. Зимой ему только след увидеть заячий, и сейчас же он сообразит, где кому стать. Расставит, а сам исчезнет, и в скором времени заяц катит на охотника. Так же и с лисицей и с волком: сметка в нем живет чудесная, как и сила. А больше всего в нем меня изумляет его способность (как всякого русского человека)...

Еще надо начать делать из Канала игрушку.

29 Апреля. Токующий зяблик: Мил и смешон, как токующий зяблик.

Найду ли я в лесу еще клочок снега, чтобы проститься (после Москвы).

Когда много о себе скажешь, да еще в хорошую сторону, то чувствуешь, как будто заключил договор с журналом на вещь и взял деньги, а сделать ее, может быть, и не сделаешь.

Ветрено, пыль от земли, пыль от осин, начинающих [цвести].

---

* Был в Переславле охотник, силач, погиб в лагерях. Изображен в рассказе «Как заяц сапоги съел». — *Прим. В. Д. Пришвиной.*

Рассказ «Мутовка с колечко».
Кадр: начали зеленеться луга: тропы.

Снимал позеленение: самое первое.

Настоящие властелины потому и собирают людей, что могут быть и жестокими убийцами, и нежнейшими задушевными товарищами. Вникая своей задушевностью в самые тонкие сплетения душ, они берут их к себе и ведут, а если плохи окажутся, уничтожают. (Это можно видеть и в Павловне.)

30 Апреля. –5. Ярко, безоблачно. Распевает скворец на липе.

Бабы из Бобошина будто бы слышали кукушку. Но, возможно, это бабы тревожатся засухой и воображают кукушку, что раз она прилетела на голый лес, то к беде.

Взять с собой: 1) Темная комната. 2) Бутылку проявителя. 3) Бутылку для фиксажа. 4) 2 коробки пленки. 5) Аппарат в своем футляре. 6) Фонари: красный и простой. 7) Подушку резиновую. 8) Запасные батареи и лампочки. 9) Пирамидон. 10) Термос.

Компас	шалаш		сети
Мыло	спиннинг		крем
Масло	удочка		шоколад
Рыбное: верши	жакан	утка	
Сапоги			
Туфли			шуба

Этот стыд от выступления принесет пользу: надо заработать аванс — и заработаю.

Время проходит так, что хранить нечего: оно уносит все, и когда мы встреваем и предлагаем участие — на нас и не глядят сидящие во времени.

Писатели потому не идут на Тургенева, что им стыдно выходить из своей пустоты.

1 Мая. Мазай: (начало жизни Мазая у нас).
На Кубре.

Цветут неодетые деревья и травы: ранняя ива, ольха, осина, волчье лыко. На неодетый лес прилетела кукушка, — нехорошо! боимся. Щуку купили: еще с икрой, значит, можно стрелять.

Что это за чувство, когда отделишься и останешься один (Фуругельм на этом).

Старый пень с мастерской дятла, и вокруг пня густо-зеленые пустые еловые шишки: всю зиму дятел кормился. Из-под шишек выбилось на свет волчье лыко и расцвело: розовые цветочки на деревянном стебле, таком гибком, что нипочем не сломишь, а цветы издали пахнут чудесно, как гиацинт, если же ближе, то скверно — хуже, чем волком <*приписка:* не любит близости>.

На березке почки ароматно-смолистые, как раз водку настаивать.

Шоколадная густота червяков на осинах; тетерев сел и как провалился.

Обедали, стадо нас окружило, пастух пришел покурить и о К-ом, что умер. — А как умер? — Так умер, что от себя: кто я, кто я, а сам никто, такой же дядя Иван, как и я. А если ты есть дядя Иван, то незачем тебе лезть, куда не следует, и хвататься за такое, чего не понимаешь.

Уснули под мирное мычание и блеяние, и слышно, как щука плеснулась в виршу.

Шевелит ветер сережки ольхи, а под ольхой струйки поют.

Хватишь рукой за почку, и весь день пахнет ароматом березовым, тополевым, черемухи.

Вечер: теплый дождь, тишина, все сосредоточилось в такой тишине, что ждешь, вот-вот зашепчутся и заведут свой разговор между собой деревья.

Лужа возле Мазая: щука и утка.

Каждая почка шоколадная с зеленым клювиком, и на клювике светлая капля висит.

То ветер шевелит сережки на ветвях, то струит воду, но когда стихло, то мы стали ждать, что скажут сами деревья от себя.

Стемнело в темных кустах, но большие капли собирали в себя свет неба и светили во тьме.

Видение ивы.

Саня ходит — пчелы трещат под ногами, а Ксюша плачет: пчелки мои! — Глупая, — говорит он, — их тысячи.

Деревья же говорят, только их разговор не звуки, как у нас и ручьев и ветра, а их ароматом: почки, кора, и на всех языках: березы по-березовому, ивы по-своему и пр.

Если ты собрался весь в ожидании друга, то больше не страшны враги: это все мелочь.

2-го Мая снег, мы в Загорске. 3-го в Москву.

3 Мая. Продолжается на вторые сутки дождь, и в воздухе стало так сыро, что над Москвой стали чайки летать, и так спокойно, как будто им тут и хорошо.

Вчера вечером ехал в детском вагоне с пьяницами и детьми. Один старик в рваной засаленной куртке в одной руке держал $^{1}/_{2}$-литровку, в другой мороженое, которое капало и текло по его рукам, по бороде. Время от времени он прикладывался к бутылке, закусывал мороженым, и тут же пел, и совал свое мороженое детям в рот.

Раз нет быта, значит, нет правил, по которым люди живут, то какие же могут быть праздники? Конечно, только на Красной площади принудительные. И если праздники, то эти праздники начинают притягивать к себе, находятся из студентов, напр., чисто казенные люди, которым на официальных праздниках хорошо.

Желченка всем хороша, во всем молодец, но сделалась человеком чисто казенным. Тип: казенные люди.

Разговор с Галиной в развитие о пчелах: что у Саньки буддизм, восток, у Аксюши христианство, личность.

Кто хочет личности, тот христианин: личность — творческое начало только в Христе.

Кожевникову: показался кончик революции, и сразу все стало ясно: автор будет всю жизнь бесконечно сложную подгонять к тому, что надо сейчас и что, может быть, требуется по договору.

3 Мая. Сплошной дождь, но весной небо плачет, а земля зеленеет. Магазин военного общества: мой рассказ о доме на колесах и о будущих городах (возможность спора в магазине). Мальчик (как начало Мазая): готовность его все бросить.

Тех. редактор «Нового Мира»... и когда я дошел до смерти, он оказал сопротивление: — Нет, увольте, я жить хочу. — Вы меня не понимаете: смерть, я говорю, можно использовать для творчества и так сделать, что она не страшна будет, а, напротив, сладостна. — Как же так? — А вот взять Коккинаки. Он сразу понял. — А так-то! да если мне доведется что-нибудь достигать, я ни на секунду не задумаюсь и прыгну с вашего 6-го этажа на свой риск, на свое счастье.

Страх смерти преодолевается простым удальством, даже прыжком за собственным счастьем. Об этом и разговаривать-то теперь нечего. Молодому человеку прямо надо растолковывать, что такое страх смерти. В страстной борьбе за жизнь преодолевается смерть, а жить они, бедные, вот как хотят!

Смотрю в серое небо, в туман над Москвой, и мне чудится, будто слышу: ку-ку.

Волчье лыко: углубить как рассказ и сделать примером для изображения других цветов, деревьев, животных, напр., Ранняя ива.

1) Мазай — в военном обществе (весь план дома на колесах). 2) Первый выезд (Родион Серг.). 3) На Кубре: лужица, утка, щука. Освещение почек, волчье лыко.

Сверх-человек и Род Розанова — противоположное разрешение вопроса о личности и обществе, данное в Еванге-

лии Христа. Вопрос о личности поставлен для разрешения на тысячи лет, а Я короткое, и все Я проходят, как туман, сопровождающий Необходимость и Надо, и есть поправка к Хочется: то берега, а <*зачеркнуто:* Хочется>...

Герой смерти не боится, но <*зачеркнуто:* этого мало, чтобы стать героем> иной сорванец, покажи ему счастье, с шестого этажа бросится: «Авось, мол, не расшибусь». Герой же настоящий не в погоне за личным счастьем теряет страх смерти, а в том, что он свое счастье находит в счастье других. <*Зачеркнуто:* Христос> Человек, распятый за чувство любви ко всему человеку, есть величайший герой.

Древние придавали человеку божественные черты, мы же теперь часто в неправильных чертах лица больше находим человека, чем в его красоте.

4 Мая. После трех суток непрерывного дождя ярко-солнечное утро. Еду в Загорск.

Начало рассказа «Братья»: Никто никогда не сказал бы по виду Родиона Серг., что он сильнейший человек в нашем районе: лет ему под пятьдесят, ростом маленький, худенький, лицо обыкновенное, но живость чрезвычайная. Иной подумает, что Р. С. сохранил свои привычки услужить человеку от старых барских времен, на самом же деле ему тошно глядеть на вялых людей и он услуживает, чтобы поскорее с ними покончить. Сейчас он служит егерем в Торбееве.

Начало Мазая: В одном издательстве, не очень видном, но со средствами, предложили мне сотрудничать и обещали, если я соглашусь, устроить для меня все, что только мне ни захочется.

— Предпринимаете ли вы что-нибудь сейчас, скажите: мы вам поможем.

— Я задумал, — ответил я, — достать себе грузовик, устроить на нем избушку и так жить в ней, как мне только захочется. Мне грузовик нужен. Можете?

— Можем.

Мы заключили договор, и я вскоре получил.

Так бывает иногда лишь к старости осуществлена детская мечта: в детстве, кажется, у Жюль Верна, я читал о доме на колесах. А в последнее время проблему расселения города и деревни я стал, пусть утопически, решать именно так: дома у людей должны быть на колесах.

И что мне теперь может мешать осуществить заветное желание жить на колесах: всех своих я устроил. Вот возьму и поеду и буду жить и писать в подвижном домике.

Зарождение «личности» у меня с детства, и это же у Ницше, у Розанова, у Джеффериса и у всех, во всей культуре, это ее пружины: личность и общество...

Если государство есть принудительная сила общества <*зачеркнуто:* социализм>, то церковь — принудительная сила религии <*зачеркнуто:* христианства>.

В лесу все как «Надо», т. е. что они должны до-жить. И когда вкусил Надо — Канал перестал быть сказкой, а стал делом. Но другие через Зуйка почуяли сказку и Родину.

8 Мая. Контакт — ∞.

То, что у Сусловой (Достоевский: уговаривает ее: «Не стоит себя этим унижать, надо проще смотреть») была «задержка» в половом удовлетворении (не могла без любви) — это женское свойство, и оно было у меня.

Бывает, умнейшие слова, о которых говорил и писал как о мудрости — чистейшая...

Немецкий план.

9 Мая. Представьте себе, что Вы в юности упустили красавицу, а потом почувствовали в себе талант, схватились за искусство и сказали себе: ну, теперь я буду поступать так, чтобы не упустить эту красавицу. Тогда Вы вспомните свою агрессию, которая была причиной неудачи, и скажете: — Прежде всего в искусстве надо поступать, чтобы освободить его от всяких полезностей, служить своей красавице так, что не только лично быть корыстным, но даже и ей-то предоставить полную свободу, как будто бы она вообще

и бесполезна <*приписка:* для всего искусства>. — И когда Вы действительно добьетесь того, что будете совершенно бескорыстно служить своей красавице, она Вам отдастся и сделается всем полезной.

Вот эта борьба за внутреннюю свободу при необходимости этой же самой красотой добывать себе средства для жизни и есть подвиг того, кто по-серьезному взялся за перо. В Вашем же положении педагога к этой всеобщей борьбе присоединяется специалист: Вы хотите заняться искусством слова, чтобы сделать красоту полезной для школы. Положение крайне трудное, легче верблюду пройти через игольное ушко, чем педагогу стать художником. Но если у Вас есть талант, то робеть нечего: талант в своем выявлении создает свою гигиену и заставляет выбрасывать все надуманное и лишнее. Почему бы не создать Вам устный рассказ-экспромт?

10 Мая. Мы болтали, перекидываясь друг с другом, казалось нам, незначительными легкими словами. Но Б. ходил по комнате из угла в угол и ничего не говорил, он только накоплял в силу наших слов свой героизм: «Я не могу так словами, но я покажу эти слова на деле». (Пример [состояния] в лицах слова и дела): ему казалось, что там в словах было высшее — и так он не может, но он может по-своему, и это по-своему [надо] было сделать (герой: Пятница).

12 Мая. Мороз −5, но ясно и ветер стихает. Надеемся на потепление и выезжаем. Вечер в Териброве на тяге. После ехали дальше, за Новым повернули налево и остановились ночевать в поле.

13 Мая. Утро по тетеревам. Приехали к Усолью. Отдых на Вексе. Находка пути на Нерль. Ночь в лесу.

14 Мая. Продвижение к воде. Устроение лагеря. Переворот в природе к теплу. (С утра борьба между облаками. Что думать: кошачьи хвосты — одно небо, медведи — другое.)

Дачники жалуются на весну, но разве у себя-то в городских домах часто у них бывают праздники и легко ли их было устроить: а они требуют от природы, чтобы одни только праздники давала.

К вечеру теплый дождь и радуга.

Наши гости: трясогузки в дровах, коршун в трясогузках, журавль, чирок, вальдшнеп.

Сбор лодки. Выбор лагеря.

Контраст разрушения (торф) — Усолье и Нерль.

Сухие тростники.

Нежные отражения облаков после дождя. Два орлика.

15 Мая. Влажное утро после вечернего дождя. Такая тишина, что Бой на кукушку лаял.

Нигде не сказывается тишина, как в сосновом бору на моховом основании.

Вчера складывали лодку в три ума, и в то же время все мы делали правду и каждый из нас удовлетворялся наградой от самого дела: догадавшийся тут же и награждался, и все были довольны...

Кто-то раньше, очень давно мучился, страдал, мыслил, и мысль эта потом воплотилась и стала жить вместе с людьми, как природа: мысль вошла в состав природы. И может быть, те, кто стремится стать ближе к природе, на самом деле стремятся быть ближе к той мысли, ставшей природой, войти в ее сокровенную жизнь и, если надо будет, принять и то страдание, которое испытал человек в борьбе за нее.

Там, где вода задерживается, возникает буйная зеленая жизнь, но и мысль человека настоящая, за которую страдал человек, тоже порождает буйную поросль.

Сегодня ночью лягушки все, какие есть, тихонечко урчали, и даже недовольные, все, как вода, как ветер, как вся лягушка целиком, как весь человек — весной при удачах...

На канале дети: мы, как лодку, складывали правду, но правда не получалась: канал игрушечный.

NB. Лес как опыт жизни, «сама» жизнь — смерть.

Общество Серой Совы и борьба против бесчувственного изучения природы.

16 Мая. Светлый рассвет, туман над рекой, мороз и жаркое солнце.

О трясогузке: скучно ли ей сидеть одной на дровах, увидит, спрыгнет и прибежит и станет тебя в упор в 2—3 шага разглядывать.

17 Мая. Влажно-солнечное утро.

Собираемся. Вслед за нами рыбаки свой лагерь (плотва идет). Там, где первобытный человек жег костер, и современный рыбак на обогретом месте тоже свой костер зажигает. И нам тоже сухая площадка первобытного человека оказалась единственным местом, чтобы развернуться машине.

На том месте, где были мы — рыбаки, где палатка — овсянки бегают.

Между кочками в воде миллиарды жгутиков: стал на ноги на воде, взмахнул и поднялся вверх кровопийцей.

18 Мая. Вчера — переезд на Кубрю.

Мрачная Нерль, дикая. И соловьиная Кубря. Вчера — гроза, но дождь незначительный, дождь пошел в ночь, теплый, мелкий. За ночь... стала одеваться черемуха, лягушачья лужа покрылась проросшей зеленой травой, явились желтые цветы и анемоны. Черемуха еще не цветет, только-только раскрылись и зазеленели почки, соловьи поют в неодетом лесу и все на виду. Полный расцвет ранней ивы. Любопытная трясогузка.

Вчера сбор лодки в лощине.

— Нужно терпение! — говорит Петя.

— Нужен случай счастливый, в котором родится терпение, — я.

Одна сторона — поля, другая дикий лес.

19 Мая. Кубря. Ночью холодно, ясно. Утром туман над рекой и все птицы поют.

Вчера: гнезда в неодетом лесу. Наши гости: какие? Журавль, лунь и утка, любопытная трясогузка. Туалет Клеопатры.

Выдра — Тигра. Утки! где? вон сели на берегу. Заяц выходит.

Смородина и черемуха вместе.

В числе гостей и цветы.

Река цветов.

Узел неволи. Если губят лес, — это значит, губят свободу народа.

И если губят моторы на плохой дороге, это губят и жизнь человека, потому что моторы — это скопления жизни человеческой: больше моторов — больше надо людей, чтобы их создавать.

Больше и больше моторов, значит, меньше и меньше свободы остается каждому из нас в отдельности.

И вот идут по Ярославскому шоссе желтые изможденные люди из Архангельска: люди эти сводили северный лес.

Идут машины, испуская свои ужасные и тоже страдальческие звуки на ямах и ухабах.

И в этом сила государства, что оно без конца может собирать для себя свободу нарождающихся людей. Нас много, а в запасе Китай — еще больше!

А из-за чего?

Автомобиль на этом шоссе в два-три часа разбивает человека больше, чем, бывало, телега разбивала за эти часы. Но зато телега бежала в два часа от силы 20 верст, машина же сто. Вот это ускорение за счет сокращения жизни.

А из-за чего?

Культурные народы живут теперь (воюют) за счет своего прошлого, т. е. они тратят скопление энергии своих отцов, дедов и пра-пра-дедов.

Некультурные народы делают то же самое за счет силы своего размножения, за счет энергии масс настоящего времени, — сила варвара. И вот вопрос, — это ли победит или то?

А из-за чего?

Это война Запада с Востоком, силы личной с силой родовой, разума с при-родой. И пусть у нас на флаге Разум, у них Род (арийцы), на деле же Разум у них, а у нас Природа.

Любая капля воды, управляемая ветром, холодом-теплом, силой тяжести и силой других бесчисленных капель, знала сама только одно: что ей надлежит непременно соединиться с делом всей воды, и так она, единственная, представляла собой дело всех, и нет такой единственной капли, как у человека, чтобы Единственность была во имя себя самой и Единственный не мог бы слиться с другим Единственным, как сливаются две капли воды.

При-рода похожа на воду, и человек в ней как в воде капля. Но тем отличается человек от при-роды, что каждая отдельность в нем действует силой своей отдельности. Человек понял, что в мире человеческом нет подобных капель и каждый человек чем-нибудь отличается от другого, и эта сила отличия стала силой всего человека на земле <*приписка:* как пила: зубчики разные, пилят зубчики, так у человека личности>.

Культура — это скопленная сила от-личий.

Цивилизация — это <*зачеркнуто:* усвоенная> захваченная родовой силой сила отличий.

Сила отличий есть творчество.

И человек есть творец.

Индивидуализм есть последствие цивилизации: индивидуалист есть растратчик культуры.

Культура в конце концов должна попасть в руки варвара, но варвар, вкусив культуры, отравляется в своей варварской силе размножения и, пережив физическое бесплодие, становится в свою очередь деятелем культуры.

Настоящая большая война есть процесс обмена культурной силы от-личия с силой при-роды варварства. Из-за этого и есть война.

А кто победит?

Конечно, варвар победит в первую очередь, но только неизвестно, какой варвар: наш, восточный, или же их, западный.

Наш процесс «жить хочется» обертывается в общий процесс.

Выставка художественная.

Кузнецкий мост 18. (Книж. маг. «Советский Писатель».)

Если мне надо, я ломаю ветви с цветами неодетых деревьев, но только держусь одного: никогда я не сломлю ни одной веточки и не сорву ни одного цветка, если это не нужно мне: зря — никогда!

Лейка-теле: зеленели ивы и лесная группа с зелеными березами и елями.

И еще 2 раза без бленды* и 1 с блендой против солнца: волны — деревья — мельница.

Шестерня заменима, но человек должен быть незаменим, а они поступают с человеком как с шестерней и рассчитывают на то, что их много и всякого есть кем заменить.

5-го вечером готово:
Две курицы фарширов[анные].
Рыба, напр., щука или севрюга.
Конфеты.
Хлеб под Пасху.
Шампанское.
1 кило слив[очного] масла.
Спальный мешок Вейнбергу.
Ремешок. Пальто.

Государство — это прежде всего механизм.

Шел старик по улице с большим тяжелым [мешком] за спиной. Он изредка лишь вскидывал на прохожих глаза, и видно было, что в глазах этих живет ум, только не сейчас: сейчас весь ум этого человека был в мешке.

Хороший человек? не будь плохого, как бы ты узнал, что он хорош: и чем хуже человек, тем лучше становится хороший.

Горе наше, что люди цветут не как деревья каждый год, а только раз в жизни, и все в разное время, и у каждого человека своя весна. Вот почему, когда вся природа в мае цветет, на человека грустно смотреть — так он сер кажется в это время. И разодетые дачники своим нарядом не создают весну: не наряд весну делает.

Исток необходимости: (чувство смерти). Исток свободы, легенды (я живу как бессмертный): теория относительности.

[Слышал] иволгу.

Запели летние птицы. (Как оделись кусты, так и запели летние птицы.)

[Возможно,] романтизм это — но пусть! Я сам по себе...

Кроме того, теперь это общее дело, а тогда я был личник и должен был тогда непременно быть личником и того же Маркса воспринимать не как Надо, а как мне лично вздумается. Я даже предчувствия о Марксе не имел, когда поступил в Рижский Политехникум.

Нет, — это не я виноват, это в природе был злой и весенний холод. Как только теплый дождь [пролил] и все засверкало, [сейчас же] все засверкало. Ура! я жив и думаю:

— Так коротка весна и так жизнь коротка, как же тут не поймать, не схватить, чтобы скорей, скорей жить успеть.

На липе листочки вышли, но еще не расправились (мягкие).

2 колеи: Нет, нет, я не прав, я клевещу на себя: вот едет по тропе в лучах солнца молодой, самый счастливый человек, ведь у него же велосипед! У него на спине [рюкзак], и на боку [фотоаппарат], и в штанах (это уже по секрету) автоматический пистолет по системе Коровина.

(полдень, ярко видно небо, однако плохо).

Думал я, ослепленный солнцем, что у озера человек стоит, в отчаянии заломив руки белые, а это осинку в ту грозу гром разбил и белые щепки от ее ствола торчали как руки, а сама, еще не одетая в полный лист, со всеми своими сережками лежала над водой.

Леса — гряды темно- и гряды светло-зеленого, а в дали все сливается, только за далью все леса голубые.

— Не самое главное, что делается

— А что же?

— То, что сделано, то что растет.

Купить: бумажники, 200 пленок.

Не Бог ли это? — спросил еще раз (Захар).

Сказка о трех березах на поляне, как они оделись и стали красавицами, а простая лужа между ними стала их зеркалом в зеленой траве.

Весной все цветы цветут силой солнца — желтой: они прямо от солнца родились, и в нем [сейчас] рождаются из почек листики.

Для той женщины, которой надо отдаться — ничего не нужно от тебя, тут нечего придумывать, нечего готовиться, ты будешь наверно [повертываться дурачком] и совершенно бессильным, а она, всем недоступная красавица, будет глядеть на тебя и не наглядится.

Смерть чудовищна и не победима никакой логикой, никакой поэзией, но сделайте жизнь религией, превратите ее в единое творчество Всего-человека, и смерть потеряет свое «жало».

С красотой рождаются, но доблестный сам себе лицо создает.

Красота: доблесть, труд и честь.

Мост между Большой и Малой правдой есть принуждение, необходимость и смерть.

Солнце, великий множитель жизни, поднялось на горизонте.

31 Мая. После мороза в $-^1/_2^\circ$ яркий день: какая трава, какая роса! Летит осиновый пух, весь воздух наполнен пушинками, и против солнца не поймешь, где пушинки, где пчелы.

Кроме борьбы священного множителя (солнца) с заостренной в личности идеей есть еще борьба множителя священного с множителем тьмы и греха (сосед Резчиков).

Прибытие народов на Канал у Зуйка как Страшный Суд.

От сомнений в возможности написать Канал сейчас есть средство: думать, что для детей, а когда напишешь для детей, будет в этом и все.

Бострем сказал, что он о своей беспредметности думал — это самый и есть реализм.

Субъективно каждый думает, что он реалист.

Критерий: признание во времени: остается там реальным.

Снимал вылет осиновых пушинок.

Наконец-то понял я всё, что делаю: я раскрываю душу своей матери, в этом и есть моя сила и мое счастье.

Против Бострема: абсолютно мы не правы, и глупо даже поднимать об этом вопрос: сила массы нашей само по себе явление чудовищное. Но в отношении Европейской цивилизации мы ведем священную войну: нас, варваров, посылает священный множитель жизни...

Они же спасают цивилизацию и тоже ведут в отношении нас, как им кажется, священную войну.

— А если не война, то мы затеем какое-нибудь истощающее строительство.

Конец Ежова: виноватых-то нет, их создают подхалимы.

Диктатура Павловны: это пыль, из которой складывается государственная власть (Соф. Андр. Толстая) = и тут Баба Яга = Кащей, только Кащей тощий, а Яга толстая. (Если бы не моя сила сопротивления?) Это же у Аксюши в скрытом состоянии, только дай ей волю — и она станет за собственность, и тут война.

Пчелки. Нужно так изучить: вот, положим явление: комарики мак толкут. Мы ставим вопрос: какие другие явле-

ния сопутствуют комарам: время года, дня температура, среда — все в образах.

1 Июня. Живешь — и да, и нет. Начинаешь — да! Живешь — и да и нет. Начинаешь — нет! И это последнее «нет» есть смерть.

Я вспоминаю последнее свое «нет»: мое письмо вернулось от нее обратно нераспечатанным. Вернула ли она это письмо оттого, что я надоел, или умерла? Я не хотел этого знать и, не разбирая слов на конверте, изорвал его и выбросил. Этим все кончилось и осталось навсегда вопросом: было оно или не было?

2 Июня. Случилось, в одном улье у нас отчего-то погибла матка. В самый взяток рой осиротел, редкие пчелы вылетали, все же остальные сидели и ничего не делали. Мы сели в Мазай и покатили лесами в [Дрезну] и к [старикам] просить матку (— Что везете? — Пчелу).

Мысли о школе.

Государственное начало в женщине.

Гимнастика: пусть! Есть положения, когда надо потихоньку удирать — единственный метод.

Тихо так, что осел и улегся осиновый пух и дорога — будто снег выпал, и заводи белые (вспышки в лесу). Описать эпоху пуха: соловьи, кукушки, но уже и летние птички: иволга, [горлинка].

В деревне: дети: вот они-то ничего знать о прошлом не будут.

Узнал, что умер Петров-Водкин; странная была у нас с ним неприязнь.

Когда это снилось — не знаю, но вспомнилось мне этой весной, когда я загадал кукушке просчитать сколько лет еще мне осталось жить. Кук! Мать моя умерла и потом очнулась и еще долго жила. Кукушка отсчитала: 6 лет. Мало! И сейчас же опять: будто я замер и отжил. Вот тут-то и вспомнилось.

Когда пух летит, молодые осины переменяются в цвете из коричневого в зеленый наряд: переодеваются. Старые сеют, а молодые переодеваются, как невесты деревенские на гулянье: в годовой праздник, утром одно платье, вечером другое.

Человеческая природа и бесчеловечная.

Есть люди столь значительные, что весть о их кончине не так уж и обидна: они живы уже в делах своих.

А когда чувствуешь, что переполнился, то и попустишь, всего же не возьмешь.

Ветка осины и сломанная пушилась и давала семена.

Как это бывает, что неприкосновенная природа была ближе к человеку, чем деланная.

Между тем там, где сам человек, как природа — сеет хлеб — эти всходы так же прекрасны и нетронуты.

Значит, не надо трогать и красота выйдет, не надо за ней гнаться: делай правильно, и она сама придет (Декадент: я бог, Ницше.)

<*Приписка.* Не надо гоняться за красотой, надо правильно жить, и ритм породит красоту.>

Красота избегает тех, кто за нею гоняется: человек любит свое что-нибудь, трудится, и эта любовь и труд... и из-за любви, бывает, в то время и появится красота. Она вырастает даром, как рожь и как счастье. Мы не можем сделать красоту, а посеять и удобрить землю для этого мы можем.

Некоторые не думают, будто можно делать силой красоту: невозможно, как сделать живого человека.

Красиво, что само вырастет, значит, надо делать так, чтобы само росло: для этого надо пахать, удобрять и уметь убирать урожай.

Некоторые же думают, будто можно делать саму красоту: невозможно, [так же] как сделать живого человека.

<*Приписка:* (Отрывок: Толстой. Интеллигенция).>

Ласточки падали в грязь (перед дождем — зяблики), трясогузка пела. (на телеграфной проволоке).

Черемуха еще цветет, но не пахнет. Цветут яблони и вишни.

Иволга и горлинка.

Рост художественной вещи в человеке требует того безучастия со стороны художника, как глядит беременная женщина, безучастная, бездумная: наливной час, когда человек спит, а природа сама для него работает.

Дайте рабо[тать] природе — [отдых] человека.

3 Июня. До утра барабанил дождь, и стало холодно.

Аксюша: личная «плотская жизнь» подавлена церковью (девушка), отсюда любовь ко всякой плоти, к животным. Павловна во плоти, и отсюда хозяйка и от хозяйства властелин. Аксюша смотрит на власть как на насилие неизбежное и спасается от нее Господом: не я, а Он хозяин: да святится воля Твоя.

Надо себя поставить в отношении художественном как беременная женщина: она ничего не думает, а дитя растет.

Искусство в отношении к остальной жизни похоже на ренту, как она излагается в полит[ической] экономии: т. е. то, что сама земля дает в [явном] избытке, лучшая земля, сравнимо с худож[еством].

Много людей прошло — умерло моих родных, знакомых, а я все жив и стою на своем месте: мне кажется, не люди, а водопад, Весь-человек переливается во всем своем разнообразии.

6 Июня. Годы мои проходят, но я не беднею от этого.

Мне хотелось бы, чтобы так было бы и до конца: все мои годы пройдут, — а мне станет лучше, чем было.

<*Зачеркнуто:* И смерть моя стала бы новым моим рождением.>

Высота культурности.

Культура — это сознание того, что жизнь не есть личная твоя собственность — не Я, и твое отношение к [тому], что «Я» — это только сознание, а сама жизнь не твоя и сознать ее до конца — значит, присвоить тебе невозможно.

Личность — это сознание, но никак не право распоряжаться жизнью как собственностью.

Личная жизнь — это значит сознательная жизнь, у нас же личную жизнь понимают как присвоение.

Но не из чувства ли собственника жизни своей рождается сознание...

...через это как будто и рождается в принципе собственность, значит, сознание.

Для одних его «Я» в отношении жизни есть право собственности: я своей жизнью могу распоряжаться, как мне вздумается.

Для другого «Я» есть сознание, и человек тот называется интеллигент.

7 Июня. А может быть, она так умна, что понимает мои добрые дела как маскировку в моем отступлении?

Как будто все идет к тому, что в борьбе надо сбросить все лишнее — если ты писатель, то звание писательства, и ученость, и славу, и богатство, и сохранить в себе тот остаток живой, который может...

Последняя иллюзия собственности — это моя жизнь: наконец-то я почувствовал, что моя жизнь не есть моя собственность.

Машина скорее, а человеку труднее.

Мысль о том, чтобы сбежать от Павловны, давнишняя и такая же непрестанная, как мысль о смерти. Да так часто и бывает: начнешь с того, чтобы сбежать, а кончишь тем, что не пора ли умереть и как-нибудь не просто, а тоже сбежать и скрыться, чтобы никто и не знал, жив ли ты или помер. Тут, однако, возникает стена: они подумают, что ты не умер, а сбежал за границу.

На животных мы смотрим, как будто они вечны: соловей пел во все времена, и заяц перебегал дорогу путнику с незапамятных времен. На человека же мы смотрим отдельно, вот только и видим в нем временное существо: сегодня здесь, а завтра — нет. И так ведь именно и существуешь в том, что временное.

Поездка на Нерль.
Лодка +
Велосипед +
Пишущ[ая] машинка +
Чернила, перья, ручка, карандаш +
Акрихин, Пирамидон +
Мелкокалиберка с патронами +
Канал, бумага +
Крем для рук +
<*Зачеркнуто:* Старые материалы к Каналу (переглядеть)>
<*Зачеркнуто:* Бумага из Москвы>
Разводной ключ +
Плеть, свисток +
Пересмотреть записки прошлого года на Нерли +
Взять Морозова «Лес» +
<*Зачеркнуто:* Взять Рисование>
+ Марля, кнопки, гвозди
+ Химикалии для ФЭД, весы
Крахмальный клей +
+ Термос. Верша
+ Патрон[ный] ящ[ик], ружье 20 к.
+ Барометр
Штатив
Мазь

Прошу:
1) Вычистить весь механизм аппарата.
2) Сделать вкладыш для кассет Rolleiflex.
3) Узнать, почему при съемке прилагаемыми кассетами происходит полное засвечивание. Если причина в аппарате – исправить, если в кассетах – проверить все кассеты.
4) Прошу сделать к 21-му июня.
5) В доказательство достаточной резкости прошу дать по снимку для Rolleiflex и один для других. Прилагаю пленку.

Государство признало меня и почтило орденом, вот и тоже ношу этот орден в свидетельство того, что я признан государством.

В этом и есть вся сущность человеческого взгляда, чтобы видеть, [что] каждый человек неповторимый, [единственный], протекающий в исторических берегах человечества.

Последние осины расстаются с [младенческим] коричневым цветом, последние цветы на яблонях, расцветает сирень, ландыши. Дрозды вывели.

Вот встречаются иногда и такие лица, что забудешь о временном и как будто в этом лице Весь-человек.

Весь-человек, но что это – дух? Можно ли видеть его?

– Можно. Ты гляди на человека на всякого как на временного... но, бывает, забудешь, и так...

И в этом временном, что есть в человеке, нам [утешение]: бывают и зверские лица, ужасней крокодилова, казалось бы, с таким и жить нельзя – но подумаешь – временное! умрет, исчезнет это чудовище – и [успокоишься]. Зато, бывает, увидишь такое прекрасное, что о временном забудешь, вот так и показывается Весь-человек.

В натуре цвет создает место, а в фото это надо заполнять.

9 Июня. Художество – это понятный разговор о непонятных вещах.

Но некоторые хотят, наоборот, непонятно говорить о понятных вещах.

Материализм как долг, как обязательство, из чего рождается «Надо».

Все, кто в 17 году находил свое счастье в Большом деле, все теперь или погибли в глубоком несчастии, или еле-еле живут (а между тем «Большое дело» выступало в нравственной чистоте и сталкивало все «Малое»).

Восторг Большого дела, сейчас у немцев это «Большая война»: большой подъем: на подъеме у них...

10 Июня. В 7 вечера выехал.

11 Июня. Ночевали в д. П-о возле плетня и ржи, вид на леса и поймы Нерли. Снимали чаепитие. (Соловьи из лесов всю ночь.) Родня под давлением (Ксюша). Рожь колосится.

[Итларь. Ерёменцево. Хлебище, Рожново].

12 Июня. За 21-й палец меня не хватишь!

Человек есть смелость и риск (спор о собаке: талант).

В воде рыба и микроб, но леший-водяной — это же человеческая рожа.

Спор о таланте (дворная собака).

Человек: всё в деятельность.

Человек — человеку покорится — спор о третьем.

Подчинить человека человеку нельзя.

К таланту: всякий, если чего захочет, достигнет, значит, человек все может.

— Да не всякий захочет.

— А ты сделай, чтобы он захотел.

Есть Бог? — Нет: невидимый, а раз невидимый — и нет.

Аксюша: — А скажи, где яйца купить. — Зачем ты единоличника спрашиваешь?

Лес и комар. Лес нас комаром, как шубой, одел, — вот сколько было, что белый свет стал серым, и лес нас комаром, как шубой, одел.

Можно жизнь устроить такую, что записать все точно как есть, и будет для всех интересный рассказ (Мазай).

Вчера: появление пьяного философа и борьба его с мальчишками (изгородь, на ней как воробьи).

Перемещение философа с пола в переднюю, в сени и когда холод — на печь и потом спор.

Гости: чайки вывели, чирок, ворона.

Просушка вещей.

13 Июня. В больших горах, как на Кавказе, мне чудится былое страдание и муки земли. Только вода радует, прямо на глазах размывая камни, сглаживая прямо на глазах уступы былой борьбы. Может быть, и у нас в Московской обла-

сти тоже когда-то было, и только с течением воды и времени все сгладилось, и холмы наши стали похожи на улыбку земли.

Под ольхой возле самой нашей стоянки бился холодный родник, и он стал нам как ледник: молоко.

Сват — одинокий ум — улегся в родник на холоде.

Из спора: талант не дал, а захотел человек и достиг: нет таланта от природы, если дать развитие, каждый будет талантом.

Петя застрял в ключе, и весь колхоз с детьми выручал.
Переезд через Бырдиху и лес на Песчаную.
Озерко. Золотое дно и щуки.
Мальчик ответил: — Я знаю.
И колхозник после того: — А коли вы нашим детям добро — мы вам первую рыбку.
50 лещей прорвалось. — А кто их считал?
Песчаная:
Гости: Желна, ее дети, кулик, сорока, кулик по листикам кувшинки.
Сергибус.
Наши враги: комары.

14 Июня. Пусть на всем свете жизнь будет приведена в единство с подчинением человеку, но тогда надо же наконец составить себе понятие о человеке: какой должен быть человек, чтобы ему заслуженно, а не просто хищничеству была подчинена вся жизнь. Человек этот, во-первых, должен быть Весь-человек как одно лицо, и каждое лицо было как Весь-человек.

Чай в кабинке: оставил три комара после мысли о человеке. Всякое живое существо, если почует свое заключение, становится задумчивым и кротким. Только комар, заключенный даже в такую тесноту, что только-только человеку дунуть, все равно и в тесноте будет играться.

15 Июня. Жара и комары. Совещание о капитуляции.

Речной перекат. Завернул брюки — как танки, проходят [речушки], выглядывая через щелку, хлопотливые стайки головлей. И эта рябь на песке, точно отвечающая ряби на воде...

Гости: Синие стрекозы.

Бутоны купав.

Трепещет и крутится листик на паутине.

Золотистые струйки — отсвет песчаного дна.

Реализм — правда, и всякий художник, даже беспредметник, хочет быть реалистом, показать жизнь как она есть.

Природа как некое данное, недра, из которых народился и сам человек.

И как же это не видят, что весь этот мир в человеке, и сам человек состоит из всего, и Весь-человек заключает весь мир.

Она сказала: Расстреляй меня, но я все равно скажу: Бог есть! — А я сказал: Расстреляй меня — а я человеку не подчинюсь, и если нельзя, силы не хватит, сдамся ему как врагу и при первом случае от него убегу. Человек человеку может подчиниться только для чего-нибудь третьего. Один скажет: — Давай, товарищ, строить мост. — Для чего? — спросит тот. — Люди будут ходить через реку. — Хорошо, — ответит другой, — давай. — И оба товарища подчинились мысли построить мост для людей.

16 Июня. Вороны млявые сидят, видно, что вывели и отдыхают, а самцы хлопочут о детях.

Лещ пошел, волну пускает на мелких местах.

Реку вчера закрыли, река стала неузнаваемая.

Лужа кишит головастиками, и кулик сидит, нос опустит и вынет, а трясогузка тоже тут — свидетелем.

Дергач (гость).

Медведка (гость) — на что она похожа? не поймешь, а между тем есть же что-то в человеке, отвечающее этому уродству.

Гармония – это когда что-нибудь в природе вызывает ответ в человеке.

Стол заказов.
Вечное перо и чернила –
Патроны
Аптечка
<*Зачеркнуто:* Пленка>
Часы
Спальный мешок Леве
<*Зачеркнуто:* Снаряжение> Экспедиция.
Марля
<*Зачеркнуто:* Палатка>
Ветчина. Горох.

Бетал (Саид).

«Я» – это все, что мог бы сказать Евгений Медному всаднику.

17 Июня. В 11 утра прибыли на Кубрю и купались – 7 вечера приехали в Загорск и выдержали нападение Павловны: оказывается, я должен был ей найти прислугу.

Надо проститься, надо расстаться, не оскорбляя прошлого: было хорошо, а теперь того давно нет, и нечего волноваться, злиться – чего нет, того нет. Это необходимо нам разойтись, т. е. мне отказаться от всякой мечты о ее помощи. Ее стремление – чтобы мною владеть – стало теперь эгоистическим, потому что ей нечего мне дать.

Колодец высох, и надо с этим помириться, как с искусственными зубами.

18 Июня. След моллюска на речном песке и есть вся его автобиография.

Найти страну непуганых птиц как данное или же создать ее самому: Данная и Созданная. (Дать и Создать, Бог дал и сам создал.)

Савин – освобождение и тюрьма советская, похожая на Ужасы комариного царства.

Хозяйство — женщина и государственность — социализм — число (то же и у...

[Говорят], что надо весь стог сена перещупать, чтобы найти в нем одну мышь, да мало того! стог сена перебуровишь, а мышь не найдешь.

Из Азии я сделал метод «первого глаза», углубляясь через «родственное внимание», можно находить в повседневной жизни...

На свою жизнь я смотрю как на жизнь Всего-человека в личном моем отражении. Мне стыдно думать о себе, до того жизнь моя бедна и сам я так беден нужными способностями. Но одна способность замечательная — это постоянно чувствовать, что через меня проходит Весь-человек, и если хорошо вдуматься, то я могу постигать его ход. Эту способность я использовал для писания, и все написанное мной есть моя биография, похожая на след моллюска, передвигающегося медленно по песку под водой.

21 Июня. По пути в Москву:
— А я приехала и уехала.
— Ну, так что: отметилась?
— Отметилась.
— А это и есть самое главное.

Разговор с Борисом Александровичем Емельяновым о соли и ордене.

22 Июня. Московская жара.

...Пришла весна в Москву, и однажды в теплое утро вынесли столик, вынесли самовар, потом вышла молодая женщина хромая, молодая горбатая и меньшая красавица, и дети, и зятья с портфелями, — один выпил стакан на ходу и ушел, другой вышел и ушел на службу. А бабушка так и не вышла. И так день прошел, и другой прошел, и третий прошел, и лето, бабушка не вышла. И вся весна прошла, и лето, и осень, — бабушка так и не вышла.

Вот этот переход от человека-типа к человеку лица (Всечеловеку) и есть решающий в сознании: можно так перей-

ти, что «тип» исчезнет и вместо лица получится принцип. Тут-то и происходит столкновение правды большой и малой. До того может дойти иссушение жизни принципом, что малая правда станет единственной истинной правдой.

Очки, гвоздичное масло, крем для рук.

По пути в Загорск.

Чудесная долина и трое лупятся в карты — и так и надо! так живет вся природа: никто не любуется чем-то, а каждый делает свое, — на то и весна: каждый занимается, чем ему хочется.

И вот тоже Яловецкий.

23 Июня. Пасмурно, моросит теплый дождь.

Приступаю к «Северу».

Вспоминается разговор с Емельяновым: я ему говорил о своем счастье, что нет в нем ничего в настоящем и все в будущем, мое счастье как весной света: облака летние, а на земле снег и мороз. Но летние облака — это будущее, и в этом будущем содержится наше счастье.

Эту идею в «Север»: «Настоящее — это потребительская ценность жизни, а будущее — это производственная. Наш канал весь в будущем, и ценность жизни для нас — ценность производства».

Христианство и церковь находятся между собой в том же отношении, как коммунизм и государство.

Павловна (как крестьянка) целиком отдавалась хозяйству (так и мать моя), и так она работала для детей своих, обеспечивая им будущее, но самих детей она почти не видела. Теперь дети выросли и ушли. Она завела себе утку, курицу и гуся и этим игрушечным хозяйством (ни для чего!) подавляет всю мою жизнь. Вывод: планы, будущее, производственная ценность и вся работа для этого обязывают к вйдению Лица Всего-человека.

Человек был похож на быка, грузный, упрямый и в то же время чувствительный и такой необразованный, что когда

надо было сказать о быке семментальской породы, выговаривал: сентиментальный бык.

Ул. Циолковская, дом Циолковских.

24 Июня. Дождь окладной, теплый. Пчелки рады отдохнуть хоть денек.

Вчера был Горский, пророк воскрешения отцов. До того маньак, что в «Медном всаднике» видит воплощение идей Федорова: Евгений чего-то добивается, — чего? найти невесту. И находит ее домик, но домик пуст. Ему остается воскресить ее... Значит, Пушкин федоровец.

Если с утра до ночи годами, десятками лет думать об одном и том же, — сколько же можно набрать аргументов! И как и чем оборониться от них обыкновенному смертному? Все кажется смертному, что по рассуждению пророк прав. Единственное, что остается смертному, это требовать чуда: пусть воскресит.

Пророк — это неудачник, преодолевающий физику своей неудачи физикой своего желания: до того сгущает желание, что оно действует как физическая сила, и в этом-то и есть чудо.

Было чудо сотворения Гамлета, — это чудо естественное. А то будто бы бывает чудо, и тем оно «чудо», что рождается неестественно.

Как я ждал тогда чуда! но все-таки, несмотря ни на что, она умерла. О, я силился и после смерти ее воскресить всю жизнь, и Марья Моревна воскресла, но не для меня. За нее мне дали славу.

Собрать, расширить «Лисичкин хлеб» в книгу «Дети». Детство.

Увлекательность техники, занимательность: все забывается, все что-то для людей выходит, а перед людьми дурак дураком.

24 Июня. Дождь и холод после жары. Письмо от Разумника, что на свободе и «реабилитирован». Слух о смерти Мандельштама.

25 Июня. Холод, к вечеру возвратилось солнце, и лето засверкало в росе.

Привез с вокзала Галину с новорожденной Еленой.

Горский узнал в моих рассуждениях о лице Всего-человека христианство. Но это ничего не значит, раз в лице Сверхчеловека узнают Христа.

Люди сошлись на цветущем лугу возле прекраснейшей речки и дуются в карты: и не цвети цветы на лугу, они бы не пришли сюда и [не] дулись бы в карты. Они берут от весны то самое, чем она сильна: они делают то, что им хочется.

И когда пройдет весна и упадут семена и птицы петь перестанут, — эти картежники тоже уйдут и будут делать, как все, что Надо. Пусть же будут благословенны все весной, кто совершает то, что ему хочется, еще придет время, когда необходимость заставит делать, что Надо.

26 Июня. Возвратились роскошные дни. Дядя Костя: — И пусть меня сожгут, чтобы я не вонял! — То же Вас. Ив.: — Бога нет! — за счет отрицания определяется индивидуальность, и аналогично в интеллигенции: рационализм есть первая ступень интеллектуального варварства.

Пришли на цветущий луг и дуются в карты, другой услыхал кукушку и ну считать, сколько лет ему еще остается жить, третий прислушался — понял соловья и тут же уснул: соловей заливается, а он-то храпит. Вот тем-то и чудесна весна, что совершается великое Надо, а каждому кажется, будто весной он может наконец-то жить, как ему хочется. Вот-то и дуют в карты, вот и храпят и считают кукушку, и самое, самое чудесное: шепчут друг другу «люблю» влюбленные, и все человечество сливается со всем миром, и каждому влюбленному кажется мир совершенно прекрасным.

На дереве этом все листики были разные и каждый по-своему трепетал. Но зато и крепок же был ствол, соединяющий всех в могучем всеобщем для всех листиков Надо.

Приехал Разумник.

27 Июня. Летний дождь и гроза. Рассказы Разумника о русском народе. — Как же это мало сказалось в литературе? — Потому что Россия была кустарная страна и православное христианство укрывало зло. Революция — это в отношении покоя кустарной России было явлением зла.

И вышел из революции Чужой человек, и начался процесс отчуждения.

Каждый уголок земли тогда жил в своеобразии. Революция дала идею <u>общей</u> жизни (колхоз), и это <u>отвлечение</u> сопровождалось отчуждением.

Курорт и кустари (в Кабарде) = Медному Всаднику.

Абиссиния = Чехия и пр.

При такой неправде и таком отчуждении как же и не появиться окаянству, ответному на сознательное зло (ради будущего добра).

Появился план переустройства всей жизни, и старое, существующее в настоящей жизни, было отвергнуто и убито ради будущего общего блага всех людей...

В этом об-общении (от-влечении) и заключается отчуждение людей и сопровождающее это явление зло.

Курорт и кустари: курорт для неизвестного, безымянного человека...

Поглощение живой индивидуальности Процессом, Большим делом, Цивилизацией и т. п.

То же явление и при наступлении капитала на кустарей, и то же самое при наступлении Социализма: то же расширение и отчуждение людей между собой.

28 Июня. Парило утром. В обед теплый ливень.

Переменяются люди не внезапно от мысли, приходящей в голову...

«Практический идеализм» (Серая Сова о Канадском правительстве).

«В лесу человек иногда очень скоро превращается или в настоящего человека, или в обезьяну».

Цветут шиповники. Зеленая ряска наглухо сдвинулась и закрыла все отражения в лесной реке.

Есть люди неукротимые, и сломить их невозможно никаким насилием: умрут, а не сдадутся. Серая Сова, как ин-

деец, был такой человек и благодаря [ему] и Канадское правительство: практический идеализм.

Или это белым клочком береза через темную елку просвечивала, или белая бабочка села на ель... Нет: не бабочка, не береза, а это белая корова... Потом белое пятнами само двинулось... бабочка! и нет: это белая корова стояла под елью и чистила себя, протирая о ствол .

Мазай: 1) грязь 2) домкрат 3) колесо 4) долить 2 банки аккумул[ятора].

Машка:

1) Грязь аккумул[ятора].
2) Крючки
3) Дворники
4) Гудок
5) Карбюратор.

Снимал дятлов, — как трудно! но «хочется», и выходит чудесно, если же «надо»...

29 Июня. После грозы довольно прохладно и ясно. Наганивали гончих. Снимали дятла. Птица погибает, когда у нее повреждено крыло. Но дятел бежит на дерево вверх по стволу и живет на дереве, как мы дома: дятлу дерево и есть дом. Это одна из самых независимых от человека птиц.

Происхождение «Надо».

Людей покоряет не зло, а добро.

Есть люди, которых нельзя покорить никаким насилием, но стоит им сделать добро, — и они на всю жизнь становятся пленниками своего благодетеля. На этом вся природа стоит: покормите получше птицу, зверька, и они становятся ручными.

Так вот и Серая Сова, получив от Канадского правительства возможность осуществить свою идею охраны Бобрового Народа, остается связанным этим добром и тактику своего начальства называет «практическим идеализмом».

Конечно, о себе самом, стремящемся в неведомый край непуганых птиц, он и думает как о непрактическом идеалисте; такой человек и в самом деле как будто ждет к себе экс-

плуататора. И тот приходит, умница, делает добро идеалисту и так использует его для общего дела. Так что «практический идеализм».

Добро вяжет человека больше зла: «я буду век ему верна», — на этом стоит вся любовь женщины, и вся власть происходит от преданности благодарного человека. Отсюда и два лица Бетала: одно — милого товарища, другое — насильника. Человеку жить хочется, помоги ему жить, и он повадится к тебе, будет просить у тебя. И людей таких масса, и ты будешь массой владеть, и она по твоему велению будет уничтожать твоих врагов. Т. е. кто дает пищу («счастье»), тот и властвует, и против этого реальной силы нет. И потому это должно принадлежать не капиталисту, а обществу, — социализм против класса властелинов. Класс пролетариев должен передать власть коммунизму (всем).

Ив. Ив. был служителем культа и верил в Бога, но ему пришлось снять сан, и вместе с тем как бы по чувству долга [он] перестал рассуждать: никакими соблазнами нельзя было выудить критику. Но был однажды случай: мои злые пчелы, плохие ульи, пчелы закусали попа до того, что он закричал: — Стахановская работа! — Я воспользовался этим: — А что это, стахановская? — То, — ответил он ожесточенно, — что похуже, да побольше, числом взять, а не делом, самому выдвинуться, а нас обойти. — И пошел, и пошел.

К происхождению «Надо»: «Хочется» — это Личность, «Надо» — общество.

То же самое «Надо», но разные люди по-разному понимают это Надо, и это свое отдельное понимание общего Надо приходится охранять, и так в борьбе за Надо складывается борьба за свое понимание, за свое достоинство, честь, за себя.

Так и будет Падун: Надо складывается в борьбе капель.

Все будущее стоит на том чаянии, что, может быть, оно станет моим настоящим... Без этой личной, живой связи не может быть будущего.

Весна тем хороша, что кажется, будто чего тебе хочется, то самое и есть благо для всех...

Кому интересно знать, как я достигал, чтобы самим собой, а не как мне велят, выйти к общему делу, к тому, что всем Надо? Никому это не интересно, потому что ведь у всякого должен быть свой собственный путь, и мало того, что неинтересно, а может быть, немного и вредно: иного это собьет, и он пойдет к общему делу не своим путем, а моим, значит, ему самому чужим.

30 Июня. Лодку на Торбееве проверяли. А вечером, когда сидели на террасе, ужинали, небо такое было чистое, такое умытое, и на столе васильки и раковые шейки.

1 Июля. На этом и стояла гордость и честь старых революционеров, чтобы остерегаться как можно больше получать от людей имущих что-нибудь даром: они понимали, что это «даром», обязывая, связывает больше насилия.

Еще я думал этой ночью, что сила числа, как у нас это поняли, непобедима, потому что она основана ведь на любви к жизни: соединитесь все, кто хочет есть, пить, учиться, одеваться и достигать счастья.

А то, чем я с малолетства живу, что ношу в себе, вынашиваю всю жизнь, — это что я <u>должен</u> быть самим собой и дать такое, чего еще в мире не было: ко всему, что было, прибавить нечто свое: ...

Мое Надо в том, что я должен быть самим собой, значит, делать не то, что велят, а что мне хочется...

Так что, с одной стороны, не победимая ничем власть Числа (размножение), с другой — тоже непобедимое стремление человека быть личностью встречаются и силою своего выражения в борьбе дают характер эпохи. Сейчас у нас господство Числа...

(Бенкин, латыш, автомастер, вернулся, и в тот же гараж, в тот же дом, в ту же квартиру к своей семье. А упрятавший его Захарчук, уполном[оченный] НКВД, расстрелян: мастер выдержал и победил, а то прошло, и сколько этого такого прошло.)

Эти фигуры властелинов, возникающие и исчезающие, как пузыри, являются попытками стать личностью.

Человек рождается личностью, но дальнейший рост его состоит в борьбе за себя с силой числа, стремящейся обратить его в цифру Числа.

Размножение человека стремится стать умножением.

Любовь к женщине похожа на воз-рождение (на второе рождение) личности, — этой любви злейший враг Число. Победа Числа в будущем обещает насилие в любви, обращение ее в колхоз, производящий человека (Колхозчел).

Но не делай своей прежней ошибки: не исходи из временного для построения вечного, господству Числа есть срок.

Рационалисты в своем движении, исчерпав силы Ratio, становятся мистиками, и эта мистика слабосильная.

2 Июля. Снимал диких уток на безымянной речке с белыми и желтыми кувшинками, возле ржи, в виду леса. Раковые шейки и всякие медоносные травы обступили меня, как будто старые, милые друзья снова вышли из прошлого и обступили меня.

Мы в лесу и обедали. Птица довольно крупная пересекла нашу поляну так быстро, что я не успел и понять, что же это за птица была. В просвете между деревьями на солнышке целая тесная группа раковых шеек глядела, как мы ели судака. Цветет рожь с запозданием. Поспела земляника, показались грибы, пока еще черные.

Утка вышла на берег в траву и обирала перышки, а утята черненькие все кучкой прилегли возле нее.

Говорят, что клевера погибли и взяток будет небольшой.

«Весь-человек», заключенный в его Надо. Тут все потеряли безнадежно свое природное Хочется и частью за свое, частью за чужое отвечали, делая общее Надо.

Взяться бы, схватиться за свой кончик жизни, своим детским Хочется радостно делать, что Надо для всех, но где тут. Мой путь, дорогой друг, тоже лежал через Общее Надо, но я, мне кажется, сумел правильно стать: мне казалось, будто я встретил следы своих детских босых ножек и пошел, и пошел... Но зачем об этом говорить?

— Как зачем! — спросишь ты, — если ты открыл свой собственный путь к общему Надо, то зачем же молчать: надо открыть его всем.

— Вот в том-то и горе, мой дорогой, мне тоже раньше казалось, что стоит открыть мой собственный верный путь, и все пойдут по нём. Это большая ошибка и пустая работа: мой личный путь для другого будет чужим путем: путь к такому Надо, чтобы оно стало как Хочется, может быть только своим.

Десятки лет, чуть ли не с тех пор, как дети мои начали только лепетать, я учил их, чтобы они за короткое время свое молодое успели схватиться за свое любимое и влиться в жизнь за его достижение и через это потом жить и делать не как Велят, а как Хочется... Нет!

3 Июля. Солнечные, но не жаркие дни, — в июле редкость!

Не так живи, как Хочется, а так живи, как Бог Велит.

«Надо» — это есть Бог.

«Несть бо власти, аще не от Бога» — это значит, что как бы ни был ненавистен властелин, но раз он властелин, то в его власти содержится тоже и Надо, которое он выполняет помимо своего желания.

Как бы там ни было плохо, а Маня, деревенская девочка, окончила курс и едет в деревню свою к отцу образованной барышней.

Какой спор может быть о том, что вся река, сливаясь из бесчисленных ручьев и родников, бежит куда надо: ей надо бежать в океан. Спор идет о ручьях, составляющих реку, — что каждый ручей, чтобы влиться в реку и потом достигнуть Океана, должен сам отыскать свой собственный путь до общей воды.

Так перед каждым из нас стоит непременно личный вопрос, закрывающий общее Надо. Ведь как ручей, — он пробежит, а другой не этим открытым путем, а непременно другим путем должен бежать и создавать его сам.

Часто и нам тоже кажется, будто вот я открыл свой путь и теперь это для всех: этим моим путем побегут все без труда.

Это ужасный и горький обман, «спасти» можно только себя самого на своем пути, и твой пройденный путь повторяется лишь в дураке: спасителем можешь ты быть лишь только для дураков.

Ты можешь спасать Реку, пополняя ее водой, но ручьи сами спасут себя тем, что сольются с Рекой и войдут со всей водой в Океан.

Ты единственный в своем роде, но род твой весь идет за тобой, род живых и мертвых: ты их вождь. (Вот откуда происходят «вожди».)

Символист — это кто осознал себя таким и тем подчеркнул, и этой чертой сознания уничтожил свой собственный путь, в который, конечно, входил и символизм. Это было действенное и волшебное начало в составе творческого процесса, но раз оно осознано, вынуто из целого и заключено в «изм», оно переходит в лабораторию для исследования, как, например, мертвое сердце животного, но само по себе мертво — для самой жизни уже не годится.

Верно, так и Бога люди хотят заключить в какой-нибудь Изм и сделать полезным для жизни.

Я на Бога смотрю как на предвечное Данное, из которого я и сам исхожу, повторяя: да будет воля Твоя! Нет на земле существа, против которого я не мог бы стать как Брут против Цезаря. Но Бог не человек, и если я восстану на него, то Он даже и не разглядит меня, чтобы сказать свое: — И ты, Брут!

Так Я. Но говорят, что если взять самый высокий на земле обелиск и положить на него копеечную марку, то эта марка в отношении всего обелиска будет жизнь человека на земле в сравнении с жизнью всей земли. Говорят, что со временем копеечная марка человечины перерастет все Предвечное Данное и выйдет за пределы его. Но Я? Мне-то что? Скажите, какое мне дело до процесса разбухания копеечной человечины за пределы Вселенной: Я сам по себе, и быть самим собой — все мое назначение.

«Князь» в юности был так предан царю, как Богу, и верность свою считал священной. И было недопустимо для него, чтобы когда-нибудь царь сказал ему: — И ты, Брут!

[Келлер] отказался от присяги Временному правительству и сказал: «Можно раз присягать». Но Брут, присягнув Цезарю, поднял на него руку. Есть ли что-либо выше личной верности? Предполагается: общественное благо. Но раз ты разрываешь присягу, ты разрушаешь личность свою, и ради общего блага ты сам лично должен погибнуть: это есть смерть твоя. Так, совершив то, что Надо, Брут сам погибает. И так Прометей, друг человека; но «Христос» есть сам как человек, погибая за человечество, остается в единстве и верности к Богу, и он делается сам Бог. Умирая как человек, он остается Богом и поручает нам всем стоять за Бога в себе: богочеловек. Так и вся смерть: умирая, человек расстается с человеком и делается Богочеловеком (сверхчеловеком = творческий процесс).

И что я написал о символизме, — разве не то же самое надо написать и о Боге: что сознание — это не только открытие Закона, Правила и Метода, но в то же время и разрушение вечного Закона, Правила и Метода. Сознавая, ты вылетаешь над водой, как рыба, чтобы, описав серебряную дугу на солнце, снова погрузиться в родную стихию, а там опять сверкнуть водой и опять погрузиться...

4 Июля. Чувство собственности.

Схватываясь за собственность, человек стремится утвердить материально свою от-личимость (индивидуальность): «Это Я, — говорит он, — это Мое!» Так начинается война за себя, за то, что ты — единственный раз появился на земле и успел утвердить себя.

Личность реализуется в собственности.

Вопрос: если я узнал Христа в самом сердце своем и в том деле, которое называется «творчеством», то нужно ли идти в Церковь? Ведь пастыри церкви, — правда ли, что им дано право вязать живые души? Не сами ли они для себя и выдумали это право, чтобы властвовать?

Бой задавил 3-х утят из 9-ти, из-за этих утят и 6 гусят все мои собаки (4) томятся на цепях. И утята и гусята суще-

ствуют исключительно для развлечения Павловны (купить во много выйдет дешевле). Вот из-за этого, из-за утят, Павловна не дала мне обедать, и я, сдавленный голодом, орал, воображая себя страдающим, и так довел себя до истерики, не исключающей возможности последней беды. На мои стоны и вопли и причитания она наконец пришла с водой, просила прощения: я больна. А когда я сказал, что ведь мне помогать надо, а не расстраивать, что у меня большое дело, имеющее значение для всего общества, она сказала: — Мне-то какое дело до общества. — Из-за каких-то утят ты срываешь всю мою работу. — Это не из-за утят. — А из-за чего же? — Из-за того, что мы изводим друг друга. — Ты меня явно изводишь, но чем я тебя извожу? — Я больна, — ответила она.

Так я ничего и не узнал от нее. Тут я понял...

5 Июля. Вот почему надо мне сейчас уехать и пожить одному. Когда долго живешь с человеком, приживаешься к нему, то тебе становится удобно здесь и, напротив, страшно где-то там, не у себя, на стороне. Это чисто эгоистическое чувство привязанности часто принимают за любовь. Вот и надо от этого освободиться.

Когда гениальный человек является и ведет за собой массы людей, то это, может быть, свидетельствует не так о высоте человека «гениального», как о пустоте масс, которые он ведет. Я помню учительницу в Рябинкове в 17 году, как она учила детей «с интернацио-на-а-а-лом» петь... и как дети деревенские, ничегошеньки не понимая, пели интернационал, а потом это все и пошло, и пошло, и мало-помалу стало ясно, до чего же пуст человек масс.

Т. е. проверить, не кошка ли ты: что не ее, человека, а место любишь, свой собственный покой.

И сделать, эту проверку сделать надо. (Этика побега.)

В основе этой ненависти лежит ревность, которая разрастается до всего, что меня занимает, в том числе и писательство: это она тоже ненавидит. Та же «болезнь» была у Лидии, сестры, и у С. А. Толстой. В эту болезнь входит и чувство своей никчемности, что она ни на что никому не нужна. Со

стороны же смотреть, все от «жиру», «делать нечего», «бесится с жиру». Развивается злость, желание изводить другого. Утята только предлог для истерической разрядки.

Плохо, когда христианин в борьбе с женой своей пользуется советом попа: в этом унижение и мужчины, и самого Христа, и, главное, это ни к чему хорошему не приводит. К богам надо подходить вполне бескорыстно: надо чувствовать бога в себе, и тогда боги радуются и принимают тебя как равного.

Недешево стоила эта победа, но чтобы удержать завоеванное, надо поставить себя в такое положение, как будто живешь ты один и занимаешься своим делом точно так же, как если бы уехал в глухую деревню.

Итак, с завтрашнего дня я начинаю это одиночество, которое будет вступлением к будущему одинокому житью в деревне.

Разрядив себя в ссоре такой, чтобы ее изругали, Павловна делается здоровой на некоторое время; аналогия с половым актом: в молодости это они называли любовью, а в старости вместо этого они ссорились и после бурной разрядки злобы чувствовали такое же точно облегчение, как, бывало, после припадков «любви». В этом ничего нет удивительного, так все живут.

К таланту я отношусь, как пахарь к земле: земледелец напашет, насеет, а дальше хлеб растет сам; так точно, устроив талант свой, как землю, разбросав там мысли, нужно отойти и дожидаться, как ржи: две недели рожь колосится, две цветет, две наливает и две созревает. Да, талант, как земля, растит задуманное нами даром, и весь вопрос сводится лишь к тому, возможно ли в обработке таланта, как в земледелии, от сохи перейти к трактору. Вот это современный вопрос: кустарная страна Россия стала индустриальной во всех отраслях жизненного творчества, и только искусством, совершенно как в стародавнее время, занимаются одни кустари. В этом вопросе заключается вся болезнь современной литературы, и оттого она так несмела,

так нерешительна, так плохо пишут. Именно потому так плохо пишут, что все не уверены в праве своем существовать как кустари.

6 Июля. Сколько вальдшнепов осенью находил я, бывало, в этом лесу и даже этой весной стоял тут на тяге. И думал, что этому лесу стоять и стоять: здешнему колхозу рубить бы его и корчевать хватило бы работы на десять лет. Но пришла организованная сила и в неделю выбрала и выкорчевала весь лес, как будто не лес это был, а рожь. С горы от Торбеева стала видна и колокольня без креста Параклита, и новый завод ЗИМ возле Загорска. Мы дивились, что может сделать по-военному организованная общественная сила, вооруженная современными машинами. Вот эти-то силы, в отношении существа человека вовсе неуправляемые, и определяют нашу новую жизнь. Задача человеческая — взять эти силы в свои руки, но как их взять, если вместе с ростом их исчезает из сознания самое понятие человека.

Это о Боге, живущем в глубине души человека, говорят, что будто бы он для создания лучшего берет добровольно на себя бремя и страдание. Но то, что есть «человек» без этого, то это «жить хочется», это стремление к счастью. И вот если такому «человеку» дать волю, то каждый из них, стремясь к счастью, будет бороться с другим таким же за свое счастье. И тут ничего бы от людей не осталось, все бы поели друг друга, как пауки в стакане. Тогда в поправку этому «счастью» является государственная палка и берет счастливого «человека» как быка за рога.

Не из-за сострадания или желания творчества лучшего размножается род человеческий: он размножается в поисках счастья, он надеется, что сыну его будет лучше жить.

Начался сенокос. Яловецкий вчера обратил мое внимание на то, что день уменьшился на $^1/_2$ часа. Я об этом не думал, но приближение осени очень чувствовал. — И я тоже так чувствую, но признаков не вижу, и почему чувствую поворот на осень, сказать не могу.

Мне, как и всякому, много приходит в голову такого, что приходится отбрасывать от себя как ненужное: кажется, никто не поймет меня, если я об этом скажу. Но случается, другой человек встретится и расскажет о себе точно то самое, что ты собирался отбросить из-за того, что это никто никогда не поймет. Вот тогда, если у двух одно и то же сошлось, пусть даже приснилось, является уверенность в реальности мысли или чувства такая сильная, что хочется скорей-скорей об этом везде говорить и писать.

Так вот, если кто-либо встретит предрассветный час и последующий сумрак новорожденного дня, то этот человек тем самым получает ключ к живой воде жизни. А если бы это все поняли и стали учить детей благоговейно в предрассветный час готовиться к наступающему дню, то человеческий мир весь бы переделался скоро и люди стали бы рождаться и жить здоровые душой и телом.

Я сам это чувство грядущего дня получил от матери, которая очень рано вставала, пила чай в одиночестве и очень радовалась, когда я просыпался и прибегал к ее чаю. Потом эта страстная любовь к предрассветному часу перебуровила всю мою жизнь. Много раз необходимость работать в городском обществе переделывала меня на некоторое время, и я тоже ложился и вставал, как все в городе. Но всегда от этого получалась неладная жизнь и плохая работа. А может быть, из-за того, чтобы жить, как учила меня мать, я и писателем-то сделался? Скоро уже будет 40 лет, как это случилось, и с тех пор, в деревне или в городе, все равно! я встаю в предрассветный час, а в полдень обедаю и отдыхаю.

И вот когда я узнал, что и Серая Сова живет точно так же, я так обрадовался, что прежде чем рассказывать о его жизни, не удержался и рассказал о себе.

— В этот сумеречный час, — пишет Серая Сова...

7 Июля. 6 утра. Оркестр: марш «Жить стало лучше», 6 ч. 4 м. Известия: О боевой задаче т. Шлепакова. 24 Июля флот в Мурманске.

После личного опыта всей жизни приходят иные к пониманию опыта человечества и через это становятся мудрецами. Иные же обладают способностью («умом») схваты-

вать чужой опыт без труда, без личного опыта и пользоваться им. Эти люди — потребители в истинном смысле слова.

Мы все, конечно, в известной степени и производители (мудрецы), и потребители (живем чужим умом). Но талант к чему-нибудь (своя земля) ведь есть у каждого, и, значит, каждый мог бы стать производителем (творцом нового), и в этом счастье, и все бы счастливы были, если бы все нашли себя самого в небывалом. (Производителем я называю того, кто создает небывалое.)

Живу в свое оправдание, потому что отчаялся в жизни для общего дела. Я живу так, лишь чтобы не совестно было перед самим собой, в свое оправдание.

Моя мания устроиться на каком-то участке земли — это значило потребность устроить свой талант: земля и талант — это одно и то же, только земля — для всех, а талант — это земля личная. В этом свете мнение Марии Сергеевны, что «все уйдут в город, а на земле будут машины работать» — особенно ярко: надо бы ей сказать не землю, а талант бросить.

Земля и талант — это Данное. Земля перестала быть личной: ее обрабатывают в пользу государства, так и всякий талант, как землю («спец»), стараются захватить и превратить творца в «спеца».

И вот разница таланта с землей, что землю захватывают, и в этом неправда, с которой борются. Но талант личный по существу своему, и оторвать его от личности в пользу общества — это значит разрушить его и сделать с личностью то же самое, что с птицей, если обломать ей крылья: это значит обречь птицу живую на съедение лисиц или кошек, — так и оставить личность без ее таланта.

Не какой-нибудь частный план, а весь План, о всей жизни, о Всем-человеке неверен в основе своей. И это сознано в процессе необходимости удержать власть. Теперь задача в том, чтобы отступать и тем удерживать власть, отступать от своего собственного Плана, а куда — неизвестно: туда, куда можно отступать, сохраняя власть.

8 Июля. Он утверждает, что коммунизм явился не в отрицание, а в оправдание и в обновление капитализма. Потому что коммунизм метит в непорядки капитализма, пусть даже в капитализм как в недостаток. В том-то и беда, что существа человеческого он не понимает, но действует вместо него, объявляя своего человечка тем существом.

Он еще говорил, что делать тут нечего: со временем эта болезнь сама пройдет.

И еще, что народ в глубине своей это всё понимает и все, кроме обычных дураков, понимают.

И что делается вовсе не то, что говорится.

И что Герой нашего времени живет в маске.

— И ты, бедняк! — говорил он, — живи в таком одиночестве, из которого на всяком месте, в каждом приходящем ты можешь ожидать желанного друга.

Дуничка и все хорошие революционеры под конец завидовали верующим.

Горький обманывал сам себя и обладал даром прельстителя.

Свидетельства внутренней жизни человека у писателей похожи на взрывы вулканов: вулканы свидетельствуют о внутренней жизни земли, а такие творцы, как Шекспир, — о внутренней жизни человечества.

9 Июля. Бывают люди столь почтенные, столь часто их называют «по батюшке», что фамилия делается ненужной. Вот сколько лет уже я знаю Родиона Сергеевича, а фамилию его не могу назвать.

Раковые шейки (у них свое: у меня есть подозрение, что раковые шейки между собой сговорились и прислушиваются).

Кот: Кот ведь когда только бежит, кажется легок, а погляди на него, как он утром выходит: вот он вышел от соседа Тараса под забор, идет тяжело, переваливается весь с лапы на лапу, — когда-то дойдет!

Схватила меня тоска о том, что время у меня убегает: верно, где-то дырка в душе.

Схватила меня сегодня тоска о том, что дырка у меня в душе, треснуло что-то в ней, и туда, в щель, потекло мое время. Пробую за то схватиться, за другое, ни в чем работа не клеится, и ничто не может заклеить мою щель. И так это мне больно, что жизнь проходит невидимо, и я не знаю, куда протянуть мне руки, чтобы к чему-нибудь привеситься: к подножке, к буферу или к багажнику.

И вижу уголком глаза, что стайки раковых шеек стоят, глядят на меня и прикачивают друг друга и перешептываются...

А я давно это подозревал, глядя на шейки в другое время, что не так они...

Сегодня снимал на Торбееве болотную овсянку, она сидела на сухой веточке в тростниках у озера. На всякий случай я снял ее на далеком расстоянии, и зеркало моей камеры дало изображение не больше комарика. Раз комарик есть, то можно смелей идти, и я вскоре снял ее в два комарика. Ну, с этого негатива можно сделать достаточное увеличение, и я смело пошел и снял на 5 шагов. Услышав щелчок спуска затвора, она пикнула — и к раковым шейкам, и там затрепетала крылышками над шейками.

Еще я снял березу против солнца, она сломалась и белым стволом лежала через тропу, а листья на ветке пожелтели, как осенью.

Разум — это все, чем от-личается человек на земле, это его гордость, слава и сила. Но в Разуме есть одно слепое пятно, к которому сходятся и скатываются все величайшие достижения: и с этого места весь мир глядит в нем, как в кривом зеркале, и кажется глядящему, что нет в мире ничего «разумного», что бы не шло человеку для удовлетворения его потребностей, и все только для себя, только чтобы использовать.

Жарко было, озеро лежало лиловое, покой сплывался. Вяло еще прокуковала последняя кукушка, пробубнил лесной голубь.

Бабочка большая белая распласталась на большом цветке, и другая с нее стирала пыльцу до того, что крылышки у нижней стали как слюда прозрачные.

На клеверах работают пчелы, шмели, и везде такое множество насекомых...

Лева опять без зарабо́тка. Ищет фотографической работы. В Мамонтовке видит, колхоз овощников приехал праздновать. — Почему в Мамонтовку с Воробьевых гор? — Потому что «Мамонтовка» (буржуазн[ые] дачи). — Колхоз богатый выделил $2^{1}/_{2}$ тыс. на праздник. Леву пригласили снимать. Начало праздника: культурник вынул зап[исную] книжку и прочитал, кто лишен праздничного пайка: «Ты, Фадеев, ты...» и т. д. После того начали раздавать вино и порции студня. Началась матерная ругань, и кто получил, — с подругой удаляется в кусты. И так мало-помалу, изругавшись, все разошлись. А Леве не только снимать не удалось, а даже не досталось и студня.

Напоминаю: «ratio», доведенный до конца, показывает хозяину своему nihil, и тот предается мистике (постигает вещь в себе). (Это именно и совершилось с Разумником.)

Где-то моторчик неверно стучит, где-то радио рывками отхватывает.

День прошел нехорошо, не то от желудка, не то от малярии (проверить, не в это ли число был прошлый год приступ).

Тоскую по человеку, ограниченному порядком жизни.

Тамара Дедкова взяла у меня 300 р. и еще просит 700 р. Я не дал: первое, у самого остается мало, второе, я ведь не знаю, за что он сидит. Не дал, и когда мне хочется в этом отношении успокоить свою совесть, я докладываю Павловне, что вот не дал.
— И хорошо сделал! — <*зачеркнуто:* слышу я от нее неизменный ответ> сказала она.

10 Июля. Прохладные ночи и жаркие дни. Цветы на лугах в полной силе, и покос закипел.

Наташа! Моя душа дала трещину, через которую стало утекать время без моего личного контроля. Я перестал чему-либо удивляться. Но все-таки... Раз. Вас. вышел из тюрьмы и сообщил мне о смерти Софьи Яковлевны. Я удивился тому, что Вы меня не известили. Хотя Р. Вас. пытался объяснить мне это обидой Вашей на то, что я не посещал Вас во время болезни С. Я., но мне это непонятно: Вам неизвестны причины моего исчезновения, и Вы не имеете права, более молодая, распоряжаться отношениями старших. Я объясняю Ваше отношение каким-нибудь катастрофическим случаем в Вашей личной жизни. Если это так, сообщите мне, как я Вам не раз говорил, я всегда готов помочь, чем могу (и помогал, когда Вы ко мне обращались). Если же Р. В. прав, то ничего не пишите: <*зачеркнуто:* я буду вынужден с Вами совсем расстаться> и пусть все, что было у нас с Вами, утечет в ту трещину, о которой я сказал в начале письма.

(Не пошлю, потому что и сам отчасти виноват: то ли заплываю покоем, то ли не до того самому. Не пошлю, а просто вытащу эту занозу от последней щепки русско-еврейского нигилизма (пусть это знает Наташа), и боль пройдет.)

Илья Николаевич и Дуничка имели какую-то моральную власть не в одной нашей семье. Но эти избалованные потомки верующих рационалистов имеют только претензию.

11 Июля. Вчера навестил меня только что окончивший курс Горного института К. Хочет проходить по вечерам Литературный институт, писал рекомендацию, и вдруг оказалось, что после 10-летнего знакомства не знал (или не помнил) его ни по «батюшке», ни по фамилии. Новое доказательство, что иных хороших людей вовсе и не полагается знать по батюшке или по фамилии. <*Зачеркнуто:* Константин Васильевич Барыкин.>

День за днем подкашивает сосед траву, по утрам он долго сидит возле цветущей травы и ковыряет соломинкой в ухе, а иногда и выпьет. Я думаю, глядя на него, что лень — это счастье трудящихся — и что если к этому счастью да выпить! (Афанасий Мартыныч.)

<*Зачеркнуто:* Костя> рассказывал, что половина студентов, окончивших с ним курс, держат себя по-советски, а половина — каждый думает отдельно про себя, выполняя внешне все требования Советской страны. Психология тех, кто ведет себя «по-советски», понятна: они устраивают таким путем личную жизнь, стараясь стоять на ногах твердо. Это «средние» люди в государстве, и так быть должно. И то правильно, что половина все-таки про себя свое думает, и то правильно, что, думая, она выполняет советские требования. И то правильно, что «патриотизм» у всех: пораженцев не существует. Но правильно ли, что все идеи социализма и коммунизма брошены в помощь обороне страны и что, брошенные в огонь, они гадят и смердят и в то же время плавят металл для войны?

(В душе я давно сказал себе «правильно», и только мне трудно оставаться одному без «хороших» людей.)

Перестаю быть «добрым».

Бой разозлил меня суетой, и когда он посунулся, я вгорячах толкнул его палкой, и вдруг от этого нога у Боя повисла, он выкнул и лег. Через минуту нога у него прошла, но в эту минуту мне было так стыдно за себя, так больно за негодность свою, что я вспомнил Наташу и понял: я сам виноват. И простил ее.

— Но ведь и раньше так было, — сказал И. И.

— Разве?

— Ну да, конечно, да и когда и где этого не было, разве что в других странах.

И тут только я ударил себя по лбу и понял: — да, конечно, так оно и было, только мы глядели на то, как Надо, и не хотели видеть.

— А как же, — спросил я, — протопоп Аввакум, вот он же был одноликий, а мы все его уважаем?

— А это же в нас самих живет, в каждом из нас есть одно Лицо, и нам хочется все то же.

— Не Бог ли это в нас?

— Ну, конечно, Господь Иисус Христос распятый: в нем одно лицо, а те, кто его распинал, эти все с переменными лицами.

Про ум личный и общий и слава благополучия.

Павловна глубоко уверена в том, что у меня лишь «талант», а «ума» у меня нет ни малейшего. Я же, напротив, думаю, что у меня ум... У нее ум общий, каким все живут, скопленный ум тысячелетний неграмотного опытного человека, ум традиций, в котором все выходящее за его пределы — «дурачок». Ум, посредством которого мы все, и ученые и просто грамотные и неграмотные, понимаем друг друга... А то есть редкость большая, ум личности: так только Я думаю.

...в каком-то свете оценки культурного творчества эти люди просто разбойники (цивилизаторы-революционеры).

Есть особое чувство приятности: «удалось» что-нибудь, как, бывало, в тюрьме удастся махорочки достать, и становится хорошо. Есть в таком «хорошо» мирно-смазывающее начало, от которого, если это станет часто приходить, заплывает душа. Это испытывает каждый мученик жизни, и это понятно диктаторам: надо мучить и давать. «Дают!» — и все бросаются туда, где дают, и в радости забывают мученье, рады всему, что дают. Строители канала этим достигали успехов своих. На этом пути являются и преданные оптимисты: поют хвалу, и те, кто требует для себя задорно... последнее из того рождается, что чем же я хуже других, и если Пришвину дали, то чем я хуже Пришвина.

Все было: «Марья Васильевна, пожалуйте, да, если угодно», а когда все кончилось, зевнул и сказал: «Ну, Маруська, пошли домой». (Так умирает трутень, оплодотворивший пчелиную матку, и она, стряхнув его с себя, улетает в улей, влача за собой его кишку, знак оплодотворения; а при бесплодии у человека: «Маруська».) Блядь эта была одарена особенным воображением и оттого при сношении с каждым мужчиной вела себя, как будто он у нее один.

12 Июля. Петров день.

Липа цветет. Зной свалил. Открылись нектарники, и пчелы загудели на дереве.

Каждый стал проституткой, потому что ждет получить что-нибудь и дает всем и все за получку. И, получив, тратит все, как растратчик, не думая о будущем, а только о том, что хоть день, да мой. И время стало проходить у людей безответственно: никто не хочет не только отвечать, но и возвращаться к мысли о том, что прошло.

Последние свидетели моих поступков, иногда и постыдных, исчезают, и я остаюсь жить без свидетелей.

Грачи молодые пришли на дорогу, сидят и, когда старые прилетают, орут, рот раскрывши, и трепещут крыльями.

Повилика.

Есть умная болтовня и даже разумнейшая...

Задумчивый день.

Если есть противоположность личность и общество, то есть тоже личный ум и общий.

Вот опять это коренное чувство русского варвара, вроде Льва Толстого, что стоит только задуматься хорошенько, найти в себе нечто, потом решиться, и тогда силой можно будет переломить свою жизнь и направить ее к желанной цели.

Как бы ни вели себя большевики безобразно, жестоко и коварно вплоть до полного истребления оппозиции, вызвавшего письмо Роллана к Сталину, — все равно критики, идейно уничтожающей большевизм, ни с какой стороны не было. Какая это критика, если, заглянув в жизнь критикующих, видишь только внешнюю красивую форму, закрывающую от постороннего глаза такую же самую жизнь. И скажи я, то готовый вспыхнуть негодованием и на кого-то наброситься, — на кого? — то готовый смириться до растения в его священном деле удобрения земли, — я же сам, по правде говоря, ни в чем, ни в ком и нигде не находил себе убеждения в праве своем решительной критики. И та кривая от моих героических протестов до древесного смирения есть не что иное, как выражение бессилия души человека, вопиющего в пустыне. Но, чувствую, теперь во мне шеве-

лится настоящая опора, с которой можно выступить бесстрашно и уверенно. И вот бы... Вот бы сразу стало, что я не один, а со мною великая непобедимая сила.

Тут, однако, опять стоишь на распутье: если только Христос как явление моего сердца, свет разума, то ведь это опять же Я, вопиющий в пустыне; а если это не Я, а Он, то вне себя я могу видеть Его лишь в Церкви. И вот тут-то страшно уничтожающе смирение, гораздо большее, чем поэтическое смирение до растения.

И поди вот, по-толстовски, поди и реши: завтра, к завтраму переменить.

Это я давно подозревал, что бессознательно в своей работе и часто в жизни иду этим путем и сознаю только одно, что и должен оставаться бессознательным и не называть имя Бога, которому служу. Для меня пуст этот звук, Бог, Христос, и пусты все связанные с этим понятием рассуждения и доказательства и та решимость (толстовская) на подвиг сразу (завтра), — все пусто, все суета. Но жизнь в Христе, про себя, в совершенной тайне, в ежедневном узнавании всего прекрасного, всего лучшего человеческого, лучами в природу исходящего, быть может, через тех, кто молится — трудится, — в этом я могу, это, мне кажется, я делаю. И так этот Бог совсем про себя в совершеннейшей тайне, и выражение его только в деле жизни и до того, чтобы и в делах-то моих люди узнавали Его не именем, а чувством: сами не зная того, переделывались бы.

Так что Бог не в произнесении Его, а в сокровенной природе Его во мне самом. И церковь не в <*зачеркнуто:* молении> храме каменном, а в том усилии жить одному и везде так, будто не один, а всегда и всюду есть близкие.

Итак, «завтра» (толстовское) пусто. Есть сегодня и вчера — это есть, а завтра будет само от себя. «Завтра» — это суета, и ничего не надо: оно есть.

13 Июля. Если я скажу, что лодка моя пневматическая, то некоторые граждане останавливаются перед иностранным словом и спрашивают: «А что это?» На этот вопрос я от-

вечаю: «папанинская», — и меня понимают в том смысле, что это особенная, прекрасная, героическая лодка.

Из этого я делаю вывод: первое, что герои наши весьма народны (хотел сказать: «популярны»), и что не следует шутить именами, называя, напр., «пневматическая», когда можно сказать «надувная».

По моей просьбе мне сделали на одном заводе такую лодку весом в 12 кило, так что в особом мешке носишь ее за спиной. А когда придешь к воде, то в пять минут ее надуваешь и, чуть шевеля байдарочным веслом, полулежа на мягком, плывешь, и мысли твои тоже, конечно, с тобою плывут, цепляясь то за белые лилии, то за темные спины лещей под водой, то за выводок дикой утки. (Фото: мой выводок уток.)

Найденная точка чувства открывает и точку зрения, притом такую, что можно видеть во все стороны в настоящем, и в прошлом, и в будущем.

Находка эта, оказалось, была тут же рядом, у себя под руками, только была прикрыта какой-то этической броней, возникшей в русской интеллигентской среде под водительством Льва Толстого. Нам казалось, что если сильно захотеть, ухватиться за что-нибудь, то можно стащить с себя шкуру всего нажитого, выпрыгнуть из шкуры молодым, сильным, уверенным и взяться строить хорошую жизнь. Казалось, что акт этот в своих руках, и если захочешь, то завтра же и можешь начать новую жизнь. Эта крышка жизни «на завтра» лишь отчасти была мной приоткрыта, когда я начал писать. Писательство иногда намекало на существование «точки чувства». Теперь же крышка приоткрывается больше, потому что падают все крышки жизни, и она встает во всей реальности своей так, что необходима для дальнейшего существования опора для борьбы со всеми иллюзиями.

Этим жить можно и творить, но сказать об этом никому нельзя: все слова, все названия этому забиты частым употреблением, и смысл от употребления стерся.

15 Июля. Продолжается жара, сушь.

А вот то, о чем я на днях писал как о «завтра» и о том, что уже есть и надо только найти в себе «точку чувства», — это самое нашло в истории человечества выражение в двух книгах. «Завтра» — это Библия, где народ ожидает Мессии, и Евангелие, где Он есть, то и другое есть выражение переживаний личности. (Вера в будущее (Библия), вера в настоящее, в жизнь (Евангелие).)

Во сне видел Семашку, которому я высказывался о требованиях масс. — А у них же нет ничего, — ответил С. И тут оказалось из его слов, вся наша [глухая] вера в народ уже использована как сила господства и сами верующие уничтожены. И что этого, как мы думали, вовсе нет ничего, а есть только сила размножения, и на этом возникает власть, которая и управляет размножением. — Больше ничего нет, — сказал С., — остальное всё неполадки, в том числе и Христос — был Христос, была беда, а церковь исправила.

В марксизме это ничто показано в такой разрушительной силе («надстройка»), что в пустоту со всех сторон вливается варварский оптимизм (сила множимости, сила числа) и заполняет ее и переделывает, как переделала Церковь учение Христа.

От Христа ничего не осталось, но церковь смягчила, украсила и сделала привлекательно-прекрасной грубую силу размножения.

Возможно ли, что Партия (как Церковь) сделает то же с учением Маркса?

— А что если я крепко усну, он же напьется чаю, уйдет, закроет за собой дверь, и мне останется только выть с горя.

Так думает Бой под лавкой, когда я пью чай, и, подумав (что несомненно), тихо, крадучись переходит к выходной двери и тут у порога ложится и закрывает глаза.

Ирландские сеттеры в комнате, в особенности в условиях городской жизни, кажутся самыми умными собаками. Наоборот, в поле они бывают такими дураками, что нет породы более трудной для натаски. Я объясняю это тем, что в поле их безумная страсть бежать за всем убегающим и уле-

тающим закрывает их ум. Наоборот, в городе при явной невозможности куда-то бежать их ум освобождается.

Иванов-Разумник еще после первой своей отсидки заставил меня задуматься о себе. Помню, он на мои слова в «Журавлиной родине» о том, что крысы не могут знать о поставленной мине и вследствие этого перед взрывом покинуть корабль, — возразил: «Крысы могут знать». Воображаю теперь, куда он ушел от своего рационализма после второй отсидки!

Так и похоронил Разумник свой разум в могиле мистики.

Это оттого, что он [не] верил в Разум, а только им пользовался: при второй мучительной отсидке в течение двух лет, страдании великом за ничто, при освобождении без предъявления обвинения вера [в] закон, в разум жизни должна оставить всякого.

— А что Вера Фигнер, неужели жива?

— Жива!

Мы подсчитали: убийство царя было в 1881 году, с тех пор 1939 - 1881 = прошло 58 лет, плюс — ей было тогда лет 20 = 78, ну, скажем 80, не так-то уж много, если сосчитать Алек. II + Алекс. III + Ник. II + Ленин + Сталин.

На днях Косте Барыкину рассказал о моих встречах с Демьяном Бедным, — ох, сколько со мной пропадет таких рассказов. А между тем, пока чего-то главного не написал, этого нельзя делать.

Итак, есть две веры: одна в Будущее, которое мы должны сделать (родить Мессию), другая вера в Данное (мир спасен), в Настоящее, согласно которому надлежит устраивать свою жизнь. (Христос и церковь: Христос — Данное, уничтожающее природную жизнь, Церковь — Данное, принимающее жизнь.)

Я сказал И. И., что пчелы матку иногда убивают («тихое обновление»). — Нет, они ее любят, они ухаживают за ней. — А как же «тихое обновление»? — Это если она не хочет принять новую матку, если сопротивляется, что же де-

лать-то? — И тогда? — Тогда бывает «тихое обновление», утром глянешь, а она лежит мертвая.

Это как священник не может принять резкости «убивают»: ему надо смягчить факт, обойти его необходимостью.

Ни облачка на небе, стрижи летают с раскрытыми ртами и хапают все, что им попадается. Пролетая мимо моей липы, стриж хапнул пчелу с медовым взятком.

В христианстве есть христиане, у которых все устремлено в отрицание настоящего, зараженного грехом; другие христиане — «мир спасен» и надо лишь найти свою личность, надо определить свою личность в отношении к спасенному миру.

И тут новое разделение:
1) Мир спасен — остается себя спасти.
2) Привести к спасению общество.

Липа цветет, липа пахнет, на липе сейчас все наши пчелы, и как поет липа, слышно из дома.

И вот это Здесь, а не Там, вот оно Сегодня, а не Завтра, и в этом вся двойная философия: Библия — завтра, Евангелие — сегодня. И та же самая двойственность в Церкви, две религии: Завтра и <*зачеркнуто*: Ныне> Сей-день (религия Завтра и религия Сего-дня).

Моя работа: 1) Самое трудное — это Сказание, это работать ежедневно с утра хотя бы по 10 минут. 2) Фотографирование с целью добычи материала для «Круглого года», сюда же и охота. 3) Вечерняя бездумная работа над книгой Серой Совы.

Смотреть внутрь человека и делать выводы о всем человеке, как делали прежде писатели, теперь нечего: там, внутри человека, нет ничего, теперь человек в делах. Нельзя тоже и в делах видеть вещи и сравнивать их между собой, там делают их лучше, там хуже. В вещах теперь тоже нет ничего: они существуют на короткое время для удовлетворения коротких потребностей. Теперь надо искать в делах времени, чтобы понять, сравнивая с другими временами истории, наше время как время совершенно особенное.

Он не видел человека в быту, Иван, Марья... он видел Всего-человека в каждом и [относился] прекрасно, и все говорили: — Вот хороший человек!

16 Июля. Прохладные ночи и жаркие дни. Погода пошла на пересушку, если скоро не будет перемены, к началу охоты загорятся леса и все станет, как прошлый год.

У Серой Совы его Хочется порождает Надо. Бывает, гуси зовут в страну непуганых птиц, он вздохнет, поглядит на свои доспехи и отбросит это: ему нельзя теперь идти за своим Хочется: это прошло навсегда. Но из этого своего собственного Хочется произошло его собственное Надо: никто не заставлял его, никто не брал в плен, не обращал в рабство, он сам взял на себя долг, ему Надо служить бобровому народу. И, даже не стерев пыль со старого оружия — пусть пылится! — он идет в хижину. Какая цельная, какая прекрасная жизнь!

Вот эту мысль о Надо и Хочется вложить в Падун: «Надо» должно быть своим. (Мне Хочется найти свое Надо: успеть, пока не заставят.)

Над всей стройкой, как темная туча, висело чужое этим работникам Надо, и каждому надо было сделать это Надо своим... Хочется на родину и (сокращение).

Раньше человек, делая частное свое дело, совестился этим, и небогатый отмаливал грехи в церкви, богач жертвовал на строительство нового храма. Теперь совесть у людей чиста: все делают общее дело, храм не нужен. Частный интерес, устраненный от общего дела, стал просто мелкой корыстью...

...А я и на птичку смотрю, клюющую зернышко, с тем, что не всё в этом у ней, чтобы клюнуть, что она в Храме природы живет.

Каждая пчела в молодости полетала немного на полной свободе и нашла свой интерес в том, чтобы служить общему пчелиному делу. <*Приписка:* NB. Два дня этой свободы в отношении к пчелиной жизни как раз будет то, что и мы, люди, для себя считали лучшим временем, а в дальнейшем — [мы пчелы и все], кроме антисоциальных людей.>

Встреча со скамеечкой, и тут вот опять этот свет: в этом много значит, что оно или Он (точка чувства) рождается при всяких условиях, Он может явиться везде и во всем, и себя можно подготовить, но для Него нельзя создать условий, Он приходит Сам (из этого вышел Мережковский).

Сутулый как новый в России тип государственного деятеля взаправду.

Как поползень бегает по березе такой занятой, что и смотреть на тебя не хочет. Когда на той стороне, подходишь и думаешь, что вот он не видит... а он видит, да ему некогда (а трясогузка любопытна). Поползень и трясогузка.

Какая-то крупная птица принесла кусок войлока и положила на пне. Тут она его потрепала, взяла на гнездо и оставила. Прилетела трясогузка и себе потрепала, а потом и поползень: сошлись с трясогузкой.

Повилика оплела все дороги белыми цветочками прямо на земле.

Поющий весенний куст ранней ивы теперь густо оделся, и в нем в густоте поселилась семья подкрапивников. Так густо, что даже маленькой птичке, подкрапивнику, трудно вылететь, и он пырхает, пырхает, пока выбьется.

Канал: к таким техникам, как Дехтерев, подходили, стараясь узнать их душу, то, что им Хочется, чтобы в любимом деле они могли бы забыться.

Снимал омут и думал о старом: Ласточки летели, и тени их неслись в глубине, и тени голубых и зеленых стрекоз, и наездники скакали, — но кто же это взволновал воду, и все отражения исчезли, частые, частые волны, кто же это? (бабочка, щуренок).

Весь белый берег в пышно-розовых громадных соцветиях медуницы.

<u>Школа Толстого</u>. Детям хотелось, каждому из них хотелось для себя пользы, и родители ждали чего-то необыкновенного. Но ничего эти дети не получили: Толстой, глядя на этих детей, думал не о судьбе каждого из них, он думал о всех детях и работал для <u>всех</u>.

Учитель же думал о детях ясно-полянских: две правды, большая для всех и малая для каждого в отдельности (Медный всадник).

Не видно в лесу ни одной липы, но аромат невидимой липы наполняет весь лес.

17 Июля. Празднуем Левино рождение (сам он поправляет, если скажешь «именины», — рождение! «Некрещеная Русь»).

Полный расцвет липы и спиреи (медуницы) на берегу речки.

Отчего Иван Степанович не приходит? Оттого, что завел коровку (под нее дали в Райзо 1000 р. с расплатой на 7 месяцев). Коровку завел, надо сено накосить. Сошлись все шоферы, имеющие коров, и выпросили луг. Теперь надо скосить: самому-то не управиться, самому-то [надо] всех туда свести, все наладить. Согласился, что за него кто-то скосит. Спрыснул сенокос на лугу, перехватил много лишнего: на другой день пришлось опохмелиться, с похмелья на казенной машине проведал сенокос, там неполадки, пришлось и всех опохмелить. Вот так и завертелся Иван Степ., и все потому, что и корова при шоферском положении, и сенокос, и найм рабочего, все это не заведенное, а заводится вновь. И так у всех и всё, все тратят время на первоначальное устройство.

В нормальной жизни земля сама заботится о посеянном, поставленная на место вещь ждет, чтобы ее взяли: приди и возьми. На этом и весь быт людей построен, и в этом его смысл, чтобы освободить человека от суеты расстановки вещей и поисков необходимого. Чуда нет в том, что земля сама родит: там, в земле, когда-то давным-давно заведено и поставлено на свои места, все готово.

Раньше пчелой пугали, что вот будет у вас пчелиная жизнь. А теперь представили пчелиную жизнь, кое-кто пригляделся к ульям и рассказывает, что не так-то уже и худо будет, если собственность заменится взятком. А что касается личной свободы, то каждая молодая пчела, прежде чем взяться за работу, некоторое время странствует возле улья

по ройным взяткáм без всякой работы, и это время облёта местности в отношении к сроку пчелиной жизни, пожалуй, не короче счастливых юношеских лет человеческой жизни.

18 Июля. Гуси прямо и родятся смелыми. У нас на дворе курица Пиковая Дама высидела гусей и водила их. А утка охотницкая Клеопатра вывела утят. Однажды гусята стали порядочные до того, что Пиковая Дама временами стала к ним приглядываться с немым вопросом: «Что же это такое?» Клеопатра из-за чего-то сделала короткую шею, раскрыла широко доски клюва и, страшная до ужаса, бросилась на Пиковую Даму. Тогда один из гусёнков, конечно, во множество раз слабейший, чем старая утка, бросился на Клеопатру и, защищая Пиковую Даму, загнал ее под Мазая. Он гнал ее, потому что и в крови у него было, что гусь должен быть сильнее утки, а кроме того, это был и сам по себе смелый гусёнок и гусиное свое достоинство понял раньше других. Те, пятеро, всё видели, и ни одному из них не вздумалось броситься на защиту Пиковой Дамы.

Из беседы с Левой и Вейнбергом вывел заключение: 1) что молодому коню выгодней, пока молод, самому по шее выбрать хомут, чем использовать золотую юность до тех пор, пока наденут другие какой-то хомут и отведут на работу.

2) Для воспитания детей необходимы Старшие, потому что старшие знают такое, до чего дети не дожили. Всякое сопротивление Старшим во имя Неизвестного (Непонятного) есть бунт со всеми его последствиями.

Начать собирать рассказы с фото:

1) Трясогузка и поползень (в Мазай). 2) Омут Кутора.

19 Июля. Вчера ездили в поле и попали в дым горящего болота, так что жара и сушь, как всегда у нас, переходят в пожары.

Так что в состав того, что мы называем <u>бунт</u>, входит частично (всегда ли?) восстание против Непонятного, Неизвестного, Неизведанного, т. е. той силы, которой держат в руках Старшие молодежь. И бунтует именно молодежь. И отсюда, конечно, апелляция к Разуму.

«Медный всадник»: Евгений – религия, Петр – Разум (и так можно все понимать в поисках происхождения Бога и Разума).

В Евангелии Разум на своем месте: он подчинен Отцу и есть в Отце и в Человеке. В Революции и последующей Цивилизации Разум господствует.

N. сказал: – Хотя наша современная внутренняя политика в отношении предшествующей политики в точности характеризует контрреволюцию, но все-таки нельзя и назвать ее контрреволюцией до тех пор, пока все делается во имя принципов коммунизма. Мало ли что вам не нравится лично... – А как же, если без-лично. – Найдите же сами тоже принцип Личного и действуйте: а то ведь нельзя же выступать голеньким личником против Принципа. В этом и есть сила и правда принципа жизни для всех (общего дела), что этот принцип вызывает из души обывателя, т. е. жизненной особи, принцип Личности. Так в «Медном всаднике» Петр делает шаг, навстречу ему должен сделать шаг свой Евгений. Что сказал Евгений, нам неизвестно, но заслуга Пушкина, что он дал нам понять, что рано или поздно Евгений скажет... И мы ждем от Евгения Принципа (не остается ли ему единственное: «Смертию смерть поправ»). Христос и Антихрист.

Диалектика приспособлена к политике в том смысле, что революция пользуется средствами контрреволюции: если, напр., грабеж населения полезен контрреволюции, то давайте себе пограбим и лишим тем [самым] их силы; а если у них «чти Отца» и они тем соблазняют, то введем у себя законы «Чти» и похвалим Александра Невского. Нечто вроде Эндосмос и Экзосмос при изготовлении наливки. Зато уж и вкусно! То есть: вытягивание из жизни настоящей всех соков для пользы всех в будущем. – И так дошло до Меня, и Я дал им вытянуть из себя такой деготок, что одна ложка этого дегтя испортила всю бочку меда.

Леву обманули своей любезностью внешней евреи: заманили и ожгли. А Петю в «Лесной газете», а чуть-чуть не то же с Мазаем. Против такого разумного коварства у русского нет средств, и отсюда погромы. У евреев... это можно на-

звать теперь диктатурой способа: все, даже самого Господа, можно этим способом использовать. Пробуя участвовать в этой системе, русские разлагаются. (— Зачем же вы хвалитесь своим здоровьем, нет! больше пишите, печатайтесь, но пусть все звонят, что вы больны.)

(Снять передним планом, второй план речка с кувшинками, 3-й стена леса, 4-й высокая единственная ель, пятый облако.)

Палочка. В лес я хожу всегда с палочкой, она мне большие услуги оказывает (там обопрусь, там взберусь, там что-нибудь покопаю). Мою большую привязанность к палочке хорошо понял Бой, и когда ему захочется идти со мной, подбежит к ней, понюхает, и ко мне, и так обратит мое внимание, а когда я пойму, то он опять к палочке и опять понюхает.

Можно бы, конечно, ему и проще обращать мое внимание, просто схватывать костыль зубами и тащить. Но Бой знает, что палочка эта не простая, а связана тесно с самим Хозяином, — и что и так может случиться: Бой возьмет палочку в зубы, а хозяин возьмет палочку и... Раз было, одна Наташа так рассердила меня, что я жестоко наказал ее и сказал: — Этого я тебе никогда не прощу. — После того я, рассерженный, взял палочку, кликнул Боя и вышел. Бой, как всегда, шел рядом со мной, точно рядом, чуть сунется вперед — я преграждаю путь ему палочкой. Скоро поняв в этот раз, что [я] сердит и рассеян и на него не смотрю, Бой начал соваться: раз — я отозвал, два — отозвал, в третий раз я рассердился и палочкой задел по передним ногам. И вдруг от этого передняя нога у Боя повисла. Я до того испугался, что палочку бросил, а Боя обнял и стал ему говорить: «Бой, милый, прости меня, это не я, это Наташа виновата, злая девчонка. Но если только нога у тебя пройдет, честное слово, я Наташу прощу».

Пока так я говорил, нога у Боя прошла, я же вернулся домой и простил Наташу <*приписка:* и объяснил ей, почему я ей прощаю>. Вот почему теперь Бой, когда хочет позвать меня на прогулку, никогда не позволит себе палочку взять зубами, а только понюхает и на меня поглядит.

Евгений и неизреченное слово, которого именно-то и боятся все властелины. В том-то, может, и есть сила Евгения, что его проклятие не переходит в Слово и Евгения единственного нельзя изловить, соблазнить, использовать. Не словом, а бурей разражается его месть, и у Властелина мальчики кровавые в глазах. Евгений — это «народ безмолвствовал», а дела Бориса кажутся ему самому суетой. Евгений — это Смерть, хранящая культуру, укрывающая великие памятники духа под землю, чтобы они вставали потом и судили победителей.

Так что и очень хорошо, что речь Евгения была не напечатана: вероятно, у Пушкина это было плохо, это сильно в молчании, страшно как вопрос Делу Петра, вопрос молчания.

И так ясно становится, что все эти немые вопросы разрешаются фактом Распятия.

У маленьких людей, составляющих опору существующей власти, в самой их природе нет достаточно широкого кругозора для какой-либо оппозиции. Им «жить хочется», и они идут в сторону меньшего сопротивления. Государство идет им навстречу, и мало-помалу в этой идейно аморфной среде возникают идеи «патриотизма», организуется армия, и в дело государства волей-неволей вовлекаются на служение люди и с более широким идейным горизонтом, в аморфной среде чудесным образом вырастают личности...

Власть, основанная на принципе материального обеспечения масс, несокрушима: нет идеи, перед которой остановилась бы сокрушительная сила благополучия масс. — «А Христос?» — «Враг народа!» И кончено: масса благополучно распнет Христа.

Сколько же силы прибавится в государстве, когда оно окончательно освободится от Церкви и ее идейных сторонников. (Возможно, что вся идейно-революционная оппозиция вышла из Церкви.)

И как все просто и ясно становится, если стать на сторону теории благополучия масс. (Чтобы досконально понять

наше время, надо научиться свободно перемещаться на ту точку зрения.)

Необходимо и почтенно жить человеку общим умом, значит, думать и жить как все. Вопросы и недоразумения с общим умом всех умных людей начинаются с того, когда некоторые заявят, что им хочется жить и думать по-своему <*приписка:* и нет никакого дела до тех, кто думает как все>. Как счастливы были бы люди, если бы не существовало таких своевольных умов!

N. сказал, что у них на курсе приблизительно половина студентов думают «как надо», а другие молчат и в молчании про себя каждый думает по-своему.

Старое время. В царское время до чего же иногда встречались беспечные люди. Один князь до того увлекся фотографией, что решил пристроить к своему охотничьему дробовику камеру, и так, чтобы вместе с выстрелом спускался затвор камеры. В особенности он полюбил снимать взлетающих из-под собак куропаток. После него осталось их семье громаднейшее наследие негативов такой охоты с фотокамерой. Родственники не знали, что делать с такой коллекцией, и все-таки берегли ее до революции. Теперь от всей коллекции сохранились только в моей памяти преломленные в большом времени воспоминания, и я, вспоминая об этом князе, умном и образованном человеке, всегда думаю, до чего же в то время можно было беспечно лениться под предлогом охоты с фотокамерой.

Слепое время. Следователи наши, продержав человека два года в тюрьме и не найдя в нем вины, выпускают с извинением: — Вы, конечно, понимаете, что время такое, и очень обижаться не будете. Но если Вы о своем заключении будете распространяться среди знакомых, то попадете опять и тогда уже и не выберетесь (т. е. в первой части человек, ссылаясь на «время», умывает руки, а во второй спохватывается и напоминает, что это слепое время еще не прошло).

20 Июля. 21-го в 6 в. поездка в Пионерский лагерь. Буду говорить о Великом Обмене в природе. И что город выражает собой нарушение обмена: не обмен, а обман. (Один

из крупнейших писателей рядом жил...): питомник индивидуализма и, значит, господства. Пчелы и цветы. Такое же нарушение обмена есть Дача (загорают — отдых). Отдых — это работа как Хочется.

Каждый мастерит свою жизнь, и отчасти не прямо, как надо для себя, а и чтобы кто-то поглядел, похвалил или позавидовал. Но приходит этому срок, и все мастерство жизни для других, для показу отпадает, свидетелей вообще никаких не остается, и перед лицом Смерти ты разглядываешь сам себя во всех подробностях, каков ты сам есть, а не каким мастерил себя для других.

Переживаю пятого руководителя нашего государства (Алекс. II, Алекс. III, Ник. II, Ленин, Сталин), а маленьких вождей и претендентов прошло без числа. А сколько друзей, сколько врагов, сколько милых людей и всякой шушеры-мушеры. И вот хоть [бы] горсточка смысла вошла в прибывающих, [знающих] опыт прошедших, решительно никто из прибывающих не хочет думать о том, что жизнь коротка до крайности. Никто не хочет продолжать опыт предшественников, а всякий вновь открывает свою Америку.

После завтраго поеду смотреть некрещеное поколение (Лагерь пионеров). Мне снилось сегодня, будто уже все так живут и христианское самосознание стало никому не понятным предрассудком, суеверием.

Христианство есть процесс личного самосознания и к массам имеет отношение лишь косвенное, через действие выдающихся личностей: масса, как хлеб, принимает это от личности. И если речь идет о познании масс и управлении ими, то в массах не найдется и зерна христианства. Вот почему «некрещеные» теперь и являются силой: потому что они, как масса, не ослаблены личным сознанием. Их современность состоит в явлении массовости («массовка»).

В нашей стране происходит сейчас великое расширение культурной поверхности, т. е. цивилизации.

Прежде меня охватывало желание при работе поскорее сделать, поскорее выбросить из себя, и, казалось, промед-

лю, умру от чего-нибудь, и тогда все пропадет, и оттого надо спешить. Теперь я не очень тороплюсь и работу иногда откладываю с тем чувством, что если я и помру, это мое дело не пропадет: кто-то другой, по-другому, но сделает мне назначенное, может быть, много лучше, скорей и сильней. И мало того, что он укажет, он прямо и поведет за собой.

Явление пороков города есть следствие нарушения обмена в природе: город берет, всасывает в себя и...

В 6 в. с Яловецкими ездили в Пионерский лагерь, и тут все вышло до того хорошо, будто вернулся с самой счастливой охоты. Особенно понравилось мне, что после ужина пришел снизу повар и дети, да и мы благодарили повара (Кузьмича).

Секрет моего успеха у детей состоит в том, что я умею рассказу своему придать непринужденность живой частной речи.

Когда на вопрос «За что вы получили орден?» я ответил: «По правде говоря, я-то не заслужил ордена, в лице моем был награжден Союз за его заслуги», — раздались дружные аплодисменты: значит, дети хорошо понимали то, что никак не могли понять писатели.

23 Июля. Ездили в Заболотье на старое пепелище. По жаре продвигали лодку от Федорцова к Заболотью. Жалкая была картина. За восемь лет будто восемьдесят прошло. Судьба «пала»: где росла ягода, распахали песок под овес, не вырос на песке хлеб, и ягода погибла, и грибы от порубок перешли на другие места, а искать, где они — некогда.

Дуся. Тип новой женщины, довольной алиментами. (Дуся получает за девочку 380 р. в месяц.) И мать довольна, и всеобщее уважение: вот молодец, поймала большого командира и «развелась». Как в доме-то стало хорошо, и какая хорошая растет девочка. Наконец-то свободно вздохнула Д. И., и при рассказе вспыхнул в глазах ее подземный огонек.

Петя оказался весьма слабым человеком (как я раньше мало понимал). Вдруг отказался от «экспедиции»: вышло,

что и Мазай, и фотография, и все наши сборы, — все даром. Очень я рассердился, но к лучшему: он явно неспособен к моему делу, и все у нас превращается в охоту. Мы, в сущности, очень мешаем друг другу.

На свете есть вещи до того привычные, что они уже и не кажутся нам столь отвратительными, но если бы удалось кому-нибудь посмотреть на них первым глазом! Вот, бывает, в июне придешь на цветущий, ароматный, гудящий насекомыми луг. Приезжает автомобиль, выходят женщины и, ничего не сказав, или не увидев, не подумав, принимаются рвать цветы, рвут одна перед другой больше, больше, превращаются в ходящее сено и все рвут и рвут.

Детям они подают пример, и дети только и думают о цветах, что их надо рвать.

Не было этого у прежних крестьян, женщины там рвали цветы лишь к празднику Троицы, чтобы с букетом в церковь пойти или в лесу веночек завить. Жадность к рванью приходит с цивилизацией, с беретами и прическами, варварские женщины делают, как делали раньше госпожи.

25 Июля. То ли пчелы, то ли пионеры, но дума сейчас вертится о «Весь-человеке», в том понимании, что «Весь» — это важно, а отдельность имеет значение лишь в отношении к «Весь». Вот только что расправились с интеллигенцией, с крестьянами-индейцами, а в пионерских лагерях вырастает другая молодежь... Так что если стать в управление, то Весь-человек рассматривается совершенно как улей. А Евгений тогда является такой же непонятностью, как сокровенная жизнь пчелы.

23-го разоблачена двойственная политика Пети, и вместе с тем наступила у меня биографическая перемена: теперь я ориентируюсь не на своих детей, а на всех детей.

Начинаю с того, что сегодня же учусь ездить на Мазае.

Отношение цивилизованного народа к индейцам было приблизительно такое же, как нынешнее вульгарное отношение к животным: что животные представляют собой какую-то безликую массу. Напротив, представитель племен, к которым относились как к животным, требует теперь род-

ственного внимания не только к людям, но и к животным. Безликое отношение к животным он называет извращенным и заявляет, что весь секрет его успеха в приручении животных состоит в глубокой убежденности его в том, что животные, так же как и люди, между собою различаются, т. е. состоят из личностей.

Гроза.

У соседей утенок пищал, и Павловна прислушивалась к своим и к тому. — Он! — сказала она решительно, — он! — И только собралась идти к забору, чтобы еще поближе послушать и установить окончательно, что сосед утенка украл, грянул гром, полил дождь, и за шумом дождя скрылись голоса всех утят. Четверть часа лилось и гремело, потом так же вдруг явилось солнце, все заблестело, и краденый утенок у соседа опять запищал.

А у нас, у людей, наша Гроза не проходит, и в этой грозе, умирая и рождаясь, пришел в движение Весь-человек.

26 Июля. Москва.
Звонок Пушкареву о Серой Сове.
Звонок Арскому (Рудневу).
Рукопись «Серая Сова».
Звонок [в] «Молодую гвардию».
Проверка денег.
Перо купить вечное или простое.
Порох, охота (разрешение).

Встреча с Мих. Пет. Малишевским.

27 Июля. Линейка пионерская: у Аксюши это в церкви, и у нас, у детей, было тоже в церкви: старый Боженька и был нашей «линейкой».

На сегодня. В 4—5 в. поездка в «Фили».

Перегиб.
Рассказ о Денисове для «Охотника»:
<*Приписка:* Вторая глава. II.> Женщин, деятельных в отношении внедрения нового порядка, одно время всюду называли «делегатками». У Алексея Денисова, охотника, с той

делегаткой были вечные свары: как охотник, он понимал так коммунизм, что, если ты охотник и я охотник и у тебя вышла беда, я должен отдать тебе последнюю рубаху. А делегатка требовала от колхозников подчинения закону, — и то ведь правда, и у Денисова правда, сложить бы, но плюса такого, чтобы сложить, не находилось, и Алексей вечно вздорил и даже дрался с делегаткою. До чего дошло, что делегатка стала его ловить, когда он уходил на охоту, и возвращать к гражданским обязанностям. Время такое было, что так это можно было. Пойманный Денисов на другой день раньше вставал и уходил, а на третий делегатка вставала раньше его. В конце концов делегатке пришлось все ночи не спать, а Денисову вовсе не ходить на охоту и колоть дрова для колхоза. Две правды не складывались долго, <*зачеркнуто:* но пришел счастливый день нашей встречи, и я умело рассказал в колхозе о двух правдах, и Алексей стал колхозным охотником с обязательством доставлять колхозу пушнину и мясо>.

<*Приписка:* Начало. I.> Но что ни говорите вы, законники, о долге своем переделывать человека на службу общему делу, хорош и тот коммунизм, что был в древнейшие времена у первобытных народов. Это сохранилось до сих пор у многих охотников, но нигде я не встречал такой простоты, как в [Алмазове]. Недалеко от деревни был [овраг], сюда везли лошадей дохлых, и собаки всех охотников собирались сюда и кормились. И если у тебя нет своей собаки, приходи к [оврагу] с ружьем, свистни любую собаку, и она пойдет с тобой, и хозяин слова тебе не скажет, потому что сам, если ему надо, может свистнуть любую собаку. Удача — все выпьют весело, горе у кого — разговорят. Очень мне понравился, конечно, этот их путь к коммунизму: охота. Но я рассказал об этом в колхозе, что вот если бы такой коммунизм да законность. Меня [не поддержали], и Алексей стал охотником колхозным и с делегаткой помирился.

<*Зачеркнуто:* Рассказывал я раз в городе в одном клубе о таком естественном коммунизме, и некоторые, выслушав меня, сплюнули. Они дали понять, что в таком коммунизме нет твоего, а все только мое.

— Да, да! — вторили моему.

— Да, да! — вторил я сам, выслушивая и собирая в себе воспоминания о Денисове в отношении «мое» и «твое».>

<*Приписка:* III.> Ведь это было лет пятьдесят тому назад. Я дал Алексею 200 руб. с просьбой купить мне собаку. Скоро он мне собаку привел, я попробовал, не годилась. А пока я пробовал, Денисов деньги спустил и сказал мне, что он собаку скоро продаст и тогда деньги мне сам принесет или пришлет.

— Не сумлевайтесь, — сказала его старуха, — если у Алексея и денег не будет, он осенью вам гусями отдаст.

Я ничуть не сомневался, но осенью ждал, ждал, Алексей не пришел ни с деньгами, ни с гусями.

Из этого гусиного места в город шла партия за партией, дешевые гуси были в тот год, много бы мне досталось гусей... Не пришел Алексей, и я не успел... и не был тут...

Лет через десять приехал я сюда на машине по первой пороше русаков погонять. Остановился возле избушки охотника, дал гудок. Старуха его выглянула и узнала меня, руками всплеснула.

Вскоре выходит с двумя гусями в руках и садит их в машину.

— Алексей жив? — спрашиваю.

— Помер! — отвечает старуха.

Помер Алексей в ту самую осень, когда я его ждал, и когда помирал, он старухе сказал: — Ты ему гусями отдай.

Но гусей только что всех угнали в город, остались племенные, и она этих самых племенных принесла.

Тут у нас со старухой борьба началась: я выгоняю гусей из машины, а она их опять и все повторяет: — Покойник мне строго наказывал, ты ему гусями отдай.

На спор наш пришла та самая «делегатка», все такая же, ничего ей не делается. Разобралась в споре и вернула старухе гусей, а та делегатке, как начальству, подчинилась, взяла. Я напомнил ей время, когда она [стерегла] Алексея и не пускала его на охоту.

— Перегиб! — сказала она.

И попыталась улыбнуться. Но, тут же заметив, что старуха опять пытается гусей всунуть в машину, строго поджала губу, взяла сама гусей и отнесла их в избу.

Весь-человек бессмертен, а человек... «Тьфу! — плюнул он, — все сгорим в крематории». Простой человек глубоко проникнут чувством к «Весь-человек» — это религия. Можно и любить человека, имея в виду «Всего человека».

28 Июля. Разговор с Малишевским. Возвращение в Загорск.

Генер[альному] секретарю комсомола товарищу Михайлову.

Детпарк (место). Юннатский зверинец «Школа Животных»...

Самодеятельность и «отдых»

1) Зимнее помещение для животных (8000).

2) Людей. Райком Комсомола не обращает внимания (а ребята с улицы).

Из Райкомов комсомола любители детей и животных.

Шефствует Общество Охраны Природы
Зооцентр
Секция культуры
Моссовет

от случая к случаю, а надо постоянно. Нет бюджета. 260 голов животных.

Помощник. Педагог.

Переключение на массовую работу.

Дать возможность развернуть организационную работу по детпаркам Москвы и вообще по всем организациям детским, напр., пионерские лагеря.

Дрессировка животных воспитывает.

29 Июля. 28-го Перегонка пчел из № 1-го (сильная семья) в № 4, в семью безродную путем перестановки ульев среди дня. В № 4 матки не было, посажена кавказская в клетке. Сегодня подсажены кавказские матки во все ульи, кроме 1-го, в 1-м матки не нашли.

Рыба без воды. Дело Малишевского «Чанг» для интеллигента-рационалиста (горожанин типа Раскольникова) и для городского беспризорника. Тот и другой лишены чувства природы, того ощущения мира как Целого и «Я» как

хозяина Всего. Это тем, кто видит рыбу без воды, птицу в клетке: им дается прямо Свинья (Чанг), кошка, собака, и беспризорник находит себе дом (Чанг).

Звери жалки: Чанг тащит белую крысу за хвост — белую, вялую, попугай без обмена веществ, никчемная львица, [ребята], изъеденные глистами, сам Малишевский вроде Чанга, автомат рассудительный: «Есть и отличники!» (наверно, мало и случайно: суть — беспризорники, припадающие к животному).

Чанг и Чан (Малишевский и Блок). Они достигают сложным путем того, что каждому дается даром и что общественно было дано уже, т. е. как Чанг (конкретно-живая принудит[ельная] жизнь: напр., Бальмонт с мешком картошки и капля на носу).

Человек ищет палки всегда, но...

Малишевский довел трагическое Ratio русского интеллигента (Раскольников, Толстой) до смешного: Чанг — свинья, плодовитое начало.

Гершензон сказал Малишевскому: «Не отдайте себя на съедение свиньям».

Итак, Малишевский с Чангом — это символ приятия интеллигентом материального мира революции.

Приятие мира (в образе свиньи) как литературный эксперимент. Издевательство не то над собой, не то над природой, потому что это не благоговейная тишина, а шумиха, вызов, эксцесс, излом, гримаса.

А что это поднимается в себе навстречу изломам, подобным Чангу? В этом протесте здоровье, отличник, талант, Счастье, Данное и т о, ч т о у в с е х и д а р о м как Суд над мелюзгой, и это е с т е с т в е н н о, а то неестественно и в то же время почему-то с правом голоса. Кажется, по-естественному надо бы плюнуть, а вот и не плюнешь.

А Бострем, — у него-то семья его в отношении таланта, разве это не Чанг: там и тут приятие мира: да будет воля Твоя. Но там и тут это путь неудачника: ты дай нам картины, ты дай нам стихи.

Ты поэт? давай рукопись.

Ты художник — давай картину.

А все другое, в обход своего Я — все от лукавого!

Путь неудачника (беспризорника) и путь счастливого (отличника).

Для счастливого необязательна (и невыполнима) этика неудачника.

Но есть ли Счастливец, не имевший вовсе дела с неудачами?

И если он исходит из Данного, то может ли он говорить о нем тем, кому не дано и кто взамен своего Данного должен сам что-нибудь выдумать?

Беспризорник, никаких Данных нет, и вот кошка, собака, козел как Данное: он рад и этому.

Анализировать «Дать» (напр., козла) детям вместо научной или художественной заманки: ведь это значит создать ему «Данное» (дано без причин, без объяснения).

Не раз уже я рассказывал, что у моей Лады нет родословной, но есть легенда, будто она по отцу внучка знаменитого [Комбиза], черного пойнтера, мать обыкновенный, ничем не замечательный желто-пегий пойнтер. Лада экстерьером своим вышла, наверно, вся в мать: вся она желто-пегая, и ничего во внешнем своем облике замечательного она не представляет. Но глаза и чутье вышли у нее в отца, и на светлой ее голове три большие черные точки, далеко заметные, — вот ее все особенности со стороны внешнего мира. Но как раз эти три точки и являются входом в мир внутренний Лады, мир замечательный и неповторимый. О чутье Лады я сейчас не буду рассказывать, скажу только одно, что чутье это при самом быстром, молниеносном ходе Лады всегда по ноге, на всяком ходу она знает все ветра.. Мне, однако, сейчас хочется рассказать и о спортивных качествах Лады, и о ее замечательных черных чисто человеческих глазах. Не раз мне становилось отчего-то совестно, когда Лада пристально мне глядела в глаза: тогда мне казалось, что она глядит во мне всегда на человека, отвечающего Всему-человеку, а я не всегда, напротив, очень редко отвечаю ему. И когда мне становится стыдно, я начинаю вспоминать, что Лада ведь вовсе даже не умеет лаять на че-

ловека. И до чего же, — думаю я, — велик этот Весь-человек на земле, что создал из дикого зверя такое любящее существо, что...

<*Приписка:* Начало>. От отца, черного пойнтера, у моей желто-пегой Лады остались только три черные точки: черное чутье и два черных глаза. Я же в своем сознании был [именно как] просто порядочный. Считал себя вовсе непорядочным, когда вздумал подарить Ладу Новикову-Прибою... но собаку с такими глазами нельзя никому отдать. Года три-четыре тому назад я с удивлением выслушал рассказ одного вора: он тоже, как и я, испытывал этот стыд от собачьих глаз.

Лада. Новиков-Прибой: Черный так Черный... (Я заскучал.)

Лада вернулась ко мне.

Вот когда сын мой поехал за Ладой в Тарасовку (там дача Алексея Силыча), то ему и рассказали то самое, о чем я сейчас хочу рассказать. Вор какой-то задумал обворовать одну дачу, соседнюю с дачей Новикова, но по ошибке в полумраке рассвета попал к Алексею Силычу и пока выправился, рассвело. — Ничего не сделаешь, — подумал вор, — надо брать, что есть. — И увидел он стол, на столе пишущая машина, под столом собака желто-пегая свернулась калачиком и вот спит, даже похрапывает. А еще возле стола был простой диван дачный, и на нем тоже спал человек под кожаной курткой и тоже храпел. Вор, не спуская глаз с собаки, привел в портативный вид раскрытую машину, уложил в футляр, взял. Собака не слышала. До того все легко вышло, что вору стало от легкого дела скучно и захотелось ему немножко поозорничать: снять кожаную куртку со спящего человека...

На суде потом будто бы в этот [момент] рассказа вора спросили:

— А знали ли вы, что под этой курткой спит Алексей Силыч, Новиков-Прибой?

— Какой тут знал! — возмутился вор. — Разве я стал бы машинку воровать, если бы знал...

Вот так же легко стала куртка сниматься, и вор глядел на спящую Ладу. Но только он куртку [тронул], Лада открыла

глаза, эти свои большие черные человеческие глаза с постоянным вопросом:

— Не стыдно ли?

— Что за глупости вы рассказываете, — сказал судья, — почему же вам [вообще-то] не стыдно воровать?

— Вообще, — ответил вор, — воровать мне совсем не стыдно. Но собака на меня посмотрела такими глазами, что стыдно стало обижать человека: спит...

И вору стало стыдно, конечно, по-своему, по-воровски: под влиянием Ладиных глаз он разглядел, что куртка от времени была рыжая и ничего не стоящая. Он взял только машинку и вышел задом, не спуская с глаз Ладу, а та все глядела на него и глядела...

Эта машинка и погубила вора: он принес ее в Торгсин по незнанию того, что без разрешения машинки не [продаются] и номер машинки известен.

Я к тому это рассказываю, что от глаз Лады даже вору стыдно стало, а как же стыдно бывает «порядочному», когда он увидит, этот Весь-человек, Ладин бог, что Лада глядит не на него как на бога, а он хорошо еще если только «порядочный».

30 Июля. Самое главное в поисках счастья — успеть на лету схватить свою долю: пропустишь мгновенье — и останешься на всю жизнь добрым человеком в тоске. Но тоже не менее важно вовремя спохватиться, если ошибся и не за свою долю схватился: не отступишься — и тогда на чужом деле всю жизнь будешь злой скрипеть, как немазаные колеса.

Из первых неудачников Коноплянцев, из вторых Григорьев.

Невозможно никак заговорить себя, и нет никаких внешних средств, чтобы гарантировать себя от расстройства и столкновения с Павловной. Между тем это расстройство в какой-нибудь час, в какую-нибудь одну минуту может привести к беде. Так что остается лишь очень беречься и так устраивать, чтобы не очень-то опираться на жизнь в своем домике: опираться на деятельность.

Все отдельные, личные стоны, вопли, жалобы, попытки осмыслить беду и на ходу выбросить в воздух свой протест или соединиться в группу, вступить в заговор, — все это, все-все мало-помалу заменилось сознанием чего-то неодолимого, о чем надо молчать. И тогда как будто все сговорились об этом, замолчали о главном и стали каждый по-своему спасаться и делать, что можно. В таком созданном молчании всего личного мало-помалу начал определяться ход великого исторического процесса переустройства всего человеческого мира...

Есть в душе чувство собственности, заполняющее весь мир: все мое, и я во всем. Можно жить этим чувством с полной уверенностью, что если кто-либо восстает против такого Меня, он восстает против правды, справедливости и законов всего мира. В таком внутреннем убеждении человек встает за правду, вовсе не считаясь с выводами дневного сознания. В ходе советской жизни у меня было постоянно такое сознание и убеждение в том, что если кто-либо осмелится разрушить это Я, то он разрушит всю страну, и что пока это Я существует и в чем-то может, значит, страна еще жива и, надо надеяться, что еще будет время, когда она будет жить хорошо.

Пчелы работают на человека, и мед получается, если сравнить работу слесаря и пчеловода, почти даром. И так, вероятно, все земледелие: организованные бактерии почвы, навоза, растений работают, а человек получает даром. И так точно государство, которое опирается на счастье личности: этим счастьем все лично привлекаются к труду (особенно в семье) и работают сверх всякой меры.

Чанг похож на Робота и тем очень страшен. Вся дрессировка, в сущности, есть механизация животного и создание из него Робота. И вот, может быть, именно потому-то (по Малишевскому) животное, данное городскому мальчику для дрессировки, излечивает его: городской бездушный мальчик берет себе душу животного и на место души вставляет в него свой опостылевший себе механизм.

А я смотрю на животное как на живое существо: иду в лесу, выхожу на поляну и ничего не вижу на ней, но в глазу

у меня остался воздушный след мелькнувшей козы, и я потом уже разглядываю в себе этот след и наконец уверенно говорю: это коза! И после долго разглядываю ее следы на лугу и по следам прихожу к водопою, и тут на песке всё вижу следы и следы. И вот это мгновенное и неприкосновенное видение с оставшимся следом в глазу и на земле, на лугу спиреи и на песке мне гораздо больше скажет о козе, чем если она, дрессированная, будет ходить за мной и надоедать мне своей козьей природой. Дрессировка животных — это как переливание крови: душа животного переливается в человека, а само животное превращается в механизм.

Лева так несчастен в своей суете в поисках средств существования, что приходится дать ему 200 р. в месяц и требовать от него секретарскую работу по части доставания и устройства.

31 Июля. С такою силой выплескивалась рыба в реке, что собака выходила из леса и ставила уши, чтобы, подслушав, увидеть, отчего этот плеск. И вот случилось, окунь мчался за уклейкой, нарвался на щуку: заметив щуку, окунь выкинулся вверх и, весь серебряный, описал дугу над водой. Это видела собака и, поняв плеск, вернула уши на прежнее место и пошла в лес по птичьим делам.

(Можно: и вот случилось, грач перелетал реку и капнул в нее, на это бросились мелкие рыбы, на мелких окунь, на окуня щука.)

Враги участвуют не только в творчестве славы твоей, но даже и самого твоего счастья, но из этого вовсе не следует, что надо любить врагов. Напротив, их именно поэтому-то и нужно ненавидеть, затем они и существуют, тем они и полезны, что, ненавидя их, ты вступаешь в борьбу и в этой борьбе вызываешь из себя для творчества дремлющие силы.

В творчестве, если оно удается, человек оправдывает свое отношение к материалам, в этом нет никакого сомнения: какое, например, нам дело до отношений Рафаэля к натурщице Сикстинской Мадонны? Но творчество не может удаться, если отношение к материалам будет неверное.

Любить нельзя врагов, но нельзя тоже выказывать, что ты их ненавидишь: это значит выказывать слабость свою. Их надо презирать. Если же трудно не обнаружить свою ненависть, то надо держаться подальше и пореже встречаться.

Успех в борьбе за счастье быть самим собой зависит исключительно от степени широты этого «сам»: если «сам» представляет весь мир, то какой вопрос может быть о неудаче (неудача же именно и есть выпад из Целого).

Но как же иначе, если нет того Существа, заключающего в себе Весь мир и Всего-человека, — если нет его, то как же это случается, что приходят, встречаются впервые два человека с двух половин земного шара и до тонкости понимают друг друга. И разве из этого не открывается верный путь для понимания всех, путь постижения этого Всего-человека.

Обдумать самым серьезным образом способы «заманки» детей в свои рассказы о животных (в такой степени, чтобы рождался энтузиазм).

Из Чанга:
тут было все не на месте: свинья подавала ногу поэту вместо того, чтобы участвовать в священном размножении, поэт кормил и чистил свинью вместо того, чтобы писать стихи, петух ехал на собаке, кошка дружила с крысой и много всего: 250 голов животных + 1 голова человека. И, конечно, при такой механизации животных каждое из них, сопоставленное умственно с человеком, было унижено, и все 250 голов имели вид униженный, дряблый. И поэт тоже, смещенный со своего литературного корня, был грязен и стихи не писал.

1 Августа. Ночью перед рассветом звезда проникла ко мне, как будто густая темная липа была для нее прозрачная.

Сделать записи в пчеловодную книгу. Ждать пчеловода для пересадки двух новых маток. Закончить книгу «Бобровый народ».

Стр. 194 взять в предисловие книги «Бобровый народ».

Доверие и доверчивость.

У пчел распоряжение было, у всех пчел по всей округе зараз, как по радио: сегодня трутней выгонять. (Отметить этот будущий день.)

Разум человеческий включает в себя прежде всего непослушание.

Разум, пробуждаясь, начинает с непослушания естественному порядку, но, овладев положением, требует послушания точно такого же, как в естественном порядке.

Разум должен господствовать в человеческих, только человеческих отношениях, за пределами человека разум есть пустая претензия на Божий престол.

В ходе революции все претенденты на трон Разума одинаково были правы и одинаково чтимы как революционеры. Но когда один овладел местом, когда государство было оплодотворено, то все другие претенденты, как трутни, были изгнаны.

Если желаешь увеличить семью улья летной пчелы за счет более сильной семьи, то поставь на место сильной семьи слабую, и летная пчела вся возвратится в нее и усилит ее. Так что у пчел во время облета устанавливается точка прилета, и они летят к ней, хотя бы улей был отнесен всего на три шага. (В этом и есть результат механизации: возможно, что рационализация-механизация-стандартизация и есть возвращение Разума к инстинкту насекомого: к послушанию.)

Итак, Разум начинает непослушанием и кончает господством. Дрессировка Чанга: человек, обманув животное лаской, господствует над ним и извлекает даже из такого господства пользу себе: 600 р. в месяц получает Малишевский.

2 Августа. С утра до ночи сидел над Серой Совой и прикончил.

3 Августа. С утра до ночи набивал патроны и готовился к выезду 5-го вечером на охоту. Духота невозможная.

Ночью разразилась гроза.

4 Августа. Читаю историю Юлия Цезаря, франц[узскую] революцию 1789 года и вообще получил вкус к чтению истории... В той и другой книге разные авторы представляют героев так, что они только действуют, и в этом у них всё, но, напр., ни Цезарь не знал, что выйдет у него из похода в Галлию, и никто из французов не думал, начиная революцию, что они казнят короля (все были монархистами).

Так что существует правда действия (делай, только делай и ничего не говори и не разбрасывайся умом), и есть правда сознания, которая приходит после (и это вполне соответствует понятию «Война и Мир»).

Съездить на охоту в Мазае возле Пионерского лагеря и собрать материалы для очерка в «Правде».

Начало: Тишина в лесу — это не только для охоты нужно, а и для всего: только в полной тишине местное население показывается из своих норок, дупл и всяких убежищ. В тишине однажды над моей головой пела птичка так чудесно, что я не посмел повернуть голову к ней, и она улетела, а я и до сих пор ни разу не слышал той птички и много раз пытался узнать у натуралистов, какая она, и до сих пор не узнал, ищу.

И вот однажды слушаю, слушаю, и кажется мне: она! Вдруг пионер в барабан ударил. Я скорее в куст. Пионер отбил барабанную трель, и начали для чего-то петь, рвать цветы, орать. Оказалось, это была их натуралистическая экскурсия. Это было давно, теперь, конечно, так не делают, но я, признаюсь, с тех пор и до вчерашнего дня...

Думаешь, это растет в тебе идея, убеждение в чем-то, быть может, обязательное для всех. А потом, когда напишешь вещь, оказывается, что это не убеждение было, а леса для постройки романа. Написал роман, и все убеждение исчезло, как мираж.

С некоторого времени я понял это и один свой самый главный роман задержал в себе на год, потом на два, на три, больше. Чувствую теперь, что стоит мне засесть на месяц, два, три, и напишу. Но мне страшно остаться пустым, и я пишу что угодно, очерки, маленькие рассказы, — чего-чего только не пишу, но только не тот свой роман.

NB. Помнить, что писание не надо откладывать, садиться, когда пришло в голову. И еще: впечатление от чего-нибудь не надо записывать впечатлением, сюжетом, а прямо же и оформлять.

5 Августа. Собираемся на охоту, и в то же время мелькает, что поедем на охо́ту, а возможно, как раз тут-то и начнется та «охота» (война ведь бывает после уборки хлебов).

1) Чистый платок (два для аппарата).
2) Белье.
3) Бензин налить и шины накачать.
5) Пирамидон.
6) Йод.

Лодку подкачать.
Весла взять исправить (взять подпилок).
Байдарочные

О пчелах. Сегодня учли остатки меда.

Они отдались будущему, и оно стало их настоящим.

И у нас, у людей, постепенно все начинают понимать будущее, и оттого оно постепенно становится настоящим.

«Настоящее» постепенно, как морская скала, подмывается, и каждый при этом чувствует, что наша эта вот жизнь, обыкновенная, пуста и не очень нужна и не в этом дело.

«Медный всадник», где поставлена проблема обывателя, содержит всю современность: Евгений = солдату Керенского, сказавшего: мое будущее? могила.

Идеализм — это вера в будущее. <*Приписка:* Дон-Кихот — идеалист.>

Реализм — это вера + действие, отчего «будущее» становится настоящим.

Вот некто высказал «идеальную» мысль привить современной нашей молодежи чувство уважения к <*зачеркнуто:* Старшим> старикам: это было в идеале и казалось невозможным в действительности. Но Лебедев-Кумач написал в песне «Страна моя родная» одну строчку: «Старикам везде почет» — и вся молодежь, распевая песенку, переменила свое отношение к старикам. Каждый старик это знает по се-

бе, и каждый благодарит Кумача. И я, старик, послав отдаленное приветствие Дон-Кихоту, крепко жму руку своему Дон-Кумачу.

Начало: «Идеализм» — не как философия, а как этика: идеализм донкихотский есть симпатичная устремленность в будущее.

Паня всю себя уложила в прическу, в платье, в платочек. Она явилась в таком виде, что я сказал Павловне:

— Это, пожалуй, ей было не меньше, чем написать мне роман.

— Какой тут роман, — ответила Павловна, — это полное собрание сочинений.

6—8 Августа. С Левой и Петей на охоте: Нерль («Выдра») и 8-го утром «Копнино» — вечером дома. Утки еще не на крыле. Иван-чай из красного превращается в белый. Брусники урожай, но еще не созрела, кое-где красные ягодки. Несмотря на жару, урожай опоздал (из-за весны).

Миля. На утиной охоте «Семино»: в тумане проплыли охотники, за ними гончая плыла. Все время потом вой. Мы увидели, отчего эти рыдающие звуки: плывя, выла, нос погруженный, и через воду выходил рыдающий, трогающий за сердце звук. Каждый жалел, и мы (Миля — толстая). Заключение: военные плывут, на носу у них Миля. — Товарищи, ваша ли это собака? — Они приосанились. — А вам что? — Ничего... А как вы ее зовете? — Керосинка. Заключение: у всех побывала, и все дали ей название, и всем она мила была, и всем ее жалко: керосинка, сковородка, Венера и проч., но наше название Миля, т. е. что всем мила, всем ее жалко, победило. И если вы поедете на Семино и услышите рыдающий звук, кричите «Миля»!

<*Приписка:* Какие жестокие люди, бросили, а какая милая: Миля.>

Туманы. Утро. Спешат по реке туманы, убегают, но им навстречу из протока другие, встретились, остановились, покрутились и стали подниматься наверх.

Ракушка. Животное как живой башмак по береговой веточке поднимается и тащит за собой свой дом и сходит на ряску, как на зеленый луг.

Наездники. Несметные полчища скачут по воде, не оставляя следа, по их быстроте видно, что они кого-то ловят и, поймав, наверно, едят. Кажется, без следа, но если вечером смотреть, когда приходят туманы и кажется, на воде дождь идет: тогда заметны бывают следы на воде и от наездников.

Ряска. Собралась в большой зеленый стол возле ивы и накопилась тут и за иву вся держится. Течение отрывает кусочки, дробит их, и они, зелененькие, плывут, но другие пристают и накопляются. И на этом зеленом столе располагаются ракушки-башмачки, наездники, комары стоят высокие, под ними полчища мальков. (В Загорске наблюдения над ряской: следы уток, а то окошко: рыба нос просунула).

Ссора. Ссорьтесь, друзья, даже и деритесь, только не делайте выводов.

Кулики. Летели на согнутых крыльях над водой и сели на столбики, за которые держалась верша.

Журавли... трудятся, вот зато и летят, тяжело, а все-таки летят над самыми тростниками.

Цапли. Они как взялись, так и летели все прямо и далеко, будто какие межевики воздушные решили, взялись разделить весь земной шар пополам.

Философия. Соединение всего во всё (символ) выходит, если в себе самом есть чувство Целого: тогда нечего собирать живущее в классы, виды, семейства: мы изучаем не классы и виды, а Целое, и все равно, какое существо бы ни попалось, всякое существо попадает в мою зоологию и ботанику, если оно помогает мне почувствовать Целое.

Водяная курочка.

Когда мы сказали «Водяная курочка», Аксюша рассмеялась: — Скорее в русалку поверю, чем в водяную курочку. — И сколько мы ни убеждали ее, она твердила, что водяной курочки нет.

Водяная курочка. Крикнули, трубанули, поднялись с ночевки журавли. Тогда шевельнулись тростники, и любопытная водяная курочка вышла к воде и прислушалась. Журавли еще крикнули, и она тоже по-своему. И я впервые понял этот звук: водяная курочка пытается тоже крикнуть, как журавли.

Щука... увидела меня и шарахнулась так, что было слышно, как стучала она по тростникам, и видно было, как наверху они шевелились по ходу рыбы.

Тростники... в тишине смотрите на тростники и ждите событий: вот одна тростинка шевельнулась, кто-то ее толкнул, и другая рядом, и еще, и пошло, и пошло. Кто бы это был?

Кто может быть? Наверху: ветер, стрекоза и кто?

Стрекоза. Только голубая стрекоза может так сесть на водяную тростинку, что та и не шевельнется. А тяжелый Шмель шевелит каждым цветком.

Штыки. Туманы поднялись над рекой, и показались мокрые сверкающие штыки тростников.

Водяная курочка. И она крикнула, когда услыхала журавлей, и сама маленькая хотела крикнуть как журавли вовсе не для себя, а только чтобы лучше солнце прославить.

Трутни. Они как целое (т. е. все трутни, как весь союз писателей) созданы, чтобы оплодотворить Матку, и это их великое Надо. Но только один из всех это сделает, все остальные существуют как претенденты, и когда совершится оплодотворение, все будут заколоты. И так у трутней две правды: Великое Надо и свое Хочется, без которого жить нельзя, но которое получает оправдание, лишь когда будет достигнута цель оплодотворения.

Две правды. Цезарь грабит народы и раздает вещи, и этими вещами, охраняя их, живут люди, и им надо хранить, а Цезарю грабить все больше и больше.

Мои рабы. Мазай, Машка, Роль, ножик, лодка, велосипед, ручка и множество всего сделанного людьми, но самих

людей я стараюсь не обращать в рабство и обходиться только друзьями.

Иван-Чай. На каждой бровке, где чуть обсохло, встает Иван-Чай, весь розовый, и с ним рядом пышная, как невеста в кружевном наряде, Медуница (Спирея).

Гать. Когда-то давно для подвоза дров к сплавной речке люди вырыли две канавки и между ними наложили кругляку. Провезли дрова и дорогу забыли в лесу. Но после людей на осушенных бровках между канавками встал высокий лопух, розовый красавец Иван-Чай и тоже высокая белая пышная Медуница. По теплому кругляку стал между Иваном и Медуницей разгуливать глухарь. В лесу глухариная аллея.

Быстрые звездочки. Когда открылась вода из-под туманов, то даже на следах наездников сверкали быстрые звездочки.

Воспоминание. Вечером, когда внизу темным неопределенным пятном скрывался лес в туманах, я вспомнил, как то же самое видел тому назад лет тридцать и что тогда я в этом почувствовал душу всего человека: это было мне тогда не лес и туман, а весь человек и его душа.

Наездники. Велика ли волна от наездника, но когда их тысячи и смотришь на их передвижение против солнца, то вся вода покрывается от волн их быстрыми звездочками.

Иван-Чай и Медуница. Эти цветы появляются, чтобы скрыть беду в природе от человека: на вырубках возле пней, остатков столетних сосен, по бокам деланой дороги.

Трескуны. Есть трескуны, взлетающие вверх как пожарные искры, — красные, и есть трескуны голубые. Красных больше.

Кузнечики. В жаркое лето и на сухих местах кузнечики, весь воздух наполнен их музыкой.

Смородина. На Семине поспела красная и черная.

Целое. Все в природе знаменательно, если сохраняется в душе Целое.

...«когда мне были новы все впечатленья бытия»: человек так должен жить, чтобы эти впечатления всегда были новы. И это возможно, если сохранять в себе Целое, оставаться цельным человеком и не быть мозгляком.

Куропатки. Вышли в спеющий овес, побыли и убрались на вырубку. Тут мы их застали, и Боже мой, какой вышел у них переполох!

Талант. Талант не делается, с талантом рождаются, и это есть то же самое, что у животных называется «инстинктом». Наверно, каждый рождается с каким-то талантом. Когда я попал на свой талант, на эту способность все постигать, минуя учение, я обратился к Солнцу как к источнику жизни и прославил природу.

Штабели. От времени штабели стали клониться друг к другу, несмотря на распорки, когда-то между ними поставленные. И стали теперь, будто люди склонились висками друг к другу, а внизу паутинками соединили их пауки, и по распоркам перебегали трясогузки. И по деланой обратной дорожке роскошные лесные цветы Иван-Чай и Медуница.

Растения и вода. Растения крадутся, чтобы похоронить дело человека, еще незаметней и страшней, чем крадется прибывающая вода.

Умный гусь. Всех домашних птиц умнее гусь. Однажды я принес на свой двор злейшего птичьего врага: ястреба-тетеревятника с подбитым крылом. Индюк, не способный расстаться со своей важностью, попробовал поболтать над ним и раздуться, — так тетеревятник такого страху нагнал на него, что важность свою индюк забыл, сразу весь похудел и, тонкий, стал удирать во все лопатки. Петух после того начал было драться по всем правилам петушиной дуэли, и только над ним, чтобы ударить шпорой по голове, тетеревятник так клюнул его, что только пух полетел. Все это видел наш гусь. Он обдумал, подошел, поглядел сверху на чудище с яркими желтыми глазами и дьявольским клювом. Какой же вред мог ему на иной высоте принести бескрылый хищник? Но умный гусь был у птиц как высокий судья,

не по себе он судил, а по вреду и, только раз один клюнув вниз, убил ястреба.

Дрова гниют в ожидании великой воды. Теперь, сгнивая, вокруг себя они дают такую буйную силу! Между ними вырос целый березовый лес, далеко перегнавший высоту штабелей. Так вот дрова вышли из леса и в лес возвращаются.

Елизавета Владимировна Трубецкая. Женщина эта, сохраняя детей, себя сохранила, и когда у нее мужа отняли, она о «смысле жизни» не задумывалась, жила по-прежнему вместе со своими детьми.

Охотник в душе. «Охотник в душе» — это то же самое, что ребенок в себе, а сохраненный ребенок в себе — это поэт (см. Талант).

Моя зоология. (Гости.)
Собрать (по «родству» или в отношении к Целому) всех знакомых существ в лесу и соединить их этой связью (отношение к Целому).

9 Августа. Отправлена «Серая Сова» в «ГИЗ», в «Молодую гвардию», в «Роман-газету».

Бытие определяет отступающее перед ним Сознание, но возвращенное к бытию Сознание переделывает бытие так, что человек не каменным топором бьет другого человека, а бомбой из-под облаков, и не бросается на женщину, а ведет с ней многолетний роман...

10 Августа. На выставке.
Плодожорка
Большая биология
с 28/VII на убыль
Не шла бы на те нектары, которые не требуются (уборка, просолка).
Соли — 50 гр. на ведро воды.
Кориандр = собачий ягель
Ваточник
Кавказянка

Собачьи уши

Пчела осыпается.

1—18 июля взяток.

Зашлепали медом — вот и прекратился перелет.

Возбудительная подкормка = спекулятивная (возбуждается матка и от червяка).

Березовый сок

Кострома — Судиславль —

11 Августа.

Непоказанные богатства.

Соболь. 2) Бобр. 3) Лось.

Пчела в СССР.

Юннаты.

Пчела. Когда от гонений <*зачеркнуто:* за веру> в царское время народ массами шел в какую-то счастливую страну Беловодье...

В Беловодье, счастливую страну, от гонений в царское время массами уходил народ. Но нигде не было такой страны, и беглецы-«кержаки» оседали в дебрях Алтая. Нет белых вод, но люди взялись за ум и стали сами создавать себе желанную страну. Они организовали себе на помощь миллионы насекомых. И в цветущее время июня с роскошных алтайских лугов пчелы стали носить бедным людям мед и создавать им здесь Беловодье.

— Вот видите, — сказал я сейчас на выставке, — пчела у нас работала на помощь революции, а где у вас можно это видеть? Пчела и погода — это одно и то же, а погода и ландшафт тоже в большой близости. А где это? Пчелы в горах, пчелы в долинах, пчелы на маленьких цветах, на огромных. Где это?

Кто больше приносит вреда, — тот, кто хвалится, или кто из лени к показу, из скромности затаивает сделанное? Ответ на это зависит от мотивов: если дело идет о выставке, о том именно, чтобы показать сделанное, то «скромность» тоже большой порок. Вот этим пороком на сельскохозяйственной выставке страдает павильон охоты и звероловства.

Деревья, обремененные плодами: груши, вишни, яблони склонились к самой дорожке, и люди проходят и, любуясь, повторяют:

— Какая красота!

По людям видно, что им довольно этого: «Красота!» и как будто мысли никто не допускает, чтобы протянуть руку, сорвать и попробовать. Они сыты самой красотой. Но я, признаюсь, я бы хотел и сорвать, и в то же время этого чувства мне стыдно, как будто я собственник — вор, а они настоящие хозяева, из которых каждый чувствует себя собственником всего.

Мы тоже проходили по той же самой дорожке в павильон пчеловодства, проходили по северной зоне садов, по средней и южной. (В конце южный павильон, и на нем вместо надписи огромная, красивая пчела.)

<*Зачеркнуто:* Мои товарищи, пчеловоды из-под Костромы.>

Я смотрю всегда на пчелу как на счастье, то самое короткое счастье нашего северного лета, когда цветут липы и всё на лугах.

Заключение: Непоказанные богатства.

13 Августа. Вчера приехал из Москвы, с выставки (был там 10 и 11-го). Написал «Непоказанные богатства» и сегодня займусь статьей «Большая биология».

Павловна стонет: мороз поиграл у нее на огороде. Несмотря на солнышко, жарко-сухие дни, в природе началась осенняя грусть (из чего она слагается?).

14 Августа. Живем без дождей. Сегодня переписываю очерки «Выставка» и вечером поеду с ними в Москву.

Фотограф Прехнер — это Фауст. Стало, как я увидел его, понятно все о Фаусте, а до сих пор мало его понимал. Суть в том, что тут индивидуальная своя скорбь выдается за мировую, и это почему-то должно волновать всех. Как это далеко, как давно пережито!

Яркие личности в истории бывают только среди разрушителей. Искусство, поэзия, наука вне истории.

15 Августа. Труднее всего бороться со своим характером и всякими мелочами своей натуры и так их победить, чтобы...

Трудно очень заставить себя искать причину своей неудачи в себе самом, в своем характере, в своем поведении и сказать: это я сам виноват в своей неудаче. Но еще труднее, отделавшись от «я сам виноват», найти, наконец, причину...

16 Августа. Много у меня получается писем от молодых охотников, в которых они начинают восхищением от меня, а кончают вопросом: «Научите меня тоже так устроиться, чтобы тоже, как вы, ездить, охотиться, писать и чтобы такое свободное житье тоже признавалось за дело».

Ответ мой... одинаковый: «Есть такой час в жизни каждого человека, когда можно самому себе по своей шее выбрать хомут необходимости. Надо уметь воспользоваться человеку, самому надеть этот хомут, наденет — будет свободен, пропустит — на вас его наденут. Свобода — это если хомут по шее, а необходимость — когда он шею натирает. Так что, молодой человек, будьте начеку: успейте выбрать по шее хомут, и будете так же свободны, как я, и можете заниматься всем, чем захочется».

Хомут свободы. Моя свободная охотничья жизнь для иных молодых служит соблазном, они пишут мне часто: «Научите...» (см. выше).

Дом на колесах. Долго мне казалось, что верх свободы и счастья — это свой домик возле реки или озера, чтобы впереди вода, сзади лес. Много лет я высматривал себе такой домик и не мог купить: пришлось остановиться на Загорске, где есть лес, а вместо воды — близость Москвы, где тоже, как в воде, можно рыбу удить. Расставаясь окончательно с мыслью устроиться у воды, я закинул удочку в Москве и выудил себе грузовик, полуторатонку. На этом грузовике я устроил себе домик и получил возможность жить везде, где мне только захочется. Свой домик на колесах я назвал Мазаем в честь Некрасова с его поэмой «Мазай и зайцы». В осуществление некрасовского образа охотника, осво-

бодителя зайцев, я предназначил своего Мазая тоже к делу освобождения живых существ, начиная от себя самого и кончая навозным жуком, когда он лежит на спине и, не в силах подняться, беспомощно работает своими лапками. Если же мне иногда приходится убить кого-нибудь из живых существ, вальдшнепа, тетерева, гуся, то это не в счет: я не вегетарианец и ем мясо, а не все ли равно, мясник для меня убивает корову или я себе что-нибудь выберу по вкусу и сам убью. И потом это я, существо несовершенное, а Мазай служит только делу свободы в том смысле, как я об этом сказал, — чтобы у каждого хомут необходимости был по шее.

Члены моей экспедиции. Нас всего трое, я — затейник всего дела, сын мой Петя, много раз упомянутый мной в литературе. С малолетства он ходил со [мной] на охоту, и эта страсть не мешала ему спокойно окончить среднюю школу, окончить Вуз по своей охотничьей специальности (есть и такой Вуз в СССР!) и служить теперь селекционером в совхозе по разведению диких животных, соболей, лисиц, норок и т. д. Хотя Петя, как добрый сын, во всем старается мне подражать и в деле охоты давно меня перегнал, но я подозреваю, что он хотя и пишет дневник, хотя и фотографирует, в глубине души, как добрый натуралист, то и другое презирает. И я в нем это ценю больше всего, я тоже считаю, что если просто и по самой правде относиться к живым существам, то описывать их или снимать фотографии не нужно. И он не один такой, я знаю несколько знаменитых. Писать, — приврешь, снимать, — выберешь точку, чтобы показать не как есть, а как выходит красиво.

Художник Бострем, увидев меня, встал со своего места в вагоне и стал меня уговаривать сесть, а он помоложе и постоит. Он был не так молод, и я не так стар. Я не мог согласиться, стал отказываться и отступил к окну, чтобы там стоять. Но художник пошел ко мне, чтобы взять меня за руку и усадить. А в то время, когда он пошел ко мне и мы друг другу откланивались, здоровенный парень в бандитской шляпе сел на место Бострема. — Позвольте, — сказал Б., — это место мое. <*Зачеркнуто:* — Нет, — сказал бандит, — оно мое. — Но все же видели, я на нем сидел.> — Но вы же вста-

ли с него, — сказал бандит, — и хотели уступить другому лицу... А они... — он указал на меня — сидеть не желают: ни вы не желаете, ни они, а я устал, это место мое.

— Пожалуйста, — ответил Б., — если вы устали, сидите. — И, вежливо сняв шляпу, поклонился и отступил к моему окну.

Милка. В нашем краю, орошаемом двумя Нерлями, впадающими одна в Волгу, другая в Клязьму, я считаю, самое богатое утками место — это Семино озеро. Волжская Нерль вытекает именно из этого озера, и вначале река очень похожа на само озеро: тоже тинистое дно, тоже болотистые берега, заросшие тростниками. В ночь под разрешение охотников на Семино собирается столько, что на утку расчет гораздо меньше, чем на то, что...

17 Августа. Болею от московской жары (с 15-го) и от унижения от столкновения с бандитом.

Начинает формироваться уверенность в непобедимости СССР.

18 Августа. Читаю историю франц[узской] революции и все больше и больше убеждаюсь, что мы вышли из кризиса и скоро всё победим. (К истории эволюции моего политич[еского] сознания.)

То, что было «мужик» в нашем народе, что было прекрасным в «мужике», целиком заключается в детях. Мужик исчез, но в детях это все осталось.

Каждый ребенок стремится жить как ему хочется, и отсюда единый фронт против педагогов, которые указывают детям их Надо. Дело педагога — привить это Надо как можно с меньшей борьбой против Хочется. В наше время Надо прививается военной игрой.

Педагог, как и политик, пользуется непременно обманом (за-манивают детей).

19 Августа. Вчера после обеда грозовой ливень, а барометр его не показал. Леса всё курятся...

Об-ман: все обман, политика, педагогика, искусство: разный бывает обман, а все, что не об-ман, то правда.

Обман и Правда (рассказ). Вспомнил Клычкова и «Карла Маркса», и встала гоголевская Русь и сам Гоголь и... та мерзость, которую с колыбели знал, и тот обман, которым спасался от мерзости. Вот отчего вечно колыхалась душа, как будто мою испоганенную душу повесили для просушки на кол и она вечно колышется и дрожит на ветру.

В парах вчерашнего ливня теперь поутру носятся стрижи, и в дыму неугасших лесов где-то кричат петухи. И я чувствую в себе ту свою стрелу радости, которая спасала меня в тяжкие минуты.

Не о добре нужно думать, когда хочешь вспомнить старых революционеров... <*Приписка:* Не о добре думаешь, когда вспомнишь начало нашей борьбы за лучший порядок на земле.> И красота рождалась у людей, конечно, не в благоденствии... И первый человек в первый раз на небо взглянул, конечно же, в глубочайшей тоске, от омерзения на земле. И когда он увидел, что там хорошо, и вернулся на землю, то и тут на земле увидел небесное и этим стал жить, и этим стал спасаться от убийственной тоски и грусти своей.

Подхалим. Служил в Наркомате народного образования при царе и в советское время тоже там и служил 20 лет, только не в Петербурге, как раньше, а в Москве. И все 20 лет таился и ненавидел. Но однажды пришел на сельскохозяйственную выставку и вдруг одумался и понял, что ошибался: велик русский народ. В восторге вернулся домой, всю ночь не спал, думал и на другой день на службе начал работать по-новому. Однако его обращение не было понято, и все служащие в Наркомате признали в нем подхалима.

Умрешь — и забудешь. Но бывает у всех, забыл и живешь — это что? это значит то же самое: для того, о чем ты забыл, — ты умер. И так мы живем, забываем и умираем, и опять живем новые, не зная забытого. Только немногие вспышки бывают у отдельных людей: вспыхнуть, чтобы не забывали — и это остается, и складывается с другим, и скопляется богатство Незабываемого, культура человека.

20 Августа. Ездили на охоту в Александровку с Петей и Яловецким. Сдали Свата в натаску Мих. Мих-у. Чудная кличка «Сват». Достижения Яловецкого — Яловецкий как член моей экспедиции. Мих. Мих., когда на его вопрос, как зовут мою собаку, ответил, что Сватом зовут, задвигал ушами, как делает он всегда перед тем, как смеяться. Шевельнув ушами, он засмеялся и сказал: «Родни прибавилось». А через час в деревне все знали, что у дяди Михайлы на дворе Сват живет, и мальчишки везде кричали, весь воздух был наполнен их криками: — Сват, Сват, Сват!

Человек должен был охотиться, прежде чем заняться приручением животных и делать их домашними. Этот исторический процесс повторяется часто в отдельной жизни современного натуралиста: огромное большинство натуралистов начинали охотой, а кончали охраной дикого зверя и его приручением.

22 Августа. Появление пчеловода Решетнева Петра Тимофеевича. Приглашение на 5-е в Бутово. На 28-е — Вас. Федор. Шалагин. Переделка статьи «Большая биология». Предисловие к Саджо. Разрежение полит[ической] атмосферы, разрешение разговора с Огневым: «А я держусь другой ориентации». Совершилось то, что надо, и мы пришли к тому, к чему нам надо было прийти.

23 Августа. Есть ли у нас люди, которые не радуются тому, что война миновала? Конечно, есть. (Надо вспомнить и перебрать.)

В неподвижном осенеющем воздухе ярко и выразительно краснеет рябина.

Мазай или Падун?

Ив. Ив. — семьянин, ею поглощен и ею счастлив. И его дядя одинокий, разговаривает с животными, коровы шли, одна захотела напиться — одну попоил, и другая — другую, и третья — нельзя же отказать, да так и напоил все стадо.

Вот дожил до старости и только теперь понял, как смотрят на женщину те, кто хочет выбрать себе жену. Этого

у меня никогда не было, потому что женская близость поднимала во мне «неизвестно что».

В такой тишине, когда без кузнечиков в траве, в своих собственных ушах пели кузнечики, с березы, затертой высокими соснами, желтый листик слетел. И я, один только я на всем свете это видел и принял в себя это лесное событие и стал за судьбу этого листика. Не так просто падал этот листик — это паук сел на него, и от тяжести паука сорвался лист. А паук знал, что делал: ему надо было без затраты усилий спуститься вниз.

Десятки лет я это чувствую и не могу выразить чувство. Бывает, в лесу коснется меня что-нибудь, и я обращу на это внимание, пожалуй, удивлюсь и обрадуюсь, и тогда мне хочется это личное событие связать с жизнью всего леса, а может быть, и всего мира, всего Целого. Я делаю усилие, но не могу связать, и мне кажется, что не хватает у меня для этого знаний. Я заводил знакомство с профессорами, спрашивал их в лесу: — Неужели вы можете в любой час в лесу, вспомнив всех своих млекопитающих, сказать, где они в данный момент, чем заняты? — А какое, например, млекопитающее? — спрашивал профессор. — Какое только в голову придет; вот, напр., что делает сейчас землеройка, можете мне об этом рассказать? — Есть разные землеройки, — ответил профессор, — если вы думаете о нашей обыкновенной, то она в основном ведет ночной образ жизни, и, следовательно, надо полагать, что сейчас она находится в состоянии покоя. — А где? — Ее обычное место пребывания...

Не то, не то! Не в землеройке дело, а в связи ее с Целым, не как она узнана как отдельность, а как она показывается сама и в тот самый момент показывает собой весь мир в своем образе.

24 Августа. А еще есть чувство, как и родственная связь, это чувство постоянства: как будто в сознательном повторении (ритмическом) чего-то можно найти свое счастье. Так, бывает, встанешь ты рано, выйдешь на росу, станет хорошо, и ты скажешь себе: буду каждый день так выходить, и будет навсегда хорошо. (Молитва.)

А еще есть у меня, назову это «подвох»: привыкну к какой-нибудь технической операции, тысячу раз повторю ее, она войдет в кровь, и вот на 2000-м разе вдруг оказывается, не помню ее, на мгновенье станет, как будто я этому никогда не учился, а мгновенья довольно, чтобы погибнуть.

Чувство 1-го взгляда художника то же и у законодателя мод: он увидит первый, захочет — и весь женский мир наденет голубые береты.

Я высказал «отцу» сожаление о антирелигиозной пропаганде.

— Надо же, — ответил он, — бороться с предрассудками.

— Если, — сказал я, — отбросить все предрассудки, то останутся евреи и семинаристы.

Роса невелика, пауки не работают, кричит желна, и над скошенной травой летают бабочки-подёнки.

И еще чувство: все собрать в родной уголок.

Столетние усилия свое сделали, верхние свои ветви ель вынесла к свету, но нижние, сколько ни тащила их ель вверх за собой, остались внизу, шатром сложились, обросли бородами, и там внутри гость поселился...

Если я чувствую согласие своего духа с народным, то я, конечно, только радуюсь и не завидую гению. Как дитя своего народа, я знаю: в народном организме в моменты великого напряжения всегда находится щелка, через которую радужным пузырем выдувается гений.

План: 25 утро Москва, 26 — выставка — 27 — утро статья о зверях, вечер — домой.

Взять «Лада», черновик «Звери».

Приручение животных — приручается сам человек.

На охоте в Александровке Лада стоит перед кустом, а куст на опушке, и можно ей бегать вокруг. Никто не выбегает, никто не вылетает. Лада переносится в другую сторону и ноет и хочет сказать:

— Здесь!

Мы стоим на двух противоположных сторонах. Никому из нас нельзя стронуться с места, а то за кустом.

— Кто это, как ты думаешь?

— Я думаю, черныш...

Лада обежит и обратно и опять скажет:

— Здесь!

<*Приписка:* Не вылетает.>

— А ты что думаешь? — спросил Петя.

— Я думаю, — это глухарь: велик...

И так дальше, как Лада спрашивала, ныла, била лапой, орала... мы: еж, гадюка, заяц, барсук (молодой), хорь.

Что-то скользнуло — и ускользнуло: было? не было? А на том месте, где было, стоит здоровенный гриб боровик.

Лада понюхала.

— Неужели?

— Вздор.

Но не совсем и вздор, я знал собак, приученных искать грибы, кто знает...

Вздор! Кто-то скользнул.

— А кто?

И опять пошли догадки, только в другую сторону: если бы глухарь, мы бы услыхали взлет — не глухарь. Если бы черныш — тоже бы захлопал. Нет, не черныш. И не гадюка, и не еж, и не вальдшнеп, и не куропатка. — Может быть, заяц? — Но если бы заяц, то он бы за столько времени непременно оставил бы свои орешки. — И не волк — у Лады бы шерсть поднялась. — И не барсук, не лось. <*Приписка:* Заяц — шарахнется.>

Кто-то неслышно скользнул. Кто? мы так и не узнали. И с тех пор каждый раз, когда я прохожу мимо этой ели, раздумываю: нижние ветки поросли зелеными бородами. Кто там живет — кто?

25 Августа. Сквозь невесту видеть жену: это и значит любить брачно.

Так я никогда не любил женщину.

Но есть и другая любовь, — это любовь первого глаза, где женщина только невеста, и вот это мое любить как невесту... <*Приписка:* Когда за невестой ничего не видишь.>

Есть в моем характере (и Леве передалось) в минуту бешенства вдруг одуматься и рассмеяться над самим собой.

Визит в «Известия» к Селеху.

Селех — первейший дурак, вся ценность его в том, чтобы «не пущать», то, что само собой выходит у немцев.

Спор из-за пчелы.

Пчела пошла в литературу.

«Мир без аннексий» — тезис революции. Антитезис: «Идеологические и политические разногласия не должны и не могут помешать добрососедским отношениям».

Рассказы с выставки.

1. Покорение Кавказа. 2. Петух. 3. Лимонная косточка. 4. Египетские ночи.

Мой стыд остался с умершими: там мои свидетели.

27 Августа. Возвращение в Загорск. Беседа с Бостремом. Неожиданное появление Вас. Федор. Шалагина.

О событиях думает интеллигенция как о перевороте. Напротив, простой народ не придает значения, считает очередной хитростью, обходом наших большевиков: и что никогда они от себя не [откажутся] и своего не сдадут. Последнее является выражением отчаяния.

— Но ведь народ создал это положение?

— Народ тут ни при чем — т. е. 1) что «народ» как наличие живых здоровых творческих сил тут ни при чем 2) и что такой «народ» есть.

Коля (тоже деревенский парень) покинул деревню, и партия стала ему родиной.

Вася получил орден за пчелу и остался в деревне душой.

Оба чем-то похожи, хотя на разных концах.

Начальник Васи не знает, по чем он ходит, что такое земля. А для Васи земля — это великое богатство, великие возможности: мы просто не знаем.

Две трубы. Нектарники открыты (подробное описание погоды, когда бывают открыты нектарники). Шум от улетающих с пасеки и прилетающих пчел. А приглядишься, укрыв от прямого солнца глаза, и видно: две темнеющие в лазури трубы от пчел летят туда и сюда и шумят.

Чувство богатства земли = жажда жизни.

Промакадемия как средство разрешения трагедии вызванного из земли духа: стахановец хочет быть богатым, но ему это нельзя позволить, вместо этого учится на чиновника: «надо быть образованным» — и Шалагин будет учиться у дочери (кончила 7-летку) арифметике.

Пушкин в сибирской деревне, портреты под стеклом.

Бурундук. Бурундук всю осень собирал орехи. Потрудился, хотел отдохнуть. Полетел снег. В последний раз он пошел за орехами. Пришел медведь, стал драть склон, выкапывать запасы бурундуков и есть. Так дошел до нашего, выкопал орехи, поел, ушел и по-своему отблагодарил матушку-землю. <*Зачеркнуто*: поел и ушел и после себя оставил две кучи, поблагодарив тем самым землю, наградившую его орехами.> Бурундук вернулся и увидел две кучи.

Два пчеловода: Ив. Ив. и Шалагин, один рвет старые нитки и говорит: надо делать прочно, хорошо, по-новому; другой оборванные нитки связывает и говорит: а если не из чего делать новое, так и с этим надо же как-нибудь жить.

29 Августа. Охота с Шалагиным под Новым.

30 Августа. Сгорела трава, деревья в пыли, всю воду заполонила ряска. А что было весной! сколько желаний, сколько надежд и обещаний. Для кого-то это все расцветало...

Три пчеловода. 1) Санька (Взяток). 2) Ив. Ив. (оба пчел давили, не считаясь с отдельной пчелой). 3) Шалагин: не от характера пчел, а от того, что давили отдельную пчелу.

Малина. Такая сушь, такая жара, что лесная малина как была на ветках, так и засохла. Так и не надо было малину сушить на зиму, мы собирали сухую малину.

Взяток. Не то интересует, чем я отличусь, а то, чем я, отличник, соединюсь с другими: вот взяток.

В чувство Целого — входит и чувство общего: кажется, если это мне дорого, то и всем должно быть дорого.

Братья по духу. — А почему же мы братья по духу: вина не пьем, разве только что мы оба охотники.

— И охотники, — ответил Родион Сергеич, — и что вместе летали по воздуху на одной оглобле.

Поэзия и «напоказ».

Поэтическое чувство исключительно редко выражается в слове. Поэтом можно быть в разных делах: поэзия часто входит в общий состав движущих сил. И кто был поэтом в своем деле и не знал этого, тот лишь после, когда расстанется с любимым делом, вспоминает о нем как поэт. Так что можно жить поэзией, не сочиняя стихов и рассказов.

Показательный улей. На пасеке мы обратили внимание, что показательный улей был сделан не из ситного дерева, даже не из простой ели, а из сосны, которая не задерживает порами влагу и вредна для пчел. Мы об этом сказали женщине-пчеловоду, завед[ующей] пасекой, и она согласилась с нами, но извинилась тем, что улей этот показательный. Она думала, очевидно думала, что показывать и делать — это разные вещи.

— Вы, вероятно, пчеловоды? — спросила она.

И когда мы ответили ей утвердительно, она опять повторила:

— Совершенно верно — товарищи пчеловоды — улей должен делаться из пористого дерева, но это — показательный улей.

Так смешивают иногда показное и показательное.

31 Августа. Барометр указал дождь, — и сегодня утром чуть-чуть брызнуло, но после еще ярче и жарче вышло солнце, а барометр пошел опять на погоду.

Наметил два рассказа для детей: 1) Сват. 2) Загадочный случай.

Слушаю радио в 12 д. «Известия» — стахановцы — уголь; киргизы идут в партию. Звеньевая колхоза. Свекловичный комбайн: он еще лучше. Коллектив полярников. Знатные люди, стахановцы, орденоносцы. У нас зима: снег, мороз, айсберги.

Провал мобилизации в Польше.
Панамский канал под охраной.
Обыск на «Бремене». Чешские фашисты.

Когда работа бывает напечатана, писатель «умнеет» за счет других, случайно может сделаться «умным» совершенный дурак, подобно тому, как это постоянно бывает в учреждениях.

<*Зачеркнуто:* Рабство> Хомут крепостного права и <*зачеркнуто:* рабство> хомут колхозного права, — какая разница?

Первое чувство от пакта — почему-то была радость (похожая на 1-ю радость в 17 году от свержения царя). Радость и умственные перспективы. На деле же необходимость диктует пакты и войны, те, кто в этом участвуют, все понимают другим умом, как в театре актер и зритель.

Стал вопрос, можно ли надолго удаляться. Проверить в Москве.

1 Сентября. Уважаемый т. Селех!

Желая в нашем споре с Вами по поводу «трутней» в моем очерке «Большая биология» решить вопрос путем третейского суда, я послал рукопись т. Фадееву для «Литературной газеты», не предупредив его, что предлагал Вам. Т. Фадеев, отдав дань «превосходно написанной и умной статье», просил меня устранить не только «трутней», но еще две главы, по его мнению, очень сомнительные. Следовательно, «суд» разрешил спор в пользу Вас, и очень прошу Вас извинить <*зачеркнуто:* меня за мои резкие замечания Вам. Одновременно пишу о недоразумении с Вами и Фадееву, указывая ему, что мой долг, как виноватого, в исправленном виде очерк предложить Вам. Еще раз прошу Вас извинить> меня

за мою <*зачеркнуто:* раздраженность> горячность и невежливость, не имеющую никакого оправдания.

Считаю своим долгом новые свои рассказы с выставки представить в первую очередь [на] Ваше рассмотрение.

В доказательство моего полного раскаяния посылаю Вам новое свое произведение.

1 Сентября. Пасмурно и временами моросит дождь.

Вчера от Фадеева письмо и в ответ извинение Селеху (похоже на мир с Германией).

Эволюция в чувства в отношении к событию мира с Германией: 1) Радость. 2) Мы — те же, а мир — «какая-то очередная хитрость».

2-го в Москву утром. 3-го вечером Петя приедет. 4-го — Выставка: охота. 5) вечером у пчеловодов.

Роман с С., длившийся 2 года в предчувствиях и 20 мин. в чувстве, после чего все и кончилось.

Слушали по радио о новом военном законе — что призываются мальчики после средней школы, 18 лет — самое, самое время военного геройства! Как это умно и современно! Фашисты и большевики, их сила в том, что они мобилизовали людей своих государств и сделали их неуязвимыми со стороны собственничества. И это победит, а старое развалится.

Три пчеловода: мужик, кустарь и большевик — мотивы: «взяток» у того, другого, третьего и отношение к единичной пчеле. У Саньки сыпались, мы ходили по пчелам, «отец» забывал очки, и рамки длинные, и с этим кустарем «ничего не поделаешь».

Иван Иван. — кустарь-пчеловод, с тех пор как снял сан, находится в состоянии постоянной капитуляции, и так каждый кустарь...

Виноват был я, а он получал выговор.

Кустарь, и еще старый...

Свой ум и Чужой: Кустарь.

Для чувственности человек в человеке вовсе не нужен, и оттого, когда чувственный пароксизм проходит и нужен бывает человек, и он показывается чужой, противный...

2 Сентября. Рано еду в Москву. Вижу, в вагоне кто-то передает газету другому и ждет, а когда тот прочитал, спрашивает:

— Здорово?

— Здорово! — отвечает другой

Следующий любопытный просит газету и читает, и ему тоже:

— Здорово?

— Здорово! — отвечает и этот.

И дошло до меня, так что, когда я читал, возле меня уже стояло человек десять и ждали.

Я прочитал статью «Ликвидация остатков манчжуро-японской армии».

— Здорово? — спросили меня.

— Здорово! — ответил я.

И газета пошла дальше.

А когда ехал в метро, на руках у пассажиров была уже газета сегодняшняя, от 2-го Сентября. И тоже, видно было, какое-то совершилось большое событие. Дисциплинированные <*приписка:* опасаясь внутреннего врага> в «прикусывании язычка» наши граждане не могли теперь удержаться. Кто-то сказал:

— Большие дела!

И ему ответили тихо:

— Так им и надо.

— Кому? — спросил я.

— Тем, — ответили мне, — кто с нами шутки шутил. Проиграли.

— Кто проиграл?

Мне сунули газету, я прочитал, что вчера, 1-го Сентября, в 5.45 утра Гитлер повел германские войска на Польшу, что Англия и Франция объявили всеобщую мобилизацию. И когда, потрясенный, пораженный, поднял голову, меня встретили горящие глаза, понимающие мое душевное состояние. И мне сказали:

— Они проиграли, они не догадывались: время работало на нас.

Так с 1914 года по 1939 совершил наш народ трудный путь из-за политической ошибки царя: четверть века неописуемых терзаний всего народа за эту ошибку царя воевать против Германии! И вот почему я предсказываю: союз с Германией вопреки всякой идеологии сделается очень прочным, длительным и переделает весь мир.

В охоткружке о журнале, постановили снестись мне с Фадеевым, а что Фадеев? бедный парень, писатель, вкусивший свободы, вынужденный честно служить и свободе и необходимости одновременно.

3 Сентября. Так вот через 25 лет (мне тогда было 41 год) все переменилось в нашей стране, но я узнаю в себе возвращение того же самого чувства, того же волнения перед войной, как и тогда, в 1914 г. И тогда было сухо и стрекотали кузнечики, и теперь тоже курятся леса и стрекочут в множестве кузнечики. Только тогда Германия была врагом, а теперь другом, тогда Англия восходила как благородное и великодушное светило, теперь Англия — государственная гнилушка.

Лорд и кустарь. Большевики или фашисты — психологически это одно и то же: это люди мобилизованные, это человек спасается, застигнутый наводнением; на другой стороне человек еще не пришел в движение, держится за старое, лорд стал похож на кустаря.

Злые пчелы. Ив. Ив.: — Каждая семья имеет свой характер, значит, злы по природе. — А Шалагин: оттого, что рамки длинны и давят пчелу и выделение яда раздражает других пчел.

Индивидуальность у пчелы. От мистиков: что у пчелы «Число» — до Шалагина: надо беречь и отдельную пчелу. Как Ш. поймал пчелу, которая хотела его ужалить, и понес: если отпустить — ужалит. Когда в дом будем входить — отпущу.

Человек пришел из тайги со своим умом и еще не успел одуреть от чужого ума.

Рационалист. Большинство так называемых «рационалистов» — это всё люди, которые живут чужим умом. Так что я в борьбе за свой ум по недоразумению примыкал к мистикам.

«Умный» человек — это кто имеет собственный личный ум, а не пользуется чужим.

Купить: чернил и вечное перо. Леве заказать отпечатки.

4 Сентября. Моя борьба.

Конечно, и у меня, как у всякого человека, торчит в голове план и тоже, как у всех, против плана враждебно собирается живая жизнь. И у меня это есть, и у вас, и у Сутулого тоже против его плана запереть Падун собиралась вода.

А то, бывает, против Плана от жизни приходит Соблазн. Хочется выкинуть из головы старую мысль <*приписка:* это Надо> и встретить с чистым сердцем и дрожью радости все то прекрасное новое, что сулит перед восходом солнца наступающий день.

И самое трудное в борьбе с Соблазном бывает, когда это вправду соблазн, желание ускользнуть от труда или когда недостатки стареющего Плана действительно следует отдать на исправление наступающей Жизни.

(Возможно ли отвлеченный «План» сделать личным живым существом через личность Сутулого?)

Есть готовность собрать все свои силы для действия, для осуществления того, что Надо. При таком решении необходимо бывает отбросить все свои желания, расходящиеся в стороны, как ветви от ствола дерева. Все ветви тогда обрубаются, и остается ствол, стремящийся вверх. Таким стал Сутулый, когда начался Аврал...

А то бывает, померещится.

Тушканчики, беркуты, суслики.

Ямал.

У охотников на выставке, рассказ охотоведа с Камчатки о том, что в долине гуси дикие живут, на пригорках соколы: питаются гусями. Но если песцы подбираются к гусям, то соколы отгоняют песцов и так охраняют гусей.

С Енисея охотовед Васильев рассказывал, что вся любительская охота очень скоро там отпадает: много всего и незачем бить. Остается только охота на белого медведя. И он говорил, что белый медведь никогда на человека не нападает.

Лукьянов за редакцией «Серой Совы» сказал, что все мое истолкование лорда как кустаря и Евгения отвлеченно, а что по человечеству сейчас жалко и страшно. Я сознал, что в своем патриотизме зарвался, что не в лорде Евгений, а в живом существе человека (творческого), которое ни за что будет гибнуть.

И вот прошлое, то, что было 25 лет тому назад (в 1914 году), глянуло сюда к нам, как будто этот слой времени в 25 лет стал прозрачным. Как мы, патриоты, с каким восторгом встретили тогда газеты с такими же точно словами, как теперь, что Англия с Германией находятся в состоянии войны.

Характерная черта моих писаний, что они своевольные, — вот почему писать сейчас в газеты мне просто неприлично, выпираю из советской печати, как белая ворона.

Вторая причина моего молчания, что русская речь в газетах и журналах вовсе лишилась юмора, без которого трудно у нас.

В газетах о войне никаких комментариев, всякий комментирует сам. И так много лучше, чем шум в 1914 году.

Все дивятся у нас, как Гитлер выражается: «Я приказал, я велел и пр.». Это «Я» на фоне нашего коммунизма возбуждает тревогу за героя, дунет ветер — и нет героя. Весь расчет его, по-видимому, на молниеносной войне. Если война обратится в позиционную, то он погиб, и тогда, возможно, СССР будет вовлечен в войну за социалистическую Германию. Если же Гитлер станет диктатором Европы, то начнется совершенно другая история, возможно, и мир на долгое время.

Вся философия «Надо» и «Хочется» и «всё» должно быть сказано при условии, что каким-то планом своим (приключенческим) произведение будет [понятно] и доступно и детям (как «Робинзон» и «Дон Кихот»).

А то бывает, покажется возможность уйти от всего на такую отдаленную позицию, где в совершенном спокойствии видно значение и весь законченный смысл всех событий в жизни всего человека на всей земле и во все времена. Покажется путь туда, и начнешь как будто уверенно туда продвигаться...

Падун — в человечестве: это Весь-человек в состоянии мобилизации и в состоянии покоя — как личность, как отдельность, жаждущая бессмертия. (Вот Гитлер сейчас в таком состоянии — «Сверхчеловек», и наш Союз — «Весь-человек».)

5 Сентября. Сегодня вечером буду у пчеловодов говорить. Тема: отдельная пчела и пчеловоды Санька, Иван Иванович и Шалагин. «Мудрость» и «Никакой мудрости нет». Поэзия как один из факторов творческого действия. «Взяток» (начало). 2) Мудрость (Кустарь). 3) Действие (или мудрость четырех правил арифметики).

С удивлением вижу, что незаметно для себя говорю и утверждаю то самое, о чем говорили давно большевики и за что я их ненавидел.

6 Сентября. Рано переехали в Загорск, ясно и холодно.

— Не о тебе, милый мой, идет речь, и если приходится и про тебя вспоминать, то это лишь потому, что и ты, дурачок, тоже участвуешь какой-то спицей в какой-то большой колеснице.

Ночью, засыпая, около 12 услыхал: под полом где-то, в чьей-то квартире бормотало радио так, что отдельные слова понимал, а вместе не складывалось, слова же были все страшные: самолеты, бомбы, разрушения... И утром уехал, не прочитав газет, и все думалось, думалось. А в вагонах

и везде на людях после первого изумления опять стало, как было: все опять в рот набрали воды. Я думал о том, что с тех пор как Гитлер сказал о Молотове в Рейхстаге, то почему-то за него стало как будто немного и страшно... И особенное опасение вызывал его ответ Рузвельту с повторением своего «Я»: я приказал, я распорядился и т. п. Опасение же было в том, не оказался бы вдруг герой авантюристом.

Сколько раз мне мелькало как счастье взять на себя подвиг телеграфиста, утонувшего на «Лузитании»: он, погибая, до последнего вздоха подавал сигналы о спасении гибнущих людей. И мне казалось, что в писаниях своих я займу когда-нибудь положение этого телеграфиста. Но где они, те люди, которых я стал бы вызывать на помощь: те, кого я знал, все сошли, и чем они жили, больше не имеет смысла, те же, кто будет впереди...

Возвращаюсь к своей теме: писать о Всем-человеке, как он мерещится в Падуне.

Носились по магазинам, искали установку радио для автомобиля: а то как жить теперь в лесу без известий из Европы о войне. Вечером пошли к Бострему, и стало выясняться из поведения Италии, что Англия всерьез воевать не будет и помирится. Возможно, что очень скоро все это тем и кончится: жертвой же останется Польша. И что Англия будет вынуждена помириться, иначе она может потерять Индию. Тем, думали мы, и определяется поведение Англии и Франции, страхом перед «пролетариатом». (СССР — понятно, почему этого не боится, но почему тоже не боится этого и Германия?) Еще мы думали, что против английского «миролюбия» может стать «сила вещей», и война сделается неудержимой. В этом раздумье, однако, «миролюбие» настолько преобладало, что искать ламповый приемник не захотелось, и мы помирились на детекторном радиоприемнике.

7 Сентября. Легкий морозик, ясно, тихо.
1) Письмо Чагину.
2) К попу об ульях.
3) В птицеград за приемником.

— Просто говоря, одни люди созданы паровозами, а другие вагонами <*зачеркнуто:* и вагонов, конечно, больше в много раз, чем паровозов>. Я — паровоз, ты — вагон, на тебе груз — я везу, и вместе Мы делаем такое, о чем мало понимаем, для чего оно и почему.

8 Сентября. Рябиновая ночь (рябины много в этом году). В сухую осень листья позднее желтеют, чем в сырую. Такие морозы, а деревья ничуть не пожелтели, зато листья водяных растений пожелтели.

Мороз, звезды, месяц — антенна от звезды к звезде — нет! там не то говорят, что с нашей антенной.

Служба вещей (власть разума).

Дупель сломал крыло. Джим и дупель.
Утром: дупели, два вальдшнепа, журавли.
В 3 ч. приехали на Нерль-Выдра.

Лучшее в русской традиции — скромность при тайном сознании силы, вроде того, что еду-еду не свищу, а наеду, не спущу. Эта скромность закрылась истерическим криком о наших достижениях и появлением дикторов...

Днем шелестели тростники, а к вечеру так стихло все, что только слышались всплески рыбы, и тогда лысуха решилась переплыть на ту сторону.

Единственную я знаю реку, где живет карась, — это Нерль в истоках у Семина озера.

Осенние гости: красная рябина и стог сена.

Разум — это своевольное движение.

Кто-то к Мазаю подходит.
— Вася, наверно. Вася?
Откликнулось.
— Слышал?
— Это не Вася — это эхо откликнулось.
А спустя немного:
— Вот это Вася!

Вот какая тишина, что за километр от Мазая мы ясно услышали, как Вася из кастрюльки, с которой ходит по ягоды, пересыпала бруснику в Мазай.

9 Сентября. Еще на сырых лугах брали шмели взяток на последних раковых шейках, еще можно было увидеть пчелу на вереске.

На горах уже обсохла роса, на березах...

Лысуха вылетела.

О символе.

Сюжет для рассказа о Джиме: закопал башмак — искали и не могли найти. Через несколько времени выдумал: дать другой — дали другой, он понес и в чащу, и пока долезли, он другой закопал, и другой найти не могли.

Символ значит единение образов.

К 5 вечера на брусничнике услыхали радио.

Шалагин. Так хотелось жить, так хотелось самому достигать и так верилось, что в этом «самому» заключалось и все лучшее для всех, что он в своем движении вперед вовсе не замечал хороших людей, и они у него валились из-под руки, как фарфоровые фигурки.

Лес шумел, и как всегда в шуме чудились голоса человеческие, и среди этих голосов, нетвердых, как облака, послышался голос отчетливо человеческий, дикторский: о том, что какой-то Безхвостов оказал чудеса доблести на добывании угля.

Нет, это все отвлеченно, лорды, классы, минуя все это, судя по-человечески, — жалко.

И нет, тоже не свои были и эти мысли, но они чувствовали, что это были важные мысли, и когда случалось в беседе к ним подходить, — их подчеркивали. И вот только за то, что они подчеркивали в разговоре чужие важные мысли, их считали людьми умными.

Избалованный Жимка.

Начало рассказа «Милка»:

Во всю мою жизнь одна только река встретилась мне, где водился карась, — это река Нерль, вытекающая из Семина озера вблизи Переславля-Залесского. Есть и другая Нерль, в истоках очень близкая этой, но она впадает в Клязьму, а Нерль с карасями впадает в Волгу вблизи города Углича. Караси же водятся в этой Нерли, как я понимаю, за счет Семина озера, такого тинистого, что в нем только вид внешний озера, на самом же деле — это глубокое болото. По выходе своем из этого озера Нерль ничем не отличается от него: то же самое — пол-аршина прозрачной воды и под нею леса водяных растений. И тростник на берегах. (Вспомнилось из утиных охот, напр., старик, который занимался тем, что выгонял уток, дроби в нем было много, но одна дробинка была источником постоянных шуток охотников: — Ему-то что, — говорили про него охотники, — да вот старуха его обижается.)

В первые дни разрешения охоты — нельзя, а мы так — в устье и по болоту с собакой из-под стаи. В этом году наш секрет разведали, и когда мы стали лагерем — услыхали, что рядом тоже лагерь. (Описание Милки.)

Тростники форпост болотных кочек: непроходимо — комары жители (— стога) — шесты, на шестах сарычи и луни и трясогузки. Деланая дорога.

Радио: утки, зарянки, голоса ягодниц (колхоз покончил работы), мелкие елочки, жук, березка.

Как (натренируешься) привыкнешь ходить — не чувствуешь усталость сравнительно с другим, и то же грести, и носить тяжести; так тоже доктора привыкают ходить за больными, и так точно управляют, люди же, государством и записывают пролетающие через свою голову мысли.

11 Сентября. Мысль в душе была, и я это в реке увидал ночью. Мысль моя была со вчерашнего вечера, когда прослушали вести с фронта и, вернувшись в Мазай, нашли там превосходное блюдо: коростели, запеченные в булочку. До

того вкусно было, что показалось неловко так наслаждаться, когда полмира в огне. Но тут же я и спохватился: «Довольно этого, я заслужил!» После того вспомнились обиды литературные в том смысле, что это литературная среда такая, а я тут ни при чем, и пусть там они разлагаются в попытках найти вне себя такое, чего нет в себе самих. Пусть! Я и под тягостью всей среды буду прославлять бегущую через мою душу прекрасную жизнь.

А ночью, когда я вышел из Мазая, в тишине совершенной под тяжелым небом лежала река, и я мысль свою в этой самой реке увидал. Как вчера, откликалась эта же река под ясным небом с яркими звездами — на весь мир откликалась река. Теперь небо закрылось, река будто под одеялом спит и не откликается. Виновата ли в этом река? Да нет же, как ей откликнуться из-под тяжелого одеяла. Но все равно сама река живет по-прежнему, и без звезд в тишине как будто даже еще сильнее всплескивает рыба. Вот так же точно и...

Синий колокольчик сорвал со шмелем.

Сухая пыль, на ней сухие травы, цветочки-бессмертники и вылетающие с треском кузнечики, красные и голубые.

И так это далеко от человека, так не нужна ему пока эта песчаная земля, совершенный пустырь.

Синий колокольчик сохранился в полной летней красе, — последний остаток роскошного пира. На колокольчике сидел сонный шмель, и я сорвал колокольчик, а шмель не проснулся. Я стряхнул его, и он упал. Потом я сел возле записать о том, как мысль свою ночью я увидел в реке. <*Приписка:* Рассказать о мысли.> И пока я писал, луч солнца оживил шмеля, и он стал делать попытки подняться.

Еще я увидел на стебельке речной травы две красные стрекозы, как сцепились вчера, так и остались ночевать и замлели. Я их подержал в ладони, они отжили, разнялись и полетели. Вот время, когда можно глазами видеть оживляющую силу Солнца.

Физику я с тех пор, как сдал по ней экзамен в средней школе в 1892-м году, все последующие 47 лет больше ни-

когда не вспоминал, разве только во сне время от времени чудилось, будто опять тянут к экзамену. И теперь я в радио ничего не понимаю совершенно. Нужно видеть, однако, до чего я смело, как будто со знанием дела, раскидываю по верхушкам сосен антенну, кручу детектор, верчу катушки и нахожу нужную мне волну. Так же точно я беру полено, колю его, развожу огонь, нисколько не думая, что и над огнем-то раньше меня трудились, а я получаю готовое, и дерево это, как Радио, кто-то создавал, а я лишь пользуюсь.

Смотрел на Петю, едущего на лодке в тростниках, и было мне хорошо на человека смотреть: и вот на эти шелковые тростники, на воду с отражением, на чарующее движение рыб, на коршуна в небесах, — в отдельности ничто не могло прийти с ним в какое-либо сравнение. Но все Целое, с небом, лесом, водой, было подобно ему, и он был подобен, как достойный сын.

После освежающего чувства гармонии в Целом вдруг явился Рузвельт со своим пасторским гуманизмом и после Рузвельта наш русский поп, уверяющий, что на свете все идет к лучшему.

Переход к действию в творчестве начинается не от мысли, а от какой-нибудь возможности, хотя бы, например, от попавшего на глаза клочка бумаги, на котором захотелось бы написать. Начнешь... и пойдет.

Мне сегодня представилось, что так легко можно написать свою долго носимую в душе вещь, если трудные главы не выписывать, а оставлять в наброске. Важно добраться до «интересного», когда будет писаться само собой, и оно определит, оформит материал предыдущего.

Как доберусь домой, так и начну и кончу.

Мазай на горе Чутьин бор, и как собрались к нам семь пар чистых и семь нечистых.

11 Сентября. В 5 в. отъезд из Нерль-Выдра.

О науке — надо помнить ошибку Толстого: т.е. что нельзя одним судом судить пономарей (науки) и попов.

Ночью вчера Семино (Петя) у нас: стук-стук и Аксюша.

Дымятся холодные мокрые сверкающие штыки тростников — зеленые волосы.

Аксюшин Удав — и стук-стук: на вопрос, как она ходит в диком лесу. И Бой такой.

Почему Толстой стал против науки? (тема).

Шалагин: какие богатства вокруг, и мы их не берем.

Как это случилось, что все люди ненавидят войну и все в ней участвуют?

(Линия Зигфрида — Радио — мох и сосны.)

От возможной опасности с Петей (шофер) перешел на линию Зигфрида, и почудилось горе всего человека.

По пути с линии Зигфрида (4 килом. — вся линия) разговор с Петей.

Петя: — Большевики предсказали нынешние события, значит, они правы.

Я: — Нет, это не значит: они предсказали, а делали не коммунизм.

И дальше о личности, что в коммунизме полная свобода личности. Я: — Теоретически. — Петя: — А как же иначе: теоретически, значит, в будущем. — Личность в будущем, а сейчас нет ее, но если сейчас нет, откуда она возьмется в будущем? Личность везде, всюду и всегда, она бессмертна, она есть весь человек.

12 Сентября. Петя вернулся с ночевки на Семине, привез 2 карася и 3 чирка. Я бродил в глухарином лесу. Вечером выехали на Нерль.

13 Сентября. Куропатки. Река Мечка. Петр из Андрианова дивится: — При царе был народ хорош, а устройство плохое, теперь устройство хорошее, а народ... — Чем же народ плох? — Да всё колхозы...

14 Сентября. Утро на р. Мечке. Солнце, мороз, дятел стучит. Радио.

Слава Папанина меня погубила, и все оттого, что сын мой Петя, ученый человек 30 лет, до сих пор зовет меня «папа».

— А может быть, это вовсе и не Иван Дмитриевич? — Нет, мы знаем, мы в газете читали.

Народное право на своего героя. <*Приписка:* Аксюша.> «Поглядеть».

Не беспокойтесь! он придет.

Мне идти, зная, что принесу разочарование — я уехал.

Когда я показывал лодку председателю, Петя сказал: тут вот он и сказал свое роковое «папа». Председатель же в это время вообразил «Папанин» — и это пошло.

«Поглядеть» как право первобытного человека как потребителя, крестьянина, все равно как если спросить: «Зачем вам хлеб?» — то ответ будет: поесть. И тут, так сказать, в идеологической области геройство Папанина — (по)глядеть на героя.

15 Сентября. Прошлый год сгорел замечательный лес на Кубре.

(Начало рассказа о Папанине.)

Стоянка на Кубре: муравьи и дятлы.

Страшно в снах своих заблудиться и вдруг очнуться и стать перед людьми беспомощным и ничего не понимающим.

Общее, всенародное отношение к миру с Германией недоверчивое, все думают о хитрости, одни с нашей стороны, другие с немецкой. И мы сами после первой (глупой) радости тоже очнулись, все равно и нам не миновать войны: победит Гитлер — с ним, его победят — с тем, кто победил.

Но если правда теперь уже явно перешла к большевикам, то какие же колебания относительно поступления в партию? Потому что партия выполняет только часть дела... (развить).

Если каждый в отдельности не хочет убивать, а общество его к этому принуждает, т. е. не для себя он убивает, а для будущего, и так распадается: жизнь для сейчас и жизнь для

будущего — это неверно: или он не прав, или общество. По-настоящему будущее должно входить в сейчас (будьте как дети). (Жим сейчас не хочет есть, а потому свой кусочек зарывает на будущее.) А тоже и Павловна: как часто она не считается с тем, что мне сейчас надо, а прячет для моего же будущего (спрятала перчатки и сама не могла найти, и я зиму проходил без перчаток). Вот это и есть то будущее, о котором заботится общество, а человек хочет сейчас — и в этом вся борьба между личностью и обществом.

Образ желанного будущего: женщина видит его в своем ребенке, он и сейчас и будет, а художник тоже и «по человечеству» (и «Египет»).

Секуша речка и местность. Вышка.

Вечером ходили вдоль Секуши по завалам на полях.

Расправа с мальчиками: они взобрались на деревья, окружающие наш лагерь, и по команде одного все разом свистели и улюлюкали. Петя подкрался и пробрал их за хулиганство. Им надо было на «папанинцев» поглядеть.

Среди обгорелых от лесного пожара в прошлом году деревьев одна сохранилась небольшая осинка на самом краю высокого яра Кубри. Возле этой осинки поставили стог сена, и теперь осинка от осени стала ярко-красной. И золотисто-желтый стог сена, и красная осина среди черных деревьев далеко нам указывают знаменитую заводь, где сомов столько же, сколько в большом городе людей, где страшный хищник — дает такой удар хвостом, что рыба от страха вверх выбрасывается или оглушенная перевертывается вверх брюхом, и он их поедает, сколько захочет.

От удара весел взлетели стайками, как птицы.

Земляника водяная. Лилии — стебли — чистая вода. Огоньки. Блюдца.

Приходил Петр Павлович, и я ему в лесу рассказал о всех новостях, что поляки сердятся на Англию, что самолет германский снизился и т. д. А он мне деревенские новости, что будто бы набор: всех берут, и что в Москве больше ничего не продают.

— Что делать: Передняя часть сгорела?
— В чем же дело, ступайте в Заднюю часть.

16 Сентября. Мороз.

Дятел долбит старый пень, вокруг полегли убитые морозом папоротники. Токуют тетерева. Молодая елка крепнет. Роса от мороза.

Еще надеются те, кто верил благодушно в прогресс, что все еще как-нибудь обойдется: что, напр., Англия и Франция только для виду «наступают», а кончится все после покорения Гитлером Польши перемирием и соглашением. Но зарницы конца света сверкают во всех сторонах, и растет и растет у нас, обывателей, уверенность в том, что нет больше ничего бесспорного и стать больше уже не на что...

Себя видишь в прошлом и удивляешься, как это можно было жить без ума.

Лес в Передней части рубили и верхушки бросали на месте. В Задней части лес не рубили, и оттого во время пожара 1938 года вся Задняя часть уцелела, а Передняя так сгорела, что ничего не осталось, что и теперь даже не выросла трава, а гарь покрылась мохом и кое-где осинами.

Вместо Бога сейчас человек будет искать «позицию», с которой он будет в состоянии хоть как-нибудь ориентироваться в событиях.

Аксюша как индианка — ее вера, ее пренебрежение к музыке, кино, ее любовь к животным.

Аксюша обрадуется, когда я подхвачу что-нибудь, и начнет представлять, как я из этого сделаю рассказ, и так увлечется, что, представляя меня, сама сочиняет по-своему.

Знание ценно художнику тем, что оно обращает его внимание в сторону нового, никому не известного мира и все привычное и тем закрытое делает так, что будто все это видишь впервые. Отсюда массовое стремление к знанию: это стремление к новому, неведомому. Путешествие дает возможность «поглядеть» и есть примитивный метод знания.

Эти лилии, — не блюдца, а нити, идущие от них в глубину, так грациозны, будто они с их блюдцами и рыбками родились от удара тонких музыкальных пальцев по клавишам фортепиано. С одной на другую переходишь, и вот везде по реке до леса начинается музыка, и кажется, все это диво не из воды, а из музыки вышло.

...Но для кого это все нужно, для кого я все это открываю, тружусь, кого я могу убедить, если ни Шекспир, ни Данте, ни Пушкин не могли убедить и с ними теперь не считаются?

Или, быть может, это мы, немногие, и есть истинный мир, отданный теперь на распятие.

16-го переехали в Заднюю часть — и 17-го высчитал, что я потерял один день — значит, сегодня не 16-е, а 17-е: Петя ходил по клюкву, я снимал.

Черный омут, от него Печйны — до Пустынной сторожки.

17 Сентября. Оглушительная новость по радио: «Польша совершила ошибку русских в 14 году».Человек из куста. Волчий вой — то по-собачьи, то не знали как — ужасти!

18 Сентября. Мороз. Новость: Наступление.

Людишки бедные — жалко, — и это создала церковь или?..

Мороз, рябина, тетерева, белоус, и в воде есть лилии — распускается и цветет «земляника» и подводное царство.

Дятлы, вороны, рябинники, волки.

Вторая волна радости: и после нее упадок: подозрение коварного плана Германии.

Возвращение: в Казенной Заводи в $8^1/_4$ утра.

В 5 в. вернулись в Загорск. Ерничество профессора. По радио: первое «советско-германское сообщение» точно как я говорил: что, вопреки народному сомнению, пакт настоящий и что действия нашей армии согласованы с германской.

19 Сентября. В 8.40 едем в Москву. 1) Вызвать Леву для спасения Мазая. 2) Написать «5-й выезд Мазая». 3) По-

слать деньги в Кунгур. 4) «Новый мир». 5) «Серая Сова» — свидание с Чагиным. 6) Бьянки. 7) Записки 14 года. 8) Детектор — Чучело. 9) Ленту. 10) Чернила. Дела.

25 лет тому назад прямо после взятия Львова русскими войсками умерла моя мать. Мне тогда было 41 год (я родился в 1873 г.).

Есть разное «будущее»: одно будущее — это на что надеется женщина, лаская своего ребенка, и другое будущее, которым оправдывается тиран перед народом, когда сулит ему жизнь не сейчас, а потом. Одно будущее выходит, развиваясь из настоящего, другое — из жертвы собой.

Я рассказывал... по поводу шаблонного «а если потребуется», — что настоящий человек пользуется словом лишь во время его рождения, в момент выхода его из души.

20 Сентября. Ликвидация окончательная недоверия к пакту и объяснение его происхождения: от пропаганды ненависти к фашистам, от оппозиции (иногда безграничной) к правительству.

Вступление русских войск в Львов. Радость в Берлине.

Из тех же «анти»-настроений: что будто бы Жан Жиано сказал: «Лучше быть живым бошем, чем мертвым французом».

Покупка часов: весь день бегал и ни одних часов во всей Москве не нашел (раскупили стахановцы, — любят часы). Купил на улице гигантские.

У женщины на руках была девочка, она повторяла в толпе, встречая каждого ее интересующего мужчину: дедушка, дедушка, дедушка... без конца. Матери это наскучило: — Дедушки, — сказала она, — да только все чужие. — После этого девочка стала повторять: «бабушка»... — И бабушки чужие, — говорила мать. К этой женщине подошла другая, ее знакомая, грустная: — Взяли! — ответила она на немой вопрос. И первая женщина стала ободрять ее: — Вернутся ско-

ро! — И я думаю, — ответила эта, — англичане воевать не посмеют. — Конечно, не посмеют.

Они говорили так душевно, таким веяло миром из какого-то неведомого мира. Я почувствовал горячее желание войти в него, жить в нем, как живу я в природе, мне казалось, что это именно я и нахожу в природе и этим живу.

Машин заметно меньше в Москве, и кажется (может быть, только от этого), что и людей тоже меньше, а люди стали серьезней и лучше.

У всех огромная внутренняя работа, у всех и у каждого. Но еще почти никто не смеет говорить незнакомому вслух о своих догадках, сомнениях, все прошли суровую школу.

21 Сентября. Речь Гитлера в Данциге о бессмысленной войне 1914 года, о поджигателе войны (Англии), об ограниченности целей Германии («Германия не имеет военных целей») и что если Англия начнет и теперь войну (а разве она не начала?), то сколько бы лет эта война ни продолжалась, Германия не капитулирует. Он еще разрушил сказку о том, будто Гитлер хочет завоевать всю Европу до Урала.

Гитлер говорил, что Польша была... и за 18 дней кончилась, и все потому, что в ней не было демократии. Что это, какая демократия? То, что в «индейцах» (Аксюша, Серая Сова и ...)

Из разговора с Кожевниковым вчера. — Вы не шутите с евреями, — сказал я, — во все время строительства нашего еврей играл у нас роль необходимого немецкого среднего человека. — Разве у нас нет таких? — спросил Кожевников. — У нас таких не было, и в этом наше горе: мы все разные, и нет у нас средних. — Но теперь, кажется, есть. — Теперь есть, и оттого теперь проходит спрос на евреев, одно время заменявших необходимого в государстве «среднего» человека.

21-го 6 вечера. По радио:
— Говорит Москва.
Начальник временного управления...
Еще лучше, и если потребуется...

22 Сентября. Дождь. Речь Чемберлена. Почти сложилось решение писать «Мазай», как это привиделось на Нерль-Выдра.

1) Весна (на Волге). 2) Лето (пчелы). 3) Осень (пауки и пр.).

Из разговора с Кожевниковым (у него сыну 17 лет): оценка призыва 18-летних с точки зрения отца 17-летнего мальчика и с точки зрения гражданина государства, возвращенного к спартанским традициям.

О призыве 18-летних я передал Павловне наш разговор с Кожевниковым о Юре.

— Нет, закон хорош, — ответила Павловна.

— Хорош, а вот если бы Пете было 18 лет — ты бы плакала.

— И пусть плачут, и надо плакать о родных детях, а закон все-таки хорош.

Только через несколько часов после речи Чемберлена стало ясно, какой яд заложен в его словах о том, что «речь Гитлера не совсем точна». А то, что он говорил: война минимум три года, — это он торгуется с Гитлером и запрашивает. Один пугал, что разнесет, другой — что пересидит. Так богатыри, бывало, сходясь, старались разозлить друг друга, чем-то затравить.

Эсеры в политике спекулировали человечностью, большевики...

Гитлер и большевики одинаково решают вопрос о «человечности» — в этом они близки.

Вежливая плутня мне противней, чем откровенный разбой, и оттого в споре Чемберлена и Гитлера — я за Гитлера.

И еще в немцах дорого, что они обладают секретом мира между личной человечностью и государственной необходимостью. Есть это и в русском человеке (см. выше разговор с Павловной).

Через газету (прессу) я больше не могу объясняться с друзьями: человеческие чувства и мир с чувством любви, дружбы, творчества — пресса не пропускает.

Около 6 в., когда по радио передают «Известия», я, гуляя в парке и услышав голоса мужской и женский, подумал — это дикторы передают известия. Стал прислушиваться, и мне уже начало казаться, будто разговор идет об Англии, как вдруг из кустов вышли женщина и мужчина с огромным пуком ветвей, они между собой разговаривали, а козы, следующие за ними, [дергали] зеленый корм. Далеки эти люди были от политики, а я-то их принял за дикторов.

23 Сентября. Мои соседи по месту — это одни существа, и мои соседи во времени — другие.

Время — это как свобода, место — как необходимость.

Прошлое по месту — могила, по времени — музей. Мое настоящее во времени отвечает по месту «здесь», мое будущее во времени — отвечает по месту «там, далеко».

Закончен дневник от 7—18/IX.

Накануне решения писать Мазай.

Я же сам, лично я же постоянно, ежедневно накопляю добро, и я же сам его разрушаю. Сюда, в себя довольно глядеть, чтобы видеть весь мир.

24 Сентября. 2 ч. ночи.

Психология «проглотил».

Англия — сливается с судьбой интеллигенции. В Германии чистил интел[лигенцию] свой Ежов. И, вероятно, тут было и у нас и у них согласие.

Какой это нищий, если палкой или кинжалом добывает себе «милостыню»?

Так точно какой это человеколюбец, если гуманность делает политикой?

Для механизма единства необходима живая человеческая личность: один человек.

Как вспыхнула осина, так в огне и стоит, не сгорая. Всё стоит в своем конце.

Утро: луна: отношение к тени (движущейся) щенка и Трубача.

День поражения лесного листа.

По случаю сухмени листья долго не желтели, и казалось, долго еще будут расцвечиваться леса. Но случился дождь, и когда листва еще не просохла, хватил мороз. Я думаю, сегодня мороз был около −10°. Вот когда солнце взошло, согрело и мороз на листьях обдался росой, то тяжелый лист потек, и по всему лесу был такой шорох, что стоишь и оглядываешься во все стороны и хочется тоже от страха, как зайцу, бежать. Вскоре после мороза и солнца к делу разрушения присоединился ветер, и тогда поражение и разгром приняли ужасающие размеры. Небо темнело от летящих тучами листьев, Джим, щенок, обезумел в погоне за падающими. Наша липа в саду, еще совсем зеленая, за один день стала голая, а под нею лежала вся ее сброшенная еще совсем зеленая одежда.

Мы были в Териброве на охоте. По поводу событий я сказал ему:

— Вам, В. А., наверно, все ясно и понятно?

— Ясно, М. М., как в стеклышке, но непонятно.

— Что непонятно?

— Что дальше-то будет.

И жена его потом, после охоты, провожая нас:

— Что дальше-то?

Мало помню в жизни своей столь унизительного, как было, когда я пытался писать в газету с поля сражения: так стыдно было наблюдать, когда вокруг все действовали и умирали, стыдно было добровольно быть, когда вокруг все были в неволе, и еще много всего унизительного (страх, напр.).

25 Сентября. Где находится граница между животным и человеком?

Говорят, разница между человеком и природой в том, что человек человека может узнавать «по себе» (т. е. внутренно), а природу внешне, но? в чем вопрос?

В «Мазай»:

Чтобы прогреть Мазай, Петя вложил ручку в храповик и стал, не включая зажигания, его провертывать. Петина

тень при луне легла на землю и стала при поворотах руки колебаться. Джим обратил на это внимание, бросился и начал брехать: бросится, брехнет и отскочит, и опять бросится и отскочит. Трубач, услыхав голос щенка, встревожился, вылез из конуры. Умный гонец, однако, не стал просто лаять вслед за другой собакой, а вгляделся и некоторое время стоял без движения. Вокруг никого не было, и ничего не было слышно, только двигалась какая-то тень при луне. Что это за тень такая? Трубач, наверно, задал себе такой вопрос, потому что тронулся с места, сделал несколько шагов и понял. После того, не обращая никакого внимания на яростные атаки Джима, вернулся к себе и залез в конуру.

После того как замерзшее масло в машине разогрелось и ручка стала вертеться легко, Петя сел в кабинку, включил зажигание, прижал кончиком сапога кнопку стартера, и мотор заработал.

Утро... След на снегах: описание Ярославского шоссе.

К сказкам, поэзии все относятся как к чему-то несущественному, обслуживающему отдых человека. Но почему же в конце-то концов от всей жизни остаются одни только сказки, включая в это так называемую историю?

Вот я и думаю так, что следует вывести поэзию...
...впрочем, поэзия как отдых, наука как польза (техника)... и наука настоящая и поэзия настоящая.

26 Сентября. Вчера с вечера летел первый зазимок, и утром на перилах, на мостиках, в лесу на пнях лег белый пушок и почти до обеда не таял. К вечеру же сегодня опять пошел частый снег.

Вчера начал писать «Интересное путешествие».

Думаю о том, что для нас лучше — Гитлер победит или его победят.

27 Сентября. Ездили в Александровку пробовать Свата. Наблюдал перелет с севера синиц: главная масса состояла из длиннохвостых гаечек с белыми головами. Одна из них села возле меня, сронив с березки несколько золотых

листиков, она была так грациозна, снежно-белая головка так прекрасна, и вокруг деревья, потерявшие «плоть» свою, были такие духовные, как видения светло-зеленые и золотые. Вместе с длиннохвостыми гаечками двигались и гаечки простые и корольки.

Я думал, глядя на них, что чувство свободы, углубляясь до конца, должно неизбежно доходить до мысли о бессмертии личном.

Несмотря на очевидность смерти, все люди живут, как будто они не умрут. Жизнь человеческая похожа на атаку крепости, заключающей бессмертие. Сейчас мы видим, как все осаждающие по очереди валятся, поражаемые смертью, но все новые [люди] лезут в атаку <*зачеркнуто:* в надежде достигнуть бессмертия>. И даже у тех, кто потерял силы в прошлой войне, на помощь является мысль о бессмертии душ, и с этой мыслью они умирают.

Есть на каждого человека, на каждую вещь и на все живое в мире и мертвое такая серединная точка зрения, отчего и человек и вещь предстоит как нечто бывалое, в чем нет ничего нового, и всякая надежда увидеть нечто новое исключается, и тогда говоришь «суета сует» и вспоминаешь Недотыкомку Сологуба и его Передонова.

У нашего священника-пчеловода откуда могла взяться небрежность, почти жестокость к пчеле? Я думаю, от практичности, от полного семинарского отсутствия романтизма и веры в Бога. У него вся жизнь поглощена устройством семьи, своего рода, и от этого попы похожи на евреев. И любой простой человек в нашем народе скажет, что попы чем-то похожи на евреев. Это большой вопрос для анализа.

Я думал еще о грехе наших философов (В. Соловьев): грехе разделения природы и человека как бы в две разные субстанции: нет этого, субстанция одна.

Этот грех разделения отдал живое чувство природы на потеху «поэзии» как чему-то шуточному, несущественному (как поп-пчеловод говорил о «Жизни пчел» Метерлинка: хорошо, но... это поэзия).

28 Сентября. Опять бросило крупным снегом и растаяло.

Хорошо писал «Этажи леса». Вечером поехали в Москву. По пути женщина-скульптор и разговор в пятнадцать минут от Пушкина до Тарасовки на тему — что с внешней стороны на всем свете война, человек бьет человека, а внутри небывалая жажда любви.

29 Сентября. Москва.

То же с утра. Часовая пороша.

Все эти звери, крокодилы, удавы свидетельствуют о наличии зла и в человеческой природе и необходимости государства: Кащеева цепь. Революционный рывок против зла — спускает с цепи Кащея и приводит к необходимости опять посадить Кащея на цепь.

Анализ моего постоянного чувства: что если летишь — надо захватить с собой и... (земная жизнь), и это не дает мне права лететь.

В русском народе очень милостиво и сочувственно относятся к пьяным, и у каждого пьяницы в трудную минуту откуда-то находится товарищ трезвый. Подъезжая к Москве, всегда...

Бывает, человек не знает того, что все знают и чего лучше бы никому вовсе не знать. Но счастливец все-таки смутно догадывается, что ему чего-то против всех не хватает, и он, выходит так, через счастье свое тоже страдает, как все. (Это я такой, родился большим художником, а жил долго как рядовой человек, и даже когда наконец догадался о счастье своем, так и не мог расстаться с тем бременем, которое несут все и считают своим проклятием.)

Договор о дружбе с Германией и радость в Эстонии от советской военной оккупации.

30 Сентября. Риббентроп, уезжая, сказал слова о новой истории Европы.

Решение ждать влияния событий на писательскую жизнь и писать.

— Все сделается, как Вы хотите, только без Вас (предполагаемый ответ Сталина Троцкому).

«Англия» отходит в рубрику отмирающей интеллигенции, Германия к большевикам (в смысле «проглотил» этику). Что сделается с большевиками?

Нравственное затруднение всегда является на пути лично, и для борьбы с этим политики абстрагируются, т. е. отвлекаются от личного, создавая общее (Евгений и Петр).

Вода, спадая, оставляет за собой множество живых существ, осень, теряя массу листьев, оставляет каждое дерево выступать как личность, и у людей личные претензии тоже ведь начинаются, когда наступает «мир».

И в «мире» личность закрепляется в своих правах, и когда приходит новая вода, — она встречается с этикой этих прав.

Можно ли назвать героем того, кто истратил все свои силы в борьбе со злом своей натуры и пусть даже победил? Нет, героем станет лишь тот, кто даст «сверх себя»: большевик и фашист — разные названия Сверхчеловека.

Если для зверя родина — всё, то человек консервативный как животное, а стремящийся должен нарушить этику: нарушитель.

Англия, не испытав социальной мобилизованности, не может понять, как и чем побеждают Германия и Россия, подверженные экономической блокаде. Им бы надо было подумать о силе, возникающей при расщеплении атомов. А тут при социальной мобилизации как раз и является эта сила из расщепленных индивидуальностей.

— Позвольте! а может быть, и вся власть государственная базируется на расщеплении индивидуальности (атома)?

Политическая атмосфера определилась: опираясь на слова Гитлера, мы стали ждать мира.

Мы! те самые мы, которые с 1914 года, т. е. 25 лет, четверть века находимся в состоянии войны.

Плохо живется — голодно, пусто — а когда плохо — больше делается в народе плохих людей, и когда больше плохих, сильнее становится деспотическая сторона государственной власти. Так вот и случилось, что во всех обедневших после войны 14—17 года странах установилась диктатура: в Италии, Германии, России.

Я не свободный, как говорят о себе поэты — я невольный поэт, и сколько ни пробовал, не мог выбиться из этой природной неволи.

Начинаю возвращаться к теме «Да умирится же...»: т. е. к миру с планом: а именно через думы о немцах и англичанах: что немцы <u>планом</u> берут и что как ни хороши англичане, а ведут к худу.

1 Октября. Вчера вечером говорили мы, что после Эстонии (значит, и Латвии) очередь должна дойти до Румынии (Бессарабии). А сегодня утром сообщают, что в Москву прибыла Румынская миссия.

Решил выйти из Тургеневской комиссии.

Дети — это мы сами, когда обращаемся к детям: мы — жестокие, натравляем их на животных, и дети жестокие, мы... Дети нам как зеркало, и мы видим в нем себя самих.

Замошкин не сдается на хорошие предвидения в дружбе с немцами: предчувствует новое ярмо для русского народа.

Ницше в своем Сверхчеловеке дал образ творческой личности в момент создания чего-нибудь нового, небывалого, само собой выходящего за пределы обычного, человеческого. Гитлер же эту теорию творчества переносит в область государственного созидания, которое и так по существу своему не считается с конкретной личностью человека.

Тоска в душе человека соответствует в природе осеннему мелкому дождю, необходимому при посеве озимых. После некоторого времени, которое нужно переждать, всходят крепкие озими. И в душе человека после тоски...

...Может быть, лучшие мечты человека родились в растительной половине его души. (Растение — это покой, и за-

думчивость — это Данное; животное — движение, действие — это Соз-Данное.)

Плановое хозяйство возникло в беде, когда нужно было собрать и удержать в руках государство. Когда будет мир и всего будет довольно, то, конечно же, не надо будет ни карточек, ни плана.

Чтобы из слов создавать чудесные строчки, нужно нанизывать слова, как жемчуг в ожерелье, и для слов, как для жемчуга, держать наготове ниточку: нужно знать, на что словечки лепить.

Сочувствие немцам против англичан — открывает сочувствие к большевикам и понимание их теми, кто до сих пор не понимал их правду.

Для чего утром показался чрезвычайный полномочный посол Румынии и вечером уехал обратно...

Турция заявила Англии, что если война...

2 Октября. Ночью. «Пионер»: в классе.
Дробление индивидуум — Мантейфель — и фашисты.
Как жизнь хороша (это внутри атом).

Началась великая политическая кутерьма: сегодня по радио сказали, что приехал чрезвычайный посланник из Румынии в Москву и сейчас же выехал обратно. Что Турция Англии заявила: если будешь воевать с СССР, я с тобой расторгаю Союз.

Статья в «Пионере» о детской стрелке в учителя вдруг ярко раскрыла перемену детского фронта в училище, университет и др.

Мазай и Аксюша как два основные народные типа России. (— На, жарь! — бросил он ей тетерева.)

Полнокровный человек, варвар не требует своего оправдания, когда нарушает ход жизни культурных людей: на то ведь он и есть варвар. (В этом смысле «оправдание» Мазая-охотника и его отношение нежное к Аксюше.)

В 6 вечера выехали на Мазае с Аксюшей. Прекраснейший день. Еще много в лесах расцвеченных, теперь ажурных деревьев. Расцвеченные зарей облака... Ночью гуси летели.

Нашли впадину в яре над Кубрей и в него вкатили Мазая.

3 Октября. Весь день снег и к ночи большая метель. Убили трех вальдшнепов.

Думал о травле «Барсука» и отношении к этому Мазая.

4 Октября. 1-я пороша. Петя идет на зайцев. По народным приметам зима ложится через месяц после 1-го зазимка. Нынче 1-й зазимок был на Воздвиженье (14 Сент. ст. ст.).

Варвары способны жить дальше и делаться людьми культурными, но вы, плуты, достигнувшие вершин цивилизации — что можете вы дать сверх своего собственного благополучия?

Больших людей судят по делам, маленьких по совести, и «честные» люди — это маленькие, а большие для своих дел могут быть бесчестными, плутами, разбойниками и чем угодно, большим нужны только дела, и девиз их: цель оправдывает средства и победителя не судят.

5 Октября. Жизнь всех людей переменилась, потому что каждый теперь про себя передумывает свое понимание жизни.

Открывается политика, похожая на борьбу двух зверей, Германии и Англии. Гитлер завлекал к себе зверя А., чтобы поймать в западню. Он пугал А. тем, что СССР отнимет у него Индию, Египет... И когда зверь А. вступил в западню, внезапно загремела пружина: то был военный союз с СССР. Коварство необычайное, но дипломатические, военные и охотничьи хитрости — явление обычное между зверьми. Вот чего и боится наш русский человек, когда слышит о «дружбе» с фашистами.

И еще русский человек боится «ярма» и даже знает, что оно при всех условиях обязательно для него.

Сегодня ночью по радио впервые было сказано об Индии: что там начинаются волнения.

Гитлер, уничтоживший у себя коммунизм, сколько он во всем другом мире создал коммунистов, заключив союз с СССР. Он и у нас-то заставил теперь признать внутренно большевиков, а не по принуждению.

Никогда у нас не было сознания собственного достоинства, и «заграница» всегда считалась сделанной как бы из другого материала: мы как бы хлопчатобумажные или дерюжные, а там люди шелковые. Теперь начинает это меняться...

После ликвидации панов перед всеми стоит вопрос: а может быть, и лорды станут в то же положение? И вообще Польша является теперь ярким примером.

Варвары жить хотят, и в этом оправдание их жестокости.

6 Октября. Марш вместо молитвы утренней.

Договор с Латвией.
Продвижение «Этажей леса».
Чудо: пороша как напала, так и лежит.

У всего русского человека (знаю по Ефр. Павловне) со времени заключения пакта с Германией душа стала на место. Перестали даже самой войны бояться («нужная» война).

Еще не верится, но мелькает надежда, что дождусь времени, когда люди станут на свои места и каждый будет уверен в завтрашнем дне.

Прочитал, что великих людей нет, а есть лишь знаменитые. И доказательство в том, что сами так называемые «великие» никогда себя такими не считают.

Тот же автор (православный) опровергает тех, кто думает, что можно детей воспитанием сделать хорошими: нет! в детях есть нечто, не поддающееся воздействию извне.

Бострем, наверно, тоже мечтает, что он свои идеи скоро может открыть и получить признание. Думаю — нет: он относит эти идеи к людям, которых больше уже нет.

Весь день идет снег, который до вечера таял, а к вечеру прихватило морозцем, и завтра будет зима.

7 Октября. Снег шел и ночью, все завалило, только все это дождь, зиме поверить нельзя.

На днях по радио сказали, что для урегулирования торговых взаимоотношений согласно германо-советскому пакту приехал в Москву г-н фон Шнурре. При этом почему-то вспомнился Достоевский, как будто Шнурре должен быть его героем.

Еду в Москву до 13 (12 ч. с Петей к Шалагину).

Собрать для «этажей» «<u>пятна</u>», разработать в связи с этим: место и стремительность, чтобы «пятна» распределить в месте и времени.

Пятна: 1) Волк. 2) Трясогузка. 4) Дуб (и в воде). 5) Журавлиный Суд (место его «Осинник» поставить пониже Дуба). 6) Ящерицы и луч. 7) Антенна и Большая Волга (мы боги). 8) Муравьи. 9) Лоси (разбить на части). 10) «Барсук» и Хромка. 11) Гуси на косе — их говорок и их Надо. 12) Мышь лезет на небо. 13) Водяная крыса на закате (рождение человека): мост. 14) Клеопатра делает туалет. 15) Старый Мазай — куриная слепота. 16) С гуся вода. 17) Землеройка плывет. 18) Утки и острова. 19) Мазай — Маруська.

Казанск[ий] вокзал. Электричка, ст. Удельная, лицом к Москве направо по Октябр[ьской] улице лесом до мостика — 50 саж. лесом направо до 1-й дачи, 1-й дом, дача Наркомзема.

Чувствую отвращение ко всякому собиранию, ничего не хочется хранить. Это получается в результате многолетней неуверенности в завтрашнем дне. И вот теперь как будто мелькает возможность... И видно, это в Европе у всех.

Декларация Гитлера от 6/X в рейхстаге чуть-чуть разочаровывает: так мало немцы хотят! Похоже не на мир, а на новую сторону войны.

Аналогия: и там и тут должны были погибнуть все претенденты на трон — чтобы стало единство власти.

Ночью на 8-е. Перелет.

Гуси летят ночью. Я спал. Лада заныла в кабинке. Пришлось вылезать из мешка и выходить. Я долго лежал в надежде, что Петя услышит, мне казалось даже, что он, может быть, слышит и ждет: мне это легче. Я вышел: Медведица и вот гуси. Петя! гуси летят! И только я сказал «гуси!» — он уже был здесь... Я понял, что он, конечно, не спал.

— Слышишь?

— Слышу.

Через значительные промежутки:

— Вот!

И я: вот! Петя переслышал меня. Эх!

2. Ночь вышла рябиновая: Джим захлопал и Вася схватилась, а тут Петя... И когда вышел: Скорей, папа, иди! — А! — (цапля). Повторить мотив слышания, но по-иному «эх!», т. е. что я слышал, а он не слыхал. Но это я слышал то, чего не было.

3. Голос Мазая:

— Теплая птица летит, видал ли теплую птицу? и пр.

4. Столько прекрасного и что это тянет нас всех: есть ли в этом хорошем чувстве такое хорошее, чтобы и нам оно, людям, между собой годилось для лучшей жизни, а не просто «для красоты» и охоты?

— Глядите, глядите! — сказала Аксюша.

И мы по ее глазам нашли Хромку: она, хромая, добралась до воды и начала бить крыльями.

Клеопатра даже на нее глядела.

Аксюша сияла, и мы все глазами видели, как наше чувство всего хорошо.

(С Хромкой соединить Аксюшу в Васиной главе... а утенка выходила. Бой утку принес: Хромка — селезень, Хромка и Клеопатра.)

Мысль провести, что из этого чувства рождается близость. Или нет: пусть из близости рождается «всё» и что близость движет всем человеческим миром — и уже на этом, лишь как [следствие], надстраивается воспитание и проч.

И вот почему неграмотные дружат с учеными.

8 Октября. Сегодня дошел черед и до Литвы: приехали заключать пакт.

Верно ли, что люди не хотят воевать и что это делается «лишь в интересах международных банкиров» (Речь Гитлера).

Через Петю полюбоваться ученым и провести параллель между «всё» и мышкой: я [на] него гляжу и учусь верному пути достижения близости ко «всему»: бывает мгновенье, когда «всё» в себе соединено и всё через себя понятно: пример — Журавлиный Суд (наст[оящий] человек).

Сама фигура человека, как и явление всякой формы, есть действие силы свободы. И накопленные культурные ценности все были делом свободы. Можно ли так все на свете перевернуть, чтобы искусство, наука и религия стали делом неволи? Никогда! И если пирамиды и наши каналы делались невольниками, то каждый из этих невольников старался делать по-своему и тем самым обретал себе свободу: работая, глубже и глубже сознавал он необходимость работать и тем освобождался.

Творчество свойственно не только писателям, едущим в творческую командировку, но решительно всем: творчество есть путь свободы.

9 Октября. Отличная пороша даже и в Москве.

В воздухе висит: война или мир? Ждут отставки Чемберлена. Слухи о возможности дружбы с японцами (запрещены антияпонские фильмы).

Явилась мысль о «Рассказах дедушки».

Роскошные вещи, собранные мной в московской квартире, имеют один недостаток: они не мои. Моих вещей както вообще нет, но в лесу деревья, цветы на лугах, облака на небе, — это все мои.

По газетам, англичане плохо поддаются на речь Гитлера.

Из беседы Риббентропа с японцами видно, что Германия желает дружбы России с Японией. И, вероятно, это будет: Япония, как Германия и Россия — директивная страна.

10 Октября. 6 утра радио: Ллойд-Джордж о необходимости созвать конференцию держав.

Вспомнить, — как произошло после распада Российской империи Советское государство, и отсюда понять, из-за чего и для чего возникают государства. (Напр., Соловьевская республика постановила коров не пропущать.)

<*Зачеркнуто:* Приводные прессы. Револьверщица. В районах Шихона от Челябинска до Новосибирска. Коммунистка Леля Ефремова, калошница.

Работницы-стахановки.

Композитор Иванов.

Орденоносец Штейнберг.

По сообщению, 80 миллионов долларов, как только будет отменено Эмбарго. Сурьма. Олово.

Журнал — Голубь. Голубиная Связь.

Какое перо пишет лучше?

Какое, трудно сказать, потому что...>

Лева был в Гослитиздате, Чагин его уверил, что издавать скоро будем на хорошей бумаге: будто бы из Финляндии будем получать, а потому из Финляндии, что с ней будем тоже будто бы заключать пакт, подобно прибалтийским.

Пришел П. Н. Щекин. — Ваше первое слово? — спросил я. — Мое первое слово, — ответил он, — патриотизм.

Это понятно, он педагог, он о всем мыслит в отношении к молодежи и практически: он теперь знает, о чем ему говорить в классе. Он, между прочим, говорит, что «идти на войну» среди молодежи непопулярно, они хотят идти в ученье.

Потом я пробовал дать понять ему, что «варварство» Гитлера не может заполнить всю этику современного человека, что мы, конечно, варвары, но все-таки не совсем те варвары, которые были во время óно.

Тут он поддержать разговора больше не мог. Он просто счастлив и вовсе не хочет помнить того времени, когда сам был в положении поляка или англичанина.

— У пролетария нет родины! — сказал Лапинер.

А когда сказал? Это было давно.

11 Октября. Опять вернулось ясное время, мороз –6.
Чаша весов покачнулась в сторону мира.
Сегодня Вильну отдали Литве.

Дошел слух о письме антифашистских писателей, в том числе и Ромена Роллана, выступающих в нем против союза коммунистов с фашистами. Сообщая этот факт как достойный сожаления, П. Н. [Щекин] что-то необыкновенно скоро перешел к приятному предположению, что предметы особенной необходимости, как, напр., чтобы прилично одеться советскому гражданину, будут включены в договор.

Эти «лучшие» люди Европы протестуют, но я-то, я-то, считающий себя в смертельной оппозиции, почему я чувствую одно только удовольствие от союза с немцами?

Вероятно, что я этого и желал. Но как я мог желать и когда у меня началась эта симпатия к «Надо» (вместо «Хочу»).

Это началось еще во время óно (когда я стал писать) и кончилось, когда я отрекся от «разумников». И когда я узнал наконец о пакте, то главное удовольствие было от самооправдания: «грех, как гриб, съел» — одно удовольствие и «встреча» с Пав. Ник.

— А как он будет разговаривать об этом пакте с Роменом Ролланом?

— В этом разговоре я буду агрессором, не он, а я нападу на него и спрошу его, как мог он, Ромен Роллан, заключить пакт с коммунистами, когда мы...

Ромен Роллан понимал коммунизм прекраснодушно и теперь съест пилюлю.

— Меж ними нет ни одной моральной власти, ни одно имя не натвержено мне славою — пред чем же я робею?

— Перед недоброжелательством, — отвечал русский. — Это черта наших нравов: в народе выражается она насмешливостью, в высшем кругу невниманием и холодностью. (Пушкин «Гости съезжались на дачу».)

12 Октября. Пруды замерзли, и лед засыпан еще зелеными листьями.

Поехали в Удельное к Шалагину.

Приехал финский посол.

Наступает время, когда политикой займутся специалисты и освободят нас, неполитиков, для нашего любимого труда <*зачеркнуто:* и жизни>.

13 Октября. Ясно, мороз. В Удельном березки светятся. Прудик — небольшой прудик является питомником пиявок на всю страну.

— Германия есть Германия, и Англия — Англия, а мы сволочи.

Мужик, который отдал на займ свои запасные гужи (а надо знать, что значит ехать без запасных гужей в Сибири).

О том, как фантазия, поднятая чтением Пушкина, пригодилась Шалагину, чтобы устроить свою жизнь по разделе с отцом.

Это был не пролетарий, а существо человека, независимое от имущества, от места родины, образования и случая: это было то, с чем родится человек и чему он наследует от неизвестных предков...

Шалагин это наследовал от тех даровитых деревенских людей, которых называли «кулаками».

— Германия, — сказал он, — как есть Германия, так она и есть, и Англия тоже есть Англия, а мы — сволочи.

— Верно! — сказала Павловна.

— Россия легла в немецкое лоно, и теперь ей скоро из него не встать.

— Те, кто легли в лесах на севере, «кулаки», и те, кто хотел постоять за наше лучшее (интеллигенция), то плоть это, хорошая жертва... где был ты тогда, Ромен?

14 Октября. Загорск. Мороз −5. Солнце.

Я думал, что уж с того-то света (откуда мы теперь приходим в Европу) мы, наверно, за свои страдания выйдем оправданными, а оказалось, опять они хороши, а мы сволочи.

Исследование.

Окружение Мазая в Вежах.

Слышал романс по радио или видел это чувство в сне: будто бы певец пел, что когда он впервые полюбил, ему вся природа — а теперь хорошая погода.

Почему Петя против фотографии (передний план и...). [Смотрит] как на слабость мою (он — натуралист Мантейфель — честный...)

Слышал по радио, что немцев из Латвии переселяют в Германию.

Русскую по́гань за то прощаешь, что она место свое знает, а еврейская погань занимает руководящие места. Но сердиться нельзя, и нельзя ни действовать, ни говорить, а надо терпеть и предоставить времени.

Стахановцы и орденоносцы — лучшие мастера в своей специальности, но никак не лучшие люди: лучших людей вообще отобрать невозможно, они сами определяются.

Покрытая позором пала Польша, но отдельные лица и до сих пор сражаются и как личности не только не пали, но возвысились и проявляют чудеса храбрости. Так что «поляк» имеет теперь два значения: поляк — представитель Польши, хвастливый трусишка, и поляк лично — мужественный человек, честный герой.

Ход революции сопровождается таким нарастающим комом лжи — как лавина с высоких гор. И оттого я сомневаюсь, что возможно написать о революции подлинно художественное что-нибудь. Я даже замечал: иногда, читая что-нибудь с интересом, — вдруг поймешь, что автор ведет к революции, тогда становится вперед известно, чем кончится, и всякий интерес пропадает.

Как будто жизнь дает такой образец лжи, что попытка автора дать свою «фабулу» (обман) не удается. Жизнь как бы лишает автора права на обман.

Создалась бы интересная литература, если бы автор взял на себя говорить только правду: в то время как жизнь есть ложь, в книге была бы правда, — это было бы, навер-

но, очень интересно. Только такую правду говорить нигде не дадут.

Вот почему никакой поэт не может любить эпоху революции.

15 Октября. Загорск.

Слышал по радио романс, или, может быть, во сне привиделось такое чувство, будто бы кто-то пел о своей ранней любви, когда он сливался со всей природой и видел красоту ее в теплое и тихо цветущее время и одинаково мог наслаждаться осенним завыванием ветров и зимними снежными бурями. — Теперь же, — заключает певец, — я природой могу наслаждаться только в хорошую погоду.

И так огромное большинство людей на свете приходит к такому концу, к погоде вместо природы и к даче вместо Земли. Вот откуда произошел «Жень-шень»: из нерастраченного чувства любви, свидетельством чего и является сильное чувство природы. Весна была как бы вызвана человеком и заключена им навсегда для себя (осталась весна вместо любви).

Единственный ли путь поэта? (Эрос вместо Пола?) или, может быть, есть другие пути, каких я не знаю, условие возникновения поэзии такое, чтобы сам поэт переживал, не зная ничего о поэзии, чтобы она рождалась сама. (Вот откуда именно и было так, будто не во власти ее (невесты) и его, влюбленного, было соединение: они искали друг друга с тем, чтобы расстаться: цель встречи была расставание, любовь переходила в смерть без посредника. В этом и есть путь поэзии.)

Дикторы замучили информацией с Зап[адной] Украины и Белоруссии, — Телятников, Герцык и Толстова. Диктор — это явление механизации, все равно как шофер, едущий по приказанию. (Вели машины шоферы, говорили дикторы.)

Упадок после подъема объясняется затишьем на фронте.

Гитлер, вероятно, про себя думает, что этот потолок Маркса—Энгельса в России хорош для усмирения русского анархиста-нигилиста, а он же держит в руках... Словом, это

учение как хороший кнут для всех иноплеменников (и евреев сюда же): для смешанной крови, а для Германии, чистой крови, другая идеология.

Гений и Герой: гений — это единственный в своем роде, он раз пришел в свет, и такого именно больше не будет; герой же — это первый в своем роду: за этим героем стоит стена героев, тронь одного, и на смену выйдет другой. Герой — это начало, гений — конец, герой начинает свой род, он первый в роду, гений заканчивает и, как единственный, больше не повторяется.

Пример: если бы не доплыл Папанин, другой бы доплыл, и кто открыл Северный полюс? Не открой он — другой бы открыл. Но Лермонтов другой не появится.

16 Октября. (Загорск.) Ночью был наконец-то дождь. Вчера в овраге убил вальдшнепа.

Кажется, очень ленюсь, но когда почитаешь записки свои, то ясно видишь, что я ленюсь лишь писать для печати.

Напоминаю себе, что тогда только решится вопрос — будет или не будет моя вещь создана, когда станет писаться задушевно и так легко, как говоришь, когда встречаешь хорошего слушателя.

В природу приходит человек и делом своим показывает: вы, мол, такие-сякие немазаные, а я — не чета вам, я — человек!

Я же в природу прихожу сам как животное и как растение, я смотрю на них и стараюсь все ихнее открыть в себе и через это и их понять как своих родственников, добрых и злых. После такого изучения я под самый уже конец начинаю подумывать, как бы мне поскорее отделаться от неприятной родни и соединиться в общей работе для общего блага с хорошими. Особенной же гордости при этом практическом деле я не чувствую и человеком, венцом природы, считаю [себя] не в том, что я всё могу себе захватить и все мне подвластны, а что всех их в себе могу собрать и разделить как друзей и врагов. Удовольствия же в том, что я мо-

гу, — никакого не чувствую, и слава рабовладельца мне совсем не нужна.

Журавлиный Суд: силой родственного внимания надо создать отличия и описать такими и таких, уже нам известных, собрать на Журавлиный Суд. И деревья и все облюбованное собрать.

Какая это «любовь», если все сводится к тому... но ведь и без этого «платоническая» или «духовная» тоже — какая это любовь! И какое это лицо, если нет зада: это маска, а не лицо. И что это за ужас, если один зад, без лица.

Вчера по радио слушал выступление «академика» по случаю 125 лет рождения Лермонтова. Он не мог и здесь не сподхалимничать.

Между тем, как представишь себе немца в положении нашего колхозника...

«Счастье» у нас сделалось понятием казенным в значении парада благополучия. Но есть и у нас счастье единственное, которым люди везде на свете живут: это счастье состоит в достижении лично самим собой поставленных целей. Оно, конечно, относительное, но бесспорное, и каждый этим живет даже в тюрьме: бывало, поставишь себе цель — достать табачку, и достанешь, и рад, и счастлив.

17 Октября. Вся ночь дождь, тепло (+10), туман, снег растаял: все, чем можно показать себя — показывается: зеленая трава, папоротник и... и заяц показался: брюшко белое и задние лапки.

И сразу весь аромат осени.

Внезапный поворот в природе: то зима, а то проливной теплый дождь, — и то дождь, то солнце, и гром гремел, и сверкало.

Как все живое бросилось жить, бабочки явились, мошкара, пчелы мои совершили облеты. Всякая травинка, маломальски зеленая, показывалась. Но главное, это впервые за всю осень был осенний чудесный аромат: пахли корни, пахли почки и опавшие листья.

Когда шумел дождь — спать хотелось, когда в лес проникал солнечный луч и освещал группу разных стволов деревьев, случайно выросших вместе, то пни, то листья внизу разных цветов...

Чудесны эти взрывы жизни самой поздней осенью, накануне всеобщей зимней спячки в лесу сойки, вороны, синички, ореховки: как ворон лаял, как ореховка наверху оправлялась, чистилась долго, как трещали последние дрозды (какой урожай рябины и какая она сладкая: ели, как лоси).

Василий Алексеевич старался нам выразить свои чувства радости по поводу заявления Гитлером желания его помириться.

— Англия, — говорил он, — ведь это люди, и Франция — люди, и Германия люди, и Англия и Франция и Германия и, откровенно говоря, евреи — все люди, и все жить хотят.

Мы очень смеялись этому «откровенно говоря», а В. А. продолжал:

— Отруби голову курице — она воскреснет, а человек, отруби ему голову, — и он не вернется никогда. Вот почему хорошо, если хотят как-нибудь урегулировать мир.

Утрата народности и государственности русским интеллигентом сопровождалась дружбой с евреями: семинаристы-безбожники женились на еврейках (напр., Воронский).

Пушкин зря опоэтизировал цыган: это те же самые евреи, только те паразиты интеллигенции, а эти воруют лошадей, повадки выпрашивания. Мальчишка подошел к нам цыганенок и стал предлагать купить у них гончую, а когда мы отказались, попросил папиросы, и он за это попляшет.

Если от нас требуют хорошего «человеческого» отношения к евреям, то почему бы и нам от них не требовать того же, и прежде всего выполнения всего трудного, что мы, русские, выполняем. Почему они считают себя призванными на более легкое, интересное и почетное дело?

Есть красота и есть служение красоте, и есть безучаственное, потребительское отношение к красоте: эстетизм. И очень похожий на эстетизм есть оптимизм, как тоже вовсе

не оправдываемая личным творчеством добра вера в то, что все в мире идет к лучшему.

Бывают, однако, бедняки, жизнь которых вечный подневольный труд, вечное бремя на службе, в семье. И вот таким-то беднякам можно быть оптимистами, единственно они только и могут объявлять, что все в мире идет к лучшему. Такой оптимист у нас В. А. Яловецкий.

Петя убил трех зайцев, у одного задние ноги начали белеть.

Случай на охоте: некий гражданин, вероятно, вор, привел суку в течке и стал трубить, отзывать наших кобелей. Но собаки наши не шли на чужую трубу. Тогда вор — делать нечего! — пустил свою суку, наверно, думая, что кобели бросят гонять и за ней пойдут. Но кобели на чужую суку не обращали никакого внимания, и она присоединила свой голос к ним и гнала с ними на равных правах. Когда же заяц был убит и они заметили, что жирная сучка к нему приближается, зарычали на нее. И только уже когда Петя зайца уложил в рюкзак, они заметили, в каком состоянии сучка: она даже хвост отвернула. Отец Трубач и сын Сват, оба пятно в пятно, стали соревноваться. А когда отец успел и повязался, то сын стал делать то же, что и отец, только в голову, и наслаждался все время, пока собаки были повязаны. А когда они разошлись, то сучка ушла на трубу, а наши кобели стали разыскивать другого зайца.

Культура народов представляется отношением умственного труда к мускульному.

Лица, как они есть у людей, интересные, разнообразные, — эти лица любовь делает. Для бесчувственных все лица одинаковы, человек и больше ничего.

Видал ли кто-нибудь у нас под Москвой муравейники выше человеческого роста, похожие на стог сена, такие большие, что оторопь возьмет, испугаешься и остановишься.

Если день проходить и каждую вершинку ногой толкнуть — хоть один раз заяц непременно выскочит, и в этом сила охотника — в терпении.

Муравьиная куча больше куста можжевельника. Радиостанция. — Муравьи в движении: дерево околдовано и проч.

Так связать всю жизнь на площадке.

И что на муравьиной куче хорошо посидеть.

Немного неловко сесть, — такая работа! Но и то сказать, я-то не муравей, из-за того, что я тут отдохну, можно муравьям и поработать.

Одушевить Антенну, Мазая.

Трагедия еврейского народа — в нарушении заповеди: в поте лица обрабатывай землю, т. е. занимайся мускульным трудом, и в этом есть связь с землей, в этом есть и «власть земли», и согласие через это со своим народом. И это в организованной нации является коррективом интеллигенции, ее умственного труда. Еврей нарушил эту заповедь, он гнушается мускульного труда, и при всем желании ему нельзя к нему возвратиться, как [всякому] «умному». Интеллигент, если занимается только умственным трудом, в совести своей знает эквивалент черного труда в своем народе. Евреи же как воры...

На очередь: бросить чванство и раздражительность.

18 Октября. Отдыхал, пытался писать и вечером поехал в Москву. По дороге любовался людьми русскими и думал, что такое множество умных людей рано или поздно все переварит и выпрямит всякую кривизну, в этом нет никакого сомнения: все будет как надо.

19 Октября. Повернуло опять на Мороз. Радуюсь, когда бьют англичан, и тревожусь, когда бьют немцев.

Мысли-чувства в детстве-юности, из которых потом развивается душевная жизнь, — это было, первое: в Тюмени (мне 19 лет) синичка на окне и мое необычайное волнение при виде ее, волнение от чувства связи их мира и нашего и что синичка эта есть во мне самом. Из этого развилось мое чувство родственного внимания и вся моя литература.

Еще было мне раз, что по себе, своим переживаниям (марксизма) я могу судить и о будущем всех нас: что потом

будут и все как я, что я переживаю то самое, что будут потом все переживать. Это было мне на переломе убеждений, когда я сказал себе: «Нет для меня в том никакого сомнения, что рабочее движение все победит и все устроится, как предвидит Маркс. Но это сделается и без моего участия, это так верно, что само сделается». Но вот вопрос, я-то для чего существую, или, вернее, что же есть на свете такое, чему без меня лично не бывать, т. е. 1) явился вопрос моей личности 2) и предвидение победы социализма у всех (как у меня). И это можно теперь видеть «у всех»: все равнодушно голосуют, равнодушно участвуют в парадах, в «счастье» и т. д. и в то же самое время в глубине себя переживают мой вопрос: «Есть ли на свете такое, чему без меня не бывать?»

Читаю книгу Свечина «Основы человеческой деятельности», в которой говорится о государственных организмах на основе индивидуального организма, т. е. то, что я делал по чувству. Ошибка книги в излишней рационализации (использовании) интуитивной и верной правды.

Сила моя состоит в чрезвычайной осторожности, с которой я подхожу к своему Данному (интуиции), и в то же время эта осторожность очень задерживает выход моего Данного из моего внутреннего мира в общий, т. е. я мало и робко С о з-д а ю. Медленно складывается внутри меня Данное (долго живу), и мало́ мое Соз-данное.

Тот распад, о котором я сейчас поднял речь, на холодную уверенность в победе социализма и на вопрос о себе, претворился в Надо и Хочется.

И взять хотя бы даже наш Союз писателей, разве не есть он воплощение этого Надо, взять самого Фадеева, как в нем борются это Надо (Секретарь) и его Хочется (писатель).

В этом свете встает сейчас старая тема о войне: что будто бы «все хотят мира, следовательно, не надо войны». Все хотят — это верно, но следовательно — неверно. «Все хотят мира, и все должны воевать» — вот истинная трагедия.

Коммунизм целью своей ставит Хочу, а средством для достижения этого делает Надо, через это Хочу (личность) отодвигается в будущее, а Надо заполняет все настоящее.

Получается транскрипция христианского «здесь» (на земле) и «там» (за гробом).

И все это еще виднее в жизни рода и в микрокосме государства, коммунизма и рода в семье.

Чувствуется глубокий упадок государственного организма Англии, когда председатель министров Чемберлен в Палате общин на весь мир восхищается подвигом германской подводной лодки, потопившей в гавани, на стоянке лучший английский линкор с командой в 800 человек!

Говорят, что в Англии талант (Хочу) для своего развития в общественном строе почти не встречает преград.

Начинают поговаривать запросто о распадении Британской империи.

20 Октября. Москва. Мороз –6. Посылаю Аксюшу в Загорск. Лада очень больна.

21 Октября. Москва. Тургеневская комиссия. Турция: пакт с Англией, Францией. Эстония: расквартирование Красной Армии. Союз ведет политику мира. Сбежал от комиссии.

Эстетически узаконенная слабость (Тургенев).

То, что называется у людей счастьем, у меня называется жить как самому хочется. С детства мне хотелось больше всего устроить себе дом на колесах и уехать в страну непуганых птиц и зверей. Но счастья мне в этом не было, и только под старость мало-помалу детские мечты свои стал я осуществлять одну за другой. И так наконец дошла очередь и до самого моего заветного желания детского устроить себе дом на колесах, как у Жюль Верна, и уехать в страну непуганых птиц и зверей.

Фрайерман.
Виталий Валентинович, Васильевский Остров, 3 линия, 58, кв. 11.
Ленингр[ад]. т. 200–33.

Гайдар.

Мысль мелькнула о независимом от злой воли выводе общественного процесса (развить): 1) выйдет не то, что предполагают 2) иначе все говорят: человеческому уму невозможно предвидеть...

22 Октября. (Переехал в Загорск.)

В собрание люди пришли каждый с готовым решением, и все знали, чем оно кончится, и шли вяло: «ходить-то незачем!» Но один гражданин на собрании поднялся и высказал неожиданно для всех такую мысль, которая в дальнейших дебатах все победила, и постановление вышло для всех неожиданное.

Так бывает, и некоторые, настоящие общественники, верят, что в этих случаях побеждает какая-то «правда», и вот почему такие общественники часто побеждают то мнение, которое бы вышло из арифметического складывания мнений отдельных членов собрания, — они побеждают это среднее мнение, потому что верят в Правду, независимую от правды отдельных лиц.

Несколько раз даже в наших рационалистических газетах повторялось, что «человеческому уму невозможно предвидеть, кто победит в этой борьбе». А если сам человек даже не может предвидеть, то кто же ведет борьбу?

(Нет, я думаю, наши так не выскажутся, это, вероятно, кого-то цитируют, напр., Рузвельта: наши должны знать, кто победит. Я, впрочем, ответил бы, если бы меня спросили, я сказал бы, что победит более сильный, и, мне думается, немцы и русские вместе сильнее англичан и французов.)

23 Октября. Загорск. Мороз. Солнце. Остатки снега. Охотились в Двориках. Ранили зайца и больше ничего.

Был великий урожай рябины, а дроздов почему-то в этот год прилетело осенью мало, и оттого множество рябины осталось в лесу до морозов. Когда же октябрьские морозы один за другим хватили и лист опал весь убитый — рябина от этого только получшела. Ягода стала такая сладкая, такая вкусная, что мы, даже не трогая руками, как лоси, подходили и губами вбирали [в] себя целиком красные шапочки.

24 Октября. Загорск—Москва.

Рассказ в «Этажи»: Парень глупенький («Гусь»). На Стану рассказ: разбил $^1/_2$-литровку и скажи: разбил и ничего, а когда [стал выше], вдруг вино запахло, будто вот лужа около меня под носом. Отчего это? — А вот у меня было, — ответил Пчелка, — мне сейчас 58 лет, а когда было мне восемь, родитель-батюшка поехал со мной в Кострому покупать к годовому празднику добро. Вот накупили всего, и еще [столько] — чтобы самому донести, а вино, целую четверть, дал мне. Бутыль огромная, четверть, пять бутылок — такое добро доверил мне родитель. Нес я четверть ту в мешке, сначала в обнимку, а когда стало мне тяжко, я и спустил пониже. А как раз тут возле меня чугунные плашки стояли. Мешок с четвертью и заденься за одну плашку, а как я потянул и он опустился, то качнуло [маятником] о другую, и о другую плашку стукнулся. Ну, конечно, бутыль о чугун вдребезги. Вот тут-то мне и было...

— Что ж тебе от родителя было?

— А то было от родителя. Я об этом и хочу сказать в ответ на вопрос: почему как я разбил бутылку не пахло, а как [поднялся выше], запахло. Вот с тех пор как я разбил бутыль и родитель-батюшка меня казнил, прошло ровно 50 лет, и то все и теперь, как в Кострому приеду — все мне пахнет вином.

Об антенне и лодках: я смотрю на все это, ребятки, как на будущее: сейчас нам это попало в руки, и мы, как ребята малые, не знаем, что делать, а вот придет время, и как мы через это всё заживем. Это всё наше будущее!

25 Октября. Падение барометра. Переживаю неприятности от второго письма Фадеева по поводу пчелки-свободы. Довольно было раз случайно сказать «свобода», чтобы все редакции взбеленились. Тут даже авербаховские времена вспомнились как свободолюбивые. Помню, тогда до того дошел, что умирать собрался. Теперь не хочу умирать, потому что прошел Авербах и это прошлое ручается в том, что и наше время пройдет.

Побаиваюсь, не стать бы для всех них пугалом.

Намечаю сегодня перейти к весне света, потом к воде, все собрать, связать и разом все написать.

Скоро такая начнется реакция, что во всех литературах останутся одни подхалимы. Но помирать собирайся — рожь сей: будем пока что писать для детей.

Дорогой Александр Александрович!

Ваша политграмота о свободе справедлива, но она коснулась моей души приблизительно, как коснулась речь Онегина души Татьяны Лариной. Увы! я свободой считаю то самое, что называют любовью: способность создавать из хаоса личности, уметь находить в себе, где надо, родственное внимание к окружающему миру. Моя «свобода» не фальшивая свобода [говорящих] либералов <*приписка:* политиков вроде Герцена>, а то самое творчество, которое рано или поздно создаст для всех нас желанный мир на земле... Если бы у вас всех не висела на глазах повязка косности, то вы все давно бы признали меня предтечей самого передового революционного писателя, хотя я пишу лишь о деревьях, цветах и животных.

Мне было неловко, что Вы по поводу незначительной моей статейки написали мне два больших письма. Уверяю Вас, что слово «свобода» упомянуто было в статейке совершенно случайно, и выбросить его можно было бы без всякого ущерба. Что же касается объединения староверов 12 в. с колчаковцами, за это, дорогой А. А., я, старик, при случае как-нибудь Вас, мальчика, посеку. Поимейте в виду, что Селех, у которого раньше Вас была эта статья, просил меня изменить там две-три последних строчки, никакой речи у него не было ни о «свободе», ни о «староверах». Я резко спорил с Селехом, назвал его чуть ли не дураком или пробкой и сказал, что пошлю сначала Вам как третейскому судье между мной и им. К сожалению, Вы узнали, что статья была у Селеха, и это подстегнуло Вас, ревностный молодой гражданин, навернуть клубок догадок о староверах, свободе, Вам помогла еще в этом услужливая «коллегия».

Получив Ваше письмо, я немедленно написал Селеху письмо с большим извинением и просил его великодушно простить меня за неразумие. И Вы меня простите, А. А., если найдете в письме обиду себе. Я Вас считаю очень хоро-

шим человеком, я искренно радуюсь <*приписка:* есть сведения>, что Вы стали во главе Союза. Прошу Вас, только не думайте, что я политически глупенький и настаиваю на какой-то личной мещанской свободе и выявляю то, что мне лично Хочется, в то время как все делают что Надо при блестящем <*приписка:* (говорю без подхалимства)> руководстве Сталина. К сожалению, я абсолютно не могу писать без юмора, может быть, даже чуть-чуть без юродства, вытекающего из моей чисто великорусской природы. Я очень боюсь, что эта черта моего таланта становится теперь неуместна, иначе почему же ни один из моих очерков о Выставке не был напечатан ни в «Правде», ни в «Известиях». И в то же время если я дам это в большие журналы, то всё напечатают с большой радостью и те, кто делает «Известия» и «Правду», прочитав меня, опять будут просить меня и опять, когда я им поднесу, испугаются.

Я, как русский, чрезвычайно гибкий человек и могу ко всему легко приспосабливаться, несмотря на свой возраст. Но я не вижу в современности такого литературного тона, ради какого я должен изменить себя. Напротив, пишущие мне кажутся теперь уже не писателями, с моей точки зрения, а дикторами. Я не хочу приспосабливаться к дикторам и лучше брошу навечно попытки писать в газеты, чем брошу способность смеяться. Однако есть хорошее утешение в наше время, что быстро все меняется: давно ли был Авербах. Так будет и с дикторами. На этом давайте закончим нашу переписку: обменялись нотабенками, и до приятного свидания.

От всей души желаю Вам успеха в достижении Ваших целей. Преданный Вам, Мих. Пришвин.

26 Октября. После суток дождя сегодня все еще дождь.

Одумка вследствие заминки на войне: возможно, что в таком роде война пойдет надолго, осложненная Дальним Востоком, Индией, просто до без конца так и будет. И что бы там ни кричали за мир против войны, — вся жизнь соберется около войны, и при всеобщей ненависти к ней ей только все и будут заниматься. Таким образом, величайшие миро-

вые события, быть может, перестройка всего Мира, с какой-то точки зрения, изнутри, будет чрезвычайно скучна.

Ужасно, что к каждому священному Надо, как в пустыне к огню, зажженному странником, собирается всякая нечисть и пользуется этим Надо, чтобы им гасить всякое священное Хочется. Напротив, всякое похабное Хочется, присоединяясь к великой Свободе, выступает против священного Надо.

Если ты себя считаешь сыном своего русского народа, то ты должен вечно помнить, в каком зле искупался твой родной народ, сколько невинных жертв оставил он в диких лесах, на полях своих и везде. Наш долг перед потомством помнить о них и до того допомнить, чтобы наше сознание получило наконец-то понимание этих... удовлетворенных.

Риббентроп сказал, что политическая дружба Германии и России «чрезвычайно популярна среди обоих народов». И это верно.

Большой успех «Серой Совы».

Зацепился за нитку в своем писании и начал низать и низать. Теперь едва ли замнусь...

27 Октября. Москва. Дождь.

День тоски и лишних слов, за которые тоска прибавляется. — Работать ты не можешь, когда бывает у тебя эта тоска. — Работать не могу, — сказала А́ксюша. — А́ молиться? — Она ничего не сказала. Но, думаю, едва ли можно и молиться. Походка неверная становится, бормочешь вслух... Это, конечно, от одиночества и слабости своей в борьбе с ним. Способность бороться и побеждать это состояние и выводит нас «в люди» (иначе «Барсук»).

В словах Христа «Будьте как дети» важно «будьте», т. е. что детство это не есть просто детство физическое, а сотворенное, и что мы в нем не дети, а «как дети». В другой раз, если мне скажут, как часто говорят, «вы — ребенок», я поправлю: нет, я как ребенок.

28 Октября. Загорск. Дождь.

Вчера выслушал Кочеткова о мобилизации: как брали «вдруг» и шоферы все успели напиться, а это единственное, что оставалось в эти времена от «личности» (напился).

— Что же, лучше стал жить?

— Лучше: берег показался.

В последней речи Риббентропа в Данциге условием мира ставится возвращение колоний Германии, т. е., сравнительно с Гитлером, требований меньше: уступка каких-то колоний, «соответствующих новому положению Германии». Зачем же Гитлеру этот мир? Играет ли он в миротворца? Опасная игра: он поднимает против войны те элементы, которые потом выгоняют собственников и делают коммунизм. А его сжатые силы... Хорошо нам сжимать массу — сжимается, а у него — вопрос, и на этом вопросе ведь Англия строит свою победу. И не того ли боится он сам, предлагая мир?

По рассказу о мобилизации понял я, когда человеку, чтобы сохранить в себе человека, единственным выходом будет напиться, и через это вообще оправдание в иных случаях пьянства: человек спасается вином от скотского положения, от отупения через унижение через труд: тончайшая совесть иногда, чтобы не порваться, хватается за рюмочку и спасается, и человек начинает жить от рюмочки к рюмочке, от стакана к стакану, от бутылки к бутылке и так постепенно топит совесть в вине и становится пьяницей.

29 Октября. При таком тяжелом, низком небе рассвет бывает столь темный, что капли в раздетом лесу светятся, как фонарики.

Они (ученые, Петя) сознают, что всего обнять невозможно, и «всё» разбивают на классы, виды, подвиды, семейства и стараются найденное складывать в надежде, что когда-нибудь [будущее] человечество скажет всё <*приписка:* и стараются найти в этом «законы», заранее зная, что «всего» понять невозможно>.

Я же ищу, чтобы [каждое отдельное] сказало о всем и даже каждая мелочь, найденная мною, говорила за всё. <*При-*

писка: Я же не расстаюсь с чувством, что «всё» во мне, только нет зеркала, чтобы его увидеть, и я ищу это зеркало и нахожу: блеснет росинка — и я внезапно чувствую, будто вижу в ней, как в зеркале, «всё».>

Скребет, как крыса, тоска, встречаясь с людьми, говорю им нелепые вещи и бываю непохож на себя до того, что потом при воспоминании становится противно, еще пуще, еще злее кусает меня за сердце моя крыса.

Но стоит попасть в лес в любую погоду, то сразу как будто в себя пришел или вернулся на любимую родину.

Найти освящение почек и про мой ручей.

Внести в рассказ: Петя предпочитает щуку поймать, чем сфотографировать, и не может слышать слова «передний план» — «задний план» и в особенности слово «разрешить» и композиция.

30 Октября. «Свобода» есть название роста личности, или «Настоящего» (сейчас, а не завтра).

Способность души русских расширяться создает нынче «героев», которые, совершив назначенное, переделываются в чиновников. Может ли такое состояние длиться, сделаться постоянным?

Лев Толстой мечтал писать так же просто и ясно, чтобы строчки его на бумаге были похожи на борозды пахаря. Ему этого так хотелось, что при разочаровании от своих попыток писать он брал соху и пахал.

Надо и свои «чудеса» проверить на пробный камень писательских затей: оттуда выходят и все «чудеса» (и, наверно, весь мой роман).

Дикторы. Плохие литераторы напишут «как все», это безликое напечатают в газетах, а перед тем как газете выходить, дикторы превратят напечатанное в устную речь и стараются по радио передать по возможности интимно, как будто передаваемые слова вот только-только что родились.

При этом тут же по радио слышится шелест гранок, которые они сердечно передают.

Молодежь выросла без понятия о родине, — а это надо, и вот почему «Слово о полку» и Александр Невский и др. Надо привить чувство родины, надо бессознание: создать бессознательность (NB).

Я знал, что получил право ездить не только бесплатно на трамваях, но и входить в трамвай с передней площадки. Но я не знал, что право мое входить было в моторный вагон. Я же входил с передней площадки в прицепной вагон, куда входят граждане с вещами и особенно те, кто рассчитывает проехать без билета, «зайцы». Однажды зайцев было так много, что, когда я нажал на них, они закричали все, набросились на меня.

— Чего вы орете, — сказал я, — я имею право входить с передней площадки.

— Нет у вас права такого, — закричали дерзко.

— Так вы думаете, что я заяц? — спросил я.

— А конечно, заяц! — ответили мне.

И все засмеялись.

А я вынул свою книжку и показал. Все зайцы так и ахнули.

— Зачем же, — спросили они, — вы ездите во втором вагоне с зайцами, вы имеете право [входить] с площадки в передний вагон.

— Мне нравится, — ответил я, — ездить [с зайцами].

И рассказал им поэму Некрасова «Мазай и зайцы», после чего все зайцы признали во мне Мазая.

Так оно вышло, [что] как раз в этот раз появился контроль, и я не мог, как настоящий Мазай, этих зайцев спасти.

31 Октября. Москва.

Петя ставит вечером свои ловушки, утром их осматривает, потом взвешивает землероек, вскрывает, что-то находит там, записывает. Ему хорошо, у него есть ключ к своему исследованию: он делает как все ученые. Но у меня при моем сочувственном исследовании силой родственного внимания все время происходит так, будто висит замок, я тружусь, подбираю к нему ключи, и когда прихожу к тому, что никаким ключом не открыть — замок сам открывается. Тогда думаешь, — вот радость какая, я теперь навсегда откры-

ватель чудес, я владею волшебным замком. А он опять как сам открылся, так сам и закрылся... пока вдруг опять замок сам не откроется. Казалось бы, бросить все хлопоты, — раз открывается сам, ну и жди. И опять нет, если не приложить труда, замок сам не откроется.

Вот сегодня Петя так спокойно потрепал своих землероек, и я так завидую его счастью: он-то наверно сегодня что-нибудь сделает и ляжет спать довольный: на сколько-то он продвинулся вперед. А я, может быть, и скорей всего! так прохожу со своим фотоаппаратом.

— Петя, я тебе завидую, — сказал я, втайне рассчитывая, что он завидует мне и так ответит, и мы поравняемся: художник завидует ученому, а тот завидует художнику.

Но Петя улыбнулся и ничего не сказал.

Когда совершается великое событие, я знаю, что надо быть готовым в этом великом потоке увидеть мелочь какую-нибудь, зернышко, пылинку, соломинку: если поймешь судьбу соломинки, через нее поймешь и весь великий поток; если же за всем потоком будешь следить — ничего не поймешь. И совершенно то же бывает при стрельбе в куропаток: в одну будешь целиться — убьешь наверно одну, а может быть, двух и трех и больше, а во всех будешь стрелять — никогда ничего не убьешь.

Я хорошо это с куропаток перенес в свое исследование и всегда мечусь в мелочь, только не всегда из этого что-нибудь получается: только при наличии чувства огромного события в природе эта мелочь говорит о великом. Мелочи же сами по себе у меня ни о чем не говорят.

1 Ноября. В 7 утра речь Молотова.

Новых мыслей тут не было. Но может быть, и вообще нет никаких новых мыслей на свете, и люди называют «новым», когда старая мысль вставляется в мозаику непредвиденных случайностей и действительно по-новому освещает их смысл.

Спор землеробов-единоличников против колхозов [перешел] на любовь: они говорили, что без любви земля не будет рождать, и клялись в этом, и ссылались на Бога. Но

земля в эту весну на их любовь не посмотрела и без всяких усилий со стороны человека дала неслыханный урожай. А на следующую весну [подошли] тракторы в помощь коллективу, и земля опять родила без любви. Нет, земля может рождать без любви. И вы тоже, старые <*зачеркнуто:* грешники> проказники, не прячьте в любовь свою привычку жить лениво и беспечно.

Власть рождается в организации, вернее, в механизации общества: чтобы человек слушался, как шестерня: военная служба.

2 Ноября. Слушал по радио заседание о присоединении Галиции. Выслушал от Левы о страданиях на фронте бедного плясуна, который никогда ни о чем, кроме пляски своей, не думал. Но видно, что у нас мобилизовали кое-кого и зря и чепухи при этом было очень много. «Вали всех!» — сказали. И гнали всех.

Перед праздниками выкинули (так говорят) разные товары, напр., икру, которой мы уже с год не видали.

Сидит человек возле шоссе и, не обращая внимания на проходящие машины, с великим наслаждением с...т. Я указал на него Пете:

— Гляди, вот оптимист!

Мы сейчас как опавший лес — мы сейчас в листьях, опавших для удобрения лесной почвы. Мало того! мы такими перележали зиму, и вот весна наступает, и мы ждем счастливого часа, когда нас закроет молодая зеленая трава.

Смотрел в Метро в тесноте на людей и через них узнавал существ, живущих во мне и составляющих мое «Я». Лица многих людей в Метро отвечали моему чувству: я как будто узнавал в этих лицах то самое, что смутно чувствовал в себе. И мне приходило в голову, что, наверно, так и вся природа тоже во мне и всевозможные болезненные или воинствующие бактерии вполне соответствуют тем существам, которых мы называем своими врагами, крокодилами, ядовитыми змеями. Вся борьба, которая в мире, одновременно

происходит и во мне, и единство силы, выходящей из этой борьбы, собственно, и есть мое «Я», моя Личность, мой Разум, отличающий меня от природы.

3 Ноября. Трухануло снежком.

10-го быть на вечере молодых писателей в Клубе.

— Два основных своих стремления могу я в себе проследить, начиная от первых проблесков моего сознания (лет с восьми): это, первое, — быть не таким, как все, и второе, остаться со всеми. Но поглядим на каждое организованное существо, возьмем даже дерево, и мы увидим, что оба эти мои стремления являются условием существования в природе всякого организма (корни, листья, этажи).

Быть не таким, как все, впоследствии оказалось, значило быть самим собою, а остаться со всеми — это превратилось в обязанность [быть] культурным человеком.

Первую половину своей жизни, до 30 лет, я посвятил себя внешнему усвоению элементов культуры, или, как я теперь называю, Чужого ума. Вторую половину, с того момента, как я взялся за перо, я вступил в борьбу с Чужим умом с целью превратить его в личное достояние при условии Быть самим собой.

Быть учителем внешнего знания я не берусь, потому что даже средний преподаватель литературы может это сделать гораздо лучше меня. Что же касается того, чтобы научить других быть самим собой — это невозможно и не нужно: это приходит само собой, это есть сопровождение автоматическое роста таланта: есть яркий талант, и писатель непременно будет стремиться быть самим собой.

Но хорошо «п о г л я д е т ь» (анализ) дружелюбно (не по существу). Социальная природа «поглядеть». Поглядите мою работу, а делайте по-своему. Возможно, в этом и польза: поглядев на другого, захотелось бы более страстно делать по-своему.

4 Ноября. 3 ч. утра начинает выясняться чудовищный размер потрясения всего хозяйства, вызванный хаотической мобилизацией. Это была демонстрация печальных ре-

зультатов метода принуждения и рекламы (а не воспитания). Угрозы же Финляндии с этими словами «черт побери» весьма похожи на...

К речи моей:

1) В последнее время в Москве появился безупречно правильный русский язык. Дикторы. (В природе-народе правильность и неправильность, как во всяком организме: в этом борьба, вы видите, как из всех неправильных листьев создается идеально правильный лист. Если бы без этого — правильность мертва.) Настоящий, народный язык неправильный: записанный фольклор. Сказитель и диктор. Юмор невозможен [в] той речи.

2) Я не из библиотеки, а из народа и природы: в этом весь секрет моего успеха и длительности.

Поэзия, религия и «жизнь» перекликаются между собой, потому что они все дети одной силы — размножения. Вторая сила — насыщение — порождает из себя только «рационализм», тут один ум, полезное действие, техника, политика, государство, социализм и пр. Нам, поэтам, кажется, что сущность в размножении, а это уже второе дело — накормить людей. Но рационалисты это ставят на первый план. Мы: едим, чтобы жить, они: живем, чтобы есть. Одно упирается в мистику, другое — в Маркса (Рацио).

Интересно, что когда «Рацио» покинуло нас и русское общество было предоставлено свободному размножению, то все кончилось абортом (сама жизнь с ее поэзией, аскетизмом и пр. была выброшена за борт). Жизнь была спасена вмешательством государства, аборты были запрещены.

(Итак, является тема для размышления: почему же именно случилось так, что, «когда начальство ушло», жизнь была выброшена за борт. Эта тема вызывает воспоминание о призвании варягов.)

Вчера по радио слушал «Онегина», и заря из листьев дерева сделала мне лицо Чайковского, который смотрел в мое окно вниз головой. Глядя на Чайковского, я думал о том, что сколько же могут люди сделать за мгновенье своей жизни — вот как Чайковский; и о том, что как это люди, видя

на каждом шагу смерть, зная, что сами вот-вот умрут, живут кое-как, мирясь со всем, соглашаясь на всякую подлость, лишь бы не лишиться куска хлеба и кое-как дотянуть до конца.

Не могу разделяться в себе, говорить что-нибудь с человеком, а глазами на другое посматривать. Я не вижу ничего кругом, если говорю с человеком. Я не вижу тоже часто, когда и один: погружаюсь в себя, нахожу себя, сосредотачиваюсь в себе, и вот тогда, если удается оттуда выглянуть, то замеченное становится предметом родственного внимания и входит в целое, как сливается капля с каплей и множество капель становится водой, размывающей скалы.

Надо признать, что мужики привыкают к колхозам понемногу, [но] частная собственность, корова, овца, курица ни в какой мере не могут [стать] своей собственностью... и борьба Пети за коммунизм.

«Мы имеем». «На сегодня мы имеем». Вчера было — Сегодня.

7 Ноября. Охотились с Петей, Яловецким, Чистовым, убили 2-х зайцев. Один из них маленький стал за березой. Яловецкий ждал, а тот вернулся. — Хай живе! — сказал Яловецкий. Капля замерзла. Умный беляк.

8 Ноября. Едем на Кубрю, те же плюс Лева.

Поляна: кружева. Поляна очистилась: щавелевый дуб, красноватый щавель. Одновременно с крапивой. Смородина.

Глава весны света: Местные жители: мы шли по насту познакомиться со следом. К счастью нашему, ночью тряхнуло порошей.

Аналогия: двойная река по льду (большая зимняя оттепель). Кто-то прилетел, побыл и вернулся. Из норы выходила водяная крыса и вернулась в нору. Дуб оброс можжевельником (в нем прятаться).

9 Ноября. Беляк стремительно несся от нашего англо-русского Трубача. Поратый кобель висел у него на хвосте

и не давал ему дух перевести. На двух кругах мы его не убили, и тут умный заяц сообразил: он залез в чапыгу, по которой гонцу невозможно скоро бежать. Задержав гонца в чапыге, небольшой прибылой заяц стал петлять, делать скидки, залегать и опять тихонечко идти с ноги [на] ногу. Времени теперь у него было довольно. Трубач ведь почему мог за ним так скоро бежать? Потому, что мог чуять не только следы, но и самого зайца, оставляющего в воздухе свой запах. Теперь же Трубачу оставались только следы, и он должен быть теперь держать нос возле земли и разбирать, читать мудреную заячью грамоту.

Мы все разместились по краям болота в чапыжине. Яловецкому больше всех хотелось убить, ему не везло, и вот уже третью охоту я дарю ему одного из убиваемых мной зайцев. Он самый страстный охотник из всех нас, хотя ему уже больше 50 лет. На охоте он себе даже нос отморозил, и на белом его кончике всегда висит прозрачная чистая капля. Яловецкий издали заметил, что зайчик тихонечко ковыляет к нему. Как хороший актер трепещет, выступая в какой-нибудь роли даже в сотый раз перед публикой, так и охотник трепещет, наводя мушку. Яловецкий хотел стрелять, но зайчик сел за березой. «Выйдет же когда-нибудь!» — думал Я., может быть, втайне обрадованный длительностью удовольствия.

После мы по следам разобрали, в чем тут было дело: беляк некоторое время постоял по-за березой, прислушиваясь к гону. Потом, сообразив движение гонца, очевидно, раздумал идти в направлении Яловецкого и вернулся своим обратным следом, сделал «двойку» и широким броском скинулся в густой белоус.

Наверно, прошло много времени, а Яловецкий все ждал, все трепетал, смотрел на березу, и капля на носу его светилась в серой чаще, как светятся все капли вчерашнего дождя на темном фоне серых кустарников. Подлец белячишка, — какой подлец, ведь до ночи нас мучил. Под вечер стало сильно морозить, и капли от дождя на деревьях замерзли и светились во тьме кустарника фонариками. Вместе с ними горела и капля охотника Яловецкого.

10 Ноября. Загорск. – Москва? Дождь. Ехать на охоту или в Москву? Подгонять фото (Дуб).

К Мазаю:

Осиновые почки на поляне [нагрелись] от солнца и пахли на всю поляну. Мы пришли к этой поляне через несколько часов с другой стороны и сначала вовсе не узнали ее и спрашивали друг друга: «Где мы?» Но запахло осиновой почкой, и мы вдруг узнали ту осину на той стороне поляны.

Начало речи:

Человек, который замечает свои поступки и про себя их обсуждает, – это не всякий человек. А человек, который живет и все за собою записывает, – это редкость, это писатель. Так жить, чтобы оставаться нормальным и быть с виду как все и в то же время все за собой замечать и записывать, – до крайности трудно, гораздо труднее, чем высоко над землей ходить по канату. Вот почему труд настоящего писателя рано или поздно, иногда и после смерти, находит высокое признание, и это последнее вызывает на соревнование множество людей, претендентов на это высшее положение. К сожалению, новое очень трудно писать, и потому симулянты, легкие писатели, всякого рода забавники прежде всего получают признание.

За много лет хождения по канату я получил некоторую уверенность в себе. Многие, например, говорят мне, что книга «Колобок», написанная мной 30 лет тому назад, является очень свежей и сейчас увлекает читателей и даже издателей: переиздают и [читают]. Есть и еще много признаков, напр., [множество] писем читателей, того, что я настоящий писатель.

Огромное большинство людей, тех, кто не знает «Я» за собой, знают гораздо больше писателя. Но они ничего не могут сказать о том, что знают, и сами они не знают, что они что-то знают. А когда писатель им укажет, они вспомнят и радуются и рукоплещут таланту.

Я иногда думаю, предложить эту догадку: что вся природа со всеми своими обитателями знает гораздо больше, чем

мы думаем, но она не только не может записать за собой, но даже лишена возможности вымолвить слово.

— Лада, милая собачка, — что ты мне шепнешь, ну, соберись, друг, шепни мне одно только человеческое слово, и мы с тобой победим весь мир зла.

Так я не раз говорил своей Ладе, когда она положит мне голову на плечо и страстным хрипом пытается выразить мне свою преданность и любовь.

Все люди разделяются на два класса: 1) люди знакомые и 2) люди незнакомые.

И все наши отношения разделяются на два отношения: 1) к знакомым и 2) незнакомым.

Слушал речь Фадеева на курсах писателей РСФСР, и от пустоты слов, повторяемых неумным и плохо образованным человеком и очень плохим оратором, стало пусто в себе до того, что прямо после речи сбежал, и мне хотелось умереть.

11 Ноября. Спасаюсь работой.

На своем выступлении скажу:

Товарищи! дело творчества мира, о котором ежедневно по всему миру говорит наш Советский Союз, я стараюсь осуществить своим личным путем. В букварях, издаваемых многомиллионными тиражами, вы можете найти мои маленькие рассказы, поселяющие в душе наших детей мир и любовь к знанию мира. Из домов отдыха, из санаториев от больных, прочитавших мои книги, я получил тысячи благодарностей. Я крепко помогаю нашему С[оветскому] С[оюзу] строить новый мир любви и за то считаю себя самым современным писателем: самым, потому что не могу назвать ни одного своего современника, столь последовательно и сознательно работающего в согласии с принципами нашего передового государства.

Покойный А. М. Горький понимал мое дело, он мне писал: — Вы делаете великое дело, но вас не скоро поймут.

Он ошибся...

Миллионы детей меня читают и понимают.

Я всех людей разделяю на знакомых и незнакомых: все мои знакомые разные люди, все незнакомые подобны [друг] другу. Мое призвание приближать к себе незнакомого че-

ловека, узнавать его в лицо и так присоединять к знакомым. Благодаря своим рассказам я многих людей присоединил к знакомым.

Фадеев говорил нам о немногих людях, Толстом и Данте, которые могли так много сказать: таких, мол, всегда единицы. «Вы не Толстой и не Тургенев! — сказал мне один важный господин в дореволюционное время, — и в то же время вы хотите заниматься серьезной литературой, на что вы рассчитываете?» Эти убийственные слова, подсекающие движение, неверны в основе своей. Ведь ни Толстой, ни Данте, когда начинали, не знали, кем они будут. Фадеев и прав и не прав.

Основная тема Фадеева — это что правительство наше идет далеко впереди писателей, и выходит, значит, что писателю надо лишь популяризировать нечто готовое...

Какой это вздор! Возьмем хотя бы идею мира нашего правительства. Это верно, правительство устраивает условия мирной жизни, но собственно мир должны сделать мы. Так, если взять для сравнения, скажем, идею увеличения населения: спасибо правительству, что оно строит родильные дома, но детей рождать будет не правительство, а женщины. Вот это-то и ждут теперь от нас и всячески поощряют, чтобы мы рождали, а не помогали строить родильные дома.

Речь Гитлера в Мюнхене: напечатана целиком в «Правде» и даже слова: «Так угодно Провидению». В этой речи есть нечто, убеждающее сразу, то самое, чего хотят большевики, [но] не могут: у большевиков люди сидят бессмысленно десятки лет, пока сами события наконец-то удостоверят в правильности их заключений. У нас без красоты и без вдохновения, без чувства трагического. Чуть начиналось это у Керенского, но быстро перешло в красное словцо. В лице Гитлера наконец-то революция приобретает своего героя, становится сразу понятной вся современная борьба народов за свое освобождение.

Откуда это взялось, что чувствую в себе Гитлера? Не от моего ли помешательства на Вагнере (43 раза «Тангейзер»!) Но тогда почему такая тяга к Вагнеру?

12 Ноября. Смех как сильнейшее средство личной обороны.

И если когда что-нибудь злит и ты не хочешь остаться в глазах людей раздраженным стариком, хватайся за смех: это средство спасет тебя и от людей и выпрямит тебя перед самим собой. (Это хорошо помнит еврей, заведующий питательным пунктом в рассказе Каманина.)

До сих пор меня преследует часто обида в том, что меня обходят, мало ценят и даже, часто кажется, сознательно хотят сделать мне зло. Лучшее средство борьбы с этой психикой неудачника является у меня юмор — раз, и второе: готовность написать рассказ для детей. Как только случится написать такой рассказик, то победа над самим собой бывает обеспечена. Так произошли мои и детские рассказы, и недетские.

Германский народ с героическим выражением — это несомненно и удивительно. И в то же время несомненно, что юмор немецкий никого не смешит, кроме самих немцев. Русский же народ исполнен юмора, и это его характерная черта.

13 Ноября. Барометр опять падает, и опять болит спина. И до того болит спина, что кажется, будто и в душе есть тоже спина и там тоже болит от тяжести повторяемых в газетах, в собраниях и по радио слов о прелестях нашей счастливой страны.

Пока я пил чай, Бой стоял возле в ожидании, что будет, когда я кончу стакан: пойду ли с ним погулять или же дам ему остатки своего завтрака. И как только я, допив стакан, взял перо и развернул записную книжку, он зевнул, обернулся, пошел в переднюю и там рухнул на свое обычное спальное место. Я же понял его так, что, с точки зрения животного, нет ничего бессмысленнее занятия литературой.

И должен откровенно сказать, что часто и я сам гляжу на себя с точки зрения животного и нахожу то же самое: нет ничего бессмысленнее для живого существа занятия литературой.

Потребность поделиться своим горем с кем-нибудь понятна: горе разделяется с другим, и самому от этого становится легче. Но ведь и радостью тоже хочется поделиться и созвать на свой пир милых людей, — общение через радость, значит, уже совсем бескорыстно. Вот почему на именины и на свадьбы ходить куда приятней, чем на похороны.

Потребность писать есть потребность уйти от своего одиночества, разделить с людьми свое горе и радость. Было время, когда я в одиночестве своем дошел до того, что стало невыносимо и страшно оставаться с самим собой. И когда я в таком состоянии вздумал писать, оставаться с самим собой мне стало не страшно. Я тогда же понял, что занятие искусством слова исходит из потребности поделиться с кем-нибудь своим душевным миром. Но я видел, с какими чувствами люди идут на похороны и с какими на свадьбу. Вот почему с первых же строк своих горе свое стал я оставлять при себе, а делиться с читателем только своей радостью. И так поиски материалов для писания обратились в моей практике в поиски такой радости жизни, которая бы, как именины или свадьба, созывала на мой пир друзей. Не так-то легко это, вечно справлять весну и свадьбу; медленно, десятками лет я учился переносить личное горе и делиться радостью жизни с другими. (Успех мой в литературе был как раз такой, какой обеспечивал мне минимум для занятия ею.)

Вы видите, беда, личная трагедия привела меня к такому неестественному для живого существа занятию, как отсиживание в одиночестве многосуточных часов за столом. И вот теперь мне предлагают научить этому молодежь.

Развить мысль, что вот одно дело прочитать, другое — поглядеть на писателя... Так мне хочется поглядеть на жизнь в лицо — у меня нет времени читать книги. Если вы разовьете такую способность, на всяком месте жизнь видеть в лицо, вы и не потянетесь к книгам и «читать» не станете. Толстой упрекал Горького в книжности. Сам Толстой читал, но одно чтение в помощь работе, другое — чтение само по себе, для развития.

По фото «Рыбаки у Мазая». У нас было все, у них плотва, и они сварили ее и поели без хлеба и соли. Смешно, что меня тянуло жить и обходиться, как они. Вспомнился Толстой с его пахотой. Так что сытого иногда тянет к голодным, а голодного всегда тянет к сытым. Последнее понятно, но почему же тянет к голодным?

14 Ноября. Черчилль нас поднимает, и это (возможность их победы) вызывает из себя на пересмотр личной своей перемены сравнительно с 14-м годом в отношениях своих к Англии и Германии — с одной стороны, и к большевикам — с другой.

Заключаю, пересмотрев прошлое, что неизменным у меня остается лишь смутное, невыразимое словами чувство родины. Вот этот пред-рассудок и определяет мои отношения к странам, лежащим извне, и к большевикам.

Подозрительно становится, что Гитлер стал слишком много говорить, хвалиться, становится очень похоже на ... и уже по этому похожему начинаешь подумывать о том, что слова нечто закрывают.

Да, и у них и у нас есть одно и то же уязвимое место — это именно Личность человека, заменяемая стадностью. Но англичане в этом месте уязвимы еще более: если у нас Личность подменяется стахановцем, то у них капиталистом.

15 Ноября. По-прежнему у нас не говорят люди между собой о политике, но она так велика, что вошла внутрь каждого, и каждый про себя является политиком, живет внутри великих событий.

Первоначальная наивная моя прогерманская ориентация повисла в воздухе. Теперь становится ясным, какую опасную игру затеял Гитлер между капитализмом и коммунизмом: ему, конечно, надо сначала победить английский капитализм, а потом и русский коммунизм. Победить до конца капиталистов ему и самому будет невыгодно: в такой действительно мировой катастрофе трудно будет и ему сдобровать. По всей вероятности, если англичанам станет трудно, они помирятся...

Дикторы, правильно по-русски говорящие евреи Левитан, Герцык и др., круглые сутки говорят на всю страну и на весь мир, а в газетах у нас, в литературе разве все не дикторы? Совершенная диктатура дикторов.

Моя речь на 20/XI в 11 дня писателям РСФСР.

1) Время (1 час). В любви — мгновенья довольно. Научить любви нельзя. Но можно гигиену трудовую — ухаживать за невестой. Трудом не возьмешь, но можно создать трудовую гигиену, которая приведет рано или поздно. Напр., охота — дробинки. Пить — по глотку.

2) Язык и стиль. Язык создает народ, стиль — это сам человек, это личность, это «Я».

Москва и дикторы. «На сегодня я имею», «пара дней» — живет и отмирает. Народ — к народу за языком, к себе самому за стилем. Наши классики.

3) Народ и природа. Пантеизм.

4) Как я работаю. Субъективно я бескорыстен: Хочется, объект: Надо.

5) Моя «Природа» (интеллигентское бездомье).

6) Писатель и современность.

16 Ноября. Тяжело переживаю вести недобрые, что будто бы наши «писатели» с другими подобными им «артистами» выступали в Польше как мародеры, приобретали «дешево» золотые часы, бостон, коверкот и на приобретенных машинах привозили добро свое в Москву. Вследствие всего такого будто бы цены быстро повысились в множество раз и начались всюду очереди, как у нас. В связи с этим Лебедев-Кумач получил новую кличку как «Лебедев-бостон». Мародерство, конечно, бывает во всякой войне, — не это тяжело, а то, что эти люди стоят во главе интеллигенции и попросту отбивают кусок жизни у порядочных людей. Тут, конечно, есть и русское хамство и глупость, но ужасно, что ведущая роль — еврейская и засилье «дикторов» (диктатура дикторов) нашего времени очень напоминает пережитое так болезненно засилье напостовцев.

Дальше через это прозреваешь, что Сталину и нельзя было обойтись без еврейской интеллигенции, что на «гряз-

ное» дело (общественное) русская интеллигенция не годилась. (Аналогия: Аксюша чудесная девушка во всех отношениях, но раны промывать не может: «сердце слабое», боится, — так и русская интеллигенция.) Но это старая русская интеллигенция такая, а что же новая-то, разве не подросла? Наверно, нет, а отсюда: «на "нет" спроса нет».

Действовать как-нибудь с пользой в этой среде невозможно. Надо ждать и работать, представляя себя телеграфистом гибнущего судна.

17 Ноября. Начало речи: Счастье — у детей (Паровоз).

Или: Все крупные художники, которых я видел на своем веку, были похожи на детей. Мне это было легко видеть, потому что с первых шагов литературной деятельности у меня открылась замкнутая душа и благодаря этому все эти замкнутые люди тоже отпирали свои души и были как дети. Через это я понял, что сохраненное дитя с его Хочу есть основа таланта, и вот почему мое первое произведение был детский рассказ и сейчас последнее, что я написал, «Лисичкин хлеб».

Хочу и Надо. Я не могу вашего дитя заменить своим... (как не могу любимую кем-нибудь девушку подменить своей). Но я могу преподать вам гигиенические правила для охраны своего дитя, то, что Надо: то Надо, которое уберегло моего младенца.

Так вот и началась моя экспедиция не как всякая экспедиция, не с выработки цели и плана, а с того, что я получил себе дом на колесах. Целью моей был сам дом, такой дом, чтобы он был везде, где захочется быть: дом на колесах. Не сразу пришла в голову мысль ехать в мазаевский край, я думал, что поеду куда-то в любимую мою Дриандию, которую когда-то сам сочинил на досуге с помощью Дриады — лесной богини.

18 Ноября. Совершенно так же, как я стремлюсь быть самим собой и не подражать другому, точно так же я не хочу быть и Пришвиным, который вошел в область культурного потребления. Тот Пришвин является и для меня ценным лишь с потребительской стороны: его слава [дает] мне воз-

можности и средства сделать что-нибудь новое, небывалое и в творчестве Пришвина.

Растет необычайно антисемитизм, хотя евреи начинают все лучше и лучше говорить по-русски. Их сила в семье, но в семье же и их слабость. В нашей русской семье пускают дитя на судьбу и долю, в еврейской детей выхоливают с малолетства на чистые профессии. Евреи растут избранными и... Сейчас они управляют всей страной, но не будет же так навсегда. Как они этого не хотят видеть? не могут (и не должны) пускать детей на долю и на судьбу. В этом и есть их трагедия: отрыв от земли...

Это курьез: все детские журналы в руках евреев, все дикторы в Радио — евреи, и русскому туда не пробиться.

Не хочется, но придется их выгонять, а то рано или поздно их выгонит стихия: бить будут. Чудовищно!

Какое дело хорошему человеку до всякой дряни, но ведь нужно же кому-нибудь дрянь копать, и вот при отказе хороших приходят дрянные, копают дрянь и через это получают права и силу такую, что становятся на первое место, а хорошие им подчиняются.

Отрицатель должен иметь при себе наличие того совершенства, во имя которого он делает отрицание. Не имеющий в наличии такого идеала отрицатель — просто ворчун.

20 Ноября. Лекцию свою читал два часа и так устал, что дома до вечера в горле хрипело. Все сошло хорошо, и мне удалось даже ввернуть «диктатуру дикторов».

Вечером из беседы со всезнающим человеком почувствовал, в какой беде наша страна и как закрыт для нас глухо горизонт лучшего.

Первоначальная радость, что мы горе переживаем с Германией и вместе с ней выберемся, теперь сменилась унижением: в лучшем даже случае она будет есть карасей со сметаной, а мы с постным маслом, а скорее всего, вовсе без масла. Говорят, что будто бы Англия с Германией помирятся...

Как это ужасно, жить, ничего не зная. Снилось мне, будто от врагов я залез в какую-то белую скользкую узкую

кишку и быстро по ней продвинулся, но потом оказалось, кишка эта впереди была затянута и в ней не было воздуха, а назад и повернуться нельзя и там враг, я тогда начал задыхаться и проснулся. И стал думать о том, что Христос, какой бы он ни был, церковный или духовный, как идея есть лучшее, что выжало из себя человечество на своем бедственном пути. И что в конце, если я возьмусь, то с Христом в кишку меня не загонят.

20 Ноября 1939.

В 11 дня в Клубе писателей моя лекция на курсах писателей РСФСР.

Начало: — Все читали что-нибудь из Пришвина.

Книга и Писатель в производстве и потреблении.

Писатель в производстве:

	1) Бескорыстен
Потребители:	2) Современен
1) Все, что извне:	3) Необходимость дружественной атмосферы
а) Формализм	4) Атмосфера лит-ры в моем прошлом.
б) Дикторство: без-стильный язык.	Нынче неблагоприятные условия:
Что есть язык и стиль.	РАПП (пригонять литературу к полн[ой] публицистике).

Чтение «Мазая».

Конец: художник и дитя.

Хочется и Надо.

21 Ноября. Загорск. Начинает просачиваться немецкая «правда», которая должна рано или поздно вызвать на свет и русскую правду.

«Скачок в интернационал невозможен». — «Только национальным путем можно войти в интернационал».

Петя не приехал. Беспокоимся.

22 Ноября. Глубокая пороша, –1. Весь день с 8 утра и до 5 веч. гонял одну и ту же лисицу возле Черного моста и не убил.

Петя опять не приехал. Очень беспокоимся.

Возвращаюсь к тому, что союз с Германией есть настоящий союз. Возможны осложнения всякого рода, но союз этот будет складываться, пока из Германии и России не составится единое целое.

На охоте мелькнула мысль назвать работу свою Домострой.

Философский материализм коммунизма московские евреи перерабатывают в практическое мещанство.

Великий Дом жизни, Великий домострой делается из какой-то материи. Но из этой же материи можно устраивать и домики для отдельных людей. Так получается, что материя-то одна, а употребление из нее может быть сделано очень разное. И мой домострой — это одно, а еврейский — другое.

Ольха такое дерево, что капли дождя на нем делаются желтыми, и в оттепель под деревом на снегу бывает точь-в-точь как если бы ночью сюда приходили лисицы и помочились.

На зуборезном и долбежном станках (Радио).

23 Ноября. ...

24 Ноября. Утром в Москву. Вечером договор о лодках (300 р. задаток).

25 Ноября. Появление Пети. Возвращение в Загорск.

Бывает, расставишь вехи, чтобы потом по ним вспомнить путь взлетевшей мечты, и что-нибудь задержит до тех пор, пока не остынет мечта. Какими жалкими, прямо какой-то глупостью кажутся вехи, расставленные по бумаге как по настоящему пути.

С другой стороны, если вовремя пришел к этим вехам, когда еще путь не остыл, и сделал все, что хотел, — то ведь это же чудо случилось, т. е. то, чего не было и о чем думали, что оно невозможно. Итак, я верю в чудеса: они есть.

26 Ноября. На горбах, как в гробах (весь день трое, я, Лева, Петя, прогоняли зайца). Рисовал снежные фигурки на вырубке: кулак, указка, дуги краевых берез, лесенки елей...

Весь день шел снег.

27 Ноября. Убил лису возле Черного моста.

Веточка еловая, осыпанная снегом, как белым пальцем на тропу указывала: по этой тропе иди, лисица! И тут же ольховая ветка охватила ком снега и этим кулаком грозила: в мою сторону не ходи! Лисица пошла в эту сторону, под кулак, и тут я ее и убил.

28 Ноября. Москва. Писал утром. Вечером в Загорск. И Петя. Метель, в Москве мокро.

29 Ноября. Ночью +5°. Снег осел. Поля как в Апреле: Сорочье царство. Охотились в Терегброве. Потеряли собак (а как лисицу-то гнал Трубач!) Вернулись в Загорск с тем, чтобы утром искать собак.

Соболь. В клетке соболь любит остатки пищи заткнуть в ячейку вольеры. Ворона прилетает, садится на вольеру и когда пытается выковырнуть соболиную пищу, соболь снизу хватает ее за ногу. Тогда ворона пытается вытащить ногу, а соболь, упираясь лапами, тащит ногу к себе. Надо видеть милейшую мордочку соболя: он забавляется, как самое чистое невинное дитя. Тем ужасней положение вороны. Кончается тем, что ворона улетает без ноги. Не одна ворона и не одна сорока в Пушкине живет с одной ногой. Живут и славят Господа, что хоть с одной-то ногой, а живут. И рады, радехоньки!

Теща и Зять. Приехала теща и стала с утра до ночи грызть зятя. Скромный человек терпел целый год: молчал, когда у тещи было малейшее основание, уходил из дома, когда грызня была совсем ни за что. Но в течение года он очень устал от вечной пустой борьбы, и наконец нервы его не выдержали, тещу он ударил раз, потом сорвался и отколотил как следует. После того теща уехала, а зять очень скоро по-

правился здоровьем и в работе стал стахановцем и получил орден Медаль Почета. А теща через год одумалась, вернулась, и вскоре опять началось то же самое: теща грызла, зять молчал и худел. А когда сила опять иссякла, зять опять тещу отколотил и в этот раз отвозил ее табуреткой так, что она еле встала и совершенно затихла. Вместо же того, чтобы зятя грызть, она выходила за ворота, садилась на лавочку и грызла всех, кого видела кружков. Другую срамит на всю улицу, что каблуки кривые: не умеет ступить, а ботинки носит на французских каблуках. Всех-то передразнит, всех растревожит. Люди недовольны, а терпят, как, бывало, зять терпел. Но тут теща спокойна, тут не на одного зятя льются с утра до ночи помои, а всем достается понемногу. Можно и потерпеть.

(Годится для изображения какой-то птицы.)

Сова днем. Оказывается, совы днем иногда залезают даже под кучи хвороста, до того им нужно укрыться от птичьего глаза. Вот было однажды, Сват учуял под кучей хвороста сову и начал бегать кругом и лаять. А когда носом учуял точно, то залез под хворост, — сова выбежала с другой стороны и быстро убежала под большую ель с густыми нижними ветвями и скрылась там в зеленом шатре. Сова так быстро перемахнула из-под кучи под ель, что Сват не успел это понять и все возился под кучей. Но гнездовая ворона заметила, как перебежала сова из-под кучи под ель. Она прилетела сюда, села на верхушку ели и начала орать, орать. На крик ее стали со всех сторон слетаться вороны и все садились на ту же ель. А когда из-под кучи вылез наконец Сват и медленно, внюхиваясь в следы, стал приближаться к елке, все вороны угнули вниз головы на Свата и все теперь в один голос орали ему по-своему, что правильно, правильно:

— Пра! Пра!

По-вороньему:

— Правильно!

Перед елью Сват сделал маленькую стойку и бросился. И сова побежала, и в самый момент, когда выбежала, и Сват успел выбежать. А пока сова становилась на крыло, успел

рвануть за хвост. С полным ртом перьев совиных стоял Сват и глядел вверх на сову. А вороны с ужасом кричали:

— Брать, брать!

Полетели за совой. И все маленькие птички, слышавшие «Брать, брать!», бросились на помощь к воронам. Целая туча больших и маленьких птиц летела за совой. Вот почему совы днем прячутся.

Никто, как Бог. — Василий Алексеевич! — сказал я, — с тех пор как мы жили в вашем колхозе, лучше ли стало?

— Хуже, много хуже, М. М., — ответил В. А., — первое хуже, что людей стало много меньше: работать некому. Второе хуже, что недостатки, и главное, что одеться не во что, пальтишко купить ребенку — ехать в Москву, и в Москве надо жить неделю, чтобы случай поймать, когда выдают. Во что же тогда обходится пальтишко?

Еще же, и главное, упирал В. А. на войну, что это бессмысленно — убивать людей и жить для того только, чтобы их убивать. И нет ничего в жизни против этого: семейственность разрушена, ребятишки живут хуже, куда хуже зверят.

И много всего насказал. Я же ему сказал, что все горе нас, стариков, в памяти, что мы не можем забыть филипповский калач.

— В три копейки! — подхватил В. А., — а другой, большой, в пять копеек.

И пошло, и пошло о старом времени, когда за 5 коп. в харчевне можно было хорошо пообедать, когда люди на улице не толпились и всем хватало.

До того я наслушался В. А., что потом в машине стал жалиться Пете: что ведь мы, тощие и голодные, должны три года, как говорят англичане, воевать. Ну, нам, старикам, умирать, а как вам?

Мой вопрос, обращенный к Пете, ужасно не понравился Яловецкому, и после моих слов о безнадежном будущем для молодых людей [он] сказал из глубины машины:

— Никто, как Бог!

Лес завален снегом, зима. Но дрозды все еще трещали на рябине и будут трещать и не улетят в теплые края, пока есть рябина в лесу.

30 Ноября. Опять оттепель. Ездили искать собак. Нашли.

Живая пыль. На ветру пахло дегтем: обжигали уголь. И я подумал, — это от мельчайших угольных пылинок следы наши вскоре становились серыми. Но когда я ставил ногу на полследа, то почему-то не половина следа белела, а весь старый след становился белым. — Пыль ли это? — подумалось, и я наклонился и рассмотрел: оказалось, каждая пылинка была живая и прыгала. Вот отчего след и делался белым: пыль, когда я ставил ногу на след, прыгала в сторону, это была живая пыль.

Сеял ли ветер на снегу, снимая живую пыль с коры деревьев, или в оттепель живая пыль рождалась тут же из рассеянных по снегу яичек, мы не могли сказать (были еще там и паучки, и вообще надо почитать о жизни на весеннем снегу или в оттепель).

Летучки. Чечетки, а может быть, другие какие-то птички многими сотнями щекотали носиками березы, одно семечко съедят и сто нетронутых летучек пускают по ветру, и снег от них покрывается сеткой. Сколько слоев этих семян распределится к весне в зимнем снегу, сколько их помчат куда-то весенние воды. Так сеет ветер, но и птицы помогают ветру, и вода, в особенности вода!

Погода и зайцы. Русак лег под метелицу, и след его вскоре был занесен. Это вышло не случайно, а заяц это предвидел особым чувством, которым он чует погоду.

Вчера все зайцы ложились на полянах, потому что в лесу капало и снег валился с веток. Сегодня в поле нет вовсе следов. И зайцам сегодня незачем ложиться в полях и открывать свой след. За вчерашний день снег сверху слетел, под елками обтаяло, показалась брусничка зеленая. И зайцы все легли под широкими елками и в зеленой брусничке спрятали свои следы.

Каждое живое существо, ночуя в лесу, чует погоду, потому что бывает все целиком связано с нею, с ветром, теплым дождем, снегом. Мы сами, когда ночуем на открытом воздухе, живем по-иному, чем в комнате.

С трудом разглядели на снегу растопыренные пальчики от лап белок.

Ночью было не больше каких-нибудь двух градусов мороза, а утром небо снова закрылось одеялом, земля под покрышкой успела надышать и вернула тепло. Но даже и чуть ли [не] пять градусов тепла не могли скоро осилить тончайшую корочку на снегу, сделанную ночью морозом. По этой корочке звери перед утром прошли на место лежки, не оставляя следов. И вот поляна, обычно, как небо звездами, усеянная следами, теперь была пуста, и казалось, будто звери почему-то эту ночь пролежали и не выходили. А они все были тут: следы ложились поверх снега.

Если бы погода каждый день была бы одинаковая, то у зайцев, как у <*зачеркнуто:* людей> лисиц, барсуков, было бы постоянное жилище. Но зайцу надо скрывать свои следы, и потому он вынужден следить за погодой и в полной зависимости от нее в каждый заутренний час переменяет место своей вчерашней лежки.

<u>Камень</u>. Осенью в лесном ручье почти не осталось воды, и береговые деревья своими корнями повисли в воздухе. Внизу под одной черной ольшиной лежал огромный обточенный водой камень. Я сел на него и, прислонившись спиною к корню ольшины, замер. Тогда послышался легкий музыкальный лепет и показался маленький питающий лесной ручей, родничок вовсе не замерзающий. (Следы зверей возле родничка.)

<u>Бирюзовое окошко</u>. Все небо серое было, но за березками на поляне открылось бирюзовое окошко, перекрытое струйками облачков такого цвета, какого и назвать нельзя — потому что есть цвета небывалые, раз придет, покажется и больше никогда не вернется. Но подходящий [этому] цвет на бирюзе голубой был цвет между лимонным и апельсинным. Через это бирюзовое окошко в лес проник солнечный луч, и березки обрадовались, и открылись белые [с] черным веточки и [замерли] на бирюзе. Прилетели чечетки и начали щекотать березки, выбирая себе в летучках... (см. выше).

Война и любовь. Есть почти у каждого у душе неясная сила, направленная против войны. Хочется назвать ее любовью к жизни, но нельзя назвать вслух: назовешь про себя — ничего, назовешь другому — и сразу учуешь, он тебя не понимает и это не совсем то. Это особое чувство, и у каждого оно свое, и чтобы назвать его, нужно каждому создать свое личное слово. Но, встречаясь между собой, люди, как будто их застали врасплох, — не могут найти это слово и тем выразить свое чувство жизни другому. Если же назовут это любовью или миром, то ничего не выходит, напротив, у каждого в душе встает война как нечто непреодолимое извечно.

Мир. Когда на небольшой лесной полянке, окруженной теснотой темных елей, медленно, крупными частыми хлопьями падает снег, я прислушиваюсь, затаив дыхание, чтобы услышать шелест снежинок между собой и с деревьями. Но слух у меня для этого не так тонок, я не слышу, но догадываюсь, что снежинки шепчут о том, что мы на своем языке называем любовью.

Любовь. Любовь потому нельзя противопоставить войне, что война требует жертвы, а любовью прикрывается эгоистическое сопротивление жертвовать собою. И так много любовью прикрывается эгоистов, что даже и тот, кто произносит слово «Любовь» не ради себя и готов собой жертвовать во всякую минуту, — все равно слывет между людьми как эгоист. Вероятно, должно прийти время, когда накопится такая сила любви, что станет очевидным искреннее желание каждого, произносящего слово «Любовь», жертвовать собою для счастья ближнего.

Сегодня в 8 утра наши войска перешли финскую границу. По радио ругали правительство Финляндии, называя то шутами гороховыми, то свиными рылами.

1 Декабря. Тоже оттепель с ночными заморозками. На полях пестрота, Сорочье Царство.

Наши громят Финляндию («псов оголтелых и шутов гороховых»).

Павловна говорит упорно, что теперь богатые крестьяне так не живут, как жили самые бедные.

— Вот, — говорит, — к примеру, наша семья нуждалась из-за отца: болел отец, мать одна не справлялась. А когда подросли мы, переменяли весь холст на надел, и хлеба стало довольно.

— Только что хлеба.

— Нет, мы еще песенки пели.

— А теперь радио.

— Что радио! мы сами пели!

Так оказывалось из ее слов, что потеряна «самость», а без этого жизни и быть не может у людей.

У финнов, кажется, революция.

Когда убегает правительство и высшие классы, то это ведь так немного людей в отношении ко всем остающимся «простым» людям. И если стать за многих простых, — это даст силу ту самую, которой боятся все на свете. И эта сила у нас.

3 Декабря. Прочитал совет одного простого священника в ответ на мудрость Флоренского, совет ищущему Бога: надеть на себя крестик, и этот крестик сам укажет дальнейший путь. Вот и все. Тем устраняется самое трудное препятствие ищущего, найти мудрого наставника и, главное, самому поверить в «мудрость».

От крестика перешел к тому, что ежедневно говорят по радио дикторы: о собраниях рабочих и постановлениях, столь трафаретных, что голова кружится от усталости слушать. Нам кажется такое несоответствие внутреннего человека с тем, что он говорит и делает, пустотой, никчемностью. На деле же ты голосуешь и тем самым все равно как с крестиком: крестик только надеть, и он сам приведет; и голос только подай, пусть без всякого согласия с внутренним человеком, и все сделается само собой.

Вот в этом-то и состоит наш спор: мы, интеллигенты, кустари и т. п., мы думаем о внутреннем человеке (с Ангелом-

хранителем), а государству нет никакого дела до внутреннего.

В «Мазая»:
Ариша: — Ты крещеный?
— Купали.
— А крест носишь?
— Помню, болтался крестик, давно потерял.
— Ты бы надел.
— Совестно как-то, к чему? Я же не верю.
— Брось, ты только надень, а крестик сам приведет тебя к Богу, и человеком будешь.
— <*Зачеркнуто:* Не верю.> Зачем это, Ариша? я же и есть, какой-никакой, человек: есть и умишко свой, и силенки.

Вчера заключение договора с новой Финляндией, все событие как замечательный исторический пример об-мана: чем живет ежедневно «простой» человек? добыванием средств существования, и на этом игра: крестьянину кусок земли от помещика, рабочему 8-часовой день. После-то окажется, что не в кусочке земли дело и не в часах работы, что в этом «мане» нет ничего: об-ман. Но через обман голос отдан (крестик надет), и дальше пойдет все само собой и как ты и вообразить даже не мог себе.

Вспоминаю, 90-летнюю старуху сняли с печки, неграмотную, больную, и отвезли в избирательный участок и там велели ей опустить готовый конверт. С какой-то точки зрения внутреннего человека бессмысленно, а с какой-то полно смысла (т. е. что своя воля, свое сознание уничтожено: ведь все старухи опустили голоса, и тем стало, что нет этой старухи, а есть все: эта переделалась во все).

А не то ли самое делает церковь, когда крестит младенцев: перед крещеным закрыт путь своеволия.

Евреи, наверно, хорошо понимают силу этого, и, как всякую силу, они ее используют. Очень возможно, что нами в этом смысле действительно правят евреи, и это они присоединяют русский народ к общественности, к государству, и они вправе этим гордиться (в деле освобождения обще-

ства от влияния внутреннего человека). NB. Только ведь наличие внутреннего человека дает возможность делать глупое дело, работать физически: «дураков работа любит».

Стала машина, и возле нее первобытный костер: шоферы вулканизируют камеру.

Был Вальбе. Евреи Гитлера ненавидят по существу: за зигфридство. Подозреваю, что в Англии действуют тоже евреи. А Вильгельм II был тоже романтиком: тоже, как Гитлер, наполнялся победным сознанием, современное дон-кихотство. И против этого еврей: марксизм — это еврейство, и капитализм — тоже еврейство: такая разница! а то и другое стоит против Гитлера.

4 Декабря. За ночь снегу насыпало. Сегодня после обеда еду в Загорск.

Вальбе до того восхищен своими евреями, что вгорячах и со мной говорит, будто я тоже еврей: — А марксизм! — восклицает он, — ведь это наш народ сделал!

Вальбе и Цветков — это представители двух борющихся между собой миросозерцаний, Цветков с «героем», Вальбе же верит, что если собрать все пустяки жизни и организовать их, то количество перейдет в качество непобедимой силы.

Еще ярче и безнадежнее выступает на фоне «пустяков» личность Гитлера.

Он так смотрит на все, что все на свете имеет две стороны и каждая сторона имеет еще две стороны, правильную и неправильную. Так что чаша весов всегда и во всем стояла в равновесии, и вопрос о том, на какую стать сторону, что выбрать, решается тем, что мне самому сейчас выгодней, решается разумно и практически. Это не есть английско-еврейское миропонимание. Напротив, германо-гитлеровское, христианское, это вера в то, что стороны абсолютно правильны и абсолютно неправильны. И ты, человек, должен знать, какая сторона правильная и какая неправильная, и ты должен стать за правду и биться со злом — неправдой.

Если бы нечто (что?) из себя выбросить, то я бы достиг, но это нечто мешает, и это нечто определяет расхождение путей евреев и христиан, Англии и Гитлера и т. д.

«Нечто», стоящее на пути к ясному уразумению и практическому приспособлению, даже, напр., женитьбы.

Люди хороши бывают, когда едут куда-нибудь среди незнакомых: едут непременно к кому-нибудь своему и в ожидании встречи со своими сейчас думают про себя. Тогда, вглядываясь в того, другого, третьего, чувствуешь эту всеобщую связь, Всего-человека, и вспоминаешь родных хороших людей, которые через утрату своего личного «счастья» поняли счастье связи со всем-человеком и с каждым живым существом в природе. Так вот сегодня Аксюша принесла живых карпов, наполнила ванну водой, пустила, и когда карпы поплыли, она воскликнула: — Милые мои!

А если и нет своего человека, то у каждого же есть свой угол, свои любимые вещи, свои животные...

Так и у всех этих животных тоже ведь есть своя норка и в крайнем случае хотя бы возможность найти норку и сделать своей хотя бы на одну только ночь — для дневных, или на один день — для ночных. Но если даже и возможность сделать норку утрачена, то... вот у людей, самых хороших, это есть: они начинают служить Всему-человеку. Но животное лишено этого, животное должно плыть, пока хватит сил. Только все-таки и у животного является начало тревоги, глядишь на него в это время, и оно глядит на тебя, и кажется, вот еще бы чуть-чуть, и оно поймет и выдавит из себя слово или хотя бы какой-нибудь звук навстречу... (Лоси заревели, и я сам заревел.)

5 Декабря. Оттепель. Следов столько, что трудно было зайца поднять, а гонять еще труднее. Охота была скучная. В голове крутятся сообщения по радио о вызове СССР в Лигу Наций, о споре «все куплю» и «все возьму».

Если быть самому современным человеком, принимать близко к самому сердцу мировые события и быть ими наполненным, то не окажется на земле такого места, где бы не было отзвуков местной жизни... Мало того! самое движение жизни в природе иначе нам представляется, и борьба стихийных сил постоянно вызывает мысли о борьбе в челове-

ческом обществе. Довольно посмотреть утром на столб с [надписью] «Большая Волга».

Глаза гуляют, как у бешеной бабы.

Сколько птиц всю-то зиму кормится березовыми почками, а придет весна, опять зеленеют березки и так густо одеваются, что та же птица сядет в листву на веточке, и ты ее не заметишь.

Забойные дожди.

8 Декабря. Визит Цветкова, человека всезнающего. Боюсь его формальной (рациональной) любви и скрытой злобы. Долго после него не можешь отделаться от неопределенно тяжелого чувства.

Опять ночью застаешь себя на мысли о смерти, хочется самому своей волей уйти из этого мира. Против этой увлекающей мысли я ставлю решение: в критический момент повесить себе на шею крест, — тоже смерть, но не скотская, а человеческая. И крестик уже заготовлен, Аксюша купила за рубль (раньше стоил копейку).

10 Декабря. Цветков знал, что говорил о возможности разрыва с Германией. Сегодня в 7 утра по радио известие о германских пушках в Финляндии.

Мысль о Пятнице в отношениях его с Робинзоном: что стрела отравленная направлена в доверие. — Но как оправдать доверие? — Только в разуме, так что доверие должно быть, но ни в каком случае оно не должно быть слепым.

Загорск.
Дождь. Вечером снег и мороз. (Переворот.)

11 Декабря. –10°. Едем в Дворики.
Лисицу гоняли и зайца весь день.

12 Декабря. Право человека 1) «быть как все» и право человека 2) «быть самим собой» = 1) «Пролетарии, соединяйтесь». 2) Познай самого себя.

Хулиган an sich selbst* (тип, встреченный мною и Петей): хохочет при всяком явном признаке в человеке интеллигента: шляпа, борода à la Karl Marks, толстая рукопись, даже книга.

Яловецкий все свое отдал: по природе натуралист — стал юристом, жена и дочь едят его поедом, [никаких] политически-государств[енных] взглядов не имеет и одно право оставляет за собой — охотиться.

Доверенность получить мой членский билет Литфонда.
Доверенность вести мои судебные дела по иску «Заготиздата» и расторжению договора от 28 дек. 38 года.
В правление Литфонда.

13 Декабря. Москва. Мороз −10. «Мазай» под судом. Мысли о непобедимости Союза ССР.

Не напечатали. Материал не прислали.

14 Декабря. Теплеет, но ветер несносный. Летит пороша. Я опять застрял в Москве.

16 Декабря. Меня судят в Москве, а я спозаранку в Загорск, и тут холодом, голодом, злобным шипением так доехала Павловна, что лучше уж бы и на суд.

Из Мамина («Хлеб»): «При достатке и вор не ворует». — «Кислая шерсть!»

Какой-нибудь месяц пройдет, оглянешься на себя и подумаешь, каким же месяц тому назад я был дураком. Вот как теперь быстро жизнь идет, и как быстро люди умнеют.

Если война затянется, то она сделается всем нам как война за будущее, которое мы уже не увидим.

И так вот в тоске рождается такое холодное чувство к этой войне, к этой мировой революции: сам-то будешь умирать ведь не за это же, не твое это, не участвуешь ты в этом, и тому, чему надо быть, оно само придет в будущем.

---

* an sich selbst (*нем.*) — сам по себе.

Когда мы осмотрели с Мазаем на речке, сколько лоси обрушили ледяной нависи, подсчитали приблизительно, сколько прошло из леса лосей через речку, то некрасовский Мазай, как спаситель зайцев...

18 Декабря. Москва. Ночь.

Будущее всегда принудительно, всегда человек «не сам». Только в настоящем действует «сам», и если бывает Сам в будущем, то лишь в том случае, если он Будущее сделает своим настоящим и станет жить как Дон Кихот. (Санчо Панса тогда выделяется из него как его Настоящее.) Точно так же бывает комично, если кто-нибудь из настоящего перекинется в Прошлое и будет его утверждать как настоящее (7-линейная лампа).

Евгений («Медный всадник») – это «сам-человек», и Пролетарий должен быть «сам-человек». В нынешней войне никто не «Сам», и больше всех «не-Сам» тот, кто организовался (в СССР) в Единство против Войны за Настоящее, за «я – человек».

Нет большего противоречия, нет более сильного парадокса, как утверждение, что СССР воюет за мир.

В войне антиморальна не драка, а принципиальное обоснование драки, сознательность, приводящая к удушливому газу, т. е. путь добрых намерений в ад.

19 Декабря. В жизни бремя свое не минуешь, но одно бремя – это живешь хорошо и вдруг ни за что ни про что попал в капкан, и считай, что вся жизнь была бессмыслицей. Другое бремя – это когда вперед человек о нем знал и ждал его как неминучее, как естественный налог на живого человека в пользу будущего Всего-человека.

Вот это в моем сознании всегда было, я всегда говорил себе как бы, что «принимаю, но все-таки жить хорошо».

Смерть – это налог на живого человека в пользу будущей жизни.

Смысл моей этой работы в том, что Слово (песня) человека священно, что всё – человек (хочешь, смотри туда,

в природу, хочешь — в человека, то и другое есть одно и то же, как в зеркале).

Был у Бонча, в литературном склепе.

20 Декабря. Проговорил «Весну» «Пионеру».

Все эти ферты в кепях до крайности самолюбивы, попробуйте чуть задеть его на ходу, и он так окрысится, что куда тут старая добрая гвардейская честь!

21 Декабря. Сталинский день. Государственный автомат славил.

22 Декабря. Читаю «Хлеб». Мамин вызвал во мне понимание поступка Клычкова в столовой и почему купцы были жестоки к детям (создавали их «будущее»). И еще необходимость экономическая быть жестоким и что капитализм в пространстве (заполнить весь мир своей породой, как осина) и во времени (взять все будущее).

Природа создает простейшие средства, и кто близок к природе, создает тоже просто, как Лев Толстой. Чем скупей описание, чем меньше слов, тем сильнее ландшафт. Лучше всего бы даже молчать... («Бойцы».)

Слава Сталина создается автоматически, желай он этого или не желай. Она складывается из желания каждого жить, и каждый спешит послать приветствие Сталину, чтобы здесь ему можно было жить увереннее. Каждый как бы привешивается к флагу, мотается, как флаг, и благодаря множеству (один — немного, но все...) получается сила. Из жажды жизни чисто животной — есть, спать, рожать — и создается эта сила.

Тургеневский пейзаж как явление либерализма (надув губки): мелькающие ляжки.

23 Декабря. Вчера закончил материал для Февраля.

Великим постом Ариша постилась, а по средам и пятницам не ела и рыбного и даже не смела, как повариха, попробовать. И непременно так было у нас, что по средам и пят-

ницам наша уха была недосолена или пересолена. Никогда мы себе не позволяли по этому случаю выражать неудовольствие или пошутить над Аришей. Но случилось, мы забросили радио и долго не проверяли дни и часы, а когда проверили, то оказалось, что мы считали на один день больше, и значит, Ариша по средам и пятницам ела скоромное, а по скоромным дням постное <*приписка:* не по средам и пятницам постилась, а по четвергам и субботам>.

25 декабря. Солнцеворот. Св. Разумник и Спиридон.

Разумник в Загорске.

Архив (100 тыс.) не продает — это будущее: живет будущим (в этом и есть его ens realissimus).

В нашу Японскую войну был за японцев, в нашу Германскую (14 г.) за немцев и теперь сочувствует англичанам.

И я с ним точно в таком же споре, как в 1917 году: при царе я был за победу царя, при Сталине — за Сталина. <*Зачеркнуто:* Я за победителя.>

Есть ум природный, «инстинкт», «как всё» в мире.

Второй ум по людям.

И третий Сам-человек, который творец и по-своему: познай себя самого.

Итак:

1) Задний ум (природа).
2) Общий ум (человек).
3) Свой ум (Сам-человек).

Ничего человек не забывает, и когда любуется деревом или растением, это он вспоминает себя же. Люди ведь не живут так, как вся природа...

Ящерицы
Муравьи
Еж
Филин

Родина. (Этим способом — на родину, на привычку — и человека ловят. — Кто ловит? — Есть такие. Не все же вперед бежать, захочется отдохнуть, и как на родину — тут тебе и ловушка).

28 Декабря. Пишу о доме на колесах, пишу, убиваюсь, умереть готов, лишь бы написать «Неодетую весну», а самый «дом» комиссариат заготовок пытается отобрать, и как нахально: подали кассацию. Будь бы, главное, борьба, настоящие враги, а то просто глупость, идиотизм полнейший... И вот тоска, тоска грызет в 67 лет пуще, чем в юности.

29 Декабря. Вчера были Удинцев, Попов и Клавдия Борисовна. Было приятно, весело, тоску как рукой сняло. Значит, тоска от безлюдья, а не от чего-нибудь в животе.

Был «прикрепленный» ко мне лейтенант Докучаев.

30 Декабря. В магазинах нет ничего, даже сахару, десятки тысяч людей простаивают дни и ночи в очередях: каждому хочется достать что-нибудь к празднику, и хоть нет ничего, но надеются, что «выкинут». И все объясняется тем, что в Январе будут цены очень повышены и товары сейчас по «дешевым» ценам не пускают.

Всякая власть во все времена держалась обещанием (на векселях). Сейчас у нас облигации на счастливую жизнь здесь на земле и для всех трудящихся. Подумать только: ведь здесь, на земле и для всех, и то всё не терпится. А ведь раньше когда-то довольствовались даже векселем на загробную счастливую жизнь, и то не для всех, а лишь для овец (под «козлами» разумели, наверно, не верующих векселям). И если чающие будут и впредь всё повышать и повышать свои требования, то до чего же это дойдет в конце-то концов.

Не знаю даже фамилии этой женщины, но она так наполнила, обвернула меня кругом своим влиянием... — знает ли она сама об этом? Мне кажется, тут началось с первого взгляда что-то: друг на друга взглянули, и пошло «по воздуху».

31 Декабря. Все мое писательство в совокупности есть любовная песнь с единым смыслом всей поющей весенней природы: «Приди!»

В этом неумирающая сила поэзии всей и моей поэзии как яркий пример Всего.

Эту песнь, этот смысл и надо выразить в «Неодетой весне» (начиная с этого сна о «волшебной игле»: и чувствовал себя как Зигфрид, кующий меч). После «иглы» последует 1-я песнь — это трель дятла. (С этой иглы начнется непрерывный подъем к песне с действенным повторением участвующих в созидании лиц, существ, красок и т. п., напр., волшебной иглы, дятла, лосей, муравьев и ящериц...)

NB. Все, что я сейчас почувствовал, явилось через эту женщину, и эта женщина пришла только потому, что я сам вызвал ее своей песнью. «Жизнь Пришвина» в образе примусной иглы: т. е. игла представляется невозможной в действительности, но «Зигфрид» осуществляет чудо (единственное оправдание действия в его конечном звене: «акт» = счастье; отсюда роман со счастливым концом должен начинаться Смертью (родителей) и кончаться победой рождающей любви).

Вопрос: какая русская народная песня отвечает моей песни о «Приди!»?

Нельзя более обозлить народ, как у нас обозлили под этот Новый год: десятки тысяч жен рабочих стояли в очередях, дожидаясь продуктов, которые в свою очередь дожидались повышенных цен. И все-таки от непрерывных передач по радио о счастливейшей в мире стране никого не взорвало, никто не разбил ни одного стекла, не взломал ни одного ларя. И каждый по своему достатку, терпению, хитрости устроил себе праздник в своей норке.

Какие-то червивые мальчишки с серыми острыми лицами шныряли и, задевая друг друга, самолюбиво крысились и ругались непотребными словами.

О, как же опошлено это французское: «Ищите женщину!» А между тем этим сказано, что в глубине всего искусства только женщина и если нет ее, то нет и самого искусства, нет поэзии и только «проза».

Женщина — это очаг искусства, и чем дальше отходит артист от очага, тем [призрачней]...

Есть очаг искусства, который нельзя назвать своим именем без риска дать повод пошлякам глумиться над поэзией, музыкой и всяким искусством. Все музы опошлены, но священный очаг продолжает гореть и в наше время, как горел он с незапамятных времен истории человека на земле. И поэт умно сделает, если будет называть словом своим не самый очаг, а освещенные им предметы.

КОММЕНТАРИИ

В 1938—1939 гг. в дневнике Михаила Пришвина воссоздается жизнь России в предвоенные годы — сложный, полный противоречий, компромиссов, дипломатических нот, военных действий, закулисных встреч и переговоров, пактов и слухов период, когда о происходящем на самом деле можно было только догадываться, а о подлинных причинах и мотивах тех или иных событий с достоверностью не мог ничего сказать никто. Целый пласт размышлений по поводу отношений с Англией, Францией, Германией, Польшей, Румынией, Финляндией, прибалтийскими странами с постепенным переходом от мимолетной надежды, что угроза войны минует, к уверенности, что война неизбежна, составляет в эти годы существенную часть дневника писателя. Также в течение 1938—1939 гг. одна за другой появляются записи, связанные с судьбой Германии, фашизмом, личностью Гитлера и его ролью в мировой истории. Безусловно, постоянный интерес писателя к этой теме определяется политической ситуацией в мире, но не в последнюю очередь его особым отношением к Германии. В 1902 г. Пришвин закончил Лейпцигский университет: связь с немецкой культурной традицией органична для писателя, глубокий интерес к немецкой культуре (философии, музыке, литературе) решающим образом повлиял на его мировоззрение («*Откуда это взялось, что чувствую в себе Гитлера? Не от моего ли помешательства на Вагнере (43 раза Тангейзера!) Но тогда почему такая тяга к Вагнеру?*»)

Германия — страна, которую Пришвин со студенческих лет хорошо знает и любит, которую он, возможно, несколько романтизирует, но, пожалуй, все-таки в допустимых пределах, поскольку трезвость взгляда и чувство правды редко когда ему изменяли («*...сколько там в Германии всего, за что рядовой немец может уцепиться мечтой: ведь как густо живут, немец на немце, и в прошлом рыцари, поэты, философы, рыцарь на рыцаре, ученый на ученом. И так у них Германия — это реальность, кругом, везде и всюду, в прошлом, настоящем и будущем — всё Германия. И пусть сам с ноготок, от земли не видно, а каждый захочет и раздуется в Гитлера*»). В течение всей жизни писателя Германия по разным поводам возникает в его дневнике как культурный фон, точка отсчета в размышлениях о России («*31 Августа 1930. ...я подумал, что вот немцы тоже только по одному тому, что умеют отлично работать, гораздо ближе к социализму (который есть осуществление творческого труда), чем мы — социалисты на словах*» Дневники. 1930—1931. С. 203) .

В конце 30-х гг., в канун новой войны, Пришвин понимает, что расстановка сил в Первой мировой войне роковым образом определила историческую судьбу России («*Так с 1914 года по 1939 совершил наш народ трудный путь из-за политической ошибки царя: четверть века неописуемых терзаний всего народа за эту ошибку царя воевать против Германии! И вот почему я предсказываю: союз с Германией вопреки всякой идеологии сделается очень прочным, длительным и переделает весь мир*»). С одной стороны, ему кажется, что нынешний союз с Германией может быть спасительным («*В лице Гитлера наконец-то революция приобретает своего героя, становится сразу понятной вся современная борьба народов за свое освобождение*»). С другой стороны, он слышит фальшь в словах Гитлера и сомневается в его истинных целях («*До крайности смутил спор Польши с Литвой: ясно, что тоже немцы орудуют. Главное, что все как по писаному разыгрывается*»; «*Первоначальная наивная моя прогерманская ориентация повисла в воздухе. Теперь становится ясным, какую опасную игру затеял Гитлер между капитализмом и коммунизмом: ему, конечно, надо сначала победить английский капитализм, а потом и русский коммунизм*»). Мирный договор не добавляет ясности, и иллюзии быстро рассеиваются («*Общее, всенародное отношение к миру с Германией недоверчивое, все думают о хитрости, одни с нашей стороны, другие с немецкой*»). Пришвин понимает одноприродность советской и немецкой государственной машины, предельно умаляющей роль народа, чувствует стилистическое сходство сталинской культуры и культуры нацистской Германии: и здесь и там центром оказывается выдавленный из массы сверхчеловек, стахановец, герой, готовый «умереть за...» («*каждого (не всякого) можно так настроить, что за большое дело он готов умереть. И всегда говорят: "умереть за...", а не "жить за..."*»; «*и у них и у нас есть одно и то же уязвимое место <...> это Личность человека, заменяемая стадностью*»). Условием победы Пришвин считает не военную или экономическую мощь, а морально-психологическое состояние коллективной народной души («*Чей народ дольше вытерпит свое правительство, у того и будет победа. Наш народ много терпеливей германского, и потому победа наша возможна*»). Как никогда раньше, в эти годы Пришвин со всей определенностью противопоставляет управляемую массу («стадность», «массовка») — народу, внушаемого «каждого» из этой массы — «всякому» (любому): подчиняется каждый, но не всякий, не любой («*как же пуст человек масс*»). Масса, массовое сознание определяет и задачу современного христианства, которая, как и в начале века, заключается, по Пришвину, в просвещении и образовании народа: человек масс действует бессознательно («*После завтрaго поеду смотреть некрещеное поколение (Лагерь пионеров). Мне снилось сегодня, будто уже все так живут, и христианское самосознание стало никому не понятным предрассудком, суеверием*»; «*Христианство есть процесс личного самосознания и к массам имеет отношение лишь косвенное, через действие выдающихся личностей: масса, как хлеб, прини-*

мает это от личности. И если речь идет о познании масс и управлении ими, то в массах не найдется и зерна христианства. Вот почему "некрещеные" теперь и являются силой: потому что они, как масса, не ослаблены личным сознанием. Их современность состоит в явлении массовости ("массовка")»).

Стихия воспоминаний, которая владеет Пришвиным на протяжении всей его жизни, в эти годы выталкивает на поверхность настроение, связанное с Первой мировой войной («*Так вот через 25 лет (мне тогда было 41 год) все переменилось в нашей стране, но я узнаю в себе возвращение того же самого чувства, того же волнения перед войной, как и тогда, в 1914 г. И тогда было сухо и стрекотали кузнечики, и теперь тоже курятся леса и стрекочут в множестве кузнечики*»). Тогда Пришвин в качестве корреспондента газет «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости», в которых был напечатан целый ряд его военных корреспонденций, совершил две поездки из Петербурга на фронт — осенью1914 и весной 1915 г. Теперь он обнаруживает, что опыт войны, которая разрушила все связи, так или иначе поддерживающие социальный порядок, и открыла дорогу революции, не исчез из народной памяти («*...вспомнил, что, сидя в лесу целый месяц без газет, узнал от старика дяди Васи, что Франция от нас отказалась и мы остались одни. Но он не злорадствовал, как раньше было, а тревожился: только начали жить, только детишек в школы наладили, и вот опять. "Не дай Бог, — сказал он, — опять революция, тогда уж камня на камне не останется". Так вот человек привык жить на вулкане, мало-мальски обжился, корову завел, сына женил, яблони посадил для внуков и начал радоваться даже образованности в детях*»). И Пришвин не может желать «поражения своему правительству», потому что выходит так, что из небытия рождается бытие («*У некоторых, многих есть такое же чувство в отношении к Сталину, как было при царе: убрать царя, и будет хорошо. Какие дураки были тогда мы, обыватели!*»).

Понятно, что в конце 30-х гг. расклад идеологических сил в обществе меняется: угроза войны упрощает (если не упраздняет) саму возможность выбора: Сталин или Гитлер («*если война <...> тогда, подняв все из прошлого, я должен буду стать за оборону. Я и сейчас за нее стою, но сейчас я писатель, мне это мешает*»). В таком понимании жизни Пришвин, как и почти всегда, оказывается абсолютно одиноким в своем кругу («*Разумник <...> В нашу Японскую войну был за японцев, в нашу Германскую (14 г.!) — за немцев и теперь сочувствует англичанам*»). Он «за Сталина» («*...при царе я был за победу царя, при Сталине — за Сталина*»), но это отнюдь не означает, что он переходит на сторону государства, становится государственником («*Был человек, и его от нас "взяли", как тигры в джунглях, бывает, возьмут человека: взяли без объяснения причины, и мы не знаем, где он*»; «*Жестокость ("без права переписки") власти безмерная, невозможная — это темное пятно в нашем Союзе: для народа всё, для личности — смерть*»). В течение всех послереволюционных лет Пришвин описывает в своем

дневнике новый, сложный, меняющийся мир, который на глазах постепенно наполняется противоположными друг другу смыслами: героический массовый энтузиазм и пафос социалистического строительства одной части общества — и совершенно не героическая повседневная борьба за выживание другой его части; с одной стороны, победные праздничные песни, с другой — небывалые в истории смертельные лагерные будни тысяч людей... Как все это существует одновременно, и как получилось, что идеи и мечты лучших людей России о лучшей жизни обратились против жизни как таковой — размышления на эту тему постоянно возникают в дневнике. В конце 30-х гг. Пришвин вновь пересматривает передовые идеи свободомыслящей прогрессивной интеллигенции XIX—XX вв. («*...весь скептический яд старой интеллигенции, разлагающий церковь, армию, быт "мещанский", взяло на себя теперь наше новое государство* <...> *То, чего мы раньше добивались анархически, т. е. лично, всякий на свой лад, теперь того же самого добиваемся мы организованно и при поддержке больших разрушительных механизмов*»). Государство, по Пришвину, как раньше, так и сейчас противостоит обществу — всему человеческому, гуманному, этическому — оно несет смерть («*В этом государственном коммунизме нет и зерна человеческого. Если спекуляция торговая осуждена, то политическая? Там: не обманешь — не продашь. Здесь: не отравишь, не убьешь — и не возьмешь*»). Невозможно жить по закону джунглей в ожидании смерти. Пришвин понимает, что все дело именно в самом государстве, в системе, в необъяснимой бессмысленной организации тотального уничтожения человека («*...в том-то и дело, что не видно* <...> *из-за чего же все эти жертвы людьми* <...> *взять производство, при устранении вредителей не улучшается, остается без перемен* <...> *система виновата, а не исполнители* <...> *и там* <...> *в самом главном, обороне страны, то же самое вредительство: устранение людей без улучшения в деле*»). Нет точки зрения, нет места, где человек может быть абсолютно честным перед самим собой, но, кажется, Пришвин находит себе такое место — там, где он, в общем-то, пребывал всегда: на стороне «старика дяди Васи». «Дядя Вася» по-житейски выбирает хотя бы «мало-мальски» налаженную жизнь — а с точки зрения революции он, безусловно, враг («*Как явно, что простое, естественное желание человека жить хорошо и радоваться жизни действует против революции, и революционер такого гражданина называет обывателем*»).

Как и в прежние годы, на пределе переживания к Пришвину приходят сны, в которых реальное и ирреальное смешивается, взаимопроникает одно в другое. Поэтика подобных сновидений всегда связана у него с образами ужаса, бессилия, разрушения. В иррациональной форме сновидений, которые он всегда записывает и которые становятся художественным переосмыслением реальности, обнажается глубина переживания и подчас открывается скрытый смысл («*Как это ужасно, жить, ничего не зная. Снилось мне, будто от врагов я залез в какую-то белую скользкую узкую кишку и быстро по ней продвинулся,*

но потом оказалось, кишка эта впереди была затянута, и в ней не было воздуха, а назад и повернуться нельзя, и там враг; я тогда начал задыхаться и проснулся. И стал думать о том, что Христос, какой бы он ни был, церковный или духовный, как идея есть лучшее, что выжало из себя человечество на своем бедственном пути. И что в конце, если я возьмусь, то с Христом в кишку меня не загонят»). В сновидении душа писателя, лишенная всего субъективного, личного соединяется с народной трагедией и судьбой. Так происходит и в «кошмарном сне» 1938 г., в котором где-то внизу режут человека, а по лежащим вокруг людям и по нему самому, ничего не боясь, «*в своем страшном праве перебегают большие крысы <...> в своих крысиных правах, имеющих силу перед правами человека*». Сам он перед ними оказывается бессильным и бесправным («*и глянула страшно, готовая броситься и <...> сделать <...> что только ей захочется*»). Сон выдает психологическое состояние Пришвина — с его репутацией благополучного человека, со слабостями и болезнями, личными проблемами и одиночеством, с уязвленным писательским самолюбием и читательским признанием, с его охотой, машиной и фотографией — который на страницах дневника отрывает от себя очередную захваченную Германией страну как что-то самое дорогое («*Моя "Абиссиния"*») и на этих же страницах разоблачает гибельную связь идейности и насилия, уходящую корнями в культуру романтизма («*И Бранд вел людей к невозможному... (Ибсен). И все насильники непременно <u>идейные</u> (и Гитлер, и Ленин), и в их идеях счастье в будущем, а в настоящем <u>смерть</u>*»). Как всегда в крайних ситуациях, Пришвин находит нравственную опору у Розанова («*...война и всё для войны; а кто-то должен думать, жить, устраивать всё, как будто вовсе не будет войны. И так она, "египетская" (по Розанову) жизнь (священная) совершается, осуществляется пусть даже в последней секунде своей как священная и, самое главное, названная презренно "сверху" обывательством, мещанством*»).

Тридцать лет тому назад, в июне 1917 г., Михаил Пришвин резко и недвусмысленно противопоставил друг другу тогда еще только грядущую революцию и жизнь («*15 Июня 1917. Вы создали контроль Советов и Съезда Советов над нашей пищей. Но поверьте, что над духом моим не вам, пролетарии, создать контроль. Вот теперь <...> неграмотные мужики торжествуют, что я должен сам пахать землю и есть не более двух фунтов в день черного хлеба. А я этим счастлив, и все мое горе в том, что их, разнузданных земными посулами, не могу приобщить в свой духовный совет и, материально приближенный к ним теперь вплотную, духовно дальше, чем в злейшее время царизма. И я говорю вам последнее слово <...> Не буржуазия, которой вы так боитесь, погубит вас, не люди прошлого, земледельцы. Вас погубит Солнце, Ветер, Дурная муха и Сухорос. Вас погубит та сила природы, которая называется Мудростью. После вашего царства вырвется наружу с великой силой стремление человека к свободе*»: Дневники. 1914—1917. С. 443).

В первые послереволюционные годы в дневнике обсуждается социальная катастрофа, которая обрушила всё и вся — эстетические установки, этические нормы, понятия о красоте, добре и зле — и привела к уничтожению всех форм материальной и духовной жизни. Однако уже в 1920-е гг. становится очевидным, что Пришвин обретает собственную, более сложную точку зрения на происходящее, не навязанную историей, которая оставляла только две возможности, недостаточные для писателя: быть «за» или «против». Пришвин не идет на компромисс с властью, не уходит от реальных проблем современности и от необходимости морального выбора, а, напротив, совершает его («*7 Сентября 1923. Я художник, а это значит, что я служу тому человеку, кто молился: "Да минует меня чаша сия". Я призван, как цвет, украсить путь для отдыха, чтобы страждущие забыли свой крест... мои кровавые слезы текут по лицу, но они пусть радуются, своим тайным страданием я творю им здоровье, счастье и радость*»: Дневники. 1923—1925. С. 36). Образ художника уподобляется Христу: освобождая художника от «плена времени», Пришвин определяет задачу писателя. Опираясь на попранную историей христианскую традицию, он противопоставляет ситуации социального срыва в обществе, разрушающего человеческую жизнь вплоть до уничтожения (смерти), те простые ценности, которые эту жизнь восстанавливают, — «здоровье, счастье и радость». Так в 20-е гг. Пришвин начинает борьбу против разрушения, которое еще только набирает силу, против отрицания всего и вся, которое тоже еще только овладевает миром. При этом он осознает трагический аспект положения художника во все времена: его связь с миром не прямая, а опосредованная художественным творчеством, свидетельствующим о его личности, о призвании, о праве на свободу. Чтобы сохранить свое Слово в новом времени, за все это нужно ежедневно бороться, поскольку именно призвание, творчество, личность и свобода выводятся за скобки исторического времени («*Мои соседи по месту — это одни существа, и мои соседи во времени — другие. Время — это как свобода, место — как необходимость. Прошлое по месту — могила, по времени — музей*»). Во времени с ним рядом Шекспир, Пушкин, Толстой, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Вэша Куоннезин (Серая Сова), Хаксли, Розанов, Горький, Ницше, Ибсен, Блок, Сологуб и др. С соседями же по месту было подчас невыносимо («*Слушал речь Фадеева на курсах писателей РСФСР, и от пустоты слов, повторяемых неумным и плохо образованным человеком и очень плохим оратором, стало пусто в себе до того, что прямо после речи сбежал, и мне хотелось умереть*»).

Так в дневнике писателя день за днем и год за годом возникает субъективная и, может быть, именно поэтому подлинная картина эпохи, внутри которой совершается невидимая миру трагедия («*Если ты себя считаешь сыном своего русского народа, то ты должен вечно помнить, в каком зле искупался твой родной народ, сколько невинных жертв оставил он в диких лесах, на полях своих и везде. Наш долг перед*

потомством — помнить о них и до того допомнить, чтобы наше сознание получило наконец-то понимание...»).

В 1922 г., не пугаясь парадоксальности и уязвимости своих суждений, Пришвин вписывает русскую революцию в контекст религиозной истории («*6 Сентября 1922. ...социализм, будучи отрицательной, разрушительной силой, врывается в христианское сознание современного человечества. Вероятно, мы находимся накануне второго пришествия, когда Он явится во всей славе и разрешит наше ужасное недоумение или же совсем не явится и будет сдан совершенно в архив*»: Дневники. 1920—1922. С. 265), а также подчеркивает неоднозначность новой жизни («*Душа раздвоена: по самому искреннему хочется проклясть всю эту мерзость, которую называют революцией, а станешь думать, выходит из нее хорошо, да, хорошо: сонная, отвратительная Россия исчезает, появляются вокруг на улице бодрые, энергичные молодые люди*»: Там же. С. 267). «Сонная, отвратительная Россия» — образ традиционного общества, которому время поставило в России предел. Пришвин недаром в юности увлекался марксизмом: он не только умом, но и сердцем знает, как захватывает «русских мальчиков» идея освобождения своего народа («*31 Марта 1920. Если спросить себя, можно ли было жить в России с ненавистью в сердце к поработителям народа и не примкнуть к лагерю людей, создавших ее гибель слева, то скажешь, что нельзя было*»: Там же. С. 45). В течение труднейших и в бытовом, и в творческом смысле 20-х гг. в дневнике писателя снижается пафос трагедии и гибели и все больше возрастает значение простой обыденной необходимости жить («*...все провалилось — Эллада, Россия, великое отечество* <...> *казалось, нельзя жить на земле без такого отечества* <...> *но греки живут и в наше время: значит, жить можно и без Эллады*»: Дневники. 1923—1925. С. 146). Но все это не означает, что отношение писателя к революции изменилось: в начале 1900-х гг., после тюремного заключения и ссылки на родину, после студенческих лет в Германии он понял, что неспособен к «накоплению ненависти», необходимой революционеру, и развернул свою жизнь в противоположную сторону, созидания и творчества, в надежде, что окажется способен «к медленному накоплению любви» — так понимал он задачу писателя.

В 1938—1939 гг. Пришвин вновь обращается к революции, понимая, что все происходящее отнюдь не случайно, напротив — оно с неотвратимостью вытекает из самой сути революции («*Революция — это организованный политически самосуд с его обязательными жертвами, в революции "боги жаждут"*»; «*Будущее должно рождаться из настоящего и чтить в настоящем отца и мать свою. И это есть творчество жизни, а революция всегда отцеубийство, всегда отрицание*»). Миф о Сталине как великом вожде в дневнике Пришвина развенчивается — но ракурс этого развенчания оказывается довольно неожиданным и выводит проблему за рамки личности вождя («*Когда гениальный человек является и ведет за собой массы людей, то это, может*

быть, свидетельствует не так о высоте человека "гениального", как о пустоте масс, которые он ведет <...> мало-помалу стало ясно, до чего же пуст человек масс»). И в эти же годы в дневнике появляется вопрос, который, наверное, можно было бы поставить в ряд с известными русскими вопросами: «что делать?» и «кто виноват?» и на который, по Пришвину, рано или поздно с неизбежностью придется искать ответ (*«Друзья, так почему же вы живете, как заключенные и обреченные; разве победа не в ваших руках? Только захотите, и все будет по-вашему. Если же вы не можете хотеть, то не перекидывайте вашу слабость на всех»*). И, может быть, самое главное здесь — это обращение «друзья», тогда как кругом одни «враги», — и оно максимально приближает участников мысленного диалога — писателя и его читателей — друг к другу...

В течение 1930-х гг. разрыв с прежней жизнью — домом, бытом, повседневностью, традицией, универсальными нормами поведения, культурой, — можно сказать, разрыв с бытием во всех его проявлениях, который реализовала революция, все больше и больше углублялся (*«То, что сейчас деется на свете, было всегда, но только было для отдельных людей: они это видели, другие же ни о чем страшном не думали: жили-были. Теперь же это страшное, о чем отдельные люди предупреждали всегда, увидели все, и <...> рядовой человек стал перед необходимостью взять на себя то, что добровольно берет на себя герой»*). Но в то же самое время он заполнялся новым содержанием, подоплекой которого оставалась трагедия, но которое, тем не менее, свидетельствовало о жизни (*«...радуешься, когда 1-го Сентября по всей стране густой сетью идут школьники <...> Но Боже! Какой ценой это досталось, и как похожа <...> выжженная черная пустыня с чуть зеленеющими стрелками мха на нашу современную жизнь»*). Мироощущение Пришвина можно было бы определить как антинигилистическое — он уверен, что и в новой жизни, вернее, под жестким каркасом этой жизни, в этой скорлупе идет жизнь — он сам ею живет (*«...из чего же будет жизнь <u>складываться</u>? И где я живу? Ведь я живу так, будто жизнь уже складывается»*). Органичная для него антинигилистическая установка открывает новые горизонты в самой безвыходной ситуации, создает уверенность, что обман не может быть абсолютным, что *«в советской власти вечности нет»*, — а в глубине той жизни, которую невозможно уничтожить, именно вечность и заключается, даже если она является в облике незаметного полевого цветка (*«Схватила меня сегодня тоска о том, что дырка у меня в душе, треснуло что-то в ней, и туда, в щель, потекло мое время. Пробую за то схватиться, за другое, ни в чем работа не клеится, и ничто не может заклеить мою щель. И так это мне больно, что жизнь проходит невидимо, и я не знаю, куда протянуть мне руки, чтобы к чему-нибудь привеситься, к подножке, к буферу или к багажнику. И вижу уголком глаза, что стайки раковых шеек стоят, глядят на меня и прикачивают друг друга и перешептываются»*). Меньше всего похож Пришвин в подобных записях на «певца природы». В них

нет и характерного для романтизма восхищения стихийной жизнью природы, в которой человек (герой) обнаруживает отзвуки своих переживаний. У Пришвина иная природа: писатель понимает культуру как воплощение народного духа, вбирающего в себя ландшафт, он втягивает природу в культуру — в человеческую жизнь, и когда в этой жизни не на что опереться, находит реальную, ощутимую поддержку и опору в природе, утверждая, что единственно возможная форма взаимоотношений человека и природы — сотворчество. Новая культура, по Пришвину, вбирает в себя природу как равную, необходимую, спасительную силу («*"я" — сознающая себя природа: человек*»). Через записи о природе Пришвин передает читателю то понимание жизни, которым держится сам: мир зеленой природы, окружающей человека, свидетельствует о том, что жизнь пронизана смыслом («*Раковые шейки (у них свое: у меня есть подозрение, что раковые шейки между собой сговорились и прислушиваются)*»; «*Раковые шейки и всякие медоносные травы обступили меня, как будто старые, милые друзья снова вышли из прошлого*»). Все это так, и кажется, что при любом раскладе природное, интуитивное, органическое было в натуре Пришвина сильнее, чем культурное, книжное. На самом деле жизнь проходила в чаянии подлинной культуры, а путь к ней казался бесконечным — недаром же в дневнике идет напряженный культурный диалог с целым рядом творцов культуры: от Шекспира до Ницше и Розанова, от Пушкина до Блока и пр. Именно в то время, когда треснуло само бытие и надо было строить мир заново, творилась культура, и Пришвин-писатель — один из тех, кто из истории своей собственной жизни (автобиографии), уверенный в своем читателе, опираясь на природу, художественно осваивая свое время — строил культуру («*Величайшая роскошь, обеспечиваемая культурой, — это доверие к людям: среди вполне культурных людей жить можно и взрослому как ребенку*»). А в мир природы он именно так и входил — доверчиво и с детской радостью: она не обманывала.

В 1938—1939 гг. писатель продолжает вести привычный образ жизни: охота, которая по-прежнему является для него способом сохранения собственной идентичности и внутренней свободы; работа над дневником, о котором по-прежнему никто не знает, попытки участвовать в литературном процессе — печататься. И все же можно сказать, что жизнь его в конце 30-х гг. существенно меняется: в 1937 г. Пришвин получает квартиру в Москве и начинает ее обживать. В течение 1937—1939 гг. Пришвин все чаще и чаще уезжает из Загорска, где прожил с семьей десять лет, в Москву, — уезжает один, осуществляя давно назревшее расставание с женой Ефросиньей Павловной («*Прошло всего две недели, и вот окружающие меня предметы все расставились на свои места и начали играть роль в моей жизни*»).

Несмотря на то что всю свою жизнь Пришвин был охотником и путешественником, смысл жизненного пути для него всегда был связан с идеей дома, и единый образ дома вырастал прежде всего из

воспоминаний детства («*12 Марта 1919. Я видел сон, будто я в дороге, еду <...> неизвестно куда <...>и вижу я, будто нахожусь во дворе перед нашим старым домом <...> Вокруг меня все родное: вот направо от входа лимон, посаженный еще покойницей няней, вот по двору по траве-мураве тропинка к лéднику... А стекла в доме все выбиты, дом пустой, внутри, видно, разломано, как теперь. Но мне удивительно и радостно видеть все свое, родное во всех подробностях, мне сладостно впиваться чувством во всякую мелочь, всякий камешек, всякую мертвую для всех безделушку природы*»: Дневники. 1918–1919. С. 367). Пришвину чужда беспредметность мира, бездомность — он видит мир противоположным образом, именно предметно: не пустым и бесполезным, а наполненным жизнью и смыслом, связанным с его главным делом — писательством. В эпицентре этого мира находится Дом, в котором все знакомо и привычно, стоит на своих местах, связано с прошлым и будущим («*Я в своем писательстве есть человек, вернувшийся в свой дом <...> я писатель потому современный, что это мое стремление соответствует бессознательному стремлению всего народа. И <...> мое личное одухотворение машин <...> есть результат стремления к центру, к Дому*»). Сквозь идею дома Пришвин видит смысл перемен, происходящих в эти годы в стране: концептуальная неприкрепленность к дому и революционный аскетизм исчерпали себя («*Вспоминаются большевики, у которых нет дома (спят на диване): эти честные люди стали мешать своей правдой, штурмами, авралами, потребовались устойчивые люди, стал необходим для госуд[арст]ва их дом, семья, начались хорошие квартиры, автомобили, колхозная частная собственность. Люди "без дома" стали опасны, потому что это люди власти, это кустари власти*»).

Пришвин не верит в пафос «большого дела», противостоящего жизни («*Гитлер тоже оправдывается большим: "большая война". И какая-то мораль общая фашистам и большевикам: "При большом малое теряет смысл и право на бытие". Так вот и рождается "абиссинец"*»; «*если хотят оправдать какую-нибудь мерзость, говорят: "большое дело"*»). Он понимает, что «большое дело» (история) не может и не должно уничтожать частную жизнь отдельного человека. В оппозиции «бездомье–правда–штурмы–авралы–большое дело = смерть» — «дом–семья–квартиры–автомобили–колхозная собственность–малое дело = жизнь» происходит некоторый сдвиг в сторону «малого дела». И хотя это происходит потому, что государству в преддверии войны потребовались «устойчивые», а точнее, управляемые люди, — частная жизнь сама по себе, выйдя из тени, в которой она все эти годы пребывала, материализовавшись, начинает разъедать государственную утопию, незаметно подминать ее под себя. Этот процесс обозначился, и писатель поймал эту волну. Сдвинулась в сторону стрелка компаса, указывающая прямо «в светлое будущее» — совсем чуть-чуть, но все-таки сдвинулась — от культуры к природе («*То, что я в себе называл "оправданием обывателя" и "смирением", это было <...> при-*

знанием непосредственной очевидности, т. е. жизнью, противопоставленной интеллекту»). В то же самое время Пришвин определяет тех «своих», кого государство уничтожает как «честных людей» и «кустарей власти» — кустарь лично заинтересован в своем деле («*Все, кто в 17 году находил свое счастье в большом деле, все теперь или погибли в глубоком несчастии, или еле-еле живут*»), — то есть при всей относительной «честности» имеющих власть в такое-то время и здесь уничтожают лучших. У Пришвина есть основания так думать. В его архиве хранилось несколько писем Н. И. Бухарина («*Нашел — наконец-то — письма Бухарина, прочел их, и оказалось, он тогда был прав и написал их как исключительно хороший человек. Надо было уничтожить письма, но мне стало неудобно делать это в то время, когда самого автора уничтожают. Да и нет ничего дурного в этих письмах! Эти письма приблизили ко мне "самого-человека", и стало жаль его: не знал, что творил... И если он не знал, то что же знают другие?*»). Эти письма Пришвин нашел и перечитал 14 марта 1938 г., а 16-го получил повестку явиться с паспортом («*Вечером в 9 вызов "с паспортом". Гибель писем. Позорный страх, — о, какой он знакомый! какая "обида" знакомая, а "жить хочется". И вот из этого "хочется" два пути: путь "<u>надо</u>" (вплоть до "смертию смерть") и путь унижения вплоть до конвульсий. И так скрытая сила жизни таит в себе "смертию смерть" (надо), и та же сила жизни "хочется жить"... позору <...> Жил хорошо, весело, слыл хорошим человеком, но "<u>попался</u>" — и тут...*»). На следующий день в дневнике пометка: «Судебная инсценировка»... Письма он тогда уничтожил, а конверт на фирменном бланке «Известий» с обратным адресом «Москва. ред. "Известий". Н. И. Бухарин» так и остался лежать в архиве писателя...

Оппозицию природы и культуры Пришвин рассматривает в дневнике с начала революции, и теперь, в разгар «процессов», понимает, где на самом деле скрывается «враг», тот самый неуловимый «вредитель», которого, не переставая, со страстью в течение всех лет ищет власть, уничтожает и не может до конца уничтожить — потому что для этого надо было бы уничтожить саму жизнь («*Враги-вредители. Никогда я не верил в то, что они есть: всегда считал за ссылку на врага тех, кто не хочет и не может что-нибудь делать, или просто если <u>не выходит</u> в силу всей политики, принципиально уничтожающей личность. И сейчас, после процессов, я все еще думаю, что если вредили, изменяли, то очень робко и ничтожно, и бездарно <...> что настоящим врагом была сама природа человека*»). Недаром слово «дом» в эти годы выражает воистину небывалый и, кажется, невозможный смысл, направленный против человеческой природы, — как иначе можно понять оксюморон «бездомный дом» («*...в Москве слово "дом" в смысле личного человеческого обитания заменилось словом жилплощадь, т. е. как будто слово стало по существу бездомным и живет на площади*»).

Оппозиция природы и культуры становится едва ли не ключевой в размышлениях Пришвина о грядущей войне, под знаком которой

проходит жизнь в стране в эти годы (*«Это война Запада с Востоком, силы личной с силой родовой, разума с при-родой. И пусть у нас на флаге Разум, у них Род (арийцы), на деле же Разум у них, а у нас При-рода»*; *«цивилизация со своими газами и машинами, быть может, спасует перед силой сопротивления примитивного человека (японцы — Китай, немцы — мы)»*; *«Настоящая большая война есть процесс обмена культурной силы от-личия с силой при-роды варварства <...> Конечно, варвар победит в первую очередь, но только неизвестно, какой варвар: наш, восточный, или же их, западный»*). Пришвин предполагает (и оказывается в конце концов прав), что варвар «примитивный», т. е. более органичный и близкий к природе, все же предпочтительнее и, возможно, сильнее цивилизованного варвара, вооруженного машинами и газом.

В эти годы Пришвин вновь обращается к истокам революции, стремясь понять ее с точки зрения культуры (*«В Доме печати <...> выступить с темой о романтизме, вскрыть романтическую природу коммунизма»*). Отношение к романтизму то и дело, в разные годы и по разным поводам обсуждается и в дневнике писателя, и в его художественных произведениях. Так, в автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1928) переплетаются две главные темы — любовь и революция, причем и то и другое разворачивается в русле романтической традиции (*«3 Сентября 1935. Прочитал 1-ю книгу "Кащеевой цепи" <...> попытка отстоять романтизм в марксизме»*: Дневники. 1932—1935. С. 783), но уже в самом романе романтизм преодолевается, поскольку его главный герой Алпатов (alter ego писателя) отходит от революции с ее марксистскими идеями и расстается с невестой, не сумев удержать ее (*«24 Июля 1937. ...романтизм — это "я", враждебное миру»*: Дневники. 1936—1937. С. 693). Но интересно, что как бы ни открещивался писатель от романтизма (в каких только грехах не обвиняет он того же Дон Кихота), в 1938—1939 гг. он признает, что без романтической ноты культура иссякает (*«Я могу с большой пользой для себя и для всех жить, как Гамлет, как Фауст, как всякий центростремительный тип, пока хранится во мне достаточный запас Дон Кихота. Печорин, нигилист и всякий такого рода пораженец в своем отечестве возникают, когда иссяк родник Дон Кихота»*) и порождает нигилизм, который в принципе метафизически отрицает высшие ценности как таковые и обнажает голую правду реализма. Романтизм как «родник Дон Кихота» в культуре рассматривается Пришвиным как противоядие от бескомпромиссности и безысходности нигилизма.

Тем не менее, писатель развенчивает традицию романтизма и полагает, что романтическое противопоставление личности «героя» с его идеальным миром и убогой, с точки зрения героя, окружающей действительности, требующей преобразования, укладывается в парадигму современности (*«Романтизм — душевность. Говорят, крокодил, поедая жертву, роняет слезу — это романтик»*). В таком понимании, по Пришвину, и Ленин (*«Если бы отнять у Ленина дело и вскрыть душу,*

то там оказался бы тоже романтик»), и Сталин, и Гитлер — в предельном выражении романтические герои (*«Сталин похож на романтического Демона: от его “да”, от его поцелуя умирает Тамара, его “да” вызывает новых врагов»*; *«Вильгельм II был тоже романтиком: тоже, как Гитлер, наполнялся победным сознанием, современное дон-кихотство»*). В 30-е гг. «высокое» и «низкое» в культуре поменялись местами: провозглашенная «свобода с ее романтикой» обернулась жесточайшим террором, а о «необходимости с ее реализмом» можно было только мечтать (*«14 Ноября 1930. ...мне ближе теперь “Необходимость” с ее реализмом, чем “Свобода” с ее иллюзией и романтикой»*). И если суть революции в отрицании всего и вся, включая самого человека, а ее главный посыл в идеале сверхчеловека — нового человека, то Сталин своим «отрицанием отрицания» уничтожил саму идею революции с ее сверхчеловеческим идеалом (*«Сталин пришел к отрицанию отрицания, к тому, чтобы сказать “да”. Но как только он сказал свое “да” (“Счастливая страна, Конституция”), вся партия в лице всех своих наркомов, секретарей и комдарма сказала ему “нет”. Он уничтожил партию, сказав на их “нет” свое “нет” — и так стал смертью сверхчеловека»*). Своему «отрицанию отрицания» он противопоставил уж точно не индивидуальность каждого «сам-человека», которого так ждет Пришвин, но смерть и появление новых врагов, дурную бесконечность, которую невозможно объяснить рационально (*«От сталинского “да” иссякает жизнь»*; *«его “да” вызывает новых врагов»*; *«Сталин — это смерть сверхчеловека: пока все эти претенденты на трон не вымрут, до тех пор не освободится сам-человек с его органическим творчеством жизни»*). По сути, выбора между «он» и «они» (что еще недавно было как будто одно и то же) не существует, — и потому, что, по Пришвину, это все «претенденты на трон», и потому, что «их» уже нет, их роль исчерпана, а ситуация военной угрозы не оставляет выбора (*«И все-таки, если выбирать, — он или они? — ясно, что надо с ним, с отрицанием отрицания»*). В связи с этими запутанными мысленными ходами и выходами в дневнике возникает вероятность альтернативной модели развития общества (*«Процесс раскрывает картину полного разложения партии и полное одиночество Сталина и зыбкость нашего государственного бытия: случись что-нибудь плохое со Сталиным, и все развалится начисто. А может быть, напротив, все распавшиеся ныне и только внешне связанные элементы общества соединятся внутренно?»*). В дневнике Пришвин с горечью вершит свой суд (*«Не могу с большевиками, потому что у них столько было насилия, что едва ли им уже простит история за него»*) и верит, что все тайное станет явным (*«Акт насилия после минувшей необходимости в нем должен скрыться — и скрывается. Только церковь с поломанным шпилем и крестом свидетельствует»*).

И в это же время, в этом мире Пришвин продолжает работать над романом о строительстве канала — создает свою сказку (*«Запрос был на такую сказку, чтобы она могла быть людям как хлеб»*), преодолева-

ющую смерть с ее государственным повелительным «Надо», сохраняющую жизнь и смысл жизни. Понимая соотношение «Хочется» и «Надо» в современной культуре, Пришвин оценивает его как профанацию христианства («*Коммунизм целью своей ставит Хогу, а средством для достижения этого делает Надо, гepeз это Хогу (лигность) отодвигается в будущее, а Надо заполняет все настоящее. Полугается транскрипция христианского "здесь" (на земле) и "там" (за гробом)*»). Своим творчеством, не отрицая необходимости присутствия «Надо» в жизни общества и каждого человека, он возвращает перевернутому миру нормальные, ясные ориентиры («*Мое Надо в том, гто я должен быть самим собой, знагит, делать не то, гто велят, а гто мне хогется*»; «*гем я с малолетства живу, гто ношу в себе, вынашиваю всю жизнь, - это гто я должен быть самим собой и* <...> *ко всему, гто было, прибавить негто свое*»). Начиная с 1932 г. Пришвин работает над романом о строительстве Беломоро-Балтийского канала «Осударева дорога» (одно из рабочих названий: «Падун»). Дневник 1938—1939 гг. заполняется черновыми фрагментами, идеями, размышлениями о жанре и героях романа. В эти годы очевидной становится связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций, в данном случае с поэмой А. С. Пушкина «Медный всадник» («*Не все ли равно, Муссолини, Петр, Гитлер: Муссолини идет гepeз абиссинца, Гитлер гepeз геха, Петр гepeз несгастного Евгения. И все мы, обыватели, согувствуем абиссинцу — геху — Евгению против строителей будущего. И замегательно, когда это гувство лигное, живое и непосредственное: жалко такого-то геловека, этого Евгения, этого абиссинца, — мы правы, и протест наш священный. Но как только мы возводим абиссинца, геха, Евгения в принцип и хотим согласно принципам демократии и социализма действовать, мы сами обращаемся в насильников и сами создаем своих Евгениев*»). Пришвин называет «Медный всадник» самым современным произведением, поскольку в нем обсуждается главная тема современности: власть и личность («*"Медный всадник", где поставлена проблема обывателя, содержит всю современность*»). Пришвин не пишет анти- или просталинский роман о строительстве Беломоро-Балтийского канала. Тоталитарная культурная модель, характеризующаяся подчиненностью художественных задач внехудожественным идеологическим целям (определение М. Рыклина), у него не строится, славословящий канон отсутствует. Пафос строительства получает в романе совершенно иное — не идеологическое — измерение: ориентиром оказывается не пафос построения социализма, а труд сам по себе, и не полезность сооружения как такового, а сопровождающее его столкновение идей («*я — это душа всего, это Евгений, который пережил свой страх и свой гнев на Медного всадника, и ему довольно смотреть на цветок гepeз щелку забора, гтобы угаствовать в том великом Существенном, перед гем Медный всадник кажется гем-то вовсе даже и не мешающим: медь и медь там у него, а тут у нас душа. Несколько смешна только с душевной тогки зрения фигурная гопорность Медного*

всадника: сущности нет, одна форма, а между тем сколько гонора вздыбилось!»; «*Медного всадника и Евгения можно понимать как спор между горделивой формой и смиренной материей, за счет которой эта форма создается*»). Пришвин пишет свой роман, уверенный, что в этом его единственная задача, его писательское кредо, его «Надо» и «Хочется» («*...почему не поставят в пример героического писателя, который несмотря ни на что отстаивает человека от смерти и говорит, что жизнь человека должна быть прекрасна?*»). И как же все это было трудно («*Довольно было раз случайно сказать "свобода", чтобы все редакции взбеленились*»).

Между тем, его жизнь — непрерывный творческий процесс с провалами и взлетами. Творческий, потому что жизнь писателя не просто идет — она совершается, творится человеком, который одновременно живет и мыслит, живет и ежедневно ранним утром в своей тетрадке превращает эту жизнь в текст, понимая, что направляет его в будущее. В своей собственной душе писатель черпает силу, чувствует в себе реальную связь временного, проходящего — с вечным («*На свою жизнь я смотрю как на жизнь Всего-человека в личном моем отражении. Мне стыдно думать о себе, до того жизнь моя бедна и сам я так беден нужными способностями. Но одна способность замечательная — это постоянно чувствовать, что через меня проходит Весь-человек, и если хорошо вдуматься, то я могу постигать его ход. Эту способность я использовал для писания, и все написанное мной есть моя биография, похожая на след моллюска, передвигающегося медленно по песку под водой*»). Пришвин не ощущает себя в истории, он и не живет в историческом времени, как не живет в этом времени моллюск («*След моллюска на речном песке и есть вся его автобиография*»), но ощущает причастность к вечности — благодаря одной-единственной данной ему способности: чувствовать проходящего сквозь его душу Всего-человека, то есть человека как такового, человека по существу и по преимуществу, идеальным образом которого уже второе тысячелетие каждый человек христианской культуры называет Христа. Так или иначе, но и теперь, как и в течение всей своей писательской жизни, Пришвин демонстрирует тип личности, утверждающей, а не разрушающей жизнь, — по крайней мере, тем, что свидетельствует о ней («*Пусть наш Союз будет как дрейфующая льдина, а весь остальной мир в его настоящем и прошлом — это будет мой читатель, которому я, быть может, скоро погибнув, даю весть о жизни моей*»; «*Надо на дрейфующей льдине писать о жизни, о подлинной жизни заключенных на ней людей, постоянно имея в виду возможность спасения*»), и тем, что никогда, включая даже самые глухие времена в жизни России, не теряет веры («*...народ и при большевистских вождях может спастись во Христе*»).

Конечно, Пришвин — писатель, но мотивация его не специфически писательская, а еще и в очень большой степени человеческая. Не только талант заставил его, журналиста, в 1905 г. обратиться к писанию дневника, но и состояние души, которое определялось первой

любовью и разрывом с невестой, чего он никак не мог в себе пережить («*Потребность писать есть потребность уйти от своего одиночества, разделить с людьми свое горе и радость. Было время, когда я в одиночестве своем дошел до того, что стало невыносимо и страшно оставаться с самим собой. И когда я в таком состоянии вздумал писать, оставаться с самим собой мне стало не страшно. Я тогда же понял, что занятие искусством слова исходит из потребности поделиться с кем-нибудь своим душевным миром. Но я видел, с какими чувствами люди идут на похороны и с какими на свадьбу. Вот почему с первых же строк своих горе свое стал я оставлять при себе, а делиться с читателем только своей радостью. И так поиски материалов для писания обратились в моей практике в поиски <...> радости жизни*»). Острое спасительное чувство радости бытия в природе органически присуще Пришвину, и никакая власть не способна изменить это в нем. Он человек, который несет в себе целый мир, и в этом мире ему хватало свободы, чтобы думать, писать и жить естественной жизнью, так, как он хочет — для того, чтобы об этой радости писать («*...чувством радости жизни переполнен "Жень-шень" и все мои сочинения ("помирать собирайся — рожь сей")*»). Эту радость он понимает как духовное состояние или даже духовную работу («*Чувствую, что радость жизни моя аскетического происхождения: я не растрачиваю, я сохраняю жизнь в себе и так заставляю ее выражаться в сознании*»).

Очень трудно возразить против того, что сталинская тоталитарная структура власти определяла культурную ситуацию и жестко контролировала идеологический посыл любого произведения. Понятно, что каждый писатель в 30-е гг. независимо от темы в той или иной степени более или менее явно соотносил свое творчество с этой ситуацией, а все, что не соответствовало ей, в лучшем случае оставалось невостребованным. Но Пришвин ощущал принципиальную невозможность творчества внутри этой культуры — творчество требовало свободы от нее. Быть не «за» и не «против», а на другой территории — вот что каким-то образом удавалось писателю («*Ход революции сопровождается таким нарастающим комом лжи — как лавина с высоких гор. И оттого я сомневаюсь, что возможно написать о революции подлинно художественное что-нибудь. Я даже замечал: иногда, читая что-нибудь с интересом, — вдруг поймешь, что автор ведет к революции, тогда становится вперед известно, чем кончится, и всякий интерес пропадает. Как будто жизнь дает такой образец лжи, что попытка автора дать свою "фабулу" (обман) не удается. Жизнь как бы лишает автора права на обман*»). Пришвин видел для себя другой способ существования, для него естественный и органичный, связанный с его верой в Россию («*...если я пишу и у меня есть читатели, то, значит, я еще верую, что наша страна будет свободной*»). Он принадлежал к той части русской интеллигенции, которая была независима от власти и развивала традицию русской немарксистской мысли, пытаясь не только осмыслить, но и преодолеть тотальность происходящего, найти способ существо-

вания личности внутри тоталитарной системы, форму честного разговора с читателем в своем произведении — а в своего читателя он свято верил («*...вечером поехал в Москву. По дороге любовался людьми русскими и думал, что такое множество умных людей рано или поздно все переварит и выпрямит всякую кривизну, в этом нет никакого сомнения: все будет как надо*»). И, наверное, именно потому, что импульс писать находился в его душе, никакой «социальный заказ» Пришвин не мог бы выполнить даже при всем желании — не получалось («*Напишу, и хорошо, а когда придут и скажут: «Напиши-те!» — что-то полоснет по душе, и рад бы уважить, а не могу*»; «*...я абсолютно не могу писать без юмора, может быть, даже чуть-чуть без юродства, вытекающего из моей чисто великорусской природы*»). При этом он не блаженный — он видит правду жизни, реальность и не боится смотреть этой правде в глаза и называть вещи своими именами («*Берут одного за другим, и не знаешь, и никто не может узнать, куда его девают. Как будто на тот свет уходит. И чем больше уходят, чем неуверенней жизнь остающихся, тем больше хочется жить, да, жить, несмотря ни на что! Так вот бывает пир во время чумы*»). Однако пафос пришвинского «пира» — в преодолении смерти («*...завтра, быть может, всем конец, а сегодня поживем, и нет, кажется, на свете ничего сильней этого: хоть день, да мой. И те политики, сидящие на скамьях подсудимых, этим самым чувством живут*»). Своим творчеством, своим словом писатель пытается внести лепту в спасительное чувство радости жизни, не только естественно противостоящее смерти, но и парадоксально нарастающее по мере ее фатального распространения («*Вокруг смерть косит людей, но живые в этих смертях себе примера не видят и живут, как будто они бессмертные; и каждому в отдельности больше хочется жить, чем если бы не было ежедневного примера смерти прямо же на глазах*»). Он верит, что сказка может переломить неумолимый — нечеловеческий — ход вещей, и считает, что как писатель находится «*на верном пути создания сказки, необходимой для жизни людей*». Игра (охота, фотография, машина) — опора Пришвина в культуре, он «человек играющий» («*Жизнь желанная — это игра, все, кто может, играет, а кто не может, трудится в надежде когда-нибудь поиграть. Иные даже, вовсе потеряв надежду когда-нибудь поиграть, переносят мечту свою в будущее на "после нас" или даже совсем далеко, на тот свет*»). Писательство же (в том числе и о канале) — это его путь к сказке, преодолевающей трагедию («*И тема и название моей сказки пусть будет Падун*»). Постепенно сказка перерастает в миф, а игра перерастает в жизнь — становится формой его последней любви («*мы актеры*»), которая уже не за горами...

Какой же все-таки трудной оказывается миссия писателя — кто только не упрекал Пришвина в благополучии, благодушии, равнодушии и пр., а у него получается, что страдание он изживает в себе, в своих тетрадках («*Барометр опять падает, и опять болит спина. И до того болит спина, что кажется, будто и в душе есть тоже спина,*

и там тоже болит от тяжести повторения в газетах, в собраниях и по радио слов о прелестях нашей счастливой страны»), а к читателю выходит со словами надежды и радости («*Мой успех в выступлениях* (“*спасибо, хоть раз вздохнули свободно*”) *основан именно на том, что я выступаю как “сам-человек”, открывая этим всем возможность чувствовать родственно своего соседа*»). Кто только не называл его «певцом природы», не задумываясь ни о том, что на самом деле она значит для Пришвина, ни о том, что он никогда ее не воспевал. Прежде всего, по Пришвину, природа никогда не «равнодушна», она вопиет, но она же и успокаивает, принимает страдающую человеческую душу, — только если человек (писатель) живет с ней на равных, понимает ее язык, данный в формах, звуках, образах. Пришвин обнаруживает в природе метафоры современной жизни («*31 Декабря 1936. Вырубка представлялась как изорванная, замученная Россия. Больно было до крика*»: Дневники. 1936—1937. С. 433). И эта же природа реально наполняет душу жизнью: волевым усилием писатель на какое-то время вытесняет из души невыносимое и «из года в год» принимает в себя весну, обновляет душу весной (не когда, а чем — весной), природным (или — планетным, космическим, божественным) ритмом жизни, в котором он и живет («*Все отбрасываю к чертям. Пусть весна, одна весна, да моя она* <...> *Весна у меня в душе ложится из года в год на весну, как в дереве годовые круги, кольцо на кольцо*»). И благодаря такой жизни он сохраняет свою душу живой.

В канун войны Пришвин почувствовал XX век как культурный феномен и выразил его смысл, как будто тектонические сдвиги в истории России приоткрыли ему завесу времени и он сумел заглянуть в будущее и об этом будущем написать: «*И в таком вот чувстве, что жизнь прекрасна, что тебе так хочется жить, а может быть, завтра же тебя убьют или обратят в раба, в этом особом чувстве человека не только нашего советского, но и на всей земле и заключается вкус изюминки XX-го века*».

Я. З. Гришина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Ранний дневник	—	*Пришвин М. М.* Ранний дневник. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2007.
Дневники. 1914—1917	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1914—1917. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2007.
Дневники. 1918—1919	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1918—1919. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2008.
Дневники. 1920—1922	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1920—1922. М.: Московский рабочий, 1995.
Дневники. 1923—1925	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1923—1925. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2009.
Дневники. 1926—1927	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1926—1927. М.: Русская книга, 2003.
Дневники. 1928—1929	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1928—1929. М.: Русская книга, 2004.
Дневники. 1930—1931	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1930—1931. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2006.
Дневники. 1932—1935	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1932—1935. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2009.
Дневники. 1936—1937	—	*Пришвин М. М.* Дневники. 1936—1937. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010.
Собр. соч. 1956—1957	—	*Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956—1957.
Собр. соч. 1982—1986	—	*Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982—1986.
Собр. соч. 2006	—	*Пришвин М. М.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра-Книжный клуб, 2006.
Личное дело	—	Личное дело Михаила Михайловича Пришвина. Воспоминания современников. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2005.
Цвет и крест	—	*Пришвин М. М.* Цвет и крест. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004.

Путь к Слову	– *Пришвина В.* Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1994.
Быт	– Книга Бытия.
Екк	– Екклесиаст.
Ин	– Евангелие от Иоанна.
Мф	– Евангелие от Матфея.
Рим	– К Римлянам. Послание святого апостола Павла.
РГАЛИ	– Российский Государственный архив литературы и искусства.

С. 5. *...о разрушении таких сложных и редких организаций, как Мантейфель и Мейерхольд.* — Петр Александрович Мантейфель, близкий знакомый Пришвина, крупный русский зоолог, основоположник прикладной зоологической науки (биотехники), с 1924 г. руководитель орнитологической секции Московского зоопарка, заместитель директора по научной части и один из организаторов известного «Кружка юных биологов Зоопарка», серьезно занимавшийся наукой на материале зоопарка, из которого впоследствии вышел ряд ученых-зоологов. В 1934 г. были арестованы и репрессированы 12 молодых участников кружка по обвинению в «связях с иностранными шпионами» (они получали для зоопарка животных от немецкого зооторговца). В 1936 г. из зоопарка был вынужден уйти П. А. Мантейфель, обвиненный «в потере бдительности, вредительстве, развале работы». В 1937 г. в предисловии к первому тому «Трудов Московского зоопарка» уже новое руководство отмечает «разгром в зоопарке вредительской группы, препятствующей связям ученых зоопарка с большой наукой» (http://www.moscowzoo.ru/get.asp?id=C57). С февраля 1936 г., после опубликования в газете «Правда» статьи «Сумбур вместо музыки. Об опере "Леди Макбет Мценского уезда"», в статье, содержавшей обвинение оперы Дмитрия Шостаковича в формализме, прозвучало и имя Мейерхольда: «Левацкое искусство вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова. Это — перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт "мейерхольдовщины" в умноженном виде». Началась «дискуссия о формализме», слово «мейерхольдовщина» стало нарицательным. 14 марта 1937 г. Мейерхольд выступил в Ленинграде с докладом «Мейерхольд против мейерхольдовщины». Он всячески поддерживал Шостаковича и отстаивал свое право художника, в том числе и право на ошибку. Мейерхольд обличал других режиссеров, которые механически заимствуют у него формальные открытия, применяют их вне связи с содержанием спектакля. 7 января 1938 г. Комитет по делам искусств принял постановление о ликвидации ГосТИМа, поскольку «театр им. Мейерхольда в течение всего своего существования не мог освободиться от чуждых советскому искусству, насквозь буржуазных

формалистических позиций» (http://www.tonnel.ru/index.php?l=gzl&uid=475&op=bio).

С. 5. *...подумали о всем повороте на «нового» человека...* — Идея «нового человека» — образцового, героического, исключительного и пр. — в течение всех послереволюционных лет с большим пафосом утверждалась в системе провозглашенных ценностей советского общества. Ср.: «Переход от ранней революционной к сталинской культуре в начале 30-х годов характеризуется обычно как отказ от рационализма, критицизма, демократизма, интернационализма и ориентации на современную технику в пользу новой мифологии, в центре которой стоит отсылающий к ницшеанскому сверхчеловеку "новый человек", наделенный несокрушимой волей, направленной на господство над стихийными элементами в обществе и природе». Проблема ницшеанского подтекста сталинской культуры часто связывается с ницшеанскими темами и влиянием в ней Горького. «В то же время Горького <...> нельзя считать единственным источником ницшеанских тем в сталинской культуре. Предшествующая ей культура авангарда, внешне отринутая, но внутри усвоенная сталинской культурой, была вся пронизана ницшеанскими темами "нового человека", единства волевого и эстетического начал и т. д. За внешним рационализмом авангарда стоит вера в сверхчеловеческую мощь художника-творца, способного навязать всему человечеству и всему космосу новый эстетический порядок. Русская культурологическая "формальная школа", близкая к авангарду, но сохранившая свое влияние и в 30-х годах, интерпретировала всю историю культуры как борьбу различных направлений, различных художественных воль, в которой новые, молодые художественные движения выигрывают благодаря своей витальности, в то время как старые "автоматизируются", перестают восприниматься, теряют притягательность» (*Гройс Б.* Ницшеанские темы и мотивы в Советской культуре 30-х годов // Бахтинский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. Д. Куюнджич, В. Л. Махлин. М., 1992. С. 104—126; http://www.nietzsche.ru/around/groys_1.1.php).

...Куприяныч... — Имеется в виду Федор Куприянович Чувиляев, елецкий друг Пришвина.

С. 6. *...хор запел «Страна наша родная».* — Имеется в виду известная патриотическая советская песня «Широка страна моя родная» («Марш о Родине», 1936), написанная В. Лебедевым-Кумачом и И. Дунаевским для кинофильма «Цирк» (режиссер Г. Александров).

...запели новую песню о Сталине, потом военный марш... — Имеются в виду песня «На просторах родины чудесной» («Песня о Сталине», 1938), написанная А. Сурковым и М. Блантером, и, возможно, «Марш советских танкистов» (1938), написанный братьями Покрасс и Б. Ласкиным.

С. 7. *...начиная с Алексинского рабочкома...* — По-видимому, речь идет о селе Алексино Дорогобужского района, где Пришвин жил и работал школьным учителем (шкрабом) и занимался организацией Музея усадебного быта в бывшей усадьбе Барышниковых (1920—1922 гг.); представители новой власти становятся персонажами его первой послереволюционной повести «Мирская чаша» (1922). Ср.: «Раз налетел вдруг на музей самый страшный из всех комиссаров Персюк <...> фуражка матросская, из-под нее казацкий чуб — знак русской вольности, а на френче все — знак европейского порядка, и в каждом кармане, кажется, сидит по эсеру, меньшевику, кооператору, купцу, схваченных где-нибудь на ходу под пьяную руку, давно забытых, еле живых там в махорке, с оторванными пуговицами, окурками и всякой дрянью <...> — А кто тут у нас идет против?» (Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 600).

С. 8. *...Розанов не дожил до того, чтобы описать «[весеннюю] пору» русской революции.* — Пришвин имеет в виду розановскую идеализацию революции и надежду на обновление в книге «Когда начальство ушло... 1905—1906 гг.» (СПб.: [Тип. А. С. Суворина], 1910. — 420 с.): «Для меня несомненно, что исчезновение "начальства", таяние его, как снега перед солнцем... вернее — перед весною... начинается и всегда начнется по мере возрождения в человеке благородства, чистоты и невинности. Это — тот огонь, в котором плавятся все оковы. И только в нем!» (*Розанов В.* Когда начальство ушло... // Розанов В. В. Собр. соч.: Когда начальство ушло... М.: Республика, 2005. С. 8). Эти слова Пришвин приводит в записи от 5 июля 1937 г. (Дневники. 1936—1937. С. 665; см. также комментарий к ней: Там же. С. 945—946). Коммент. А. Медведева.

Появление Антиноя. — Имеется в виду бюст Антиноя, который Пришвин купил и поставил в кабинете московской квартиры. *Антиной* — в греческой мифологии предводитель женихов Пенелопы, добивавшихся в отсутствие Одиссея ее руки.

Купил энцикл[опедический] словарь Брокгауза... — Имеется в виду Энциклопедический словарь, выпущенный акционерным издательским обществом «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон» (СПб., 1890—1907), который был самой крупной русской универсальной энциклопедией и имел репутацию одной из лучших энциклопедий в мире.

...«дух», который веет... — Ин 3: 8.

...рассказ о смерти Ильи Николаевича Игнатова. — Имеется в виду Илья Николаевич Игнатов (ум. 1921), двоюродный брат Пришвина со стороны матери, Марии Ивановны Пришвиной, которая происходила из староверского (затем перешедшего в православие) купеческого рода г. Белева Тульской губернии; И. Н. Игнатов — критик, публицист,

с 1899 г. постоянный сотрудник газеты «Русские ведомости», в которой начиная с 1905 г. публиковал свои очерки Пришвин. Ср.: «*11 Января 1936*. Староверская кровь (И. Н., умирая, отказался от большевистской белой муки)» (Дневники. 1936–1937. С. 7).

С. 8. *Читаю «Асю» Тургенева <...> вспомнил только одну строчку о запахе конопли...* – Имеются в виду следующие слова в повести И. С. Тургенева «Ася» (1858): «Я остановился и увидал возле дороги небольшую грядку конопли. Ее степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней». Ср.: «Как встрепенется человек, услыхав где-нибудь крик родной птицы, слышанной в детстве, или песенку, или запах цветка! Как Тургеневу запахло родной коноплей на полях Германии!» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 7. С. 442). Мотив запаха (а также цвета, звука, осязания – чувственное восприятие мира) постоянно возникает как в дневнике Пришвина на протяжении всех лет, так и в его художественных произведениях. Ср. в разные годы: «А озимь пахнет, пахнет уже рожью, и в этом запахе свежесть, и какой-то резкий свист; когда проведешь быстро пальцем по ней – острый разрез... Я остановился: и вот пахнуло на меня от земли... знакомым теплым запахом, как может пахнуть только родная земля... Запах земли... луж запах – родины» (Ранний дневник. С. 43); «Опавшие листья уже запахли пряниками» (Личное дело. С. 418).

С. 9. *...около своей «Были»...* – «Быль» – одно из рабочих названий романа о строительстве Беломоро-Балтийского канала, над которым Пришвин работает. В ходе работы сменился целый ряд названий: «Былина», «Падун», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Школа радости», «Канал», «Повесть о том, что было и чего не было», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога». См.: Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 227–460.

С. 10. *Не была она красавицей...* – Имеется в виду Варя Измалкова, первая любовь Пришвина.

С. 12. *...эти халифы на час.* – Выражение обычно употребляется иронически о человеке, наделенном или завладевшем властью на короткое время.

...дали народу Пушкина... – Имеется в виду празднование 100-летия со дня смерти поэта, инициированное Сталиным, и издание собрания его сочинений.

С. 13. *...«чувство доброе он»...* – Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Памятник» (1836).

...в революции «боги жаждут». – Аллюзия на исторический роман А. Франса «Боги жаждут» (1912, рус. пер. 1917), посвященный Вели-

кой французской революции, в котором самоотверженность якобинцев и величие народа соседствуют с идеей обреченности революции.

С. 14. *...читаю немецкую «Серую Сову» и вижу, что книга будет замечательная.* — Имеется в виду книга Серой Совы (настоящее имя Арчибальд Стенсфелд Билейни, по-индейски Вэша Куоннезин) «Pilgrims of the Wild» (1935), в русском переводе «Странники лесной глуши». Пришвин, который владел немецким языком, но не знал английского, прочел ее в немецком переводе («Мое знакомство с Серой Совой книжное»). Пришвин не раз подчеркивал особую близость отношения канадского писателя к природе и близость его образа жизни к своим собственным. Он задумал и осуществил художественный пересказ биографии Серой Совы (*Пришвин М. М.* Произведения для детей. М.: Терра–Книжный клуб, 2007. С. 239—475).

С. 15. *...рассказ для маленьких детей «Утенок-стахановец».* — Рассказ был напечатан под названием «Изобретатель. Рассказ о диком утенке» (1938).

...«Умом не измеришь». — Аллюзия на стихотворение Ф. И. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866).

С. 16. *В Англии перевели мою книгу «Корень жизни»...* — В 1936 г. в Лондоне вышла книга Пришвина «Жень-шень. Корень жизни»: «Jen Sheng: the Root of Life by Mikhail Prishvin» (пер. Дж. Уолтона и Ф. Гиббонса, предисл. проф. Дж. Хаксли).

«Бобры». — Имеется в виду книга Серой Совы «Саджо и ее бобры» (1936).

С. 18. *Так вот бывает пир во время чумы.* — Аллюзия на произведение А. С. Пушкина «Пир во время чумы» (Маленькие трагедии, 1830).

...пробрался в ее дом... — Сон о Варе Измалковой.

«Постановление» (историческое), второе «головокружение»... — По-видимому, речь идет о специальном постановлении Пленума ЦК ВКП(б) (январь 1938 г.), осудившем беззакония в органах НКВД. Ср. реакцию Пришвина на статью Сталина «Головокружение от успехов» (1930), осудившей перегибы в процессе коллективизации: «*2 Марта 1930.* В воздухе запахло поворотом: боги насытились кровью. И правда, сегодня напечатана статья Сталина "Головокружение от успехов", в которой он идет сам против себя. Едва ли когда-нибудь доходили политики до такого цинизма: правда, как на это смотреть, если я, напр., отдав приказ об уничтожении колоколов, через некоторое время, когда колокола будут разбиты, стал бы негодовать на тех, кто их разбивал» (Дневники. 1930—1931. С. 43).

С. 18. *...философский том «Эмпириокритицизм и диалектич[еский] материализм».* — Имеется в виду работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1908), в которой обосновываются основные положения диалектического и исторического материализма.

С. 20. *...это кустари власти.* — Ср.: «Эти люди мешали не "дальнейшему развитию той идеи, которую они вынесли на своих плечах", а развитию и углублению самодержавной власти Сталина. Это и привело его к мысли <...> опереться на более молодое поколение партийных работников, которые не прошли как следует школу революции, но уже достаточно основательно прошли сталинскую школу фальсификации. <...> В большинстве подсудимые были известными партийными деятелями, активными участниками революции и гражданской войны. <...> В экономике после всех трагедий минувших лет положение начало улучшаться. В городах была отменена карточная система снабжения. Промышленность развивалась. <...> После нескольких лет застоя начало увеличиваться и сельскохозяйственное производство; по сравнению с 1933 годом в 1935 году деревня дала на 20 процентов больше продукции, и этот рост продолжался. Вслед за отменой карточной системы была разрешена продажа сельскохозяйственной продукции на колхозных рынках. Это увеличивало материальную заинтересованность колхозников в развитии производства, ибо система государственных заготовок из-за очень низких заготовительных цен не создавала такой заинтересованности. Острый продовольственный кризис начала 30-х годов, казалось, остался позади. Именно в это время Сталин произнес на одном из приемов: "Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее". Жить стало действительно немного лучше как в городах, так и в деревне. Все хозяйственные успехи приписывались "мудрому руководству" Сталина» (*Медведев Р.* «О Сталине и сталинизме» (1989): http://www.belousenko.com/books/medvedev/medvedev_stalin_2.htm).

С. 21. *...фильм «Ленин в Октябре»...* — Первая часть дилогии (вторая — фильм «Ленин в 1918 году») режиссера М. Ромма.

Разумник не отбрыкался просто от сына... — Сын Иванова-Разумника Лев Разумникович (1904—1938) в годы Гражданской войны служил в войсках ВЧК, с 1923 г. работал в Ленииздате.

С. 22. *...сказать в «Колхозных ребятах»... в «Пионере».* — Считалось, что пионерские журналы «Искорка» (1924—1933) и «Дружные ребята» (1927—1953, в 1933—1937 — под названием «Колхозные ребята») издавались для детей, живущих в сельской местности. Журнал «Пионер» — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал для пионеров и школьников, издание ЦК ВЛКСМ и Центрального совета всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина (издавался с 1924 г.).

С. 25. (*Музей Гельсингфорса.*) — (*фин.* Helsinki; Хельсингфорс или Гельсингфорс). Ср.: «*31 Октября 1917.* Недавно мне рассказывали, будто Ленину в Финляндии захотелось посмотреть музей искусств, а где он находится, Ленин не знал. Спросил кого-то из знакомых и сказал ему: "Только никому не говорите... Нельзя, чтоб говорили о Ленине, будто он наслаждается искусством"» (Дневники. 1914—1917. С. 530).

<*На полях: 23 Апр. 1932 г. [гистый день]*>. — В этот день была издана резолюция ЦК о роспуске РАПП. Ср.: «*24 Апреля.* Постановление ЦК... Наконец-то сломалась эта чека2 мысли и любви, всепроклятая организация мелкоты, пыли человеческой: какой ужас, — организованная пыль! — "Погоди радоваться, она тебе еще покажет!"» (Дневники. 1932—1935. С. 114).

...говорить о себе. — Далее следует список:

«Календарь — враг — общее решение без учета сделанного: бюрократизм.

Канал. Пинега. Берендеева Чаща.

Жень-шень и Англия (Керженцев: чужое).

Критика из сравнения.

Зверь Бурундук.

Послать маляру Макарову.

Очерк. Победа газета.

1) Жень-шень — критика — книга Серая Сова.
2) Канал — Сочинения.
3) Зверь Бурундук, выступление в ЦК.

Мещанский вкус — это про город.

Дачный вкус — природа.

Шоферские рассказы.

Кино: Жень-шень.

С. 26. *...вскрыть романтигескую природу коммунизма...* — Продолжая раздумывать об истоках революции, Пришвин вновь обращается к романтизму с его бунтом личности против государства, к романтическому пониманию революции как творческого преображения жизни; писатель отмечает, что парадоксальным образом в послереволюционные годы «большая правда» — «высокое» и «маленькая правда» — «низкое» (романтизм—реализм) поменялись местами: провозглашенная «свобода с ее романтикой» обернулась жесточайшим террором, а о «необходимости с ее реализмом» можно было только мечтать. Ср.: «*20 Июля 1931.* Маленькая правда... заделывает промахи больших отвлеченных проектов творческой мысли... И часто бывает, что большая правда вступает с маленькой в смертельный бой, называя ее презрительно "мещанством", а маленькая, в борьбе с большой все более и более зарываясь в землю, мстит за себя нищетой людей, голодом и злобой» (Дневники. 1930—1931. С. 404).

С. 26. *Отцы и дети. Колобок. Черный араб. Календарь природы. Башмаки.* — Имеются в виду очерки «Отцы и дети (Онего-Беломорский канал)» (1934), книга «За волшебным колобком» (1908), повесть «Черный араб» (1910), «Календарь природы» (1935) и книга очерков «Башмаки» (1923).

С. 27. *...гулял в Корбушинском парке...* — Имеется в виду парк на берегу Скитского (Корбушинского) озера (Черниговский скит).

С. 28. *...мысль о невозможности фашистам уничтожить коммунизм и СССР.* — Ср. ниже в записи от 18 февраля: «Говорили, конечно, и о войне, не исключая возможности провала фашистов: и что правды, идеи какой-нибудь универсальной у них нет. И что цивилизация со своими газами и машинами, быть может, спасует перед силой сопротивления примитивного человека (японцы — Китай, немцы — мы)».

С. 29. *Всемирная катастрофа, как ее воспринимали мы в 1893 году через Бебеля...* — Речь идет о юношеском увлечении Пришвина марксизмом в годы учебы в Рижском политехникуме (1893—1897), участии в революционных кружках, аресте и годичном заключении в Митавской тюрьме. Ср. в автобиографическом романе «Кащеева цепь» (1927) об увлечении марксизмом и переводе книги А. Бебеля «Женщина и социализм» (1879): «До самой ночи <...> Алпатов сидит за столом, сверяет рукописи с подлинником, не сделал ли он какой-нибудь ошибки, так ли передал пророчество Бебеля о мировой катастрофе. Сто раз и больше читал он это место про себя, и потому представление мировой катастрофы стало у него пульсировать с кровью, исчезать и появляться в красном зареве, как было в детстве, когда няня говорила: “Затрубит архангел на горе, загорится край земли с неба”. Только тогда это было как последний жестокий расчет с жизнью, вроде сожжения Содома; теперь же не конец, а начало жизни совершенно иной» (Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 258); в «Раннем дневнике» в материалах к задуманному, но так и не осуществленному роману «Начало века» Пришвин вслед за Достоевским связывает проблемы русского религиозного и революционного сознания воедино: «Судьбу нашего мальчика уже предрек Достоевский, он сказал, что, куда бы ни бегал такой мальчик, в конце концов он прибежит ко Христу. Почему так? Верно, потому, что самый исходный пункт его исканий есть утрата родного Бога, на место которого последовательно становятся на испытание все господствующие учения века. <...> Недаром мальчик наш восстал в самом начале на гения, на личность (Христос есть высочайшая данная сознанию личность). Недаром он, будучи марксистом, вначале ожидал всемирной катастрофы. Быть может, это чувство конца и соблазнило его стать марксистом, а чувство конца света им воспринято от русской старухи, когда, указывая мальчику на хвост кометы, она говорила ему: “Вот начинается, скоро загорится земля”» (Ранний дневник. С. 301).

С. 30. ...*«Синий Лапоть» «Храбрый заяц»...* — Ср.: Дневники. 1936—1937. С. 364—366, 438—439.

«Гость», «Лимон», «Мужество»: «Кавказские рассказы». — Рассказ «Лимон» (1937). Рассказы «Гость» и «Мужество» включены в цикл «Кавказские рассказы» (1938); см.: Собр. соч. 1982—1985. Т. 4. С. 364—370.

Марья Моревна откладывается на будущее (личная жизнь, искусство). — В эти годы Пришвин возвращается к важнейшей для культуры и лично для него теме: любовь и революция. Именно любовь к Варе Измалковой (1902) в жизненной практике Пришвина вытесняет революцию вместе с «женщиной будущего» (Бебель) и парадигмой *«я существую не для себя, а для мировой катастрофы»*. Однако первая любовь будущего писателя осталась неосуществленной и *«вместо невесты ему явилась Марья Моревна»* (пришвинский вариант Прекрасной Дамы). Знаковый образ русского символизма демонстрировал полную идентичность возведенного на недосягаемую высоту романтического символистского идеала «вечной женственности» и революционного, книжного, столь же абстрактного, далекого от реальности, также романтического образа «женщины будущего». И то и другое осознавалось Пришвиным как дорогое ушедшее прошлое, однако и то и другое остается постоянным неиссякаемым источником его творчества (*«Идея романтизма: творческий романтизм»*).

С. 31. *На моем горизонте Крупская.* — Имеется в виду критика Н. К. Крупской рассказа «Стахановец».

Вечер китайского поэта Лу Синь... — Лу Синь (наст. имя Чжоу Шужэнь) — китайский писатель, поэт, публицист и переводчик, считается основоположником современной китайской литературы. В 1930-е гг. принимает активное участие в деятельности писательских организаций, в 1931 г. избирается руководителем Лиги левых писателей Китая; его публицистическое наследие очень обширно, и найти область общественной жизни, которой не касался бы Лу Синь, очень сложно; работал над переводом романа А. Фадеева «Разгром», поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».

С. 32. *Льдина Папанина...* — Имеется в виду арктическая экспедиция «Северный полюс-1» (21 мая 1937 — 19 февраля 1938 г.) в составе гидробиолога и врача Петра Ширшова, физика и метеоролога Евгения Федорова, радиста Эрнста Кренкеля и начальника экспедиции Ивана Папанина, 9 месяцев находившаяся на льдине, дрейфующей по Северному Ледовитому океану к Гренландскому морю. 19 февраля 1938 г. их снял с тающей льдины ледокол.

Из книги О. Хаксли «Контрапункт». — Имеется в виду роман-антиутопия Олдоса Хаксли «Контрапункт» (1928).

С. 33. *Страшные вести об отравлении Горького...* — Горький умер 18 июня 1936 г. на даче в Горках под Москвой; слухи о насильственной смерти (отравлении) возникли сразу после его кончины.

...ввяжемся мы в дело Китая или так и будем отсиживаться... — Имеется в виду война между Японией и Китаем (с 1931 г. периодические столкновения, с 1937 по 1945 г. полномасштабная война); после заключения в августе 1937 г. договора о ненападении между СССР и Китаем Советский Союз оказывал Китаю помощь военной техникой, а также участием советских инструкторов и летчиков-добровольцев в боях на стороне китайской армии. После заключения советско-немецкого пакта о ненападении 23 августа 1939 г. помощь резко сократилась, а после советско-японского договора от 13 апреля 1941 г. прекратилась.

С. 34. *...стихия умиряется.* — Аллюзия на поэму А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833): «Да умирится же с тобой / И побежденная стихия».

...со льдины дрейфующей ... написанное нам интересно... — По-видимому, имеется в виду книга И. Д. Папанина «Жизнь на льдине» (1938).

С. 35. (*У Чувиляевых.*) <...> *люди есть такие — не замечаешь, а они тоже влияют, да еще как.* — Инженер-лесовод Федор Куприянович Чувиляев, елецкий друг Пришвина; его жена Анна Дмитриевна занималась обстановкой кабинета в московской квартире. В последней библиотеке Пришвина в Дунине хранится книга «История Выговской старообрядческой пустыни» (издана по рукописи Ивана Филипова. СПб., 1862) с дарственной надписью: «Дорогой Михаил Михайлович, кто следующий? Желаю Вам быть от меня далеко-далеко в хвосте. В этом порядке неизбежной очереди завещаю сию книгу Вам на память об ушедшем из живой очереди. Федор Чувиляев с Малой Бронной и бренный. 13 нояб. 1940».

С. 36. *...так получились «Родники Берендея»...* — Имеется в виду книга «Родники Берендея. Записки фенолога» (1925).

...рассказ «Весна света»... — Имеется в виду один из лучших «московских» (урбанистических) рассказов Пришвина «Весна света» (1938), написанный по дневниковым материалам 1936 г., когда в связи с надеждой на получение квартиры в Москве меняется взгляд Пришвина на город: в рассказе нет оппозиции «город—деревня», «городской пейзаж—природа», что так или иначе всегда присутствует в дневнике. Городской пейзаж преломляется в весеннем свете, и внутри его возникает иное пространство волшебной страны Дриандии, в которую, оказывается, рассказчик с самого утра и совершает свое путешествие; причем Дриандия возникает из звука треснувшей под ногой

льдины: «др... дра... дря... дри... дриан... и вышла сначала богиня леса и душа дерева Дриада, а за ней Дриандия»; между тем сохраняется топография города: Лаврушинский переулок, улица Горького (Тверская), Малая Бронная, Пионерские (Патриаршие) пруды, но город не противостоит человеку, знаки волшебной страны то и дело проступают в городском пространстве, ничего в нем не нарушая; от детских весенних восторженных криков, так же как и от птичьих криков в лесах, «ветхие одежды с тоской и гриппом вдруг свалились», и обновленный человек на Пионерских прудах, «где большие матовые электрические фонари, как луны, показывались... из-за деревьев», увлекает детей в свою Дриандию, страну вольных сванов, «которые возят друг друга на салазках, у которых всегда весна света, хрустит лед на пруду и царит дружба, и если кто-то уйдет на пруду с головой под лед, его обязательно спасут». Есть в рассказе и знак предвоенного времени и противостояние ему: сваны вооружены на тот случай, если придется спасать свою родину... но это *вольные* сваны страны, где человека обязательно спасут от беды. См.: Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 567–570.

Разгром квартиры Макаровым. — Макаров — маляр.

С. 40. *...луг с центром Москва <...> луг Костромской...* — Имеется в виду либо переезд из Загорска в новую квартиру в Москве и работа над романом о строительстве Беломоро-Балтийского канала, либо поездка в Костромскую область и работа над книгой о Серой Сове.

С. 41. *«Кровавый пес Ягода» (статья Кольцова).* — В течение марта 1938 г. в «Правде» одна за другой появляются статьи М. Кольцова о происходящем на открытом процессе «Правотроцкистского антисоветского блока» по делу обвиняемых соратников Ленина и известных деятелей партии Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Н. Н. Крестинского, Х. Г. Раковского, а также бывшего руководителя НКВД Г. Ягоды. Ср.: «Когда встают прохвосты, которых судебный язык корректно называет подсудимыми, когда они встают и начинают, то с прибитым видом кающихся грешников, то с цинической развязностью кающихся негодяев подробно рассказывать о своих чудовищных деяниях, — хочется вскочить, закричать, ударить кулаком по столу, схватить за горло этих грязных, перепачканных кровью мерзавцев, схватить и самому расправиться с ними... Вот они сидят за прочным барьером, под стражей красноармейцев с винтовками, плененные, обезвреженные звери. А ведь они бродили на свободе! Наглыми хищниками рыскали они по стране. Шпионили, вредительствовали, портили, разрушали, отравляли... Бойкий "теоретик" и краснобай Бухарин... Врачи-отравители... Мрачной тенью темнеет в углу Ягода, несравненный мастер преступлений, чудовище в образе человека... Чернов совещается с Рыковым, куда ему направить вредительство по части сельского хозяйства» (*Кольцов М.* Свора кровавых собак. Из зала суда // Правда. 1938.

3 марта; (http://maximov-place.narod.ru/ussr/kolcov.html); «Безнадежна претензия болтливого, лицемерно подлого убийцы Бухарина изобразить из себя "идеолога", заблудшее в теоретических ошибках создание. Не удастся ему отделить себя от банды своих соучастников. Не удастся отвести от себя полную ответственность за ряд чудовищных преступлений. Не удастся умыть свои академические ручки. Эти ручки в крови. Это руки убийцы» (*Кольцов М.* Убийца с претензиями // Правда. 1938. 7 марта; http://evartist.narod.ru/text/01_08.htm).

С. 41. *...исполнение пророчества: все растечется в грязь».* — Цитату из романа Ф. М. Достоевского «Бесы» (1872) Пришвин выписал в дневник еще в 1920 г.: «Ничего не будет и проваливаться, а просто все растечется в грязь».

...потерял 4 гусей, а они были меченые, с лиловыми шеями. — Ср. рассказ «Гуси с лиловыми шеями» (1938).

С. 42. (*Поближе к лесам, подальше от редакций*). — Диалог с Розановым, который не прекращается в дневнике Пришвина в течение всей жизни, а также история их взаимоотношений является одним из интереснейших сюжетов русской культуры начала XX в. «Розанов стоял у истоков творческой личности Пришвина: он сыграл решающую роль в двух событиях жизни юного Пришвина ("побег из гимназии" в Азию (Америку) и исключение из гимназии), в которых впервые проявился конфликт между мечтой и действительностью, столь существенный для Пришвина впоследствии. В личности Розанова для Пришвина воплотилась идея самоценности мечты и связанной с ней жизненной трагедии. Импульс в духовном развитии, полученный в гимназические годы, превратился в личную сверхзадачу, которую он решает своим творчеством: спасение мечты и выход из трагедии. Второй период отношений с Розановым связан с деятельностью Религиозно-философского общества в Петербурге, на собраниях которого они встретились (1909). Книга Пришвина "За волшебным колобком" получает одобрение Розанова, а его завет "Поближе к лесам, подальше от редакций" Пришвин всегда помнит. Дневниковые записи с несомненностью указывают на глубокие и сложные отношения близости и отталкивания, соединявшие Пришвина с Розановым, которые не определяются словом "личные". Речь идет о преемственности философско-эстетических взглядов и литературного стиля Розанова в творчестве Пришвина» (Контекст-1990. М.: Наука, 1990. С. 161—218). Коммент. В. Ю. Гришина.

Испытать пленку: «агфа»... — Имеется в виду фотопленка международной компании «Agfa-Gevaert».

С. 45. ...(*вплоть до «смертию смерть»*)... — Тропарь Пасхальной службы.

С. 46. *...когда повидали немцев через войну...* — Имеется в виду Первая мировая война, когда Пришвин в качестве военного корреспондента ездил на фронт. Ср.: Дневники. 1914—1917. С. 96—124, 137—162; На братскую линию // Цвет и крест. С. 466—478.

С. 47. *...вспоминает Пушкина и его Сальери...* — Аллюзия на трагедию А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830).

С. 49. *...мораль этих последних (сверхчеловеков) относится к самому творчеству, т. е. к себе творящему: все, что у Ницше.* — Ср.: «В ранних работах Ницше содержится тенденция к признанию абсолютного метафизического значения человеческой личности. Согласно Ницше, задача каждого человека — реализовать в эмпирической действительности свою потенциальную абсолютность. Однако в дальнейшем Ницше теряет веру в то, что каждый способен достичь этой цели. Поэтому в более поздних работах он уже обращается не ко всем, а к избранным, к тем, кто достиг в своей жизни достаточной полноты ответственности за себя, за будущее культуры и общества. <...> Здесь можно видеть разочарование в человеке, утрату веры в то, что каждый из нас способен в своей жизни превзойти себя и стать неповторимой плодотворной личностью, творящей культуру и оказывающей мощное воздействие на окружающий мир и людей вокруг» (http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=40843&page=2).

С. 51. *Сутулый проснулся с мыслью об аврале...* — «Аврал» — одна из центральных глав романа-сказки «Осударева дорога», над которым Пришвин работает.

С. 52. *...с полоя на гриву.* — *Полой* — заливное место, мелкая впадина, куда идет полая вода; *грива* — хребет, возвышенная гряда на плоской местности.

Лоси заревели. — После этих слов идет следующая трудночитаемая запись: Леса. Красное болото, дубовое, Семеново озеро. Идоломка, р. Соть, болото ольховое Великое, Каменник, Ситное, р. Узокса. Костромка-Кострома. Леса, болото, большое озеро Поренжа — река бол. Грядков — Красное болото, дубовое, Семеново озеро. Дуб-Сев. Заездна, Идоломка озеро Идолом. р. Соть Верхняя, болото ольховое Великое, Каменник, Шороха, Ситное, р. Узокса, Костромка-Кострома.

Не задолится. По прибылой. По убылой... — *Не задолится* (*устар.*) — не задержится; *по прибылой* — по воде, прибывшей во время разлива; *по убылой* — по спавшей, ушедшей воде.

С. 55. *Манерка* — походная фляжка.

С. 56. *Вся жизнь одна ли, две ли ночи... Пушкин.* — Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824).

С. 56. *...так я и остался без ночек.* — В других записях фамилия агронома Зубрилин. В дневнике не раз появляются записи о мимолетном, но памятном для Пришвина разговоре (ср. ниже запись от 1 Апреля 1938 г.), который состоялся, судя по всему, в годы работы Пришвина агрономом (1902—1903), т. е. вскоре после его «парижского» романа с Варей Измалковой. Ср.: «*28 Августа 1935.* Давно я не видал таких снов — откликов моей личности на встречу с ней почти 40 лет тому назад: ведь сорок лет из года в год непременно снилась. После этого разве я не поэт? А фацелия с пчелами и рыдающий агроном Зубрилин? (слова его: — И ведь больше никогда, никогда не придет!) Неведомый друг! Как глубоко он скрывается, как невозможно трудна наша встреча! Писать именно и надо об этом...» (Дневники. 1932—1935. С. 775—776). «*30 Марта 1940.* Разумник нашел в 16 г. запись о "Фацелии" (26 лет вертелось, как бы написать рассказ)» (РГАЛИ). Ср. также: Дневники. 1914—1917. С. 283—284. Все эти записи являются вариантами поэмы «Фацелия» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 5. С. 6—8), в которой трансформация образа утраченного счастья осмысляется через развитие символики цвета. В силу смещения от лилового к синему (синее поле — синие птицы) символ цвета получает общекультурное наполнение. Завершающая поэму «Фацелия» строка из А. С. Пушкина подтверждает значимость литературного контекста.

...столько событий видел я между кончиной царя Александра 2-го и правлением Сталина. — Убийство народовольцами царя Александра II в 1881 г., когда Пришвину было 8 лет, он сам всегда считал началом своей сознательной жизни. Ср.: «*20 Июля 1915.* Матери дома нет, по лестнице бегут, кричат: — Царя убили! — Нянька причитывает: — Пойдут теперь мужики к господам с топорами» (Дневники. 1914—1917. С. 206, 574).

С. 57. *Нет вандыша. — Вандыш* — рыбка-корюшка.

С. 59. *...описывая Надвоицкий узел...* — Речь идет о романе «Осударева дорога»; имеется в виду узел канала.

С. 62. *Моя ... незавершенная любовь нашла свое завершение в «Корне жизни».* — Речь идет о первой «парижской» любви к Варе Измалковой и повести «Жень-шень».

С. 63. *История с пешней... — Пешня* — лом (рукоять и стальная насадка) для вырубания лунки во льду.

С. 64. *...Пушкин чуть с ума не сошел от гнева («Пророк»)...* — Стихотворение «Пророк» (1826) было написано после казни декабристов, друзей Пушкина.

С. 65. *...мы относительно лейтенанта Шмидта...* — П. П. Шмидт, руководитель мятежа на крейсере «Очаков» (Севастополь) в ноябре

1905 г., после подавления мятежа приговорен к смертной казни военно-морским трибуналом и в 1906 г. расстрелян.

С. 70. *...известный критик <...> написал...* — Возможно, имеется в виду писатель Е. В. Дубровский (псевдоним Лесник).

С. 71. *«Этажи леса» <...> «Вода» <...> «Мазай и зайцы».* — Видимо, имеются в виду рассказы-главы «Этажи леса», «Воды», «Край дедушки Мазая», которые вошли в цикл «Неодетая весна» (1940): Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 242—362.

С. 73. *...скупой, как Плюшкин...* — Аллюзия на поэму Н. В. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1842).

...шестикрылый Серафим ему явился. — Перифраз строк из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

С. 76. *«Инженер душ»...* — Все мемуаристы, которые писали о сталинских словах: «Писатель — инженер человеческих душ», сходятся в том, что впервые Сталин произнес их на встрече с писателями 26 октября 1932 г. в доме Максима Горького (особняк Рябушинского); некоторые отмечают, что это, возможно, перифраза слов Ю. Олеши: «Я могу быть инженером человеческого материала» из очерка «Человеческий материал» (1929).

С. 77. *Кастъ* — небольшая река, приток костромских разливов.

...всем Мазай, только зайцев не ловит... — Аллюзия на стихотворение Н. А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы» (конец 1860-х гг.) Ср.: «...дед Мазай жил не только в воображении Некрасова, а действительно жил все время в этих Вежах, охотился с Некрасовым, спасал зайцев, а после него в этом же самом доме живут до сих пор Мазаевы, его потомки. <...> Мазай был!» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 266).

С. 84. *...так точно жил скупой рыцарь...* — Аллюзия на трагедию А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» (1830, цикл «Маленькие трагедии»).

С. 85. *...я стоял в ожидании трамвая, и он подошел, весь обвешанный людьми.* — Многие вспоминают московские трамваи 1930-х гг., когда в утренние и вечерние часы на подножках висели гроздья народа. Ср.: «Я трамвайная вишенка страшной поры» — строка из стихотворения О. Мандельштама «Нет, не спрятаться мне...» (1931).

С. 88. *...существо Мороз — красный нос.* — Аллюзия на стихотворение Н. А. Некрасова «Мороз, красный нос» (1862—1863).

...это общее русское народное чувство... — Ср.: «По Мережк[овскому], способность отдаваться (царю) — русское начало, а быть царем

(личностью) — европейское, так что схематически получается чан Европы и чан России» (Ранний дневник. С. 245).

С. 91. *...ручей переплескивался, а дальше Бубнило... вспомнился Кавказ.* — Ср.: «*4 Апреля.* Горы и ручей. Маленький ручей распилил скалу сверху донизу. И гора с той и другой стороны обрушилась на ручей и засыпала, но задавить не могла. Ручей выбился, а на отлогих берегах рассыпанной скалы поселились разные травы, а потом люди пришли и начали землю пахать. Мы пошли берегом маленького ручья к реке Ху. Ручеек, однако, зарывался все глубже и глубже, пока, наконец, в остром углу высоких черных осыпей с упавшими вниз деревьями стало невозможно идти. На этот маленький ручеек падали гигантские чинары, рушились камни, осыпались целые горы, и он все-таки в конце концов, малюсенький, одолевал огромные горы. И так это странно было думать, что ведь целая большая гора не может засыпать самого маленького ручейка. Думая об этом ручейке, я думал о творчестве и, конечно, о себе, потому что это моя вечная мысль... Я вспомнил долину Желтой кручи: ведь и ее создал тот ручеек. И долина Черека со своими колхозами, черными пашнями — все это от горного ручейка, бегущего из-под ледника. Смотрел туда, в снежные горы, бродил по снежным и бесснежным пустыням, и мне было точно как на море: ничего нет лучше, веселей наблюдать битву волн со скалами, и как пусто в самом море; так и здесь, наблюдая в предгорьях разрушение гор от воды, хорошо посматривать на те снежные вершины и понимать их жизнь по этому маленькому ручейку, которого не может задавить гора» (Дневники. 1936—1937. С. 89).

С. 93. *...все вдруг стремительно полетело вперед.* — Речь идет о начале романа «Осударева дорога». Ср. запись от 1 июня: «...новое должно быть бесчеловечным, старое человечно и неподвижно: и двинуться — грех, и остаться без движения — грех».

С. 94. *Граф* — имя прирученного грача.

Щетинин — «чучело», а слушаться надо. — В начале XX в. Пришвин был одним из тех многих представителей русской художественной интеллигенции, кого чрезвычайно интересовало хлыстовство, а также личности лидеров хлыстовских сект, одним из которых был А. Щетинин (секта «Чемреки»). Хлысты, или христоверы, считали возможным прямое общение со Святым Духом и воплощение Бога в праведных сектантах — «христах» или «богородицах». Ср. о секте Щетинина и о нем самом, которого другой сектантский лидер, П. Легкобытов, называл «чучелом»: «Чучело, в котором жил будто бы бог, властвовало над этими людьми. Пьяница... не только пользовался имуществом и заработком своих людей, но требовал, когда ему вздумается, их жен, и они покорно отдавались не чучелу, а богу, который в нем живет» (Круглый корабль // Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 793). «Ты больше

я» — один из афоризмов Щетинина, который в разные годы по разным поводам и со всех сторон обсуждается в дневнике Пришвина. Ср.: Ранний дневник. С. 175—316, 581—643; *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература, революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 328—329.

...тут будет Зигфрид. — Зигфрид — один из важнейших героев древнегерманского эпоса, по мотивам которого написан цикл опер Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга» (1848—1874), третья из них — «Зигфрид». Главный герой олицетворяет борьбу с мифическими силами тьмы и зла, побеждает их и освобождает Брунгильду, образ которой понимается как солнце, весна, начало новой жизни.

С. 95. *Свобода и необходимость. Свести к проблеме Алпатова.* — Алпатов — герой автобиографического романа «Кащеева цепь», alter ego писателя. Ср.: «*Б/д. 1947.* "Хочется" и "надо" — это у меня с первого сознания, между этими скалами протекла вся моя жизнь»; «*30 Июня 1948.* Свобода есть выход из необходимости, и в этом все назначение человека. Моя мечта была усвоить необходимость нашего времени и выйти из нее. Последовательно я писал в этом направлении и выходил понемногу. "Осударева дорога" есть окончательное решение этого вопроса в моем опыте. <...> Два выхода из необходимости: бунт или творчество. Но за бунт люди отвечают. А творчество есть выход личный, это есть "мир", а то (бунт) есть война»; «*20 Апреля 1948.* Эта работа моя является и проверкой мне самому, и покажет она, кто я такой, дерзнувший без Вергилия странствовать по аду» (РГАЛИ).

Аврал — это Чан. — Ср.: «Когда я раздумываю об отношении нашего общества к власти, я часто вспоминаю жизнь одной секты "Начало века", которую лично я наблюдал в Петрограде. Члены этой религиозной общины отдаются в полное рабство одному "царю", имеющему, по их же признанию, всю бездну человеческих пороков, и терпят его власть над собой, как грех: они работают на него день и ночь, он пьянствует и насилует их жен. Их цель — дойти в своем страдании до такого состояния равенства, единства, чтобы не знать, где мое и где твое, быть как одно существо. <...> Это было в годы между двумя революциями и нашего интеллигентского богоискательства. И я видел культурных (без кавычек) людей, которые, приходя на собрание секты "Начало века", спрашивали:

— Что делать?..

Им отвечали:

— Бросьтесь в наш чан, и воспрянете вождями народа.

Жажда залучить к себе культурного человека у них была велика, потому что они смутно надеялись найти через это выход из теснин секты в общий мир. И у этих культурных людей жажда броситься в чан была велика, потому что им хотелось стать вождями своего народа.

Наблюдая теперь вокруг себя жизнь простого народа, бросившего в свой чудовищный чан всякую живую отдельность до полного растрепания, я часто вспоминаю секту "Начало века". Мне кажется иногда, что не кучка фанатиков предлагает какому-то поэту-декаденту бросаться в чан царя-пьяницы, а целая огромная страна присягнула князю тьмы и в ожидании своего воскресения предлагает светлому иностранцу (кто этот легендарный "пролетарий"?) броситься» (Русский чан // Цвет и крест. С. 203–204).

У Пришвина чан — метафора истории и народной жизни; в разные годы в дневнике писатель рассматривает русскую революцию сквозь призму сектантской психологии. Ср.: Дневники. 1918–1919. С. 33–36.

С. 97. *Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus.* — «Будем радоваться, пока мы юны» (*лат.*) — первая строка средневековой студенческой песни «Гаудеамус» (XIII в.), воспевающей жизнь, молодость, науку и популярной в последующие века среди студентов различных стран, в том числе в дореволюционной России. У Пришвина наверняка осталась в памяти со студенческих лет учебы в Германии.

С. 100. *...от этих молочниц взял Розанов свой Египет и узнал его в образах древнего Египта.* — «Коперниковское» открытие Розановым темы пола в конце 1890-х гг. повлекло его историко-культурное погружение в древние восточные культы, «египетские секреты». В «повороте к египетским коровам», «положительно абсолютной» цивилизации Древнего Египта Розанов видел преодоление кризиса безбытийной, «афизиологичной» христианской цивилизации. В 1916–1917 гг. он начал издавать по выпускам книгу «Из восточных мотивов», посвященную Древнему Египту как «корню» всей мировой цивилизации. Уже умирая, Розанов «жаждал» завершить эту книгу: «А работа действительно изумительная. Там есть масса положительных открытий, культ солнца почти окончен» (*Розанов В. В.* Письмо к Н. Э. Макаренко от 20 января 1919 г. // Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 528). П. А. Флоренский считал, что эта книга является «розановским Святая Святых».

Древнеегипетская культура, «религия Отца миров и Матери миров», которую Розанов переживал главным образом визуально (через египетскую живопись и скульптуру), в силу своей ярко выраженной органичности стала ключевым источником в его онтологическом мифотворчестве пола, семьи, чадородия, материнства.

Онтологию пола, которая питалась у Розанова личным переживанием, он проецировал на древнеегипетскую мифологию, узнавая в ней свой личный опыт: «Я вдруг увидел *все, все*, о чем мечтал, думал, томился. И "на египетское солнце" я взглянул "как на родное себе". Все, все, все — весь Египет — я открыл внутри себя. Это есть самое поразительное, и "Бог меня привел". Но он привел и *постепенно приводил*

именно от чрева матери, и от шалфея, и от спринцовки» (*Розанов В. В.* Письмо Э. Голлербаху от 8 августа 1918 г. // Розанов В. В. Собр. соч.: В нашей смуте. М.: Республика, 2004. С. 355).

Розановский миф о корове, мечта припасть к ее сосцам, в которой отчетливо проступает египетский культ коровы и молока как архаических символов плодородия, изобилия, благоденствия (выраженных, в частности, в изображении фараона, сосущего в виде младенца молоко Небесной Коровы), основан и на личных наблюдениях Розанова за дойкой коров: «Какое счастье припасть ртом к Матери-природе и, установившись плечами между ног 3-х годовалой телицы, пить молоко из нее без посредства этих глупых кувшинов. Сладко ли будет ей самой это? Я замечал как бы задумчивый экстаз (полная неподвижность) коров, когда их доят крестьянки в поле» (*Розанов В. В.* Эмбрионы. Корова и яблоки (1902) // Розановская энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. Ст. 1563).

Проекция материнского мифа Розанова на древнеегипетскую живопись проявляется в его восприятии Исиды, кормящей грудью Гора, изображение которой Розанов объяснял обожествлением египтянами материнства: «Тут есть мысль: "Ничего прекраснее женщины, кормящей грудью младенца своего, не будет". Бог сказал. И люди сказали: — Да» (*Розанов В. В.* Собр. соч.: Возрождающийся Египет. М.: Республика, 2002. С. 75—76, 176). Изображения египетских богинь с диадемой из коровьих рогов на голове стали визуальным символом розановского мифа о корове-матери. Коммент. А. Медведева.

Ср.: «*11 Мая 1952.* Трясогузка бегала у нас по огороду, и я вспомнил Розанова в его духовном общении с египтянами: так у них трясогузка была та же самая, но почиталась как священная птица. Вот я думаю, Розанов воскресил сие египетское древнее, и ему казалось все существующее мелким и глупым до того, что он правой рукой "правым" писал, левой же — "левым"« (РГАЛИ).

С. 104. *...веселый разговор о Репине...* — Свою встречу с И. Е. Репиным Пришвин вспоминает в дневнике: «*Б/д.* Я пришел в Тенишевский зал (в Петербурге) на лекцию Чуковского о Некрасове. Не помню, то ли я рано пришел, то ли запоздал лектор, но вышел значительный промежуток времени между моим приходом в зал и началом лекции. — Смотрите, — сказали мне, — вот и Репин идет. Я стал у стены. Репин прошел мимо меня и сел в первом ряду. Это был старичок худенький, небольшого росту. Я один раз слышал его выступление на большом съезде художников, и его манера говорить поразила меня и на всю жизнь вдохновила. Он говорил не как ораторы говорят для отвлеченной аудитории, а как говорит кто-нибудь для семьи своей или друзей дома. Мы все во время речи Репина, очень смелой, освобождались от условностей, становились большой семьей почитателей искусства, людьми, родственно связанными своим служением большому делу. С тех пор Репин, конечно, постарел, подсох, но все же это

был Репин. Мне вспомнилась его речь, и вдруг захотелось мне перекинуться с ним двумя-тремя фразами. — Как бы мне с ним познакомиться? — спросил я. — С Репиным? Да разве можно знакомиться с Репиным, — у него и незнакомые все знакомые. Подойдите просто к нему и приветствуйте. — Здравствуйте, Илья Ефимович, — сказал я, подсаживаясь к Репину. — Здравствуйте, милый мой, — ответил тот, — что это вас давно не видно? Откуда вы приехали? — Тут я соврал: — Из Ельца, — говорю, — приехал.— Из Ельца! Ну, рассказывайте, как там живопись в соборе — не чернеет? Только пойдемте в буфет чай пить, успеем, пока Чуковский начнет. Так я познакомился с Репиным и сел чай пить как совершенно знакомый, свой человек. Правда, он не знал моего имени, не знал, чем я занимаюсь. Но в общении с ним меня это не смущало, казалось, будто это все личное мое неважно, а самое главное общее, входящее в каждого человека, составляющее как бы всего человека, — это он знал, и это одно было важно и для него и для меня» (Личное дело. С. 298).

С. 105. *...высказал Цветкову свое удивление <...> его огромной <...> работой над рукописями В. В. Розанова.* — Цветков Сергей Алексеевич (1888—1964) — литератор, друг Розанова, составил первую наиболее полную библиографию Розанова (ок. 3000 названий) (ОР РГБ. Ф. 249. К. 11—12), «Список газет и журналов, в которых печатался В. В. Розанов», а также хронологический список его псевдонимов (Литературоведческий журнал. М., 2000. № 13/14. Ч. 2. С. 245—246, 248). В план своего Собрания сочинений Розанов включил письма Цветкова к нему в том «Литературные изгнанники». В 1938 г. Цветков готовил часть розановского архива для сдачи в Литературный музей (ГЛМ) (*Половинкин С. М.* Цветков С. А. // Розановская энциклопедия. М., 2008. Ст. 1138). «Он помог нам сдать архив отца Бонч-Бруевичу в Литературный музей. Тогда же были сданы 12 больших папок с вырезками статей папы из "Нового времени"» (*Розанова Т. В.* Воспоминания об отце // В. В. Розанов: pro et contra: Антология. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. I. С. 65). См. также о нем коммент. к дневниковой записи от 28 мая 1937 г. (Дневники. 1936—1937. С. 938). Коммент. А. Медведева.

С. 106. *...трясогузка, птичка, с которой еще в Египте художники брали образ души человеческой.* — В древнейших текстах пирамид образ творца мира — «Тот, Кто творит всё» — изображается маленькой птичкой-трясогузкой на болотной кочке, возникшей, когда спадает разлив Нила; трясогузка — образ возникновения бытия из водной стихии.

С. 107. *...«как будто в бурях есть покой».)* — Строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832).

С. 108. *...как это Горький <...> мог влюбиться в Пришвина...* — О желании иметь книгу «В краю непуганых птиц» Горький писал И. Рома-

нову в августе 1911 г.: «Встретите Пришвина, будьте добры передать ему мой сердечный привет. Я в великом восторге от "Черного араба" — это чудесная вещь! И очень хорошо "Птичье кладбище". Не укажет ли он: где могу найти его книгу "Край непуганых птиц"? Не пришлете ли ее?» Пришвин в ответ пишет Горькому письмо: «Новгород, 13 сент<ября> 1911 г. Простите, не знаю вашего житейского имени, глубокоуважаемый и дорогой мне "Максим Горький". Писали мне, что вы желали бы иметь мою книгу "В краю непуганых птиц". Вот я вам ее и посылаю. Боюсь только, не понравится. Это была моя первая проба писать. <...> Потом посылаю еще вам оттиски своих рассказов "У горелого пня", "Черный араб", "Птичье кладбище" и "Крутоярский зверь"» (Горький и советские писателя. Неизданная переписка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 320—321).

С. 109. *...жил Авраам по Завету с Богом...*— Быт 15: 9—18.

Розановское «хочу» и старческий долг. — Розанову с детства была чужда внешняя для личности и подчиняющая ее свободу безличная категория долга: «Я всегда жил "по мотиву", т. е. по аппетиту, по вкусу, по "что хочется" и "что нравится". Даже и представить себе не могу такого "беззаконника", как я сам. Идея "закона" как "долга" никогда даже на ум мне не приходила. Только читал в словарях, на букву "*Д*". Но не знал, что это, и никогда не интересовался. "Долг выдумали жестокие люди, чтобы притеснить слабых. И только дурак ему повинуется"» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 97). Детерминации личности рациональными этическими нормами Розанов противополагал внутренне присущие его личности чувства жалости и благодарности (Там же).

Идея «долга» приходит к Розанову только под старость (Там же) в связи с переживанием болезни жены: «...Так моя жизнь, как я вижу, загибается к ужасному страданию совести. Я всегда был относительно ее беззаботен, думая, что "ее *нет*", что "живу *как хочу*". Просто — ничего о ней не думал. <...> И вот эта мука: друг гибнет на моих глазах и, в сущности, по моей вине» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 531). Коммент. А. Медведева.

...как в сказке пристала колбаса к чьему-то носу... — Возможно, аллюзия на сказку Шарля Перро «Потешные желания».

...за что, например, умер Каляев... — 4 февраля 1905 г. И. П. Каляев, член «Боевой организации эсеров», бомбой убил генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича, за что был арестован и казнен.

...пока не почувствовал свое личное «Хочу»). — Речь идет о юношеском увлечении марксизмом, участии в одном из первых революционных студенческих кружков, годичном тюремном заключении, высылке

на родину; затем, после отъезда в Германию и окончания Лейпцигского университета, Пришвин постепенно отходит от всякого участия в революционной борьбе. Ср.: «*Б/д.* Я утверждаю свое право заниматься искусством как делом, равноценным всяким "настоящим" делам, включая революционные. Мое занятие было истинно реально потому, что я исходил из того, что есть во мне самом, но не что будет когда-то вне меня»; «*Б/д.* Я сказал себе: "Нет для меня в том никакого сомнения, что рабочее движение победит и все устроится, как предвидел Маркс, но это сделается без моего участия. Но вот вопрос, я-то для чего существую, или, вернее, что же есть на свете такое, чему без меня лично не бывать?"» (Путь к Слову. С. 71–72).

С. 111. *Шперк (из «Уединенного» Розанова) говорит...* — См. коммент. к с. 109 («Розановское "хочу"...»).

С. 112. *Широта мысли Розанова за счет этого «рыцарства» (и узость Горького из-за его идеализма, правды и всего такого юношеского).* — Ср. с розановским размышлением об узости левой интеллигенции в лице Горького и широте мировосприятия в славянофильском направлении: «Несколько прекрасных писем от Горького этот год. Он прекрасный человек. Но если все другие "левые" так же видят, так же смотрят, то прежде всего против "нашего горизонта" — какой это суженный горизонт! Неужели это правда, что разница между радикализмом и консерватизмом есть разница между узким и широким полем зрения, между "близорукостью" и "дальнозоркостью"? Если так, то ведь, значит, мы победим? Между тем, никакой на это надежды» (*Розанов В. В.* Уединенное (1912) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 109). Коммент. А. Медведева.

...единственный «друг» — это мне близко с Розановым. — «Другом» в «Опавших листьях» Розанов называет свою жену, В. Д. Бутягину-Розанову. О своем метафизическом солипсизме и преодолении его любовью к жене Розанов писал: «Я был "иностранец", — "восхищенным Анахарсисом", как в политике, увы, как — *во всем.* Эта-то страшная *пустыня* и томит меня: что я нигде не "свой"; что на земле нет места, где бы я почувствовал: "мое", "мне *данное*", "врожденное". И вся жизнь моя есть поиски: "Где же *мое*". Только в "друге" мне мелькнуло "мое". Это что-то "в судьбе", "в звездах", т. е. встреча и связанность. Тут — живое; и — идеальное, которое живо, а не то чтобы "вследствие живого (которое понравилось) — идеализировалось". Связь эта — провиденциальна. Что-то Бог мне тут "указал", к чему-то "привел"» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 224–225); «Отсюда и "Уед[иненное]" как попытка выйти из-за ужасной "занавески", из-за которой не то чтобы я не хотел, но не *мог* выйти... <...> Отсюда же и привязанность или, вернее, какая-то таинственная *зависимость* моя от "друга"... В которой

одной я сыскал что-то *нужное* мне... <...> "Друг" и дал мне возможность дыханья. А "Уед[иненное]" есть усилие расширить дыхание, и прорваться к люд[ям], кот. я искренне и глубоко люблю» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 337). См. также о ней коммент. к дневниковым записям от 3 и 21 мая 1937 г. (Дневники. 1936—1937. С. 928—929, 934). Коммент. А. Медведева.

С. 113. *Пиковая Дама*. — Рассказ «Пиковая Дама» был написан и опубликован в 1938 г.

...об одной молодой стране, на которую собирается напасть большое воинственное государство... — Речь идет о Чехословакии (оккупация Чехословакии Германией произойдет позднее). В течение 1935—1938 гг. Абиссиния, Испания, Австрия, Чехословакия последовательно становились жертвами фашистских режимов Италии и Германии.

С. 117. *Восхищение Розанова перед человеком, боящимся жены...* — Ср.: «Видел одного германца, из Саксонии, очень ученого, женатого на "русской (приблизительно) курсихе" (курсистке). Каким он цыпленочком ходил по комнатам, и едва она, встав, сказала: — Фриц! Пора домой! — как он, прервав ученые разговоры по химии, пошел в переднюю и одел ей калоши. Она очень хорошо ему "держала ножку" (подставила для одевания). Она была, пожалуй, нехороша, но что-то дразнящее. И как он побежал за этим "дразнящим"... <...> какая глубокая покорность немцев русским бабам!» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб второй (1915) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 569—570). Видя в этой мужской покорности женщине проявление немецкой (муж) и славянской (жена) ментальности, Розанов пророчествовал о «затоплении», мирном завоевании Россией Германии: «Океан — женщина. Материк — мужчина» (Там же. С. 569).

«Жена да боится мужа» — слова из «Апостола» (зачало 230Б), читаемого при совершении таинства Брака: «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви. Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф 5: 32—33). Ап. Павел говорит не только о повиновении жены мужу, обосновывая его повиновением Церкви Христу (Еф 5: 23—24), но и о любви мужа к жене: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф 5: 25). Слова «жена да боится своего мужа» Розанову накануне его венчания с В. Д. Бутягиной напомнил К. Н. Леонтьев, советуя первым вступить на венчальный коврик в знак будущей власти над женой (*Леонтьев К. Н.* Письмо В. В. Розанову от 24 мая 1891 г. // Розанов В. В. Собр. соч.: Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 339—340). В 1903 г. Розанов полемизировал с этой «*предвенечной*» русской психологией, согласно которой «"не так люби, как хочется, а как *мы*

велим", и "жена *да боится* своего мужа", и "коврик", и "кому первому на него вступить": Да супружества *нет вовсе*, если оно не каплет, как мирра, нежностью и благоуханием, взаимной уступчивостью, *восторгом* уступчивости. <...> ни Адам *не кончен без Евы*, ни Ева *не начата без Адама*. Здесь — любовь, от самого создания и в плане самого создания» (Там же. С. 340—341). Коммент. А. Медведева.

С. 118. *Вчера был конец Ставского...* — 20 января 1938 г. А. К. Гладков записал в дневнике: «Говорят, что пошатнулось положение Ставского. Этот бездарный наглец, ставший каким-то образом во главе нашей литературы, наверно, уже не нужен сейчас, когда главная чистка проведена». И еще через 8 дней: «Пресса обрушилась на Ставского» (http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/1/ne11.html).

С. 120. *И. А. Новиков посредством своих книг «Пушкин в Михайловском» и «Слово о Полку Игореве» стал современным писателем...* — Имеются в виду книги И. А. Новикова «Пушкин в Михайловском» (1934—1936) и «"Слово о полку Игореве" и его автор» (1938).

С. 121. «*Единым человеком грех в мир вниде*»... — Рим 5: 12.

С. 122. *...сказал: «Ну, что же, Черный, так Черный».* — См. об этом главу «Собаки-путешественники» в книге «Неодетая весна» (1940): Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 252—256.

С. 123. *...статья Маршака «Горький и его маленькие наследники».* — На самом деле в статье Маршака (А. М. Горький и его маленькие наследники // Год 21-й. Альм. 13. М., 1938. С. 82—89) речь идет не о «маленьких» писателях, а о «маленьких» читателях («...мы разбирали с Алексеем Максимовичем груды детских писем, — сотни листков, вырванных из школьных тетрадей. Все письма были присланы в ответ на вопросы, заданные Горьким детям Советского Союза: что они читают и о чем хотят читать»). В других высказываниях Маршака о Пришвине также трудно найти враждебные «стрелы», направленные лично против Пришвина. Ср.: «Нечто свое, особенное, неповторимое внес в детскую литературу Михаил Пришвин, великий знаток русской природы, охотник, землепроходец, который с полным правом может называться "бывалым человеком"» (*Маршак* С. О большой литературе для маленьких. О наследстве и наследственности в детской литературе. 1933 // http://s-marshak.ru/works/prose/vospitanie/vospitanie31.htm); «Книга для детей должна быть произведением высокого искусства... Нельзя не вспомнить такого замечательного поэта природы, как Михаил Пришвин» (http://s-marshak.ru/works/prose/prose34.htm). Причину реакции Пришвина нужно скорее искать в общей атмосфере враждебности, которую он постоянно чувствовал в эти годы (*«15 Сентября 1932.* ...охотничьих моих рассказов больше нигде

не печатают»; «*9 Марта 1933.* "Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений"»; «*26 Апреля 1934.* О "Женьшень" даже рецензии нет нигде»; «*24 Августа 1934.* Съезд (Первый съезд Союза писателей. — *Я. Г.*) тепленький. Ораторы выжимают из себя силу произносить заранее написанные речи <...> смысл всего таится где-то <...> на собраниях у Горького, куда меня не зовут. И не выбрали в президиум, и не зовут, и рассказ мой в "Известиях", кажется, провалился». Откуда-то этот холодный ветер неприятия дул — Пришвин видит «еврея», но сам себя окорачивает, понимая, что в данном случае не в этом дело. Он не может понять, кто или что против него — а против была сама атмосфера сложившейся жизни, в которой никто никогда не знал, как отзовется его слово, что произойдет в следующий момент и пр. Пришвин считал, что *случайно* не пригласить его не могли, и чья-то воля в этом проявилась («Все это, по-видимому, указывает на какую-то линию политики не только в отношении меня»; «вот отчего меня отчуждают: они все были в политике, я же вне»).

С. 124. *«Несть бо власти, аще не от Бога» и «Взявший меч от меча и погибнет»* — Рим 13: 1; Мф 26: 51—52.

...некоторые извращали, говоря: «Не пей». — Поговорка «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться» и «Не пей из колодца, пригодится плюнуть».

С. 125. *Вспомнишь индивидуалистов, русского Байрона Лермонтова...* — Ср.: строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой» (1832).

С. 126. *...поведение Англии в отношении бомбардировки городов...* — В 1930-е гг. Великобритания проводила политику «умиротворения» фашистской Германии, в русле которой было и подписанное премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом Мюнхенское соглашение с А. Гитлером и Б. Муссолини (29—30 сентября 1938 г.).

С. 128. *Цветков < ...> является тем счастливым русским интеллигентом...* — С. А. Цветков примыкал к московскому славянофильству. Под его редакцией вышла книга кн. В. Ф. Одоевского «Русские ночи» (М.: Путь, 1913). О славянофильстве Цветкова Розанов писал: «Церковь есть не только *корень* русской культуры, — это-то очевидно даже для хрестоматии Галахова, — но она есть и *вершина* культуры. Об этом догадался Хомяков (и Киреевские), теперь говорят об этом Фл. и Цв.» (*Розанов В. В.* Опавшие листья. Короб первый (1913) // Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 305—306). См. также о нем коммент. к дневниковым записям от 11 июня 1938 г. (с. 538) и от 28 мая 1937 г. (Дневники. 1936—1937. С. 938). Коммент. А. Медведева.

С. 129. *Мелькнул сюжетик для рассказа детям о лесе. Тиль-тиль и Митиль.* — Так, с аллюзии на пьесу Мориса Метерлинка «Синяя птица» (1908), начинается самая известная повесть Пришвина «Кладовая солнца» — его первое произведение, написанное в жанре сказки (точнее, жанр Пришвин определяет так: сказка-быль).

С. 133. *...как нераздельную часть целого <приписка: т. е. «броситься в чан»> (Руссо).* — Аллюзия на следующее положение из трактата «Общественный договор» (1762) Жан-Жака Руссо: «Каждый из нас отдает свою мощь под верховное руководство общей волей, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого» и контаминация руссоистской и хлыстовской парадигмы.

...Газик лучше пригоден для наших дорог, чем М. — Речь идет о первом отечественном легковом автомобиле ГАЗ-А («газик»), на смену которому пришел ГАЗ-М-1 (в 1937 г. экспонировался на Всемирной выставке в Париже); поскольку завод получил имя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова и в индекс модели была введена буква «М», в народе автомобиль прозвали «эмкой».

С. 134. *...обернул на Ницше: «идешь к женщине»...* — Имеются в виду слова из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (1883—1885): «Ты идешь к женщине? Не забудь плетку!» Книга хранится в последней библиотеке Пришвина в Дунине.

С. 135. *...узнал, что умер Шаляпин.* — Шаляпин скончался 12 апреля 1938 года в Париже, о чем сообщалось в советских газетах. Ср.: «*14 Октября 1917.* Раз я провел вечер в ресторане в обществе Горького и Шаляпина. Я первый раз тогда видел Шаляпина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротничка, белой глыбой над стаканом вина. Кроме Горького и Шаляпина, тут, в кабинете, было человек десять каких-то мне незнакомых и дамы. Разговор был ничтожный. Вдруг Шаляпин словно во сне сказал: — Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей.

И пошел, и пошел о голубях, а Горький ему подсказывает, напоминает. И так часа два о голубях в ресторане, потом у Шаляпина в доме чуть не до рассвета все о Казани, о попах, о купцах, о Боге, без всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью.

Горький спросил меня после, какое мое впечатление от Шаляпина. Я ответил, что бога видел нашего какого-то, может быть, [полевого] или лесного, но подлинного русского бога. А Горький от моих слов даже прослезился и сказал: — Подождите, он был еще не в ударе, мы еще вам покажем!

Так у меня сложилось в этот вечер, что Шаляпин для Горького не то чтобы великий народный артист, надежда и утешение, а сама роди-

на, тело ее, бог телесный, видимый. Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил от церкви, Мережковский от Пушкина, а Горький от Шаляпина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шаляпина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы, бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии. Вот бы спросить в то время, имеет ли Горький отечество, любит ли родину. Я бы ответил, что чересчур сильно, болезненно, пожалуй, садически» (Дневники. 1914—1917. С. 518—519).

Приходила Таня вся в слезах... — Речь идет о Татьяне Васильевне Розановой, дочери В. В. Розанова, с которой Пришвин был дружен. Ср. многочисленные записи о ней: Дневники. 1926—1927. С. 227—522.

С. 136. *Замолаживает* — наступление пасмурной погоды, приближение ненастья, замолаживает к дождику.

С. 137. *Получил во сне письмо от нее...* — В течение всей жизни Пришвин записывает сны о Варе Измалковой.

С. 141. *...и Дон Жуан, значит, прост.* — Дон Жуан (Дон Хуан) — герой средневековой легенды, архетип рыцаря-повесы, искателя любовных приключений; стал неиссякаемым источником ряда литературных произведений (Мольер, Гофман, Байрон, Пушкин).

С. 144. *...здание Академии Платона <...> была тут в Вифании духовная академия...* — Имеется в виду митрополит Платон (Левшин), который в 1775 г. был провозглашен архиепископом Московским и Калужским, также священно-архимандритом Свято-Троицкой Лавры в Сергиевом Посаде. Им была учреждена Троице-Лаврская (Свято-Вифанская) семинария, с 1783 г. в Вифании шло строительство церкви.

С. 147. *Читал «Одноэтажную Америку»...* — Имеется в виду книга И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка» (1936).

С. 150. *На докладе о Чехословакии Фадеева.* — Не установлено, какое выступление имеется в виду, но находившийся в Чехословакии А. Фадеев так описывал реакцию чехов и словаков на вторжение Германии: «21 мая страна призвала под ружье резервистов. Старые солдаты и молодые чешские парни, где бы ни застал их призыв — на поле за плугом, в шахте у перфоратора, за кафедрой в университете или за конторкой банка, молча, со спокойной решимостью во взоре откладывали орудия своего труда, целовали жен, детей, невест, матерей и шли на призывной пункт. Через несколько часов, вооруженные и обмундированные, сопровождаемые приветственными криками народа,

они уже шагали в колоннах к вокзалам, и десятки поездов, точных, как часы, развозили их по границам родной земли. Весь народ знал, что Советский Союз, верный договору с Чехословакией, выполнит свой братский долг до конца, если чешское правительство окажет вооруженное сопротивление насильнику» (http://www.warmech.ru/war_mech/che38_2.html). Речь идет об оккупации части Чехословакии (Судетская область), которая последовала за подписанием 30 сентября 1938 г. Мюнхенского соглашения (Англия, Франция, Германия и Италия). Правительство Бенеша за помощью к СССР не обращалось.

С. 150. *Из Рыбникова...* — Имеются в виду строки из известного сборника «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (Т. 1—4. 1861—1867), включавшие записи былин, побывальщин, исторических песен и баллад.

...(*мой чекист*)... — Имеется в виду чекист в романе о строительстве Беломорского канала, над которым Пришвин с перерывами работает начиная с 1933 г. (поездка на Беломорский канал).

С. 151. *...право смотреть на другие страны как на колонии, вот Абиссиния...* — В 1936 г. фашистская Италия оккупировала Абиссинию (Эфиопию).

«Смерть» Тургенева... — Имеется в виду очерк И. С. Тургенева «Смерть», который входит в цикл «Записки охотника» (1847—1852).

Чулков <...> сказал, что будто бы Демьян арестован... — На самом деле, после награждения орденом Ленина в 1938 г. Демьяна Бедного резко раскритиковали за либретто комической оперы «Богатыри» (1936): спектакль (о крещении Руси) был осужден как антипатриотический и «клеветнически искажающий историю». См.: http://i-grappa.livejournal.com/326278.html.

С. 153. (*Записки из подполья*). — Аллюзия на повесть Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).

С. 156. *...нашел в дневнике 15 г.* (*Апрель, Исайка*)... — Имеется в виду хорист Исай Григорьевич Дворищин, который с 1904 г. не только работал секретарем Шаляпина, но был его преданным другом. Уезжая в 1922 г. за границу, Шаляпин оставил квартиру и имущество на его попечение, и Дворищин до своей кончины (1942 г.) в неприкосновенности сохранял все, что было доверено ему Шаляпиным (http://arent.spb.ru/history/musflats.html). Ср.: «*2 Мая 1915.* Исайка. Шаляпин. Исайка заведует Шаляпиным, он — секретарь, все тревожное, неприятное, злое, всякие хлопоты Исайка принимает на себя, а Ш. остается царем, паном, певцом (точно так же о. Николай сдает все хозяйственное (материальное) Ивану Лисину, а сам остается только священни-

ком, как и Толстой сдает литературную часть Софье Андреевне). Жидок в Вильне сказал мне: "Вы талантливый, но у вас не хватает нахальства и пронырливости, вот если бы вы взяли себе секретаря, я бы мог с удовольствием взяться за это". Исайка предан и должен быть предан Шаляпину. У Исайки семья, которую он честно кормит. Но надо себе представить, что будет, если у Шаляпина пропадет голос, а у Исайки достаточно будет средств. Шаляпин бьет Исайку. Когда в гневе Ш. и нельзя бывает к нему подступиться, подсылают Исайку. Так переносишься и в общее мира: все черное кому-то сдается (рабочим, мужикам, женам). Это секретарское, материальное одинаково для всех, для него нет различия в качестве духовного хозяина — это и ужасно, что как для мечтателя, перепелиного охотника беспощадна семья, так и для Толстого: там безликое, слепое. И вот социалисты это слепое берут на себя. У этой массы есть крест, которым они потом побеждали господ, этот крест (бессознательно) марксисты и хотят взять на себя» (Дневники. 1914—1917. С. 192—193).

...в крови моей живет раскольничье рыцарство? — Мать писателя Мария Ивановна Пришвина была родом из староверского рода купцов-мукомолов города Белева, перешедшего в православие.

Все начальники действовали на меня (*напр., Авербах*)... — К примеру, в 1933 г. Пришвин узнает о недвусмысленной, резко негативной реакции Л. Авербаха (в недавнем прошлом ответственного секретаря РАППа, в октябре 1932 г. по настоянию Горького введенного в Оргкомитет Союза советских писателей) на довольно скромное и незаметное в общественном смысле событие: юбилейный вечер на краеведческой секции Оргкомитета Союза писателей в честь 60-летия Пришвина («"*Пришвину надо не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений*"»). Или во время обсуждения рассказа Пришвина в издательстве «Молодая гвардия» (1930), по воспоминаниям племянника Пришвина Андрея Сергеевича Пришвина, О. Брик, отметив мастерство автора, добавляет, что «нет в <...> рассказе <...> советского духа». А. С. Пришвин вспоминает его слова: «Вот, к примеру, вы пишете о вороне, <...> и у вас не чувствуется, что это наша, советская ворона...» (Дальний Восток. 1971. № 12. С. 50—51). О писательской стратегии Пришвина в советские годы см.: *Варламов А. Н.* Михаил Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 292—397. (ЖЗЛ).

С. 157. *Душевная смута в связи с событиями на Дальнем Востоке...* — Речь идет о вооруженных столкновениях между частями Красной армии (командующий В. К. Блюхер) и японской Квантунской армией на советско-маньчжурской границе в районе озера Хасан в 1938 г., причиной которых было стремление обеих сторон улучшить свою пограничную линию. В 1939 г. новые столкновения произошли на маньчжуро-монгольской границе в районе Халхин-Гола (командующий советскими войсками Г. К. Жуков). Пришвин не мог оставаться

равнодушным к этим событиям, потому что его поездка на Дальний Восток в 1931 г., которая, как всегда и везде, сопровождалась ежедневной работой над дневником, не только оставила глубокий след в его душе и памяти, но и привела к созданию одного из самых известных его произведений — поэмы «Жень-шень». Ср.: Дневники. 1930—1931. С. 387—511.

С. 159. *Картофельник* (*местн.*) — поле картофеля.

С. 160. *...рад победе возле Посьета* — Речь идет о конфликте СССР и Японии на озере Хасан в районе бухты Посьет в июле—августе 1938 г. Официально в прессе было заявлено о крупной победе Советского Союза, но на самом деле по итогам операции на Хасане оказалось, что РККА потеряла значительно больше солдат, чем японская, и не смогла полностью выполнить поставленной задачи.

...ловлю себя на неприязни к Разумнику... — Иванов-Разумник, всегда принципиальный, непреклонный, политизированный, именно в этом смысле был полной противоположностью Пришвину, который не только никогда не разделял его взглядов, но и относил Разумника к «претендентам на трон» власти (*«9 Марта 1932.* Боюсь, что Разумник подвизается из-за гордости и до такой степени силен, что не сломится. И если бы ему удалось "пересидеть" и стать... Да, конечно, если бы и эти превосходные люди стали у <*зачеркнуто:* власти> <...> если бы стали у власти, то нас непременно бы насиловали, как и большевики. Никакой разницы!»); тем не менее дружеские отношения между ними сохранялись в течение всей жизни и прошли суровое испытание: Пришвин поддерживал Разумника материально и морально в годы «тюрем и ссылок». В течение всей жизни они были одновременно и единомышленниками, и антиподами. Ср.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Дневники. 1932—1935. С. 79; Дневники. 1936—1937. С. 892.

А помните В. И. Филипьева... — С Виктором Ивановичем Филипьевым, петербургским чиновником, Пришвин познакомился, по-видимому, в 1904—1905 гг. (похоже, что по ошибке отмечает 1902 г.), стал его секретарем и помощником в работе над «Полной энциклопедией русского сельского хозяйства». Ср.: «В молодости я спросил Виктора Ивановича: "А разве нельзя это использовать?" Виктор Иванович поднял голову от своих бумаг, подумал и, вздохнув, ответил: "Использовать, молодой человек, можно все"» (Путь к Слову. С. 90).

С. 161. *...Дух, который веет, где хочет.* — Ин 3: 8.

С. 162. *...познакомил Петю с книгой Экклезиаста...* — Екк 1: 2, 1: 14.

С. 163. *...см. у Сабанеева.* — По-видимому, имеется в виду труд известного зоолога, натуралиста и организатора охотничьего и рыболовного дела в России в конце XIX в. Л. П. Сабанеева «Рыбы России. Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб»

С. 165. *...капля воды <...> не знает <...> своей судьбы: пришла и ушла.* — Ср.: Осударева дорога // Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 450.

С. 168. *...«ну пошел же»...* — Аллюзия на стихотворение Н. А. Некрасова «Школьник» (1856): «Ну, пошел же, ради Бога! / Небо, ельник и песок / Невеселая дорога... / Эй! садись ко мне, дружок! / Ноги босы, грязно тело / И едва прикрыта грудь... / Не стыдися! что за дело? / Это многих славный путь. / Вижу я в котомке книжку. / Так учиться ты идешь... / Знаю: батька на сынишку / Издержал последний грош», которая появилась несколько дней спустя после начала учебного года. Ср. запись от 16 сентября: «...радуешься, когда 1-го сентября по всей стране густой сетью идут школьники, и надеешься, что из этой массы учащихся со временем выйдут не одни только бухгалтера и техники. Но Боже! Какой ценой это досталось, и как похожа <...> выжженная черная пустыня с чуть зеленеющими стрелками мха на нашу современную жизнь».

С. 170. *Вспоминаю сцену на войне.* — Во время Первой мировой войны Пришвин дважды был на фронте в качестве военного корреспондента. См.: Дневники. 1914—1917.

И Бранд вел людей к невозможному... (Ибсен). — Имеется в виду главный герой стихотворной драмы Генриха Ибсена «Бранд» (1865), суровый, непреклонный, презирающий человеческие слабости и саму человеческую жизнь, призывающий к страданию и самоотречению во имя идеала.

...Петр через несчастного Евгения. — Связь романа «Осударева дорога», над которым писатель работает, с текстами предшествующих культурных традиций в дневнике становится все более и более очевидной. И первое — это поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

С. 175. *...говорит таким свое «поди прочь»...* — Ср.: *«29 Ноября 1937.* Я как поэт чувствую себя подобно Шекспировскому поэту, которому Юлий Цезарь сказал: "Уйди, дурак, и не мешай!" И вся разница между тем поэтом и мной та, что я учел опыт того несчастного поэта и не сую свой нос в палатку Цезаря. Одним словом, я поэт сознательный и современный» (Дневники. 1936—1937. С. 806, 844).

С. 176. *...написать книгу для юношества «Этажи леса» и Мазай.* — Рассказ «Этажи леса» публиковался отдельно (1941), позднее был

включен в цикл «Рассказы охотника», а «Мазай» вошел в цикл «Неодетая весна» (1940).

С. 176. *...drei. K...* — три К (*нем.*); аллюзия на фразу, которая ошибочно приписывается «железному канцлеру» Пруссии и Германии Бисмарку, уничижительно определившем положение женщины: дети, кухня, церковь (три «К»: Kinder, Küche, Kirche). На самом деле круг занятий, достойных немецкой женщины, определил последний немецкий император Вильгем II Гогенцоллерн: дети, кухня, церковь, наряды (не три, а четыре «К»: Kinder, Küche, Kirche, Kleider).

С. 179. *...я взялся за эту работу «Дом»...* — Имеется в виду так и не написанная книга «Домик в Загорске». Надо сказать, что смысл жизненного пути для Пришвина всегда так или иначе был связан с идеей дома, и единый образ дома вырастал из воспоминаний детства. Ср.: *Пришвина В. Д.* Наш дом // Личное дело. С. 295—444.

Нельзя ли вместо фабулы или, вернее, фабулой же сделать приключения в поисках материала для рассказа о Зуйке. — Все творчество Пришвина в большей или меньшей степени свидетельствует о его участии в процессе поиска новой формы романа, о том, что кризис классического для XIX в. личностного романа напрямую касается творчества писателя, который думает над конструктивными особенностями романа как такового («*1 Июня 1938.* Надо ввести план и в план — план Зуйка, для осуществления которого он и отправляется в лес»; а также ранее: «*4 Февраля 1937.* Вспоминаю, что именно "Евгений Онегин", роман, написанный так, что автор <...> дал мне мысль написать "Кащееву цепь" в двух планах: герой действует, а переживший сам в себе этого героя автор судит» (Дневники. 1936—1937. С. 462).

Ср.: «Шкловский считает, что сам "тип" Дон-Кихота определяется конструкцией романа, а не наоборот. Сходным образом трактуются "Сентиментальное путешествие" Стерна и "Евгений Онегин" Пушкина. "Материал" "участвует" в конструкции, влияет на нее» (*Беляева Н.* Русский роман XX века: интертекстуальность как конструктивный принцип // http://www.hqlib.ru/st.php?n=61).

В начале 1938 г. Пришвин читает роман Олдоса Хаксли «Контрапункт» (1928), делает выписки, пишет о впечатлении. Хаксли Пришвину очень интересен. Уже в раннем романе Хаксли «Желтый Кром» (1922) есть все приметы того типа романа, который получил название «интеллектуального» и одним из отцов которого не без основания считается Хаксли. Однако более точным оказывается другое определение — «роман идей», которое использует сам писатель, хорошо знавший сильные и слабые стороны своего дарования. Филип Куорлз, писатель, один из центральных персонажей романа «Контрапункт», взгляды и ощущения которого, безусловно, близки Хаксли, так размышляет о жанре романа: «Роман идей. Характер каждого персонажа должен выясняться, насколько это возможно, из высказываемых им

идей. В той мере, в какой теории являются разумным обоснованием чувств, инстинктов и настроений человека, это достижимо. Главный недостаток идейного романа: в нем приходится писать о людях с идеями, то есть об одной сотой процента всего человечества. Поэтому настоящие, прирожденные романисты таких книг не пишут. Но ведь я никогда не считал себя прирожденным романистом. Большой недостаток романа идей — в его искусственности. Это неизбежно: люди, высказывающие точно сформулированные суждения, не совсем реальны...» (http://alltxt.org.ua/read.php?id=1007/&page=4). «Романом идей» в той или иной степени оказывается роман «Осударева дорога», над которым Пришвин в это время работает.

С. 181. *Струбцинка* — штатив для крепления фотоаппарата.

С. 182. *Узнал, что «князь» и Варя (Трубецкие) исчезли, а Гриша и Татя в концлагере.* — Владимир Сергеевич Трубецкой в 1923 г. переехал из Богородицка в Сергиев Посад, где оказалась в 20-е гг. семья его дальнего родственника графа Бобринского. В 1926 г. в Сергиеве поселился Пришвин, они познакомились и подружились. В дневнике писателя появляются записи о «князе» и его семье, а в фотоархиве — несколько замечательных снимков Владимира Сергеевича и его жены, Елизаветы Владимировны. В повести «Журавлиная родина» под именем музыканта Т. Пришвин вывел Трубецкого, который подрабатывал тапером в кинотеатре и игрой в ресторане вечерами. В эти же годы Трубецкой под псевдонимом В. Ветов печатает в журнале «Всемирный следопыт» свои очерки и рассказы. В 1934 г. Владимир Сергеевич и его старшая дочь Варвара были арестованы и на 5 лет высланы в Среднюю Азию (Андижан). Семья уехала из Сергиева (к тому времени переименованного в Загорск) к месту ссылки. В 1937 г. Владимир Сергеевич и Варя были вновь арестованы и расстреляны. Тогда же были арестованы и помещены в лагерь вторая дочь Трубецких Татя (Александра) и сын Гриша, о чем Пришвин, по-видимому, узнал от каких-то общих знакомых.

А как низко Англия пала! — По-видимому, речь идет о Мюнхенском соглашении с Германией.

Г[орский] пытался Горького представить как ученика Федорова... — Ср.: «...нравственный смысл и социальная направленность философии "общего дела" Н. Федорова. Фантазерство и утопичность <...> связаны именно с его реализмом, с его материализмом. Его дерзновенные проекты направлены именно на этот материальный, эмпирический мир и пытаются его преобразовать, им управлять» (*Бердяев Н.* Религия воскрешения («Философия общего дела» Н. Ф. Федорова) // http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1915_186.html). Ср. также: *Гачева А., Богарова И.* М. Горький и мир философских идей Н. Ф. Федоро-

ва (переписка с А. К. Горским и Н. А. Сетницким) // М. Горький и его корреспонденты. М.: ИМЛИ РАН, 2006.

С. 182. (*«Чаю воскресения мертвых»*). — Символ веры.

С. 183. *Творчество Дома есть творчество бессмертия.* — Ср.: Личное дело. С. 433—442.

...встают в моей памяти как шалуны... — Предводителя одной из петербургских хлыстовских сект П. М. Легкобытова с Д. С. Мережковским познакомил в 1909 г. Пришвин. Ср.: «*2 Декабря 1909.* [Петербург]. На улице я спрашиваю Легкобытова: — Кто Мережковский? — Он... я чувствую в нем дух, равный себе, его лицо, его все поведение, но он шалун. Фантазия... И гордость... Нужно умалиться до нас... Нужна простота и искренность... А он шалун... И потом, отсутствие сознания, что мы будем судимы, т. е. ведут себя как боги, — они боги. Между тем, если бы они бросились в народ, то поняли бы, что тут в нем все: и археология, и история, все, что от зачатия века было, есть в народе. — Что же такое народ? Есть ли из-за чего туда бросаться? — Народ — это земля. <...> Все, чем мы живем: сказочки и проч. искусство — все сказочки, пустяки; мы — шалуны. Особенно мне чуден кажется Ремизов, отвергающий народ и потихоньку роющийся в Дале в погоне за народными словами. Учитель (Легкобытов) бежит за конкой и исчезает во тьме. А в голове черные мысли, и на сердце камень: все в землю вернется, в народ. Все мелко, мало... Я чувствую в этом человеке спокойную силу, в которой, как в зеркале, все шалуны...» (Ранний дневник. С. 229—230).

С. 185. *Начало романа о богоискателе Горенине...* — Имеется в виду роман (или повесть) под названием «Начало века. Из эпохи кающейся интеллигенции», которую Пришвин задумал в 1909—1910 гг., но так и не написал. Ранний дневник (1905—1913) явно рассматривался писателем как материал для задуманного произведения, по крайней мере материалы двух папок под названием «Начало века» и «Богоискательство» свидетельствуют, что речь идет о религиозно-философских взглядах сектантов и символистов; в раннем дневнике обнаруживается план будущего произведения, множество черновых набросков, вариантов записей, портреты десятков известных и неизвестных участников напряженного духовного поиска — персонажи романа и даже их предполагаемые имена; однако замысел так и не был осуществлен. Актуальность сектантской психологии «богоискательства» в современной культурной ситуации была для писателя очевидной. Ср.: «История секты Легкобытова есть не что иное, как выражение скрытой мистической сущности марксизма <...> получается не земля просто, но земля обетованная <...> государство будущего вместо обыкновенного государства». После 1917 г. Пришвин постоянно возвращается к «на-

чалу века» и рассматривает революцию, социализм в русле развития религиозного (сектантского) сознания в России. Ср.: «Рев. движение (интеллигенции) в России несомненно отразило в себе характерные черты народного расколо-сектантского движения... В интеллигенции сложились такие же секты, из которых каждая имела претензию на универсальную истину. Победившая всех их секта большевиков до сих пор борется за универсальность (интернационал) и на наших глазах постепенно омирщается...» (Дневники. 1928—1929. С. 507). Ср.: Хлыст. С. 454—486.

С. 187. *Рябой и Хромой.* — Этот совершенно не типичный для Пришвина текст вписан в контекст времени, которое вызывает из человека злобное, низменное (смерть) и подавляет достойное, нравственное (радость жизни): на самом деле, «не в ноге дело, а в душе», в чувстве ненависти и злости, которая переносится на всех вокруг, в том, что исчезла «радость жизни, для которой <...> родился и которой <...> жил». Два безымянных человека, убийца и жертва, зеркально отражают друг друга, как будто это один человек — или все как один... жертва и убийца, и впереди дурная бесконечность, убийца и жертва: злость, месть, смерть. Нет, не случайно рассказ так и остался ненаписанным. Все же Пришвин — такой человек и такой писатель, который и на пустом месте найдет позитивную мотивацию, уверенный в том, что для «личности всегда есть выход...» преодолеет любой ценой, справится и не поплывет по течению своего страшного времени («Был человек, и его от нас "взяли", как тигры в джунглях, бывает, возьмут человека: взяли без объяснения причины, и мы не знаем, где он. Завтра, быть может, и меня возьмут, если не эти, так те, кто всех живущих рано или поздно возьмет»).

С. 189. *...детям нужно неправильное.* — Ср.: «Был старик... Он потихоньку от гувернанток и маменек давал нам заряжать ружья, делал невозможные нелепицы в деле воспитания... И вот теперь все воспитатели забыты, а старика люблю. Значит, все воспитатели неправильно воспитывали, а старик правильно. Вспоминается, как с ним дрозда стреляли из заржавленного ружья...» (Ранний дневник. С. 80—86).

С. 190. *...Берендей для того и существует...* — В 1925 г. Пришвин живет в Переславле-Залесском, где пишет книгу «Родники Берендея», которая позднее стала первой частью книги «Календарь природы». Ср.: «...путь <...> через Москву, по железной дороге до станции Берендеево. Какие удивительные есть имена, и как они на меня действуют: дворец (Ботик Петра Первого, в котором Пришвину предстоит жить. — *Я. Г.*) мне явился сказочным дворцом Берендеева царства, и пошло и пошло в душе берендить. "Ну, Берендей, — сказал я себе, — думать тебе больше нечего"» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 173).

С. 193. *...разглядывая вывеску комического театра...*— Имеется в виду старейший хабаровский театр «Краевой театр музыкальной комедии» (основан в 1926 г.), который вначале назывался «Комический театр».

С. 195. *Детские рассказы.* — Следует список рассказов и журналов:

Весна света — Огонек.
Копыто — Пионер.
Миша — Дружные ребята
Дятлы — Дружные ребята.
Хлеб — Молодая гвардия.
Гость — Мурзилка.
Мужество — Пионер.
Лимон — Мурзилка.
Синий лапоть — Дружные ребята.
Стахановец
Пиковая Дама (Какие права?)
Птица — Писатель.
Рассказ о следах зайца — в газете (переделать)
Зверь-кормилец — Дружные ребята.
Шоферские рассказы.
Лада.

С. 196. *...еще в Иване-Осляничке...* — Имеется в виду повесть Пришвина «Иван-Осляничек. (Из сказаний у Семибратского кургана)» (1912), в которой амбивалентность мира — ключ к жизненной трагедии: большое дело (мужское) — малое дело (женское), языческий мир с водяными и лешими — православный мир с преподобными старцами; родоначальник, благоверный древний князь Юрий — последний князь, у которого нет наследника; ожидание конца света — появление наследника, откладывающее этот конец; однако младенец-наследник — не подлинный продолжатель рода, он взят со стороны княгиней и крещен в честь Ивана-Осляничека, «снимающего обиды человеческие»; князь же, введенный в заблуждение, нарекает его именем древнего князя; ситуация не проявляется, но младенец, соединивший две ипостаси (род и личность, большое дело и малое дело), получивший два имени, вносит в мир надежду на «снятие обид человеческих». См.: Цвет и крест. С. 233—273.

С. 198. *...хотя и состоит на службе у старухи.* — Аллюзия на «Сказку о рыбаке и рыбке» (1833) А. С. Пушкина.

С. 201. *...для вскрытия через 5000 лет...* — По-видимому, речь идет о том, что 23 сентября 1938 г. во время Всемирной ярмарки в Нью-Йорке была заложена капсула времени, которую должны вскрыть через 5000 лет после закладки — в 6938-м. Кроме всего прочего, туда по-

местили женскую шляпку, мужскую курительную трубку и 1100 микрофильмов.

С. 204. *...в Загорске тысячи людей делают игрушку.* — Начало игрушечного резного промысла в Сергиевом Посаде (в 1930—1991 гг. Загорск) относится к первым десятилетиям XVI в. А к концу XIX в. этот город уже стал столицей игрушечного промысла России. В Сергиевом Посаде и слободах вокруг него к этому времени занимались игрушечным промыслом целых 5550 дворов.

Мишку сделать из Загорских игрушек... — В 1930 г. в дневнике появляются новые для Пришвина мотивы: он фотографирует в лесу игрушку — плюшевого Мишку, задумывая новую книгу, в которой, судя по дневниковым записям, через игру живого с искусственным происходит снятие серьезности мира, попытка переосмысления реальности; возникает оппозиция вечного и временного, личности и машины, игры и реального мира. Пришвин чувствует в этом культурный потенциал, но... тогда человек на его глазах превращался в игрушку — ничего, кроме нескольких дневниковых вариантов начала будущей книги, написать ему не удается («*6 Февраля 1930.* <...> Я, когда думаю теперь о кулаках, о титанической силе их жизненного гения, то большевик представляется мне не больше, как мой "Мишка" с пружинкой сознания в голове»: Дневники. 1930—1931. С. 34). Тем не менее проблема визуализации текста остается для писателя актуальной: у него появляются «фото-книги» — переплетение текста с фотографией. Записи в дневнике также часто сопровождаются серией снимков, что нельзя рассматривать как простую иллюстрацию к тексту; это параллельный творческий процесс, который, в любом случае, представляет собой интересный опыт создания словесно-визуального текста. В 1938 г. он возвращается к этой идее.

С. 209. *...встречали героинь...*— Речь идет о летчицах Осипенко, Гризодубовой, Расковой, которые в течение 1938 г. поставили ряд мировых рекордов высоты и дальности перелетов, 24—25 сентября 1938 г. совершили беспосадочный перелет Москва—Дальний Восток на самолете АНТ-37.

С. 218. *...ни в сон, ни в чох...* — зд.: ни во что не верит; ср.: «Не веровать ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай» (из былины о Василии Буслаеве).

С. 223. *...поближе к лесам.* — См. коммент. к с. 42 (*Поближе к лесам, подальше от редакций*).

С. 225. *...книга «Большое гнездо»...* — Речь идет о книге «Домик в Загорске».

С. 230. *...в книге Бюхера: «Работа и Ритм»...* — Книга немецкого экономиста Карла Бюхера «Работа и ритм» (1896), с которой Пришвин познакомился, будучи студентом Лейпцигского университета, произвела на него сильное впечатление: исследуя производительный процесс и технологию труда у диких народов, Бюхер пришел к тому выводу, что на первых ступенях своего развития работа, музыка и поэзия были органически связаны между собой, причем доминирующим и обусловливающим элементом являлась работа.

Далее запись: «1926—1938 годы.

Очеркизм = экспансия = редакция без леса = "очеркизм" = беготня. И мне надо на месте быть (дом).

38 — Кострома, 37 — Териброво, 36 — Кавказ, 35 — Пинега, Канал, Дальний Восток, Переславище, Александровка, 26 — Переезд.

Рапп и колхоз. Психология Сундукова: Купец как планета. И это же в Лапине, в интеллигенции: стоять на своем: нет сказки: я сам. Политические планы сменяются: был НЭП, стали колхозы, проходят одна за другой пятилетки. Но есть же внутри всего этого нечто настоящее, вокруг чего движутся все перемены. Может быть, это "Я"?

Как собак отравили.

А у фотографа Полякова грач всю улицу помирил.

Держаться в рассказе "лесов".

Колокола, Пятилетки, Колхозы, Рост городов, Ученье, Рапп, Жень-шень, Петин Алтай — 29—30—31, Варя, Павловна (Круг)».

С. 234. *...я бил дупелей.* — Первые строки стихотворения Н. А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы» (1870).

С. 235. *Ни в «Записках из подполья» у Достоевского, ни у Тургенева «Дневник лишнего человека»...* — Повесть Ф. М. Достоевского издана в 1864 г., а повесть И. С. Тургенева — в 1849 г. Считается, что первым «лишнего человека» (термин А. И. Герцена) в русской литературе показал А. С. Грибоедов в комедии «Горе от ума»; вслед за Чацким идут Онегин, Печорин, Бельтов, Базаров, Обломов. «Лишнего человека» русской литературы в перспективе можно было бы представить ушедшим в революцию или, напротив, в глубину обывательской частной жизни, или же жизнь героя кончалась ранней смертью. Развивая традиционную и важнейшую тему русской литературы, Пришвин, во-первых, признает «лишнего человека» лучшим, «конденсатором» радости жизни и любви к ней, а во-вторых, обнаруживает третий возможный путь спасения «лишнего человека» — путь превращения лишнего в личность («...в "Жень-шене" оправдание лишнего человека сделано <...> в творчестве я перестал быть лишним <...> писательство и есть выход и оправдание лишнего человека»).

...«клейкие листики» Ивана Карамазова. — Ср.: «Пусть я не верю в порядок вещей, но дороги мне клейкие, распускающиеся весной ли-

сточки, дорого голубое небо... Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь...» (*Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. Книга пятая «PRO I CONTRA»).

«Три встречи» Тургенева... — Повесть была написана в 1851 г.

С. 236. *...обработать начало «Большого гнезда» как самостоятельную «Сказку о покупке дома в Загорске».* — Ср.: «Сказка о покупке дома в Загорске (Из книги «Большое гнездо») // Октябрь. 1939. № 3. С. 69—82.

«Зимы ждала, ждала природа». — Аллюзия на роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823—1831).

С. 237. *Чкалов погиб...* — Валерий Павлович Чкалов погиб 15 декабря 1938 г. при испытании нового самолета ИЛ-180.

...люди проходят куда-то совсем «без права переписки»... — Формулировка, которая существовала для сообщения родственникам расстрелянных заключенных; практика сообщения родственникам расстрелянных формулы «10 лет без права переписки» юридически была закреплена 11 мая 1939 г. в указе НКВД СССР № 00515 «О выдаче справок о местонахождении арестованных и осужденных»; осенью 1945 г. приказ был скорректирован — заявителям стали сообщать о смерти их родственников в местах лишения свободы.

С. 238. *...послал к Анчару властным взглядом».* — Стихотворение А. С. Пушкина «Анчар» (1828), в котором власть — носитель ненависти к человеку и смерти, возникает в связи с обсуждением личности вождя, который узурпирует власть. Анчар — символ не только безграничной власти, несущей смерть, но столь же безграничной рабской покорности, от смерти, кстати сказать, по Пушкину, не спасающей, становится лейтмотивом дневника 1936 г.

...я сказал, помню, с удовольствием: «Неужели и до него дошло?» — Ср.: «В тот год стали падать его враги. Те, кто травил Булгакова, начиная с появления в печати самых первых его строк <...> и Елена Сергеевна с удовлетворением отмечала в дневнике это своеобразное "-торжество справедливости". <...> 1937. 21 апреля. Слухи о том, что с Киршоном и Афиногеновым что-то неладно. Говорят, что арестован Авербах. Неужели пришла судьба и для них? 23 апреля. Да, пришло возмездие. В газетах очень дурно о Киршоне и об Афиногенове» (*Варламов А.* Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 709).

...я все вспоминал, как в Лорелее... — Лорелей — скала в узкой части Рейна, о которую часто разбивались лодки; получила название от имени одной из Дев Рейна которые прекрасным пением заставляли

мореплавателя забыть обо всем и заманивали их на скалы. Ср. строфу из стихотворения Г. Гейне: «Пловца на лодочке малой / Дикой тоской полонит; / Забывая подводные скалы, / Он только наверх глядит» (пер. А. Блока).

С. 239. *Прочитал «Историю одной вражды» (Достоевского с Тургеневым)...* — Имеется в виду книга: *Никольский Ю. А.* Тургенев и Достоевский (История одной вражды). София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.

С. 243. *Достоевский ненавидел «цивилизацию» и противопоставлял ей русскую совесть народа...* — Запись связана с чтением книги Ю. А. Никольского, в которой помещено письмо Достоевского к поэту А. Н. Майкову о свидании с Тургеневым в Бадене, закончившемся ссорой, причиной которой была резко негативная оценка Достоевским романа Тургенева «Дым» и обвинение Тургенева в германофильстве и ненависти к России. Ср.: *Назиров Р. Г.* Вражда как сотрудничество // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сб. статей. Уфа: РИОБашГУ, 2005. С. 169—188; http://www.nevmenandr.net/scientia/nazirov-vrazhda.php.

С. 244. *...посоветовал купить телескоп.* — Далее список:

<u>Рассказы</u>:

Кайзер	1) Пушкину — Фацелия
Копыто	2) Чехову — Гриша
Тургеневу	
Своя машинка	3) Горькому — Песня или суд журавлей.
1) Портрет	
2) Портрет	4) Некрасову — Охотник
Червячок	5) Тургеневу — Цапля
Весна света	
Пчела	6) Л. Толстому — Алексей Денисов
Муравьиный большак	
Лисица	
Фацелия	
Пешеход	
Фацелия	
Лимон	
Миша	
Синий лапоть	
Лада	

С. 246. *«Хоть денек, да мой!»* — Далее ряд записей 1938 года с числами, но без месяца.

25 — 1938 год. Покупка «Лейки». Магазин Петровка, 15. Перечитал по пути в Москву «Мазай» и решил взяться за «Падун».

Думал о барышне «выходной», и она нашла оправдание в деловом письме, подобном английскому. И может быть, такая служба стандарту (моде) и плану есть тоже путь в природу (?)

Итак, служба плану высокого качества ценнее, чем борьба за невысокую индивидуальность (?)

Индивидуальность есть средство сохранять своего ребенка (Хочется).

«Хочется» — это крик ребенка, и он должен быть, этот крик, для того, чтобы сложилась личность. Но личность состоит не только из этого ребячьего хотения, а + План (стандарт, мода, быть «как все» и т. п.).

Итак, «Хочется» — есть путь будущей индивидуальности, а «Надо» — это требование «быть как все»...

26. Борьба за Индивидуальность и за План (Хочется и Надо) = 1-й этап — изобретение термометра физиком Реомюром. 2-й — когда физик Реомюр сам стал термометром (жизнь пошла с реомюром), а механик Форд стал еще при жизни своей автомобилем. И каждый человек в меру своего таланта прибавляет: человек — производитель.

Свое личное «Хочется» и есть ребенок, сохраненный взрослым, и жизнь человека есть борьба за свое «Хочется» (быть самим собой) с «Так Надо» (быть как все). И так вся жизнь есть движение по кругу: центростремительная сила — стремление быть как все, и центробежная — стремление быть самим собой.

И каждый бы должен, начиная жизнь свою, знать, что раз уже непременно придется рано или поздно жить как Надо, то надо успеть войти в это Надо со своим Хочется, и тогда на этот период борьбы свое Хочется превращается в Надо.

Приходила Пельсон от «Литературной газеты» и соблазняла начать культурный отдел в газете и так написать, чтобы вслед за мной все начали писать. Это предложение является выражением потребности «выйти из положения», в котором всякая индивидуальность враждебно противопоставлена другой и таким образом для личности в обществе создан плен. Мне предложено вывести личность из плена — вот так штука! И соблазн, чистый соблазн. Сколько ни думай об этом, все будет хуже и хуже, и если сделаешь, то плохо будет в обе стороны (при удаче и неудаче). Но я, не думая, бессознательно, когда час придет, могу это сделать. Но я не могу сказать, когда этот час придет, я не могу ничего и не должен ничего обещать.

Исламов — К.0.43.46. (Заведующий фотомагазином, Петровка, 15).

Происхождение моего пантеизма от женщины: женщина строит «дом», а если дома нет и есть женщина, то она способна устроить весь мир как дом.

27. Читал «Довольно» Тургенева и осталось то же, что от исповеди Разумника. Неприятное чувство происходит от того, что оба они к великим трагическим проблемам, выдвинутым временем, подходят с личной мерой.

И еще баловство: вот хорошо человеку, и он балуется, и это баловство свое личное ставит против Надо.

Ампир. Люди умирают и оставляют после в беспорядке разбросанное жилище, церкви, уса́дьбы.

...и быть благодарным за счастье жить и говорить: «Довольно!»

Люди жили, умирали и оставляли после себя в беспорядке разбросанные жилища, между которыми новые люди, размножаясь более и более, вынуждены были строить новые. Так и образовался этот живописный хаос старой Москвы. Особняк (тополя, фабрики).

...Как будто Ложь называлась правдой, потребовала для себя всеобщего признания, чтобы люди, умножаясь до последней крайности, взлелеяли в себе идеалы огненной Правды, которую они забыли давно. И даже самому дьяволу было разрешено присвоить себе атрибуты Бога, чтобы люди стосковались по Истинному и чаяли Его пришествия (роман «Искатель»). — Все так, — отвечает другой, — но я не понимаю Вашего «чтобы». В этих стихийных катастрофах вовсе нет этих «чтобы» (целей), а все просто выходит из сложившихся обстоятельств. Так выйдет и Правда, и Бог, и свобода, и право, если обстоятельство сложится для этого выгодно.

По существу, это предложение ничем не отличается от, — если бы мне предложили взять на себя миссию Горького в советское время. После его опыта едва ли у кого-нибудь явится для этого достаточного безрассудства. Я ответил, что обдумаю месяц и потом скажу. Но именно вот, что тут обдумывать-то и нельзя, как нельзя долго обдумывать девушке предложение выйти замуж: при размышлении она всегда придет к выводу, что замуж выходить невыгодно. Выходят всегда с достаточным количеством безрассудности. И Горький в своем советском выступлении только тем и ценен, что выступал безрассудно, с детской верой в лучшее.

28. С особенным чувством радости прочитал в «Правде» о том, что случилось возле Посьета. Голодный до смерти получил кусок черного хлеба впервые, не знает солнечную природу этого хлеба и святость человеческого труда. Так и русский, исстрадавшийся по своей родине, утративший самый смысл этого понятия, наконец-то получает «кусок» родины этой, как голодный — кусок хлеба. — Хотя я пожилой человек, но я хочу мира даже не для моего личного спокойствия: я хочу, чтобы успеть передать в грядущее замечательный, как мне кажется, опыт моей жизни. Но если завтра война — все мое душевное богатство исчезнет, и мое существование потеряет смысл: у меня нет больше

сил пережить эту войну. И вот узнаю, что наши взяли, все затраты оправданы, враг отступил, и мы опять можем жить и приводить в связь с жизнью всего мира наши личные, наши русские переживания. Победа пришла как кусок хлеба умирающему человеку. И таких много нас, погибающих, потому что не я один, а все рады, и везде говорят: Хорошо!

— Родина? Это пейзаж! — сказал Андрей Белый.

— Как и где можно записаться в партию эсеров?

— Ищут Бога и все силы своего лукавства тратят на то, как бы увильнуть от обязанностей, связанных с этим именем. Точно так же им и родина (Шалдин!).

29. Экклезиаст под конец жизни строже определяет свои обязанности к Богу, и в этом свете божественного идеала пережитая им жизнь кажется суетой. Но как только в той же самой книге этот царь возвращается к жизни самой по себе, он рекомендует есть, пить и веселиться как можно больше. Едва ли такое состояние души можно назвать «пессимизмом» в нашем смысле слова, между тем «суета сует!» Экклезиаста издавна всеми принимается как выражение крайнего отчаяния.

Платок старухе.
Собачьи дела (Бьянка)
Кино бобры.
Достать бумаги писчей.
Организовать поездку на бобры
Эйхнеру об энциклопедии
Кино: Толмачеву
Костюм — турист
Военное общество
Турист...
Катынский.
Капитуляция вчера вечером и сборы утром.
Вопрос о числе при награде писателей.
Кто клюет комара?
Цветет земляника давно
У дятлов дети (желна)

Ключ Ксюшин и перелом: когда «Надо» исключает «Хочется» — тогда бежит из этого интеллигент.

Состязаться с собственностью общественной, «священной». Вот еще теперь и урожай поддержит. В массах что-то происходит, что-то переменяется под огромным давлением.

Заключенные думали, что это люди давили на них, большевики, но не были люди, это была тяжесть истории, или какой-то кухни ог-

ромной, или лаборатории, где под тяжестью многих атмосфер у кулака, у бродяжника, у квалифицированного инженера расплавлялись их костлявые души, чтобы являлось сознание общего дела и священной общественной собственности. Труднее всего было тем, кто мечтательно принял и признал эту сварку как свободный договор и о массах людей судил по себе самому, воспитанному, образованному и доброжелательному. Он считал такой принудительный социализм чем-то вроде принудительной милостыни... На самом же деле, он тоже должен быть сварен, и на это обречен, и должен был перейти в массу безликим. Но у него оставалось пятнышко неоскорбленной души, небольшой родник творчества, великодушие.

Солнечные жаркие дни, прохладные вечерние зори лимонно-желтого цвета. Огород, как дремлющий лес, и в нем дикие утята свистят. Животные едят, чтобы множиться, и чем больше они множатся, тем больше им надо думать о добывании пищи. Человек тоже думает так много о средствах к жизни, потому что множится, думает, и вот химия, физика... Но философия, религия, поэзия бесполезны, потому что выходят за пределы зоологии и возникают из личности.

Радио связало пустыни и тем покончило с прелестью дали (услыхал в лесу проверку времени).

Звание «советский герой» относится больше к самолету, чем к летчику.

Никогда в истории человечества Левиафан не достигал такой мощи, как в СССР.

Христос — это личность, и раз это именно личность, то вопросы размножения...

...с индустриализацией и ростом городов.

Яловецкий ловил рыбу — развели карпов и запрет.

Старый князь: видел Николая I и комсомолка.

Испытание на людей: мой кабинет некоторых восхищает, а некоторые вовсе не замечают.

«Чужого мне не надо, но за свою трудовую копейку — горло перегрызу».

Не так живи, как мир велит. А живи, как хочется. Мир и дальше будет жить. А ты уж не воротишься.

Еврей крещеный и Аксюша.

— А что? Он же крещеный, мы же ведь сами евреями были.

— Что ты, как?

— А до того, как Христа-то распяли? Мы же его распинали, значит, и евреи.

Две богородицы: Дева и Мать.

После обеда поехали с Петей в Загорск (Снег пошел).

С. 250. *...литературная нечисть и моральная мразь.* — Имя М. Кольцова было для Пришвина напрямую связано с властью и потому абсолютно чуждо ему с какой бы то ни было точки зрения. Ср.: «*9 Марта 1938.* "Кровавый пес Ягода" (статья Кольцова). Смотрю вместе с медведями, тюленями, моржами на человеческую льдину: колется, гибнет, еще колется... Цена власти: не удалось Ягоде, а если бы удалось? Вот почему каждого властелина надо спросить: а где твой "сам-человек"?»

Жировка — нагонка собак на охоте.

С. 251. *ВКП(б)* — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

С. 252. *...поднимать Игоря Святославича и Александра Невского на благо народа...* — В преддверии войны так или иначе актуализируется задача сплочения народа, в частности вокруг тем и образов русской истории: известно, что опера А. П. Бородина «Князь Игорь» была одной из любимых опер Сталина, а также, что 9 мая 1937 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению Сталина рассматривался вопрос о заказе С. Эйзенштейну (в соавторстве с П. Павленко) фильма об Александре Невском; это всё, кроме прагматичных задач, которые решала власть, само по себе способствовало появлению русской национальной идентичности внутри, казалось бы, замкнутой, жесткой идеологической конструкции,

С. 253. *Происхождение РАППа: было это и в «Круге», напр., Воронский о «Русской мысли»...* — Имеется в виду Российская ассоциация пролетарских писателей (1925—1932), внедряющая в жизнь и сознание художников новые каноны искусства (политизированность, классовая чистота литературы и пр.); теоретическим органом РАППа был журнал «На посту»; издательство «Круг» (1922—1929), созданное руководителем литературной группировки писателей-попутчиков «Перевал» А. К. Воронским, а также « Русская мысль» (в Москве в 1880—1918 гг., затем в Праге и Париже до 1927 г.), один из лучших ежемесячных литературно-политических журналов России.

Кисловский (*«СССР на стройке»*). — Речь идет о журнале «СССР на стройке» (редакция в Ср. Кисловском переулке) — пропагандистский журнал, который по инициативе М. Горького издавался в Москве с 1930 до 1941 и в 1949 гг. на четырех языках (русском, английском,

немецком и французском). Журнал большого формата (А3) печатался на бумаге высокого качества с использованием новейших технологий тех лет; ситуация запрета конструктивизма привела фотохудожников к фотомонтажу как к альтернативному способу самовыражения, давшего к тому же возможность не только активно участвовать в формировании нового художественного направления, но и через журнал распространять результаты своих экспериментов по всему миру. Применение монтажа являлось отличным способом подведения фактов под идеологическую основу: клей и ножницы в сочетании со стилистикой авангарда позволяли преобразить любую картину, превратив тем самым реальность в утопию. Достижение этих целей, конечно же, требовало высочайшего качества исполнения, а потому к созданию «СССР на стройке» были привлечены лучшие из лучших фотографов и художников того времени. В настоящее время журнал считается одним из самых инновационных графических проектов XX в.

В одном из номеров журнала (1935. Окт. № 10) посвященном пушно-меховому хозяйству СССР, помещено восемь рассказов Пришвина, среди которых «Архары», «Первый глухарь», «Зайцы», «Орел» и др., а также целый ряд фотографий работы Пришвина с авторскими подписями. См.: http://trendsetter.ru./art/ussr_in_construction.

С. 254. ...*«Советский Писатель»*... — В процессе подготовки к Первому Всесоюзному съезду писателей в 1933 г. на базе издательства «Федерация» (в которое в 1929 г. вошло издательство «Круг») было организовано издательство оргкомитета Союза советских писателей «Советская литература». В следующем, 1934 г. к нему добавили два кооперативных издательства («Московское товарищество писателей», ленинградское «Издательство писателей») и образовали издательство «Советский писатель». Издательство выпускало главным образом новинки советских авторов и принадлежало к верхнему уровню книгоиздательской системы СССР.

...*документы на Ефима Придворова.* — Демьян Бедный — псевдоним Ефима Алексеевича Придворова.

...*жизнь в Арденских лесах (Шекспир: «Как вам угодно»), как в Даурии <...> мое писательство и есть строительство Даурии...* — Арден, Арденский лес — место действия в средневековых рыцарских легендах; по-видимому, имеется в виду комедия В. Шекспира «Как вам это понравится» (1599—1600), в которой основные сцены проходят в чудесном пасторальном лесу; Даурия (Даурская земля) — название части территории Забайкалья и до XVII в. западной части Приамурья, данное русскими по имени народности (дауры), некогда населявшей эти места; в 1931 г. Пришвин совершает поездку на Дальний Восток, привозит оттуда путевой дневник и отснятые пленки; дальневосточные очерки вошли в книгу «Золотой рог». В предисловии к журнальной публикации очерков Пришвин отмечает: «В первой части ее будет

повесть "Жень-шень", то есть сотворенная мною легенда, а вторая — "Золотой рог", та фотографическая действительность, на основе которой я создал свою легенду»; «На первом месте <...> читатель имеет повесть "Корень жизни", или созданную "Даурию", а на <...> втором "Гибель Даурии", а все остальные рассказы и очерки являются этюдами, по которым написана повесть "Корень жизни"»; «Зачем это было сделано автором? Очевидно, он большое значение придает той волевой стороне художника, которая позволяет ему самому грубому факту сознательно создавать художественную атмосферу, которая как бы поднимает этот обыкновенный факт на воздух, и он, крылатый, управляемый, летит». Ср.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 723—734; Золотой рог. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934; Дневники. 1930—1931. С. 383—561.

...понял слезы Горького в Дмитрове... — Возможно, имеется в виду приезд Горького в Дмитров в августе 1933 г. на слет ударников Беломорстроя. Ср.: «Начальник Дмитлага, старший майор государственной безопасности товарищ С. Г. Фирин (настоящая фамилия Пупко), высказался в центральной прессе: "Самая примечательная черта стройки: канал создается руками бывших воров, бандитов, вредителей, бывших врагов социалистического общества, которые через ударный творческий труд на трассе превращаются в сознательных бойцов за наш канал — прекрасное детище второй пятилетки. <...> Нередки случаи, когда лагерники, окончившие срок, остаются на канале, потому что им тяжело расставаться с любимой стройкой. Мы счастливы участвовать в деле, инициатором и вдохновителем которого является наш Великий Сталин"» (http://www.dmitrov.su/articles/all/6/697/).

...В детской литературе после разгрома ЦК комсомола... — Вероятно, имеется в виду история с ленинградским Детгизом. Корней Иванович Чуковский записывает в дневнике уже 21 февраля 1936 г. следующее: «Вчера нагрянул на меня Цыпин. Очень сладко и любовно предложил мне выбросить из программы несколько моих книжек. "Нельзя. Нельзя. По настоянию ЦК". <...> Цыпин рассказал, что решено ликвидировать ленинградскую редакцию, и очень скоро: сюда назначается некий Светлов, редактор газеты в Иваново-Вознесенске, который прибудет сюда через несколько дней, он должен с течением времени отстранить Маршака от редакционной работы» (*Чуковский К.* Дневник (1930—1969). М.: Современный писатель, 1994. С. 136—137). Маршака сняли в 1937 г.

С. 255. *Чмут* — баламут, нечистая сила; *запанел* — зазнался, загордился.

С. 257. *...и мы разошлись навсегда.* — Речь идет о Варе Измалковой, встреча и расставание с которой произошли в Париже в 1902 г.

С. 258. *...ходили на княжеские места.* — Видимо, имеются в виду места, где они охотились вместе с В. С. Трубецким, которого Пришвин часто называет в дневнике «князем».

С. 259. *...с законом об опаздывании...* — В 1939 г., после войны с Финляндией, СССР начал работу по укреплению обороноспособности страны. Были приняты чрезвычайные меры к увеличению промышленного производства и в первую очередь наращиванию выпуска вооружения. Резко возросли бюджетные ассигнования на оборону. Ужесточились меры к нарушителям трудовой дисциплины. Вместо 6-дневной рабочей недели с одним выходным днем и 7-часового рабочего дня были введены 7-дневная рабочая неделя и 8-часовой рабочий день. Запрещался самовольный уход рабочих и служащих с предприятий. Вводилась уголовная ответственность за опоздание на работу и прогулы.

С. 266. *Тургенев-то ведь ненавидел Чернышевского и Добролюбова, для него они были наш РАПП.* — Суть разрыва И. С. Тургенева с «Современником» заключалась в противостоянии представителей русского либерального движения 1840-х гг. (А. И. Герцен, Тургенев др.) и революционеров-демократов 1860-х гг. Ср.: «27 июля 1860 г. Тургенев встретился в Лондоне с Герценом. Разговор между старыми приятелями шел в основном о том направлении, которое определилось в последние годы в журнале "Современник", о нетерпимом отношении Чернышевского и Добролюбова к людям сороковых годов, к русскому либеральному движению. Тургенев посвятил в подробности своего разрыва с "Современником", Герцен делился впечатлениями от встречи с Чернышевским летом прошлого года: — Я разделяю ваше возмущение, — говорил Герцен. — Это люди, которые тоном своим могут довести ангела до драки и святого до проклятия. <...> — Да, Вы правы, — перебил Тургенев, — именно сухость и догматизм более всего в них отпугивает меня. К чему это литературное робеспьерство, это пренебрежение к художественности, к красоте, это недоверие к искусству» (http://www.erlib.com/Юрий_Лебедев/Тургенев).

С. 269. *«слово плоть бысть»...* — Ин 1: 14.

С. 270. *...называется тот человеком <u>хорошим</u>, кто не посвящает себя какой-нибудь «идее», напр., общего дела...* — Скрытая полемика с идеей «общего дела» Н. Ф. Федорова, о котором в Дневнике Пришвина в разные годы есть целый ряд противоположных по смыслу записей («У Федорова в учении "Общего дела" ничего нет больше, чем в Евангелии»). Ср.: «Основным моральным и религиозным мотивом Федорова была невозможность примириться с вечной гибелью и адскими муками хотя бы единого существа на земле. Непримиримую вражду к смерти временной и смерти вечной Федоров сделал делом

своей жизни. Воскресить для вечной жизни всякое существо, скошенное смертью во времени, — вот великая идея, которой Федоров был целиком захвачен. Всеобщее спасение и воскресение зависит не только от Бога, но и от человека, от его собственной активности. Братское соединение людей для общего дела, активная регуляция природы человеком предотвратит страшный суд и гибель, приведет ко всеобщему воскресению и вечной жизни» (*Бердяев Н.* Религия воскрешения. («Философия общего дела» Н. Ф. Федорова) // http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1915_186.html).

С. 271. *...получивший «ордер» степенью ниже... — ордер* — зд.: от лат. ordo — ряд, порядок.

С. 272. *...радение возле головы Маркса на Сенной площади в Ельце).* — Ср.: «*3 Января 1921.* Саженную головищу Маркса из гипса — настоящее "Идолище поганое" — воздвигали на высокие подмостки. Сережка Львов, каторжанин, страшилище, обезьяна, выстраивал красноармейцев, а Иван Горшков, бывший лакей княжеский, потрясая кулаками, говорил речь: "Сметем, раздавим!" Музыка после каждого "сметем" играла "Марсельезу". У Маркса часто болела голова, чудилось ли ему в то время что-нибудь в этом роде?»; «Представляю себе коммуну как большой парадный чисто отполированный квадратный стол; в будни он пуст, в праздники на нем ставят гипсовый бюст Маркса, заседают, говорят речи, играют "Марсельезу". Спев и поговорив, все расходятся. Зато под столом пьют самогон и поют "Ваньку Ключника". В состав подстольного общества входит прежняя служебная мелкота и, главным образом, прежняя полиция, жандармерия, поповичи, недоучившиеся гимназисты, все то общество, которое, бывало, от скуки выходит глазеть на станцию проходящий поезд, все "вторые скрипки", описанные Чеховым» (Дневники. 1920—1922. С. 126).

С. 273. *«Клара Милич» — не упадочная вещь...*— Последняя повесть И. С. Тургенева о любви «Клара Милич» (1882).

С. 277. *...«Необыкновенные рассказы про обыкновенных животных»...* — Имеется в виду книга (1939) О. В. Перовской, писательницы, чья автобиографическая книга рассказов «Ребята и зверята» (1925) была очень популярна.

С. 278. *...здесь занимались хмелем, как описано и у Некрасова...* — Ср.: «Летом ее убирая красиво, / Исстари хмель в ней родится на диво» (*Некрасов Н. А.* Дедушка Мазай и зайцы (1870)).

С. 280. *Показался Н. Н. Володин...* — Семья Володиных — елецкие знакомые Пришвиных.

С. 280. *...из Назарета и не могло выйти ничего особенного.* — Назарет, место рождения Иисуса Христа, стоял в стороне от больших исторических дорог и в евангельскую эпоху считался захолустным селением; видимо, потому и возникла поговорка: «Может ли быть что доброе из Назарета?»

...о встрече с моей настоящей родиной... — Пришвин не был на родине в Ельце и Хрущеве с 1918 г. После революции он с семьей уезжает из Петербурга в Хрущево, где на небольшом участке земли, полученном в наследство от матери, выстроен дом — неподалеку от большого дома его детства. К этому дому на протяжении всей жизни он постоянно возвращался в мыслях и снах. Дом был связан с матерью, самым близким для Пришвина человеком, с кузинами, оказавшими очень большое влияние на формирование его личности, с образом рано умершего отца, с хрущевским крестьянином Гуськом, дружившим с мальчиком, а деревья хрущевского сада вспоминались ему, как «святые». Это был целый мир детства, хранивший истоки его личности. В этом же 1918 г. крестьяне вынудили Пришвина навсегда покинуть Хрущево. Ср.: «*6 Октября 1918.* Вчера в мое отсутствие (ездил хлопотать, чтобы не выгнали) — пришла "выдворительная". Старый дом, на который смотрим мы теперь только издали, похож на разрытую могилу моей матери: черви кишат в нем народа... <...> Мы смотрим с Колей (брат Пришвина. — *Я. Г.*) из-за кустов на дом наш, не смея и думать, чтобы к нему подойти»; «*8 Октября.* — Иди в город, скорей лесом, возьми узелок, иди... ребятишек не тронут, а сам уходи... — Меня провожал Василий и голос зайца, а я сам, как заяц, нет-нет и присяду и оглянусь на Хрущево: быть может, последний раз вижу. Так шесть раз оно показывалось и скрывалось. <...> Мы дорогу обходим, потому что стыдно и страшно встретиться с людьми <...> и я клянусь себе, сжимая горстку родной земли, что найду себе свободную родину»; «*28 Октября.* Прошло всего 18 дней с того дня, когда я с узелком в руке оставил Хрущево, а кажется, год прошел. И у всех так время проходит, наполненное бессмысленной галиматьей продовольственных забот, в общем скоро, а как оглянешься — в месяц год пережит»; «*24 Октября 1919.* Так вот и закончился праздник двухлетия большевистской революции: год тому назад меня изгнали из Хрущева, два года назад из литературы — всё гнали, гнали, есть чем помянуть!» (Дневники. 1918—1919. С. 252—256, 425).

...она мне на ходу передала письмо к матери незапечатанное... — Речь идет о «парижской» встрече с Варей Измалковой в 1902 г.

С. 283. *Лисичкин хлеб.* — Один из самых известных детских рассказов Пришвина (1939), который в данном случае дал название книги. Далее состав:

I
1. Лисичкин хлеб.
2. Стахановец.
3. Пчела.
4. Муравьиный большак.
5. Воробьи.
6. Как я научил собак горох есть.

Желтая круча.
1. Желтая круча.
2. Медведь.
3. Басни Крылова.
4. Дон Кихот.
5. Мужество.
6. Гость.

Синий Лапоть.

Русак
Копыто
Беляк
Лисица
Мишка
Лада
Пиковая Дама

С. 284. *Визит Аллы Макаровой.* — Знакомство Пришвина с Аллой Макаровой состоялось в связи с ее работой над переводом книги Серой Совы «Саджо и ее бобры», что по времени совпало с работой Пришвина над биографией канадского писателя. Ср.: *Макарова А.* Большое сердце // Личное дело. С. 260—267.

С. 285. *...одной из самых волшебных юношеских книг Майн Рида «Всадник без головы».* — В 1885 г., будучи гимназистом Елецкой гимназии, Миша Пришвин, начитавшись Майн Рида (его любимым романом был «Всадник без головы»), с тремя друзьями-гимназистами совершил побег «в страну непуганых птиц». В летописи своей жизни (1918) он отмечает: «Побег в “Америку”», хотя иногда в дневнике называет его «побегом в Азию». Ср.: «Конечно, тут книга виновата, что-то вычитанное... Прочитав книгу, мальчики бегут в неведомую страну, взрослые мальчики из народа начинают странствовать, искать невидимый град» (О двух крайностях // Собр. соч. 1982—1986. С. 781; см. также: Кащеева цепь // Собр. соч. 2006. Т. 1. С. 95—111). Ср.: «*16 Мая 1932.* Вот поколение моих времен было воспитано на следопытах, героях американских романов — “индейцах”. Мы из-за них бежали в Америку» (Дневники. 1932—1935. С. 132).

С. 286. *...я стал ругать Михалкова за «Три товарища».* — Стихотворение написано в 1937 г. Ср. ниже: «...стихотворчество, закрепляясь

в метре, при большом мастерстве перебивает естественный органический ритм народной речи; что борьба с этим должна быть не личной, с Маршаком или Багрицким, а вообще с формализмом. И ясна становилась задача современного русского писателя: писателю классическому "внутреннему" русскому нужно овладеть внешней формой и не потерять силы своего внутреннего творчества, и не впасть в пошлость. В такой борьбе за национальную литературу исчезает борьба с "одесситом", потому что "одессит" со своим формализмом является достойным тружеником в творчестве. Так что нам, коренным русским, надо не сетовать на засорение русского языка "одесситами", а учиться у них формальному подходу к вещам, с тем чтобы в эти мехи влить свое вино»; «А "впасть в пошлость" — это значит сохранять старую форму, причем принципиально, в борьбе — а не творчески»; «моя борьба: материализм в жизни, формализм в литературе. В то же время понятно, почему не хотят и меня совсем заклевать: им хочется от внутреннего метода взять его духовность, идеализм, героизм»; «Форма питается одновременно и силой необходимости, и силой свободы. Гений может создавать форму одной свободой, исходящей из внутреннего порыва. Все другие "работают над формой", исходя из чувства необходимости».

С. 286. *...человек из подполья.* — Аллюзия на повесть Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).

С. 287. *Таган* — высокая складная железная тренога для готовки.

С. 289. *...скажем, спиритуализма...* — Спиритуализм (фр. spiritualisme, от лат. spiritualis — духовный; spiritus — душа, дух) — объективно-идеалистическое философское воззрение, рассматривающее дух в качестве первоосновы действительности, как особую бестелесную субстанцию, существующую вне материи и независимо от нее. В философии характеризует самые разнообразные учения древности и нового времени, утверждающие в противоположность материализму субстанциальность духовного начала.

С. 292. *...снег выпал только в Марте.* — Перифраз пушкинской строки «Снег выпал только в январе» (*Пушкин А. С.* Евгений Онегин (гл. V)).

Купил Rolleiflex... — Торговая марка компании «Rollei», под которой в 1929 г. начался выпуск двухобъективной зеркальной камеры 6 × 6 «Rolleiflex»; минимальное расстояние наводки на резкость снизилось до одного метра, что открывало новые возможности для съемки.

С. 293. *...«египетская» (по Розанову) жизнь (священная)...* — см. выше коммент. к с. 100 (*От этих молочниц взял Розанов свой Египет...*).

С. 294. *Рассказ «Раки».* — Сюжет будущего рассказа «О чем шепчутся раки» (1941).

С. 296. *...XVIII съезд посвящен выработке правил управления страной.* — На XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. была сформулирована задача: завершить строительство социализма и переходить к созиданию коммунистического общества.

С. 301. *Волков <...> начинается охота к накоплению.* — Речь идет об автобиографических записках талдомского купца Д. И. Волкова под названием «Книга для записывания семейных дел и исторических, общих событий, дневников и проч. Дмитрия Ивановича Волкова», которые попали в руки Пришвина в 1922 г., когда он жил в деревнях Талдомского района, изучал башмачный промысел и работал над книгой очерков «Башмаки» (1925) об известных талдомских кустарях-башмачниках. Личность Волкова и его записки произвели на писателя сильное впечатление, и спустя много лет Волков стал одних из героев романа Пришвина «Осударева дорога» (гл. «Сказка о вечном рубле»).

Почему нет злодеев (Передонов). — Имеется в виду Ардальон Борисович Передонов — герой романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1902, опубл. 1905).

С. 304. *...сесть самим на трон правды: я — бог!* — Ср.: «*28 Января 1909.* Мелькнула такая мысль: как близко хлыстовство к тому, что проповедуют теперь декаденты: все царства Легкобытова, Мережковского, Иванова, Рябова... И процесс одинаковый: Я — Бог» (Ранний дневник. С. 203).

...(*в белом венчике из роз*). — «В белом венчике из роз / Впереди — Исус Христос» — заключительные слова из поэмы Александра Блока «Двенадцать» (1918).

...(*«Константинополь будет наш»*)... — Ср.: «Константинополь рано ли, поздно ли должен быть наш» (*Достоевский Ф. М.* Дневник писателя, 1876, июнь, гл. II, ч. IV // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 48). Ср.: «*31 Октября 1917.* Мы отбросили, с нашей точки зрения, несущественное в большевиках-солдатах, что они будто бы изменники, что они утомились и хотят мира, что они разбаловались в Петербурге и всякое другое, мы взяли только существенное, что эти солдаты — простые, малограмотные крестьяне, выросшие под влиянием церкви, воспитанные на идее необходимости подавить личное начало ради чего-то высшего. В конце концов, это те униженные и оскорбленные, которым Достоевский давал утешеньице: "Терпите, Константинополь будет наш, и се буде, буде!" Конечно, тут не в слове дело: мало кто знает из них, что такое Константинополь и на что он нам нужен, важно то — это слово создает моральное состояние,

сознание какой-то общей правды, за которую в ближайшие наши годы умерли сотни тысяч людей. Так что будем называть этот город Константинополь хотя бы "Китеж, невидимый град". Не важно то, что, как, кто говорит про себя, верую или не верую, ходит молиться в церковь или не ходит, важно, как живет, и не важно, что скверно живет; ну, его осудят, а все-таки в этой же плоскости миром осудят, скажут: "Искариот — изменник града, этого самого невидимого града Китежа". Вот что значит: мы — православные. А с другой стороны: мы — товарищи. Опять не я, а мы, потому что все эти люди, бабушка русской революции Вера Фигнер, шли аскетическим путем, отказываясь от себя лично во имя государства будущего» (Дневники. 1914—1917. С. 529—530).

С. 308. *Все молчалины.* — Имя персонажа комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1825—1828) Молчалина стало нарицательным уже в самом тексте («Молчалины блаженствуют на свете»).

С. 311. *...чувство, когда отделишься и останешься один* (*Фуругельм на этом*). — Имеется в виду остров Фуругельм, на котором Пришвин был во время поездки на Дальний Восток. Ср. «*24 Августа 1931*. ...когда вспоминаешь Фуругельм, то кажется, был в какой-то другой, тропической стране» (Дневники. 1930—1931. С. 423).

С. 313. *...мой рассказ о доме на колесах...* — Имеется в виду «дом на колесах», оборудованный в кузове машины, на которой Пришвин и поехал под Кострому. Ср.: Неодетая весна // Собр. соч. 1956—1957. Т. 3. С. 301—369.

Сверх-человек и Род Розанова... — Сверхчеловек (нем. Übermensch) — ключевое понятие философии Ф. Ницше из книги «Так говорил Заратустра» (1883—1885), восходящее к обозначению Фауста в одноименной трагедии Гете (ч. I, сцена 1). Идеал сверхчеловека, основанный на «самолюбии» (Selbstsucht), «воле к мощи» (der Wille zur Macht) и заменяющий «умершего Бога», выразил гуманистическое самоутверждение человека в его пределе, ведущее к преодолению человека: «Человек есть нечто такое, что должно превзойти» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1997. Т. 2. С. 8). Ветхозаветный культ рода («книга "отчеств"»), ставший для Розанова источником онтологического мифотворчества пола, семьи, он противопоставлял безбытийности, антиродовой направленности Христа. См. коммент. к дневниковой записи от 25 октября 1930 г. (Дневники. 1930—1931. С. 668—669). Коммент. А. Медведева.

С. 316. *...легче верблюду пройти через игольное ушко ...* — Мф 19: 24.

...(*герой: Пятница*). — Герой романа Даниэля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, описанные им самим» (1719).

С. 321. *Бленда* — светозащитная установка на объективы для борьбы с бликами и засветкой при съемке в сложных условиях освещения.

С. 322. *...пистолет по системе Коровина.* — Первый советский полуавтоматический «гражданский» пистолет, разработанный Сергеем Коровиным на Тульском оружейном заводе в 1922 г. и усовершенствованный к 1926 г.; с 1926 по 1935 г. было выпущено несколько тысяч «Коровиных».

С. 325. *Узнал, что умер Петров-Водкин...* — С художником К. С. Петровым-Водкиным Пришвин познакомился в январе 1914 г. в Петербурге и в течение 1914—1917 гг. довольно коротко общался. Ср.: «*15 Февраля 1914.* Есть предчувствие близкого конца войны, но уверены, что мы победим. Как будто все постарели. Но я не думаю, что духом упали. Один большой художник (речь идет о Петрове-Водкине. — *Я. Г.*) уверял меня, что никогда ему так хорошо не работалось: живет верой в будущую лучшую жизнь, и это дает новые силы в работе»; «*26 Февраля 1917.* Позвонился к Петрову-Водкину: ничего не знает, рисует акварельные красоты, очень удивился»; *1 Марта.* Я стал за угол дома <...> повсюду была стрельба совершенно так же, как на передовых позициях. Телефон еще действовал, я позвонил к художнику, что дойти до него не мог»; *3 Марта.* ...в два часа ночи будит телефон. Петров-Водкин: всем завтра прийти на организацию министерства Изящных Искусств»; «*3 Апреля.* Петров-Водкин ходит в восторге от народа, от солдат, и, когда его в тревоге спросишь, что же дальше будет, он говорит: "Буржуазная республика!" и поправляется: "Капиталистическая". Все, что он принимает от Горького, это ему радостно, и городок науки, и храмы искусства, и что народ учиться будет, жить хорошо — все это прекрасно, все это буржуазная республика»; «*8 Ноября.* На сегодня, слава Богу, я освобожден от дежурства у ворот с винтовкой, из которой не умею стрелять, и могу вечером записать о дне прошедшем. Ничего яркого: всеобщая забастовка против большевиков. Даже сосед мой, художник, перестал писать картину. Он писал и во время войны, и во время революции, днем при свете масляными красками, вечером при электричестве акварелью, при открытой форточке, через которую слышались выстрелы. Он был моим утешителем. Теперь сказал: — Не могу» (Дневники. 1914—1917. С. 144, 370, 372, 377, 396, 536. См. также: Вернисаж // Собр. соч. 1982—1986. Т. 2. С. 627—629).

С. 327. *...кажется, не люди, а водопад.* — В романе «Осударева дорога», над которым Пришвин в это время работает, вода — основной мифологический символ, живая стихия, организующая и отражающая жизнь, таящая в себе образ мира. Так, водопад Падун таит образ Всего-человека, «шагающего все вперед и вперед». Ср.: «Гул такой, что и земля даже чуть-чуть как будто колышется. Тысячи струек бьются

друг с другом, столбами взвиваются вверх, и падают, и сливаются. Вся река упала, разбитая на брызги в борьбе, и опять все сливается, и весь водопад единым гулом гудит. Так и весь разбитый падающий человек соберется и будет идти все вперед и вперед» (Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 277).

С. 327. *Весь-человек переливается во всем своем разнообразии.* — Весь-человек (иногда — всечеловек) Пришвина, по-видимому, восходит к слову «всечеловек», которое Ф. М. Достоевский употребил в знаменитой речи о Пушкине (6 июня 1880 г.). Ср.: «*24 июня 1937.* ...вот выступает Германия за кровь, за народность, вот выступает СССР за принцип всечеловека». Однако если Достоевский имеет в виду задачу русского человека принять в себя «всеевропейское и всемирное», соединиться с ним и стать «всечеловеком», то у Пришвина это скорее человек как таковой во всей полноте «всечеловеческого соборного Я», предельным идеальным образом которого оказывается Христос («На свою жизнь я смотрю как на жизнь Всего-человека в личном моем отражении»: http://www.emory.edu/INTELNET/dar10.html).

С. 328. *...может быть, она так умна...* — Имеется в виду Клавдия Борисовна Сурикова, сотрудница Литературного музея, которую Бонч-Бруевич прислал к Пришвину для работы по разборке архива и подготовке его к передаче в Литературный музей.

С. 330. *...непонятно говорить о понятных вещах.* — Эта запись, а также ряд подобных являются черновыми вариантами будущего романа «Осударева дорога»:

С каждым из нас бывает, что наедине с собой, разбираясь мыслью в чем-нибудь, мы с кем-то беседуем и так выясняем себе смысл пережитого. У меня эти беседы бывают, будто я, мальчик, дожил до себя, каким я есть теперь, и маленький «Я» спрашивает, а большой, как будто обрадованный вопросом, отвечает. Вот он, мальчик мой, спрашивает:

— Что это Весь-человек, можно ли его видеть, или он тоже невидимый, как старый Бог?

— Можно, — отвечаю я, — слышишь? кукушка в лесу: да, это просто кукушка, или вон заяц перебежал дорогу. Это было всегда: кукушка, заяц, волк, лиса. Но так нельзя на человека смотреть: на человека смотрят как на временного, показался человек, пожил и такой никогда не вернется. Он один такой, единственный, а не как заяц. Какое иногда страшное лицо покажется, но не тужи: оно исчезнет и не повторится. И смотришь ты на людей как на брызги, и так надо смотреть: пробуждает участие даже к самодовольным. Но бывает, увидишь лицо такое прекрасное, что забудешь о временном, тебе кажется, будто это уже не пройдет. Тогда знай, что это Весь-человек собрался на мгновенье и тебе показался: он такой.

— Показался... а можно ли его собрать?

— Вот, милый, в том-то и дело и вся суть: надо нам учиться уметь собирать человека. Какая наша большая богатая земля: ее цари собирали, покоряли народы войной. Нам же надо собирать человека, как землю собирали цари.

Строят, мелькая, как брызги падуна: мелькнуло лицо, и нет его. И видишь его, и все ведут себя всерьез, будто это все не на минуту. Это Клавдия в кожаной куртке сидит у телефона: розовые, синие и желтые пятнышки на лице сменяются, и все лица на глазах переменяются и проходят. Успей же войти, сказать что-то доброе, связать себя, а то ведь не останется ничего. Хочется остановить и что-то сделать из этого вечное.

— Что это, отец, было ли с тобой, все бы отдал, чтобы только войти к ней, и ей было бы хорошо, и себе, но почему-то страшно: она дело делает.

— Ничего, войди.

И он спрашивает:

— Это Весь-человек...

С. 334. *Бетал* (*Саид*). — В 1936 г. Пришвин по совету Н. И. Бухарина отправляется в Кабардино-Балкарию, где знакомится с Беталом Калмыковым. В 1939 г. Пришвин обращается к дневнику поездки (14 Марта — 19 Июня 1936 г.) и выписывает из дневника десятки записей (иногда отмечая номер страницы) для повести о Бетале, личность которого произвела на него сильное, хотя и сложное впечатление; к этому моменту Бетал Калмыков был уже арестован (в 1938 г.), о чем Пришвин не мог не знать («Один из главных планов работы: показать... внутренний разрыв счастливой и зажиточной жизни и разрешить выход»). Подготовительные материалы к повести большей частью представляют собой выписки из дневника поездки (Дневники. 1936—1937. С. 42—282), поэтому мы их опустили, оставив некоторые, наиболее существенные, для примера; частично текст в рукописном подлиннике отсутствует — он вписан в машинописную копию, по-видимому, М. М. Пришвиным, что требует дополнительного рассмотрения.

«Лошадь оборвалась. Оставался сидеть, заметил кустик, схватился и уцелел. А лошадь разбилась.

Лицо Саида ребенка, широкие детские щеки, детская улыбка, в ребенке спайка возможной жесткости и готовности на дружбу. Охота, война и революция сошлись в нем в единстве, и к этому создание (строительство) Кабарды.

Кровные группировки, объединенные универсальной идеей братства народов.

Бетал до всего доходит сам.

Р. — Жестокий человек, он все с тобой может сделать.

Я. — Ну, что ты, разве что за вину посадит?

Р. — И расстреляет. Трепещем! Сколько и кого только не расспросишь, в каком он духе, перед тем как войти к нему в кабинет, а чего не передумаешь в ожидании. А на охоте самый лучший твой товарищ и друг. Как это можно соединить? И до чего же он тонко понимает струну человека и как больно может играть на ней. Он чувствует мгновенно при одном взгляде струну каждого человека, и тут же успевает использовать, а ты и не знаешь. — Думаешь, он вас не учел? Да взвесил же при первом взгляде. — Ну, что ты, у меня нет струны. — У каждого есть своя струна. — Нет, у меня флейта, как рассказано у Гамлета. — А кто это Гамлет? — Принц Датский.

Изображение охоты, как дружбы Бетала. Анализ: в игре — человек есть друг, в деле — Кабарда и нет человека.

Что-то разделяет меня с Беталом, как будто я должен что-то скрывать от него, и через это неловкость, я догадался: что это я читал Шекспира и знаю Гамлета.

Россия для Бетала, как Петру Европа.

Один тип обывателя, думая о Бетале, говорит: «Герой и герой, нам-то что: мы не герои». Другой тип обожает Бетала и всегда думает о себе: «Я не Бетал!» А этот поймет и поднимает тост: «За бедняка».

«Я» — это все, что мог бы сказать Евгений Медному Всаднику.

...философия спорта: умный от спорта глупеет, как поглупел доктор Фауст, когда влюбился в Маргариту и связался с Мефистофелем, но простак от спорта умнеет, как поумнел кузнец Вакула, когда сел на черта и поехал добывать башмачки для возлюбленной).

Л. Толстой в отношении к жене однажды вспомнил о кнуте. (Кто не вспоминал!) И вот жена-враг ловит эти моменты и в этом воплощает его <u>всего</u>: что вот он такой и есть настоящий, а все остальное лишь для людей, т. е. обман. Все писание, вся работа для людей есть обман, а вот он настоящий. Павловна тоже не раз мне на это указывала, на эту ложь.

Вначале, когда много сил, так радостно давать, служить, но мало-помалу ты раздаешь, ты беднеешь, и тут они, разбалованные тобой, бьют тебя, погоняют, как старую клячу. Тогда появляется чувство к высшему (у Толстого христианство, у Бострема призвание). И вот на это высшее все домашние набрасываются.

В теории достижения личного счастья через трудный путь создания счастья другим есть одна неприятность, что дуракам счастье достигается даром, и, значит, когда вы после мучительной трудной жизни наконец-то достигли первого рода счастливых людей, то увидите, что вокруг вас, счастливого, сидят счастливые дураки, пришедшие сюда без всяких усилий.

Счастье — это, может быть, свет какой-нибудь отдаленнейшей звезды или излучения ближайшего к ним неоткрытого вещества — все равно, отдаленнейшей от нас звезды или ближайшего к нам вещества, лучи которого проникают в нас в следующий момент после величайшего напряжения при достижении цели, в тот второй момент, когда стало чуть-чуть легче и явилась уверенность, что цель скоро непременно будет достигнута.

Философия. Борьба, ненависть к интеллигенции у революционеров (напр., у Маши Бог.) понять и признать как законное явление. С другой стороны, тоже надо точно так же понять интеллигенцию...

Это спор войны и мира. Слова действуют, пока не сорвалась война. А когда война спущена, слова (интеллигенция) — пусты.

Мир как личное творчество, война как сила народа. Против силы народа как против режима. Всякое (и народное) творчество возможно лишь через личность.

Строитель государственный — организатор силы народной.

Творец мира, личность есть организатор народного счастья и смысла жизни, он заботится о настоящем, а из него выходит будущее, тогда как «строитель» заботится только о будущем.

Из людей, подобных Беталу, понятия не имеют о личности человека: ее они понимают или как ненавистную интеллигенцию, или [как] беззаконие. Их представления о личности не выходят за пределы стахановца.

У Свободы, конечно, есть тоже нечто вроде кишок и, чтобы стать свободным, непременно эти кишки надо тоже набить и заставить работать.

Философия. Потребители жизни природы берут из нее только ритм для своего счастья и устраиваются прочно жить, как будто смерти им никогда и не будет. А для того и устроено ритмическое возвращение, чтобы сделанное кем-нибудь ценное в продвижении вернулось к людям как достижение, как счастье. По этому кругу устроить и расхождение героя с Беталом и схождение: Б. как творец имени счастья, а Я продвигаюсь: Я как личность, обращенная к открытию нового (Богу), Бетал как тоже личность (творческая), обращенная к людям. Получив свое счастье личное, Я вдруг понимаю Бетала как творца счастья.

Хозяин (род) и художник (личность), и к этому сводится вся борьба моих героев.

Усилие свойство личности. Искусство свойство личности. Реальность искусства есть то же, что реальность идеи бессмертия.

Счастье в удовольствии быть самим собой, делать свое дело, а «Хозяин» берет людей сегодняшнего дня, почему не накопляется внутренний человек, интеллигенция.

Ближе к природе, ближе к себе.

Сталинское – государственное, а троцкизм не государственен, и потому я пришел...

Какая же это теперь таится в нашем народе сила желания жить самому...

В плане была одна мелочь, которая распадалась на множество мелочей: и чем больше в них принимаешь участие, тем их делалось больше, и весь план исчезал в мелочах. Надо было усилие, чтобы забыть о них, но оно не приходило...»

С. 337. *...Марья Моревна воскресла, но не для меня.* – Имеется в виду персонаж автобиографического романа М. М. Пришвина «Кащеева цепь» (1927).

С. 338. *Письмо от Разумника, что на свободе и «реабилитирован».* — Об освобождении в июне 1939 г. после двухгодичного тюремного заключения с документом о прекращении дела ввиду отсутствия состава преступления см.: *Иванов-Разумник* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 93—97.

Слух о смерти Мандельштама. — О. Э. Мандельштам умер в лагере под Владивостоком 27 декабря 1938 г. Пришвин встречался с Мандельштамом дважды: в 1923 г. (об этом см.: Дневники. 1923—1925. С. 22—23, а также очерк «Сопка Маира»: Цвет и крест. С. 535—539) и в 1937 г. Об этой встрече в дневнике Пришвина осталась короткая пронзительная запись: «*16 Октября.* Встретился Мандельштам с женой (конечно) и сказал, что не обижается <*приписка:* и не на кого обижаться: сами обидчики обижены>» (Дневники. 1936—1937. С. 771).

С. 341. *...«я буду век ему верна»...* – Аллюзия на роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

С. 345. *...да будет воля Твоя!* – Слова из третьего прошения Молитвы Господней.

С. 346. *«Князь» в юности...* – Обычно так в дневнике Пришвин называл Владимира Сергеевича Трубецкого.

[Келлер] отказался от присяги Временному правительству... — Известно, что присягнуть Временному правительству отказался генерал граф Ф. А. Келлер. О попытке склонить его к присяге новой власти, осуществленной генералом бароном Маннергеймом, см.: *Фомин С. В.* Знаешь царя – так псаря не жалуй! // http://www.rv.ru/content.php3?id=6170.

...Брут, присягнув Цезарю... – Аллюзия на трагедию В. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599).

С. 349. *...стала видна и колокольня без креста Параклита...* — Имеется в виду Пустынь Святого Духа (по-греч. Параклит), небольшой монастырь, основанный в 1862 г. наместником Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Антонием.

С. 357. *...бывало, в тюрьме, удастся махорочки достать...* — По-видимому, здесь Пришвин вспоминает двухнедельное тюремное заключение в 1918 г. в Петрограде, когда была арестована редакция газеты «Воля народа» (1917, с января 1918 г. — «Воля страны», газета правого крыла партии эсеров), в которой Пришвин был редактором литературного отдела. 5 января 1918 г. в газете «Воля страны» появилось редакционное сообщение: «2-го января было произведено новое, выходящее из ряда вон насилие над "Волей Народа". В помещении редакции газеты появился отряд красногвардейцев под предводительством комиссара "комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем" Другова. Предъявив ордер на производство обыска и арест "подозрительных лиц", эти господа арестовали всех находящихся в помещении граждан! Были арестованы не только ответственные редакторы газеты, в том числе члены Учредительного Собрания А. А. Аргунов и П. А. Сорокин, но и служащие конторы и типографии: экспедитор, управляющий хроникой С. В. Фрид, редактор литературного отдела известный писатель М. М. Пришвин и лица, зашедшие в помещение редакции и конторы по тем или иным мотивам... Всех служащих и посторонних, не оказавшихся "подозрительными", отводят в особое помещение. "Подозрительных" обыскивают, принимают бумаги и затем по 4—5 человек увозят на автомобиле на Гороховую, 2.

В числе "подозрительных" оказался писатель М. М. Пришвин.

— Ваша фамилия? — Писатель Пришвин. — Как? — Пришвин, если бы вы были грамотным человеком, вы бы знали мое имя. — Вы, товарищ, пишете в "Воле Народа"? — Я вам, сударь, не товарищ. Люди, производящие такие безобразия, чинящие насилие, не могут быть моими товарищами. — Взволнованный М. М. Пришвин долго и горячо спорит с комиссаром и солдатами. Ни за что не хочет расстаться с портфелем рукописей, среди которых имеются рассказы Ремизова и др., требует опечатания портфеля. Наконец, успокоившись, говорит: — Если бы в России был хоть ценз 4-классного городского училища, этих безобразий бы не было. Вы сами не понимаете, что делаете. Когда вы будете грамотными, вы это поймете. — М. М. Пришвина уводят» (Дневники. 1918—1919. С. 491—492).

С. 359. *...Я, вопиющий в пустыне...* — Ин 1: 23.

С. 367. *...загнал ее под Мазая.* — Так называет Пришвин свою машину-дом на колесах.

С. 368. *Эндосмос* — проникание извне внутрь через пористую перепонку одной жидкости в другую, иной плотности; *экзосмос* — про-

цесс просачивания жидкости и некоторых растворенных веществ из клетки в окружающую среду.

С. 370. *Евгений и неизреченное слово <...> у Властелина мальчики кровавые в глазах. Евгений — это «народ безмолвствовал»...* — Разрабатывая проблематику романа «Осударева дорога», Пришвин вновь и вновь обращается к А. С. Пушкину: здесь контаминация идей поэмы «Медный всадник» (1833) и трагедии «Борис Годунов» (1825) в связи с главной темой романа: «свобода и необходимость», «личность и тиран», «народ и власть», «хочется и надо».

...речь Евгения была не напечатана... — Ср.: «Пушкин не раскрывает подробнее угрозы Евгения. Мы так и не знаем, что именно хочет сказать безумец своим "Ужо тебе!"» (В этом же 1939 г. Пришвин записывает: «"Я" — это все, что мог бы сказать Евгений Медному всаднику».) «Значит ли это, что "малые", "ничтожные" сумеют "ужо" отомстить за свое порабощение, унижение "героем"? Или что безгласная, безвольная Россия подымет "ужо" руку на своих властителей, тяжко заставляющих испытывать свою роковую волю? Ответа нет». (Как известно, «Медный Всадник» был напечатан впервые не в том виде, как он был написан Пушкиным. Это подало повод к легенде, будто Пушкин вложил в уста Евгения перед «горделивым истуканом» какой-то особо резкий монолог, который не может появиться в русской печати. Кн. П. П. Вяземский в своей брошюре «Пушкин по документам Остафьевского архива» сообщил как факт, будто в чтении повести самим Пушкиным потрясающее впечатление производил монолог обезумевшего чиновника перед памятником Петра, заключавший в себе около тридцати стихов, в которых «слишком энергически звучала ненависть к европейской цивилизации». «Я помню, — продолжал кн. П. П. Вяземский, — впечатление, произведенное им на одного из слушателей, А. О. Россетти, и мне как будто помнится, он уверял меня, что снимет копию для будущего времени». Сообщение кн. П. П. Вяземского должно признать совершенно вздорным. В рукописях Пушкина нигде не сохранилось ничего, кроме тех слов, которые читаются теперь в тексте повести. Самое резкое выражение, какое вложил Пушкин в уста своего героя, это — «Ужо тебе!» или «Уже тебе!», согласно с правописанием подлинника. Кроме того, «ненависть к европейской цивилизации» вовсе не вяжется со всем ходом рассказа и с основной идеей повести (примеч. В. Я. Брюсова).) «И самой неопределенностью своих выражений Пушкин как бы говорит, что точный смысл упрека неважен. Важно то, что малый и ничтожный, тот, кто недавно сознавался смиренно, что "мог бы бог ему прибавить ума", чьи мечты не шли дальше скромного пожелания: "местечко выпрошу", внезапно почувствовал себя равным Медному Всаднику, нашел в себе силы и смелость грозить "державцу полумира"» (http://www.as-pushkin.ru/index.php?cnt=6&sub=4&page=10).

С. 391. *Роль* — По-видимому, имеется в виду фотоаппарат «Ролейсфлекс».

С. 393. ...*«когда мне были новы все впечатленья бытия»*... — Из стихотворения А. С. Пушкина «Демон» (1824).

С. 395. ...*народ массами шел в какую-то счастливую страну Беловодье*... — Возникновение легенды о легендарной и таинственной идеальной стране Беловодье, в которой сохранилось древнее благочестие, относят к XVIII в., когда бегуны, одна из староверческих сект, поселяется в горных районах Бухтарминского Алтая (долины рек Бухтарма и Катунь); образ Беловодья частично переплетается с образом невидимого града Китежа.

Кержаки — этнографическая группа русских старообрядцев, имя которой происходит от названия реки Керженец в Нижегородской области.

С. 401. *Предисловие к Саджо.* — По-видимому, речь идет о переиздании книги Серой Совы «Саджо и ее бобры», которая вышла в 1936 г. в переводе А. Макаровой.

Есть ли у нас люди, которые не радуются тому, что война миновала? — Имеется в виду договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 года, известный как «Пакт Молотова—Риббентропа».

С. 405. *«Мир без аннексий».* — Имеется в виду резолюция (Циммервальд, сентябрь 1915 г.), объединяющая пролетариат Европы под лозунгами: мир без аннексий и контрибуций и самоопределение народов.

С. 408. *Провал мобилизации в Польше*... — По-видимому, речь идет о том, что мобилизацию в Польше собирались объявить 29 августа, однако Франция и Англия настояли на том, чтобы она была отложена до 31 августа.

Панамский канал под охраной. — По-видимому, речь идет об организации американским командованием оборонной зоны Панамского канала.

С. 409. *Роман с С.* — По-видимому, имеется в виду С. П. Коноплянцева, роман с которой Пришвин переживал в 1918—1920 гг.

...*призываются мальчики после средней школы*... — Имеется в виду Закон о всеобщей воинской обязанности от 01.09.1939 г., устанавливающий возраст призыва 18 лет для окончивших среднюю школу.

С. 415. *...с тех пор, как Гитлер сказал о Молотове в Рейхстаге...* — По-видимому, имеется в виду речь Гитлера в Рейхстаге 1 сентября 1939 г. и его замечание о том, что он может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов.

С. 415. *...подвиг телеграфиста, утонувшего на «Лузитании»...* — Имеется в виду трагическая гибель британского трансатлантического пассажирского лайнера «Лузитания», совершавшего рейс из Америки в Англию и торпедированного немецкой подводной лодкой 7 мая 1915 г., что привело к гибели 1198 человек. Известно, что радист Роберт Лейт отстучал в эфир сигнал бедствия: «Приходите немедленно. Большой крен. Десять миль южнее Олд-Хед-оф-Кинсейл» и повторял это снова и снова, сопровождая текст позывными «Лузитании». Сигнал был принят многими радиостанциями мира.

С. 416. *Вася, наверно.* — Васей прозвал Пришвин Аксюшу.

С. 421. *Линия Зигфрида...* — линия обороны на суше, система долговременных укреплений, возведенных в 1936—1940 гг. на западе Германии, в приграничной полосе.

С. 426. *Вступление русских войск в Львов.* — Речь идет о присоединении 17 сентября 1939 г. к СССР Западной Украины, которая была частью Польши.

С. 430. *...пытался писать в газету с поля сражения...* — Пришвин вспоминает поездку на фронт в 1915 г. в качестве военного корреспондента. Ср.: рассказ «Голубая стрекоза» (1941): Собр. соч. 2006. Т. 3. С. 570—572.

С. 432. *...говоришь «суета сует»...* — Ср.: «Суета сует, сказал Екклезиаст, суета сует, — всё суета!» (Екк 1: 2), а также: «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё — суета и томление духа!» (Екк 1: 14).

...вспоминаешь Недотыкомку Сологуба и его Передонова. — Недотыкомка — центральный символ в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1892—1902), Передонов — герой романа.

С. 435. *«Да умирится же»...* — Слова из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник» (1833).

...после Эстонии (значит, и Латвии)... — По-видимому, речь идет о размещении советских военных баз в Эстонии в 1939 г. по условиям советско-германского договора.

С. 442. *...Соловьевская республика...* — Имеется в виду Соловьевская волость в Елецком уезде Орловской губернии, где в революционные годы была провозглашена Соловьевская волостная республика. Ср.: «Волостные республики. Распадаются области, одна за другой объявляют себя республикой самостоятельной, губернии, каждая живет за себя, не сознавая, что опора их — уезды, каждый стремится жить независимо, и в уездах волости, даже села превратились в волостные сельские республики. Нечему тут удивляться и нечего пугаться: раз царский трон повален и царем каждый стал, кто захотел, раз признан основной новый жизненный закон самоопределения, то непременно так и быть должно, чтобы всякое сельцо заявило себя особой республикой. Рано или поздно придет время, когда эти самоопределившиеся республики, как муравьи, потащат все свое на постройку целого государства: пугаться тут нечего. Теперь же пока что происходит так, будто муравьиную кучу все муравьи потащили в разные стороны» (Дневники. 1914—1917. С. 587).

Лапинер — возможно, речь идет о елецком докторе Лапинере, упоминания о котором есть у Бунина.

С. 443. (*Пушкин «Гости съезжались на дачу»*). — Речь идет о задуманной в 1828 г. повести А. С. Пушкина о нравах большого света.

С. 444. *...отдал на займ свои запасные гужи...* — Пара гужей, расположенных симметрично по бокам хомута, служит для его соединения при помощи дуги с оглоблями и передачи тягового усилия лошади.

С. 447. *...если бы не доплыл Папанин...* — В мае 1937 г. при помощи самолета в районе Северного полюса (в момент высадки примерно в 30 км) была организована первая научно-исследовательская дрейфующая станция «Северный полюс-1» (СССР) под руководством Ивана Папанина.

С. 448. *...каждый этим живет даже в тюрьме...* — В 1897 г. Пришвин был арестован за участие в марксистском кружке и провел год в одиночной камере Митавской тюрьмы.

С. 449. *...Отруби голову курице — она воскреснет...* — Ср. рассказ «Василий Алексеевич», впервые опубликованный в 1962 г.

С. 462. *В 7 утра речь Молотова.* — По-видимому, имеется в виду Доклад о внешней политике Правительства, который Молотов сделал на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.

С. 465. *...«когда начальство ушло»...* — Имеется в виду книга В. В. Розанова «Когда начальство ушло» (1910).

С. 466. *Поратый* (*охот.*) — сильный и быстрый в беге.

С. 467. *Чапыга* (*чепыга*), *чапыжник* — частый кустарник, щетиной.

Прибылой — вновь появившийся, молодой.

С. 468. *...книга Колобок, написанная мной 30 лет тому назад...* — Имеется в виду вторая книга Пришвина «За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии» (1908).

С. 470. *Не от моего ли помешательства на Вагнере* (*43 раза Тангейзера!*) — Пришвин часто вспоминает о том, что не пропускал ни единого приезда известного дирижера Артура Никиша, известного как выдающийся интерпретатор музыки романтизма, а именно сочинений Шумана, Брамса, Брукнера, Чайковского, Вагнера.

С. 475. *...это старая русская интеллигенция такая, а что же новая-то, разве не подросла? Наверно, нет, а отсюда: «на "нет" спроса нет».* — Ср.: «Проблема заключалась в том, что, по официальным марксистским меркам, евреи были далеко впереди советского культурного строительства <...> ни один народ СССР не отличался столь мощным представительством в советской элите и не проявлял столь мало интереса как к нападкам государства на его религию, так и к поддержке государством его "национальной культуры". Никакой другой народ не был таким советским, и никакой другой народ не проявлял такой готовности к отказу от своего языка, обрядов и традиционных мест проживания. Никакой другой народ, иначе говоря, не был столь меркурианским (сплошь голова и никакого тела) или столь революционным (сплошь молодость и никакой традиции)»; «Разница между аполлонийцами и меркурианцами — первостепенное разделение между теми, кто производит пищу, и теми, кто создает понятия и приспособления»; «*меркурианцы* — народы, которые в истории любого общества играют посредническую роль (евреи, армяне, восточноевропейские немцы, китайцы, индийцы) торговцев, менял, переводчиков, пр.); эти качества (создание понятий и приспособлений) так или иначе были востребованы новым советским государством»; «Цель создания этнических кадров, культур, территорий и учреждений состояла в том, чтобы устранить националистические препятствия на пути к социалистическому образованию, урбанизму и интернационализму. <...> Новоиспеченная, самоуверенная, жизнерадостная и страстно патриотичная советская интеллигенция 1930-х годов содержала чрезвычайно высокий процент евреев и чрезвычайно незначительное количество их хулителей. <...> История еврейского возвышения, еврейского отцеубийства и еврейского обращения в нееврейство не является специфически советской. Специфически советским <...> является отсутствие конкуренции со стороны старой элиты <...>» (*Слезкин Ю.* Эра Мерку-

рия. Евреи в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 266—355). Пришвин, который не раз отмечает в дневнике, что в России «нет средних людей», так и понимает ситуацию (*«21 Сентября 1939.* Из разговора <...> — Вы не шутите с евреями, — сказал я, — во все время строительства нашего еврей играл у нас роль необходимого немецкого среднего человека»), многократно усиленную отсутствием старой русской интеллигенции, в 1920-е гг. уничтоженной; но он одновременно понимает, куда приведет такая логика развития общества (*«18 Ноября 1939.* Растет необычайно антисемитизм. <...> Сейчас они управляют всей страной, но не будет же так навсегда. Как они этого не хотят видеть? <...> В этом и есть их трагедия: отрыв от земли... Это курьез: все детские журналы в руках евреев, все дикторы в Радио — евреи, и русскому туда не пробиться. Не хочется, но придется их выгонять, а то рано или поздно их выгонит стихия: бить будут. Чудовищно!»

С. 484. *Наши громят Финляндию...* — Имеется в вижу начало советско-финской войны 1939—1940 гг. (Зимняя война) — вооруженный конфликт между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 по 13 марта 1940 г.

С. 488. *...о споре «все куплю» и «все возьму».* — Аллюзия на четверостишие А. С. Пушкина «Золото и булат» (1827, перевод анонимной французской эпиграммы).

С. 490. *Из Мамина* (*«Хлеб»*). — Речь идет о романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» (1895).

С. 492. *Был у Бонча, в литературном склепе.* — Имеется в виду Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, один из организаторов и первый (с 1933 г.) директор Государственного Литературного музея.

С. 494. *...и пошло «по воздуху».* — Речь идет о Клавдии Борисовне Суриковой.

С. 496. *...освещенные им предметы.* — В дневниковую тетрадь вложен листок с несколькими записями без даты:

«Моя природа всегда с народом, моя природа есть дом народа моего.

Из биографии моей, когда я стал на писательство: это найденное есть безобманное, непродажное — это есть я сам: тут мое самоуважение, мое достоинство, моя честь — это я сам и мой дом: неприкосновенное и никто не может вмешаться — будут брать днем — ночь моя, будут в деревне — я в городе, — в Москве — я в Ленинграде — я везде, ищите. — Никому нет дела до этого мира, и я его никому не навязываю: это моя сказка.

Этой речью говорят профессора, учителя, ораторы митинговые: эта речь в отношении народной речи то же, что Робот в отношении живого человека.

Тех людей, перед которыми было стыдно быть не таким, как надо это по условиям неписаных законов общества, больше нет. Вернее, они, может быть, и есть еще, но уже стыда перед ними нет, и, вероятно, они сами теперь точно такие, как я.

В Метро я видел пожилого человека с дамой, у него была шляпа и седая бородка лихо по старой французской моде (есть ли теперь это у французов-то!). Пальто отлично сшито, — настоящий старый барин! только в руке был низко спущенный мешок и, кажется, с картошкой. Его дама была в старомодной, но очень [элегантной] шляпе и таком же пальто, глаза потускнели, но когда-то ведь были ясные... Дама держала рукой девочку лет десяти. Я подумал: ему было 40, когда родилась девочка, ей 35, и когда их вытурили из имения — ему было 28 (50 - 22), ей 23, — они были тогда совсем молодые люди. И сколько они пережили! и вот идут, несмотря ни на что, точно как их воспитывали, реликты, настоящие реликты, пережившие, в сущности говоря, столетия...

Все движения их совершенны по форме, они из аристократов вышли. Вокруг такая серая толпа! но почему же мне смотреть на них неприятно, и я не желал бы сейчас с ними знакомиться, разговаривать? Почему? Мне кажется, потому, что я вперед знаю точно, о чем и как они будут говорить.

В природе ничего не может быть пошлого, — почему это?

Когда нечто новое рождается — это чудесно! и не плохо оно в процессе усвоения массами. Вот когда и массы усвоили и пережили, а оно все еще треплется, как побелевший от времени красный флаг на том месте колокольни, где раньше был крест, — вот тогда это пошло.

Загорск. А может быть, и там (т. е. в общественности) тоже есть своя «тоска» — как «отдых души», и вот это нынешнее упадочное настроение после патриотизма является перед новым подъемом?

Но после рассказа Каманина все-таки какая же грязь на душе, как хочется навсегда уйти из своей родной страны, где столько живет негодяев! Вспомнился разговор с Чувиляевым: — Ну, так что же, у них пусть так, а у нас... — Вот то-то и нет: ихнее безобразие и у нас производит безобразие, мы за них отвечаем.

Загорск. Сел иней на деревья и на земле поддержал слабую порошу.

Происхождение собственности: женщина стремится мужчину сделать...»

Указатель имен

В Указатель имен не включены случайно встреченные М. М. Пришвиным люди.

СОДЕРЖАНИЕ

Выражаем глубокую благодарность коллективу
Российского государственного архива литературы и искусства
и особенно сотрудникам читального зала
за помощь в подготовке к изданию многотомного
Собрания дневников М. М. Пришвина

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин
ДНЕВНИКИ
1938–1939

Верстка: *С. В. Степанов*
Корректор: *Ю. А. Курбатова*
Художественное оформление: *Г. Расторгуев*

Подписано в печать 11.11.10. Формат 84 × 108 1/32.
Бум. офсетная. Гарнитура Octava. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 63,00. Тираж 3000 экз.
Зак. № 3191

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12